Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

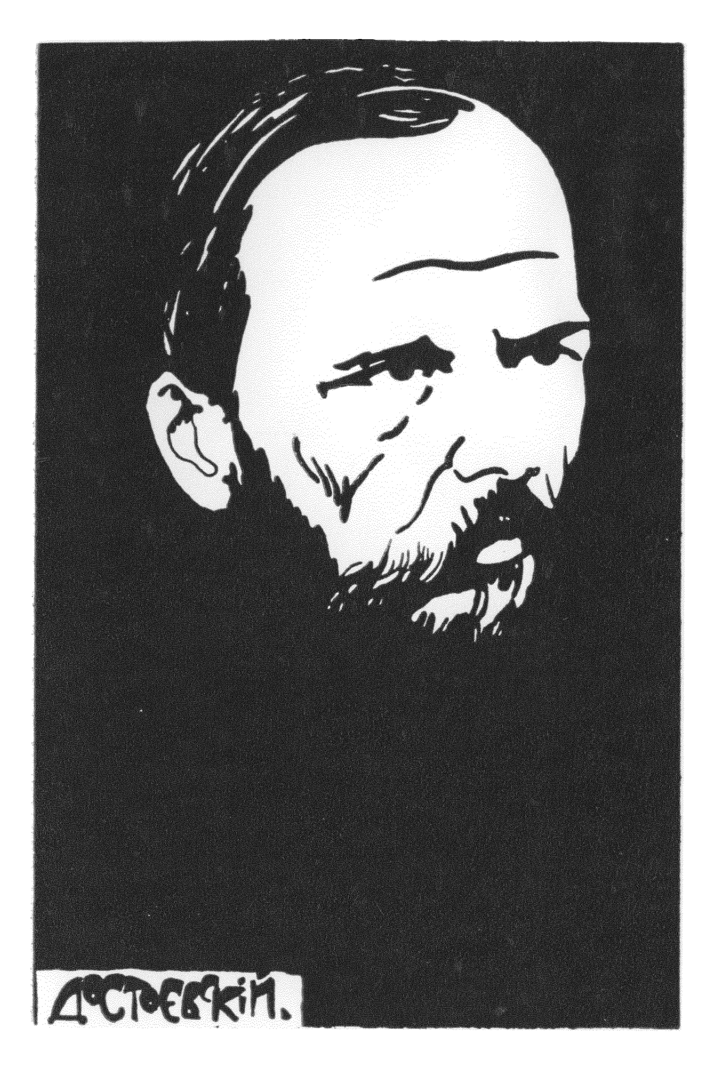
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

29

КНИГА I

Ф. М. Достоевский.

Литография с оригинала Ф. Валлотона
(по фотографии Н. Досса 1876 г.)
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1986

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

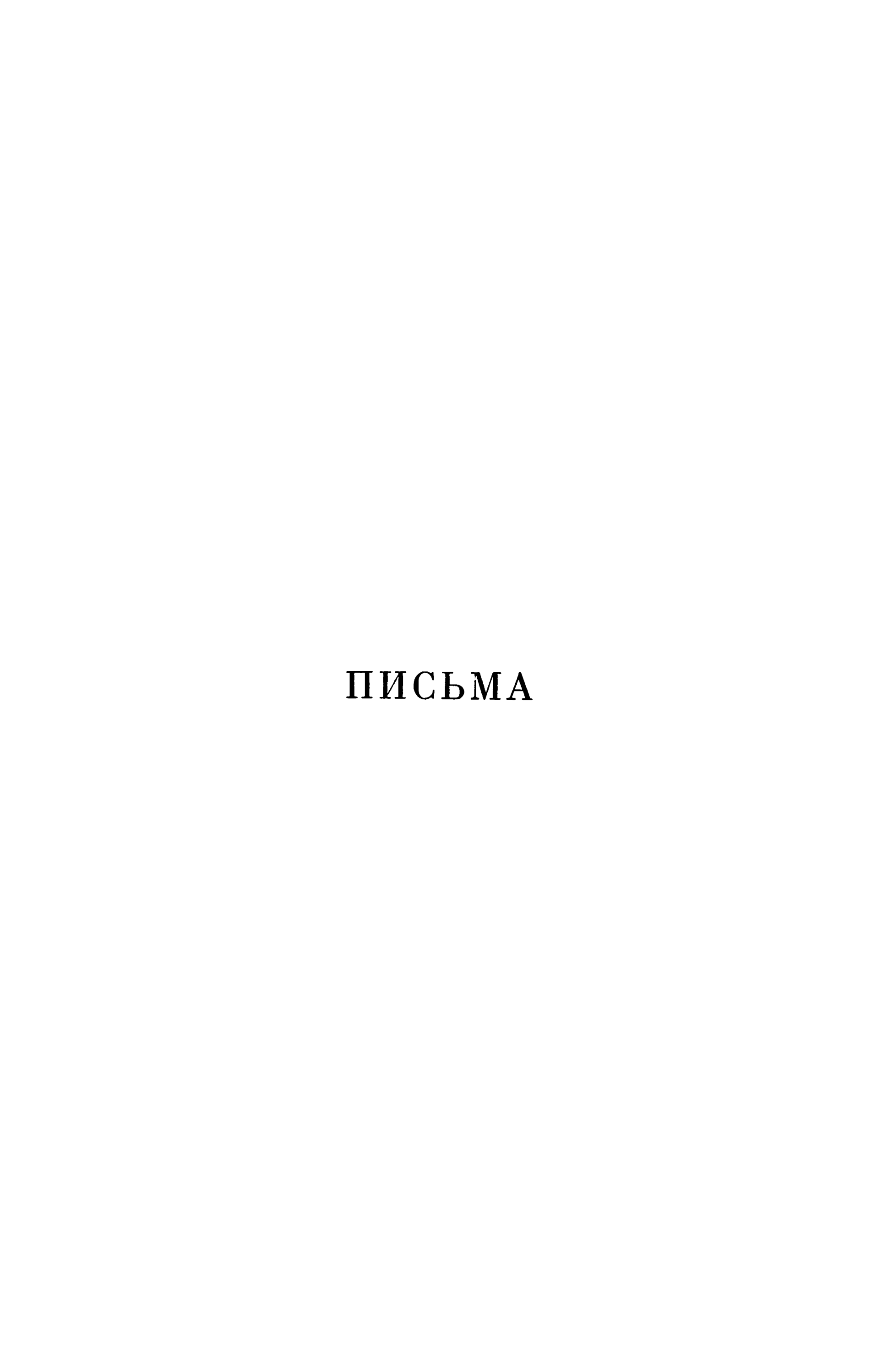
КНИГА ПЕРВАЯ

ПИСЬМА

1869—1874

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1986

Д $\frac{4702010100-615}{042(02)-86}$ Подписное

ПИСЬМА

1869

359. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

23 января (4 февраля) 1869. Флоренция

Флоренция $\frac{23 \text{ янв.}}{4 \text{ февр.}}$/69.

Любезнейшая и многоуважаемая сестра Эмилия Федоровна,

Вы, конечно, сердитесь на меня, что я долго Вам не отвечал,[1] а между тем я хоть и *не мог* Вам до сих пор ответить, но зато употребил все старания по возможности так всё устроить, что если и не состоялись мои старания (об чем беспокоюсь, не имея известий), то уже не по моей вине.[2] Не отвечал я потому, что был занят окончанием романа день и ночь буквально[3] и, сверх того, в это же время десять дней сильно болен,[4] — так что опоздал с окончанием работы еще более. До окончания отложил всякую переписку. И однако, писал Каткову[5] (хотя дал себе слово не просить у него ничего прежде окончания работы, потому что это могло мне потом повредить в дальнейших, главных расчетах) и просил его, чтоб он выслал 100 руб. в Петербург на имя Ап‹оллона› Ник‹олаевича› Майкова, а в письме моем к Аполлону Николаевичу упомянул, чтобы он выдал Вам (Паше и Вам), получив эти 100 руб., по 50 рублей.[6] Это было до праздника,[7] но в «Русском вестнике» всегда отвечают недели две по получении письма, в чем уже виновато устройство редакции. Но, написав Ап‹оллону› Николаевичу, я не написал Вам, понадеясь, что он увидит Пашу (которого он же и к месту пристроил[8]), а таким образом Вы и узнаете, что Вам, может быть, есть у него от меня деньги. Я пишу: *может быть,* потому что не знаю наверно, вышлет ли ему редакция 100 руб., — так как в редакции, полагаю, очень на меня теперь раздражены за то, что я так опоздал и задержал выход последней книги «Русского вестника».[9] Кроме того, если Ап‹оллон› Николаевич и получил 100 р. (может быть, и очень поздно), то, если он не увидит Пашу и не знает, где он находится, — то как он Вам доставит 50 р.? Все эти мысли очень меня теперь беспокоят, потому что я ответа от Апол‹лона› Николаевича до сих пор еще не имею.[10] Сверх того, сам, по совести, чувствую, что, кажется, очень надоел ему моими просьбами.

На просьбу Миши Анна Григорьевна тотчас же написала Марье Григорьевне Сватковской[11] обо всем, об чем он просил. Желаю ему всякого успеха и очень его люблю. Желаю тоже всяких успехов и Кате.[12] Может быть, и увидимся в этом году и

опять начнем сызнова. В настоящую минуту я не совсем здоров. Теперь кончил мою годичную работу и поневоле должен что-нибудь предпринять новое и на что-нибудь решиться; работа же отвлекала меня всего. К тому же, есть расчеты, а их решит время. Я не про петербургские долги мои говорю. Находясь так далеко от России, чувствую, что мне очень трудно и даже не выгодно вести мои дела, даже хоть как-нибудь.[а] В Петербурге бывали дела гораздо потруднее и оборачивались иногда очень счастливо. Если б я остался в Петербурге, то давно бы расплатился с кредиторами.[13] И втрое больше отдал в такой срок (в 2 года), когда жил в России. А теперь вышло то, что еще увеличились долги и кредиторы мои своим нетерпением сделали то, что ни себе, ни другим, — сами не получили и меня расстроили, да так, что совсем почти руки отняли. Если б все эти господа дали мне хоть полтора года сроку, для уплаты всего с процентами, и переписали бы так свои векселя или выдали бы мне какую-нибудь засвидетельствованную доверенность, то я бы тотчас же воротился в Петербург, и через год они бы уже более половины всего получили наверно, а через полтора наверно всё. Я знаю, как это сделать, знал и прежде. В меня можно бы было верить: я много десятков тысяч рублей получил, с 59 года. Одни вторые издания сколько принесли![14] Но нет ничего неразумнее нетерпеливого кредитора! В зиму 66—67-го года я заплатил (то есть уничтожил векселей) более чем на 8000 тысяч[б] руб. Первый крик от всех остальных кредиторов: зачем же не нам, а Працу, Вейденштраху, Базунову и Стелловскому и проч.? Всем бы вместе. Да если нельзя было разделить? Если буквально не в моей власти состояло? Но они этого не хотели слышать. А теперь я даже и войти в соглашение с кредиторами не могу. Как это сделать заочно? От этого все терпят, начиная с меня первого; потому что я, в моих интересах, конечно, терплю значительнее, чем они.

Паша намекает еще на пропажу какого-то его письма ко мне. Что это у него беспрерывно пропадают ко мне письма, и главное, у него одного?[15] Я желаю ему всего хорошего. Рад, что хоть капелькой могу помочь (если он получил 50 руб.), и желал бы, чтоб ему удалась служба на новом месте. Вам, любезнейшая и многоуважаемая сестра моя, Эмилия Федоровна, — я ничего не могу обещать покамест, потому что сам еще не имею надлежащих сведений для определения в точности моих обстоятельств; но надеюсь, однако же, что в довольно скором времени некоторые расчеты мои определятся (не пишу какие, это и лишнее и скучно).[16] Прошу Вас уведомить меня о своем здоровье и о своем положении: лучше, если я всегда буду иметь Вас в виду, даже когда и не в состоянии помочь Вам, чем отставать друг от друга; средства же все-таки могут явиться. Прошу Вас, Эмилия Федо-

---

[а] *Было начато:* когда-н‹ибудь›
[б] *Так в подлиннике.*

ровна, в каждом письме Вашем обозначать Ваш адресс (несмотря на то, что Вы прежде его написали). В Пашиной приписке есть один адресс, но я не могу понять: Ваш ли это адресс или только его? Мой адресс покамест

Italie. Florence, à M-r Théodore Dostoiewsky
(poste restante).*

До свидания, многоуважаемая Эмилия Федоровна; горячо желаю Вам здоровья и лучшего; крепко целую Мишу. Скажите Кате, что я ее очень люблю. Передайте, пожалуйста, это и Паше, если его увидите. Желал бы иметь хоть какое-нибудь известие об Феде. Анна Григорьевна Вам от души кланяется.

Остаюсь искренно Вас любящий и душевно преданный Вам брат Ваш

Федор Достоевский.

Пишу к Вам по адрессу из Пашиной приписки, то есть в дом Корба. Полагаю, что это Ваш адресс.[17]

---

* Италия, Флоренция, г-ну Федору Достоевскому (до востребования) (*франц.*).

360. С. А. ИВАНОВОЙ

25 января (6 февраля) 1869. Флоренция

Флоренция $\frac{\text{6 февр.}}{\text{25 января}}$ /69.

Мой добрый, милый и многоуважаемый друг Сонечка,

Я Вам не отвечал тотчас же на письмо Ваше (которое Вы написали без означения числа) [1] и умер от угрызений совести, потому что очень Вас люблю. Но я не виноват, и теперь пойдет иначе. Теперь в аккуратности переписки дело лишь за Вами, а я буду в *тот же день* отвечать; и так как каждое письмо из России для меня теперь событие и волнует меня (а от Вас самым сладким образом), то пишите часто, если меня любите. Не отвечал же я Вам так долго потому единственно, что оставил все дела и не отвечал даже на самонужнейшие письма до окончания романа.[2] Теперь он кончен наконец! Последние главы я писал день и ночь, с тоской и беспокойством ужаснейшим. Я написал перед этим за месяц в «Русский вестник», что если он с 12-й книжкой согласится несколько опоздать, то всё будет кончено. Срок присылки последней строчки я назначил 15 генв‹аря› нашего стиля и поклялся в этом.[3] И что ж? Последовали два припадка, и я все-

таки на десять дней опоздал против назначенного последнего срока: должно быть, только сегодня, 25-го генваря, пришли в редакцию последние две главы романа. Можете, стало быть, вообразить, в каком я теперь беспокойстве насчет того, что они, может быть, потеряли терпение и, не видя 15-го генваря окончания, выпустили книгу раньше![4] Это будет для меня ужасно. Во всяком случае, в редакции, должно быть, на меня ужасно озлоблены; а я, как нарочно, находясь в эту минуту без копейки денег, послал к Каткову просьбу о присылке денег.[5]

Здесь во Флоренции климат, может быть, еще хуже для меня, чем в Милане и в Вевее; падучая чаще. Два припадка сряду, в расстоянии 6 дней один от другого, и сделали то, что я опоздал эти 10 дней. Кроме того, во Флоренции слишком уж много бывает дождя; но зато, когда солнце, — это почти что рай. Ничего представить нельзя лучше впечатления этого неба, воздуха и света. Две недели было холоду, небольшого, но по подлому, низкому устройству здешних квартир мы мерзли эти две недели, как мыши в подполье. Но теперь, по крайней мере, я отделался и свободен, и до того меня измучила эта годичная работа, что я даже с мыслями не успел сообразиться. Будущее лежит загадкой: на что решусь — не знаю. Решиться же надо. Через три месяца — два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь. Я говорю серьезно и без преувеличения. Я не понимаю русских за границей. Если здесь есть такое солнце и небо и такие — действительно уж *чудеса искусства,* неслыханного и невообразимого, буквально говоря, как здесь во Флоренции, то в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное — русские и родина, без чего я жить не могу. Когда-нибудь, может быть, испытаете сами и узнаете, что я не преувеличиваю для красного словца. И однако же, все-таки мое ближайшее будущее мне неизвестно. Первоначальный, положительный расчет мой, в настоящее время, отчасти лопнул. (Я написал слово: расчет *положительный*; но, разумеется, каждый из моих расчетов, как человека без капиталу, а живущего работой, основан на риске и на обстоятельствах.) Расчет этот состоял в том, что на 2-е издание романа я успею поправить мои дела и возвратиться в Россию; но романом я не доволен; он не выразил и 10-й доли того, что я хотел выразить, хотя все-таки я от него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сих пор. Но во всяком случае дело в том, что он для публики не эффектен, и следственно, 2-е издание если и состоится, то принесет так немного, что ничего на эту сумму не выдумаешь.[6] Кстати, о романе я не знаю, здесь сидя, никакого мнения читающей публики в России. Первоначально мне присылали, раза два, вырезки из иных газет, наполненные восторженными похвалами роману.[7] Но теперь всякое мнение давно затихло. Но хуже всего, что я решительно не знаю мнения о нем самих издателей «Русского вестника».[8] Деньги они присылали мне всегда, по первой просьбе, до самого

последнего времени; из этого я выводил[a] отчасти благоприятное следствие. Но я очень мог ошибаться. Теперь Майков и Страхов уведомили меня из Петербурга, что начался новый журнал «Заря», которого Страхов редактором, прислали мне 1-ю книжку журнала и просят моего сотрудничества.[9] Я обещал, но я связан с «Русским вестником» и постоянством сотрудничества (всего лучше придерживаться одного) и тем, что Катков дал мне три тысячи вперед, еще до выезда из России.[10] Правда, по расчету я еще очень порядочно должен в журнал и теперь, потому что перебрал всего, с прежними тремя тысячами, до семи тысяч, — так что уж и по этому одному участвовать должен в «Русском вестнике». Ответ «Р‹усского› вестника» теперь, на мою просьбу о деньгах, — решит всё. Но обстоятельства мои все-таки останутся в положении неопределенном. Мне непременно надобно воротиться в Россию; здесь же я потеряю даже возможность писать, не имея под руками всегдашнего и необходимого материала для письма, — то есть русской действительности (дающей мысли) и русских людей. А сколько справок необходимо делать поминутно, и негде. Теперь у меня в голове мысль огромного романа, который, во всяком случае, даже и при *неудаче* своей, должен иметь эффект, — собственно по своей теме. Тема — *атеизм.* (Это не обличение современных убеждений, это другое и — поэма настоящая). Это *поневоле* должно завлечь читателя. Требует большого изучения предварительно.[11] Два-три лица ужасно хорошо сложились у меня в голове, между прочим, католического энтузиаста священника (вроде St.. François Xavier).[12] Но написать его здесь нет возможности. Вот это я продам 2-м изданием и выручу много; но когда? Через 2 года. (Впрочем, не передавайте тему никому.) Придется писать другое покамест, чтоб существовать.[13] Всё это скверно. Надо, чтоб обернулись обстоятельства иначе. А как они обернутся?

Знаете ли Вы, друг мой, что Вы совершенно правы, говоря, что в России я бы вдвое более и скорее и легче добыл денег. Скажу Вам для примеру: у меня в голове две мысли, два издания: одна — требующая всего моего труда, то есть которая уж не даст мне заниматься, например, романом, но которая может дать деньги очень порядочные. (Для меня это без сомнения).[14] *Другая* же мысль, почти только компилятивная, работа почти только механическая — это одна *ежегодная* огромная, и полезная, и необходимая настольная для всех книга, листов в шестьдесят печатных, мелкой печати, которая должна разойтись непременно в большом числе экземпляров и появляться каждый год в январе месяце. Мысли этой я не скажу никому, потому что слишком верная и слишком ценная, барыш ясный; работа же моя — единственно редакционная.[15] Правда, редакция должна быть с идеей, с большим изучением дела, но вся эта ежегодная работа не поме-

---

[a] *Было*: заключил

шала бы мне и писать роман. А так как мне нужны бы были сотрудники, то я первую Вас выбрал бы сотрудницей (тут нужно и переводить) с тем, чтоб барыши делить пропорционально, и поверьте, что Вы получали бы по крайней мере в 10 раз больше, чем получаете теперь[16] или будете получать за Вашу работу. Насчет литературных идей, то есть изданий, мне приходили в жизни довольно порядочные, скажу без хвастовства.[17] Я сообщил их и книгопродавцам, и Краевскому, и брату-покойнику;[18] что было осуществлено, то принесло барыш.[19] По крайней мере. я на мои теперешние идеи надеюсь.[20] Но все-таки главная из них — мой будущий большой роман. Если я не напишу его, то он меня замучает. Но здесь писать невозможно. А возвратиться, не уплатив по крайней мере 4000 и не имея 3000 для себя на первый год (итого 7000), невозможно.

Но довольно обо мне, надоело! Так или этак, а всё это[6] должно разрешиться. иначе я умру с тоски. Анна Григорьевна тоже очень тоскует, она же теперь опять в таком положении.[21] Она пишет Верочке, которую я обнимаю,[22] и всех вас. Я вас сегодня всех во сне видел и покойника брата Александра Павловича.[23] Видел и Масеньку. Мне очень было приятно. Кстати, Масенька делает великолепно, что не хочет брать менее 2-х руб. за урок.[24] Бедный Федя принужден был обстоятельствами спустить свою цену и, конечно, повредил себе, не будучи виноват.[25]

Когда я читаю Ваши письма, Сонечка, то точно с Вами говорю. Слог Ваших писем совершенный Ваш разговор: вдумчивый, отрывистый, малофразистый.

Сел — думал написать ужасно много и о многом, но покамест — довольно и этого. К тому же, всё о себе, материя скучная. Много есть и мук: давно не посылал Паше[26] и. кроме того, не могу заплатить самых святых долгов.[27] Эмилии Федоровне тоже перестал, вот уже два месяца с половиной, оплачивать квартиру. Послал и тем и другим на днях немного, но самому уж слишком надо. Знаете что, Сонечка: пишите мне почаще непременно и побулее об Ваших семейных делах. Я Вам тоже буду обстоятельнее писать. Во всяком ведь случае, это будет лучше. Постараюсь во что бы то ни стало в этом году воротиться в Россию.[28] Обнимаю Вас крепко; обнимаю мамашу и всех. Съедемся, то уж не расстанемся. Масеньку целую. Всех детей. Елене Павловне мой поклон и искренний привет. Искренний привет Марье Сергеевне.[29] Напишите мне о Ваших похождениях и работах в «Русском вестнике» подробно. Любимов так много значит. Если закреплю мои отношения с «Русским ве‹стнико›м», то напишу об Вас Каткову. Я Вам слишком много уж обещал и ничего не сдержал. Не давали обстоятельства. А теперь обнимаю Вас еще раз и пребываю Ваш весь от всего сердца

Федор Достоевский.

---

[6] *Было*: а все-так‹и›

P. S. Адресс мой: Italie, Florence, poste restante, à M-r Théodore Dostoiewsky.*

Ужасно много, слышно, пропадает писем.

---

* Италия. Флоренция. до востребования, г-ну Федору Достоевскому (*франц.*).

361. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

14 (26) февраля 1869. Флоренция

Февраль 26/14 69. *Флоренция.*

Милостивая государыня
многоуважаемая сестрица Эмилия Федоровна.

Дней восемь назад получил я Ваше письмо (от 21 января),[1] и так как в это же время Вы должны были получить и мое письмо, посланное 22-го или 23 января,[2] то я и замедлил отвечать Вам, так как в том, посланном уже письме, всё, о чем Вы спрашиваете, — написано. Но в Вашем письме есть и еще вопрос о том, не могу ли я как-нибудь устроить так, чтоб вместо неопределенных присылок устроить всё это определенно и помесячно. Это, конечно, было бы всего лучше, и я об этом уже думал, но как это сделать? Я сам всю мою жизнь не имел ничего определенного, хотя мне и случалось получать хорошие деньги. Таким образом, и теперь трудно это устроить. Желание мое быть Вам полезным производит иногда то, что я сначала пообещаю, а потом бываю не в состоянии исполнить. Так не следует обещать. Вот почему я не обещаю ничего и теперь положительно, но не хочу скрыть от Вас, что имею *некоторую* надежду устроить так, чтоб быть Вам полезным помесячно и определенно, как Вы пишете. Но ведь это только надежда; как-то еще она устроится? Во всяком случае, я не думаю Вас долго оставлять в неведении о том, как устроилось, и постараюсь поскорее написать Вам: *да* или *нет*. Если *да*, то есть если всё устроится, то небольшое ежемесячное вспоможение постараюсь устроить и Паше, вместе с Вашим. Но еще раз прошу Вас, не принимайте теперь за *положительное* обещание.

Сорок рублей, которые Вы получили от Майкова, и шестьдесят рублей, которые получил Паша, пришли от Каткова, у которого я спросил 100 руб. в то время, когда не имел ни малейшего права просить у него, так как не кончил работу и задержал выход книги. Но он был так добр, что исполнил мою просьбу и послал 100 руб. на имя Аполлона Николаевича, как я и просил о том.[3] Зато я сам уже не мог просить для себя, так что в настоящую минуту не получил еще ничего, живу в кредит и очень нуждаюсь. Кроме всего этого, и будущность хлопотлива: жена моя беременна вот уже третий месяц; в сентябре м‹еся›це, по рас-

чету, придется ей родить, а я не знаю положительно ни о средствах моих к тому времени, ни о том, где я буду.[4] Самое лучшее было бы быть в России; но Вы сами знаете, могу ли я в настоящую минуту воротиться? Что же касается до того, что я пробуду здесь два года, как говорил Ваня Сниткин, то, может быть, бог и избавит и дело устроится несколько скорее.[5]

Мне очень тяжело было читать то, что Вы пишете об Вашем положении. Жаль мне вас всех искренно. Об Мише жена писала по моей просьбе Марье Григорьевне уже давно;[6] сходил бы он к ней, если еще не ходил. Получил я письмо из Москвы от Сонечки Ивановой;[7] она пишет, что Федя[8] был у них на рождестве и показался очень апатичным. Дай бог Кате здоровья и всевозможных успехов за то, что она Вас радует.[9] Я очень рад, что Паша живет вместе с Вами.[10] Очень бы желал получить от него хоть несколько строк. Но всего больше желаю, чтоб он укрепился на своем служебном месте и старался. Уж такого начальника как Порецкий и вообразить себе нельзя другого.[11]

До свидания, Эмилия Федоровна. Главное, будьте здоровы, чего желаю и детям Вашим. Передайте Паше, что я прошу его мне написать. Адресс мой всё тот же, то есть Italie, Florence, poste restante, à M-r Théodore Dostoiewsky.

Анна Григорьевна благодарит Вас за память и кланяется Вам.

Ваш искренно любящий и уважающий Вас брат

Федор Достоевский.[а]

P. S. Милая Эмилия Федоровна, простите за помарку в подписи; по рассеянности подписался по-французски! Третьего дня со мной был припадок, и я до сих пор сам не свой. Не сочтите за неуважение.

Ф. Д‹остоевский›.

[а] *Было*: Dostoiewsky

362. Н. Н. СТРАХОВУ

26 февраля (10 марта) 1869. Флоренция

Флоренция 26 февраля / 10 марта /69.

Каждый день порываюсь отвечать Вам, дорогой и многоуважаемый Николай Николаевич, на Ваше приветливое и любопытнейшее письмо, и вот только что теперь исполняю желание мое. Несколько раз я уже отвечал Вам мысленно и каждый день прибавлял что-нибудь к мысленному письму, и если б всё это записывать, то образовался бы, кажется, целый том. Запоздал же я отвечать сначала по нездоровью (после припадка ждал, пока

освежеет голова), а потом Вы сами были виноваты отчасти в том, что я всё откладывал писать: по письму Вашему я вообразил, что «Заря» выйдет на днях;[1] а она вон еще сколько запоздала против первого месяца! Мне же всё хотелось познакомиться со вторым томом и тогда уже изложить все мои впечатления.[2] Потому что всем этим я очень взволнован; впрочем, постараюсь писать в некотором порядке.

Во-первых, вот главная сущность впечатлений о «Заре». Для меня «Заря» — явление отрадное и необходимое. Но это для меня; для многого множества она, в настоящую минуту, вероятно, точь-в-точь соответствует тому впечатлению, которое я прочел о ней на днях в «Голосе» (единственная газета русская, здесь получающаяся). Это полное выражение мнения средины и рутины, то есть большинства. Эта статейка написана явно с враждебною целью,[3] статейка ничтожная, об которой не следовало бы и упоминать; но по одному случаю она показалась мне чрезвычайно любопытною, именно: что автор этой статейки *просмотрел мысль журнала* (а он очевидно просмотрел; потому что если б он ее понял, то не преминул бы осмеять ее). Он именно спрашивает в недоумении: какая причина журнала? Что его вызвало? То есть что нового он хочет сказать?[4] Это, пожалуй, будет спрашивать и большинство. А так как в первые же месяцы каждого нового журнала в публике (совершенно даже равнодушной) начинает непременно образовываться оппозиция журналу, то долго еще будет раздаваться эта оппозиция (очень дурно, если журнал некоторыми второстепенными промахами оправдает эту оппозицию). Но это всё ничего; это всё мелочи и пустяки. Знаете ответ: «Пусть бранят, значит, не молчат, а говорят». Вы же, без сомнения, веруете (как и я) в то, что успех всякой новой идеи зависит от меньшинства. Это меньшинство будет необходимо за вас (даже несмотря на все промахи и ошибки журнала, которые, кажется, будут). Это меньшинство окрепнет и установится к концу года *наверно*. Почему я так утвердительно говорю? Потому что в журнале есть *мысль*, и именно та самая, которая теперь необходима, которая неминуема и которой, *одной*, предстоит расти, а всем прочим «малитися». Но мысль эта трудная и щекотливая, Вы это сами знаете. За эту мысль, особенно когда ее начнут понимать, то есть когда вы ее еще больше растолкуете, вас назовут отсталыми, камчадалами и, пожалуй, продавшимися, тогда как она есть единственная передовая и *либеральная* мысль, для нас в наше время. Когда же[а] это растолкуете окончательно, тогда все и пойдут за вами.[б] [5] А покамест рутина всегда видит либерализм и новую мысль именно в том, что старо и отстало. «Отечественные записки», «Дело» наверно считаются самыми передовыми.[6] Всё это Вы сами знаете великолепно, а пуще всего то, что Вам при-

---

[а] *Было*: Именно
[б] *Далее начато*: Рутина

надлежит будущность. Теперь знаете ли, чего я боюсь? Что Вы и (многие из вас) испугаетесь трудов и оставите огромное дело.[7] Ах, Николай Николаевич, эти труды так огромны и требуют столько веры и упорства, что Вы их только после долгого времени узнаете *вполне*. Так мне кажется. Я же их сам только краюшком знаю, когда соредакторствовал брату; но «Время» и «Эпоха», как Вы сами знаете, до такой откровенности и обнаженности в выражении своей мысли никогда не добирались и держались большею частию средины, особенно вначале.[8] Вы же прямо начали с верхушки; Вам труднее, а стало быть, надо крепко стоять.

Вы в эти два-три года *почти* молчания Вашего[9] сильно выиграли, Николай Николаевич. Это мое мнение, судя по Вашим «Бедность» и статье в «Заре».[10] Я всегда любовался на ясность Вашего изложения и на последовательность; но теперь, по-моему, Вы стоите несравненно крепче. Жаль, что не «Бедностью» Вы начали в «Заре», то есть жалею, что «Бедность» была напечатана раньше. Как брошюра, вероятно, она была замечена очень немногими, и, вероятно, множество из тех, которые очевидно прочли бы ее с симпатией при ее появлении,[11] даже, может быть, и не знают до сих пор о ее существовании, то есть просто не заметили ее. (Эта брошюрка у Вас впоследствии вся раскупится, будьте уверены. Я ведь убежден, что ее немного теперь разошлось.) Кстати, заметили Вы один факт в нашей русской критике? Каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев) выходил на поприще, непременно как бы опираясь на[в] передового писателя, то есть как бы посвящал всю свою карьеру разъяснению этого писателя и в продолжение жизни успевал высказать все свои мысли не иначе, как в форме растолкования этого писателя. Делалось же это наивно и как бы необходимо. Я хочу сказать, что у нас критик не иначе растолкует себя, как являясь рука об руку с писателем, приводящим его в восторг. Белинский заявил себя ведь не пересмотром литературы и *имен*,[12] даже не статьею о Пушкине,[13] а именно опираясь на Гоголя, которому он поклонился еще в юношестве.[14] Григорьев вышел, разъясняя[г] Островского и сражаясь за него.[15] У Вас бесконечная, непосредственная симпатия к Льву Толстому, с тех самых пор как я Вас знаю. Правда, прочтя статью Вашу в «Заре», я первым впечатлением моим ощутил, что она *необходима* и что Вам, чтоб по возможности высказаться, иначе и нельзя было начать как с Льва Толстого, то есть *с его последнего сочинения*. (В «Голосе» фельетонист говорил, что Вы разделяете *исторический фатализм* Льва Толстого. Наплевать, конечно, на глупенькое слово, но не в том дело, а в том: скажите, откуда они берут такие мудреные мысли и выражения? Что значит *исторический фатализм?* Почему именно рутина и

[в] *Далее было начато*: какого-ниб‹удь›
[г] *Далее было начато*: и сраж‹аясь›

глупенькие, ничего не замечающие далее носу, всегда затемнят и углубят так свою же мысль, что ее и не разберешь? Ведь он очевидно что-то хочет сказать, а что он читал Вашу статью, то это несомненно.) Именно то, что Вы говорите, в том месте, где говорите о Бородинской битве, и выражает всю сущность мысли и Толстого и Вашу о Толстом. Яснее бы невозможно, кажется, выразиться. Национальная, русская мысль заявлена почти обнаженно.[16] И вот этого-то и не поняли и перетолковали в фатализм![17] Что касается до остальных подробностей о статье, то жду продолжения (которое до сих пор еще не дошло до меня). Ясно, логично, твердо-сознанная мысль, написанная изящно до последней степени. Но кой с чем в подробностях я не согласился.[18] Разумеется, при свидании мы бы с Вами не так поговорили, как на письме. В конце концов я считаю Вас за единственного представителя нашей теперешней критики, которому принадлежит будущее. Но знаете ли что: я прочел Ваше письмо с беспокойством. Я вижу по тону его, что Вы волнуетесь и беспокоитесь, что Вы в большом волнении. Боюсь еще за непривычку Вашу к срочной работе и к упорной работе. Вы должны непременно написать в год три или четыре большие статьи (Вам много еще надо разъяснять, будьте уверены), а между тем Вы точно падаете духом, и не в меру малая вещь Вас колеблет как бы и большая. Между тем Вы в журнале очевидно самое необходимое лицо по сознательному разъяснению мысли журнала. Без Вас журнал не пойдет (это я говорю Вам одному). Итак, надо твердо решиться на подвиг, Николай Николаевич, на долгий и трудный подвиг, и не смотреть на неприятности. Всякая неприятность несравненно ниже Вашей цели, а потому надо сносить, выучиться сносить и вообще закрепиться.[19] Но оставить дело Вы не имеете даже и права; я прокляну Вас тогда, первый.

Теперь скажу Вам, вкратке, об остальном впечатлении на меня журнала. (Похвалу мою ему Вы знаете: у него мысль и будущность; прием его великолепен; он обнажает мысль, не закрывается, отвергает средину, начинает с верхушки; но теперь перейду к неприятному в моем впечатлении.) Прежде всего, журнал мал объемом и скуп, что выражается даже его наружностию. Листы романа Писемского (то есть самые дорогие ценой издателю, — это все поймут) напечатаны так растянуто, то есть таким крупным шрифтом, что я даже и не видывал такого.[20] Статья Данилевского, из капитальных по разъяснению мысли журнала, печатается скупо, то есть слишком помаленьку; дурной эффект обнаружится впоследствии. Если в ней 20 глав, то, по *моему* мнению, надо бы напечатать всю статью в 4-х, много, в 5-ти книгах; нужды нет, что выйдет помногу; журнал заявляет, стало быть, что это его статья капитальная. А то, печатаясь как теперь, статья растянется нумеров на 10 или на все 12, — так сказать, примозолится публике; видя всё ее да ее, публика потеряет к ней как бы уважение.[21] Я сужу материально; в [illegible]

гайте матерьяльным взглядом, видимостями. Мало статей;[22] право, на меня такое впечатление произвел первый номер. Мне показалось, что надо бы еще статейки две. Нет насущной, текущей[23] политики и нет фельетона. Ежемесячное политическое обозрение так же необходимо, как и ежедневная газета, особенно для русской публики; и заметьте, теперь время горячее. Политического обозревателя хорошего у нас можно найти (кстати, тот молодой человек, чиновник, который писал в последних номерах «Эпохи» политическое обозрение; забыл даже фамилью его. Очень, *очень талантливый* и, кажется, превосходный молодой человек[24]). Другое дело фельетонист: фельетониста талантливого у нас трудно найти; сплошь минаевщина и салтыковщина;[25] но, боже мой, сколько текущих, повседневных и необыкновенно примечательных явлений, и как бы разъяснение их послужило в свою очередь разъяснению мысли журнала! Кстати, кто писал театральный фельетон? Очень, очень приятная и точная статья![д] [26]

Вы избегаете полемики? Напрасно.[27] Полемика есть чрезвычайно удобный способ к разъяснению мысли, у нас публика слишком любит ее. Все статьи, например, Белинского имели форму полемическую. Притом же в полемике можно выказать тон журнала и заставить его уважать. Притом же Вам лично отсутствие полемического приема может даже и повредить: у Вас язык и изложение несравненно лучше григорьевского.[28] Ясность необычайная; но всегдашнее *спокойствие* придает Вашим статьям вид *отвлеченности*. Надо и поволноваться, надо и хлестнуть иногда, снизойти до самых частных, текущих, насущных частностей. Это придает[е] появлению статьи вид самой насущной необходимости и поражает публику.

Только что почтамт увеличил плату за пересылку, как тотчас же я и прочел в «Голосе» объявление «Зари» подписчикам об увеличении цены журналу.[29] Это так и это по праву; но ведь подписчик тотчас же скажет: «Хорошо-с; вот вы неумолимо требуете денег; sine qua non; * но будьте же и сами исправны. А то начали тем, что вышли 8-го числа, а на второй месяц и еще на неделю опоздали». Ох, Николай Николаевич, в первый год журнал должен не жалеть своих усилий.[ж] Покойный брат[30] вот что говорил: «Если бы у сеятеля дома и совсем хлеба не оставалось, но если уж он раз вышел сеять, то уж не жалей, что от семьи хлеб отнял и пришел в землю бросать; сей как следует, иначе не взойдет и не пожнешь». А у вас вдруг уж 2000 подписчиков. Тут-то бы и усилить пожертвования, чтоб добрать третью тысячу. И добрали бы наверно, и на 2-й год как бы легко было. Ну а теперь не доберете, и трудов себе

д *Фраза*: Кстати ∾ статья! — *вписана в конце письма.*

е *Было*: *а.* придаст статье *б.* придаст существованию

ж *Было*: сил

* непременное условие (*лат.*).

самим только больше наделали в будущем. Впрочем, будущность ваша, но нужно упорство и ужасный труд. Кто у вас заправляет собственно насущною деловою частию журнала? Тут нужен человек крепкий и упорный и подымчивый. Надо раза по три в сутки иногда в типографию съездить.

Жду с нетерпением продолжения трех статей, особенно Вашей и Данилевского.[31] Об романе Писемского сказать ничего теперь не могу; надо прочесть дальше. Впрочем, на этот счет у вас лучше всех других: «Райский», я и прежде знал, что ничтожен;[32] а уж Тургенева повесть в «Русском вестнике» (я читал) — такая ничтожность, что не приведи господи.[33] По первой части Писемского заключаю, что не *может* не быть весьма талантливых вещей и в остальных частях.

Благодарю Вас очень, добрейший и многоуважаемый Николай Николаевич, что мною интересуетесь. Я здоров по-прежнему, то есть припадки даже слабее, чем в Петербурге. В последнее время, $1^1/_2$ месяца назад, был сильно занят окончанием «Идиота». Напишите мне, как Вы обещали, о нем Ваше мнение; с жадностию ожидаю его.[34] У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив.[35] В каждом нумере газет Вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они *факты*. Кто же будет их замечать, их разъяснять и записывать? Они поминутны и ежедневны, а не *исключительны*. Ну что ж это будет, если глубина идеи наших художников не пересилит в изображениях их глубину идеи, н‹а›прим‹ер›, Райского (Гончарова)? Что такое Райский? Изображается, по-казенному, псевдорусская черта, что всё начинает человек, задается большим и не может кончить даже малого? Экая старина! Экая дряхлая пустенькая мысль, да и совсем даже неверная! Клевета на русский характер при Белинском еще. И какая мелочь и низменность воззрения и проникновения в действительность. И всё одно да одно. Мы всю действительность пропустим этак мимо носу. Кто ж будет отмечать факты и углубляться в них? Про повесть Тургенева я уж не говорю: это черт знает что такое! Неужели фантастичный мой «Идиот» не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры в наших оторванных от земли слоях общества, — слоях, которые в действительности становятся фантастичными. Но *нечего* говорить! В романе много написано наскоро, много растянуто и не удалось, но кой-что и удалось. Я не за роман, а за идею мою стою. Напишите, напишите мне Ваше мнение и как можно откровеннее. Чем больше Вы обругаете, тем больше я оценю Вашу

искренность. «Русский вестник» не успел напечатать конец в декабре и обещал его в приложении. Полагаю, что приложат к февральской книге. Я бы желал, чтоб Вы прочли конец. Тем не менее я нахожусь в очень хлопотливом положении. Впрочем, я сам очень многим недоволен в моем романе. А я, к тому же, еще отец его.

Вот в чем дело: поблагодарите от меня Данилевского, Кашпирева, Градовского и всех тех, которые принимают во мне участие.[36] Это во-первых. А во-2-х, голубчик Николай Николаевич, надеюсь на Вас в одном очень щекотливом для меня деле и прошу всего Вашего дружеского в нем участия. Вот это дело:

Вы чрезвычайно лестно для меня написали мне, что «Заря» желает[з] моего участия в журнале. Вот что я *принужден* ответить: так как я всегда нуждаюсь в деньгах чрезвычайно и живу одной только работой, то всегда почти принужден был всю жизнь, везде, где ни работал, брать деньги вперед. Правда, и везде мне давали. Я выехал скоро два года назад из России, уже будучи должен Каткову 3000 рублей, и не по старому расчету с «Преступлением и наказанием», а по новому забору. С той поры я забрал еще у Каткова до трех тысяч пятисот рублей. Сотрудником Каткова я остаюсь и теперь, но вряд ли дам в «Русский вестник» что-нибудь в этом году. У меня теперь есть три идеи, которыми я дорожу. Одна из них составляет большой роман.[37] Полагаю, что они изберут роман, чтобы начать будущий год. Несколько месяцев у меня теперь свободных. Конечно, «Русский вестник» будет присылать мне деньги и в этом году, хотя я и остался там несколько должен. Но нужды мои увеличиваются (жена опять беременна), расходов много, а жили мы в последнее время с такой экономией, что даже отказывали себе во всем. В последние полгода мы прожили всего-навсе только 900 рублей и это с переездами из Вевея в Милан и во Флоренцию, и сверх того из этих 900 рублей сто было отослано недавно Паше и Эмилии Федоровне. В настоящую минуту я еще не получил от Каткова денег, нуждаюсь чрезвычайно, почти до последней степени. «Русский вестник» прав: я опоздал и к тому же просил свести счеты. Полагаю, недели три еще промедлят присылкой; но не в том главное дело, а дело в ближайшем будущем. Короче, мне необходимы деньги до последней степени, и потому я предлагаю редакции «Зари» следующее: во-1-х, я прошу выслать мне сюда во Флоренцию, теперь же, вперед 1000 руб. (тысячу рублей); сам же обязуюсь, во-2-х, к 1-му сентября нынешнего года,[и] то есть через полгода, доставить в редакцию «Зари» повесть, то есть роман. Он будет величиною в «Бедных людей» или в 10 печатных листов; не думаю, чтобы меньше; может быть несколько больше. *Не опоздаю доставкой ни одного дня.* (На этот счет я

з *Далее было*: иметь

и *Далее было начато*: достав‹ить›

довольно точен.) Если опоздаю хоть месяц, то, пожалуй, решаюсь не получить за него остальной платы. Идея романа меня сильно увлекает. Это не что-нибудь из-за денег, а совершенно напротив. Я чувствую, что сравнительно с «Преступлением и наказанием» эффект «Идиота» в публике слабее. И потому всё мое самолюбие теперь поднято: мне хочется произвести опять эффект; а обратить на себя внимание в «Заре» мне еще выгоднее, чем в «Русском вестнике». Видите, я Вам всё пишу ужасно откровенно. Плату *с листа* я предлагаю в 150 руб. (с листа по расчету «Русского вестника», если лист «Зари» меньше), — то есть то, что я получаю с «Русского вестника». Меньше не могу. (Мы с братом вперед давали еще более.) Постараюсь справить работу как можно лучше; Вы сами поймете, голубчик, что вся моя выгода в этом.[38] Теперь собственно к Вам, Николай Николаевич, чрезвычайная просьба моя:

1) Способствовать дружески успеху этого дела, если найдете это подходящим делом для журнала. 2) Если получите согласие Кашпирева, то чрезвычайно и убедительнейше прошу прислать мне деньги нимало не медля, распорядившись так: 200 (двести рублей) из этой тысячи выдать от меня, с передачею моей чрезвычайной благодарности, Аполлону Николаевичу Майкову, которому я их уже с лишком год должен. Другие 200 руб. (двести рублей) передать от меня сестре моей жены Марье Григорьевне Сватковской (она знает для чего) [39] по прилагаемому адрессу: Марья Григорьевна *Сватковская*, на Песках, у 1-го Военно-сухопутного госпиталя, по Ярославской улице, дом № 1, хозяйке дома. Остальные затем 600 руб. (шестьсот рублей) прошу Вас выслать прямо мне, сюда во Флоренцию, по следующему адрессу: Italie, Florence, à M-r Théodore Dostoiewsky, *poste restante*. Наконец, 3) Если всё это возможно устроить, то уведомить меня и выслать мне деньги *нимало не медля*. Об этом прошу Вас как старого друга; ибо до того нуждаюсь в настоящую минуту, как никогда не нуждался. Наконец, если и не обделается дело, то тоже прошу Вас немедленно меня об этом уведомить, чтоб уж я напрасно не надеялся и не рассчитывал, а главное, чтобы *знать*. Кроме того, если и уладится дело, то, до времени, об этом лучше не говорить лишним людям. Наконец, я бы желал, чтоб роман, который я доставлю к 1-му сентябрю в редакцию «Зари», был напечатан в осенних номерах журнала этого года. Так мне выгоднее по некоторым расчетам. Но разумеется, если редактор захочет напечатать в будущем году, то я не воспротивлюсь. Одним словом, оставляю на волю редакции и заявляю только желание.

Теперь как старому другу и сотруднику сообщу Вам *в секрете* и еще одно мое чрезвычайное беспокойство: эти 200 руб., которые я должен более года Аполлону Николаевичу, кажется, причиною его теперешнего молчания; он вдруг прекратил со мною всякую переписку. Я просил Каткова, в декабре, выслать

100 руб. Эмилии Федоровне и Паше, на имя Аполлона Николаевича (как и всегда делалось в этих случаях), а его просил, в последнем письме моем, передать эти 100 руб. Эм‹илии› Федоровне.[40] Он, вероятно, подумал, что я получил знатный куш, купаюсь в золоте, ему не возвращаю долга, а его же прошу передать 100 руб. Эм‹илии› Федоровне. «Помогать другим есть деньги, а возвратить долг нет» — вот что он, вероятно, подумал. А между тем если б он знал, в какое положение я сам поставил себя. Забрав много в «Русск‹ом› вестнике» (на необходимое), я в последние полгода так нуждался с женой, что последнее даже белье наше теперь в закладе (не говорите этого никому). В «Русском» же «вестнике» просить не хотел до окончания романа. Но они теперь сводят счеты и до сих пор медлят ответом. Конечно, я виноват, что в целый год не заплатил, и уж слишком много страдал от этой мысли, но в эти два года за границей я прожил всего только 3500 руб. Тут и переезды, и некоторые посылки в Петербург, и Соня, — не было из чего выслать. А он, к тому же, никогда не спрашивал с меня, я и думал, что он может подождать, каждый месяц почти надеясь выслать ему. Эти 100 руб. Эмилии Федоровне, должно быть, его обидели; но ведь Эмилия Федоровна чуть с голоду не умирает, как было не помочь! При мрачном положении моем мысль, что вот и еще преданный человек оставляет меня, — мне ужасно мучительна. Не говорил ли он с Вами чего, или не знаете ли Вы чего? Если знаете, то сообщите, голубчик! С другой стороны, странно мне, что из-за 200 рублей порвалась связь, иногда дружеская, продолжавшаяся между нами с 46-го года.[41] К тому же, я и без того всеми забыт.[42] Ну вот сколько написал; а между тем что это значит перед свиданием и приятельским разговором? Холодно, недостаточно, ничего не выражено — эх, когда-то увидимся! Может быть, как-нибудь это и обделается. Я кое на что надеюсь. До свидания; Анна Григорьевна жмет Вам руку и благодарит за память. Еще раз поклон всем, кто меня помнит. Что Аверкиев? Кланяйтесь ему. Как жалко мне Долгомостьева.[43]

Ваш весь и душевно преданный

Федор Достоевский.

NB. Если Вам придется отдавать двести рублей Аполлону Николаевичу, то не забудьте, добрейший Николай Николаевич, упомянуть при этом, что я сам буду благодарить его письмом, но что теперь не уведомил его письмом потому, что не мог знать заране о решении редакции «Зари».

Вот уже 10-е марта, а я всё еще не получил 2-й ном‹ер› «Зари». Хожу каждый день на почту и всё: niente, niente.* К тому же дождь и холод, скверно.

---

* нет, нет (*итал.*).

363. С. А. ИВАНОВОЙ

8 (20) марта 1869. Флоренция

Флоренция 8/20 марта/69.

Вы отвечали аккуратно и тотчас же, дорогой и милый друг мой Сонечка,[а][1] на мой вызов начать аккуратнее и точнее нашу переписку,[2] а я же первый и не сдержал слова: промедлил больше двух недель Вам отвечать. И не могу сказать, что *за делами*; дела мои я давно покончил и сдал;[3] но за тоскливым положением. «Русский вестник» на мою просьбу о деньгах отвечал через *семь недель* (целый *великий пост*), и деньги я только что теперь получил, и всё это несмотря на то, что сам же их уведомлял 2 месяца назад о крайнем моем положении.[4] Получил письмо из редакции с *большими* извинениями, что не могли выслать раньше и что задержали их дела редакции и счеты и хлопоты в начале каждого года.[5] Это правда, что в начале каждого года к ним и подступиться нельзя, это у них и прежде и всегда было, и я помню, что мне и в *66—67* годах тоже не отвечали в Петербург по месяцу; но всё же нам с женой от этого во Флоренции было не легче, и даже очень нелегко. Если бы не заняли у одного господина 200 ф‹ранков›[6] да не получили по мелочи еще 100 ф‹ранков›, то просто умирай от неприятностей в совершенно незнакомом городе. Но пуще всего тревожила нас, во всё это время ожидания, неизвестность. Вот почему, дорогой друг мой, у меня и руки не поднимались писать не только к кому-нибудь, но даже к Вам. Конечно, они сохраняют меня сотрудником и даже с удовольствием, что и по письму их видно; да и не стали бы присылать деньги *вперед*, если б не так. Кроме того, я Катковым не только доволен, но даже благодарен ему за то, что давал вперед. Нынче журналы обеднели и вперед не дают; а я получил от них несколько тысяч вперед (*четыре*) еще до того срока,[б] как стал отрабатываться, то есть печатать роман. И потому ни сердиться на них, ни изменять им я не могу, а главное, желал бы им быть полезным. Вы говорите, что, по слухам, их журнал падает? Неужели это правда? Мне казалось бы, что нет, — не потому, разумеется, что я участвую, а потому, что это решительно лучший и твердо сознающий свое направление журнал у нас в России. Это правда, что он сух, что литература в нем не всегда хороша (хотя не хуже других журналов; все первые вещи явились у них: «Война и мир», «Отцы и дети» и т. д., не говоря о прежних, старинных годах, и это публика все-таки помнит[7]). Критика редкая (но иногда очень меткая, особенно в том, что не касается так называемой

[а] *Далее было начато*: а я опя‹ть›
[б] *Вместо*: еще до того срока — *было*: до тех пор

изящной литературы), но, главное, наверное появится в каждый год, о чем [в] знает каждый подписчик, три-четыре статьи, самых дельных, самых метких, самых характерных и надобных в настоящее время, и самых новых, и, главное, непременно только у них и ни в одном другом журнале, — об чем знает публика. Вот почему, мне кажется, журнал не может слишком упасть, несмотря на свою сухость и как бы специальность.

В 67-м году сам Катков, при Любимове и секретаре редакции, говорил мне, что у них прибыло 500 подписчиков лишних, говорил же, приписывая «Преступлению и наказанию».[8] «Идиот», я верю, не мог дать новых подписчиков; это мне жаль, и вот почему я очень рад, что они, несмотря на видимый неуспех романа, всё еще держатся за меня. Уведомили меня с извинением, что не могли напечатать конец в декабрьской книге, но разошлют подписчикам особо. Ну, это сквернее всего для меня. Получили ль хоть Вы конец? Напишите, пожалуйста. Мне, впрочем, посылают сюда «Р‹усский› вестник» и за этот год, авось вышлют с февральской книжкой. Из Петербурга мне, впрочем, писали [г] откровенно, что «Идиота» хотя многие ругают и хотя в нем много недостатков, но зато все читают с большим интересом (то есть те, которые читают).[9] Мне это только и нужно. А насчет недостатков я совершенно и со всеми согласен; а главное, до того злюсь на себя за недостатки, что хочу сам на себя написать критику. Страхов хочет мне прислать свой разбор «Идиота», а он не принадлежит к моим хвалителям.[10]

Всё я Вам пишу о себе; но так как уже начал на *эту тему*, то уж слушайте, голубчик мой, дальше; потому что эти *литературные обстоятельства* составляют, по некоторым комбинациям, всё мое теперешнее, будущее и возвращение в Россию. А как бы, как бы хотелось мне обнять всех вас и даже быть с вами постоянно, что, может, и сбудется! Не говорю уже, друг мой, о том (что Вы совершенно поймете), что в литературном деле моем есть для меня одна торжественная сторона, моя цель и надежда (и не в достижении славы и денег, а в достижении выполнения синтеза моей художественной и поэтической идеи, то есть в желании высказаться в чем-нибудь, по возможности вполне, прежде чем умру). Ну вот я и задумал теперь одну мысль, в форме романа. Роман этот называется «Атеизм»; мне кажется, я весь выскажусь в нем. И представьте же, друг мой: писать его здесь я не могу; для этого мне нужно быть в России непременно, видеть, слышать и в русской жизни участвовать непосредственно; надо, наконец, писать его два года.[11] Здесь же я этого не могу и потому должен писать другое. Всё это делает мне всё дальше и дальше жизнь за границей несносною. Знаете ли, что я теперь без шести или по крайней мере без *пяти* тысяч наличных денег

[в] *Было*: что
[г] *Далее было*: что

никак не могу возвратиться в Россию. Я рассчитывал сначала на роман, то есть на успех «Идиота». Если б успех был равный «Преступлению и наказ‹анию›», то у меня были бы эти 5000. Но теперь эти расчеты надо отложить на дальнейшее, и потому господь знает, когда я возвращусь. А мне надо, надо воротиться. Вы пишете о Тургеневе и о немцах. Тургенев за границей выдохся и талант потерял весь, об чем даже газета «Голос» заметила.[12] Я не боюсь онемечиться, потому что ненавижу всех немцев, но мне Россия нужна; без России последние силенки и талантишка потеряю. Я это чувствую, живьем чувствую.

И потому слушайте о моих литературных обстоятельствах, от которых зависит мое настоящее положение, возвращение в Россию и всё будущее. Продолжаю писать: «Заря» прислала мне через Страхова 2-е письмо; это уже формальное приглашение от редакции писать для них. Просят коллективно Страхов, редактор Кашпирев и еще некоторые сотрудники, которых я [д] и не знаю (Градовский, н‹а›пример), и Данилевский (которого я уже 20 лет не видал), — не романист Данилевский, а другой, замечательнейший человек.[13] Кроме того, видно, что в «Заре» совокупилось [е] уже много новых сотрудников, очень замечательных по направлению (глубоко-русскому и национальному). Первый номер «Зари» произвел на меня впечатление сильное и именно своим откровенным и сильным направлением и двумя главными статьями: Страхова и Данилевского. (Страхова статью прочтите, Сонечка, непременно; Вы [ж] подобного по критике еще сродясь не читали.) [14] Данилевского статья «Европа и Россия» будет огромная статья, во многих номерах. Это редкая вещь.[15] Этот Данилевский был прежде социалист и фурьерист, замечательнейший человек и тогда еще, когда попался, двадцать лет тому назад, по нашему делу; был удален [16] и вот теперь воротился вполне русским и национальным человеком.[17] До сих пор он ничего не писал. (Его статью я Вам особенно рекомендую.) Вообще журнал имеет будущность,[18] если только они как-нибудь уживутся вместе, тем более что Страхов, который, в сущности, настоящий редактор, по моему мнению, мало способен к непрерывной, периодической работе. Я, может, и ошибаюсь, дай-то бог. Я отвечал на их предложение, что я всегда готов участвовать, но так как я, по положению моему, нуждаюсь всегда в деньгах *вперед*, а Катков мне всегда давал вперед, то и у них прошу для своего обеспечения теперь же 1000 руб. вперед. (Это немного; да и чем же я буду жить, работая? Не у Каткова же просить денег, когда занят работою для другого журнала.) Письмо послал на днях,[19] н теперь жду ответа. Я знаю только одно, что если у них есть деньги, то они наверно при-

---

[д] *Далее было*: их
[е] *Было начато*: образов‹алось?›
[ж] *Далее было*: еще

шлют; но знаю и то, что у них может не быть, потому что знаю по опыту, как труден первый год издания журнала.[20] Вообще мне никакой особенной выгоды в денежном отношении не будет, если пришлют мне тысячу; у Каткова я бы то же получил и даже гораздо больше. Разве то, что в настоящую минуту будет побольше денег (что очень мне теперь нужно), да то, что из этой тысячи я могу сейчас же отделить 400, чтоб помочь Паше и Эм‹илии› Федоровне и, сверх того, заплатить один несноснейший и мучительный для меня долг в Петербурге, долг чести, без векселя. Только для этого одного долга я и спросил у них тысячу вперед.[21] Кроме того, как мне кажется, будет маленькая выгода еще в том, что я явлюсь перед публикой в другом журнале и если явлюсь хорошо, то и в «Русском вестнике» меня будут побольше ценить. Но боюсь, что в «Русском вестнике» обидятся, хотя я *исключительного* сотрудничества «Русскому вестнику» не обещал, а стало быть, могу, в свободное время, участвовать и в других журналах. Но в том беда еще, что я «Р‹усскому› вестнику» должен остаюсь еще чуть не до 2000 руб., так как всего я получил от них, с теперешней присылкой, до 7000 руб., и всегда вперед. Вот этим они могут обидеться. Но я уже им написал, еще три месяца назад,[22] что роман, который я им напишу, будет готов не для этого, а для будущего семидесятого года.[23] Вещь же, которую я хочу писать для «Зари», повесть, будет готова в четыре месяца и возьмет у меня именно то только время, которое я и назначил себе для гулянья,[24] для отдыха после 14 месяцев работы. Но вообще боюсь, что выйдут сплетни, которые мне повредят в «Р‹усском› вестнике». И потому, Сонечка (так как Вы тоже в сношениях с редакцией), не проговоритесь как-нибудь там, что я в сношениях с «Зарей», да и не говорите вообще никому, если б даже и пришел такой случай. Кстати: что Вы там переводите? Напишите мне непременно, чтоб я мог прочесть Ваш перевод. Непременно.[25]

Ну так вот, я описал Вам подробно положение моих [3] надежд в настоящую минуту. Главный расчет мой в том, что «Идиот» и повесть в «Заре» (которую напечатают в нынешнем году) могут быть проданы, в конце года, вторым изданием,[26] а следств‹енно›, дадут мне возможность уже *положительную* думать о возвращении в Россию. Я уже Вам объяснял, как необходимо мне это во всех отношениях. Но пуще всего я хочу видеть Вас и быть подле всех вас. Уж очень нам здесь скучно становится. Анна Григорьевна теперь будет занята своим делом; но это ожидается к сентябрю, где я тогда буду — не знаю, потому что Флоренция нам обоим безмерно надоела. Между тем и надо непременно поселиться где-нибудь на всё лето и на *сентябрь*, в постоянном и в спокойном месте — мне для работы, а Ане для сентября.[27] С нами будет жить к тому времени мамаша Анны Гри-

[3] *Было*: мое положение

горьевны.[28] Как бы хорошо было, если б всё это произошло в России, если б мы могли хоть к августу возвратиться в Россию; но не может, кажется, быть такой комбинации в настоящее время.

Продолжайте мне непременно писать, ангел мой, о всех подробностях вашей жизни, собственно Вашей и всех вас. Мы, и без писем Ваших, беспрерывно говорим о Вас с Аней, а как получим письма, то и нет конца нашим мечтам и предположениям. Бедная Ваша мамаша, сколько она потеряла со смертию незабвенного Александра Павловича, больше вас всех она потеряла! Она грустит теперь, что лучшие ваши годы (Ваши и Машеньки) проходят так скучно. Я, Сонечка, голубчик мой, непременно хочу вернуться к Вашей свадьбе и быть на ней. Не сердитесь на меня за это желание; Вам слишком хорошо известно, как я смотрю на это: всё это должно быть и сделаться по Вашей воле и к общему удовольствию.[29] Так оно и будет, в это я верую. Меня очень беспокоит то, что Вы пишете о нездоровье Саши; это дурно; но скажите, что за причина ему была оставить университет и заняться таким неблагодарным делом (неблагодарным, я знаю наверно), как инженерство путей сообщения.[30] И какие расчеты были у Александра Павловича? Вот по таким же точно, может быть, расчетам и меня с братом Мишей свезли в Петербург в Инженерное училище, 16-ти лет, и испортили нашу будущность.[31] По-моему, это была ошибка.

Вы пишете, что видели Федю. Человек он добрый, это правда, и, по-моему, ужасно похож, по сущности своего характера, на покойного брата Мишу, своего отца, в его годы, кроме его образования, разумеется. Необразование ужасно гибельная вещь для Феди. Конечно, ему скучно жить; при образовании и взгляд его был бы другой и самая тоска его была бы другая. Эта скука и тоска его, конечно, признак хорошей натуры, но в то же время может быть для него и гибельна, доведя его да какого-нибудь дурного дела; вот этого я боюсь за него.[32] Вообще вся эта семья, так мне близкая, меня приводит в отчаяние. Эмилия Федоровна жалуется на свою бедность, дочь ее Катя растет в большой тоске.[33] Миша, которого Вы не знаете и который лучше Феди, почти ничего не делает и всё ищет места.[34] При мне было бы им лучше. Мысль об них меня беспрерывно мучает, я уже не говорю о Паше. Ах, ангел мой, Вы не знаете, до какой степени я уже успел[и] принять от них всякой неприятности. Злоба, клевета, насмешки — всё это на меня. Во всех своих несчастьях они винят одного меня. Эмилия Федоровна уверяет, что у них была фабрика и они, до моего приезда, жили богато, а когда я приехал и начал журнал, то все обеднели.[к] Всё это ложь; когда я возвратился из ссылки, фабрика была обременена долгами и

[и] *Далее было:* при них
[к] *Далее было начато:* фабри‹ка›

в полном упадке. Притом же и при начале журнала она продолжалась еще два года; но так как она ничего уже не приносила, кроме хлопот, то брат и продал при мне своему приказчику за ничтожнейшую сумму.[35] Журнал же начал брат, и незадолго до возвращения моего испросил[л] позволения у правительства издавать журнал. Начал он его с тем, чтоб спастись от тюрьмы за долги. Журнал этот пошел через меня и имел 4500 подписчиков; он доставил брату, за три года, до 60 000 руб. чистого барыша. Что ж они на меня теперь жалуются? Когда умер брат, денег не было ни копейки, а нужно было додать 8 номеров журнала.[36] Они теперь обвиняют меня: зачем я не бросил журнал и не отдал им 10 000, которые взял у тетки? Каково обвинение! Да за что я буду отдавать и почему я *должен*? От сердца помочь я готов, но почему же *должен*? Потому, дескать, что брат меня содержал в Сибири. Совсем нет. Во всю Сибирь он выслал мне всего до 1000 руб. серебр‹ом›, не более, остальное я заработал собственной работой. Да сверх того, имея полное право потребовать с брата права участия в барышах журнала, я никогда не требовал. А за сочинения мои, за «Мертвый дом» н‹а›пример, я взял с брата всего по 200 руб. с листа, тогда как другие[м] журналы мне предлагали по 250 руб. Они уверяют, с насмешкой, что и журнал-то я основал, чтоб иметь возможность печатать свои сочинения, которые нигде не принимали. Это, вероятно, они говорят про «Мертвый дом» и про «Преступление и наказание». Теперь они кричат, что я их бросил, я, который им всё отдал! Когда умер брат, я, достав денег, собрал их же, всех сотрудников и знакомых, и журнал решено было издавать *по их же просьбе*. Скажите, если б я бросил журнал, что бы они теперь говорили? «Мы были богаты, потому что был журнал с 4000 подписчиков. Федору Михайловичу стоило бы дать 10 000, дотянуть год, и мы были бы теперь богаты, но он журнал бросил». Вот что они бы говорили! Как они злобно смотрели на мою свадьбу (я разумею Эмилию Федоровну, Владиславлевых,[37] Катю и, может быть, Пашу), какие насмешки они говорили тогда, что они внушали про меня, потихоньку, Анне Григорьевне, как пугали ее, как мерзили ей меня![38] (Всё это я теперь узнал; всё это *факты*, уверяю Вас.) Жаль, что я Вам всего не могу написать. Теперь я сам едва имею чем жить, а они кричат, что я их бросил![39] Я выехал из России, уже бывши должным Каткову *3000*. Поверите ли Вы, что эти два года я жил всего на 4000 р., с переездами, с рождением Сони, и сверх того, из этих же денег,[н] из этих же 4000, нашел возможным, за два года, истратить на них более 700 руб. (считая всё) да за квартиру их нюю 500 руб. Алонкину еще должен, — итого истратил на них до

[л] *Было*: взял
[м] *Далее было:* мне
[н] *Далее было*: пошло на

тысячи двухсот руб. Они же костят меня и ругают (это я знаю положительно) за то, «что я их бросил, тогда как брат меня содержал в Сибири». А по справедливости, брат мне бесчисленно должен остался. Вместо того, чтоб бросить эти 10 000, да потом до двенадцати (если не более) тысяч уплатить кредиторам, да еще и теперь быть должным, — *лучше бы я Вам отдал теперь пять тысяч,*° *которые покойный Александр Павлович отдал брату за три месяца до его смерти.* Александр Павлович тогда сказал мне, на *мой совет* дать их брату, чтоб я их гарантировал. Разумеется, серьезно и положительно ни я их не мог гарантировать, потому что сам ничего не имел, ни Александр Павлович не мог меня спрашивать серьезно, то есть в деловом отношении. Да и дал он брату уже без меня и безо всякой моей подписи.[40] Но ведь я же понимаю, что не в подписи дело, а в том, что я, *первый*, навел на мысль Вашего папашу отдать деньги брату, и, сверх того, он тогда же *пожелал*, чтобы я их обеспечил. А стало быть, по совести, я признаю себя в этих деньгах виноватым торжественно, и если когда-нибудь благословит меня бог выбраться из этих петербургских кредиторов и что-нибудь написать с успехом, вроде «Преступления и наказания», то второе издание ваше. И покамест я жив, то вечно буду иметь в мысли *отдать* всем вам эти 5000. И это будет; я верую.

Ах, Сонечка, как начну на эту тему, то и распишусь безмерно. Слишком уж меня эти петербургские мучают. Прощайте! Обнимаю вас всех. Я люблю Вас и всех Ваших больше всех и Александра Павловича слишком помню и ценю. Обнимаю вас всех. Всем поклон. Машу целую. Марье Сергевне, Елене Павловне напомните обо мне. Обнимаю и целую крепко Верочку.

Ваш весь Федор Достоевский.

Пишите мне. Адресс тот же.

Анна Григорьевна всех вас целует крепко и любит искренно.

° *Было*: 500

364. Н. Н. СТРАХОВУ

18 (30) марта 1869. Флоренция

Флоренция 30/18 марта/69.

Во-первых, благодарю Вас, многоуважаемый Николай Николаевич, за то, что не замедлили Вашим ответом: в моих обстоятельствах это составляет половину дела, потому что определяет мои занятия и намерения. Благодарю Вас, во-вторых, за распоряжение о присылке «Зари»,[1] а в-третьих — за доброе известие об Аполлоне Николаевиче.[2] Я напишу ему сам, в ответ на его письмо,[3] на днях. Если он меня Вам хвалил, то будьте уверены, что и я его постоянно. В это последнее время *недоумения*, про-

исшедшего от моей мнительности, я ни капли не потерял к нему моего сердечного расположения. А о том, что он хороший и чистый человек, — в этом для меня слишком давно нет сомнения, и я весьма рад, что Вы с ним так сошлись.[4]

Если «Заря» не имеет покамест такого успеха, какого бы желательно, то ведь все-таки же она имеет успех и почти значительный, а это не шутка. Хоть третью тысячу подписчиков вы, может быть, и не доберете, но, поддержав успех в продолжение года, вы, повторяю это с упорством, станете на твердое основание.[5] Из ежемесячных журналов нет ни одного с таким точным и твердым направлением. Второй номер на меня произвел чрезвычайно приятное впечатление.[6] Про Вашу статью и не говорю. Кроме того, что это — *настоящая* критика, — именно то самое *слово, которое теперь* всего необходимее и всего более разъясняет дело.[7] Статья же Данилевского, в моих глазах, становится всё более и более важною и капитальною. Да ведь это — будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием. Как хотелось бы мне поговорить об этой статье с Вами, именно с Вами, Николай Николаевич; но слишком много надо говорить.[8] Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, па иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью, и чуть не под тем же самым заглавием, с точно такою мыслию и выводами.[9] Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, — уже осуществленным — стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда. Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения «Зари» (и хоть бы по три-то главы печатала редакция вместо двух! Прочтешь две главы и думаешь: целый месяц еще, а пожалуй и 40 дней! — так как «Заря» все-таки не отличается же аккуратностию выхода, не правда ли?). Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я всё еще не уверен, что Данилевский укажет в *полной силе* окончательную сущность русского призвания, которая[а] состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. Помоему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия.[10] Но в одном слове не выскажешься, и я напрасно даже заговорил. Но одно[б] еще выскажу: не может

[а] *Далее было*: есть
[б] *Далее было*: знаете

такое строгое, такое русское, такое охранительное и зиждительное направление журнала не иметь успеха и не отозваться радостно в читателях, после нашего жалкого, напускного, с раздраженными нервами, одностороннего и бесплодного отрицания.

2-я книжка «Зари» составлена, кроме того, обильно. В ней есть очень хорошие статьи.[в] Приятно видеть книжку.

Но несколько строк в Вашем письме, многоуважаемый Николай Николаевич, *на время* весьма удивили меня. Что это Вы пишете — и с такою тоской, с такою видимою грустию, — что статья Ваша не имеет успеха, *не понимают*, не находят ее любопытною. Да неужели ж Вы, действительно, убеждены были, что все так, тотчас же, и поймут? По-моему, это было бы даже плохою рекомендациею для статьи. Что слишком скоро и быстро понимается, — то не совсем прочно. Белинский только в конце своего поприща заслужил известность желаемую, а Григорьев так и умер, *ничего* почти не достигнув при жизни. Я привык Вас до того уважать, что считал Вас *мудрым* и для этого обстоятельства. Сущность дела так тонка, что всегда улетает от большинства; они понимают, когда уже очень разжуют им, а до того им кажется всегда всякая новая мысль не особенно любопытною. И чем проще, чем яснее (то есть чем с большим талантом) она изложена, — тем более и кажется она слишком *простою* и *ординарною*. Ведь это закон-с! Простите меня, но я даже усмехнулся на Ваше, очень наивное, выражение, что «не понимают люди *даже очень смышленые*».[11] Да эти-то скорей других и всегда не понимают и даже вредят пониманию других, — и это имеет свои причины, слишком ясные, и конечно, тоже закон. Но ведь сами же говорите Вы, что за Вас восторженно стоят и Градовский, и Данилевский, что Аксаков к Вам заехал и т. д.[12] Мало Вам этого? Но я все-таки твердо уверен, что в Вас настолько есть самосознания и внутренней потребности движения вперед, что *Вы* не потеряете уважения к своей деятельности и не оставите дела! А то не пугайте, пожалуйста. Вы уйдете — «Заря» распадется.

Теперь о *делах*: личные, денежные обстоятельства мои теперь несколько поисправились присылкою от Каткова,[13] который видимо ценит меня как сотрудника, а я ему за это очень благодарен. Но я до того зануждался, что и эти присланные деньги мне помогли почти только на минуту. Очень скоро я буду опять нуждаться; но поверьте мне, многоуважаемый Николай Николаевич, что не одни деньги, а истинное сочувствие к «Заре» (в котором Вы-то, может быть, сомневаться не будете) возбуждают мое желание в ней участвовать. Несмотря на всё это, я не могу никак принять предложение Кашпирева, в том виде, как Вы изобразили в Вашем письме, — именно потому, что это для меня *физически* невозможно. Тысяча рублей, да еще с рассроч-

[в] *Далее было*: критические

кой (и первая выдача не сейчас, а *сейчас*-то и составляет главное) — для меня теперь слишком мало.[14] Согласитесь сами, что заняться вещью, говоря относительно, объемистою, в 10, в 12 листов, — и во всё это время иметь в виду только тысячу рублей, чуть не до сентября, в моем положении слишком недостаточно. Конечно, и прежде, делая такое предложение, я был бы в тех же условиях. Но настоятельная *нужда* моя была, *месяц назад, ПРИ МОЛЧАНИИ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»*, до того сильна, что тысяча рублей *сейчас* и *разом* имела для меня чрезвычайную ценность. Теперь же мне выгоднее сесть, и сесть как можно скорее, за роман на будущий год в «Русский вестник»,[15] который до того времени не оставит меня без денег, да и расставаться с Катковым я никогда не был намерен. Но вот что я могу, в настоящую минуту, представить «Заре» *вместо прежних* условий и в том случае, если все-таки хоть сколько-нибудь оценят мое сотрудничество и предложение мое не будет противуречить видам журнала.

У меня есть один рассказ, весьма небольшой, листа в 2 печатных, может быть, несколько более (в «Заре», может быть, займет листа 3 или даже $3^1/_2$). Этот рассказ я еще думал написать четыре года назад, в год смерти брата, в ответ на слова Ап‹оллона› Григорьева, похвалившего мои «Записки из подполья» и сказавшего мне тогда: «Ты в этом роде и пиши». Но это не «Записки из подполья»; это совершенно другое по форме, хотя сущность — та же, моя всегдашняя сущность, если только Вы, Николай Николаевич, признаете и во мне, как у писателя, некоторую свою, особую сущность. Этот рассказ я могу написать очень скоро, — так как нет ни одной строчки и ни единого слова, неясного для меня в этом рассказе. Притом же много уже и *записано* (хотя еще ничего не написано).[16] Этот рассказ я могу кончить и выслать в редакцию гораздо раньше первого сентября (хотя, впрочем, думаю, вам раньше и не надо; не в летних же месяцах будете вы меня печатать!). Одним словом, я могу его выслать даже через *два* месяца. И вот всё, чем в нынешнем году я в состоянии принять участие в «Заре», несмотря на всё желание писать туда, где пишете Вы, Данилевский, Градовский и Майков. Но вот при этом мои условия, которые и прошу Вас передать, в ответ на первый ответ, Каширеву.

Я прошу, во-первых, СЕЙЧАС вперед, — 300 рублей. Из них 125 рублей, *немедленно* (в случае согласия), прошу Вас,[г] Николай Николаевич, очень, — передать Марье Григорьевне Сватковской (адресс я Вам писал в прошлом письме),[17] остальные же 175 рублей выслать мне, сюда во Флоренцию, не более *как через месяц от сегодняшнего числа* (то есть от 30/18 марта), то есть я бы желал, чтоб к 18-му апреля, *нашего стиля*, эти 175 руб. были уже здесь у меня.[18] В таком случае я, через два месяца,

---

[г] *Далее было*: очень

вышлю повесть и постараюсь не сконфузиться, то есть представить работу по возможности лучше. (Не за деньги же я выдумываю сюжеты; не было бы у меня замышлено рассказа, то я бы и не представлял условий.)

Теперь, Николай Николаевич, не рассердитесь (дружески прошу) за эту *условность*, за *торг* и т. д. Это вовсе не торг, — это точное и ясное изложение моих обстоятельств, и чем точнее, чем яснее, — тем ведь и лучше в делах. Но я слишком хорошо Вас-то, по крайней мере, знаю, чтоб быть уверенным в Вашем на меня взгляде. Не писали бы Вы мне таких добрых писем, если б не уважали меня до известной степени и как человека, и как литератора. А Ваше мнение я всегда (и во всех наших отношениях) ценил.

Теперь собственно к Вам *большущая* просьба, Николай Николаевич: уведомьте меня о решении Кашпирева, *немедленно*, по получении письма моего. Это *необходимо* мне крайне, для распределения моих расчетов и, главное, занятий. Если будете заняты, то напишите только хоть несколько уведомляющих строк.[д]

Адресс Марьи Григорьевны Сватковской:

на Песках, напротив Первого Военно-сухопутного госпиталя, по Ярославской улице, дом № 1-й (хозяйке дома), то есть в собственном доме.

До свидания, многоуважаемый и добрейший Николай Николаевич. Ваши письма для меня составляют слишком многое. Анна Григорьевна Вам очень кланяется. А я Вам совершенно преданный

Федор Достоевский.

P. S. Плата за мой лист прежняя, как я уже и писал: 150 руб. с листа печати «Русского вестника». Само собою, что если в повести будет более 2-х листов, то редакция «Зари» доплатит остальное.

P. S. Кто это говорил Вам дурно про мое здоровье:[19] здоровье мое чрезвычайно хорошо, а припадки хоть и продолжаются, но *буквально* вдвое реже, чем в Петербурге, по крайней мере, с переселения в Италию.

[д] *Далее было начато:* и это во всяк‹ом›

365. Н. Н. СТРАХОВУ

6 (18) апреля 1869. Флоренция

Флоренция $\frac{18\text{-е}}{6\text{-е}}$ апреля.

Благодарен Вам за все Ваши хлопоты весьма, многоуважаемый Николай Николаевич.[1] С Вами удивительно приятно иметь дело уж по одной аккуратности Вашей. И между тем я опять

с просьбами к Вам; это даже бессовестно. И потому одного прошу прежде всего: если просьбы мои хотя бы только чуть-чуть затруднительны — бросьте их; главное, не желаю быть Вам в тягость, а, обращаясь к Вам, повинуюсь одной только необходимости.

Приступим же.

1-я просьба: Вы пишете, что в половине апреля будут отправлены ко мне деньги (175), и обещаетесь сами иметь над отправкой наблюдение. Особенно благодарю Вас за это обещание, потому что на точность и аккуратность остальной редакции,[2] не зная ее близко, не могу надеяться. Но вот что: если только возможно — нельзя ли ускорить срок присылки денег хотя бы только пятью или четырьмя днями? Вот в этом просьба. Дело в том, что по домашним обстоятельствам надо мне перебраться из Флоренции. Здесь начинает становиться жарко, климат (летом) нейдет, по отзывам медицины, к положению Анны Григорьевны. К тому же и доктора и его помощницу надо сыскать теперь говорящих на языке понятном и порядочных. Во Франции дорого, а в Германии хорошо, и именно в Дрездене, где уже мы проживали и даже знакомство имеем.[3] Между тем с каждой текущей неделей весь этот переезд становится для жены труднее, хотя ей месяца четыре еще остается, и потому чем скорей, тем лучше.[4] Одним словом, тут много обстоятельств. На днях мы ждем сюда во Флоренцию мать Анны Григорьевны[5] и при первой возможности хотим все втроем сняться с якоря и направиться через Венецию в Дрезден. 175 руб. деньги небольшие для такого длинного переезда; а так как у меня и теперь денег нет, то всё это время, до самого отъезда, придется жить в долг, рассчитывая заплатить из[а] ожидаемых же денег. Сделав два дня тому расчет, я ужаснулся, как мало останется, а потому и прошу убедительно, если возможно прислать поскорее, то и прислать, хотя бы даже несколькими днями раньше. Дорого яичко к красному дню. Ну вот — это первая просьба.

2-я просьба — насчет «Зари». Удивительно поздно я ее получаю. По некоторым же признакам (читая иногда в «Голосе») убеждаюсь, что она выходит несколько раньше, чем я получаю.[6] Ждешь, ждешь — му́ка нестерпимая. Вы не поверите, какая мука ждать! Нельзя ли, Николай Николаевич, получать и мне в свое время? При этом осмеливаюсь прибавить, для разъяснения, что я и в самом начале имел в виду не *даром* получать «Зарю», а за те же деньги. Я убежден, что в повести моей будет с пол-листа больше, чем за сколько я получу теперь[б] денег.[7] И потому, при окончательном расчете, пусть редакция вычтет. Ну вот 2-я просьба, но при этом маленькая частность: если, например,[в] в минуту

а *Далее было*: этих же

б *Вместо*: получу теперь *было*: получил

в *Далее было*: тотчас

получения *этого* письма «Заря» уже вышла, то вышлите мне ее немедленно во Флоренцию, так как еще меня застанете во Флоренции.[8] Если же еще не вышла, то уже и не высылайте во Флоренцию, а по новому адрессу: Allemagne, Saxe, Dresden, poste restante, à M-r Théodore Dostoiewsky.*

3-я просьба — щекотливая, но зато если чуть-чуть затруднительна, то бросьте ее без церемонии, то есть если даже чуть-чуть. Именно: я написал сейчас, что убежден, что в повести моей будет хвостик, за который придется редакции мне приплатить. Но кроме того, что стоит «Заря», я бы желал иметь несколько книг, которых я до сих пор еще не читал, а именно: «Окраины России» Самарина [9] и всю «Войну и мир» Толстого.[10] «Войну и мир» я, во-1-х, до сих пор прочел не всю (о 5-м, последнем, томе и говорить нечего), а во-вторых, и что прочел, то — порядочно забыл. Итак, если возможно (не торопясь) выслать мне эти две книги, на мой *счет*, преспокойно взяв их у Базунова в кредит, то есть таким образом, чтоб это никому ничего не стоило, и за что я сам рассчитаюсь при расчете. Выслать же прошу по адрессу в Дрезден. Ну вот это третья просьба! Хороша? Видите ли, многоуважаемый Николай Николаевич, если эта просьба заключает в себе хотя каплю неприятности или хлопот, то бросьте ее. Я же потому прошу, что мне читать решительно нечего? Вы вот спрашиваете в письме Вашем, что я читаю. Да Вольтера и Дидро всю зиму и читал.[11] Это, конечно, мне принесло и пользу и удовольствие, но хотелось бы и теперешнего нашего.

Окончание моего «Идиота» я сам получил только что на днях, особой брошюркой (которая рассылается из редакции прежним подписчикам).[12] Не знаю, получили ли Вы?

Я прошу Марью Григорьевну Сватковскую поговорить с Базуновым — не купит ли он 2-е издание? Если заломается, то и не надо. Цену я (сравнительно с прежними изданиями моими) назначаю ничтожную, 1500 р. Меньше не спущу ни копейки. Хотелось бы 2000. Базунов будет не рассудителен, если откажется.[13] Ведь уж ему-то, кажется, известно, что нет сочинения моего, которое не выдерживало бы двух изданий (не говоря уже о трех, четырех и пяти изданиях).[14] Об [г] этом сообщении моем не говорите, впрочем, никому, прошу Вас, до времени.

Раз навсегда — замолчите и не говорите о своем «*бессилии*» и об «*скомканных набросках*».[15] Тошно слушать. Подумаешь, что Вы притворяетесь. Никогда еще не было у Вас столько ясности, логики, *взгляда* и *убежденного вывода*. Правда, Ваша «Бедность русской литературы» [16] мне понравилась больше, чем статья о Толстом. Она шире будет. Но зато первая половина

[г] *Далее было начато*: извест‹ин›

* Германия, Саксония. Дрезден, до востребования, г-ну Федору Достоевскому (*франц.*).

статьи о Толстом — ни с чем не сравнима: это идеал критической постановки. По-моему, в статье есть и ошибки, но, во-1-х, это только по-моему, а во-2-х, и ошибки такие хороши. Эта ошибка называется: *излишнее увлечение*, а это всегда делу спорит, а не вредит. Но, в конце концов, я еще не читывал ничего подобного в русской критике.[17]

Про статью Данилевского думаю, что она должна иметь колоссальную будущность, хотя бы и не имела теперь. Возможности нет предположить, чтоб такие сочинения могли заглохнуть и не произвести всего впечатления.[18] Про Фрола же Скобеева хотел было написать к Вам письмо, с тем чтоб его напечатать в «Заре», да некогда и слишком волнуюсь; впрочем, может быть, и исполню. Не знаю, что выйдет из Аверкиева, но после «Капитанской дочки» я ничего не читал подобного.[19] Островский — щеголь и смотрит безмерно выше своих купцов. Если же и выставит купца в человеческом виде, то чуть-чуть не говоря читателю или зрителю: «Ну что ж, ведь и он человек». Знаете ли, я убежден, что Добролюбов правее Григорьева в своем взгляде на Островского. Может быть, Островскому и действительно не приходило в ум всей идеи насчет Темного царства, но Добролюбов *подсказал* хорошо и попал на хорошую почву.[20] У Аверкиева не знаю — найдется[д] ли столько блеску в таланте и в фантазии, как у Островского, но изображение и дух этого изображения — безмерно выше. Никакого намерения. Предвзятого. Аннушка прекрасна безо всяких условий, отец тоже. Фрола бы только я сделал немножко подаровитее. Знаете ли, Николай Николаевич: Велик-Боярин, Нащокин, Лычиков — ведь это наши тогдашние джентльмены (не говоря о другом), ведь это сановитость[е] боярская безо всякой карикатуры. Ведь на них не только нельзя бросить карикатурного осклабления à la Островский, но, напротив, надо подивиться их джентльменству, то есть русскому боярству. Это — grand monde * того времени в высшей и правдивейшей степени, так что если и засмеется кто, так только разве над тем, что кафтан другого покроя. Прежде всего и *главнее* всего слышится, что это *изображение в самом деле* именно то настоящее, что и было. Это великий новый талант, Николай Николаевич, и, может быть, повыше многого современного. Беда, если его хватит только на одну комедию.

Хотел было кой-что написать Вам о мартовской «Заре», да не напишу. То есть я разумею об изящной литературе мартовского (да и февральского) номера, но — подожду еще. Не годится мне-то писать, да и боюсь.

д *Было*: есть
е *Было*: строгие объятия <?>
* высший свет (*франц.*).

Поклон мой всем. Крепко жму Вам руку. Анна Григорьевна очень Вам кланяется.

Ваш весь Ф. Достоевский.

P. S. Само собою деньги (175 руб.) надо высылать *во Флоренцию*; без них я и подняться не могу. «Заря» тоже, если вышла уже, во Флоренцию. Если же хоть чуть-чуть замедлила, то в Дрезден.[ж]

Ради Христа, не извещайте о моей повести раньше, то есть так, как сделано было про «Цыган».[21]

[ж] *Далее было начато*: Не говорите всем, которые

366. Н. Н. СТРАХОВУ

29 апреля (11 мая) 1869. Флоренция

Флоренция 29/11 $\frac{\text{апреля}}{\text{мая}}$/69.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

После срока, Вами назначенного, прошло столько времени, и не только не видно денег, но и никакого известия.[1] А известие мне теперь дороже всего: я ничего не могу предпринять, я должен *ждать*, и это меня совершенно связывает. Я здесь даже трачу втрое через это ждание: чтоб не возобновлять уговор с прошлой квартирой на месяц, я ее оставил, по моему мнению, дня на три, не больше, и вот теперь уже восемь дней плачу не помесячно, а поденно, что несравненно дороже. Так и во всех других расходах — и гадко и дорого, и предпринять ничего не могу. Обратись я просить[а] денег к другим, придется опять три недели во Флоренции оставаться. Здесь же жара. Но главное — неопределенное положение. Что сделалось у Вас, ради бога, объясните. После такого твердого Вашего заверения — я рассчитал день и час моего выезда отсюда.[б] Не больны ли Вы? Не ошиблись ли Вы в моем адрессе? Повторяю его: Italie, Florence, à M-r Théodore Dostoiewsky, poste restante.

Не случилось ли чего неприятного с «Зарей»? Я не получил 4-го номера. Она-то почему не выходит?[2]

Величайшая просьба, многоуважаемый Николай Николаевич: напишите мне — ждать или нет? Напишите, пожалуйста, *не медля ни минуты*. По крайней мере, Вы мне руки развяжете.

Ваш весь Федор Достоевский.

[а] *Было начато*: искат‹ь›

[б] *Текст*: я рассчитал ∾ отсюда. — *вписан.*

Жена кланяется Вам. Не сердитесь, что я к Вам так пристаю. Уверяю Вас, что я в очень жестком положении. Но, главное, мне всё мерещится — не случилось ли чего у вас в редакции?

Всего только два слова ответа.[3]

367. А. Н. МАЙКОВУ

15 (27) мая 1869. Флоренция

Флоренция 15/27 мая/69.

Сколько, сколько времени не отвечал я Вам на Ваши добрые искренние отзывы, добрый и единственный друг мой! Но Вы правы; потому что Вас и одного только Вас считаю я человеком по сердцу своему из всех тех, с которыми случалось встречаться и жизнь изживать, вот уже почти в продолжение сорока восьми лет.[1] Из всех встретившихся, во все 48 лет, вряд ли у меня был (не говорю уж есть) хоть один такой, как Вы[2] (я о брате покойном не говорю).[3] Мы с Вами хоть и розной общественной жизни, но по сердцу и по сердечным встречам, по душе и дорогим убеждениям — почти однокашники. Даже выводы ума и всей прожитой жизни нашей до странности, в последнее время, стали схожи у нас обоих, и, думаю, что и сердечный жар один и тот же. Посудите, например, друг мой, по следующему факту: помните ли Вы, как прошлого года, кажется, летом и, кажется, именно ровно год назад (перед дачным временем, сколько припомню[а]), я написал Вам письмо (на которое месяца три или четыре не получал от Вас ответа; тут пресеклась наша переписка, и когда вновь опять началась[б] осенью, то мы начали писать совершенно уже про другое и забыли то, на чем летом остановились). Ну так в этом письме, в конце, я писал к Вам, полный серьезного и глубокого восторга, о *новой идее*, пришедшей мне в голову, собственно для Вас, для Вашей деятельности (то есть, если хотите, идея пришла сама по себе, как нечто самостоятельное и для меня вполне целое, но так как сам себя я никоим образом не мог считать возможным исполнителем этой идеи, то назначил ее, в желаниях моих, для Вас, естественно. Так даже, что, может, она и родилась-то во мне именно, как я уже сказал, *для Вас* или, лучше сказать, нераздельно с образом Вашим *как поэта*).[4] Если б Вы тогда, летом, тотчас бы мне ответили, я бы послал Вам огромное разъяснение идеи, с подробностями; я уже и обдумал тогда, всё до последней строчки, что Вам написать. Но, кажется, и лучше вышло, что Вы мне тогда не ответили. Посудите: идея

а *Вместо*: сколько припомню — *было*: кажется

б *Вместо*: опять началась — *было начато*: про др‹угое›

моя состояла тогда в том (теперь я скажу только несколько слов про нее), что мог бы появиться, в увлекательных, обаятельных стихах, — в таких стихах, которые сами по себе, безо всякого усилия, наизусть заучиваются — что всегда бывает с глубокими и прелестными стихами, — мог бы появиться, говорю я, ряд былин (баллад, песней, маленьких поэм, романсов, как хотите назовите; тут уж сущность и даже размер стихов зависят от души поэта и являются вдруг, совершенно готовые в душе его,[в] даже независимо от него самого...). Сделаю отступление значительное: поэма, по-моему, является [г] как самородный драгоценный камень, алмаз, в душе поэта, совсем готовый, во всей своей сущности,[д] и вот это первое дело поэта *как создателя и творца*, первая часть его творения. Если хотите, так даже не он и творец, а жизнь, могучая сущность жизни, бог [е] живой и сущий, совокупляющий свою силу в многоразличии создания *местами*, и чаще всего в великом сердце и в сильном поэте, так что если не сам поэт творец (а с этим надо согласиться, особенно Вам как знатоку и самому поэту, потому что ведь уж слишком цельно, окончательно и готово является вдруг из души [ж] поэта создание), — если не сам он творец, то, по крайней мере, душа-то его есть тот самый рудник, который зарождает алмазы и без которого их нигде не найти. Затем уж следует *второе* дело поэта, уже не так глубокое и таинственное, а только как художника: это, получив алмаз, обделать и оправить его. (Тут поэт почти только что ювелир.) Ну так вот, в этом ряде былин, в стихах (представляя себе эти былины, я представлял себе иногда Ваш «Констанцский собор») [5] — воспроизвести, с любовью и *с нашею мыслию*, с самого начала с русским взглядом,[6] — всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и местами, как бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом. Таких всевыражающих пунктов найдется, во все тысячелетие, до десяти, даже чуть ли не больше. Ну вот схватить эти пункты и рассказать в былине, *всем и каждому*, но не как простую летопись, нет, а как сердечную поэму, даже без строгой передачи факта (но только с чрезвычайною ясностию), схватить главный пункт и так передать его, чтоб видно, с какой мыслию он вылился, с какой любовью и мукою эта мысль досталась. Но без эгоизма, *без слов от себя*, а наивно, как можно *наивнее*, только чтоб одна любовь к России била горячим ключом — и более ничего. Вообразите себе, что в третьей или в четвертой былине (я их в уме тогда сочинил и долго потом сочинял)

в *Было*: поэта
г *Было*: есть
д *Далее было начато*: а пос‹ле›
е *Вместо*: бог — *было начато*: богом
ж *Было*: в душе

у меня вышло взятие Магометом 2-м Константинополя [7] (и это прямо и невольно явилось как былина *из русской истории*, сама собою и без намерения; потом я сам подивился, как, без всякого сомнения и даже без обдумывания и без сознания, у меня так пришлось, что взятие Константинополя я причел прямо к *русской истории*, не усумнившись нимало). Вся эта катастрофа [з] в наивном и сжатом рассказе: турки облегли Царьград тесно; последняя ночь перед приступом, который был на заре; [8] последний император [9] ходит по дворцу

(«Король ходит большими шагами»),[10]

идет молиться образу Влахернской божией матери; [11] молитва; приступ, бой; султан с окровавленной саблей въезжает в Константинополь. Труп последнего императора отыскивают по приказанию султана в куче убитых, узнают по орлам, вышитым на сапожках.[12] Святая София,[13] дрожащий патриарх,[14] последняя обедня, султан, не слезая с коня, скачет по ступеням в самый храм (historique *), доскакав до средины храма, останавливает коня в смущении, задумчиво и с смятением озирается и выговаривает слова: «Вот дом для молитвы Аллаху!» Затем выбрасывают иконы, престол, ломают алтарь, становят мечеть,[15] труп императора хоронят, а в русском царстве последняя из Палеологов является с двуглавым орлом вместо приданого; [16] русская свадьба, князь Иван III в своей деревянной избе вместо дворца,[17] и в эту деревянную избу переходит и великая идея о всеправославном значении России, и полагается первый камень о будущем главенстве на Востоке, расширяется круг русской будущности, полагается мысль не только великого государства, но и целого нового мира, которому суждено обновить христианство всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль,[18] когда загниет Запад, а загниет он тогда, когда папа исказит Христа окончательно и тем зародит атеизм в опоганившемся западном человечестве.

Да и не эта одна мысль об этой эпохе: была у меня мысль, рядом с изображением деревянной избушки и в ней умного, с величавой и глубокой идеей князя, в бедных [и] одеждах митрополита,[19] сидящего с князем, и прижившейся в России «Фоминишны» — вдруг, в другой уже балладе, перейти к изображению конца пятнадцатого и начала 16-го столетия в Европе, Италии, папства, искусства храмов, Рафаэля, поклонения Аполлону Бельведерскому, первых слухов о реформе, о Лютере, об Америке, об золоте,[20] об Испании и Англии,[21] — целая горячая картина, в параллель со всеми предыдущими русскими картинами, — но с намеками о будущности этой картины, о будущей

з *Было*: сцена

и *Было*: бедного

* исторический очерк (*франц.*).

науке, об атеизме, о *правах человечества*, сознанных по-западному, а не по-нашему,[22] что и послужило источником всего, что есть и что будет. В горячей мысли моей я думал даже, что не надо кончать былины[к] на Петре, например,[23] об котором непременно нужно особенное[л] хорошее слово и хорошая поэма-былина с смелым и *откровенным* взглядом, *нашим взглядом*.[24] Я бы прошел до Бирона, до Екатерины и далее,[м] — я бы прошел[н] до освобождения крестьян и до бояр, рассыпавшихся по Европе с последними кредитными рублишками, до барынь, б<--->щих с Боргезанами,[25] до семинаристов, проповедующих атеизм,[26] до всегуманных и всесветных граждан русских графов, пишущих критики и повести,[27] и т. д. и т. д. Поляки бы должны были занять много места.[28] Затем кончил бы фантастическими картинами будущего: России через два столетия, и рядом померкшей, истерзанной и оскотинившейся Европы, с ее цивилизацией. Я бы не остановился тут *ни перед какой фантазией*...

Вы считаете меня в эту минуту, конечно, за сумасшедшего, собственно и главное за то, что я так расписался, потому что[о] обо всем этом надо говорить лично, а не писать, ибо в письме ничего понятно не передашь. Но я разгорячился. Видите ли: прочтя в Вашем письме о том, что Вы пишете эти баллады,[29] я страшно удивился тому: как это нам, так долго разлученным, пришла одна и та же мысль, одной и той же поэмы? Обрадовавшись этому, я потом задумался: так ли это мы оба понимаем, то есть одинаково ли? Видите ли: моя мысль в том, что эти баллады могли бы быть великою национальною книгой и послужить к возрождению самосознания русского человека много. Помилуйте, Аполлон Николаевич! Да ведь эти поэмы все мальчики в школах будут знать и учить наизусть. Но, заучив поэму, он заучит ведь и мысль и взгляд, и так как этот взгляд верен, то на всю жизнь в душе его и останется. Так как это стихи и поэмы, сравнительно короткие, то ведь весь мир читающий русский прочтет их, как «Констанцский собор», который многие до сих пор наизусть знают.[30] И потому — это не просто поэмы и литературное занятие, — это наука, *это проповедь*, это подвиг. Когда я прошлого года хотел писать Вам и склонить Вас, чтоб Вы принялись за эту мысль, я думал про себя: да как я передам ему, чтоб он понял[п] меня совершенно? И вдруг, через год, Вы сами *вдохновляетесь ТОЙ ЖЕ* самой идеей и *находите нужным* ее писать! Значит, идея верна! Но одно, одно надо и непременно: надо, чтоб поэмы были необыкновенной поэтической прелести, чтоб увлекли и увлекли непременно, увлекли до не-

---

[к] *Вместо*: кончать былины — *было*: останавливаться

[л] *Вместо*: об котором ∾ особенное — *было*: об котором могло бы быть

[м] *Вместо*: и далее — *было*: и до бояр

[н] *Было*: прошел далее

[о] *Далее было начато*: в пись<ме>

[п] *Далее было*: важно

вольного заучивания. Друг мой! Вспомните, что, может быть, вся Ваша поэтическая карьера до сих пор была только одно *предисловие, введение* и что теперь только придется Вам вполне по силам сказать *новое слово, Ваше новое слово*![31] И потому смотрите на дело серьезнее, глубже и больше восторга. А главное — простоты и наивности больше. Да вот еще: пишите рифмой, а не старым русским размером. Не смейтесь! Это важно: *теперь рифма — народна, а старый русский размер — академизм.* Ни одно сочинение белыми стихами наизусть не заучивается. Народ уже не сочиняет песен прежним размером, а сочиняет в рифмах.[32] Если не будет рифмы (и не будет почаще хорея) — право, Вы дело погубите. Можете надо мной смеяться, но я правду говорю! Грубую правду!

Об Ермаке же ничего Вам сказать не могу; Вы, конечно, лучше знаете.[33] По-моему, сначала казачье — удальство — бродяжничество и разбой. Потом уже указывается гениальный человек под бараньим тулупом; угадывает колоссальность дела и будущее значение его, но уже тогда, когда почти всё дело пошло на лад и удачно обделалось. Тут рождается русское *чувство*, православное чувство единения с русским корнем (даже непосредственное, может быть, чувство вроде тоски), — а из того выходит посольство и челобитье великому государю, выражающему в понятиях народа вполне русский народ. (NB. Главное и полнейшее выражение этого понятия дошло до полного, последнего своего развития, знаете ли когда, по-моему? В нашем столетии. Разумеется, я говорю об народе, а не о прогнивших боярах и семинаристах.)

Но довольно теперь об этом. Я только верю одному: что мы с Вами сходимся в идеях, и радуюсь этому. Пришлите мне, пожалуйста, хоть что-нибудь из написанного, а если можно, то больше пришлите.[34] Не употреблю во зло. Сами видите, что это меня до *волнения* интересует!

Вы спросите: почему я так долго Вам не писал? Но я так долго не писал, что мне и отвечать на это уже затруднительно. Главное — тоска, а если говорить и разъяснять больше, то слишком уже много надобно говорить. Но тоска такая, что если б я был один, то, может быть, заболел бы с тоски. Хорошо еще, что я с Анной Григорьевной, которая, как Вы знаете, опять с надеждами. Эти надежды волнуют нас обоих.[35] (С нами живет тоже теперь мать Анны Григорьевны,[36] что при теперешнем ее положении необходимо.) Мы имели недавно большую неудачу, оставшись во Флоренции, тогда как уже месяц тому назад решено было переезжать в Дрезден. Всё произошло через деньги. Я кончил тем, что обещал повесть (очень малая будет) в «Зарю».[37] Милейший Николай Николаевич (который, может быть, теперь на меня сердится) обделал дело: 125 рублей доставил Марье Григорьевне Сватковской для внесения процентов (60 р.) и остальные 65 для раздела Паше и Эмилии Федоровне

(Паше 25 р. и Эм‹илии› Ф‹едоров›не 40) — и кроме того, обещал мне выслать сюда, во Флоренцию, 175 р. к *определенному* сроку. Вот на этот-то срок и деньги я и рассчитывал для выезда в Дрезден. Но произошла маленькая неловкость: вместо того, чтоб выслать деньги по почте и застраховать, «Заря» выслала через какое-то комиссионерство, — и я получил дней 10 или 12 позже (и так как получил не по почте, то имел даже шанс и совсем не получить, потому что комиссионерство могло и совсем меня не отыскать во Флоренции[38]). Таким образом, мы недели две, в ожидании денег, зажили лишних и поистратились; денег-то на переезд и не достало. Послал просьбу в «Русский вестник», чтоб выручили.[39] Я в «Русский вестник» к январю доставлю роман.[40] В Дрездене буду работать не разгибая шеи. Но вообще хлопот и дрязг много. Жара во Флоренции наступает ужасная, город душный и раскаленный, нервы у нас всех расстроены, — что вредит особенно жене, теснимся мы в настоящую минуту (и всё en attendant *) в теснейшей маленькой комнатке, выходящей на рынок.[41] Надоела мне эта Флоренция, а теперь, от тесноты и от жару, даже и за работу сесть нельзя. Вообще тоска страшная, а пуще — от Европы; на всё здесь смотрю, как зверь. Решил *во что бы то ни стало* воротиться к будущей весне в Петербург (как кончу роман) — хотя бы меня в долговое посадили. Я уже не говорю о духовных интересах, но и материальные интересы мои здесь, за границей, страждут. Вообразите, например, следующее обстоятельство: как бы там ни было, а ведь сочинения мои (все) и третьим, и четвертым, и пятым изданием расходились. «Идиот» (каков там ни есть, теперь спорить не буду) есть все-таки *добрый товар*. Я знаю наверно, что второе издание разошлось бы [р] всё в один год. Отчего же не издать? Теперь именно время, а главное, мне по одному обстоятельству особенно хочется. Что же я сделал? Недель шесть назад послал я к Марье Григорьевне Сватковской следующее поручение: заехать в лавку к А. Ф. Базунову (с рекомендательной запиской от меня) [42] и сказать ему следующие два слова: не возьмется ли он за 2-е издание «Идиота» (к будущей зиме бы оно уже было готово, если б теперь взялся) — цена 2000 р. (даже полагал спустить за 1500, если все деньги разом, а то так дал бы рассрочку). Законности и формальности контракта не задержали бы, потому что я мог бы послать отсюда форменное и засвидетельствованное полномочие. Я просил Марью Григорьевну Базунова только спросить, без особенной настойчивости, чтоб сказал *да* или *нет*, и меня сюда уведомить. Если *нет* (хотя он-то уж знает, как мои книги до сих пор расходились и каков это товар) — то ведь как угодно, мне всё равно. Я и сам издам, воротясь, и убытка

[р] *Было:* разойдется
* в ожидании (*франц.*).

не понесу.[43] Кажется, поручение не отягчительное, не правда ли? Могло бы в минуту окончиться, двумя словами с Базуновым. И что ж? Вот уже шесть недель[с] от Марьи Григорьевны ни слуху ни духу. Между тем я и попросил-то ее (в первый раз в жизни) потому, что она сама с горячностию предлагала мне свои услуги, по поручениям и надобностям в Петербурге, прошлым летом в Швейцарии.

Таким образом, мои интересы видимо страдают, и единственно от того, что я в отсутствии.[т] Да и не одно это! Множество, множество вещей, без которых я не могу обойтись, осталось в России! Писал я Вам или нет о том, что у меня есть одна литературная мысль (роман, *притча об атеизме*), пред которой вся моя прежняя литературная карьера была только дрянь и введение и которой я *всю* мою жизнь будущую посвящаю?[44] Ну так мне ведь нельзя писать ее здесь; никак; непременно надо быть в России. Без России не напишешь.

А сколько беспокойств! Сколько дрязг! Пощадили бы хоть меня! Аполлон Николаевич, ради бога, напишите мне о Паше и о том, какие у них дрязги с Эмилией Федоровной! Положим, это вздор, но для меня-то важно.[45] Эмилия Федоровна хоть ничего мне не писала о Паше, но прислала мие на днях письмо с укорами.[46] Это люди с удивительным рассуждением. Правда, они бедны, но ведь я могу только сделать то, что могу.

Послушайте, Аполлон Николаевич, есть у меня и еще до Вас просьба. Можете сделать — сделайте, а нет — так и не делайте. И, ради бога, не утруждайте себя. Труда, положим, немного, но просьба деликатная. Дело в том же Базунове.[у] Прошу Вас очень зайти к нему в лавку и спросить его: расположен он или нет издать «Идиота» за 2000? (Я не хочу спускать на 1500.) С Базуновым Александром Федоровичем, как Вы, может быть, сами знаете, можно говорить прямо. При этом никаких стараний с Вашей стороны и особенно никаких упрашиваний, — разве (по дружбе), — если б завязался[ф] разговор (Базунов любит спрашивать совета), сказать доброе слово об «Идиоте». Но главное — никакой особой горячности. Узнав — написать ко мне. Ну вот и вся просьба.

Конечно, конечно, Вы бы мне в этом (деле для меня очень важном, несмотря на то, что я сбавлять не хочу, и если «*нет*» — то как угодно, своего не потеряю, сам издам или подожду), — Вы бы мне в этой просьбе не отказали. Но вот в чем щекотливость дела: то, что я это дело ведь ей поручил и даже под секретом, хотя в то же время уведомил ее, что и Вас извещу. Так не обиделась бы она тем, что я мимо нее Вас прошу?

с *Было*: месяцев
т *Вместо*: что я в отсутствии — *было*: что меня нет
у *Далее было начато*: это за‹йти?›
ф *Было начато*: начал‹ся›

И в то же время чем же тут, однако же, обижаться, тем более что ей известно, что Вы про это дело должны узнать от меня. Кроме того — она же ведь мне не отвечает, несмотря на то, что необходимое время проходит, а между тем дело это для меня важное. Хоть бы уведомила меня, что не хочет брать на себя поручения, тогда бы у меня, по крайней мере, были руки развязаны, а то ни слуху ни духу.[47] Впрочем, думаю, что ничего, то есть никакой щекотливости не составило бы, если б Вы, например, зайдя к Базунову, спросили от меня: не было ли ему от меня [х] какого-нибудь предложения об издании «Идиота»? А там, судя по разговору, поговорить с ним и об условиях. Ну так вот в этом — покорнейшая просьба моя к Вам, Аполлон Николаевич! Можете — сделайте,[ц] очень прошу Вас. Разумеется, я Вас не кончать дело прошу (потому что его и нельзя кончать, ибо тут нужен контракт и доверенность), а только начать, то есть узнать, расположен ли Базунов и верно ли его слово, и уведомить меня об этом, хоть двумя словами. Ради бога, только не пеняйте на меня и не браните меня за то, что я Вас всё утруждаю и мучаю.

Впрочем, считаю нужным дать Вам знать, что я, на днях, пишу к Марье Григорьевне и прошу ее дело о Базунове оставить в покое, а просьбу [ч] мою к ней считать как бы и не существовавшею. Это бы я написал ей и без того, то есть если б и не думал Вас просить о Базунове. А лучше всего, лучше всего — если б Вы взяли на себя труд повидать самое Марью Григорьевну и просто спросить ее: делала ли она что-нибудь по моему делу или забыла о нем! [48] Но боюсь утруждать Вас, слишком уж много ходьбы.[ш]

Я всё еще надеюсь скоро отсюдова выехать и опять-таки в Дрезден. Письма, ко мне адресуемые в Дрезден, перешлются ко мне сюда во Флоренцию, если б я остался во Флоренции, потому что я уже списался с дрезденским почтамтом.[49] Но это крайний случай, и я все-таки надеюсь, что выеду в Дрезден отсюдова скоро, а потому, если захотите мне написать (чего буду ждать с алчностию), то пишите [щ] отныне во всяком случае по следующему адрессу: Allemagne, Saxe, Dresden, à M-r Théodore Dost‹oiewsk›y, poste restante.*

Собственно переезд в Дрезден совершается нами по многим и необходимым соображениям, а главное — это город испытанный, сравнительно дешевый, даже с знакомыми, и там-то Анна Григорьевна предполагает осуществить свои надежды. (Это бу-

---

[х] *Было*: через меня

[ц] *Далее было*: а нет, так ‹*2 нрзб.*›

[ч] *Было*: прежнюю просьбу

[ш] *Далее было*: Прошу Вас тоже очень

[щ] *Было*: напишите

* Германия, Саксония, Дрезден, г-ну Федору Достоевскому, до востребования (*франц.*).

дет к началу сентября, то есть надежды.)[50] Анна Григорьевна горячо Вас благодарит за Ваши добрые слова,[51] она часто об Вас вспоминает и всё по России тоскует. Я очень рад, что теперешнее *занятие* развлечет несколько ее тоску. До свидания, друг мой! Три листка написал, а что сообщил? Ничего. Слишком уж долго мы были разлучены, а [э] от разлуки слишком много накопляется непонятного. Всё, что у вас в Петербурге делается, до меня отчасти доходит: имею «Русский вестник», «Зарю» и читаю «Голос», который здесь в библиотеке[52] получается. Как Вам нравится «Россия и Европа» Данилевского? По-моему, это произведение — важное в последней степени, но боюсь, что оно у них в журнале [ю] недостаточно выставлено.[53] Комедию о Фроле Скобееве Аверкиева я считаю лучшим произведением за [я] нынешний год. С первого чтения был даже в восторге; теперь, со второго чтения, стал смотреть поосторожнее.[54] Жму Вам руку крепко и обнимаю Вас.

Ваш *весь* и всегда Федор Достоевский.

[э] *Далее было*: а в таком
[ю] *Было*: в редакции
[я] *Далее было*: весь

368. В. И. ВЕСЕЛОВСКОМУ

14 (26) августа 1869. Дрезден

Дрезден 14/26 августа/69.

Милостивый государь Владимир Иванович,

На днях я получил от Аполлона Николаевича Майкова, из Петербурга, первое известие о смерти тетки моей, Александры Федоровны Куманиной, в Москве[1] и о том, что Вы, вместе с братом моим Николаем Михайловичем — опекун Достоевских (то есть, конечно, детей брата моего, покойного Михаила Михайловича Достоевского).[2] Вместе с тем Аполлон Николаевич сообщает мне (узнав об этом от знакомого Вашего г-на Кашпирева, издателя журнала «Зари»), что Вы выражали мнение, что так как в завещании Алек‹сандры› Фед‹оровны› Куманиной есть статья, по которой 40 000 руб. назначаются в какой-то монастырь и что так как покойная Александра Федоровна была уже не в своем уме, когда это завещание писала, «то статью эту и завещание можно *легко* уничтожить». При этом Аполлон Николаевич присовокупляет Ваши слова (узнав об них всё через того же г-на Кашпирева), что если б я изъявил Вам, хотя бы письмом, свое согласие о начатии дела, то Вы бы не отказались начать хлопотать о нарушении завещания.[3]

Прежде всего позвольте Вам изъявить искреннюю мою благодарность за внимание к интересам моим и Достоевских, а затем позвольте прямо приступить к делу.

Во-первых, я только что теперь узнал, от Аполлона Николаевича, не только о статье завещания, но даже о самой смерти тетки. Никто меня не уведомил. А потому позвольте прежде всего обра‹тн›ться к Вам с убедительнейшею просьбою сообщить мне письмом, сюда в Дрезден, о том, когда именно умерла тетка? В чем (хотя бы вкратце) состояло ее завещание? Что досталось Достоевским и Николаю Михайловичу? Что досталось Ивановым и Андрею Михайловичу Достоевскому? Затем, что досталось остальным родственникам, племянникам и внукам Александры Федоровны и, главное, Ольге Яковлевне Нечаевой (жившей с нею и ходившей за ней), которую мы все, Достоевские, называем нашею бабкой, жива ли она и совершенно ли здорова? (Я считаю, что в деле о нарушении завещания, если б оно началось, мнение Ольги Яковлевны может иметь чрезвычайную важность.)

Во-вторых, прямо и окончательно спешу Вам высказать, что если действительно завещание тетки подписано ею уже в то время (то есть в те *последние* годы ее жизни), когда она была не в своем уме, то я, со всею готовностию, рад начать дело о нарушении завещания и убедительнейше просить Вас принять в этом деле участие и руководство. В последние годы ее жизни (то есть в 1866 и 67-м годах, ибо в 68 и 69-м годах я уже был за границей) я видел тетку несколько раз и очень хорошо помню, что она была, в то время, *совершенно не в своем уме*. Хотя я ничего не знаю о завещании, но, может быть, действительно ее первоначальное завещание (если таковое существовало) подверглось изменению в эти последние годы. Вам, конечно, до точности это известно. Но если мысль об оставлении такого капитала монастырю зародилась еще прежде, давно, в то время когда тетка была в полном своем разуме, и, стало быть, была действительным и сознательным желанием ее, то как же мог бы я идти против ее воли? И как же можно в таком случае надеяться на успех дела, когда монастырь докажет через свидетелей, что завещание ему капитала было первоначальною и всегдашнею мыслию тетки?

Излагая это, обращаюсь к Вам, многоуважаемый Владимир Иванович, единственно с убедительнейшею просьбою об разъяснении мне главной сущности этого дела и какие собственно могут быть главнейшие надежды его выиграть? Затем обращаюсь к Вам — в случае если Вы всё в тех же мыслях и при тех же взглядах, как передавал Аполлону Николаевичу г-н Кашпирев, — с просьбою руководить меня, наставить меня в подробностях, разъяснить мне некоторые пункты, о которых я не имею понятия (н‹а›прим‹ер›, надо ли, чтоб еще кто из Достоевских и вообще из наследников начал дело вместе с нами,

а если нет, то не будет ли кто из них заинтересован противу-стать ходу этого дела и вредить ему?).

Вообще я вижу, что неразъясненных вопросов и *фактов* в этом деле для меня чрезвычайно много. Во всяком случае покорнейше прошу Вас написать мне обо всем этом сюда в Дрезден. Сообщенному мне Аполлоном Николаевичем известию о Вашем мнении и взгляде на это дело и о выраженном Вами участии к моим (и Достоевских) интересам я не могу не дать полной веры или предположить в передаче г-на Кашпирева Аполлону Николаевичу ошибку. А потому, повторяя Вам мою благодарность, льщу себя надеждою, что Вы не рассердитесь на меня за то, что отягощаю Вас просьбою о подробном разъяснении иных обстоятельств. Если право за нас и надежда выиграть дело с нашей стороны, — то как же можно не воспользоваться обстоятельствами и не начать дела? Вот мое мнение.[4]

Адресс мой:

Allemagne, Saxe, Dresden,
à M-r Théodore Dostoiewsky, *poste restante.*

Примите уверение в моем искреннем к Вам уважении.

Честь имею пребыть, милостивый государь, покорнейшим слугою Вашим.

Федор Достоевский.

P. S. В Дрездене, по обстоятельствам,[5] я пробуду довольно долго, по крайней мере всю зиму.

Достоевский.

369. А. Н. МАЙКОВУ

14 (26) августа 1869. Дрезден

Дрезден 14/26 августа/69.

Ужасно рад Вашему отзыву и, уж разумеется, напишу, не дожидаясь Вашего большого письма, милейший и драгоценнейший друг Аполлон Николаевич. (Но помните, помните, дорогой человек, что Вы обещали мне большое и скорое письмо!) Благодарю, во-первых, за мысль обо мне и о моем интересе.[1] Я написал Веселовскому. Повернуть дело (то есть даже и со мною) зависит теперь от него.[2] Прочтя всё внимательно, что Вы мне написали, я рассудил, что в деле этом надо начать с осторожности. Этакое дело — щекотливое дело! Что тетка была не в своем уме несколько лет (года 4 последних наверно) — тому и я многократный очевидец, и если надо, то найдутся 100 свидетелей. Но, с другой стороны, я ровно ничего не знаю о ее завещании и о настоящих ее намерениях насчет монастыря.

Одно укрепляет меня в намерении — это то, что Веселовский должен основательно знать всю сущность ее завещания, равно и о том, кто будет *против* нас и кто *за*. Одним словом, я написал ему в том смысле, что я слышал от Вас (а Вы от Каширева), что он говорил такие-то слова и изъявлял такое-то мнение. Вслед за тем я прошу у него разъяснения фактов и обстоятельств, подробностей завещания и заключаю тем, что если он твердо уверен в том, что завещание редактировано в последнее время, то есть не в своем уме, и что право, стало быть, очевидное, то чтоб не оставил меня советами и руководством и изъяснился бы со мной в этом смысле: «Я же дело начать, разумеется, готов при вышесказанных обстоятельствах».

Вот как я написал. Теперь от Веселовского буду ждать ответа, то есть разъяснения и руководства.[3] Вы пишете, что я должен сделать это [а] не только для себя, но и для семейства Михайлы Михайловича.[4] Уверяю Вас, мой дорогой, что я, в случае правильности дела, — пустился бы хлопотать не только для семейства дорогого моего покойника, брата Миши, но даже не упустил бы дела и для себя одного. Что же касается до семейства, то вот Вам факт: знаете ли, что я от Вас, от *первого*, получил известие о смерти тетки. Никто не уведомил! Хороши? По-моему, это признак того, что у них деньги есть и что они что-нибудь получили (то есть, значит, я уже не так нужен). Я, однако же, очень был бы рад, если б они хоть что-нибудь получили; хоть на время тягость бы спала с моего сердца, потому что всё последнее время сам нуждался и ни рубля уж не мог послать. Не можете ли Вы, друг мой, узнать, получили ли они хоть что-нибудь, и уведомить меня (потому что сами они не уведомят, если получили). Эмилия Федоровна (хотя я из кожи лезу) написала мне укорительное письмо неизвестно за что.[5] Если б они знали о том, что я женины вещи закладывал, чтоб им помогать! Если мало все-таки, то чем же я виноват? Несмотря на то, Эмилия Федоровна в своем письме ко мне не захотела упомянуть об Анне Григорьевне и ответить на ее поклон [б] (жена в каждом письме моем посылала ей от себя свой поклон). Я же именно уведомил их перед этим о ее беременности. Значит, уж очень на меня сердятся. Так как мне послать в эти три месяца было нечего, то я ничего не отвечал. Им же адресс мой был известен (могли бы у Вас справиться, если б сомневались в адрессе, потому что я хотя только 10 дней в Дрездене, но все-таки получал по дрезденскому адрессу некоторые письма и во Флоренцию, уведомив из Флоренции двумя строчками дрезденский почтамт).[6] Так что неуведомление о смерти тетки — даже мне обидно, и в одном только отношении, повторяю, может быть хорошо, — в том, что, значит, у них есть

[а] *Далее было*: и для себя
[б] *Далее было*: потому что

деньги, что они получили и не так нуждаются. Дай-то бог, дай-то бог, ибо собственные дела мои далеко не так хороши, как я прежде рассчитывал.

Да, я всего только 10 дней в Дрездене. Вместе с этим письмом к Вам я посылаю, сегодня же, несколько строк и Николаю Николаевичу.[7] В письме к нему я вкратце описываю мое последнее житье-бытье во Флоренции. Чтоб подняться из Флоренции до Дрездена втроем (ибо с нами мать Анны Григорьевны) [8] и ехать с расстановками (ибо я вез с собою беременную на 8-м месяце) — надо было припасти знатную сумму. Катков прислал, но почти половину 2000 франков, которые он прислал, мы уже зажили во Флоренции в долг; на остальное переехали-таки.[9] Теперь основались в Дрездене довольно удобно и, конечно, прозимуем. Я наконец сажусь за работу. Три месяца во Флоренции я потерял от жары! Что за горячий город. Доходило к 3-м часам пополудни до 34 и даже 35 реомюра в тени. По ночам 27, 28 и к утру разве, к рассвету, к 4-м часам 26. И что же, даже до последнего времени встречались на улицах англичане, французы, даже русские путешественники. Ехали мы через Венецию, через Триест (по морю), через Вену и Прагу. Венеция и Вена (в своем роде) ужасно понравились жене. Мы хотели и положили основаться в Праге, а не в Дрездене. И что же? Три дня жили в Праге, искали квартиры и не нашли — с тем и уехали. Дело ясное: город не посещается иностранцами совсем; а потому квартир с мебелью и прислугой и в заведении нет, кроме как по одной маленькой комнатке (в одиночку) для студентов. В отелях же и в пансионах нам не по карману. Оставалось, стало быть, нанять квартиру пустую, то есть стены, и купить всю мебель, всё хозяйство для кухни, нанять служанку и заключить контракт на *6* месяцев (ибо все квартиры в городе по контрактам на 6 месяцев). Кончилось тем, что мы отправились дальше до Дрездена, нам уже знакомого и где, кажется, в каждом доме [в] отдаются квартиры [г] с мебелью и прислугою: такова промышленность! А между тем я воображал и мечтал о пользе для себя от пребывания в Праге. Воображалось мне даже, что на предполагаемых скоро празднествах, между русскими, встречу, может быть, и Вас.[10] Напишите мне, не поедете ли и, во всяком случае, приглашали ли Вас от Комитета? [11]

Что же касается (возвращаясь опять) к завещанию тетки, то дело это, если б и обернулось самым благоприятным образом в мою (и Достоевских) пользу, то во всяком случае для меня, в настоящее время, представляет в себе нечто слишком отдаленное, чтоб возлагать какие-нибудь надежды и цели. При самом благоприятном обороте оно разрешится года в три, не

[в] *Далее было*: в городе
[г] *Далее было*: и стол

меньше. Мне же (хотя бы садиться в долговую тюрьму) надо возвратиться в будущем году в Россию.[12] Да, теперь дела так для меня обернулись, что мне садиться в России в долговое отделение выгоднее, чем оставаться за границей. Здоровье мое — вещь крепкая, если не говорить о припадках, и я всякое стеснение перенесу, но если еще пробуду здесь с год, то не знаю, в состоянии ли буду что-нибудь писать, не только хорошо, но даже как-нибудь, до того отвыкаю от России. Я это чувствую.[д] С другой стороны, Анне Григорьевне очень скучно без России, я это вижу. К тому же, если мы и потеряли одно дитя (дитя, которому я подобного не видывал по здоровью, по красоте, по понятию, по чувству), то единственно потому, что не сумели справиться с заграничной манерой взращения и воспитания детей.[13] Если потеряем и теперешнего, ожидаемого, то тогда мы оба впадем в настоящее отчаяние. Сроку Анне Григорьевне в настоящую минуту maximum недели три. Я ужасно боюсь за ее здоровье. Первую беременность она выдержала молодецки всю. Нынешний же раз совсем другое: беспрерывно прихварывает и, кроме того, беспокоится, нервна, впечатлительна и, вдобавок, боится серьезно, что[е] умрет в родах (вспоминая муки при первых родах).[14] Такие страхи и беспокойства, у натур не робких и не вялых, действительно опасны, и потому я очень беспокоюсь. Кстати: жена кланяется Вам и Вашей супруге[15] горячо. Она горячо и часто вспоминает об Вас, благодарит Вас за поздравление с романом,[16] и мы положили, еще 8 месяцев назад, звать Вас опять в крестные отцы. Не откажите же, Аполлон Николаевич, пожалуйста; это наше непременное и чрезвычайное желание.[17] (Ваша кума, по-прежнему, Анна Николавна, Вам известная, — мать Анны Григорьевны.)

Вообще говоря, собственно у меня — время теперь очень хлопотливое: забот ужас как много, а тут же надо садиться писать — в «Зарю» и потом начинать большую вещь в «Р‹усский› вестник».[18] 8 месяцев уже не писал ничего. Начну, разумеется, горячо, но что-то будет дальше. Мысли кой-какие есть, но надо России.

Разумеется, я лучше Вас самих знаю, как Вы живете летом, и знал заране, что Вы мне до осени не напишете.[19] Но, однако же, был один пункт, по которому я все-таки рассчитывал получить от Вас две строчки уведомления. Не в укор говорю, разумеется. Это насчет Базунова и издания «Идиота», — собственно о том, *да* или *нет*, потому что возлагать на Вас, дорогого человека, подобные хлопоты окончательно и думать не смею, да и неприлично было бы даже с моей стороны Вас до такой степени беспокоить. Но известие о *да* или *нет* с мнением Базунова было бы интересно.[20] Я, впрочем, теперь жажду запродать из-

---

[д] *Далее было*: несмотря на все виденное
[е] *Далее было*: от

дание не очень. *Потом* — может быть даже выгоднее, и, кроме того, у меня, во всяком случае, теперь другие цели и намерения; ибо возвратиться в Россию на следующий год я положил во что бы то ни стало.

Но — еще просьба, дорогой друг! Напишите мне что-нибудь о Паше! [21] Я томлюсь и мучаюсь, думая и раздумывая о нем. Я знаю, что он получает жалованье — если только продолжает служить, но мне ужасно как хотелось бы ему помочь. В настоящую минуту не имею ни копейки лишней; но через месяц или недель через 5 отправлю в «Зарю» повесть, которая по объему, кажется, наверно, будет стоить более того, что я взял вперед из «Зари». Тогда можно немножко опять уделить Паше (немного всё же лучше, чем совсем ничего). Мне же самому бог знает как нужны будут к тому времени деньги. Достоевские же, вероятно, кой-что получили и некоторое время, может быть, не будут во мне нуждаться.[22] Напишите мне об этом, голубчик.

Напишите мне тоже о себе. Напишите мне обещанное большое письмо. Полагаю, что ко времени прибытия этого письма в Петербург Вы тоже воротитесь с дачи.

Крепко жму Вам руку, кланяюсь Вашей супруге.

Знаете что, мне приходит иногда в голову, что мы гораздо более отстали друг от друга, чем кажется, и что нам уже трудно в полноте передавать свои мысли в письмах.

Ваш весь завсегда Федор Достоевский.

Адресс мой:

Allemagne, Saxe, *Dresden*,
à M-r Théodore Dostoiewsky, poste restante.

370. Н. Н. СТРАХОВУ

14 (26) августа 1869. Дрезден

Не винитесь, многоуважаемый Николай Николаевич, передо мной в молчании: дело известное и житейское, и, к тому же, до переписки ли редактору, хотя бы и с друзьями, не то что с сотрудниками! [1] Но по приписке Вашей к письму многоуважаемого и дорогого Ап‹оллона› Николаевича вижу и заключаю, что Вы по-прежнему добры до меня.[2] Это очень хорошо для меня; потому что добрых ко мне людей чем далее, тем менее оказывается. Виноват сам; слишком застрял за границей, а напоминаю об себе плохо. А стало быть, и претензий иметь не вправе. Но довольно. Об деле. Благодарю Вас, во-первых, за адресс Веселовского и за мысль, при этом, о моем интересе.[3] Я Веселовскому написал.[4] Об моем взгляде на это дело пишу (с этою же почтой) Аполлону Николаевичу в подробности.[5]

В Дрездене я действительно всего только 10 дней; но адресс мой, данный мною кой-кому еще 3 месяца назад[6] в Дрезден, — был верный;[7] ибо дрезденский почтамт, по просьбе моей из Флоренции,[8] пересылал мне все письма, ко мне приходившие в Дрезден, во Флоренцию. Да-с, я всего только три недели как из Флоренции! Провел в ней весь июль и захватил август. Можете с уверенностью сказать, что никто и никогда такой жары не испытывал. Русскую баню на полке́ — только с этим и можно сравнить, и это день и ночь; воздух чист, — это правда, небо ясно и голубо, солнца ужасно много, — но все-таки невыносимо. Я видел собственными глазами в тени (в чрезвычайной тени и с закрытием) — *тридцать пять* градусов реомюра. Тридцать один, тридцать два в последние три недели было делом почти обыкновенным. По ночам природа[а] смягчалась и давала нам *двадцать шесть* реомюра; ну тут отдыхали. И, представьте себе, хоть и разъехались все заграничники в Германию на воды или к немецким морям, но во Флоренции все-таки оставалось ужасно много народу, и даже самых, так сказать, милордов! Щеголяли костюмами, прогуливались и проч. и проч. Одним словом, если бы Вы знали, до какой степени я чувствую себя здесь совершенно лишним и чужим человеком!

Переезд наш совершился через Венецию (какая прелесть Венеция!) и через Прагу, в которой мы чуть не умерли от холоду (сравнительно с Флоренцией) и в которой не нашли квартиры. Да-с, это так. Мы намерены были провести зиму не в Дрездене, а в Праге; так и решили. Но, приехав в Прагу, искали квартиру три дня и не нашли! *Оттого и уехали.* Меблированных квартир нет в целом городе, кроме как по одной комнате для холостых. Надо покупать свою мебель, нанимать прислугу, а на квартиру совершать контракт на шесть месяцев. С тем мы и уехали в Дрезден.

Итак, «Заря» всё еще продолжает существовать! Вам смешны мои слова, но, однако, рассудите, многоуважаемый Николай Николаевич: писем литературных я ни от кого не получаю; в «Голосе», который читал во Флоренции, в читальне,[9] об «Заре» не упоминалось ни разу.[10] В «Русском вестнике», который я сам получал, — тоже не упоминалось. А *я, я*, — получатель «Зари» (и не в качестве сотрудника, а за деньги, на счет, который за мною не пропадет), — получив *майский номер*, остальные номера (за июнь, за июль и проч.) *получать перестал*, — по какой причине, не ведаю. Вот почему я и рискнул на богохульное предположение, что «Заря» перестала являться. Голубчик Ник‹олай› Николаевич, утолите духовную жажду, пришлите «Зарю», с июньской книжки, в Дрезден *poste restante*,* не отлагая дела.

[а] *Было*: судьба

* до востребования (*франц.*).

(У меня есть и еще в виду одно из собственных обещаний Ваших (в хорошую минуту, вероятно) о присылке мне романа Льва Толстого, но в настоящую минуту не осмеливаюсь Вам напомнить об этом, а так только, ради праздного слова упоминаю.)[11]

Можете представить, добрейший и дорогой Николай Николаевич, что в тридцать градусов реомюра в тени — писать, то есть сочинять, — буквально невозможно. Тем не менее я уже принялся здесь за повесть в «Зарю», боюсь только, что выйдет несколько длинна (впрочем, только бы не растянута). Если ответите мне скоро на это письмо, то к тому времени, может быть, напишу что-нибудь поподробнее. Очень надеюсь, что через месяц или[б] через пять недель повесть Вам вышлю.[12]

Эмилия Федоровна написала мне месяца три тому письмо, в котором уведомляла, что Вы так добры, что беретесь передавать ей посылаемые от меня деньги и вообще быть до нее добрым.[13] Я очень рад, что Эмилия Федоровна и ее семейство теперь кой-что, наверно, получили по смерти тетки (о смерти этой я узнал из письма Аполлона Николаевича в первый раз,[14] — до того никто не хотел меня уведомить! — признак, что у всех есть деньги, а, стало быть, обращаться ко мне незачем). Если они что-нибудь получили — я ужасно рад.[в] Во все эти три месяца я был крайне беден деньгами. Если б имел их, то не стал бы жариться во Флоренции, покамест скоплю на выезд. Между тем письмо Эмилии Федоровны было чуть не ругательное. Понять не могу, по какой причине они считают меня обязанным им помогать. Я рад это делать и делаю, в ущерб (с лишком даже себе и своей семье), но когда меня считают оброчным рабом или раскаявшимся вором (ведь говорили же, что я расстроил и промотал ихнее наследство после брата Михайлы) — то это меня возмущает. Очень прошу Вас, добрейший Николай Николаевич, напишите мне слово о них и о том, каких именно услуг требовала тогда от Вас Эмилия Федоровна. (Разумеется, я позволяю себе любопытствовать только о том, что касается до меня.)[15]

Через три недели у меня будет дитя.[16] Жду с волнением, и страхом, и с надеждою, и с робостию.[г] Вообще время у меня очень хлопотливое. Надеюсь, что Вы меня не забудете и ответите. Мое почтение Данилевскому и всем, кто меня помнит. Упомяните мне хоть двумя словами когда-нибудь об Александре Петровиче Милюкове.[17] Но ответа Вашего и «Зари» жду скоро. Это уж позвольте.

Вам искренно преданный и горячо сочувствующий

Ваш весь Федор Достоевский.

[б] *Далее было начато*: дней
[в] *Далее было*: ибо беспок<оюсь?>
[г] *Далее было начато*: Анн<а Григорьевна>

371. С. А. ИВАНОВОЙ

29 августа (10 сентября) 1869. Дрезден

Дрезден 29 августа / 10 сентября /69.

Наконец-то пишу Вам, милый и бесценный друг мой Сонечка. Что-то Вы думали о моем молчании? Пишу Вам, не зная Вашего адресса. А так как в Москве у меня нет никого, кому бы я мог поручить Вас отыскать, с тем чтоб передать Вам это письмо, то и рискнул адрессовать его в редакцию «Русского вестника» (где Вы, как сами писали мне,[1] занимались переводами); вместе с тем пишу особо в редакцию с просьбой передать Вам это письмо, «для меня очень важное», или тогда, когда Вы сами явитесь в редакцию, или, если адресс Ваш уже известен редакции, переслав Вам письмо это на дом.[2] Что-то будет из этого — не знаю; но другого способа переслать Вам мое письмо у меня нет: ибо из деревни вы, вероятно, уже все воротились; квартиру же прежнюю вы, как сами писали мне, — оставляете или уже оставили,[3] так что, вероятнее всего, теперь на новой, которой я не знаю. Следственно, я не мог иначе сделать.

Вкратце дам Вам знать о себе; это письмо посылается, только чтобы как-нибудь разыскать Вас и завязать вновь сношения. Замечу только, что постоянно *все* вы, всё это время, были в моей памяти и в моих мыслях. Я и Аня об Вас чуть не каждый день говорим, вспоминая о России, а мы о России вспоминаем даже по нескольку раз на день. Засел я во Флоренции единственно потому, что всё не хватало денег на переезд. Из редакции же «Русского вестника» мне па мою усиленную просьбу о высылке денег месяца три с лишком ничего не отвечали[4] (имею фактическое основание предполагать, *говоря между нами*, что у них лишних денег не было, а потому и молчали); наконец выслали 700 руб. (пять недель тому назад) во Флоренцию. Теперь прошу Вас, милый мой друг, прибегнуть к силе Вашего воображения и представить себе, каково нам было оставаться во Флоренции июнь, июль и $^1/_2$ августа (нов‹ого› стиля)! Я никогда еще в моей жизни ничему подобному не подвергался! В гидах[5] объявлено, что Флоренция, по положению своему, зимой — один из самых холодных городов Италии (то есть настоящей Италии, разумеется буквально — полуостров); летом же один из самых горячих пунктов всего полуострова и даже всего Средиземного моря,[а] и только разве некоторые пункты Сицилии и Алжира могут равняться с нею постоянством, упорством и размером жара. Ну вот это-то пекло мы и вынесли на себе, как русские люди, которые всё выносить способны. Прибавлю, что в послед-

[а] *Вместо*: Средиземного моря — *было*: побережья

С. А. Иванова (по мужу Хмырова).

Фотография М. Б. Тулинова и Шоманского.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

ние полтора месяца во Флоренции наши финансы очень истощились. Правда, недостатка мы решительно ни в чем не терпели и, напротив, были всюду и во всем на прекрасной ноге; но квартира наша была довольно плоха. Мы прежнюю зимнюю нашу квартиру принуждены были оставить по одному независящему случаю в мае месяце и (ожидая скоро денег) переехали к одним знакомым хозяевам, где и заняли, на самое короткое время (то есть так рассчитывая), крошечное помещение. Но так как денег не присылали, то мы и принуждены были оставаться в этом крошечном помещении (в котором мы поймали двух подлейших тарантулов) [6] три месяца. Окна наши выходили на ры-

нок под портиками, с прекрасными гранитными колоннами и аркадами, и с городским фонтаном в виде исполинского бронзового кабана, из пасти которого бьет вода (классическое произведение, красоты необыкновенной); но представьте себе, что вся эта громадная масса камня и аркад, занимавшая почти весь рынок, накаливалась каждый день, как печка в бане (буквально), и в этом-то воздухе мы и жили.[7] Настоящей жары, то есть пекла, мы захватили шесть недель (прежде еще можно было вынести), доходило до 34-х и до 35 градусов *реомюра* (!!) в тени, и это почти постоянно. К ночи сбывало до 28, к утру, к 4-м часам пополуночи, бывало и 26, а затем опять начинало подыматься. И представьте, в этакой жаре, без капли дождя, воздух, при всей своей сухости и накаленности, был чрезвычайно легок; зелень в садах (которых во Флоренции до безобразия мало — всё один камень), — зелень не увядала, не желтела, а напротив, казалось, еще пуще тучнела и зеленела; цветы и лимоны, казалось, только и ждали этого солнца. Но что для меня, арестованного во Флоренции обстоятельствами, было всего страннее, так это то, что шатающиеся иностранцы (а из них много народу очень богатого) наполовину остались во Флоренции и даже вновь приезжали; тогда как почти все, со всей Европы, хлынули с наступлением жаров на воды в Германию. Я не понимал, ходя по городу и встречая нарядных англичанок и даже француженок: как можно жить добровольно в таком аде, *имея деньги на выезд*. Всего больше мне было жаль мою бедную Аню. Она, бедная, была тогда на седьмом и на восьмом месяце; ей было ужасно тяжело в этой жаре. Кроме того, город всю ночь не спит и ужасно много поет песен. Окна у нас ночью, конечно, отворенные, а к утру, к 5 часам, кричит и стучит базар, кричат ослы, — так что нет возможности заснуть. Наконец мы выехали и сначала хотели поселиться в Праге. Но и до Праги из Флоренции далеко больше 1000 верст (через Венецию, через море и через Триест, — другой дороги нет), так что я ужасно трусил за Аню; но один знаменитый флорентийский доктор, Занетти, осмотрев ее, сказал, что никакой опасности и что можно ехать, — и сказал правду: путешествие обошлось отлично. Мы проехали через Венецию, в которой простояли два дня, и Аня только ахала и вскрикивала, смотря на площадь и на дворцы. В соборе S. Marc (удивительная вещь, несравненная!) она потеряла свой резной швейцарский веер,[6] которым ужасно дорожила (а у ней так мало драгоценностей!) — и боже мой, как она плакала. Понравилась нам и Вена; Вена решительно лучше Парижа. В Праге мы стояли три дня, три дня искали квартиру — и не нашли. В результате оказалось, что нам надо, если хотим жить в Праге, нанять квартиру — пустые стены, как в Москве или в Петербурге, по контракту; купить свою мебель,

---

6 *Далее было*: необыкно‹венный?›

нанять свою прислугу, завести свою кухню и проч. и проч. Иначе нельзя. Это было не по карману, и мы оставили Прагу. Теперь мы в Дрездене уже три недели; Аня, можно сказать, на самых последних днях,[8] основались мы недурно покамест; но я, я — решительно спасовал. Оказалось, что горячий, знойный и сухой воздух флорентийский был решительно целебен моему здоровью (да и Аня не жаловалась; напротив даже), главное нервам. Даже падучая уменьшилась и *именно в самый жар*; да и вообще во Флоренции припадки не имели большой силы. Теперь же я постоянно болен (может быть, с дороги). Не знаю, простудился ли я, или лихорадка моя от расстройства нервов. В три недели было уже два припадка — и оба злокачественные, тяжелые. Погода, впрочем, прекрасная. Я полагаю, что всё от резкой перемены климата, итальянского на немецкий; я и теперь в лихорадке и подозреваю, что и пишу лихорадочно, то есть бессвязно. Ну вот Вам отчет обо мне за всё время. Разумеется, это сотая доля; кроме болезни у меня столько тяготы на душе, что и объяснять нечего. Вот например: в «Русский вестник», к январской книжке, непременно нужно доставить хоть начало романа [9] (они отнюдь не принуждают и не насилуют меня; они постоянно поступают со мною с удивительною деликатностию и, несмотря на ,то, что я много им остался должен, никогда не отказывают в деньгах; но я-то сам, по совести, чувствую себя связанным и обязанным и чувствую болезненно). Кроме того, я взял 300 рублей весной из «Зари», с тем чтоб нынешнего года выслать туда повесть, не менее как в два листа.[10] Между тем я еще ничего не начинал, ни туда ни сюда; во Флоренции нельзя было работать в таком жару; контрактуя же себя, я именно рассчитывал, что еще весной выеду из Флоренции в Германию, где и примусь сейчас за работу. Что же делать, когда у меня три месяца оттягали неприсылкой денег? Между тем Аня, дней через десять, подарит мне, вероятно, мальчишку. Это тоже замедлит работу. К тому же сама будет больна, а стало быть, не будет мне помогать стенографией и перепиской. Про здоровье уж и не говорю. А наконец, и самая работа! Неужели портить, спеша на заказ! Есть у меня идея, которой я предан всецело; но я не могу, не должен приниматься за нее, потому что еще к ней не готов: не обдумал и нужны матерьялы.[11] Надобно, стало быть, натуживаться, чтоб изобретать новые рассказы; это омерзительно. Что со мной будет теперь и как я улажу дела свои — понять не могу!

Жду, друг мой, от Вас немедленного и большого письма.[12] Это письмо, которое адрессую к Вам, — пишу и ко всем вам. И потому пусть все отвечают, хоть через Вас. Хочу знать о мамаше [в] и о детях: [13] как вы живете, что имеете в виду, — всё опишете. Вы одни со мной поступаете как родные и как друзья.

[в] *Было*: Верочке

Нет у вас у всех ни одного человека, который бы вас так любил, как я. Если я промолчал всё лето, так это потому, что руки не подымались писать от досады ожидания. А теперь приступаю к одному *делу* и прошу Вас, милый мой друг, помогите мне Вашим советом и разъяснением. Дело для меня очень любопытное.

И во-первых, — дело секретное, и потому умоляю, чтоб оно не вышло из Вашего дома никуда и ни к кому до времени.

Замечу Вам, что меня летом все оставили, никто ни строчки не написал ко мне. И вдруг на днях получаю два письма, от Майкова и от Страхова, — оба письма в одном конверте с назначением специальным и деловым: известить меня о смерти тетки.[14] А свои родные, петербургские, которые мой адресс знали, — ни слова.[15] Признак, что, может быть, получили деньги по завещанию тетки. Дай-то им бог, я искренно этого желаю, и потому вот в чем моя просьба: 1) известите меня, когда скончалась тетка и при каких обстоятельствах? Как Вы сами узнали? Получили ли вы все что-нибудь? 2) Напишите мне всё, что знаете об завещании: кто были душеприказчиками и что кому досталось поименно. 3) Досталось ли что-нибудь петербургским нашим (Достоевским, Голеновским и проч.) и что именно? [16]

Наконец и главное:

Майков и Страхов писали с целью. Каширев, издатель «Зари», — приятель с неким Владимиром Ивановичем Веселовским, который есть опекун Достоевских вместе с Николаем Михайловичем (моим братом и Вашим дядей).[17] Этот Веселовский говорил с Каширевым, что по смерти тетки осталось завещание, отдающее 40 000 в пользу «какого-то монастыря», но как она была уже не в своем уме, когда это завещание писала, то «можно *легко* его уничтожить». Далее: «Из всех Достоевских» (говорит Веселовский) «он особенно уважает меня», но думал, что я «столько же богатый, сколько и известный человек»; узнав же, что «пропорция обратная» (по выражению Майкова), он говорил что: «Если бы Фед‹ор› Михайлович (то есть я) изъявил ему свое согласие, хотя бы письмом, то он бы готов был согласиться „начать хлопотать о нарушении завещания“». Он, Веселовский, прибавил, что если б я был в Петербурге, то он сам бы приехал ко мне из Москвы, чтобы переговорить о деле.[18]

Известив меня обо всем этом, Майков прибавляет и горячо просит, чтоб я немедленно начал дело по нарушению завещания через Веселовского, выражаясь при этом, что нам всем (то есть семейству брата Миши, мне и братьям Андрею и Николаю) «достанется тогда почти по 10 000 и что, например, хоть бы доставить эту часть (то есть 10 000) семейству покойного брата Миши будет *не менее* богоугодное дело, как и на монастырь».[19]

Затем умоляет меня вспомнить про мои расстроенные дела, здоровье и беременную жену и кончает советом «*начинать, не думая долго*».[20]

Теперь выслушайте и мои соображения.

Я без сомнения знаю (и оспорить этого нельзя), что тетка в последние три или даже четыре года своей жизни была в состоянии бессознательном. И если б я твердо узнал и убедился, что она распорядилась такими деньгами на монастырь, действительно будучи в этом состоянии, то не задумываясь начал бы дело. Я бы мог начать его даже и как представитель Достоевских, зная ясно, что мы, Достоевские, юридически самые старшие и компетентные наследники тетки (на случай, если б она, н‹а›пр‹имер›, умерла без завещания). Но вот в чем *для меня* главная сущность дела.

Действительно ли эти 40 000 включены[г] в завещание в этом бессознательном состоянии или это давнишнее, первоначальное желание и распоряжение тетки? Во втором случае кто же бы я был и за кого бы сам считал себя, по совести, чтоб идти против воли и распоряжения тетки собственными своими деньгами, какова бы в сущности ни была эта воля и это распоряжение? Между тем Веселовскому, как назначенному опекуном по этому завещанию и, сверх того, очевидно компетентному юристу, дело должно быть хорошо известно, если *так* он говорит. Что же мне теперь делать?

И потому-то, в затруднении моем, я и обращаюсь собственно к Вам, бесценный друг мой Сонечка, к Вам одной (и опять-таки повторяю: сохраните глубочайший секрет. Если и сообщите о *деле* Вашим домашним, мамаше то есть, то с соблюдением глубочайшего секрета и отнюдь не сообщайте нашим петербургским, хотя бы и Феде[21] или *хоть кому-нибудь в Москве*).[22] Вас я олицетворяю как мою совесть: как Вы решите, так я и сделаю. Вот об чем я прошу, главное: сообщите мне всё, что Вы знаете о завещании и об этих 40 000,[23] и можно ли действительно этот пункт завещания отнести к бессознательному состоянию? *Как Вы сами смотрите на это*? Если не знаете, то не можете ли узнать, под рукою: давнишнее ли это желание тетки, нормальное ли и вполне ли сознательное? В этом главное, в этом для меня *суть*. Узнав, напишите немедленно мне. Напишите тоже, если можете и знаете, что-нибудь об этом Веселовском: не слыхали ль? Не видали ль его? Если видели, то какое он на Вас произвел впечатление? Если можете справиться о нем, то справьтесь (кстати, его адресс: Владимир Иванович Веселовский, *член окружного суда*, в Москве, на Садовой, у церкви Ермолая, д‹ом› Городецкого. Это на всякий случай). .

С своей стороны, я уже написал Веселовскому, сейчас после письма Майкова, осторожное письмо.[24] Я прошу объяснений, прошу сообщения фактов и выражаю всю ту *суть* дела, как я объяснил Вам выше. В сущности — ничем не связал себя.

Отвечайте же мне, бесценный друг мой. Я смотрю на Вас

[г] *Было*: назначены

как па высшее существо, уважаю беспредельно, а люблю сами знаете как. Но надеюсь, что и еще впоследствии узнаете. Только бы мне капельку здоровья! В Россию явлюсь во всяком случае на будущий год наверно.[25] Тогда вновь сойдемся и многое пойдет по-новому. Жена тоже любит и уважает Вас беспредельно. Хотела непременно приписать, но, кажется, ей не до пера. (Я так только сказал 10 дней, может, и раньше.) Обнимаю всех, кланяюсь всем. Целую Машеньку, Аня тоже. Обнимаю мамашу крепко; Аня просит меня засвидетельствовать ей особенное свое уважение и симпатии. «Именно в это время, в этом состоянии моем, мне особенно хочется напомнить им о себе». Так она мне сейчас говорила. (Она немного начинает бояться; мне очень, очень ее жаль, да и сам боюсь. Вообще время наше тяжелое.)

Ужасно теперь смущает меня мысль: как дойдет к Вам это письмо? Доставит ли его редакция «Русского вестника»? Я очень прошу и объясняю дело по возможности. Я прошу даже употребить труд и разыскать Вас, если редакция Вашего адресса не знает; на всякий случай напишите мне имя и отчество Любимова.[26]

До свидания, милый друг. Напишите *побольше о себе.* Вообще побольше фактов.

Целую Вас.

Ваш весь всегдашний Федор Достоевский.

Адресс мой: Allemagne, Saxe, Dresden, à M-r Théodore Dostoiewky, poste restante.

372. А. Н. МАЙКОВУ

17 (29) сентября 1869. Дрезден

Дрезден 17/29 сентября/69.

Бесценный и единственный друг Аполлон Николаевич, предполагаю, что переезд с дачи и первые дни вновь начавшейся городской жизни не дали Вам возможности исполнить доброе обещание Ваше — написать мне сейчас же по окончании дачной жизни.[1] Не жалуюсь и не претендую; мы друг друга знаем (хотя и жду Вашего письма с самым крайним нетерпением), но одно сомнение меня очень мучает: так как все-таки ответа на мое письмо, уже более месяца тому назад к Вам посланное, я не получил, то и боюсь, во-1-х, что оно к Вам не дошло,[2] 2-е) на той ли Вы квартире в Петербурге, что и прежде? Я Вам адрессовал на Садовую, дом Шеффера. Что, если Вы оставили квартиру? И потому, если б я был поскорее выведен из моих недоумений, было бы очень хорошо. Например, теперь: это письмо, которое теперь пишу к Вам, для меня самое экстренное

и роковое; что, если не дойдет до Вас? Ответьте хоть на одной странице, хоть полстранички напишите, чтоб я, по крайней мере, знал, но *только* ответьте *сейчас*, иначе сил моих больше не хватит. Сейчас опишу Вам всё мое положение и в какой именно Вашей помощи я нуждаюсь, как утопающий.

Во-первых, три дня тому (14 сентября) родилась у меня дочь, ЛЮБОВЬ. Всё обошлось превосходно, и ребенок большой, здоровый и красавица. Мы с Аней счастливы. (Вспомните, что мы Вас зовем крестить; Аня просит Вас сложа руки и непременно Вас; дайте же ответ.) [3] Но денег у нас меньше 10 талеров. Не вините меня в небрежности и непредвидении: тут никто не виноват. Рассчитывали во Флоренции, что денег, присланных «Р‹усским› вестником», достанет на всё. Но как и при всех прочих расчетах — обочлись. Нечего пускаться в подробности, но дело в том, что хоть я и напишу деликатнейшему, добрейшему и благороднейшему Михаилу Никифоровичу, чтоб выручил, но писать *сейчас*, так недавно получивши от него,[4] — ужасно стыдно и почти невозможно; руки не подымаются. Между тем ни бабке, ни доктору еще не заплачено, и хоть каждую копейку усчитываем, но в теперешнем положении невозможно без денег. Невозможно! Вследствие чего взял следующую меру.

Сегодня же, вместе с этим письмом к Вам, отправляю письмо к Кашпиреву, *лично* (так как знаю, что Страхова нет в Петербурге). В письме сначала описываю мое положение, упоминаю о переезде, о рождении ребенка (всё как следует),[a] солгал притом, что у меня осталось 15 талеров, тогда как нет и *десяти*, и кончаю просьбою о присылке мне вперед 200-т рублей на следующем основании.

Так как сижу в настоящую минуту за повестью в «Зарю» и довел работу уже до половины (всё это справедливо), то, во-1-х, вижу, что повесть будет объемом в $3^1/_2$ листа (печати «Р‹усского› вестника») (то есть чуть ли не в 5 листов «Зари»). Это *minimum*. И так как я получил уже весной из «Зари» *300 руб.*, то все-таки по окончании повести мне придется дополучить почти за $1^1/_2$ листа (печати «Р‹усского› вестника») еще. Хоть повесть еще не кончена, но в конце октября *наверно* будет выслана уже в «Зарю»: это наверно.[5] 2) Хоть я и не вправе просить на этих основаниях *теперь* вперед, но, по моему критическому положению, прошу его по-христиански меня выручить и выслать 200 руб. Но так как это, может быть, тяжело сделать сейчас, то прошу его выслать *сейчас* всего только 75 рублей (это чтоб спасти сейчас из воды и не дать провалиться). Затем *через две недели* от этой 1-й высылки прошу выслать еще 75 рублей и наконец, уже при этой второй высылке, выдать

---

[a] *Далее было*: вывожу

Вам (Ап‹оллону› Ник‹олаевичу› Майкову) 50 руб. Таким образом и составится просимая сумма в 200 руб.

Не зная совершенно личности Кашпирева, пишу в усиленно-почтительном, хотя и в несколько настойчивом тоне (боюсь, чтоб не пикировался;[б] ибо почтительность слишком усиленная, да и письмо, кажется, очень глупым слогом написано).

Затем в письме к Кашпиреву излагается и вторая, самая главная просьба моя. Именно: если он согласен будет исполнить мою просьбу о деньгах, то пусть вышлет первые 75 руб. *сейчас, не медля нимало.* Написал ему, что прибегаю ко всей деликатности его ума и сердца, чтоб он не обиделся за настойчивость о присылке *сейчас и не медля нимало*, но пусть вникнет и поймет, *что для меня время и срок помощи чуть ли не важнее самих денег.* Ибо равным образом его прошу: что если он не заблагорассудит помочь мне и откажет, то все-таки[б] пусть *сейчас* же известит меня об отказе, *не медля нимало.* Написал при этом, что для этого извещения об отказе достаточно для меня будет получить хоть две строчки рукою секретаря его редакции, но только *сейчас*, для того, чтоб я мог скорее принять *последние меры*, а не ждать праздно возможности присылки денег (тут я еще второй раз в письме к Кашпиреву солгал по поводу этих *последних мер*, объясняя ему, что я принужден буду тотчас же продать последние и необходимейшие вещи и за вещь, стоящую 100 талеров, взято 20, что, конечно, принужден буду сделать для спасения жизни трех существ, если он *замедлит* ответом, хотя бы и удовлетворительным.[7] Что я через неделю стану продавать последние вещи, если не получу денег, то это правда полная; ибо иначе никак нельзя; но солгал я в том, что буду продавать *сто*рублевые вещи. Две-три сторублевые вещи, у нас бывшие, уже давным-давно, сейчас же по приезде в Дрезден, заложены и действительно по оценке вместо 100 рублей — двадцатью. Но теперь придется продать белье, пальто и, пожалуй, сертук; ибо хоть и напишу[в] Каткову, но все-таки *раньше месяца* оттуда денег не будет, хотя и будут наверно).[8]

Изложив Вам содержание письма к Кашпиреву, излагаю мою личную, особенную и чрезвычайную просьбу к Вам. Пособите по-христиански, дружески и по-товарищески! Не потяготитесь! Последний раз утруждаю Вас. Просьба же в следующем.

Так как Страхов писал мне, что Вы довольно близко знакомы с Кашпиревым,[9] то съездите сейчас по получении этого письма и не отлагая к Кашпиреву и попросите его, чтобы он исполнил мою просьбу *о немедленном ответе.* Главное, чтоб был *немедленный ответ.*[10] Ну вот и вся моя просьба к Вам. Но пой-

---

[б] *Было*: всё равно
[в] *Было*: написать

мите, дорогой друг, до какой степени она важна для меня теперь в моем положении!

(Прибавлю еще, *собственно для Вас*, то есть между нами, что я прошу почти *своего*, что ведь повесть через месяц всё оплатит и что хоть я и не претендую *на право* взимания *вперед*, но что такие снисхождения последнему литератору делаются. Так что если мне откажут в «Заре» теперь, то я слишком пойму тот уровень, на который меня ставят там в литературном отношении. Боюсь еще, чтоб он не принял мой усиленно-почтительный тон в письме за иронический. Бог знает ведь какой человек; я об нем не имею никакого понятия лично. А просто-запросто я не умею писать к незнакомым о щекотливых предметах. Писал от руки, набело, и потом уже, перечтя письмо, увидал, что, кажется, уж слишком почтительно.)

Отвечайте же, друг мой. Пишу наскоро. Жена Вам кланяется. Мы в великой радости. У ней третьи сутки — то есть самые опасные. Мое здоровье в Дрездене крайне плохо: беспрерывно простужаюсь, чего почти *никогда* со мной не было, а в Швейцарии и Италии было немыслимо. Да и припадки в Дрездене увеличились; но это может быть только с приезда.

Работаю усиленно. Замыслил вещь в «Русский вестник», которая очень волнует меня,[11] но боюсь усиленной работы. Много бы хотелось написать Вам об литературе, но не до литературы в эту минуту. О повести в «Зарю» ничего не скажу: одно знаю наверно, что будет довольно оригинальна, а что дальше выйдет, то сами увидите, если прочтете.

Главное, хоть двумя строками ответьте.

Наконец, последнее: я прошу, чтоб Вам Кашпирев выдал 50 руб. на руки. Это (простите меня, дорогой мой, за надоедание и исполните, ради Христа), — это для того, чтоб 25 руб. выдать Эмилии Федоровне и 25 руб. Паше. Они имеют полное право негодовать на такую нищенскую помощь; но пусть, пусть даже обидятся, вправе будут, но так как 25 руб. все-таки что-нибудь и сколько-нибудь принесет им пользы, то выдайте. Так как они ни за что не поверят, в каком я сам положении и почему так нищенски помогаю, то и не говорите им ничего в извинение мое. Сделайте же, ради господа бога.

2-е) Напишите мне что-нибудь о Паше.[12]

3-е) Что такое Вы мне написали тогда о тетке и Веселовском? Я написал ему тогда же, давно уже письмо, по Вашим словам; но в письме этом я просил только объяснений и говорил положительно, что не начну дела, если не буду убежден вполне, *нравственно*, в том, что это завещание монастырю сделано не по желанию тетки, а в бреду. Этот господин Веселовский даже двумя строчками не удостоил мне ответить. Мое письмо было очень приличное. Я теперь положительно знаю, из другого источника, что тетка жива. Пусть всё это бурда и ошибка; но со стороны Веселовского не ответить хоть 2-х строк,

н<а>прим<ер>, хоть о том, что он ничего тут не понимает, — по-моему, совершенно невежливо. Я узнал, что он в дружеских отношениях с моим братом Андреем Михайловичем, который управляет имением тетки. Не вышло бы чего для меня щекотливого? Брат Андрей Михайлович довольно в далеких со мной отношениях (хотя и без малейших неприятностей). Но Веселовский уж наверно ему мое письмо показал. Итак, главное в том, что такое Веселовский, какой человек? Не напишете ли мне чего-нибудь об этом? [13]

4) Получили ли Вы мое письмо из Флоренции, весной, в котором [г] я Вам писал об «Идиоте» и Базунове? [14] Так как Вы ничего не упомянули на этот счет в Вашем письме пять недель назад, то боюсь, что Вы не получили.[15]

Впрочем, я теперь других мнений об издании «Идиота». Не к тому и упоминаю. А главное: не пропадают ли мои и Ваши письма?

Обнимаю Вас крепко. Ваш неизменный

Федор Достоевский.

Есть и еще один предмет, который крайне тяготит меня, но в этом письме не говорю об нем. Я про долг мой Вам говорю.[16] Друг мой, отдам скоро, скоро, верьте! Благодарю Вас за Вашу ангельскую снисходительность, но насчет денег у меня есть некоторые надежды. Напишу потом, до свидания.

Уведомьте же. Хоть 2 строки. Главное, уведомьте.

Адресс тот же.

P. S. Чуть не забыл чрезвычайно важное.

Тогда они выслали мне 300 руб. из «Зари», и деньги тащились *месяц*. Я знаю эту штуку: это через какие-то конторы. Но главное в том, что Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов написал мне потом, что *иначе деньги и не высылаются*.[17] Стало быть, у них и понятия не имеют, как высылаются деньги, чтобы прийти так же скоро, как и письмо, то есть на третий день. Голубчик, помогите, посоветуйте им, иначе, если деньги замедлят, — я пропал. Высылаются же деньги таким образом, что надо поехать в Петербурге к какому-нибудь банкиру (хоть к Гинцбургу, или есть там и другой какой-то), внести им высылаемые деньги, получить от них вексель на три месяца (на имя Ротшильда, н<а>прим<ер>, так высылает «Русский вестник». Впрочем, всего лучше, изъяснив банкиру надобность скорой почтовой пересылки, — вввериться ему, и он сделает как знает. Они умеют; тем и занимаются). Затем этот полученный верный вексель (на почте это называется здесь и везде пересылкою valeur'ов (valeurs,* то есть почти что деньги)) — этот вексель вложить в письмо ко мне, и *застраховав* на почте (это непременно,

---

[г] *Вместо*: в котором — *было*: где я

* валюта (*франц.*).

но «Русский вестник» хоть и страхует всегда, но никогда не обозначает *на обертке* пересылаемой суммы; ибо это valeur). Впрочем, как потребует почтамт: главное только застраховать, то есть положить 5 печатей. Об деньгах же почтамту и не упоминается. Я так пересылал из Петербурга за границу сам. Лучше всего, повторяю, расспросить Гинцбурга (или кого там), он научит. Но пусть переведут на талеры. Пересылать мне poste restante.** Дойдет на третий день. Получив, я вынимаю вексель и иду к первому (или ко всякому) здешнему банкиру и меняю на золото, приплачивая за промен ничтожную сумму (на 1000 франков 10). Всё происходит в 20 минут. У Гинцбурга же (или где в другом месте) пусть переведут по курсу рубли *на талеры.* Умоляю, замолвите слово об этом. Ибо срок, время — для меня теперь *всё*, пуще денег!

** до востребования (*франц.*).

373. А. Н. МАЙКОВУ

16 (28) октября 1869. Дрезден

Дрезден 16/28 октября/69.

Дорогой друг Аполлон Николаевич, получил и письмо Ваше, с месяц назад, и приписку к Пашиному письму, — но об этом после.

Ради Христа, скажите мне: что мне делать и на что теперь решиться? Я в отчаянии! Вы читали мое первое (просительное о 200 рубл‹ях›) письмо к Кашпиреву,[1] я и Вам писал. Писал об ужасной нужде и об *отчаянном* моем положении. И что же? До сих пор *ни копейки денег не получил* — одни обещания! Если б Вы знали только, в каком мы теперь положении. Ведь нас трое — я, жена, которая кормит и которой есть надо, и ребеночек, который может заболеть через нашу нужду и умереть! Что ж это за человек и как он со мной обращается!

Вот как было всё дело, день за днем; прислушайтесь и заметьте всё.

Через неделю после моего просительного (первого письма) я действительно получил письмо от Кашпирева, с выражением искреннего согласия и готовности и с векселем от петербургского банкира Хессина па здешнего дрезденского банкира Гирша.[2] Иду к Гиршу: он читает вексель и говорит: тут написано, чтобы выплатить с *laut Bericht,** а *laut Bericht* значит предуведомление мне, Гиршу, от Хессина, чтобы я *не* платил без особого *avis,*** которое должно быть мне выслано Хессином особо, а потому и не заплачу; заплачу, когда придет *avis*. Я стал ждать: хожу

* согласно предуведомлению (*нем.*).
** извещения (*франц.*).

каждый день в контору: не пришло ли avis? Нет avis. Наконец в конторе надо мной стали посмеиваться. Потеряв терпение и будучи *без хлеба* — пишу Кашпиреву, объясняю мое отчаянное положение, прошу понудить Хессина, прислать avis, а с будущей 2-й присылкой 75 р. — избавить меня от Хессина и Гирша. Письмо мое было послано от 27 сентяб‹ря› / 9 октяб‹ря›.[3] Жду — нет ответа! Ей-богу, думал, что уж и не будет. Между тем бегаю каждый день к Гиршу. Там смеются и говорят, что, верно, Хессин *забыл* прислать avis. Зашел справиться в две-три другие конторы, везде сказали, что по векселю с *laut Bericht* никто денег не даст без avis. В одной конторе сказали, что такие векселя иногда выдаются, но только *на смех*. Наконец получается ответ Кашпирева — *на двенадцатый день* после моего письма! Заметьте: почта из Дрездена в Петербург идет *три* дня, то есть если вы, например, отправили письмо из Дрездена в *понедельник*, то в Петербурге оно *доставится В РУКИ в четверг*. Сопоставив мое письмо с первым моим письмом (где я изъяснил же отчаянную нужду мою), ведь мог бы он поторопиться и ответить сейчас. Но письмо пришло на *двенадцатый день*! И заметьте: пишет от 3-го октяб‹ря› (нашего стиля), а штемпель приема на петербургской почте значится 6-го октября.[а][4] Значит, оно валялось у него на столе *так*, без отсылки, три дня. Хоть бы для деликатности зачеркнул 3 и поставил 5! Неужели он не понимает, что мне это *оскорбительно*? Ведь я ему писал о нуждах *жены* и ребенка моего — и после того такая[б] небрежность! Разве не оскорбление! И что ж в письме: пишет, что справлялся у Хессина и что Хессин говорит, что *avis* послано, что он не понимает, почему я не получил, что он, впрочем, понудил Хессина послать другое avis и что теперь, стало быть, он уверен, что я уже получил от Гирша деньги. (Откудова *уверен*? Почему уверен?) Но что если я до сих пор не получил по векселю Гирша, то чтоб я прислал ему назад вексель и что он *на другой же день* по получении его пошлет мне вексель на другого банкира. Затем прибавляет в приписке, что если деньги еще мною не получены, то чтоб я ему телеграфировал немедленно, «разумеется, на мой счет»,[в] и что он сейчас же, не дожидаясь присылки векселя (который придет по почте), пошлет мне вексель новый.[5] Наконец прибавляет, что «на днях вышлет мне и вторые 75 рублей».[6] (**NB**. Заметьте, что он пишет от 3-го октября.)

Телеграфировать я не мог в тот же день, то есть 9/21 октября, потому что где же у меня два талера на телеграмму? Неужели ж он не мог сообразить после моих двух писем, что у меня *ни копейки* нет денег, *буквально* ни копейки! Если б он только знал, как я достал эти два талера на другой день,

---

[а] *Далее было начато*: Хоть
[б] *Далее было*: помещичья развалка, такая
[в] *Далее было*: Прибавляет наконец, что на дня‹х›

чтоб ему телеграфировать! Но достал и послал телеграмму на другой день 10/22 октября, в пятницу.[7] *В субботу же отсылаю*[г] *ему вексель обратно.*[8] Справился у Гирша: «никакого avis, ни первого, ни второго»; я и телеграфировал: «Nein Avis. Hirsch giebt nicht Geld».*

Теперь слушайте же: телеграфировал в пятницу; он, стало быть, получил никак не позже как в субботу утром. Ведь он мог бы послать в субботу утром. Это дело в *один час* делается. Ведь он сам же мне написал, что *сейчас* после телеграммы вышлет. Без такой надежды для чего ж бы я стал мучиться, как угорелый доставать два талера. Но он в субботу не выслал! Ну, думаю, вышлет в понедельник. Если в понедельник, то я в четверг здесь получаю непременно. И что же? Вот и четверг — ничего! Неужели я и теперь получу ответ на *двенадцатый день*, то есть в тот четверг? Как сумасшедший захожу к Гиршу справиться. И что ж? Только что сейчас пришло avis от Хессина! Пришло, а у меня уж 5 дней как нет векселя, я его отослал обратно, по его собственному приглашению!

Теперь вникните, ради Христа: тут могло быть два случая: 1) или Кашпирев, после моей телеграммы, поехал к Хессину и понудил его наконец послать *avis*, или 2) что Кашпирев не ездил к Хессину после телеграммы, а Хессин сам (может быть, в ответ на запрос Гирша из Дрездена, который был ему сделан дней семь назад) отвечал наконец Гиршу. В 1-м случае как мог Кашпирев, после телеграммы моей, понуждать Хессина послать *наконец* avis, когда сам же пригласил меня выслать ему вексель *обратно*. Ведь он знал же непременно, что я вышлю после его *собственного* приглашения, и действительно, он должен был его получить во вторник! Неужели он не сообразил, что когда Хессин пошлет avis, то векселя у меня уже давно не будет. Ну не небрежность ли это для меня оскорбительная! Если же он не ездил к Хессину, а Хессин сам прислал наконец *avis*, то[д] небрежность Кашпирева еще для меня оскорбительнее: ведь уж сколько раз я уведомлял его, что нет *avis*! Ведь дело это с Хессином идет более трех недель! Как же он понуждал-то Хессина, как же он справлялся у него после этого! Приезжал и по первому слову того, что уже послано, уезжал назад. Ведь признается же Хессин в письме к Гиршу,[9] что *avis он не высылал* потому, что *думал*, что вексель и без того правильно написан, ибо всё дело, как видно по его объяснению Гиршу, произошло оттого, что он велел написать вексель *ohne Berricht*,** а *commis* *** переврал и написал вместо ohne — laut Berricht.**** Хорошо же

[г] *Было начато*: посыла‹ю›
[д] *Далее было*: какова
* «Уведомления нет. Гирш денег не дает» (*нем.*).
** без уведомления (*нем.*).
*** служащий (*франц.*).
**** согласно уведомлению (*нем.*).

после этого Кашпирев объяснился с Хессином, который его надувал, говоря, что уже послал два avis, тогда как теперь очевидно, по его собственному письму к Гиршу, что никакого avis никогда не было выслано! Разве это не небрежность в отношении ко мне! Что же теперь мне делать? Когда я получу теперь деньги! И почему, почему он ждет моей телеграммы, просит [е] прислать вексель обратно («и тогда, дескать, вышлю вам *на другой же день*», а не в тот же), — *а не высылает теперь, сейчас вторых 75 руб.*, которые в настоящую минуту уже десять дней тому назад должны бы быть высланы? Неужели он думает, что я писал ему о моей нужде только для красоты слога! Как могу я писать, когда я голоден, когда я, чтоб достать два талера на телеграмму, штаны заложил! Да черт со мной и с моим голодом! Но ведь она кормит ребенка, что ж если она последнюю свою теплую, шерстяную юбку идет *сама* закладывать! А ведь у нас второй день снег идет (не вру, справьтесь в газетах!), ведь она простудиться может! Неужели он не может понять, что мне *стыдно* всё это объяснять ему? Но это не всё, есть и *еще стыднее*: у нас до сих пор ни бабка, ни хозяева не уплачены — и это всё ей в первый месяц после родов! Да неужели ж он не понимает, что он не только меня, но и *жену мою оскорбил*, обращаясь со мной так небрежно, после того как я сам ему писал о *нуждах жены*. Оскорбил, оскорбил! О, как бы я ему отплатил! Ведь этак только *барин* [ж] с своим лакеем обращается! Как с писаришкой каким-нибудь! Он скажет, может быть: «А черт с ним и с его нуждой! Он должен *просить*, а не *требовать*, я не обязан вперед давать». Да неужели ж он не понимает, что утвердительным ответом на мое первое просительное письмо *он заручил* меня! Ведь почему я к нему обратился с просьбой о 200 р., а не к Каткову? Потому что думал, что от него получу раньше, чем от Каткова (которого мне не хотелось утруждать), тогда как теперь, если б я написал тогда к Каткову, а не к нему, то давным-давно, уже неделю тому назад, имел бы деньги наверно! А я *не* написал! Почему? Потому, что он меня *заручил* своим словом! Следственно, он не имеет права говорить, что он плюет на мой голод и что я ‹не› смею торопить его.[з] Он, конечно, будет говорить, что он сделал *всё* с своей стороны, вексель выслал тотчас, и он не виноват, что вышло недоразумение, что он по моей жалобе к Хессину ездил и тот обещался прислать *avis* и т. д. И ведь, ей-богу же, он себя считает правым! Да неужели же он понять не может, что *нельзя* на отчаянное письмо о том, что столько уж времени ничего не получено, по их же ошибке — отвечать только на *двенадцатый день*. На двенадцатый день, да, не лгу — у меня

[е] *Было*: пишет
[ж] *Далее было*: можно только барину
[з] *Далее было начато*: Может

конверты целы и на них штемпеля. Нельзя на телеграмму, *которую сам вызвал*, ровно *шесть дней* не отвечать, тогда как почта достигает на 4-й день! Это небрежность непростительная, оскорбительная! Лично для меня оскорбительная! Ведь я ему о жене моей писал, о том, что она родила! Каково же оскорбление, после того как он уж *заручил* меня и через это заручение сделал то, что я к Каткову не посылал! Как они издают журнал после этого, при такой небрежности и при такой неумелости! Воображаю, что терпят иногородние подписчики! Понятна мне теперь и всеобщая ненависть, с которою их везде встретили.[10] Я постоянно получаю журнал недель шесть после выхода! И они требуют от меня теперь литературы! Кашпирев пишет мне (в своем письме, на двенадцатый день) о моей повести, требует сообщить ее название для публикации вперед и т. д.[11] Да разве я могу писать в эту минуту? Я хожу и рву на себе волосы, а по ночам не могу заснуть! Я всё думаю и бешусь! Я жду! О боже мой! Ей-богу, ей-богу, я *не могу* описать все подробности [и] моей нужды: мне стыдно их описывать! Но если б Вы всё-то узнали! А он там, с помещичьей развалкой,[12] на телеграмму ответит на *двенадцатый день*, а о второй присылке 75 руб. *забыл*, как Хессин *забыл* avis. Разве не обидно это? Разве не обидно видеть из его письма, что он и *не думает* о второй высылке, которая могла бы поскорее мне помочь, а требует объяснительной телеграммы о первой и умозрительно пишет: «на мой счет, разумеется». Да разве он не ведает, что неоплаченной телеграммы не примут нигде и что я же должен достать *два талера*, чтобы послать ее. Неужели ему невдомек (после-то моих писем!), что у меня не может быть двух талеров? Ведь это небрежность человека, который и знать не хочет обстоятельств другого. Неужто он *по-барски* презирает меня оттого, что выдался у меня такой месяц такой нужды и что я так низко *зануждался*! Да ведь через него же! И не считайте преувеличением злости мое сейчашнее мнение о его презрении *из-за нужды*: это слишком естественно у иных душ. Бессознательно порождает небрежность в отношениях! Я вижу следы этой *презрительной небрежности* ко мне в ответе на *двенадцатый день*, в неответе на телеграмму (которую сам же вызвал) и в небрежности, с которою вел справки у Хессина. Если б я для него что-нибудь значил, то он давно бы уж мог понудить Хессина поправить дело: стоило только быть *капельку повнимательнее*. Пусть он знает, что Федор Достоевский, может быть, более его может выработать своим трудом всегда! И после того у меня требуют художественности, чистоты поэзии без напряжения, без угару, и указывают на Тургенева, Гончарова! [13] Пусть посмотрят, в каком положении я работаю!

Вы пишете, друг мой, о Стелловском. Поблагодарите милого

[и] *Далее было*: того сост‹ояния›

Пашу за хлопоты и скажите ему, что я его очень люблю.[14] Благодарю и Вас, и особенно крестница Вас благодарит вместе с Анной Григорьевной за согласие крестить.[15]

О Стелловском напишу после: теперь возможности нет. весь измучен, едва понимаю, хожу как угорелый. Чувствую только, что в деле с Стелловским Вам и Паше *необходимо познакомиться* с копией прежнего моего контракта с Стелловским, которая у меня хранится.[16] Сниму копию с этой копии и Вам вышлю; сообщите Паше, ибо тут виднее крючки от Стелловского при теперешнем предложении. Но все-таки этим делом можно и не пренебречь и попробовать, но осторожно. Может, и удастся. А теперь до свидания, весь Вам преданный

Ваш Федор Достоевский.

Письма моего не *показывайте никому*, а Кашпиреву сообщите — *смысл* письма. Пожалуйста.

374. А. Н. МАЙКОВУ

27 октября (8 ноября) 1869. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{27 октября}}{\text{8 ноября}}$/69.

Письмо Ваше, бесценный друг, с 100 рублями и с билетом Гирша я получил вчера, *в воскресение*.[1] Так как в воскресение Гирш заперт,[2] то я и не мог Вам отвечать вчера же. Сегодня же Гирш билет разменял, так что я всё получил, о чем Вас и уведомляю. Выходит из всего этого, что если б я Вам не написал[3] и если б Вы были не такой, как Вы есть, то я бы ничего и не получил до сих пор и даже, может быть, в будущем, то есть не только денег, но даже и уведомления. Вы пишете, чтоб я не злился на Кашпирева; без сомнения, не злюсь, особенно если Вы утверждаете, что он сам в затруднительных обстоятельствах и всё происходило от этого. Но перенесите себя мыслию и в мое положение и рассудите: можно ли было не беситься? Я решаю так, что при самых христианских, как Вы пишете, чувствах не беситься от негодования было невозможно. *Ответить всегда он мог*. Теперь дело прошлое, я говорю только про прошедшее, и особенно если его самого так мучают. Говорю Вам искренно, что настоящей злобы во мне не было и тогда, когда я писал Вам.

О том же, чем я собственно Вам обязан, я уж и не говорю. Никогда не забуду. Спасибо.

Я так и надеялся, что Вы не покажете ему мое письмо. Я просил только сообщить ему *смысл* письма. И я слишком благодарен Вам, что Вы не показали ему письма в оригинале.[4]

Насчет же процентов и издержек моих, которые он берет на *свой счет*, то всё это совершенно лишнее. При свидании

скажите ему, ради бога, что я ни за что на это не соглашусь. Не ростовщик же я! Мало ли что в жизни случается. Косвенно я могу обвинить всякого человека во всякой моей неудаче: Вас, Яновского, Краевского, Аксакова, Салтыкова — всех. Я иду покупать шубу; встретится первый незнакомый, но который скажет мне, что в этом вот магазине великолепные и недорогие шубы. Я иду туда, и оказывается, что я переплатил 20 руб. лишних: неужели же спрашивать их с этого незнакомого? Во всяком жизненном явлении бесконечность комбинаций, в которых никак нельзя обвинить лишь одну их первоначальную причину: а Кашпирев в моих комбинациях не первоначальная, даже косвенная причина. Ни за что не хочу никаких вознаграждений; поблагодарите его от меня за готовность; но мне довольно и одной только готовности; на деле не приму. А Вас еще раз благодарю; подлинно вовремя поспели; еще немного и — сплошал бы я совсем.

А между тем много у меня до Вас просьб. Понимаю, что грустно мне Вам надоедать; но, не видя малейшей возможности устроиться без Вашего содействия и посредничества, решаюсь Вас опять беспокоить.[a] Не сердитесь, ради бога.

Первое, о чем хочу просить, — это некоторого посредничества Вашего между мною и Кашпиревым насчет моей повести. Я и сам ему напишу, но Ваше слово, то есть слово человека, которого Кашпирев, вероятно, ценит, и главное — благоприятеля «Зари», — будет очень веско. Вот в чем дело: во-1-х, повесть (которая раньше двух недель от сего числа в «Зарю» выслана быть не может) будет не в $3^1/_2$ листа, как я первоначально писал Кашпиреву (впрочем, назначая только *minimum* числа листов, а не *maximum*), — будет, может быть, листов в шесть или в 7 печати «Русского вестника». Две трети повести уже написано и переписано окончательно. Старался сократить из всех сил, но не мог. Но дело не в объеме, а в достоинстве; но об достоинстве мне сказать нечего, ибо сам ничего не знаю на этот счет; решат другие. Но заботит меня то, что Кашпирев хочет (и писал мне об этом) [5] публиковать вперед о моей повести. Не хотелось бы мне этого ни за что. То есть ни за что! Упросите его не публиковать, в частном разговоре, когда с ним увидитесь! Я чувствую, что не моя тут воля и что он в этом деле полный хозяин; не могу я ему запретить; но не послушает ли он просьбы? [6]

2) По первоначальному уговору я сам ему писал, что он волен напечатать мою повесть в этом году или в будущем, хотя при этом и заявлял желание, чтоб в этом году. Я буду его просить сам, при отправлении, чтоб он поместил повесть в декабре (или даже в ноябрьской книге, если поспею выслать). Но мне

---

[a] *Далее было начато*: Не говорите, что я нахал <?>

слишком, слишком будет тяжело,[б] если он отложит до будущего года. Тут у меня свой особый расчет, так обстоятельства сошлись. Я не про денежный расчет говорю, тут *совсем другое.* Я бы желал, чтоб в декабрьской книжке. Это для меня слишком важно. Когда брат издавал «Время», то у нас к концу первого года было взаимно решено, что для начинающегося, издающегося *первый год* журнала последние книги[в] первого года *важнее для подписки*, чем январская и февральская наступающего года. Успех подписки совершенно оправдал этот расчет. Если Кашпирев хочет публиковать о моей повести заране, значит, ценит же меня как писателя, а если ценит, то ему более с руки напечатать меня в декабре. Прошу Вас заговорить с ним об этом и по присылке в редакцию повести этому способствовать. Для меня очень это важно; впрочем, его воля.[7]

3) Повесть в 7 печатных листов «Русского вестника» будет иметь в «Заре», может быть, в $8^{1}/_{2}$ листов. Я бы в высшей степени желал, чтоб повесть поместили в одном номере, а не разбивали на два. В этом я особенно буду настаивать. Сообщите ему и об этом, пожалуйста.[8]

4) Я взял у него теперь 500 руб. вперед. Если будет до 7, например, листов («Русского вестника»), то мне придется дополучить еще 500 руб. (Ну, положим, меньше семи, а шесть листов; значит, дополучить 400.) Не может ли он уплатить раньше выхода книжки, например в декабре в первой половине, когда подписка уж сильно обозначается? Буду просить его об этом при посылке повести,[9] а Вас прошу очень (не откажите, ради бога!) принять от него эти деньги (когда бы он их ни заплатил). Если согласитесь — так ему и напишу. Из этих денег с благодарностию горячею, беспредельною поспешу возвратить Вам долг 200 руб. Их возьмите себе прямо от Кашпирева; так ему и напишу. Остальные же 200 или 300 пойдут на выкуп из заклада, в Петербурге же, некоторых заложенных нами перед отъездом вещей, преимущественно жениных. Выкупить хотим по крайней мере на 200 руб. Вещи же, которые можно выкупить на эти деньги, стоят по крайней мере 600, а они пропасть могут, если долго не выкупать.[10] С этою целью к Вам явится (не раньше как когда уже деньги будут у Вас) младший брат Анны Григорьевны — Иван Григорьевич; он и выкупит,[г] а Вы ему, безо всякого сомнения, можете вручить деньги (то есть когда уже они будут у Вас в руках. Раньше Вас беспокоить не буду). Это чрезвычайная просьба к Вам наша, и потому, собственно, Вас беспокоим, что при трудности получения с «Зари» денег нельзя действовать мне с нею непосредственно. Разумеется, если в декабре он не может выдать, то всё это произойдет

[б] *Далее было начато:* ‹не в одно‹м›
[в] *Было:* номера
[г] *Вместо:* он и выкупит — *было:* и Вы отдадите ему

в январе. К Вам же, раньше получения Вами денег — никто не придет за ними. Придут к Вам, когда уже они будут у Вас. Но я только о том и прошу Вас, чтоб Вы согласились взять на себя получение денег с Кашпирева, — разумеется,[д] только тогда, когда он в состоянии будет заплатить, то есть я не рассчитываю вовсе[е] на то, чтоб Вы были хоть чем-нибудь тут утруждены. И так уж я слишком много Вам задал беспокойства. Я не *достать* от Кашпирева прошу Вас деньги, а только *принять* их, когда можно будет.

Наконец и главнейшая просьба моя — об Эмилии Федоровне. Получив теперь 100 руб. от Вас и билет на Гирша, я, стало быть, получил с «Зари» всего *175* руб., а так как Кашпирев обещал мне 200, то нельзя ли остающиеся 25 руб. *неотлагательно* вручить Эмилии Федоровне?! Ради *Христа*, не откажитесь попросить Кашпирева! Сердце мое изныло; слишком я уж долго ничего не помогал! А ей и Кате до того худо теперь, что хуже уж и быть не может. Послав же повесть, буду просить[ж] Кашпирева из всех сил вручить ей еще хоть 25 р. на первый случай по получении повести (это вышеупомянутого расчета не нарушит) и тоже через Ваше содействие. Друг мой, Вы в этом деле не мне, а богу послужите. У Паши Вы всегда можете узнать ее адресс. А главное — эти оставшиеся теперь 25 доставьте ей теперь же от Кашпирева. Двадцать-то пять руб., может быть, у него найдутся *сейчас*! Не откажите же похлопотать! Успокойте меня, ибо *очень* беспокоюсь духом. А Паша пусть подождет на время; и ему помогу.

Об рассказах Ваших из русской истории хотел совсем теперь не писать, потому что хотел написать много, но не удержался и пишу несколько строк. Я их читал, они мне нравятся безусловно, — что об этом и говорить.[11] Но в них есть важный чрезвычайный недостаток, а именно: Вы напишете еще, может быть, рассказа два, да так и забросите дело. Я в этом почти уверен; просто затянете дело. А между тем какую бы пользу Вы могли принести![12] Представьте себе, что Вы полагаете целый год безустанной работы на эти рассказы, напишете не торопясь, обделаете их рассказов 25 по крайней мере (ведь я уверен, что рассказы из истории послепетровской, с здравой русской точки зрения, выйдут еще занимательнее и, *главное, полезнее*). Тогда составилась бы у Вас книга, отдельно изданная (как можно не замедляя и ОТНЮДЬ (!) не продавая книгопродавцам, а на свой счет непременно), — книга, которая принесла бы чрезвычайную пользу во всех школах, гимназиях и проч., где она сделалась бы *обязательною*. Ни Карамзина, ни Соловьева там целиком не читают,[13] а Ваша книга могла бы быть прочтена це-

---

д *Далее было*: я полагаю

е *Вместо*: вовсе — *было*: никак

ж *Было*: молить

ликом и укрепить навеки ясные и здравые мысли в молодом уме школьника или гимназиста. Если Вы сообщаете, что и старики говорят, что есть чему им поучиться в Ваших рассказах, то уж наверно купят для своих детей. Книга лет 20 будет книгою совершенно необходимою при воспитании. Половина рассказов, напечатанных заранее в журналах, отрекомендовали бы книгу и объяснили бы ее. Станем судить с одной только экономической точки зрения: ведь это *капитал* и, может быть, большой. В 20 лет, может быть, много изданий будет. Неужели всё это бросить и не воспользоваться. Ведь это Ваша идея, Ваша собственная![14] Если Вы затянете дело, то какой-нибудь талантливый человек, вроде Разина («Божий мир»),[15] Вас предупредит, возьмет Вашу идею, напишет сам рассказы и издаст и получит барыш, а Вас подорвет. Не бросайте же дела — вот что главное.

Кстати: не будет ли какой возможности сказать Кашпиреву наконец настоятельно, чтоб прислал мне «Зарю»! Сентябрьский номер у них вышел 8-го октября, а теперь 27-го, а я всё не получаю! Ведь я считаю себя подписчиком, я объявил это и заплачу деньги. Воображаю, что терпят у них иногородные подписчики! Нет, так журнал издавать невозможно. Будь у них одни Пушкины и Гоголи в сотрудниках, и тогда журнал лопнет при неаккуратности. Сами себя бьют. Краевский взял аккуратностию и рациональным ведением дела в коммерческом отношении.[16] И каждую-то книгу я так получаю! Экое мученье!

Ведь чем больше понравится подписчику журнал, тем более он ощущает досады при таком ведении дела. Они и преданных-то подписчиков отобьют от себя!

Я думаю так: если я сотрудник, то как же мне не знать журнала, в котором участвую?

Теперь о Стелловском. Посылаю Вам при этом *копию* с копии контракта моего с ним в 65-м году, переписанную точнейшим образом, даже с соблюдением грамматических ошибок подлинника.[17] К этому контракту [3] принудил меня Стелловский силою, пустив на меня тогда (через Бочарова) векселя Демиса и Гаврилова и грозясь засадить меня в тюрьму, так что уж и помощник квартального приходил ко мне для исполнения. Но я с помощником квартального тогда подружился, и он мне много тогда способствовал разными сведениями, которые потом пригодились для «Преступления и наказания».[18] Контракт этот ужасен. Прошу Вас — сообщите его Паше немедленно. Пусть просмотрит внимательно вместе с своим нотариусом. Ибо Стелловский такая шельма, что подденет, где и не предполагаешь. Мои мысли *покамест* такие: пусть Стелловский покупает «Идиота» за 1000; при этом я согласен на 500 наличными, а остальные 500 векселями на короткий срок. Насчет платы вперед за «Преступление и наказание», то я бы, чтобы не было смешения и

---

[3] *Вместо*: К этому контракту — *было*: Этот контракт

путаницы, и подождал бы до будущего года, то есть до напечатания, так что дело будет идти об одном «Идиоте». Впрочем, если ему хочется, то можно и теперь, но с особыми предосторожностями, чтоб не было тут крючка. Но лучше об одном «Идиоте» отдельно. О печатании «Преступления и наказания» не должно быть и речи теперь; ибо он печатать может, когда кончится срок мой с Базуновым, то есть с 1-го января 1870 (об этом справиться бы у Базунова Паше; впрочем, я уверен, что Базунову продано право до 1870-го года).[19] Проект контракта пусть Паша составит с своим нотариусом, принесет Вам на усмотрение и пришлет ко мне, а там уже предложить Стелловскому на окончательное его решение. Но непременно руководствоваться Паше и нотариусу высылаемой теперь копией внимательно; ибо Стелловский, очень может быть, имеет в виду завернуть крючок; *например*: в копии с контракта сказано в одном месте, что плату за «Преступление и наказание», если бы Стелловский пожелал напечатать, я получаю такую-то и т. д. по расчету с листа и т. д., печатать же он может только с 70-го года, причем и плату я получаю *после напечатания*. Теперь если он выдаст мне за «Преступление и наказание» вперед, раньше 1870-го, то он, пожалуй, придерется и скажет потом: если Вы получили плату вперед за «Преступ‹ление› и наказание», то тем самым контракт нарушен, ибо по контракту я имею право печатать только в 1870-м и тогда только заплатить. Так что во всяких пунктах контракта об «Идиоте», чуть-чуть двусмысленных, нужно упомянуть буквально, что таким-то и таким-то теперешним распоряжением и соглашением прежний контракт ни в одном пункте не нарушается, а остается в полной целости, и т. д.

Впрочем, всё увидим на деле. Но дело-то надо бы повести[и] поскорее. Стелловский не может не напечатать «Преступл‹ения› и наказания», то есть отказаться от своего права, а стало быть, ему могло бы быть выгодно напечатать и «Идиота». Стало быть, это дело может быть и в самом деле серьезным. А мне 1000 руб. ух как была бы нужна.

Жаль только, что Стелловский такой плут и крючок. Он, *например*, очень хочет выговорить себе лишний год права печати «Идиота», то есть чтоб считали *два* года его права с конца будущего года. А если так, то не имеет ли он в виду как-нибудь поймать меня. Напишется, например, в контракте, что печатать он будет в том же формате, как его издание «Русских литераторов», потом приплетет сюда «Преступление и наказание» и скажет, что я ему, продав «Идиота», тем самым дозволил протянуть право издания *всех* моих сочинений еще на год (а может, и на неопределенное время); ибо так как он купил, чтоб напечатать в формате прежде изданных им моих сочинений, и

и *Было*: вести

напечатано рядом с «Преступл‹ением› и наказанием», то, значит, он уже не может продавать «Идиота» отдельно, а должен продавать вместе с сочинениями, а стало быть, и сочинения должны продаваться с правом лишнего года и т. д., и прежний контракт нарушен и проч. и проч.

Всего бы лучше, чтобы право на издание «Идиота» кончалось с правом на издание сочинений. Одним словом, сообщите этот листок письма Паше.[20] Поблагодарите его, голубчика, за его старания. Напишу ему. (И как он поумнел, судя по его письму!) [21] А дело, если его делать, то как можно скорее. Только, во всяком случае, нужно помнить неустанно, что Стелловский шельма, и тем руководствоваться. Из этой 1000 руб. Стелловского, если устроится,[к] — помогу и Паше и Эмилии Федоровне.

Повесть моя, кажется, будет называться «Вечный муж», но не знаю наверно.

До свидания, дорогой мой. Анна Григорьевна Вам кланяется и благодарит. Люба здорова и начинает всё понимать. Люба кланяется Вам и Паше.

Ваш весь Ф. Достоевский.

[к] *Далее было*: всё

375. А. Н. МАЙКОВУ

23 ноября (5 декабря) 1869. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{5 декабря}}{\text{23 ноября}}$/69.

Дорогой друг Аполлон Николаевич, пишу и спешу и опять к Вам прибегаю. Пожалуйста, прочтите со вниманием и окажите [а] дружеское участие Ваше. Пожалуйста!

Вы пишете в Вашей последней приписке ко мне, к Пашиной кипе бумаг,[1] что *«повести от меня еще нет»*, а что ноябрьский и декабрьский номера набираются в типографии.[2] Я писал к Кашпиреву больше 2-х недель назад и очень просил его меня уведомить насчет того, можно ли успеть напечатать в ноябре и декабре? Я ответа не получил никакого, ни одной строчки, так что не знаю, дошло ли мое письмо? [3] NB). *Между нами*: у них удивительная манера обращаться с людьми, так что я, во всю жизнь мою, никогда еще не встречался ни с чем подобным. Но к делу.

Я решил наконец, что пусть напечатают, как им угодно. Думаю, что напечатают в январе и феврале. *Повесть готова*, но в таком объеме, что это ужас: ровно 10 печатных листов «Рус-

---

[а] *Было*: примите

ского вестника». (Не оттого, что расползлась под пером, а оттого, что сюжет изменился под пером и вошли новые эпизоды.) Так или этак, хороша она или дурна (думаю, что не совсем неоригинальна) — но я должен буду дополучить за нее 1000 руб. ровно (и даже с небольшим).

Но вот что: положение мое заставляет меня непременно узнать как можно точнее, когда именно она будет у них напечатана? А во-вторых — должен буду опять обратиться к ним, при отсылке рукописи, с просьбой о деньгах вперед.

Но ведь это даже и не вперед — не правда ли? Не было редакции, с тех пор как я литературствую, которая отказалась[б] бы мне дать вперед настоящим образом (а не то что когда уже рукопись в руках). Да и кому не дается вперед? Мы вели журнал — *всем* давали вперед, да и какие суммы! А главное, я на том основываюсь, что уже теперь, в эту даже минуту, должна уже начаться подписка. В декабре же бывают в редакциях журналов самые сильные деньги. Почему же им мне отказать, — тем более что я не требую, а *покорнейше прошу*.

Но об этом обо всем при отсылке рукописи я ему сам напишу. Вас же прошу очень, дорогой друг[в], содействовать.

Теперь главный пункт собственно этого письма.

Денег у меня ни малейшей сломанной копейки. (Деньги, присланные Вами и из «Зари», были прожиты еще раньше их получения; почти все и пошли на уплату долгов.) Из «Русского вестника» я еще ничего не имею. И потому (поверьте, *буквально*) не имею и *не могу достать* денег для отправки рукописи в редакцию. Рукопись толстая, и спросят 5 талеров. И потому вот чего я прошу у Вас: с получением этого письма, ради бога, прочтите его по возможности немедленнее В. В. Кашпиреву (кроме NВ на 1-й странице). Прошу я его мне выслать, если может, *пятьдесят* рублей, ибо очень мне тяжело. На рукопись надо[г] 5 талеров, но и нам тоже надо. Ух, трудно. Если же нет пятидесяти, то хоть сколько-нибудь, хоть *двадцать пять* (но если возможно, то *пятьдесят*!). Но *главнее всего*: пусть вышлет *ТОТЧАС ЖЕ*, на другой же день. Вы получите письмо в среду. Если б он в пятницу выслал! Просьба моя к Вам — способствуйте этому! Тотчас же по получении денег, на другой же день, вышлю в редакцию рукопись. К тому времени всё и письмо будет приготовлено, ни минуты не задержу. Да и теперь *всё* совершенно готово. Хочу только последний раз перечитать, с пером в руках.[4]

Итак — буду ждать!

Теперь о Стелловском два слова: не могу понять — серьезное это дело или нет? Я бы желал только в таком случае при-

---

[б] *Было*: отказывалась

[в] *Далее было*: мой

[г] *Было*: Рукопись стоит

няться за него, если серьезное. А между тем Паша, присылая кипы бумаг, не написал главного: согласен на всё это Стелловский или нет? [5]

Во-вторых: ту доверенность, которую Паша от меня отсюда требует, выдать невозможно в такой форме: я за 100 000 р. не соглашусь, серьезно говоря. Брату и отцу родному такую доверенность не дам. Это невозможно: кроме дела Стелловского в доверенности требуется, чтоб я выдал совершенное [д] уполномочие вести *все* мои дела, без исключения, да еще с правом [е] Паше передавать право этой доверенности кому угодно. Это смешно и нелепо; Паша пишет, что это только форма: [6] быть не может, чтобы в законе стояла такая нелепость и чтоб продать стул или старые штаны, необходимо выдать полномочие на целую душу человеческую. Вздор это всё! К тому же два года назад жена высылала отсюда раз доверенность на продажу акций на 400 руб. Доверенность была на простой бумаге, безо всякой формы, но только с точным упоминовением об акциях и об главной сущности дела. Всё было крепко засвидетельствовано в посольстве, и дело мигом обделалось, потому что доверенность оказалась совершенно пригодною. Мое мнение, что дело, если оно серьезное, затягивается попусту Пашей. Поскорее бы решить его. Передайте это Паше, когда встретите.

Деньги всего лучше (и выгоднее) выслать в застрахованном конверте, *нашими кредитками*, совершенно так, как Вы мне прислали 100 руб.[7] И скорее, и промену меньше.

До свидания, спешу.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

Простите, ради Христа, что всё Вас беспокою, всё беспокою! Обе мои Вам кланяются сердечно.

д *Было*: полное
е *Далее было*: выданным

376. А. Н. МАЙКОВУ

7 (19) декабря 1869. Дрезден

Дрезден 19/7 декабря/69.

Любезнейший друг Аполлон Николаевич, я отослал третьего дня в редакцию «Зари» мою повесть,[1] а вчера писал Кашпиреву.[2] Прибегаю теперь к Вам. (Всё с просьбами!) Выслушайте, в чем дело.

В повести *minimum* девять печатных листов «Русского вестника». Это совершенно верно, что minimum; наверное же $9\frac{1}{2}$; но я кладу только 9 на первый случай. Девять листов — это 1350 р. Я получил от них до сих пор вперед от пятисот пяти-

десяти до шестисот руб. (При окончательном расчете сочтемся; возьмем пока maximum, то есть 600.) Значит, останется наверно получить еще minimum *семьсот пятьдесят* руб. Из них *двести* руб., как я уже писал, прошу принять Вас, голубчик, в уплату моего Вам долга, от Кашпирева, при первом удобном случае. Значит, *наверно* всего мне останется получить пятьсот пятьдесят руб. (или несколько более при окончательном расчете, но теперь, по крайней мере, не менее пятисот пятидесяти руб.).

Но ждать, пока напечатают, мне почти совершенно невозможно. Здесь к празднику *все* требуют уплаты, а я — ужасть что должен! Хоть на улицу выходи! Праздник здесь через 7 дней.[3] Вчера я писал Кашпиреву, прося покорнейше прислать сейчас же, если можно, 200 руб. разом (если только можно!). Вам же напишу нечто другое, и если только возможно спасти меня — то спасите. (Слово *спасти* примите буквально; если б Вы знали *всё* мое положение здесь, Вы сами бы сказали, что так невозможно жить).

Вот в чем это *нечто другое*: так как мне возможности никакой нет ко здешнему празднику остаться совершенно без денег и так как, с другой стороны, в редакции теперь еще, быть может, и нет лишних денег, — то пусть пришлют *сейчас* хоть не двести, а только *сто*, но только бы сейчас. Сообщите, ради Христа, это Кашпиреву. Но главное вот в чем.

При большом и долгом расстройстве, хотя Вы, может быть, не испытали никогда лично, но, наверно, поймете меня, необходимо иногда для поправки обстоятельств получить после долгих бедствий *разом* значительную поддержку. Так как у меня на 360 талеров заложено вещей (признаюсь Вам теперь вполне откровенно), что составляет гораздо более 400 руб. сереб‹ром›, и так как я за заклады[а] плачу по 5 процентов в месяц, то мне ужасно выгодно выкупить всё разом.

Второе то, что накопилась бездна вещей, самых необходимых, которые надо исправить в *корне*, — покупка для меня и для жены теплых вещей, для Любы тоже и проч. и проч. Наконец, надо окрестить Любу, а она до сих пор еще не крещена — не на что.

Одним словом, я прошу у «Зари», выслав мне сейчас сто[б] рублей, остальные *четыреста* выслать мне к *нашему* русскому рождеству, то есть чтоб уж к двадцать пятому нашего декабря эти четыреста руб. у меня уже были!

Теперь весь вопрос в том: возможно ли это устроить? Поговорите, дорогой мой, с Кашпиревым! Чудовищным я этого не считаю: я и по *три* тысячи вперед получал (от «Русского вестника»),[4] а это не *вперед* почти. Разумеется, существенное в том: будут ли у них деньги? Но по моему мнению и точному убеж-

---

[а] *Было:* них
[б] *Было:* 200

дению — когда ж и бывает в журналах больше денег, как не к *двадцатому декабря*? Я здесь ничего не понимаю про их условия с Базуновым, но полагаю все-таки наверно и здраво — что если Базунов не мог им выдать их же денег в ноябре, то уже никак не может удерживать после половины декабря сумму в *20* или *тридцать* тысяч, которая у него *должна* скопиться в то время от подписки.[5] И потому у них, верно, будет хоть что-нибудь, чтоб из этого и мне отделить.

Понимаю, что я не имею права требовать. Но я не требую, а прошу покорнейше.

Если же они не могут так, — то есть теперь *сто*, а двадцатого декабря *400*, — то пусть уж вышлют теперь *двести*, то есть так, как я писал Кашпиреву. Поговорите с ним, друг мой, будьте добры!

Все дела мои поправились бы ужасно, если б состоялась действительно комбинация со Стелловским! Я так спешил кончить повесть в «Зарю», что мне почти некогда было подумать о Стелловском; теперь это меня занимает до лихорадки. *Тысяча* рублей теперь от Стелловского — это для меня теперь *полное спасение*, воскресение![6] Но есть ли тут хоть что-нибудь серьезного? Возможно ли это в самом деле? На всякий случай я решился на днях выслать Паше (на Ваше имя, — позвольте это) *доверенность* и наставление насчет условий со Стелловским. Если дело чуть-чуть серьезно, то пусть он *кончает* его *скорее*, до рождества, если можно. Просьба к Вам при этом моя — внушить Паше не затягивать дело, — чтоб уж знать скорей результат. Итак, на днях вышлю доверенность. Если уладится это дело — то надолго кончены мои заботы![7]

Знаете ли, что я теперь делаю? Написав в 2½ месяца *девять* печатных, убористых листов, изо всей силы пишу теперь письма всем тем, кому не писал, будучи занят[в] повестью. И затем через три дня сажусь за роман в «Русский вестник». И не думайте, что я блины пеку: как бы ни вышло скверно и гадко то, что я напишу, но мысль романа и работа его — все-таки мне-то, бедному, то есть автору, дороже всего на свете! Это не блин, а самая дорогая для меня идея и давнишняя. Разумеется, испакошу; но что же делать![8]

Весь Ваш Ф. Достоевский.

[в] *Вместо*: **будучи занят** — *было*: **занятый**

377. П. А. ИСАЕВУ

10 (22) декабря 1869. Дрезден

Дрезден 10/22 декабря/69.

Любезнейший друг мой Паша, давно я не писал к тебе, но всегда о тебе заботился в мыслях моих. Впрочем, и ты меня порядочно забывал. Одно скажу, что люблю тебя по-прежнему и более всего рад тому, что ты сумел поставить себя на порядочную ногу.[1] Ты да Люба, которой уже почти три месяца, — мои дети, и всегда так будет. Благодарю тебя за хлопоты и старания по моим делам. Давно я тебе не мог ничем помочь; сам терпел большую нужду по многим неоправдавшимся расчетам, а главное — потому что за границей. Как только Любу можно будет везти, приеду в Петербург. Так уж я решил; тогда, может, всё пойдет получше.

Я тебе сейчас не отвечал на 2 твои пакета,[2] потому что уж очень был занят работой день и ночь, да и теперь занят ужасно, а потому приступаю прямо к делу — и во-1-х, посылаю тебе *доверенность* на продажу «Идиота» (если только она может состояться); хотя доверенность даю тебе вообще на продажу «Идиота», но я разумею только продажу Стелловскому; потому что если с Стелловским дело не состоится, то и нечего таскаться с предложениями к другим издателям; это меня унизит как литератора. Доверенность эта писана не по твоей присланной мне в образчик форме. Не то чтоб я не доверял тебе, но я отцу родному такой доверенности не дам на себя. Да и к чему? Я знаю много случаев давания доверенностей, в [a] которых вовсе не было этой формы, а писалось только то, что нужно. Жена третьего года отсюда же посылала доверенность матери для продажи билетов 1-го внутрен‹него› займа и написала только три строчки, и всё обошлось прекрасно. Доверенность, которую я даю тебе, сам можешь видеть, весьма широкая.[3] Знай еще, что теперь в судах смотрят и решают дела по существу, а не по прежним крючкам. Одним словом, Паша, положение мое теперь весьма тяжкое. Эта тысяча рублей от Стелловского совсем воскресила бы меня и поправила. И потому если хочешь мне в этом деле помочь, то веди его к благополучному окончанию по возможности скорее. При сем прилагаю «Условные пункты контракта» так, как я сам их редактировал. Я взял в руководство твою редакцию (оставил ли ты у себя черновую той редакции контракта, которую мне прислал и с которой я теперь соображался?).[4] При сем вникни в то, что я сейчас тебе напишу в виде замечаний для твоего дальнейшего руководства.

Введение я пропустил: это напиши сам как знаешь;[5] я обозначил только существенное, то есть пункты. Вообще, замеча-

---

[a] *Было*: при

ние: везде цифры пиши словами и вернее обозначай заглавия сочинений и прочее. Стелловскому мой листочек,[б] тебе посылаемый, не показывай, а перепиши сам и покажи ему уже в окончательной форме. Впрочем, ты и сам поступишь осторожно, я уверен.

В *первом* пункте я о числе листов совершенно выпустил как решительно ненужное,[6] и 2-й пункт разъясняет почему. Одно только: к последним словам 1-го пункта, то есть «и оконченного печатанием в том же журнале в 1869 году», — не прибавить ли: «*в виде приложения*». Потому что в 1869 году ни в одной книжке окончания «Идиота» не было, а окончание (до 4-х печатных листов) было брошюровано отдельно и разослано подписчикам 1868 года с 1-й или со 2-й книжкой 1869 года. Это сделай уже как сам знаешь. Посоветуйся с Аполлоном Николаевичем. Мое мнение прибавить: «в виде приложения» для точности. Впрочем, большого вопроса из этого не делай.

2-й пункт я весь выбросил и заменил другим, так как я переделывать «Идиота» не намерен, а именно хочу, чтоб он был напечатан буквально с текста «Р‹усского› вестника».[7]

В 3-м пункте я изменил «с 1-го марта 1870 г.» — по-моему, ведь всё равно что и со дня подписания условия. Для меня это ничего не составляет. Впрочем, я, может быть, что-нибудь просмотрел и забыл в твоих прежних письмах, потому что не понимаю, для чего именно ты написал «с 1-го марта»? Впрочем, на твою волю; но если нет ничего важного, то оставь по-моему, то есть со дня подписания сего условия (по 1-е января 1873).

4-е и 5-е пункты (кроме замечания о 1-м марте) — я не изменяю. Да и *вообще* для тебя nota bene: держись только существенно нужного во всех моих пунктах контракта; если же Стелловский заспорит в чем или захочет редактировать по-своему, то *уступи* ему, имея в виду скорейшее окончание дела. Разумеется, не уступай самого существенного. Но даже если и тут будет что, то посоветуйся с Ап‹оллоном› Николаевичем и реши по его совету. Если же крайне важное что-нибудь, то уж тогда только мне напиши. Но во всяком случае лучше [в] не затягивать дела; деньги теперь всего для меня нужнее.

В 6-м пункте у меня только легкая и неважная переправка некоторых слов.

В 7-м пункте. Оставь по возможности мою редакцию. Если в литературном отношении она и скверная, то зато точная, особенно где поставлено NB { то есть «*правом издания коих Стелловский владеет в силу и на основании того же условия тысячи восемьсот шестьдесят пятого года и до сих пор в силу того же условия не напечатанными*»: тут подразумевается «Преступление и наказание», про которое нельзя просто сказать — «до сих

[б] *Вместо*: мой листочек — *было*: мою рукопись

[в] *Далее было начато*: избег‹ать›

пор не напечатанными»; лучше для точности прибавить: «не напечатанными в силу того же условия».

Впрочем, повторяю опять: можешь что и исправить у меня во всех пунктах моей редакции, не стесняйся, держись только сущности.

8-й пункт без перемены.

9-й пункт оставляю на твое усмотрение. Тут главное — получить деньги. Если не может Стелловский разом, то будь уступчивее, только бы при подписании условия было 500 руб. Остальные можно через месяц или все 500 или 300, а еще через две недели и остальные 200. Но при подписании все *500* (первые).

10-й пункт без перемены.[8]

Вообще же, прошу тебя: 1) не показывай этого письма Стелловскому; 2) не показывай Стелловскому вида, что я очень тороплюсь и нуждаюсь, но и не форси перед ним в обратном виде, то есть что я не нуждаюсь, а веди дело ровно и как можно более (то есть снаружи только) показывай ему вид, что имеешь к нему полную доверенность. Спорь и возражай мягче. О пустяках и не о существенном и спорить нечего. Если же заспорите, то беспрерывно показывай вид, что готов уступить, а между тем как можно менее уступай (то есть в важном). А главнее всего — нельзя ли кончить до праздников?[9] Хорошо было бы тогда для меня, очень. Деньги вручи, в случае благополучного решения,[10] Аполлону Николаевичу. Возьми себе из них 50 руб., если тебе надо.

Опять-таки[г] говорю: неужели моя доверенность не годится? Справься об этом у юриста; но я уверен, что годится. Иначе было бы бессмысленно. Мне нужно, например, доверителя для *одного* дела, а закон будет заставлять меня не только дать этому доверителю право заведовать всеми моими делами, но еще передавать это право другому? Это вещь совершенно невозможная. Проникнись одним, Паша, что надо кончить скорее и что это самое главное.

Всё это я посылаю тебе через Аполлона Николаевича. Посоветуйся с ним во всем, что найдешь нужным. Главное для меня и *1000* руб., и то, что продажа Стелловскому *прилична* и литературному кредиту моему не повредит, потому что он покупает для печати в своем формате и не имеет права переверстывать. А если так, то, конечно, за уменьшенную цену.

Во всяком крайнем случае меня сейчас же уведомляй.

Твой весь и тебя любящий

Ф. Достоевский.

Если Стелловский очень будет требовать, чтоб показать ему условные пункты, *мною* написанные, то есть мой листочек, то покажи ему, но без крайнего случая не показывай.[д]

[г] *Было*: Вообще

[д] *Вместо*: не показывай — *было*: но лучше не показывай

NB. Чуть не забыл *главное*: деньги за «Преступление и наказание» вперед (400 р.) я *совершенно устраняю* из контракта об «Идиоте». Да и не надо их требовать совсем, покамест.

Люба тебя целует. Жена жмет тебе руку искренно.

Условные пункты контракта.

1) Я, Исаев, на основании доверенности, выданной мне отставным подпоручиком Федором Михайловичем Достоевским, предоставляю Стелловскому право издания романа «Идиот», за тысячу рублей серебром, составляющего собственность моего доверителя, напечатанного доверителем моим Федором Михайловичем Достоевским в журнале «Русский вестник» в 1868 году и оконченного печатанием в том же журнале в 1869 году в виде приложения.

2) Вышеозначенный [е] роман «Идиот» может [ж] быть отпечатан Стелловским не иначе как совершенно по тексту «Русского вестника», безо всяких изменений, кроме обыкновенных корректурных исправлений и ошибок.[з]

3) Вышеозначенный роман «Идиот», собственно доверителю моему принадлежащий, по настоящее время никому им, доверителем моим, не запродан, не заложен, и Стелловский имеет право со дня подписания сего условия также и в продолжение всего срока сего условия издавать и печатать означенное сочинение доверителя моего в формате полного собрания сочинений русских авторов, предпринимаемого им, Стелловским, издания, в таком количестве экземпляров, какое понадобится по его, Стелловского, усмотрению, и продавать оные в его, Стелловского, пользу.

4) Стелловский не имеет права издавать и продавать роман «Идиот» в переверстанном виде, а должен издавать и продавать оный только в формате издания [и] «Полного собрания сочинений русских авторов»,* предпринятого Стелловским, в противном случае он, Стелловский, обязуется уплатить моему доверителю тысячу рублей неустойки и вслед за тем условие будет считаться нарушенным.

5) Срок сего условия считать со [к] дня заключения и подписания сего контракта по первое января тысяча восемьсот семьдесят третьего [л] года.

6) Доверитель мой [м] с своей стороны обязан в продолжение сего срока, то есть до первого января тысяча восемьсот семьде-

---

[е] *Было*: Вышеупомянутый

[ж] *Было*: должен

[з] *Далее было*: и без переправок. Таковых же испр‹авлений›

[и] *Было*: в издании

[к] *Было*: от

[л] *Незачеркнутый вариант*: четвертого

[м] *Далее было*: обязан

* Паша! Точнее выпиши заглавие издания «Русских авторов» Стелловского. Не забудь. (*приписка Достоевского*).

сят третьего [н] года, не приступать ни сам лично, ни наследники его, ни то лицо, кому бы он захотел передать [о] право издания романа «Идиот» при его жизни или по смерти его,[п] к изданию поименованного в сем условии романа. В противном случае доверитель мой или его наследники платят Стелловскому в виде неустойки тысячу рублей сереб‹ром›, предоставляя при том право Стелловскому обратить в свою пользу напечатанные кем бы то ни было вопреки сему условию экземпляры романа «Идиот»,[р] означенного в сем условии.

7) Право издания романа «Идиот» по вышеписанным пунктам сего условия не касается до права издания других сочинений моего доверителя, проданных им Стелловскому по заключенному уже прежде условию в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, первого июля и явленному у частного маклера А. Барулина за № 292, по которому срок на право издания Стелловским таковых сочинений кончается 31 декабря тысяча восемьсот семьдесят первого года; а потому, если Стелловскому заблагорассудится, по своему усмотрению, напечатать роман «Идиот» моего доверителя в одном томе вместе с другими сочинениями, приобретенными покупкою Стелловским от моего доверителя и на которые он [с] имеет право издания в силу [т] вышеупомянутого условия [у] тысяча восемьсот шестьдесят пятого года,[ф] равно как и с теми сочинениями моего доверителя, правом издания коих Стелловский владеет в силу и на основании того же условия 1865-го года и до сих пор, в силу того же условия,[х] не напечатанными,[ц] то он, Стелловский, может это сделать, но в таком случае обязуется издавать таковые только по первое января тысяча восемьсот семьдесят второго года, то есть, совмещая роман «Идиот» с другими моего доверителя сочинениями, он, Стелловский, пользуется правом издания романа «Идиот» в отношении срока владения наравне с вышеупомянутыми сочинениями моего доверителя и по силе [ч] вышеупомянутого условия [ш] тысяча восемьсот шестьдесят пятого года. Неисполнение сего пункта со стороны Стелловского в точности влечет за собою нарушение

н *Незачеркнутый вариант*: четвертого

о *Вместо*: он захотел передать — *было начато*: он передал мои

п *Вместо*: или по смерти его — *было начато*: или после своей

р *Далее было*: сочинения моего доверителя

с *Далее было*: уже

т *Далее было*: и на условиях

у *Было*: контракта

ф *Далее было*: *а.* [Г-н] но — им, Стелловск‹им› ‹*в подлиннике пропуск*› условий, до настоящего времени на ‹*в подлиннике пропуск*› он, Стелловский, может это сделать, но в таком случае обязуется издавать таковые только по первое января тысяча восемьсот семьдесят втор‹ого› *б.* если с сочинениями моего доверителя

х *Вместо*: того же условия — *было*: таких же условий

ц *Рядом с текстом*: владеет в силу ∾ не напечатанными — *знак*: NB.

ч *Вместо*: и по силе — *было*: то есть на условиях

ш *Было*: контракта

сего условия, и кроме того, он, Стелловский, обязан уплатить доверителю моему в виде неустойки тысячу руб. сереб‹ром›.

8) Стелловский, печатая роман[щ] «Идиот» в силу четвертого пункта сего условия в формате издания «Русских авторов», им предпринимаемого, но не в одном томе с другими сочинениями моего доверителя, а отдельно от них или в одном томе с какими-нибудь сочинениями других лиц, пользуется правом издания романа «Идиот» по пятому пункту сего условия.

9) Стелловский обязан уплатить за право издания романа моего доверителя «Идиот» *пятьсот* руб. при подписании сего условия, а остальные пятьсот рублей[э] В случае же если Стелловский не уплатит вышеозначенные остальные пятьсот рублей,[э] то платит в пользу моего доверителя неустойки пятьсот руб., если не уплатит по,[э] то платит еще неустойки пятьсот рублей и затем контракт считается нарушенным.

10) Условие сие с обеих сторон хранить ненарушимо. Подлинное иметь Стелловскому, а засвидетельствованную с оного копию Исаеву.

[щ] *Далее было*: *а.* отдельно от других *б.* не в одном томе с другими сочинениями моего доверителя, хотя

[э] *Здесь и далее в подлиннике пропуск.*

378. А. Н. МАЙКОВУ

10 (22) декабря 1869. Дрезден

Черновое

10/22 декабря/69.

‹Дорогой›[а] друг Аполлон Николаевич, я послал ‹Паше застра›хованный пакет, в котором находятся ‹документы по› делу со Стелловским, — доверенность, черновая ‹контракта и› письмо к нему.[1] Пишу же Вам отдельно, ‹чтоб сообщи›ть о страховом пакете заране. Пользуюсь ‹Вашим› обещанием содействия в этом деле. Это ‹дело› более всего теперь важно. Тысяча рублей помогла ‹бы мне р›адикально! Прошу Вас очень, — ‹выслушайте Пашу и наставьте› его советом. Да уговорите его насчет ‹доверенности›, уверен, что она имеет полную силу.

‹...› о каких-нибудь будущих крючках нечего ‹остан›авливать дело; всякая остановка мне повредит, ‹...› и первые 500 руб. от Стелловского получатся ‹...› у н‹его› деньги и пришлите мне. 50 руб. дайте ‹Эмилии› Федоровне, а остальные 400 вышлите мне. ‹...› на продавание шкуры, не убив медведя ‹...› у‹ведомил› письмом, что кончил и выслал. ‹Я послал› Вам письмо

[а] *Текст письма поврежден (листок разорван). В угловых скобках, там, где это возможно, восполнен недостающий текст, где невозможно — проставлено отточие.*

и воскресенье, сегодня Вы может ‹быть его получите›.[2] Сижу без копейки денег, а нужно ужасно.

‹Поддержите› просьбу о Кашпиреве. Будьте друг, способствуйте.[3]

Весь Ваш Федор Достоевский.

379. С. А. ИВАНОВОЙ

14 (26) декабря 1869. Дрезден

Дрезден 26/14 декабря/69.

Дорогой и милый друг мой Сонечка, наконец-то я могу написать Вам что-нибудь. Письмо Ваше, — не помню, от какого числа (тем более что Вы, по обыкновению всех женщин, никогда не выставляете чисел), — прочел я месяца три назад[1] и не ответил Вам, потому что не *мог* отвечать. Я был занят, писал мою проклятую повесть в «Зарю».[2] Начал поздно, а кончил всего неделю назад. Писал, кажется, ровно три месяца и написал одиннадцать печатных листов minimum. Можете себе представить, какая это была каторжная работа! Тем более, что я возненавидел эту мерзкую повесть с самого начала. Думал написать самое большее листа три, но представились сами собой подробности, и вышло одиннадцать. Эта работа изнурила меня совсем, а главное в том, что я никому ничего не отвечал по самым необходимым даже делам и был всё время в таком мрачном расположении духа, что и Вам не мог ответить. Не сердитесь же на меня, бесценный мой друг, и знайте, что я Вас всегда любил бесконечно, и не проходит, может быть, дня, — чтоб я о Вас не думал. Вы примете, может быть, слова мои за преувеличение и за сентиментальность. Но уверяю, что это правда. Вспоминаю я и думаю о России каждый день до опьянения, хочется воротиться поскорей во что бы то ни стало, а вспоминая о России, я невольно вспоминаю всех вас, весь Верочкин дом[3] и Вас в особенности. Здесь, за границей, мне ясно стало, что из всех людей на родине и из всех мест России мне милее всего ваш дом и все вы. Вот почему, вспоминая и думая о России, каждый день думаю[a] и об вас. И так давно, мне кажется, всё это было, — точно во дни моей *цветущей молодости* (то-то Машенька засмеется над этой фантазией).[4] Из этого Вы видите, что я невольно представляю теперь себя себе старым-старым стариком. Может, и умру скоро.

А между тем у меня дочка Любочка, родилась 26 сентября, и сегодня ей *ровно* три месяца. Не могу Вам выразить, как я ее люблю. Аня сама кормит и очень мучается, бедная; боюсь,

---

[a] *Далее было описано:* каждый день

что это кормление повредит ее здоровью. К счастью, с нами живет мамаша Ани[5] и ходит за ребенком. Девочка здоровая, веселая, развитая не по летам (то есть не по месяцам), всё поет со мной, когда я ей запою, и всё смеется; довольно тихий, некапризный ребенок. На меня похожа до смешного, до малейших черт. На днях будем ее крестить: даже это откладывали до окончания работы! Крестить прошу Вашу мамашу и ей пишу об этом.[6] Крестный отец и кум ее будет Аполлон Николаевич Майков. Я слишком уверен в Верочкином согласии; не может она меня так огорчить и отказаться. Скажу Вам несколько слов об нашей жизни: жизнь скучная; в спальне — заботы о Любе и ежедневные заботы, а у меня до сих пор только одна работа. Дрезден очень скучен и сам по себе. Эти немцы мне нестерпимы. Хорошо, что припадки мои почти не бывают (ровно 3 месяца не было, несмотря на расстраивающую работу), но зато приливы крови к голове и к сердцу (бог знает какие — не могу Вам разъяснить). Встаю я в час пополудни — потому что работаю по ночам да и без того[6] не могу заснуть ночью. От трех до пяти работаю. Иду на полчаса гулять и именно на почту, а с почты возвращаюсь через Королевский сад домой — всегда одна и та же дорога. Дома обедаем. В семь часов выхожу опять гулять и опять через Королевский сад домой. Дома пью чай и в 10½ часов сажусь за работу. Работаю до 5 часов утра. Затем ложусь и, как только пробьет шесть часов — тотчас же засыпаю. Вот вся моя жизнь. В вечернюю прогулку захожу в Читальню, где получают русские газеты, и читаю «С. Пет‹ербургски›е ведомости», «Голос» и «Московские ведомости». Аня живет еще скучнее моего: забота и кормление Любы не дают ей даже и прогуляться хорошо, а это ей нужно. Развлечений никаких. Здесь, впрочем, и нет никаких. В глупый немецкий театр и ходить нечего. Можно бы еще слушать музыку и даже довольно недурную и очень дешево за вход в Концертную залу; я раз пять ходил; но Аня и этого не может: нельзя от ребенка отлучиться. Знакомства у нас нет никакого. Из книг получаем «Зарю» и «Русский вестник». У нас в Дрездене и почти подле нас живет Иван Григорьевич, брат Ани. Он здесь уже два месяца и Вам кланяется. Аня Вам пишет сама.[7] Решительно в будущем году возвращусь.[8] Нельзя выносить заграницу более, и даже средства и время не позволяют мне употребить эту поездку за границу с пользою. Мне бы непременно надо быть в Афоне и в Иерусалиме, надо непременно; а в настоящее время я не могу этого исполнить и через пять дней должен сесть опять за новую работу, которая бог знает когда кончится.[9] Я думаю, что когда ворочусь в Россию (это может быть к концу лета в будущем году), то тотчас же приеду в Москву (да и дела так сложатся, что надо будет приехать) и мы увидимся. Что-то бу-

---

6 *Вместо*: да и без того — *было*: а главное и без работы

дет и как-то мы встретимся после $3^1/_2$ лет. Понять пе могу, как много прошло времени. Знаю только, что Ваше сердце найду тем же. Но во что́ сложится новая жизнь (если мне еще суждено жить) и как всё это будет (разумеется, в общем) — не могу и придумать. Я, конечно, по-прежнему буду работать и, может быть, совсем поселюсь в Москве. Надо что-нибудь сделать для Ани, для Любы. Еще и то: боюсь, что мы, то есть я и вы все — отвыкнем друг от друга в этот долгий срок моей заграничной жизни.

Но всё это еще в будущем; но теперь отвечу на один пункт Вашего письма, голубчик Вы мой. Милая Вы моя и бесценная, добрая и благородная Соня: не пишите мне таких вещей, что «цель не оправдывает средства». Я не то чтоб обиделся, а огорчился. Мне грустно стало от мысли, что действительно, может быть, время отчуждает нас друг от друга, мало-помалу. Дело о смерти тетки и о завещании вышло, как я, может быть, и писал Вам,[10] — так: Майков написал мне *горячий* призыв, так сказать, «спасти семейство». Писано кратко, но сильно и с *необычайною точностию* в известиях: Веселовский, дескать, есть душеприказчик покойной тетки и в высшей степени возмущен тем, что 40 000 идут на монастырь. Известие это идет от Кашпирева, *друга* Веселовского, которому будто бы Веселовский говорил, что если б он знал мой адресс, то тотчас написал бы ко мне, чтоб вступиться за обделенных. Кончалось советом написать Веселовскому.[11] Кто тут из них наврал — не понимаю до сих пор, потому что на запросы мои потом мне объяснений не дали. Должно быть, все соврали, *любя* и наполовину невольно. Майков один только не мог соврать, не такой человек. Стало быть, Кашпирев — и заметьте, Майков, который дружески знаком с Кашпиревым, уведомляет[в] меня, что Кашпирев *друг* Веселовскому. Вероятнее всего, что Кашпирев, основываясь на каком-нибудь полуслухе, приврал от горячности другую половину слуха сам — и вышла бурда. Про теткино завещание[12] я знаю хорошо, тем более что всё, что мне следовало, получил по нем и все 10 000, как Вам известно, тотчас же убил на поддержание братниного журнала, которого *собственником* я никогда не был, следовательно, убил *мои* 10 000 в пользу братниного семейства.[г] Убив эти 10 000 своих на чужое дело, я на[д] это же самое дело, то есть на уплату долгов, частию братниных, частию по журналу братниному же, заплатил[е] не знаю сколько денег, но вот, однако же, некоторые пункты этого счета: все 7000 за второе издание «Преступл<ения> и наказания», после его необыкновенного успеха, ушли на погашение долга по журналу

[в] *Было*: пишет

[г] *Далее было*: которое за это первым делом своим при неудаче поставило швырнуть в меня грязью.

[д] *Было*: за

[е] *Было*: я заплатил

Працу — типографщику и бумажному фабриканту,[13] то есть все 7000 до последней копейки. Затем уплатил 2000 наличными деньгами при продаже Стелловскому моих сочинений, по векселям [ж] за долги брата и по журналу. Кроме того, по мелочам выплатил наверно тысячи полторы. И наконец (не считая еще кой-чего), по тем же оставшимся долгам по журналу, то есть по чужому делу, остается тысяч наверно до четырех неоплаченных, и из-за них — я брожу, спасаясь от тюрьмы, без малого уже три года за границей, а кончу все-таки тем, что заплачу́, *всем* заплачу́.

Итак, друг мой милый, бесценная и незабвенная моя Соня, — я не могу быть грабителем чужого и затевать процессы, чтоб отнимать у других, как думал, например, про меня, в деликатнейшем письме ко мне, другой душеприказчик тетки — брат Андрей Михайлович.[14] Но он меня как человека не знает, и ему я прощаю от всего сердца, тем более что всегда искренно считал его своим братом, несмотря на кой-что.[15]

Получив такое извещение и приглашение от Майкова и удивившись, что не знаю о смерти тетки (дай ей бог долгого здоровья), я обратился к Веселовскому с письмом, которое он и отослал, не отвечая мне, к Андрею Михайловичу, чтобы тот мне ответил. Но письмо мое было слишком точное и ясное, и ошибиться в нем ни в чем нельзя было. Я уверен, что Андрей Михайлович, по своей аккуратности, его сохранит и не затеряет.[16]

Дело же в том, что я, имея и пять лет тому назад довольно хорошее понятие (через покойника бесценного брата Мишу) о завещании тетки, положительно знал, что статьи о монастыре в завещании [з] нет. Если так (следите за моим рассуждением), то эта статья могла появиться в самое последнее время [и] после смерти Вашего отца [17] (который не мог же ей внушить, хотя бы только в ущерб вашим интересам, статьи о [к] переделке завещания в пользу монастыря, что было бы уже верхом нелепости!) и внушена тетке какими-нибудь ловкими попами.[18] Живя долго за границей, я, не зная, что там делается, мог это предположить вследствие совершенно положительного письма Майкова. (Уж когда, например, передают мне *собственные* слова душеприказчика Веселовского, сказанные Кашпиреву, — то как же не *положительно*? Ведь не мог же я представить, что собственные эти слова никогда не были сказаны. Удивительно, кто тут соврал — никак не понимаю, но у меня все документы в руках — их письма.) Но я совершенно опять-таки знал, что тетка вполне не в своем уме. Итак, если что-нибудь верно про монастырь (об чем так положительно уведомляют из *первых рук*, то есть через душеприказчика *друга* Кашпирева) — то, разуме-

ж *Далее было начато*: преиму‹щественно›
з *Вместо*: в завещании — *было*: в ней
и *Далее начато*: какими-ниб‹удь›
к *Далее было*: монастыре

ется, тут совершена наглая несправедливость и юридический обман. По сообщенному мне адрессу написал я тотчас же Веселовскому следующее:

«Мне писали те-то и те-то и, между прочим, друг Ваш собственные Ваши слова такие-то о завещании. Кроме того, известили меня, что Вы жалеете, что не можете ко мне обратиться, чтоб начать дело о завещании,[л] и потому прошу Вас, во-1-х, объяснить мне всё о смерти тетки и об завещании; 2) если завещание в пользу монастыря было не переделано преступными внушениями над полоумной женщиной в последние минуты ее жизни, а сделано ею еще прежде в полном уме, то я, разумеется, *почту долгом* сообразоваться с ее последнею волею и не посмею начать никакого иска ни с кем. Если же Вы (юрист) считаете что-нибудь тут неправильным, то есть сделанным ею не в своем уме, то я готов начать иск, как Вы желали, но уведомьте меня подробнее о всех обстоятельствах и к чему я тут мог бы Вам пригодиться?..» Вот *смысл* моего письма к Веселовскому.

Будьте уверены, мой милый друг, что я написал[м] ему — не о себе хлопотал. И если б тетка сознательно всё отдала в монастырь, то ничего бы не посмел начать, уважая ее собственную волю. Но как же бы я мог иначе поступить в данном случае? Уж объяснения-то должен был спросить, по крайней мере?

Это письмо, с просьбою *об объяснении*, Веселовский отправил брату Андрею Михайловичу, прося его отвечать мне. Андрей Михайлович прислал мне целую тетрадь ответа,[19] и в этом ответе своем, несмотря на тот пункт моего письма к Веселовскому, в котором я ясно говорю, что не посмею пойти против воли тетки, если она выражена ею в полном уме, — Андрей Михайлович заподозрил меня, что я хочу идти против теткиного завещания во всяком случае, на основании того, что она делала завещание не в своем уме и разумеется на основании того, что мы, Достоевские, ее племянники — наиболее законные ее наследники. Он усовещивает меня отложить попечение и впредь (так видно из смысла его действительно деликатнейшего письма) и главным аргументом представляет то, что имения уже почти нет совсем, что залоги, под которые были отданы теткины деньги, чрезвычайно неблагонадежны, так что, может быть, и половины денег воротить нельзя будет. На днях буду отвечать брату Андрею (не отвечал ему до сих пор). Прибавлю Вам, что считаю его человеком совершенно честным.

Итак, вот в чем эта история, из которой, я уверен, сделают ужасное доказательство моей стяжательности и жадности! Милый друг, если я проживу еще лет восемь, то поверьте, что уплачу все долги, буду кой-кому в Петербурге давать из по-

---

л *Вместо*: о завещании — *было начато*: о преступных
м *Было*: писал

следних моих заработанных денег, отнимая у Любы, и наверно отдам Вам от полной, искренней, братской души все те деньги, которые за три месяца до смерти брат взял взаймы у Александра Павловича по *моей* просьбе [н] и по возможности под МОЕ поручительство на слово.[20] Эти деньги Вашего доброго, прекрасного отца, помогшего брату в тяжелую минуту по моей просьбе, всегда томили меня — и томили потому только, что я вас всех люблю. Итак, хоть Вы-то, бесценная моя, не считайте меня стяжателем!

Кстати, чтобы кончить об этом: письмо брата Андрея Михайловича, касательно *настоящего положения теткиного имения*, чрезвычайно любопытно. Если хотите, я Вам его сообщу, но Вам одной, и под большим секретом, потому что не хочу ссориться с Андреем Михайловичем. Кажется, не много вам всем достанется. Жаль. Жаль мне еще сестру Сашу и брата Колю и Катю (братнину дочь). Я же *всё* получил, все 10 000, в 1864 *году*, и положительно считаю себя и считал ломтем отрезанным. По совести считаю тоже, что должен тетке проценты, но до сих пор не мог отдать ни копейки. Если подумать, сколько я должен, то страх берет. Чем более платишь, тем, кажется, еще более остается.

Эти слова мои в этом письме и это письмо сохраните на всякий случай, то есть для памяти о том, что я не только себя ломтем отрезанным считаю, *но еще должным тетке за 5 лет проценты*.

Хотел написать об этом деле только одну страничку, а занял целое письмо. Напишу еще Вам об одном для меня важном деле: с весны я обещал в «Зарю» повесть.[21] Мне так долго не присылали из «Русского вестника» денег во Флоренцию, что в Дрезден я приехал только в августе. Потом последнее время и роды Ани. Наконец-то я сел за работу и прописал вместо *одного* месяца *три* повесть в «Зарю». Между тем я положительно обещал роман в «Русский вестник» к январю, тем более что я им еще должен. Я их уведомил обо всем искренно и обещал прислать начало романа к февральской книжке,[22] а «Заря» печатает мою повесть в январе. Я думаю, в «Русском вестнике» рассердятся на меня за это и будут отчасти правы. Но что же мне было делать? Я не знал, что так обернется, а написанную в «Зарю» повесть не мог переслать в «Русский вестник»; я ему назначаю нечто поважнее. Это — роман, которого первый отдел только будет напечатан в «Русском вестнике». Весь он кончится разве через 5 лет и разобьется на три, отдельные друг от друга повести. Этот роман — всё упование мое и вся надежда моей жизни — не в денежном одном отношении. Это главная идея моя, которая только теперь, в последние два года, во мне высказалась. Но чтоб писать — не надо бы спешить. Не хочу пор-

[н] *Далее было*: у Александра Павловича

тить. Эта идея — всё, для чего я жил. Между тем, с другой стороны, чтоб писать этот роман — мне надо бы быть в России. Н‹а›прим‹ер›, вторая половина моей первой повести происходит в монастыре. Мне надобно не только видеть (видел много), но и пожить в монастыре. Тяжело мне поэтому за границей, невозможно не вернуться. С Аней я счастлив, но и ей хочется на родину: неужели же лишать ее родины из-за своих интересов!

Пишите мне... Может, теперь пойдет живее переписка. Любите меня немножко. Адресс мой тот же.

Allemagne, Saxe, Dresden, à M-r Dostoiewsky, poste restante.

Не забудьте poste restante. Обнимаю Вас и целую.

Вас любящий очень Ф. Достоевский.

380. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 (28) декабря 1869. Дрезден

Дрезден 16/28 декабря/69.

Милый и дорогой брат мой Андрей Михайлович,

Письмо твое, обозначенное тобою от 30 сент‹ября›, но, по почтовому штемпелю судя, отосланное двенадцатого октября, получил я здесь первого ноября здешнего счисления, то есть 19 октября *нашего* счисления. Все-таки ужасно долго тебе не ответил. Но это единственно потому, что был буквально день и ночь занят срочной работой, которую теперь только окончил и отослал.[1] Когда же я занят *срочной* работой, то никому не могу отвечать на письма — иначе это меня на три дня расстроит и отобьет от работы.[a]

Ты напрасно стыдишь меня за то, что я не отозвался на твой привет, когда я женился.[2] Если я и не ответил, то это потому, что тогда было много кой-каких особенных хлопот и день за день отлагалось.[3] Кончилось тем, что я уж и не знал наконец, куда тебе ответить. Соглашаюсь, что во всяком случае это было с моей стороны непростительно; но одно скажу верно: если не ответил тогда, то не от равнодушия. Я искренно тебя люблю и ценю, и жена моя уже много знает и о тебе и о семействе твоем из моих рассказов и непременно желает познакомиться лично и искренно по-дружески с тобой и с твоей супругой. Благодарю тебя очень за письма твои и за прежнее и за теперешнее. В чувствах же моих к тебе будь всегда уверен. А за то, что не ответил, повторяю — виноват.

Прежде всего прямо к делу.

Если ты мне написал: «Стыдно тебе, что не отвечал мне на

---

[a] *Вместо*: от работы — *было*: от дела

приветствие мое», — то взамен напишу тебе: Стыдно тебе, что предположил во мне сутягу и стяжателя, что я и заключил по окончанию твоего письма, в том месте, где ты, выставляя мне на вид фактами невыгоду и невозможность уничтожить завещание тетки,[4] тем самым как бы и предполагаешь во мне это желание, то есть не более и не менее как отнять у множества других, бедных дальних родственников наших то, что они ожидают получить по завещанию тетки. Лучше всего изложу тебе вкратце историю дела.

В сентябре в начале я получаю от А. Н. Майкова, человека чрезвычайно дружественно ко мне расположенного и в высшей степени солидного и не празднословца, письмо, в котором он пишет мне (NB — он ничего не знал[б] о нашем семействе, об тетке и об делах), что знает от Кашпирева, который друг с Веселовским, что тетка наша умерла, что по завещанию ее 40 000 р. идут на монастырь; что Веселовский (?), душеприказчик тетки, говорил Кашпиреву, что «из всех Достоевских он уважает всех больше меня и, если знал мой адресс, то наверно обратился бы ко мне, чтоб начать дело по завещанию тетки, оставившей сорок тысяч монастырю, будучи не в рассудке». А. Н. Майков горячо убеждал меня вступиться в это дело, чтоб спасти интересы наследников и, между прочим, семейства брата Миши, находящегося в большой бедности (и об котором я же, по мере сил, заботился).[5] Повторяю, Майков ничего никогда не знал ни об тетке, ни об завещании, ни о каких бы там ни было наших семейных делах. Естественно, стало быть, что все эти известия (то есть о завещании, о тетке, о 40 000-х, о Веселовском) он получил от Кашпирева, с которым, как я знаю *верно*, он знаком дружески. Кто тут соврал, или приврал, или приумножил *от своего сердца* чье-нибудь первоначальное врапье — не могу до сих пор понять; тем более что на запросы[в] мои потом мне отвечали уклончиво, как бы со стыдом (что это какой-то глупый слух, обман и проч.). Но согласись сам, дорогой брат мой, что я, три года уже не бывший в Москве и не знающий, стало быть, что там делается, — по получении таких *точных* известий (то есть о смерти, о 40 000-х монастырю, о собственных словах Веселовского, сказанных не более не менее как *другу* Веселовского Кашпиреву) — естественно и, по крайней мере, должен был спросить объяснений. Я написал к Веселовскому, и письмо это, как ты пишешь, в твоих руках. Помню, что я в нем прошу у Веселовского, во-1-х, точнейших известий, а во-вторых, что если надо начать иск, то я готов, но опять-таки прошу предварительных объяснений.[6]

Сообрази следующее: я имел довольно точное понятие о завещании тетки еще в 1865 году. Я положительно знал, что в нем

б *Вместо*: не знал — *было*: не знает

в *Было*: расспросы

нет ни единого слова о 40 тысячах монастырю. С другой стороны, сообразил и то, что не мог же и Александр Павлович при жизни своей уговорить тетку о переделке завещания в пользу монастыря — что было бы нелепостью, ибо не мог же Александр Павлович действовать в ущерб собственным выгодам. Стало быть, переделка завещания в пользу монастыря последовала (я предполагал по полученным от Майкова известиям) уже после Александра Павловича. Всё это было чудно́, но не невозможно, ибо я знаю, что тетка не в своем уме, и если попалась на удочку каким-нибудь монахам, то могла переделать завещание. (Заметь себе, что я уже без малого три года не получал о тетке никаких сведений, стало быть, совершенно не знал, что там произошло.) Но если, думал я, явилась действительно в завещании покойной тетки статья о 40 000-х монастырю, то непременно через чье-нибудь мошенничество:[7] ибо положительно знаю об умственном расстройстве тетки. В таком случае, после таких определительных известий (о словах Веселовского, например) я и написал Веселовскому.[8]

Но так как письмо у тебя в руках, то ты без сомнения можешь (и мог, и должен был) заметить в нем фразу, смысл которой (ибо слово в слово не помню) таков: если тетка завещала 40 000 монастырю в своем уме, если это было и прежде в ее завещании (я хоть и слышал о завещании, но никогда не читал его) — одним словом, если это действительно ее воля, — то «*кто же я, чтоб идти против ее воли*»? Если же завещание сделано не в своем уме, то... и т. д. Повторяю: слов моего письма буквально не помню, но за смысл ручаюсь; и уже по этому одному ты мог бы, любезный брат, рассудить, что я не пойду против *действительной* воли тетки. Ты же мне как бы приписываешь намерение вообще восстать против завещания тетки и кассировать его в пашу (то есть в свою) пользу! Да поверишь ли ты, что я *только из твоего письма* в первый раз в жизни заключил и догадался, что это было бы для нас, Достоевских, выгодно![9] Никогда и мысли такой у меня в голове не было — уж по тому одному, что я в 1864 году получил от тетки (по смерти брата Миши) *всё*, что мне следовало получить по завещанию, то есть 10 000, — и даже, по *совести* моей, сознаюсь, что должен ей за эти 10 000 проценты, о которых она просила меня в случае успеха журнала. (Я брал на журнал покойного брата — «Эпоху».)[10] Вот тебе, *опекуну*, на всякий случай, мое сознание о долге тетке процентов с 10 000, мне выданных.

В заключение скажу, что здесь, за границей, я совершенно отчудил себя от всех дел подобных, об завещании же теткином никогда и не представлял себе как о какой-нибудь для меня выгоде, зная вполне, что я ломоть отрезанный и получил всё, что мне следовало. Только эти *чудные* и *точные* известия понудили меня написать это письмо к Веселовскому (па суде, н‹а›пример, свидетельство *очевидца* считается *точным* свидетельством;

как же мне не считать было *точным* свидетельство Кашпирева о *собственных* словах Веселовского). Известия эти были *чудные*, как я написал выше; но чудные известия, если подтверждаются положительно, кажутся всегда,[г] именно через *чудность* свою, наиболее достоверными.

Во всяком случае, очень жалею о бесчисленных слухах и толках, вероятно, поднявшихся между наследниками тетки, по поводу моего письма к Веселовскому (всё должно быть всем известно[11]). Мне противно всё это, хотя вижу опять, что не мог же я *не* написать этого письма к Веселовскому. Прибавлю одно: что 10 000, взятые мною от тетки в 1864 году, *сейчас* по смерти брата, были мною тотчас же употреблены *все* до копейки для уплаты самых беспокойных долгов брата и на поддержку братниного журнала, которого я сам собственником *не был* ни с какой стороны. Деньги же отдал безо всяких документов. А между тем эти деньги — были вся надежда моя в жизни. Ведь ты знаешь, что у меня ровно ничего нет, а живу я своим трудом. Отдав эти 10 000 в пользу семейства брата, я отдал им и мое здоровье: я целый год работал как редактор день и ночь. Расчет был ясный: если удастся подписка в будущем году, то, во-1-х, все долги брата заплачены, а во-2-х, останется и на журнал и даже на основание капитала семейству брата. Продержав же еще год журнал, при следующей подписке, образовался бы капитал в 30 000 для семейства. Журнал всегда имел 4000 подписчиков, половина денег употреблялась на издание его, а другая оставалась в руках у брата (я у покойника работал как сотрудник и только). Если же, рассчитывал я, взяв 10 000 у тетки, не поддерживать журнал, то у семейства останется *0* имения, тысяч 18 по долгам брата и журнал, который не на что было продолжать. Журнал с недоданными *восемью* книгами и без копейки средств ничего не стоит. Итак, я решился убить тогда эти 10 000 на чужое дело, не взяв никакой расписки или документов. Но журнал лопнул (хотя и оказалось 2000 подписчиков, но деньги подписки ушли на уплату долгов, а мне не у кого уже было достать денег) — и я продолжал платить за долги и брата и журнала, принадлежавшего не мне, а семейству. Я выплатил наличными (кроме 10 000 теткиных) еще до одиннадцати тысяч из *своих* денег. Тогда я «Преступление и наказание», мой роман, продал вторым изданием за 7000 р., да 2000 р. из полученных за Полное собрание сочинений[12] моих пошли в уплату же по журналу и братниных долгов, да с Каткова получил тогда 6000 р. за первое издание (в его журнале) «Преступления и наказания». Кончилось тем, что я и теперь еще 4000 должен по векселям за журнал и за долги брата (и рискую сидеть в тюрьме,[13] если не исправятся мои обстоятельства). Мог бы я сказать и еще, куда я истратил много денег, безо всякой для

г *Вместо*: кажутся всегда — *было*: имеют

себя пользы, а единственно на пользу других, тоже через смерть брата — но умолчу;[14] всё, что я говорил сейчас, и без того похоже на похвальбу. Но не осуждай и размысли — я не хвалюсь, а оправдываюсь. Ну какой я стяжатель и можно ли меня-то уж назвать стяжателем! Всё же, что я рассказывал о том, как истощил себя и здоровье мое, платя чужие долги, есть истина, ибо всему этому *сто* свидетелей.

Я уже три года без малого женат[15] и очень счастлив, потому что лучше жены, как моя, и не может быть для меня. Я нашел и искреннюю, самую преданную любовь, которая и до сих пор продолжается. Жене моей теперь 23 года, а мне 48 — разница большая; а между тем эта разница в летах нимало не повлияла до сих пор на наше счастье.

Как мы выехали за границу, то лето пробыли в Германии, а осенью поселились в Женеве: жена забеременела. К весне бог дал дочь, Софью, и мы благословляли бога и были бесконечно рады. Радость недолго продолжалась; сами мы не сумели сберечь ребенка, здоровенького и сильного. Доктора тоже порядочно испортили дело, не узнав болезни (ах, друг мой, славны бубны за горами; наши доктора в России и внимательнее да, может, и лучше), что оказалось потом и в чем один из них сам сознавался. Соня умерла трех месяцев.[16] Мы переехали на Женевское озеро, в Вевей, а к зиме в Италию, в Милан; к новому же году во Флоренцию, где и прожили месяцев восемь. Тут жена опять стала беременна; наконец я получил средства, и через Венецию и Вену мы перебрались сюда в Дрезден, в августе, чтоб быть все-таки поближе к России. 14-го сентября (ровно 3 месяца назад) родилась у меня опять дочь, Любовь, и кажется, здоровенький ребенок. Опять мы теперь радуемся. Одно худо — что не в России мы. Такая тоска нам обоим, что и представить не можешь. Но возвратиться в Россию мешали до сих пор долги по векселям. Выезжая за границу, я думал следующим сочинением добыть эти деньги, заплатить долги и воротиться гораздо раньше. Но до сих пор это не удалось, тем более что за личным отсутствием не мог продать с выгодой второго издания моего сочинения, здесь написанного.[17]

В настоящую минуту имею некоторые надежды повернуть мои дела повыгоднее, чем до сих пор.[18] Но так или этак, — а я решил во всяком случае будущим летом воротиться в Россию.[19] Тогда, может быть, и увидимся скоро. Вот тебе краткий отчет о моих делах и странствованиях. А теперь повторю тебе, что я тебя люблю искренно — и по последним встречам нашим и по воспоминаниям. Жена искренно желает сойтись с вами и полюбить вас, и это — не праздное слово с ее стороны. Она много раз напоминала мне о том, что я тебе не ответил, и пеняла мне. Повторяю — виноват пред тобой. Адресс мой тот же

надолго. Напиши мне; это мне доставит большое удовольствие, слишком. Передай мой поклон и горячее уважение мое твоей жене.[20] Поздравляю вас с наступающим праздником,[21] а вместе и с Новым годом. Обнимаю тебя и целую. Искренно любящий тебя брат твой

Федор Достоевский.

Здоровье мое ни хуже ни лучше, чем прежде. Припадки падучей с некоторого времени реже. Но в Италии все-таки было для меня здоровее, чем здесь в Дрездене.[22]

Жена сейчас напомнила, что ты просил у меня издания моих сочинений. В настоящее время, здесь, и сам не имею. Ворочусь в Россию — тотчас вышлю. Карточки нет, а то бы послал. Благодарю, что свою выслал.

1870

381. П. А. ИСАЕВУ

10 (22) января 1870. Дрезден

Дрезден 22/10 января/70.

Любезнейший друг мой Паша, посылаю тебе разрешение покончить с Стелловским сроком по *1874* год, как ты пишешь.[1] И вообще кончай с ним скорее. Этот теперешний случай дает мне мысль, что он, пожалуй, еще будет мудрить. Одним словом, он слишком хорошо понимает, что деньги мне нужны и что поэтому меня можно прижать. Ты пишешь о своей уверенности, что устроишь продажу.[2] А я, признаюсь, не уверен. Во всяком случае кончай скорее к 20-му числу, как ты пишешь, и с плеч долой. Об одном прошу — если б дело и разошлось тотчас, уведомь меня.[3] (NB. В контракте поставь хоть и так: «Если к маю не будет переделан роман, то волен он, Стелловский, воспользоваться правом издания до 1874[a] и т. д.».)[4] А впрочем, как ни поставишь — всё равно.

Ужасно меня удивила свадьба Миши.[5] Верить не хочется. Да что ж ты ничего не пишешь? На ком? Когда именно? И все подробности. Непременно, непременно напиши.[6] Мне Миша дорог. (Напиши, чем живет? Какие средства?) Вообще побольше об них обо всех напиши.[7]

Не понял, кого ты называешь в своем письме *теткой*?[8]

Передай мой горячий привет сестре Саше и многоуважаемому Николаю Ивановичу.[9] Поцелуй Катю. Всем передай мое и Анны Григорьевны приветствие и поклон. Брату Коле тоже, Феде тоже. На днях буду писать Эмилии Федоровне.[10]

Тебя целую и обнимаю. Жена тоже и Любочка тоже. Визжит и смеется поминутно, полненькая и сытенькая девчонка. И всё хочет, чтоб с ней танцевали.

Передай мое уважение Аполлону Николаевичу.

Вкладываю при сем записочку к Николаю Николаевичу Страхову насчет «Зари»,[11] но, во-1-х, с тем, чтоб ты *сейчас* ему передал, потому что в записке есть и мои дела.[12] Слышишь ли? (NB для тебя: я в редакции у них не много значу; дадут «Зарю» — хорошо, а нет — так и нет.)

Да вот что еще: пишу, а не знаю, как адрессовать тебе. Ты

---

[a] *Было*: 1876

написал адресс и нечеткий, и с ошибками. Теперь во всё время буду беспокоиться, дошло ли это письмо до тебя?

Напиши побольше о семейных обстоятельствах вообще.

Тебя очень любящий

тв‹ой› Ф. Достоевский.

Мой адресс тот же.

382. Н. Н. СТРАХОВУ

10 (22) января 1870. Дрезден

Дрезден 22/10 января/1870.

Любезнейший Николай Николаевич, сделайте одолжение, не рассердитесь, что эти несколько строк Паша передаст Вам незапечатанными. Посылаю в общем конверте и по просьбе Паши, очень пожелавшего получать в этом году «Зарю».[1] Если можно, то устройте ему это получение. Вся возможность факта зависит в этом случае от кредита. За прошлый год я получал «Зарю» в кредит, но за деньги. Кроме того, получил «Войну и мир» (5 частей).[2] Итак, за «Зарю» прошлого года и за «Войну и мир» я должен в редакцию. Очень прошу Вас, Николай Николаевич, сообщите этот расчет для памяти в редакцию «Зари», и так как у меня еще не все счеты с ними кончены, то передайте в редакцию мою просьбу, чтоб деньги за «Зарю» и за «Войну и мир» у меня вычли при окончательном расчете. Таким образом за *прошлый год* будем квиты.

Теперь: за этот год (1870) я должен тоже получать «Зарю», да Паша просит еще «Зарю» для себя. Итак — можно ли мне это устроить уже на кредит? То есть в этом (1870) году я буду получать уже *два* экземпляра «Зари», конечно, за деньги, но так, чтоб расчет был уже [а] к концу года. Вот это-то и будет значить в кредит. Если возможно, то очень прошу Вас, способствуйте этому.[б]

Кроме того, на *кредит* тоже буду просить Вас [в] выслать мне через Базунова 6-ю часть Льва Толстого («Война и мир»), о которой я читал в газетах.[3] Очень прошу, и если возможно, то не откладывая.

Итак, я буду должен в редакцию за этот, 1870 год за две «Зари» и за 6-ю часть «Войны и мира». Более беспокоить не буду просьбами ни Вас, ни редакцию, а в сумме, которую буду должен (то есть за эти 2 «Зари» и за 6-ю часть), найдем случай сквитаться в конце года так или этак.

[а] *Далее было*: как и теперь
[б] *Было*: к этому
[в] *Было*: у Вас

Я и не знал, что Вы уже воротились в Петербург. Как Ваше здоровье[4] и много ли намерены работать? Дай Вам бог всякого успеха.

Мне бы очень хотелось Вас видеть; мне всё кажется, что и Вы и все должны были ужасно как измениться за эти *три* года.

Вам совершенно преданный

Ф. Достоевский

383. П. А. ИСАЕВУ

31 января (12 февраля) 1870. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{31 января}}{\text{12 февраля}}$/70.

Любезный друг Паша, вот уже три недели как я, по просьбе твоей, отослал тебе письмо с позволением Стелловскому приобретать право издания до 1874 год‹а›,[1] а от тебя до сих пор нет никакого ответа, несмотря на то, что ты хотел кончить с ним от 15 до 20 января и писал об этом наверно.[2] Но идет ли дело или расстроилось — мне важнее всего — *знать*, а стало быть, ты бы должен был меня уведомить во всяком случае. Пойми, что для меня это слишком важно; тут не одна только досада ожидания и неизвестности: придут ли деньги? Самое важнейшее состоит в том, что я мог бы (если б знал наверно) обратиться к другим ресурсам за деньгами; а между тем, всё еще ожидая от Стелловского, — не решаюсь, потому что к каким бы ресурсам ни обращаться, — значит предлагать самому свою работу, роман или повесть. Самому же напрашиваться в этих случаях на работу — всегда проиграешь в цене.

Итак, прошу тебя с получением сего письма *немедленно* уведомить меня в тот же день, двумя строчками, расстроилось ли дело или нет? Я бы желал, Паша, чтоб ты имел этот взгляд, чтоб разом заключить еще заране: кончено ли дело или Стелловский только тянет его *на всякий случай*, вовсе не желая приступить к покупке романа серьезно? В последнем случае для меня было бы унизительно таскаться за ним, если он шутит и роман приобретать не желает.

Итак, жду ответа немедленно.[3] Сделай одолжение, уведомь поскорее.

Тебя любящий Федор Достоевский.

384. А. Н. МАЙКОВУ

12 (24) февраля 1870. Дрезден

Дрезден 12/24 февраля/1870.

Как мне ни совестно, любезный и многоуважаемый Аполлон Николаевич, Вас беспокоить, но на этот раз обстоятельства решительно заставили меня опять обратиться к Вам. Я в крайнем беспокойстве по одному случаю, а к Вам обращаюсь как к доброму ко мне человеку, и хотя слишком не имею прав на Ваши услуги, но думаю иногда про себя, что, может быть, Вы хоть отчасти тот же самый остались для меня Аполлон Николаевич, принимавший во мне в свое время весьма теплое участие.[1] А ведь я Вам разве что надоел, а особенно большим ничем ведь перед Вами не провинился. А потому простите и на этот раз мою докуку.

Дело мое вот в чем: месяцев около двух тому назад я послал отсюда Паше засвидетельствованную по форме доверенность (может быть, и раньше несколько). Я не помню, но мне кажется почти наверно, что послал ее на Ваше имя, и, стало быть, о существовании этой доверенности в руках Паши Вы, может быть, знаете.[а] [2] Затем всё заглохло, и месяц я не получал никакого ответа. Наконец полтора месяца назад[б] я получил от Паши письмо, в котором он просит меня согласиться на предложение Стелловского увеличить срок льготы Стелловского еще на год.[3] Я тотчас же согласился, и, главное, потому, что в письме своем он положительно (а не в виде только намерений и догадок, как прежде) извещал меня, что дело решено окончательно и что если я потороплюсь выслать мой ответ, то между 15 и 20-м января (наш‹его› стиля) оно наверно окончится. Подробностей[в] не разъяснял, «и без того торопился», прибавлял только: «Вы мне верьте и потому оставайтесь спокойны».[4]

Я тотчас отослал ему мое согласие;[5] в первый раз он мне писал[6] так утвердительно, так что я даже понадеялся взаправду. И вот с тех пор — ни строки. Наконец ровно 15 дней тому назад я написал к нему с категорическим требованием немедленно меня уведомить,[7] написать мне только две строки, только *да* или *нет*. Но до сих пор от него все-таки ни единого слова. Как в воду кануло.

И еще одно обстоятельство: в письме своем, именно в том, в котором просил у меня разрешить продажу на лишний год, то есть в последнем своем письме, он просил меня адрессовать ему ответ на имя сестры моей Александры Михайловны в ее

а *Было*: узнаете
б *Далее было*: или недель пять
в *Было*: Причин

дом (на Петербургской стороне, по Большому проспекту, № 69) и просил об этом, особенно настаивая, упоминая при этом, что у Александры Михайловны он проводит теперь целые дни.[г] [8] Мне было всё равно, и я безо всякого сомнения написал к нему по новому адрессу и даже рад был, что не обеспокою моими *деловыми* поручениями Вас, хотя и упомянул ему в ответ, чтоб он непременно обратился к Вам, пригласить Вас (по доброму обещанию Вашему), когда придет срок получать с Стелловского деньги.[9]

Теперь эта настойчивость его о новом адрессе мне особенно вспоминается; хотя он ни слова не упоминал о Вас, но не хотелось ли ему избежать Вашего присутствия в этом деле.

Боже избави меня подозревать его в чем-нибудь подлом, да и не верю я в это, но я положительно знаю, что он легкомыслен. Я долго не верил во всё это дело с Стелловским. Наконец решился послать доверенность, уверенный, по крайней мере, в его честности[д] и всё зная, что в крайнем случае он должен же будет обратиться к Вам. Но он легкомыслен: может быть, он завладел этими деньгами с так называемыми невинными целями, — например, пустить в оборот. Я ведь совершенно убежден, что такая мечтающая голова, как у Паши, способна вообразить себе и об теперешних спекуляциях на бирже. Может быть, какой-нибудь приятель выпросил у него деньги на месяц, так что, может быть, он и об сроке-то лишнем писал ко мне, сам уже получив деньги, но желая продлить срок, чтоб я ждал не тревожась и в надежде.

Всё это от Павла Александровича может и могло случиться.[10] Одной только открытой и преднамеренной подлости я в нем ни за что не могу предположить и был бы от этого в горе гораздо более, чем если б я потерял совсем все эти деньги. А между тем я мог и еще больше потерять: со Стелловского, по контракту, я должен буду в этом году получить наверно рублей около 900 за «Преступление и наказание» — и наверно, потому что он об этом несколько раз в газетах публиковал.[11] Могла теперь и эта будущая сумма заехать в настоящий уговор Паши с Стелловским (полномочие контракта широкое), тогда ведь я больших денег лишусь в совокупности-то.

Но может быть и то, что всё это дело с Стелловским у него просто разошлось, а на требования мои уведомить Паша молчит по лености. Мне и самому странно было еще в самом начале, что Стелловский покупает теперь, тогда как совершенно удобно мог бы купить, если ему надо, в конце года, когда он печатать намерен. Что ему за охота выдавать деньги полгода раньше? Теперь же он, будучи от природы бестья, нарочно тянул с Пашей, чтоб узнать, в каком положении его продавец,

---

г *Далее было*: и что он к Эми‹лии›
д *В подлиннике ошибочно*: честность

то есть я, есть ли у меня деньги, чего я ожидаю и проч., и наверно узнал, что через полгода я еще более буду нуждаться, чем теперь. Не Павлу Александровичу с его крючками перехитрить Стелловского.

Теперь вот в чем собственно моя просьба к Вам: потребуйте к себе Пашу, а от него отчет по делу, то есть *да* или *нет*, больше ничего. Сверх того потребуйте, чтоб он немедленно передал Вам, в Ваши руки доверенность, которую я ему выслал, и, получив ее, оставьте у себя.

Если Паша в чем-нибудь виноват, то он получит только то, что заслуживает. Если же он не виноват ни в чем, то и я перед ним не виноват нисколько. Я слишком показал ему самую простодушную доверенность, выслав ему отсюда доверенность писаную и засвидетельствованную. Я не виноват, что он, получив эту бумагу, вдруг бросил всё и замолчал, то есть не понял, что, имея такую доверенность в руках, он, из одной уже *деликатности к самому себе*, должен бы был мне отвечать, тем более что это ему ничего не стоило.

Если он откажется Вам выдать доверенность, то скажите ему, что я тогда принужден поместить публикацию в газетах об уничтожении доверенности, и тогда хуже ему будет.

Доверенность же эту в руках его я не могу оставить. Он будет таскаться с ней по всем лавочкам книгопродавцев, продавая издание, а стало быть, напрасно срамить меня.

Впрочем, если он и передаст доверенность Вам, то этим ничего не объяснится. Если он и заключил какой-нибудь контракт с Стелловским, то так, стало быть, я до времени об этом и не узнаю. Всего бы лучше было, если б можно было, еще до свидания с Пашей, спросить самого Стелловского, то есть имел ли он, Стелловский, какое-нибудь дело по поводу покупки романа «Идиот» Федора Достоевского. По-моему, тотчас же можно бы было узнать всю правду, потому что Стелловский вряд ли имеет какие-нибудь причины скрывать ее. Паша же не может и не имеет права претендовать на эти справки: он сам довел до них, так бесцеремонно, с доверенностью в руках, бросив все дело. Он сам, повторяю, был слишком неделикатен к самому себе.

Не смею просить Вас самого справляться у Стелловского. Но если б Вы это для меня сделали, — никогда бы я не забыл Вашего одолжения.[12]

Две недели тому назад послал к Кашпиреву самую покорнейшую и убедительнейшую просьбу прислать мне остальные деньги за повесть (которая теперь у него непременно набрана вся во второй книжке, и, стало быть, ему очень легко сделать мой расчет).[13] Ни строчки ответа,[14] и, однако, что ему стоит рассчитаться теперь, то есть каких-нибудь две недели раньше,

а теперь уж неделю! Ему ничего не стоит, а я просто погибаю. Здесь я теряю весь свой кредит по лавочкам и у хозяев, отсрочивая платежи; хоть я и заплачу через две недели, но кредит прекращается; это мне объявили. За что же? И почему он боится уплатить мне теперь? Я так думал, что он наверно напечатает мою повесть всю, — так и рассчитывал. По газетам я видел, что Лескову, например, он выдавал и по 1500 р. вперед.[15] А как, должно быть, выдавалось Писемскому,[16] а для меня нет, даже тогда, когда я прошу уже не вперед, а своего и пишу такие постыдные просительные письма. Никогда еще со мной этого не было, и никогда я не был в такой нужде, выработав, однако же, в четыре месяца около 1500 р. Я ему пишу еще,[17] но ради бога, скажите ему обо мне, напомните, должно быть, он забыл! Я опять в такой нужде, что хоть повеситься.[18]

Очень бы рад был узнать, пошел ли их журнал, прибавилось ли сколько-нибудь подписчиков? Здесь, в стороне, в глаза бросаются все эти мелкие ошибки издания, которые они ни во что, должно быть, не ставят, смотря свысока на высшие цели, и которые, наверно, у них отняли подписчиков тысячу, если не больше. И не понимают, что сами виноваты! А между тем жалко: «Заря» — журнал с хорошим направлением. — И что за манеру взяли они публиковать заранее об всякой вещице, которая у них будет напечатана! «В следующей книжке начнется роман „Цыгане“», и это появится раза два, на заглавном листе, заглавными буквами.[19] Журнал, который с самого первого номера, в направлении своем и в критике, стал на самый высокий тон, — тот журнал не может так торжественно извещать об «Цыганах» без того, чтоб «Цыгане» не были произведение, равное по силе «Мертвым душам», «Дворянскому гнезду», «Обломову», «Войне и миру». А между тем роман «Цыгане» хоть и не без достоинств, но вовсе уж не «Мертвые души». Всякий подписчик накидывается на возвещенных «Цыган» с жадностию и говорит потом: «Э, так вот они чему обрадовались, значит, тонко!». Таким образом и журналу вредят, и роману вредят. То же самое и повести госпожи Кобяковой.[20] Ну к чему они выставили все имена и все статьи при публикации за нынешний год?[21] Если б промолчали, то про них думали бы все, что они богаты. Прочтя же перечень возвещенных статей, всякий скажет: «Э, да у них еще только-то!».

Первый № «Зари» за этот год представляет самое серенькое впечатление: полное отсутствие современного, насущного, горячего (у них это всегда), беллетристика ничтожная (даже мою-то повесть разбили на две части).[22] Ваш великолепный перевод не может ведь считаться беллетристикой: это поэма в стихах и в то же время ученая статья, а не беллетристика;[23] такие стихи помещаются для богатства, для щегольства, а надо собственно и беллетристики. Даже и переводный роман дрянь.[24] Даже и критика, хотя и в прежних тоне и силе, но все-таки

ведь повторение уже в третий раз или в четвертый прежней идеи.[25] — Декабрьская книжка прошлого года вышла в свет раньше праздников, и что же? Январская за нынешний год выходит 23 января (по газетам). Ну не скажет ли каждый подписчик: «Уж ежели первый номер, в такое горячее, подписное время, не сумели выдать раньше, что же будет с 10-м, 11-м, 12-м номерами?» Я убежден, что все в редакции, с Кашпиревым во главе, считают все эти промахи пустяками, мелочами. Но ведь таких мелочей можно насчитать несколько десятков, и уж наверно они у них лишнюю тысячу подписчиков скрали! И еще при такой могучей конкуренции, как, н‹а›прим‹ер›, «Вестник Европы», совокупивший у себя всё, что есть блестящего из имен (Тургенева, Гончарова, Костомарова),[26] печатающий каждый номер любопытнейшим и богатейшим образом и повадившийся выходить в первое число каждого месяца! Но в «Заре» думают, должно быть, что всё это пустяки, было бы направление! Да я и не про направление говорю, а про издательское умение. То-то и жалко, что «Вестник Европы» несомненно будет первым журналом. Состоялась ли у «Зари» подписка-то?[27]

После большого промежутка между припадками теперь они принялись меня опять колотить и злят меня особенно тем, что мешают работать. Сел за богатую идею; не про исполнение говорю, а про идею. Одна из тех идей, которые имеют несомненный эффект в публике. Вроде «Преступления и наказания», но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса.[28] Кончу к осени, не спешу и не тороплюсь.[29] Постараюсь, чтоб осенью же и было напечатано, а нет, так всё равно.[30] Денег надеюсь добыть по крайней мере столько же, сколько за «Преступление и наказание», а стало быть, к концу года надежда есть и все дела мои уладить, и в Россию возвратиться.[31] Только уж слишком горячая тема. Никогда я не работал с таким наслаждением и с такою легкостию. Но довольно! Убиваю я Вас моими бесконечными письмами!.. Если можно — скажите Кашпиреву (о присылке денег)[32] и исполните всё насчет Паши, как я просил, — ввек не забуду.[33] Мои Вам кланяются.

Ваш Федор Достоевский.

385. Н. Н. СТРАХОВУ

26 февраля (10 марта) 1870. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{26 февр⟨аля⟩}}{\text{10 март⟨а⟩}}$ 1870.

Спешу поблагодарить Вас, многоуважаемый Николай Николаевич, за память и за письмо. На чужбине письма от прежних добрых знакомых дороги. Вон Майков так совсем, кажется,

перестал мне писать.[1] С жадностию прочел тоже Ваши несколько строк одобрения о моем рассказе.[2] Это мне и лестно и приятно; читателям, как Вы, я бы и всегда желал угодить, или лучше — только им-то и желаю угодить. Кашпирев тоже доволен — в двух письмах упомянул.[3] Очень рад всему этому и особенно рад тому, что Вы пишете о «Заре»: если она стала твердо, то и славно.[4] По направлению я совершенно ей принадлежу, а стало быть, ее успех всё равно что свой успех. Мне она отчего-то «Время» напоминает — время «нашей юности»,[5] Николай Николаевич! — А впрочем, хотите, скажу откровенно: я несколько боялся за успех подписки. За успех журнала не боялся; рано ли, поздно ли журнал приобрел бы наконец подписчиков; но за нынешнюю подписку несколько опасался. Мне всё казалось здесь, что журнал мог бы издаваться и поаккуратнее и даже посамоувереннее.[6] Но я ошибся, и это славно. 2500 подписчиков тем славно, что обозначают установившийся журнал.[7] Разумеется, 3500 подписчиков было бы не в пример лучше. И не понимаю решительно, почему их нет у журнала с таким необходимейшим направлением и при таких статьях, какие являлись[a] в прошлом году?[8] Совершенно убежден, что эти тысяча неявившихся подписчиков уже были и стучались в двери редакции, но только так как-то проскользнули у ней между пальцев. И все-то, может быть, зависело от таких мелочей, — от какой-нибудь ловкости, юркости издательской! Все эти мелочи так важны в издательском деле. Слишком понимаю, что вмешиваюсь теперь не в свое дело, но посудите: по газетному объявлению февральский № «Зари» вышел 16 февр‹аля›,[9] и вот уже 26 февраля, а я еще не получал! Допустить не могу, чтобы контора редакции делала это только со мной (почему же с одним со мной?) А стало быть, ясно для меня, что страдают так и другие иногородние. Верите ли, сегодня ушел с почты скрежеща зубами, — до того мне хочется наконец прочесть книжку. Здесь каждое получение «Зари» для меня праздник, именины. Думал даже телеграфировать сегодня в редакцию. (Кто знает, может быть, действительно забыли послать мне; справьтесь ради бога, прошу Вас). Бесспорно, всё это мелочи. Но если этих мелочей наберется несколько, то вовсе немудрено, что целая тысяча подписчиков ускользнет.

Я, по получении первого номера «Зари», написал Майкову, что книга не произвела на меня сильного впечатления. Ужасно мало показалось мне беллетристики. Одна моя повесть.[10] Вы ее хвалите, но ведь не бог знает же она что, чтоб ею одной обойтись, да еще вдобавок не повесть, а полповести, 5 листочков. (*Слово* Майкова — стихи, а не беллетристика).[11] Ваша же статья хоть и превосходна, но все-таки на старую тему[12] (я не с моей точки зрения говорю, а с точки зрения подписчиков).

---

[a] *Было*: бывали

Кстати, кто это Вам сказал, что статья Ваша о Тургеневе лучше, чем о Толстом? Статья о Тургеневе прекрасная и *ясная* статья,[13] но в статьях о Толстом Вы поставили, так сказать, Вашу[6] основную точку, с которой и намерены продолжать Вашу деятельность — вот как я смотрю на это.[14] И если позволите сказать — я буквально со всем согласен теперь (прежде не был) и из всех, нескольких тысяч строк этих статей, — я отрицаю всего только *две* строки, не более не менее, с которыми положительно не могу согласиться.[15] Но об этом после! Важно то, что все-таки журнал *основался* — а стало быть, и слава богу!

Кстати, что это Вы пишете про свое здоровье: *всё скриплю*? [16] Разве Вы больны чем-нибудь постоянным? В первый раз это слышу от Вас. Мое же здоровье — так себе. Вы знаете — припадки, а остальное всё хорошо.

Вы пишете мне: «Не поможете ли?» — то есть насчет участия в «Заре».[17] На этот счет объяснюсь с Вами, многоуважаемый Николай Николаевич, совершенно прямо и откровенно: участвовать в «Заре» я желаю всей душой и всем сердцем, да и «Заре» желаю не только от сердца, но и по самым дорогим мне убеждениям самого блистательного успеха. Но чтоб я мог приготовить что-нибудь поаккуратнее для «Зари», нужно, чтоб и «Заря» помогла мне вперед. Может ли она сделать это для меня? В этом и весь вопрос.

Этот разговор о деньгах вперед не каприз, не заносчивость и не ломанье самонадеянное с моей стороны, и это тем более, что не меня просят, а я сам себя предлагаю, потому что Ваше приглашение *помочь* не могу счесть за формальное предложение. Считаю излишним и скучным распространяться о моих денежных обстоятельствах, но вся суть Вам будет слишком понятна из двух слов: я всю жизнь работал из-за денег и всю жизнь нуждался ежеминутно; теперь же более, чем когда-нибудь. К весне должен непременно достать денег; за работу же мою мне всю жизнь и все давали вперед и помногу, даже и иначе никогда не бывало. Да иначе и не может быть, ибо у меня никогда не случается зараз значительной суммы, с которою я бы мог выдержать несколько месяцев и уже потом, выдержав, продавать роман готовый, как делают наши старшие литераторы.[18]

Но при этом скажу Вам прямо, что я никогда не выдумывал сюжета из-за денег, из-за принятой на себя обязанности к сроку написать. Я всегда обязывался и запродавался, когда уже имел в голове тему, которую действительно хотел писать и считал нужным написать. Такую тему имею и теперь. Распространяться об ней не буду, но вот что скажу: редко являлось у меня что-нибудь новее, полнее и оригинальнее. Я могу так

[6] *Далее было*: точку

говорить, не будучи обвинен в тщеславии, потому что говорю еще только про тему, про воплотившуюся в голове мысль, а не про исполнение. Исполнение же зависит от бога; могу и испакостить, что часто со мною случалось, но что-то мне говорит внутри меня, что вдохновение не оставит меня. Но за новость мысли и за оригинальность приема ручаюсь и покамест смотрю на мысль с восторгом. Это будет роман в двух частях — не менее 12, но и не более 15 листов (так я думаю). По крайней мере, никак не более. Доставлен может быть в редакцию к 1-му декабря нынешнего (1870) года наверно.[19] Я хочу обеспечиться временем, чтоб написать порядочно. (NB. Он бы мог быть доставлен и к 1-му ноября, но, признаюсь, мне глубоко не желалось бы напечатать вторую большую повесть в одном и том же журнале, в одном и том же году.[20] Не лучше ли, как и теперь, в январе и феврале будущего года? Впрочем, иначе, кажется, и не могло бы быть.)

Вот всё, что я могу выставить с моей стороны. Со стороны же редакции вот чего прошу: тысячу рублей вперед в такой форме: пятьсот рублей через месяц от сего числа и остальные пятьсот, пожалуй, хоть вразбивку, начиная через месяц по выдаче первых пятисот рублей, ежемесячно по сту, и так в продолжение пяти месяцев. Всё дело и главное в том, чтоб доставки были аккуратны. Первые же 500 руб. непременно через месяц и непременно разом.

Если Вы, многоуважаемый Николай Николаевич, найдете сами, на свой собственный взгляд, это предложение мое возможным и исполнимым, то сообщите Василию Владимировичу, и затем как он решит. В случае его согласия дайте мне знать,[21] чтоб уж мне не рассчитывать понапрасну и чтоб я мог распорядиться на весь этот год моим временем и трудом окончательно.

Прибавлю еще, что с моей стороны такое предложение не считаю ни чрезмерным и ни задорным, во-1-х, потому, что я десятки раз делал подобные и даже несравненно значительнейшие предложения, которые все почти были приняты; надеюсь, что и теперь всё еще сохранил некоторый кредит; во-2-х же, журнал «Заря», как я из газет знаю, выдавал же и по 1500 руб. вперед прошлого года.[22] Во всяком случае, я с моим полным удовольствием и работать буду с жаром; а затем как решит издатель.

Еще прибавлю, что я всегда, во всю мою литературную жизнь исполнял точнейшим образом мои литературные обязательства и ни разу не манкировал; сверх того ни разу не писал собственно из-за одних денег, чтоб отделаться от принятого на себя обязательства. Если портил, то портил от чистого сердца, а не злоумышленно.

Сверх того обязуюсь, вплоть до доставки рукописи, уже не беспокоить редакцию просьбами о иных вспоможениях день-

гами, кроме этих тысячи рублей. И наконец, обязуюсь не умереть в этом году.

Итак, жду Вашего ответа и, кроме всего этого, имею до Вас величайшую и неотступнейшую просьбу: если возможно, вышлите мне, на будущий кредит (так же, как Вы высылали мне «Войну и мир»), книжку Станкевича о Грановском. Окажете мне этим огромную услугу, которую век буду помнить. Книжонка эта нужна мне как воздух и как можно скорее, как материал необходимейший для моего сочинения, — материал, без которого я ни за что не могу обойтись.[23] Не забудьте же, ради Христа, если только найдете возможным выслать.

Анна Григорьевна Вам кланяется и сердечно Вас вспоминает. Мы теперь возимся с нашей Любочкой. Ах, зачем Вы не женаты и зачем у Вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич! Клянусь Вас, что в этом $^3/_4$ счастья жизненного, а в остальном разве только одна четверть.

Неужели и сегодня не получу «Зарю»! Точу зубы на Вашу статью. Женский вопрос — этакая тема![24] Жду огромного наслаждения. Именно Вы можете написать об этом так, как надо! Я всегда с Ваших статей разрезаю *книгу* и не для комплимента это говорю.

А знаете ли, очень может быть, что в нынешнем году свидимся.

Вам душевно преданный Федор Достоевский.

386. Н. Н. СТРАХОВУ

24 марта (5 апреля) 1870. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{24 марта}}{\text{5 апреля}}$ 1870.

Спешу ответить Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, и прежде всего о себе. Скажу Вам откровенно и окончательно, что, рассчитав всё, я никак не могу и не смею обещать роман для осенних книжек.[1] Мне кажется, что это положительно невозможно; да и редакцию я бы просил не стеснять меня в работе, которую я хочу сделать начисто, со всем старанием, — так, как делают те господа (то есть великие).[2] За одно я отвечаю, что к январю будущего года поспею. Мне эта работа моя дороже всего. Это одна из самых дорогих мыслей моих, и мне хочется сделать очень хорошо. Теперь же, в настоящее время, я работаю одну вещь в «Русский вестник», кончу скоро.[3] Я туда еще остался *значительно должен*. Если б, имея теперь крайнюю нужду, я обратился теперь, описав всё, к Каткову, то ясное дело, что и будущая работа моя должна принадлежать ему. Я откровенно Вам всё объясняю. (На вещь, которую я теперь пишу в «Русский вестник», я сильно надеюсь, но не

с художественной, а с тенденциозной стороны;[а] хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь. Надеюсь на успех. Впрочем, кто же может садиться писать, не надеясь на успех?)

Теперь повторю Вам, что говорил еще прежде: я всегда всю жизнь работал тем, кто давали мне вперед деньги. Так оно всегда случалось и иначе никогда не было. Это худо для меня с экономической точки зрения, но что же делать! Зато я, получая деньги вперед, всегда продавал уже нечто имеющееся, то есть продавался только тогда, когда поэтическая идея уже родилась и по возможности созрела. Я не брал денег вперед на *пустое место*, то есть надеясь к данному сроку *выдумать* и *сочинить* роман. Я думаю, тут есть разница. Теперь же я и в работе хочу быть спокоен. Я в «Русский вестник» кончу скоро и за роман сяду с наслаждением. Идея этого романа существует во мне уже три года, но прежде я боялся сесть за него за границей, я хотел для этого быть в России. Но за три года созрело много, весь план романа, и думаю, что за первый отдел его (то есть тот, который назначаю в «Зарю») могу сесть и здесь, ибо действие начинается много лет назад. Не беспокойтесь о том, что я говорю о «*первом отделе*». Вся[б] идея потребует большого размера объемом, по крайней мере такого же, как роман Толстого.[в] [4] Но это будет составлять пять отдельных романов, и до того отдельных, что некоторые из них (кроме двух средних) могут появляться даже в разных журналах, как совсем отдельные повести, или быть изданы отдельно как совершенно законченные вещи. Общее название, впрочем, будет: «Житие великого грешника», при особом названии отдела. Каждый отдел (то есть роман) будет не более 15 листов. Для второго романа я уже должен быть в России; действие во втором романе будет происходить в монастыре, и хотя я знаю русский монастырь превосходно, но все-таки хочу быть в России.[5] Я ужасно бы хотел поговорить с Вами подробнее; но что же выскажешь на письме? Скажу еще раз: мне невозможно обещать для нынешнего года; не торопите меня и получите вещь совестливую, а может быть, и хорошую. (По крайней мере, из этой идеи я сделал цель всей моей будущей литературной карьеры, ибо нечего рассчитывать жить и писать далее, как лет 6 или 7.) Пусть «Заря» не обижается тем, что дает деньги за девять месяцев раньше: я и за два года вперед иногда получал. Ведь не посеешь — не пожнешь, а Вы знаете, Николай Николаевич, в точности, что это я не из[г] задора говорю, а по-

---

[а] *Было начато*: мы‹сли?›
[б] *Было*: Эта
[в] *Вместо*: роман Толстого — *было начато*: «Вой‹на и мир›»
[г] *Было*: из-за

тому, что так всегда у меня складывались обстоятельства. *Да и деньги-то ведь не большие* в сущности. Если же я обращусь к другим, то и труд мой, естественно, должен принадлежать другим. Литератор я был всегда честный. «Заре» же желал бы и сам служить, ибо направление мне по душе. Вот всё о моем этом деле. Об одном прошу серьезно, Николай Николаевич, — если дело это возможно, то уведомьте меня, как старый добрый приятель и сотрудник, *поскорее*. Мои нужды до того растут, что мне нельзя терять времени; так чтобы знать уж наверно. У меня на руках жена и ребенок, да, кроме того, нужно спокойствие и обеспечение. Пусть Кашпирев решится на что-нибудь, на *да* или *нет*; по крайней мере, чтобы знать, ибо время мне дорого. В этом случае и *нет* будет выгоднее оттягивающегося *да*, ибо время не потеряю.[6]

Мартовскую книжку «Зари» прочел с великим удовольствием. С нетерпением жду продолжения Вашей статьи, чтобы всё понять в ней. Я предчувствую, что Вы, главное, хотите представить Г‹ерцена› как западника и поговорить об Западе, в противоположении с Россией, так ли?[7] Вы чрезвычайно удачно поставили главную точку Г‹ерцена› — пессимизм.[8] Но признаете ли Вы *действительно* сомнения его («Кто виноват», «Крупов» и т. д.) неразрешимыми?[9] Вы это, кажется, обходите и, кажется мне, для того, чтоб высказать специально Вашу главную мысль. Во всяком случае с страшным нетерпением жду продолжения статьи; тема слишком задирающая и современная. И каково же это будет, когда Вы докажете, что Г‹ерцен› раньше многих других сказал, что Запад гниет?[10] Что скажут западники времен Грановского? Не знаю, то ли будет у Вас, я только предугадываю. Кстати (хотя это и не входит в *тему* Вашей статьи), но не правда ли, что есть и еще одна точка в определении и постановке главной сущности всей деятельности Г‹ерцена› — именно та, что он был, всегда и везде, — *поэт по преимуществу*. Поэт берет в нем верх везде и во всем, во всей его деятельности. Агитатор — поэт, политический деятель — поэт, социалист — поэт, философ — в высшей степени поэт! Это свойство его натуры, мне кажется, много объяснить может в его деятельности,[11] даже его легкомыслие и склонность к каламбуру в высочайших вопросах нравственных и философских (что, говоря мимоходом, в нем очень претит).

Женский вопрос (в феврале), по-моему, изложен у Вас превосходно.[12] Но отвечаю на Ваш вопрос — почему я нашел в «Заре» недостаток *самоуверенности*?[13] Я, может быть, неточно выразился, но вот что: Вы слишком, слишком мягки. Для них надо писать с плетью в руке. Во многих случаях Вы для них слишком умны. Если б Вы на них поазартнее и *погрубее* нападали — было бы лучше. Нигилисты и западники требуют окончательной плети.[14] В статьях о Толстом Вы как бы умоляете их согласиться с Вами,[15] а в последних статьях о Толстом Вы

впадаете в какое-то уныние и разочарование, тогда как, по-моему, тон должен быть торжественный и радостный до *дерзости*:[16] ну что Вы думаете — понимают они в самом деле тонкий, блестящий юмор Ваш в письмах Косицы?[17] Когда я здесь читал об г-же Конради, подражающей Писареву,[18] или об том, где Вы просите Вашего корреспондента, после того как Вы, к своему удивлению, чувствуете, что не можете считать себя ни дураком, ни подлецом, — и тотчас же оговариваетесь, как бы в страхе: «Я вас прошу понять меня как следует»,[19] — то я здесь хохотал, а неужели Вы думаете, что такой тон им понятен? Одним словом: Вам подобным тоном *не* писать — невозможно; ибо это серьезность, любовь и почтительность к делу; есть теперь тон журнала, и этот тон высок, что и прекрасно и составляет сущность «Зари»; но иногда, *по-моему*, надо *понижать* тон, брать плеть в руки и[д] не защищаться, а самим нападать, гораздо погрубее. Вот что я разумел под самоуверенностью. Впрочем, может быть, я сужу ошибочно — из азарта.

Две строчки о Толстом, с которыми я не соглашаюсь вполне, это — когда Вы говорите, что Л. Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого. Это решительно невозможно сказать! Пушкин, Ломоносов — гении. Явиться с *Арапом Петра Великого* и с *Белкиным* — значит решительно появиться с гениальным *новым словом*, которого до тех пор *совершенно* не было нигде и никогда сказано. Явиться же с «Войной и миром» — значит явиться после этого *нового слова*, уже высказанного Пушкиным, и это во *всяком случае*, как бы далеко и высоко ни пошел Толстой в развитии уже сказанного в первый раз, до него, гением, нового слова. По-моему, это очень важно. Впрочем, я не могу всего высказать в нескольких строках.[20]

Неужели Милюков уже до *такого предела* доходит? Что он делает вообще теперь?[21]

Извините, Чаева роман «Подспудные силы» мне очень понравился: очень поэтично и написано покамест хорошо.[22] А зачем же Вы его упустили? «Свекровь» — строже как произведение, но ведь это не роман, и сверх того *стихи*.[23] (Я то есть сужу с площадной точки зрения — *необходимой*, говоря о подписчиках.)

Анна Григорьевна Вам сердечно кланяется. Ах, кабы поскорее домой, Николай Николаевич, поскорее бы!

Весь Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Повторяю, жду от Вас, как от доброго старого приятеля, — извещения меня поскорее. Да и деньги ух как нужны; хорошо, если б Кашпирев не оттягивал присылку, если скажет *да*.

д *Далее было*: не ждать

Всё забываю спросить: неужели книга Данилевского «Европа и Россия» не появится отдельно?[24] Да как же это можно? Ради бога, не забудьте об этом уведомить.[25]

387. А. Н. МАЙКОВУ

25 марта (6 апреля) 1870. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{25 марта}}{\text{6 апреля}}$/1870.

Виноват, многоуважаемый и добрейший Аполлон Николаевич, что до сих пор промедлил ответом, когда каждый день рвался писать к Вам. Но, во-первых, работа, а во-вторых, здоровье и мнительность, возродившаяся в уединении, — мнительность о здоровье, и я *очень* тосковал. Сердце неправильно очень стучало, и спать не могу. Пошел, однако ж, к доктору, из знаменитых профессоров, осмотрел меня всего — «решительно ничего, одни нервы. Но нервы сильно расстроены». На лето надо бы куда-нибудь переехать из Дрездена, хорошо бы на море, покупаться. Хорошо бы и для жены. Бесспорно, лучше всего воздух родины, и *всё*, что Вы писали об этом в Вашем письме, — золотая правда, правда из правд.[1] Но, Аполлон Николаевич, разве Вы не знаете, почему я не возвращаюсь и не могу бросить этой проклятой заграницы? Каково приехать и прямо поступить в долговое отделение? До некоторой поры мне никак невозможно возвращение, и неужели Вы думаете, что я сам не тоскую и не стремлюсь душою в Россию? А жена как тоскует; разве мне весело смотреть на ее тоску? Мало того: я *положительно* знаю, по фактам, что дела мои в экономическом отношении пошли бы втрое лучше, чем здесь идут. На этот счет хочу Вам высказаться окончательно: клянусь Вам, дорогой друг, что я бы не посмотрел на то, что меня *непременно* в долговое посадят, — то ли я видывал в своей жизни? Отсидел бы год и выкупился бы. Но я знаю, что если прежде (еще лет пять назад) это было возможно, то теперь, — знаю наверно, — решительно невозможно. С моим здоровьем я не вынесу и полугода в заключении публичном, а главное, ничего не сработаю. А писать — тем куча. Про здешнее же писание Вы говорите золотые слова;[2] действительно, я отстану — не от века, не от знания, что у нас делается (я наверно гораздо лучше Вашего это знаю, ибо *ежедневно* (!) прочитываю *три* русские газеты до последней строчки и получаю два журнала), — но от *живой струи жизни* отстану; не от идеи, а от плоти ее, — а это ух как влияет на работу художественную! Всё это правда, но — как мне быть? Войти в соглашение с кредиторами, упросить, чтобы дали год сроку и тогда всё уплачу? Да согласятся ли? Если уплатить половину, то, может быть, и дали бы год сроку. Я об этом думаю

день и ночь. Даже если б 30% уплатить, то, может быть, согласились бы! Но с ними и в сношения трудно войти теперь; бог знает, все ли еще в Петербурге? А надобно; иначе средства нет. Всех долгов *опасных*, то есть вексельных, я думаю, теперь 4000 руб. Следственно, две тысячи на уплату да 1000 на подъем отсюда и на первый приезд в Петербург — вот, стало быть, 3000 необходимы. Где это взять? Но верьте мне, если б я тогда не выехал из Петербурга,[3] то в два бы года всё уплатил совершенно. Но ведь я и выехал потому, что Печаткин подал ко взысканию,[4] об чем я услышал заране. Каково бы мне тогда, только что женившись,[5] засесть в тюрьму? Я этого не снес и поехал, — ну вот и всё.

Впрочем, об этом буду сильно думать летом, когда что-нибудь окажется. Теперь я работаю в «Русский вестник». Я там задолжал и, отдав «Вечного мужа» в «Зарю», поставил себя там, в «Р‹усском› в‹естни›ке», в двусмысленное положение. Во что бы то ни было надо туда кончить то, что теперь пишу. Да и обещано мною им твердо, а в литературе я человек честный. То, что пишу, — вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот завопят-то про меня нигилисты и западники что *ретроград*!) Да черт с ними, а я до последнего слова выскажусь.[6] И знаете, в какой я смуте? — решительно не могу решить: будет успех или нет? То мне кажется, что чрезвычайно удачно выйдет и я деньги на 2-м издании хвачу, то кажется, что совсем не удастся. Но лучше пусть совсем провалюсь, чем успех середка на половине. Вы меня огрели дубиной по лбу Вашей заметкой об «усилиях воображения», подмеченных Вами в «Вечном муже».[7] Сколько мне это *тоски* стоило; но, однако же, как бог даст. Не надеясь на успех, нельзя с жаром работать. А я с жаром работаю. Стало быть, надеюсь.

Но я еще не поблагодарил Вас за Ваше доброе участие и за хождение к мерзавцу Стелловскому и прочее.[8] Вы и *не подозреваете*, сколько Вы для меня этим сделали. Вы мне мир души возвратили и рану залечили. Я Вам (и только Вам) признаюсь во всем окончательно: я уж думал, что Паша обманул меня! Как я страдал, как я молился за него, и наконец-то Ваше письмо рассеяло все сомнения мои: это только ветреный мальчик, но добрый и честный. Повторяю — Вы рану в моей душе залечили.[9] А с Стелловским — черт с ним! Да я отчасти и рад, — можете себе представить! До того тяжело иметь дело с этим мерзавцем! [10]

А между тем я положительно в ужасном теперь состоянии (мистер Микобер [11]). Денег нет ни копейки, а надо просуществовать до осени, когда у меня будут деньги. Просить в «Русском в‹естни›ке» почти невозможно; во-первых — ну как откажут, а во-вторых — это будет безмерно забираться у них вперед. От них я наверно получу, но только осенью; зато получу значительно.[12] Что я Вам пишу теперь, то знаю наверно. Но до

осени совсем нечем жить будет. Вы думаете, я здесь трачу, роскошествую. Верите ли, что я с самого переезда в Дрезден, 8 месяцев, жил одним «Вечным мужем», почти 100 талеров в месяц, а тут и родины, и самый необходимый ремонт, и жить недешево — так что в конце концов задолжал, и до сих пор есть долги. Н. Н. Страхов месяц назад приглашал меня положительно к дальнейшему участию в «Заре».[13] Я ответил ему предложить Кашпиреву мой роман к будущему году, но с тем, чтоб 500 руб. теперь и по сту рублей ежемесячно[а] в продолжение пяти месяцев, так что выйдет всего 1000 руб.[14] По-моему, немного; давал же Кашпирев и по полторы тысячи вперед за год Стебницкому.[15] (Да и журнала издавать нельзя, не выдавая вперед, иначе всех писателей упустишь.) Николай Николаевич ответил, что Кашпирев согласен, что деньги пришлют в апреле, но чтоб я доставил мою вещь в нынешнем году на осенние месяцы.[16] Я отвечал, что в нынешнем году мне положительно невозможно.[17] Кашпирев еще, впрочем, мне ничего не писал сам. Жду последнего от них ответа.[18] Согласитесь сами, что если я заберусь в «Русском вестнике» еще, то и работа моя будущая будет надолго принадлежать «Русскому вестнику». То, что я пишу теперь в «Р‹усский› в‹естни›к», я кончу месяца через три наверно.[19] Тогда, погуляв месяц, сел бы за работу в «Зарю». Я теперь года полтора сряду не работал, и меня томит писать («Вечного мужа» не считаю). Над тем, что пишу в «Р‹усский› в‹естни›к», я не очень устану; зато в «Зарю» я обещаю вещь хорошую и хочу сделать хорошо. Эта вещь в «Зарю» уже два года как зреет в моей голове. Это та самая идея, об которой я Вам уже писал.[20] Это будет мой последний роман.[б] Объемом в «Войну и мир», и идею Вы бы похвалили — сколько я, по крайней мере, соображаюсь с нашими прежними разговорами с Вами. Этот роман будет состоять из пяти больших повестей (листов 15 в каждой; в 2 года план у меня весь созрел). Повести совершенно отдельны одна от другой, так что их можно даже пускать в продажу отдельно. Первую повесть я и назначаю Кашпиреву: тут действие еще в сороковых годах. (Общее название романа есть: «Житие великого грешника», но каждая повесть будет носить название отдельно.) Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь,[в] — существование божие. Герой, в продолжение жизни, то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист: 2-я повесть будет происходить вся в монастыре. На эту 2-ю повесть я возложил все мои надежды. Может быть, скажут наконец, что не всё писал пустяки. (Вам одному исповедуюсь, Аполлон Нико-

---

[а] *Вместо*: по сту рублей ежемесячно — *было*: 500 руб. ежеме‹сячно›
[б] *Далее было начато*: Зато
[в] *Далее было*: это

лаевич: хочу выставить во 2-й повести главной фигурой Тихона Задонского; конечно, под другим именем, но тоже архиерей, будет проживать в монастыре на спокое.[21]) 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращенный[г] (я этот тип знаю), будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями (круг наш образованный) и для обучения. Волчонок и нигилист-ребенок сходится с Тихоном[22] (Вы ведь знаете характер и всё лицо Тихона[23]). Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев, после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю,[24] не утерпел и напечатал, например за границей, на французском языке, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его[д] на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский наприм‹ер›, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов,[25] и инок Парфений.[26] (В этом мире я знаток и монастырь русский знаю с детства.) Но главное — Тихон и мальчик. Ради бога, не передавайте никому содержания этой 2-й части. Я никогда вперед не рассказываю никому моих тем, стыдно как-то. А Вам исповедуюсь. Для других пусть это гроша не стоит, но для меня сокровище. Не говорите же про Тихона. Я писал о монастыре Страхову, но про Тихона не писал.[27] Авось выведу величавую, *положительную*, святую фигуру. Это уж не Костанжогло-с[28] и не немец (забыл фамилию) в «Обломове»,*[29] и не Лопухины, не Рахметовы.[30] Правда, я ничего не создам, я только выставлю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом.[31] Но я сочту,[е] если удастся, и это для себя уже важным подвигом. Не сообщайте же никому. Но для 2-го романа, для монастыря, я должен быть в России. Ах, кабы удалось! Первая же повесть — детство героя: разумеется, не дети на сцене; роман есть. И вот, благо я могу написать это за границей, предлагаю «Заре». Неужто откажут? Да и 1000 руб. — не бог знает какие деньги. Как хотят; этак[ж] действуя, всё и всех упустят. Впрочем, их дело. Я вчера писал Страхову и попросил поскорее последнего решения.[32] Иначе мне надо же что-нибудь предпринять, не теряя времени; обратиться в «Р‹усски›й в‹естни›к» — тоже время пройдет, — так уж, по

г *Далее было*: не беспокойтесь

д *В подлиннике ошибочно*: я

е *Было*: считаю

ж *Было*: так

* Почем мы знаем: может быть, именно Тихон-то и составляет наш русский *положительный* тип, который ищет наша литература, а не Лавровский (*описка — надо*: Лаврецкий. — *Ред.*), не Чичиков, не Рахметов и проч. (*примеч. Достоевского*).

крайней мере, не задерживали бы меня ответом из «Зари». (Весь-то роман, я думаю, я буду лет шесть писать.) Если можете сказать словцо в мою пользу в «Заре», то скажите, голубчик.[33] Ибо страшно тяжело в «Р<усски>й в<естни>к» обращаться в эту минуту; через три месяца дело иное.[34] Да и самому мне бы хотелось работать в «Заре». Направление то, которое я наиболее разделяю, кроме кой-чего, разумеется. Впрочем, как хотят. Бедность-то моя меня съела, а то стал бы я лезть сам с предложениями. И заметьте, только что свяжусь с журналом, сейчас торопят сроком, сейчас бы им к самому раннему сроку! Да я лучше умру, чем теперь себя стесню. Один «Русский в<естни>к» меня не стеснял. Благороднейшие люди!

Кстати, дорогой Аполлон Николаевич, откуда могла к Вам зайти идея о Яновском? И в мысли не было у меня, ни разу, ни одного мгновения! Я так удивился, прочтя у Вас. Да и истории Яновского, в этом отношении, я совсем не знаю. Разве у него было что-нибудь подобное? [35]

Про нигилизм говорить нечего. Подождите, пока совсем перегниет этот верхний слой, оторвавшийся от почвы России. Знаете ли: мне приходит в голову, что многие из этих же самых подлецов-юношей, гниющих юношей, кончат тем, что станут настоящими, твердыми почвенниками, чисто русскими. Ну, а остальные пусть сгниют. Кончится тем, что и они замолчат, в параличе. А мерзавцы, однако же! [36]

Анне Григорьевне слишком лестно мнение Анны Ивановны.[37] Знаете ли, она у меня самолюбива и горда. Но если б Вы знали, как я с ней счастлив. Одно несчастие — не можем покамест возвратиться. Но ведь воротимся же, может быть! — Люба делает зубки и мучается. Здоровый ребенок; вы бы подивились. Но если б не Анна Николавна, мать Анны Григорьевны, то умерла бы и Люба.[38] Пропали бы мы без нее.

Эх, о многом хотел бы я Вас порасспросить, но — до свидания, однако же. Не забывайте меня совсем и не оставляйте, а я Ваш, Вы знаете, всегдашний и неизменный

Федор Достоевский.

Аня Вам и Анне Ивановне кланяется. Я тоже свидетельствую мое глубокое уважение Анне Ивановне и благодарность сердечную за отзыв об Ане.[3]

Кстати: Кашпирев, выслав мне, месяц назад, 400 руб., прибавил, что будет еще остаточек, примерно от 50 до 100 руб.[39] Но до сих пор не высылает.[40] Если этот остаточек есть, то намекните ему, *ради Христа*, дорогой Аполлон Николаевич, чтоб выслал. Для меня 50 руб. слишком, слишком дороги.

Нравятся ли Вам критики Страхова? [41] Я высоко ставлю.

---

[3] *Далее было*: Хоть я

388. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

17 (29) апреля 1870. Гомбург

Гомбург 29/17 апрель/1870 11 часов утра.

Бесценная моя Аня, сейчас только что приехал на место,[1] еще не ел и не умывался, и рука дрожит: устал и измучился ужасно, а ночью ничего не заснул. Холод до того здесь сильный (хотя солнце светит и ярко), что я очнуться не могу от изумления. Ночью в вагоне (мы были набиты, с Лейпцига, как сельди в бочонке) все закоченели и не знали что делать. Вообрази себе, к утру, на зеленых полях, появился снежный иней, и все поля, дороги, леса и дома были как в густом слое снега до самых семи часов. Здесь первым делом велел протопить. Впрочем, кажется, я нисколько не простудился. Солнце ужасное, а на дворе ровно +2 градуса Реомюра. Сейчас мне сказали, что на прошлой неделе было с лишком двадцать градусов тепла. Hôtel, в котором я остановился, называется Hôtel du Parc, и близ самого вокзала. Кажется, плохенький; меня привел Dienstmann.* Неряшество и комната довольно мизерная, а между тем $1^1/_2$ флорина. Номер я занимаю десятый. Ну вот и всё, друг мой, покамест обо мне. Немножко голова кружится, и очень грустно. Умоюсь, поем, оденусь и пойду в вокзал. Проходя мимо, слышал в нем концерт; кажется, есть публика.

Теперь об тебе, голубчик милый: напиши мне, без утайки, все подробности, до тебя касающиеся.[2] Главное, здорова ли? Не простудилась ли? Ибо полагаю, что и у вас такой же холод. Нет ли новостей? Об Любе напиши, голубчик, подробно. Поцелуй ее за меня и передай ей мое глубочайшее почтение. Как будешь целовать ее, то целуй по два раза — один раз за себя, а второй за меня. Как вы разместились в комнатах? Спит ли мамаша в твоей?[3] По такому холоду надо бы топить. — Я забыл тебе сказать, Аня, чтоб ты на почту ходила за моими письмами скорее позже, чем раньше, ибо я могу послать письмо и вечером, а оно придет, пожалуй, поздно. Впрочем, от 4-х бы до 5-ти — вот как.

Не взыщи, ангел мой бесценный, что пишу кратко: говорю, так устал, что едва перо не валится. Может быть, я из этого отеля перееду — очень уж скверен кажется. Что-то напишу я тебе завтра, бесценная моя, насчет успеха?[4] Невыгодно приезжать с расстроенными нервами. А впрочем, что будет, то будет; я решился крепиться.

Целую тебя 1000 раз (на первый случай), Любу тоже. Не знаю, поклонишься ли от меня мамаше и Ив‹ану› Гр‹игорьеви›чу.[5] Если не найдешь неудобным, то поклонись. Не оставляй конверта и письма на виду, чтоб не догадались откудова.[6]

---

* посыльный, носильщик (*нем.*).

Много бы написал тебе, если б не был так разбит. В дороге не всё один холод был; были и смешные вещи. С Эйзенаха (на рассвете) начиная, виды изумительно хороши! Какая зелень!

Не пиши мне, Аня, в Hôtel, а пиши poste restante. Это лучше.

Крепко, крепко обнимаю тебя и целую, твой любящий тебя всем сердцем муж Федя.

Ф. Достоевский.

Перекрести Любу на ночь и поцелуй за меня.

389. В. М. и С. А. ИВАНОВЫМ

7 (19) мая 1870. Дрезден

Дрезден, 7/19 мая/1870.

Милые друзья мои Сонечка и Верочка, слишком долго уж я не писал вам. Происходило всё не от лености, а от разных накопившихся тревог и вообще неприятного душевного моего настроения. Теперь не знаю даже, как вам и адрессовать: на московскую квартиру вашу боюсь, предполагая, что вы уже в Даровом,[1] а если в Даровое, то опять колеблюсь, не зная наверно, там ли вы, и опасаясь, что залежится письмо. Решаюсь, впрочем, адрессовать в Москву, думая, что если вы и выехали, то сделали же какое-нибудь распоряжение, чтобы могущие прийти письма пересылались вам в деревню. Но более всего надеюсь на то, что кто-нибудь из вас, например Сонечка, покамест осталась в Москве. Во всяком случае, если *сейчас* не получу от вас на письмо мое ответа, то напишу вам[а] и в Даровое. А вас[б] прошу что-нибудь мне ответить, чтоб мне не сомневаться и не думать о пропаже письма. Да и очень уж хочется получить от вас какую-нибудь весточку.[2]

Об нас вообще скажу, что мы живем всё еще в Дрездене и, покамест, слава богу. Люба — милый и довольно здоровый ребенок; мы за ней ходим со страхом, раз уже потеряв ребенка.[3] Аня ее кормит, и, кажется, ей с каждым днем это не под силу. Она очень ослабела, очень похудела и притом тоскует по России. Я тоже в этой же тоске, и вот в этом-то и заключаются все мои волнения и беспокойства. Дела мои в самом худом положении. Положим, еще есть на что существовать (хотя и слишком уж небогато), но о переезде в Россию трудно даже и мечтать, а, между прочим, возвращение в Россию необходимо до последней степени, до того, что оставаться здесь долее становится полною невозможностию. Чтоб подняться отсюда в Пе-

---

[а] *Далее было начато:* корот<ко>

[б] *Далее было*: во всяком случае

тербург, надо, во-первых, сделать это никак не позже октября; позже невозможно будет, по холоду, не рискуя простудить[в] Любу. Во-вторых, чтоб подняться только отсюда, надо, на расплату с здешними одними долгами, не менее трехсот рублей, потом проезд весьма длинный нескольким лицам, потом первое, хоть какое-нибудь, устройство в Петербурге — всё это уже составляет чрезвычайно значительную сумму разом. А между тем это еще почти ничего, главное кредиторы. Им, с процентами, накопилось до 6000 р. Менее одной трети, то есть 2000 руб., им нельзя предложить, с тем чтоб в остальном они подождали хоть год. Да и тут, то есть предложив[г] даже треть, трудно ожидать от них соглашения еще подождать. Они раздражены и наверно накинутся на меня безжалостно с горечью, с желанием наказать, отомстить. Рассчитайте же сами, какую сумму надо мне иметь, чтоб воротиться и хоть чуть-чуть устроить дела: три — четыре тысячи. Где их взять? Самое главное, на что я могу рассчитывать, — это мои работы. Уезжая три года назад, я тоже на это рассчитывал. Тогда успех одного моего романа был очень значителен,[4] и понятно, что вселил в меня большие надежды написать и еще роман, такой, который разом, через год же, даст мне возможность разделаться со всеми кредиторами. Но тогда, именно потому, что я уплатил разом 7000 руб. трем кредиторам, — все остальные взволновались и набросились на меня: зачем только этим трем уплата, а не всем нам? Подали ко взысканию,[5] и я уехал поскорее, именно с надеждой, написав роман, через год расплатиться. Случилось же так, что всё лопнуло. Роман вышел неудовлетворителен,[6] но, кроме того, вышло и то, чего я не мог даже и предвидеть прежде: вышло то, что я, долго быв вне России, потерял возможность даже и писать как следует, так что даже и на новое произведение какое-нибудь надеяться не могу.[д] (Затруднения эти не столько духовные, сколько материальные: например, невозможность личного взгляда и личного наблюдения в самых обыденных вещах, если говоришь о настоящей минуте, о текущей современности.) У меня, например, и задуман роман, в успех которого я верую вполне; но писать его здесь я совершенно не решаюсь и отложил.[7] В настоящую минуту сижу над одной особенной работой, которую предназначаю в «Русский вестник»[8] (в который я еще остался должен). Вы помните, друг Сонечка, как Вы раз писали мне по поводу одного моего романа, здесь написанного, что Вы удивляетесь, как я берусь за такие вещи к сроку.[9] Ну верите ли теперь, что в том, что я пишу теперь в «Русский вестник», еще труднее задача. Я комкаю листов в 25 то, что должно бы было, по крайней мере, занять 50 листов, — комкаю, чтоб кончить

[в] *Было*: везти
[г] *Было*: уплати‹в›
[д] *Далее было*: Возможность

к сроку, и никак не могу сделать иначе, потому что ничего, кроме этого, и написать не могу в настоящую минуту, находясь вне России. Я получил чрезвычайные похвалы из «Зари» за повестушку, которую у них напечатал.[10] В журнальных разборах («Голос», «Петербург‹ские› ведомости» и проч.) — тоже были ко мне вежливы.[11] Но Вы не поверите, до какой степени мне омерзительно писать такие повести, когда столько идей, уже совсем сложившихся, уже сидят в голове, — одним словом, писать не то, что хочется. Вы поймете, друг Сонечка, что это уже одно составляет мучение. Но насущное расстройство дел составляет другую половину мучений. Отсутствием моим из Петербурга я, например, совершенно запустил мои дела и даже преданных мне людей отвадил от себя (хоть «Идиот» и не удался, но за 2-е издание его *несколько* книготорговцев готовы были дать и давали хоть и небольшие, сравнительно, деньги,[12] но всё же значительные, полторы и две тысячи. И все завязывавшиеся дела лопнули, потому что некому их было вести). Итак, вот какое мое положение. Не говорю уже о том, что мне жалко Анну Григорьевну, которой ужасно хочется *домой*. Всего не упишешь. Но тем не менее я *решил* окончательно, что *во всяком случае* в нынешнем году я в Россию возвращусь, возвращусь по осени, и это будет *наверно*.[13] Разумеется, даже только по делам моим, должен буду тотчас же быть в Москве,[14] если тотчас же не посадят меня кредиторы в Петербурге в тюрьму. Во всяком же случае надеюсь с вами со всеми, милые мои, непременно в начале зимы увидеться.[е]

Вы писали мне, Сонечка, что я отвык от Вас, потому будто бы заподозрил Вас в каких-то подозрениях на мой счет, по поводу моей ошибки по завещанию тетки.[15] Но Вы, милая моя, тоже очень скоры в своих заключениях: всё, что я написал Вам тогда, я Вам мог написать без всякой укоризны и совершенно веря в Ваши добрые чувства ко мне.[16] А во что же мне и верить, как не в Вас, кто из друзей тогда у меня и останется?

Аня вам всем очень кланяется, Люба вас всех целует (у ней прорезываются зубки, и она начинает говорить), и мы все очень просим вас как можно подробнее о себе известить. Дай только бог, чтоб письмо не затерялось, не залежалось и дошло до вас. Я было хотел написать на адресс Горлова или Протопопова, для передачи; но что ж, если письма доходят до вас распечатанными?

Итак, до свидания и до близкого. Тогда обо всем переговорим. Я теперь даже редко письма получаю от кого.[ж] Кстати, брат Андрей писал мне,[17] что в Москве Варя и бабушка ‹...›[з]

[е] *Далее было начато*: Как это случится. я не могу сказать точно, но знаю

[ж] *Далее было*: №

[з] *Далее 2 строки текста повреждены.*

Но брат Андрей меня защитил и объяснился с ними.[18] Я совершенно верю, что всё так и было. Я верю тоже в совершенно дружеское расположение ко мне Андрея Михайловича.

Обнимаем вас всех и целуем.

Ваши искренние:

Я, Федор Достоевский, Аня, Люба.

Адресс мой тот же: Allemagne, Dresden, à M-r Théodore Dostoiewsky, *poste restante*.

390. Н. Н. СТРАХОВУ

28 мая (9 июня) 1870. Дрезден

Дрезден $\frac{28\ \text{мая}}{9\ \text{июня}}$ 1870.

Благодарю Вас за письмо, добрейший Николай Николаевич. Вы пишете всегда такие коротенькие письма, но имеющие[а] свойство шевелить меня. Мнение Ваше о критической Вашей деятельности считаю и неполным и неправильным.[1] Во-1-х, я так думаю: не будь[б] теперь Ваших критик, и ведь у нас совсем уж не останется *никого*, в целой литературе, кто бы смотрел на критику как на дело серьезное и строго необходимое. Не останется даже никого из пишущих критиков, кто бы сколько-нибудь ценил потребность (и уважение к нему) правильного философского осмысления текущих и минувших вещей, а стало быть, ценил и критику, то есть собственное дело свое. Итак, за Вами, прежде всего, этот строгий и философский взгляд на критику, чего у других нет — что и делает «Зарю» единственным журналом, имеющим критику и правильный взгляд на нее. (В «Русском вестнике» критика легкомысленная, правда, впадающая в тон общего направления журнала, но слишком мелкая. По-моему, их П. Щ.[2] имеет некоторое сходство с Милюковым.[3]) А стало быть, если б за Вами только это и было, — то уж это громадно много. А потом позвольте Вам сказать, что влияния не так скоро создаются, что сумбур нашего современного общества имеет тот же смысл, то есть свои законы движения, и что, наконец, Вы даже не имеете никакой возможности судить о непосредственной полезности и влиятельности Ваших статей и действительно ли они пишутся для тех только, «кто и без Вас так же думал».[4] Это неправда.

Вот Вам, однако же, по моему соображению, и некоторая мерка судить о влиянии: журнал «Заря» — по преимуществу журнал направления и *критики*; число подписчиков через 2—

а *Было*: которые имеют

б *Далее было*: Вас

3 года покажет и влияние ее в публике, а с тем вместе несомненно и влияние критики, потому что критика есть главная черта «Зари», главная ее специальность для публики. Публика, хотя бессознательно, но всегда так обнаруживает себя.

А ведь я думал, что Вы похвалите Струве![5] По крайней мере за доброе намерение. Шваховат я в философии (но не в любви к ней; в любви к ней я силен). Мне, впрочем, когда я внимательно читал диссертацию Струве, самому показалась новым материальность души. Любопытна же мне была диссертация, главное, потому, что я предчувствовал, что это именно теперешняя, последняя манера мыслить немецких философов. Только знаете, Николай Николаевич, ведь они Вас сочтут за отсталого старика, сражающегося еще луком и стрелами, тогда как у них уже давно ружья пошли. Что касается до меня, то я Вашу статью прочел два раза и с наслаждением. Кроме того, — Вы удивительно умеете писать. Литературный язык Ваш лучше, чем у них у всех. А это, как хотите, не может быть под конец не замечено. Я очень порадовался, что Вы с таким презрением относитесь к теперешней манере философствовать, но и очень бы желал, чтоб Вам они отвечали.[6]

А какой ерыжный[7] тон во всей теперешней литературе! Про беспорядок и сумятицу в идеях — бог с ними, они и должны были произойти. Но этот тон всеобщий! Какая ерыжность, какая уличность! И ни одной-то усвоенной, крепкой мысли, хоть какой-нибудь, хотя бы и ложной! Что у них за философы, что у них за фельетонисты! Полная дрянь. Но есть зато, единицами, люди, которые и мыслят, и влияние имеют — и так всегда бывает при всяком беспорядке. Только чтоб эти единицы пересилили сумбур публики, и Вы увидите, что она примет их тон наконец.

Кстати, кто этот молодой профессор, который передовыми статьями в «Голосе» «совершенно убил Каткова, так что уж того теперь и не читают»? Имя этого счастливца! Напишите мне, ради бога, скорее, возвестите![в][8] Давно уже, еще лет двадцать с лишком назад, при первом появлении «Ярмарки тщеславия» в Англии, я зашел к Краевскому, и на слова мои, что вот, может быть, Диккенс напишет что-нибудь и к новому году можно будет перевести, Краевский вдруг отвечал мне: «Кто? Диккенс? Диккенс убит! Теперь там Теккерей явился; убил наповал; Диккенса никто и не читает теперь!»[г][9] Об этом профессоре я в «Заре» прочел. «Голос» я читаю; были очень хорошие статьи. Напишите же, Николай Николаевич, имя-то профессора, пожалуйста.[10]

Да вот еще давно хотел Вас спросить: не знакомы ли Вы с Львом Толстым лично? Если знакомы, напишите, пожалуй-

---

в *Далее было: 3 нрзб.*
г *Далее было начато*: Читал

ста, мне, какой это человек? Мне ужасно интересно узнать что-нибудь о нем.[11] Я о нем очень мало слышал как о частном человеке.

Пишу в «Русский вестник» с большим жаром и совершенно не могу угадать — что выйдет из этого? Никогда еще я не брал на себя подобной темы и в таком роде.[12] Томлюсь мечтой устроить свое переселение в Россию в нынешнем году; все усилия употреблю.[13] Ах, Николай Николаевич, мне[д] так нестерпимо жить за границей, что и передать нельзя этого!

Большая у меня до Вас просьба, многоуважаемый Николай Николаевич, пожалуйста, помогите, хотя и совестно Вас утруждать. Просьба следующая.

Вам небезызвестно, может быть, что Василий Владимирович *дал мне слово* (о чем и писал с точностию и сам определил числа и сроки) высылать мне емежесячно, 15-го числа каждого месяца, по 100 руб.[14] Первая подобная высылка определена им самим к 15-му мая (нашего счисления). И вот уже 28-е мая, а ровно ничего еще я не получил![15] Вы не поверите, Николай Николаевич, как расстраивает все мои дела и весь мой здешний быт — такое отношение к делу. Я так тогда и распорядился; 500 рублей у меня все ушли (у меня и долги здесь и закупки необходимейшие). Из высланных тогда 500 я оставил себе ровно до 15 мая.[16] А вот уже две недели прошло с 15 мая. И квартира, и лавочка, и содержание — всё остановилось, а вдобавок заболел ребенок и ходит доктор. Вы не можете себе представить, как это влияет на мои занятия, не говоря уже ни о чем другом. Я на несколько дней иногда не способен работать.

Если уж с первой присылкой (обещанных ста рублей ежемесячно) вышла такая неточность, то что будет впоследствии, с другими присылками? Теперь же лето, у вас все на дачах, застой; обо мне совсем забудут. А я разве только к зиме могу надеяться на какое-нибудь получение мимо «Зари».[17] Что же мне делать? Пусть не пеняют и на меня, если я окажусь неточным.

Клянусь Вам, как это ни смешно, что точность высылки чуть не важнее для меня самих денег. В конце концов деньги, какие-нибудь и откудова-нибудь, все-таки ведь явятся; но спокойствия, но возможности избавиться от забот хоть на время работы — этого уже не будет. Это уже нарушено.

Вся просьба моя к Вам: напомните обо мне Василию Владимировичу, сделайте это для меня как старый приятель! И вот еще: я раскаиваюсь теперь, что просил его высылать помесячно. Я предчувствую, что каждый месяц так будет. Если только возможно для него — не лучше ли, чтоб он мне выслал все 500 разом (обещанные вразбивку по 100 р. ежемесячно). Если только возможно! Если же нет, то хоть 300 или даже 200, — все-таки

[д] *Далее было*: что-то

не в каждый месяц будет у меня это беспокойство и потрясение жизни. Действительно, потрясение; ведь я месяцев пять еще ни от кого не могу ждать ничего, кроме этих 100 руб. ежемесячно.[18] И потому, остановись они, и жизнь останавливается.

Всё это — подробности мелкие, дрянные, но помогите мне, пожалуйста, Николай Николаевич, переговорите с Василием Владимировичем. Я очень нуждаюсь.[e]

Жена Вам кланяется и благодарит за память. Она тоже нездорова, кормит ребенка, а теперь и ночей не спит с ним по болезни.

Вам искренно преданный и сочувствующий

Ваш Федор Достоевский.

---

[e] Я очень нуждаюсь. — *вписано.*

391. Н. Н. СТРАХОВУ

11 (23) июня 1870. Дрезден

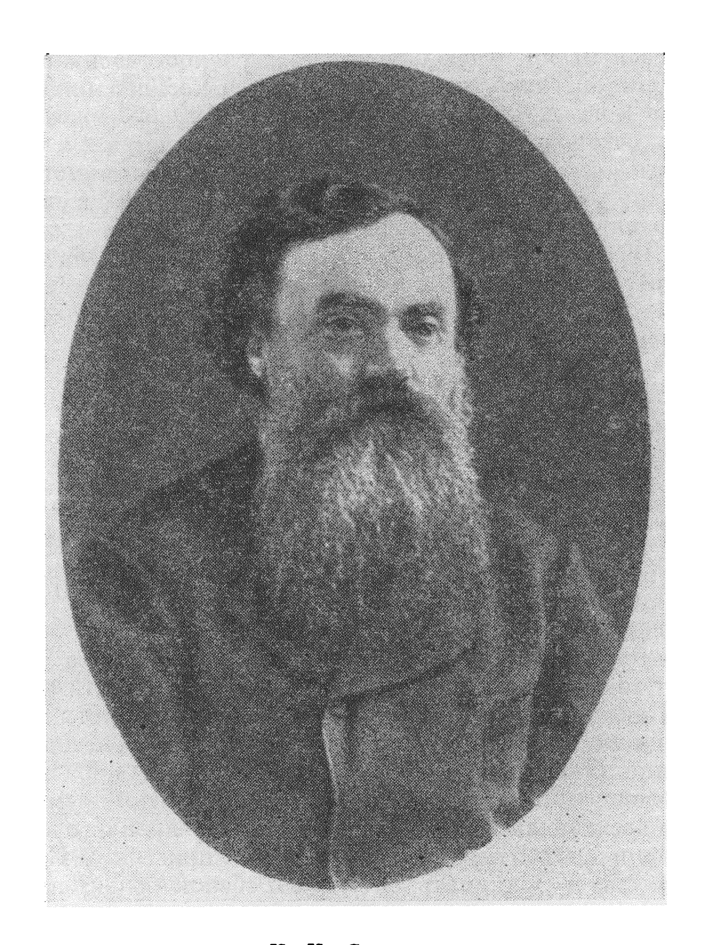
Июнь 11/23 1870 Дрезден.

Благодарю Вас, добрейший Николай Николаевич, за скорый ответ, но письмо Ваше меня испугало, во-первых, за Вас: мне кажется, что я вовлек Вас, из-за себя, в неприятности с Кашпиревым.[1] Как бы я не желал этого! Впрочем, может, я не так хорошо понял Ваше письмо. Во всяком случае благодарю Вас за старание обо мне. Отказ Кашпирева меня поразил,[2] и я теперь совершенно не понимаю, что буду делать. Время же самое критическое для меня: из тех 500 руб.[3] я ничего не сохранил — именно рассчитывая на постоянную присылку. Как и чем я продержусь, и придумать не могу. Ребенок болен, и расходы усиленные. Знакомств у меня здесь почти никаких, а в «Русский вестник» я положительно не желал бы обращаться с просьбами до положенного мною срока.[4]

Мне случайно достался здесь «Вестник Европы» за нынешний год, и я просмотрел все нумера. Меня изумило даже. Неужели такая, неслыханная еще до сих пор у нас *посредственность* (разве исключая булгаринскую «Северную пчелу») — могла иметь подобный успех (6000 экземпляров и 2-е издание!).[5] Вот что значит всем по плечу. Какое подлое подлаживание под уличное мнение. Самая последняя казенщина либерализма! Вот что, значит, успевает у нас! Издают, впрочем, ловко, в 1-е число каждого месяца, и литераторов много.[6] Я прочел между прочим «Казнь Тропмана» Тургенева.[7] Вы можете иметь другое мнение, Николай Николаевич, но меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему он всё конфузится и твердит, что не имел[a] права тут быть? Да, конечно, если только на спектакль

---

[a] *Было начато:* уме‹л›

Н. Н. Страхов.

Фотография Захарьина.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

пришел; но человек, на поверхности земной, не имеет права отвертываться и игнорировать то, что происходит на земле, и есть высшие *нравственные* причины на то. Homo sum et nihil humanum...* и т. д.[8] Всего комичнее, что он в конце отвертывается и не видит, как казнят в последнюю минуту: «Смотрите, господа, как я деликатно воспитан! Не мог выдержать».[б] [9] Впрочем, он себя выдает: главное впечатление статьи в результате — ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целости и своем спокойствии, и это в виду отрубленной[в] го-

[б] *Далее было начато*: Эта дрянная статья
[в] *Было*: отнятой
* Я человек, и ничто человеческое... (*лат.*).

ловы![10] Плевать, впрочем, на них всех. Надоели они мне ужасно. Я считаю Тургенева самым исписавшимся из всех исписавшихся русских писателей,[11] — что бы Вы ни писали «за Тургенева», Никол‹ай› Николаевич, — уж простите.[12]

С мнениями Вашими о Вашей деятельности еще раз в высочайшей степени не согласен.[13]

А как бы славно было хоть на минутку увидеться. И отчего бы Вам не съездить на месяц за границу? Двести рублей с проездом, не более, а если 300 — то и по Европе можно проехать. Заехали бы в Дрезден, повидались бы. Разве нельзя?

До свидания, благодарю Вас еще раз. Не оставьте меня, позаботьтесь — если только можно.

Ваш весь Федор Достоевский.

Анна Григорьевна Вам кланяется. Она совсем измучена и кормлением и заботами. А тут еще эти неприятности!

392. С. А. ИВАНОВОЙ

2 (14) июля 1870. Дрезден

Дрезден, 2/14 июля/70.

Милый друг Сонечка, хотел тотчас же отвечать Вам и промедлил.[1] И занятия, и всякие скверные хлопоты тому причиною. Да вот еще что: манера Ваша, вас всех, московских друзей, — не выставлять адресса.

По письму Вашему видно, что Вы переселились к Елене Павловне. Коли так, куда же мне адрессовать? Заметьте и то, что я могу потерять или заложить куда-нибудь письмо с последним адрессом Вашим. Теперь я три дня рылся и перерыл все листочки за все три года. Но все-таки знаю адресс, хоть и старый, и адресую на него. Дойдет или нет? Как хотите, такие вопросы руки отнимают. Умоляю Вас хоть для меня писать письма не по женской манере, то есть выставляйте число и всегда *адресс,* — ей-богу, лучше будет.

Ваше письмо произвело на меня тяжелое впечатление, добрый друг мой. Так неужели, если б Вы уехали в деревню, они бы Вам осенью уж и не достали переводов?[2] Что Вы себя мучаете-то? Вам нужно здоровье и счастье. Вы работаете с утра до ночи.[a] Вам нужно замуж выходить, Соня, голубчик мой, не сердитесь на меня, Христа ради, за мои слова. Счастье раз в жизни дается, а потом ведь всё горе, всё горе. Ну так и надо к нему приготовиться, став в возможно-нормальные отношения. Простите меня, что я, три года не видав Вас, так пишу. Ведь

---

[a] *Далее было*: и даже

это не советы с моей стороны, это просто[б] горячие желания. Не могу же я Вас не любить!

Что же касается до моего возвращения осенью в Россию, то это, разумеется, только фантазия, хотя и могущая осуществиться, но только фантазия. Вот увидим.[3] Насчет же всех Ваших остальных советов (продажи романа, возвращения без денег ввиду невозможности того, чтоб кредиторы арестовали меня, и проч.) — скажу[в] Вам, что всё это Вы написали по неопытности, не зная сущности дела. Я уже двадцать пять лет литератором и никогда еще не видал, чтоб сам автор шел предлагать книгопродавцам 2-е издание. (Тем более через других, равнодушных, которым всё равно). Если предлагаете сами, то получаете десятую долю стоимости. Издатель, то есть купец,[г] всегда сам приходит, и тогда вместо каждой сотни получается по тысяче. «Идиот» же опоздал; ему еще прошлого года надо было быть изданным.[4] Насчет же кредиторов, — то поверьте, засадят, как пить дадут, и вся их выгода в том. Уверяю Вас, что им известно, сколько я, н‹а›прим‹ер›, могу получить за роман с «Р‹усского› в‹естни›ка» или с «Зари». Они и засадят в надежде, что тот или другой журнал или кто-нибудь выкупят. Будьте уверены. Нет, воротиться надо не так.

Мне всего тяжеле смотреть здесь на тоску Анны Григорьевны. Ей хочется в Россию очень. Вот что наиболее меня здесь расстраивает. Ребенок здоров, только сосет еще изо всех сил, тогда как пора бы отучать. Вообще теперь неподвижная идея моя — воротиться. Еще немного если здесь проживу, то, пожалуй, и деньги перестану зарабатывать; никто печатать не будет. В России еще мог бы издавать какие-нибудь компиляции или учебники. Впрочем, не стоит об этом и говорить-то много. За нужду я ведь ворочусь, чтоб хоть в тюрьме сидеть. Мне бы только вот кончить теперь работу в «Р‹усский› в‹естни›к», за которой сижу, чтоб уж меня потом не тревожили. А между тем так устроилось, что я, *наверно*, до рождества не кончу.[5] 1-ю большую часть пришлю, впрочем, в редакцию через $1^1/_2$ месяца и попрошу денег у них. 2-ю часть пришлю к началу зимы, а третью в феврале.[6] Начать печатать должны будут с января будущего года. Очень боюсь, что они просто не захотят печатать роман мой. Я настоятельно объявлю, что вычеркивать и переправлять не могу. Начал я этот роман, соблазнил он меня, а теперь я раскаялся. Он и теперь меня занимает очень, но я бы не об том хотел писать.[7]

Каждый раз, как пишу к Вам, чувствую, какое долгое лежит между нами время. Вот еще что: хочется мне ужасно, до последнего влечения, пред возвращением в Россию съездить на Восток, то есть в Константинополь, Афины, Архипелаг, Сирию.

б *Далее было: 1 нрзб.*
в *Было*: то скажу
г то есть купец *вписано.*

Иерусалим и Афон.[8] Между тем это[д] возьмет minimum 1500 руб. Положим, деньги нечего жалеть; я бы написал книгу о поездке в Иерусалим, которая бы всё воротила, а такие книги ходки, говорю по опыту. Но пока ни наличных, ни времени нет, а вот вчера читал телеграммы, продающиеся на улицах, что еще чуть-чуть и война у Франции с Пруссией.[9] Теперь всё так наболело, что начнись война где бы то ни было, сейчас разгорится. Дай только бог России не вступиться ни во что европейское, благо у нас своего дела довольно.

Перечел сейчас Ваше письмо, и опять руки опустились: ну куда я Вам адрессую, в самом деле? Клянусь Вам, что это совсем не шутка. Если квартира в Басманной еще за Вами, то Вы-то когда там будете, чтоб узнать о приходе письма? Это обескураживает; пишешь и думаешь, что, может, и не дойдет никогда.

Очень бы желал я видеть Машеньку и познакомиться с ней. (Пишу *познакомиться*; серьезно считаю, что в три года мы встретим взаимно во многом других совсем людей.) Передайте всем мой дружеский поклон. Напишите обо мне мамаше, передайте пожелание чего-нибудь очень хорошего Елене Павловне. Ничего, впрочем, не могу сказать об Ваших занятиях, тогда как хотелось бы сказать. Эти переводы — вещь ужасная. Периодическая, срочная работа в такие лета, с такими отказами от жизни — вот что горько. Но чтоб говорить что-нибудь, надо Вас видеть лично и лично узнать. Кстати, с кем Вы имеете непосредственные сношения в «Р‹усском› в‹естни›ке»?[10]

Мне брат Андр‹ей› Михайлов‹ич› писал, что в Москве (у тетки) обо мне говорили как об чуме (сестрица Варвара Михайловна).[11] Андрей Михайлович их разуверил и показал собственноручное письмо мое к нему.[12] Пишет, что успокоились, не знаю. Что же касается насчет того, что остается вам ждать после тетки, — то это действительно, кажется, очень плохо, то есть, вернее, что нет *ничего* или в этом роде. Андрей Михайлович прислал мне, еще зимой, одну очень подробную и неутешительную записку о том, что в наличности. Почти ничего нет.[13] До меня-то, разумеется, дело не касается (с этой стороны), но для Вас, для сестры Саши, для племянницы моей Кати (дочери брата) — плохо.

Люблю вас всех очень, чему вы, верно, поверите. Любите и вы меня хоть немножко. Я в немецкой земле умирать не хочу; приеду помирать на родину.

Жена и Люба Вас целуют очень. У нас жары, а у меня вчера был припадок, после долгого промежутка. Голова до того нехороша у меня сегодня, что я совсем как сумасшедший.

До свидания, милый мой друг, попомните меня.

Обнимаю Вас и целую.

Ваш Ф. Достоевский.

[д] *Далее было*: не менее

P. S. Если не ответите мне на это письмо,[14] значит, оно не дошло, так и буду считать.

Адресс мой: Allemagne, Saxe, Dresden, à M-r Théodore Dostoiewsky, *poste restante.*

393. В. В. КАШПИРЕВУ

Около 15 (27) августа 1870. Дрезден

Черновое

Милостив‹ый› госуд‹арь› Василий Владимирович,

Письмо Ваше от 9 августа[1] застало меня именно в то время, когда я собирался писать Николаю Николаевичу много и подробно об одном весьма важном для меня обстоятельстве, с просьбою сообщить о нем Вам.[а] [2] Но Ваше письмо[б] предупредило меня,[в] и я обращаюсь теперь уже к Вам прямо. Впрочем, сперва объясню мое молчание: я сознаюсь, что виноват перед Вами, не уведомив Вас в свое время о двукратном получении от Вас денег[г] [3] в июне и в июле. Но, во-1-х, я думал, что Вы не сомневаетесь в том, что деньги дошли до меня верно, и, во-2-х, я в конце июня и до половины июля был болен чрезвычайно усилившимся рядом припадков и недели три совсем ничего не работал, будучи в сильнейшей ипохондрии, чтоб не сказать более. А после того наступило одно обстоятельство, вследствие которого[д] я ни об чем не мог писать ни Вам, ни Николаю Николаевичу до самого последнего времени.[е]

Как Вам, вероятно, известно,[ж] я с начала года работал для «Русского вестника» роман.[з] [4] Я думал наверно кончить его к концу лета. Написано было у меня уж до 15 листов.[и] Во всё продолжение работы роман шел вяло и под конец мне опроти-

---

[а] *Вместо*: с просьбою ∾ Вам. — *было*: с просьбою к нему сообщить мое письмо Вам.

[б] *Было*: теперешнее письмо

[в] *Далее было*: и об главном деле

[г] *Далее было*: (по 200 руб.)

[д] *Вместо*: наступило ∾ которого — *было начато*: и тоже почти в продолжение трех недель тоже было одно обстоятельство, по которому

[е] *Далее было*: В этом и состоит все главное дело, о котором я упомянул Вам. Чтоб объясниться, я должен войти в некоторые подробности и [извиняюсь] казалось бы посторонние и объясняюсь в них перед Вами заране.

[ж] *Вместо*: Как Вам ∾ известно — *было*: Дело в том, что

[з] *Далее было*: и даже обещал доставить его в конце нынешнего года в редакцию «Русск‹ого› вестника».

[и] *Далее было*: весь роман разросся под пером до 25 листов, но 10 остальных еще надо было написать.

вел. Между тем от первоначальной идеи его я отказаться не мог. Она меня влекла. Затем[к] мои припадки. Принявшись недели три назад после болезни опять за работу, я увидел, что не могу писать, и хотел изорвать роман. Две недели я был в положении очень тяжелом, и вот дней 10 назад я сознал положи‹тельно?› слабую точку всего написанного. Теперь я решил окончательно: всё написанное уничтожить, роман переделать радикально, и хотя часть написанного и войдет в новую редакцию,[л] но тоже в радикальной переделке. Таким образом, я принужден начать работу почти всего года вновь сначала[5] и, стало быть, ни в каком случае не могу поспеть с обещанным романом в «Зарю» к началу года.[м]

Я выставил себя перед Вами, так‹им› обр‹азом›, невольно обманщиком, хотя совесть моя не сознает за собой никакого обмана и намеренного уклонения от обязательств. Всё это только *несчастие*, которое давно уже меня преследует. Согласитесь сами: обязательства в «Русский вестник» я избегнуть не могу. Отказаться же от новой идеи и остаться при прежней редакции романа я не в силах совершенно. Я не мог предвидеть всего этого.

Всё это меня мучило очень Я понимал,[н] что я должен немедленно Вас уведомить.[о] Вот об этом-то я и собирался каждый день[п] написать Николаю Николаевичу и просить[р] его передать Вам всё дело. К Вам же прямо мне было писать тяжело. Вы могли мне не поверить, так как не знаете меня лично. В этом[с] случае[т] я не имел бы и не имею никакой возможности оправдать себя перед Вами точными доказательствами.[у]

Роман мой во всяком случае будет доставлен в «Зарю» в будущем году; но только в конце будущего года. С «Русским вестником» я раньше как к весне не кончу[ф] (принимая в расчет все вероятные задержки, например, болезнь),[х] переезд в Россию и проч.), да и объем работы[ц] в новом плане у меня наверно

к *Далее было*: последовали с месяц назад

л *Было*: редакцию романа

м *Далее было начато*: *а*. Всё это случилось дней 10 назад после долгой *б*. Положение мое было отчаянное *в*. Так я решился

н *Было*: чувствовал

о *Вместо*: Я понимал ∾ уведомить. — *было*: Всю эту последнюю неделю я каждый день думал приняться за это, чтоб было еще Вам время запастись материалом к началу будущего года взамен обещанного мною романа.

п *Вместо*: каждый день — *было*: всю последнюю неделю

р *Было начато*: с пр‹осьбой›

с *Вместо*: В этом — *было начато*: Но в ‹этом›

т *Далее было*: согласитесь сами

у *Вместо*: перед Вами ∾ доказательствами. — *было*: лично перед Вами.

ф *Далее было начато*: ибо объем

х *Было*: припадки

ц *Было*: романа

вырастет до 30[ч] листов или даже несколько более.[6] Но, может быть, Вы не пожелаете ждать на мне; в этом Ваша полная воля и право, а я, разумеется, заслужил это, хотя, повторяю, при всем моем огорчении не могу себя обвинить по совести. Но в таком случае, прошу Вас, известите меня о Вашем решении, и я постараюсь возвратить Вам забранные мною у Вас 900 руб.[7] по возможности скорее. Теперь, разумеется, у меня нет ни копейки[ш] и еще очень долго не будет, а время теперь здесь, то есть в Германии, очень тяжелое, и я не знаю, что со мной станет,[щ] пока[ъ] в сост‹оянии› буду получать деньги из «Р‹усского› в‹естника›». Но впоследствии, по мере доставки романа в «Русский вестник»,[ы] конечно, можно будет мне заплатить Вам долг, и я употреблю все усилия, чтоб не заставить Вас ждать долее полугода.[ь]

Я, разумеется, буду огорчен[э] чрезвычайно таким решением, ибо в высшей степени желал содействовать трудами моими, хоть на одну каплю, успеху «Зари», направлению которой я слишком сочувствую.[8] Но и в этом уверять мне Вас не приходится опять-таки потому, что Вы лично меня не знаете. Но если Вы не захотите прервать наших литературных сношений и согласитесь[9] ‹...›[10]

[ч] *Далее было*: или до 35

[ш] *Далее было*: денег

[щ] *Было*: будет

[ъ] *Было*: до тех пор пока

[ы] *Далее было*: мне

[ь] *Вместо*: ждать ∾ полугода. — *было*: *а.* ждать на мне возврата денег (девятьсот руб.) *б.* ждать возврата этих денег

[э] *Далее было*: этим

[ю] *Далее текст письма не сохранился.*

394. С. А. ИВАНОВОЙ

17 (29) августа 1870. Дрезден

Дрезден, 17/29 августа/1870.

Дорогой друг мой Сонечка, извините, что я не тотчас отвечаю Вам (по получении Вашего письма от 3 августа;[1] коротенькое письмецо от 28-го июля тоже получил[2]). Иногда бывает столько разных хлопот, неприятностей, тягостей, что ни за что взяться сил нет, тем более за письмо. Я только сочинения мои должен писать и пишу, в каком бы ни был расположении духа, да и то иногда не выдерживаю и бросаю всё. Жизнь моя не красна. На этот раз хочу Вам кое-что объяснить в моем положении, хотя, главное, потому и не люблю я писем, что трудно в них говорить, после стольких лет разлуки, о предметах для

себя важных и быть понятым. Письма можно только писать деловые, к людям, с которыми в сердечных отношениях не состоишь.

Главное в том, что мне нужно возвратиться в Россию. Мысль эта проста, но не могу же я Вам рассказать в подробности те мучения и *невыгоды,* которые я терплю от заграничной жизни. Опускаю все нравственные (тоску по родине, необходимость русского быта мне как литератору и проч.). Но, например, одни семейные мучения чего стоят. Я ведь вижу, как хочется на родину Ане и что здесь ей невыразимо скучно. Кроме того, на родине я бы имел гораздо более средств достать для прожития денег; здесь же мы чрезмерно обеднели. Положим, жить можно, но няньки нельзя нанять. Нянька здешняя требует себе особую комнату, белье, чертово жалованье, три обеда, столько-то пива (разумеется, с иностранцев). Аня же и сама кормит и с ребенком ночей не спит. Ни развлечения, ни времени развлечь себя. А главное, здоровье ее плохо. Да к чему, впрочем, я Вам рассказываю, когда это невозможно рассказать потому, что *мелочей* таких сотня или две и в целости их тягость и ужас. Вот я, например, с каким бы наслаждением повез жену и ребенка эту осень домой, в Петербург (как и мечтал о том весной), но чтоб уехать и приехать, нужно не менее 2000 руб., то есть это без всякой уплаты долгов и проч., а только чтоб *поехать* и *приехать.* Я сейчас же вижу отсюдова, как Вы вскидываете плечи и говорите: «К чему такая сумма? Какое преувеличение?» Но ради бога отучитесь, добрый друг мой, от этой манеры судить о делах людей, не зная их в подробности. 2000 руб. необходимы, да и то всё нищенским образом устроится. Это я Вам говорю. А где я возьму такие деньги? Теперь Любу надо от груди отучить и, кроме того, ей оспу привить. Сколько для Ани возни, да еще для ослабевшей, видимо потерявшей силы. Я вижу это и чуть с ума не схожу. А если б даже и получил деньги для переезда месяца через три, то будет зима, и грудного ребенка нельзя везти в мороз тысячи верст. Стало быть, надо ждать до весны. А будут ли к весне-то деньги? Заметьте, что в настоящее время в едва-едва пробиваюсь здесь кое-как, да и то наполовину в долг.

Но довольно. Теперь о другом, хотя всё тесно связано с главным.[a]

Писал ли я Вам или нет подробно о моих затруднениях с «Русским вестником», потому что я отдал мою повесть в конце прошлого года в «Зарю», в то же время оставаясь в денежном долгу у «Русского вестника»[3] и еще за год до этого дав им слово, что работа моя им принадлежит.[4] Писал ли я Вам, как это случилось? То есть как растянулась нечаянно моя повесть и я вдруг увидал, что не успею доставить ничего в «Русский ве-

---

[a] *Вместо:* главным — *было начато:* пер‹вым›

стник» к началу года? Они мне ничего не ответили на *это*,[5] только перестали деньги присылать. В начале нынешнего года я писал к Каткову, что начну присылать роман с середины года, то есть с июня, так что если они захотят, то могут в конце года и напечатать его.[6] Ну слушайте же: работал я до изнурения, понимая, что я не в России, что если прервутся мои литературные сношения с «Р‹усским› вестником», то жить будет нечем (ибо отношения с другими журналами заочно тяжелы), и, кроме того, я *измучился* и исстрадался буквально из-за мысли, что в «Р‹усском› вестнике» меня считают подлецом, тогда как они всегда так великолепно обращались со мной. Роман, который я писал, был большой, очень оригинальный, но мысль несколько нового для меня разряда, нужно было очень много самонадеянности, чтоб с ней справиться.[7] Но я не справился и лопнул. Работа шла вяло, я чувствовал, что есть капитальный недостаток в целом, но какой именно — не мог угадать. В июле, после последнего письма моего к Вам,[8] я заболел целым рядом припадков падучей (каждую неделю). Они до того меня расстроили, что уже и думать о работе я не мог целый месяц, да и опасно было. И вот две недели назад, принявшись опять за работу, я вдруг разом увидал, в чем у меня хромало и в чем у меня ошибка, при этом сам собою, по вдохновению, представился в полной стройности новый план романа. Всё надо было изменить радикально; не думая нимало, я перечеркнул всё написанное (листов до 15 вообще говоря) и принялся вновь с 1-й страницы. Вся работа всего года уничтожена.[9] О, Сонечка! Если б Вы знали, как тяжело быть писателем, то есть выносить эту долю? Верите ли, я знаю наверно, что будь у меня обеспечено два-три года для этого романа, как у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написал бы такую вещь, о которой 100 лет спустя говорили бы! Я не хвастаюсь, спросите Вашу совесть и воспоминания Ваши обо мне: хвастун ли я? Идея так хороша, так многозначительна, что я сам перед нею преклоняюсь. А что выйдет? Заранее знаю: я буду писать роман месяцев 8 или 9, скомкаю и испорчу. Такую вещь нельзя иначе писать как два-три года. (Да и объемиста она: листов 35 будет). Детали, может, выйдут недурно, будут начерчены характеры — но начерно. Будет много невыдержек, лишних растянутостей. Бездна красот (говорю буквально) не войдет ни за что, ибо вдохновение во многом зависит от времени. Ну, а я все-таки сажусь писать! Разве не мучение[б] сознательно на себя руки подымать!

Но пока дело не в том, а дело в том, что все мои расчеты рушились. Я решительно надеялся в начале года, что, послав значительную часть романа в «Р‹усский› вестник» к 1-му августа и попросив у них[в] вперед на житье денег, получу и поправ-

---

[б] *Далее было начато*: знать
[в] *Вместо*: у них — *было*: у него

люсь. Теперь же что мне делать? Разве к 1-му сентября вышлю часть, да и то небольшую.[10] (Я хотел выслать разом много, чтоб иметь хоть основание попросить вперед.) Теперь же просить стыдно. 1-я часть (всех будет 5) будет всего в 7 листах — как тут просить? А между тем так как все расчеты теперь переменились — то буквально не знаю в настоящую минуту, чем буду жить? Ну вот, извольте работать в таком настроении.

Наконец, много неизвестности. Положим, если я очень буду не жалеть себя и пошлю 1-ю часть в сентябре (так как кое-что из написанного прежде все-таки войдет сюда и я в сентябре поспею доставить листов 7), то, во-1-х, это уже, разумеется, для напечатания в будущем году, стало быть, я опять не исполнил обещания;[г] а во-2-х, захотят ли они со мной возобновить прежние отношения? Не самбициозничают ли? Не захотят ли обидеться? Так как я должен им, то роман примут, а вперед давать не будут? Да и не то одно: я желаю прежних дружеских отношений. Не знаете ли Вы, Сонечка, чего-нибудь? То есть продолжают ли они ждать от меня работы и что именно обо мне говорят? Если знаете хоть что-нибудь, то напишите мне. Но, ради бога, сами с ними не заговаривайте обо мне и не расспрашивайте у них. Разве если Вы там с кем-нибудь коротки, то скажите, что я работаю для них, но что весь роман переделываю и что во всяком случае скоро начну[д] высылать по частям.[11] Впрочем, как знаете. Лучше[е] не говорите им; это можно только сказать в свободном, естественном разговоре, который сам собою пришел, а выпытывать я отнюдь не хочу.[ж] Выпытывая, можно повредить себе и навести их на какие-нибудь подозрительные мысли насчет меня. Да и Вам не годится совсем. А потому лучше ничего не говорите им. Через два месяца всё узнаю. Конечно, «Заря» с коленопреклонением возьмет мой роман. Но мне бы хотелось с «Р‹усским› вестником» возобновить отношения.

Ну вот, всё это меня очень волнует и мешает мне жить и работать спокойно; но есть и много другого, о котором не пишу. С войной[12] кредит почти совсем кончился повсеместно,[з] — жить труднее. Но перетащу как-нибудь. Главное бы здоровье, но его-то и нет, то есть прежнего. Насчет войны с Вами не согласен совсем. Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и неприметно ожесточается и впадает в варварство.[и] Я говорю про народы в целом.[13] Без страдания и не поймешь счастья. Идеал через страдание переходит, как золото через

г *Текст*: стало быть ∾ обещания — *вписан.*

д *Было*: ст‹ану›

е *Было*: Впрочем

ж *Далее: 4 нрзб.*

з *Далее: 1 нрзб.*

и *Далее было*: Идеал

огонь. Царство небесное усилием достается.[14] Франция слишком очерствела и измельчала. Временная боль ничего не значит: она ее перенесет и воскреснет к новой жизни и к новой мысли.[15] А то ведь всё была старая фраза, с одной стороны, и трусость и телесные наслаждения — с другой. Наполеонова фамилья[к] будет уже невозможна. Эта новая будущая жизнь и преобразование так важны, что страдание, хоть и тяжелое, ничего не значит. Неужели Вы не видите руки божией? Семидесятилетняя наша русская, европейская — немецкая политика должна тоже будет измениться сама собою.[л] Те же немцы нам откроют наконец, каковы они есть в самом деле. Вообще перемена для Европы будет великая всюду. Каков толчок! Сколько новой жизни повсеместно будет вызвано! Даже наука ведь падала в узком материализме, за отсутствием великодушной мысли. Что значит временное страдание! Вы пишете: «Изранят, убьют, а потом перевязывают и ухаживают».[16] Вспомните величайшие в мире слова: «Милости хочу, а не жертвы».[17] Кажется, в настоящее мгновение или на днях многое должно решиться: кто кого надул? Кто сделал стратегическую ошибку? Немцы или французы? Мне кажется, что немцы.[18] Я еще за 10 дней так думал. Но всё равно, кажется, временно немцы одолеют: у французов есть одна бездна, в которую они временно свалятся: это династический интерес,[19] которому пожертвовано отечество. А многое бы я мог Вам написать как личный наблюдатель немецких нравов, по отношению к настоящей минуте, да некогда.

С Вашим философствованием насчет выбора жизни и о браке — в высшей степени не согласен. Друг мой, как я Вас люблю и как бы желал Вам счастья! Как бы желал я увидеться с Вами поскорее! Знаете, мне кажется, жизнь Ваша теперь какая-то одинокая, трудовая, в высшей степени однообразная и затворническая. Берегитесь, друг мой. Вы не замечаете, может быть, однообразия и затворничества. Это беда! Но что в письме напишешь? В рассуждения только уйдешь, а нужно дело. Ах, кабы поскорее увидеться! Аня говорит про Вас, что в один слог можно влюбиться (то есть читая Ваши переводы).[20] В будущем письме пошлю Вам карточку Любы. Адресс всегда выставляйте. Андрей Михайлович писал только про Варвару Михайловну и ничего не писал про Верочку.[21] Вы пишете про другого опекуна в Москве.[22] Что же он делает такое? Помните ли, я Вам писал о *записке*, которую мне доставил Андрей Михайлович зимою[23] о том, в каком виде он принял дела тетки после покойного папаши?[24] Любопытная в высшей степени вещь. Он никогда, впрочем, не затрагивал высокую честность покойного Вашего отца. Но на ошибки его указал. Впрочем, когда и кто мог бы проверить: были ли ошибки? Но знайте одно, что после тетки

к *Далее было*: навеки

л *Далее было*: Стало ‹быть?›

вряд ли и *30* со *ста* получат ее наследники по завещанию. Не говорите об этих моих откровенностях; не хочу я ни с кем ссориться заочно; довольно и личных недоброжелателей.[м] Да и вообще, не давайте читать мое письмо другим. Я ведь только с Вами одной откровенничаю.

Всем поклон. Напомните об мне всем. Вас целую крепко, и знайте, что нет у Вас доброжелателя и друга крепче меня. Мне счастье уже одно то, что я пишу это Вам. Пишите, не забывайте, а я сажусь за каторжную работу.[25]

Ваш всей душой и сердцем Ф. Достоевский.

О петербургских мучается душа. Ничего-то я им не высылаю.[26] Раньше начала будущего года и не вышлю, а они в нищете. Это у меня на совести лежит; я обещался им их поддерживать; особенно Пашу жалко.

P. S. Вы моих дел с кредиторами не знаете, а потому и полагаете, что им невыгодно будет меня засадить. Напротив, засадят, потому что именно *это* будет им, по некоторым соображениям, выгоднее. Но писал ли я Вам или нет, что у меня есть одна надежда[н] достать тотчас же по приезде в Петербург тысяч пять, года на три.[27] Тогда бы я избежал тюрьмы. Надежда эта не лишена основания. Но надо лично, а заочно нельзя, да и испортить дело можно. Это не через литературу. Но если б теперешний роман удался, то шансов достать эти 5000 было бы больше. Всё это пусть будет между нами.

До свидания, друг мой.

Ваш Д.

[м] *Было*: вр‹агов?›
[н] *Было*: мысль

395. М. Н. КАТКОВУ

19 сентября (1 октября) 1870. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{1 октября}}{\text{19 сентября}}$ 1870.

Милостивый государь многоуважаемый Михаил Никифорович,

Я работал всё лето из всех сил и опять, оказывается, обманул Вас, то есть не прислал до сих пор ничего. Но мне всё не удавалось. У меня до 15 печатных листов было написано, но я два раза переменял план (не мысль, а план) и два раза садился за перекройку и переделку сначала. Но теперь всё установилось.[1] Для меня этот роман слишком многое составляет.

Он будет в 30 листов и в трех больших частях. Через 2 недели по получении этого письма редакция «Русского вестника»

получит два первые эпизода 1-й части, то есть половину ее,[2] а к 15 ноября и всю 1-ю часть (от 10 до 12 листов).[3] Затем уже доставка не замедлит. Из написанных 15 листов наверно двенадцать войдут в новую редакцию романа. Мне самому, теперь особенно, слишком дорог успех, и я не захочу сам вредить ему, замедляя высылку. Таким образом, ранее января будущего года нельзя начать печатать.[4] Прошу Вас чрезвычайно — извинить меня за то, что я не сдержал слова и высылаю так поздно. Но не от меня зависело — уверяю Вас! Теперь же счел необходимым уведомить Вас о ходе дела и о том, что непременно доставлю работу и не манкирую ни за что на свете.

Примите, многоуважаемый Михаил Никифорович, уверение в глубочайшем моем уважении.

Покорный слуга Ваш

Федор Достоевский.

396. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

7 (19) октября 1870. Дрезден

Дрезден 7/19 октября/1870.

Имею честь при сем препроводить в многоуважаемую редакцию начало моего романа «Весы». Я слишком опоздал против обещанного мною срока;[1] приношу от всего сердца извинение; но на этот раз виноват не столько я, сколько совершенно непредвидимые внешние обстоятельства. За одно ручаюсь: остановки более не будет. Здесь, в высылаемом, заключается половина первой части. Всех частей — *три*. Каждая часть имеет четыре деления (которые обозначены у меня римскими цифрами и заголовком). Каждое деление дробится далее на главы. (Всего высылаю теперь *62* полулистка почтовой бумаги малого формата).

III и IV отделы *первой части* будут высланы мною в редакцию «Русского вестника» в ноябре нынешнего 1870 г.[2]

Если редакция определит печатать мой роман с январского номера будущего 1871 года,[3] то, повторяю, с моей стороны задержки более не будет. Отвечаю за это.

Покорнейше прошу многоуважаемую редакцию пересмотреть французские фразы в романе. Мне кажется, что нет ошибок, но я могу ошибаться.

Равно попрошу покорно сверить мой эпиграф из Пушкина с изданием Пушкина.[4] Я припоминал наизусть.

У меня в одном месте есть выражение: «Мы надевали лавровые венки на вшивые головы». Ради бога, умоляю: не вычеркивайте слово *вшивые*.[5] И вообще прошу большого снисхождения к моему роману.

С месяц назад я писал письмо в редакцию на имя Михаила Никифоровича, в котором уведомлял о романе.[6] Дошло ли оно в редакцию? Может быть, при теперешних военных хлопотах[7] *здешние* почты иногда задержат письмо несколько дней лишних.

Тоже с месяц назад отправил я в редакцию «Русского вестника» письмо на имя родственницы моей Софьи Александровны Ивановой.[8] Ответа я от нее не получил и полагаю, что письмо мое не дошло.

Вместе с этой первой посылкой романа я посылаю завтра же, особо, письмо к Михаилу Никифоровичу.[9] Уведомляю об этом здесь для точности, на случай если б задержалось как-нибудь в дороге или пропало то письмо.

Честь имею пребыть с глубочайшим уважением покорнейшим слугою редакции

Федор Достоевский.

397. М. Н. КАТКОВУ

8 (20) октября 1870. Дрезден

Дрезден 8/20 октября 1870 г.

Милостивый государь многоуважаемый Михаил Никифорович,

Я выслал сегодня в редакцию «Русского вестника» всего только первую половину первой части моего романа «Бесы». Но в очень скором времени вышлю и вторую половину первой части.[1] Всех частей будет *три*; каждая от 10 до 12 листов. Теперь замедления не будет.

Если Вы решите печатать мое сочинение с будущего года,[2] то мне кажется необходимо, чтоб я известил Вас предварительно, хотя бы в двух словах, об чем собственно будет идти дело в моем романе.

Одним из числа крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет.[3] Да если б и знал, то не стал бы копировать. Я только беру совершившийся факт. Моя фантазия может в высшей степени разниться с бывшей действительностию, и мой Петр Верховенский может нисколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству. Без сомнения, небесполезно выставить такого человека; но он один не соблазнил бы меня. По-моему, эти жалкие уродства не стоят литературы. К собственному моему удивлению, это лицо наполовину выходит у меня лицом комическим.[4] И потому, несмотря на то, что всё это происшествие занимает один из первых планов ро-

мана, оно, тем не менее, — только аксессуар и обстановка действий другого лица, которое действительно могло бы назваться главным лицом романа.

Это другое лицо (Николай Ставрогин) — тоже мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это лицо — трагическое, хотя многие наверно скажут по прочтении: «Что это такое?» Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его. По моему мнению, это и русское и типическое лицо. Мне очень, очень будет грустно, если оно у меня не удастся. Еще грустнее будет, если услышу приговор, что лицо ходульное. Я из сердца взял его. Конечно, это характер, редко являющийся во всей своей типичности, но это характер русский (известного слоя общества). Но подождите судить меня до конца романа, многоуважаемый Михаил Никифорович! Что-то говорит мне, что я с этим характером справлюсь. Не объясняю его теперь в подробности; боюсь сказать не то, что надо. Замечу одно: весь этот характер записан у меня сценами, действием, а не рассуждениями; стало быть, есть надежда, что выйдет лицо.[5]

Мне очень долго не удавалось начало романа. Я переделывал несколько раз. Правда, у меня с этим романом происходило то, чего никогда еще не было: я по неделям останавливал работу с начала и писал с конца. Но и, кроме того, боюсь, что само начало могло бы быть живее. На $5^1/_2$ печатных листах (которые высылаю) я еще едва завязал интригу. Впрочем, интрига, действие будут расширяться и развиваться неожиданно. За дальнейший интерес романа ручаюсь. Мне показалось, что так будет лучше, как теперь.

Но не все будут мрачные лица; будут и светлые. Вообще боюсь, что многое не по моим силам. В первый раз, например, хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского.[6] Это тоже Святитель, живущий на спокое в монастыре. С ним сопоставляю и свожу на время героя романа.[7] Боюсь очень; никогда не пробовал; но в этом мире я кое-что знаю.

Теперь о другом предмете.

Судите меня как хотите, Михаил Никифорович, но я до того обеднял, что, как ни совестно мне это, не могу не обратиться к Вам с просьбой! Мне совершенно нечем существовать, а у меня жена и ребенок. При слабом здоровье, она месяц тому назад откормила ребенка, а теперь, вместо того чтоб отдохнуть, не спит с ним по ночам. У нас не только няньки — и служанки нет. Это убивает душу мою; работа же иногда развлекает, а иногда и тяжела в таком положении.

Я знаю, что я Вам должен очень много. Но на этом романе я сквитаюсь с редакцией. Теперь же прошу у Вас 500 руб.[8] Я знаю, что это ужасно много; но я почти ровно столько же здесь должен. Позвольте мне надеяться на доброту Вашего

сердца. Умоляю уведомить меня поскорее; боюсь, что в Германии пропадают иногда теперь письма. Я с ума сойду от одной мысли, что письмо это пропало. Адресс мой тот же:

Saxe, Dresden.
À m-r Théodore Dostoiewsky, poste restante.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Искренно преданный Вам Федор Достоевский.

Перечел письмо и — совестно. Не осудите меня, Михаил Никифорович!

398. С. А. ИВАНОВОЙ

9 (21) октября 1870. Дрезден

Дрезден 9/21 октября 1870.

Милый друг мой Сонечка, два месяца назад, сейчас по получении Вашего письма, в котором Вы просили меня писать Вам чаще и давали адресс в редакцию «Русского вестника»,[1] я Вам писал и послал Вам тогда же большое письмо, на двух листках.[2] Но Вы мне не ответили до сих пор, несмотря на то, что сами вызывали на бо́льшую аккуратность в переписке. Слишком наклонен думать, что Вы не получили того письма вовсе: или затерялось дорогой, или залежалось в редакции, а так как там всегда много писем и так как Вы не спросили сами, то и лежит, должно быть, до сих пор, а Вы-то меня браните. Спросите, пожалуйста, в редакции, чтоб поискали: я очень боюсь, чтоб не стали пропадать письма.

Теперь я Вас только уведомляю об этом пропавшем письме и пишу наскоро два слова. Боюсь тоже, не были ли Вы больны: это уже всего хуже! Во всяком случае прошу Вас очень, известите меня о себе, а то я очень буду беспокоиться. Да и теперь слишком уж и давно уж беспокоюсь, дорогой друг Вы мой. Не может быть, наконец, чтоб и это письмо пропало.

Я только что теперь успел отослать в редакцию «Русского вестника» начало моего романа, за которым так долго сидел, и всё еще недоволен.[3] Зато за продолжение и за конец романа спокоен: по крайней мере выйдет занимательно (а занимательность я, до того дошел, что ставлю выше художественности). Насчет художественности не знаю, кажется, должно бы иметь успех. Мысль смелая и большая. То-то и есть, что всё беру темы себе не по силам. Поэт во мне перетягивает художника всегда, а это и скверно.[4] Но дело теперь не в том, а в том, что я, отправив в редакцию сравнительно немного, прошу у Михаила Никифоровича много денег вперед. И если мне не помогут, — то пропал я тогда совершенно.

Приехали ли все Ваши из деревни?[5] Где Вы живете? Адресс точнее выставляйте и в каждом письме, в конце, не забывайте выставлять адресс.

Пишите больше подробностей о Вашем житье.

Отвечайте скорее. Я стараюсь так устроить дела, чтоб к весне воротиться в Россию. Хотелось бы к тому времени половину романа напечатать.[6] Начинаю иногда хворать. Жена ужасно скучает и тем надрывает мне сердце. Каким бы исходом ни угрожали мне дела мои к весне, но я ворочусь.

Иван Григорьевич Сниткин уехал от нас из Дрездена и будет, вероятно, очень скоро в Москве.[7] Так как он каждый день с нами виделся, то можете его порасспросить об нас.

Мне Майков писал, что Паша, мой пасынок, женится.[8] Миша, мой племянник, уже женился. Каковы!

Всем кланяюсь. Мамашу и Машеньку целую. Детей тоже. Жена Вам кланяется. Девочка моя здорова.

Пишите же, Ваш весь

Федор Достоевский.

Saxe, Dresden, à M-r Théodore Dostoiewsky, *poste restante*.

399. А. Н. МАЙКОВУ

9 (21) октября 1870. Дрезден

Дрезден 9/21 октября/1870.

На письмо Ваше, дорогой и многоуважаемый Аполлон Николаевич, — письмо, которым Вы меня и обрадовали и удивили, — не отвечал до сих пор потому, что сидел за досадной работой и во что бы ни стало хотел кончить.[1] А потому не только на два, на три накопившиеся письма не ответил, но даже и не читал ничего во всё это время (кроме газет, разумеется). Работа, которую я затянул, есть только начало романа в «Русский вестник», и по крайней мере полгода еще буду писать его день и ночь, так что уж он мне заране опротивел. Есть, разумеется, в нем кое-что, что тянет меня писать его; но вообще — нет ничего в свете для меня противнее литературной работы, то есть собственно писания[а] романов и повестей — вот до чего я дошел. Что же касается до мысли романа, то ее объяснять не стоит. Хорошо рассказать в письме никак нельзя, это во-первых, а во-вторых, довольно будет с Вас наказания, если вздумаете прочитать роман, когда напечатают.[б] Так чего же два-то раза наказывать?

Пишете Вы мне много про Николая-Чудотворца. Он нас не оставит, потому что Николай-Чудотворец есть русский дух и

а *Было*: письма

б *Вместо*: почитать роман ∾ напечатают. —*было*: прочитать его.

русское единство.[2] Мы уже теперь с Вами не ребята, многоуважаемый Аполлон Николаевич, мы знаем, например, вот какой факт: то, что в случае — не то что русской беды, а просто больших русских хлопот, — самая нерусская часть России, то есть какой-нибудь либерал — петербургский чиновник или студент, и те русскими становятся, русскими себя начинают чувствовать, хотя и стыдятся признаться в том. Я вон как-то зимою прочел в «Голосе» серьезное признание в передовой статье, что «мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших».[3] Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и *не* радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастненькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и — хоть и оставался еще тогда всё еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма, проповедованного г<-->ками вроде букашки навозной Белинского и проч.,[4] — но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским. Правда, факт показал нам[в] тоже, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими[5] и проч. дело не кончилось. Но тут произошло то, о чем свидетельствует евангелист Лука: бесы сидели в человеке, и имя им было легион, и просили Его: повели нам войти в свиней, и Он позволил им. Бесы вошли в стадо свиней, и бросилось всё стадо с крутизны в море и всё потонуло. Когда же окрестные жители сбежались смотреть совершившееся, то увидели бывшего бесноватого — уже одетого и смыслящего и сидящего у ног Иисусовых, и видевшие рассказали им, как исцелился бесновавшийся.[6] Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли[г] в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которою ее окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и бога. Ну, если хотите знать, — вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы», и это описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней. Безо всякого сомнения, я напишу плохо; будучи больше поэтом, чем художником,[7] я вечно брал темы не по силам себе. И потому испорчу, это наверно. Тема слишком сильна. Но так как еще никто, из всех критиков, судивших обо мне, не отказывал мне в некотором таланте, то, вероятно, и в этом длинном романе будут места недурные. Ну вот и всё.

[в] *Было*: мне

[г] *Над текстом*: человека и вошли — *было: 1 нрзб.*

А что у вас в Петербурге, кажется, еще много *умного* народу, которые хоть и ужаснулись мерзавцев, вошедших в свиней, но всё еще мечтают о том, как хорошо было в либерально-туманные времена Белинского и что надо бы воротить тогдашнее просвещение. Ну-с, вот эту-то мысль даже можно увидать теперь в самых новообращенных националистах и проч. Старики не сдаются: Плещеевы, Павлы Анненковы, Тургеневы и целые журналы вроде «Вестника Европы» держатся этого направления. А продолжают ли на выпусках, в гимназиях, раздавать гимназисткам книги вроде полного собрания сочинений Белинского, в которых [д] тот плачет, зачем Татьяна осталась верна мужу? [8] Нет, долго еще это не искоренится, и потому, мне кажется, нам нечего бояться даже и внешних политических потрясений,[е] н‹а›прим‹ер› европейской войны за славян, хотя дело страшное: мы одни, а они-то *все*.[9] Дают теперь нам обстоятельства года два или три наверного мира — поймем ли наше положение? Приготовимся ли? Настроим ли дорог и крепостей? Заведем ли еще хоть миллион штук оружия? Станем ли твердо на окраинах,[10] и решатся ли у нас на реформу [ж] в подушном поборе и рекрутчине? [11] Вот чего надо, а прочее, то есть русский дух, единение — всё это есть и будет и [з] в такой силе, в такой целости и святости, что даже мы не в силах проникнуть во всю [и] глубину этой силы, не только иностранцы, и — моя мысль — девять десятых нашей силы именно в том состоит, что иностранцы не понимают и никогда не поймут всей глубины и силы [к] нашего единения. О, как они умны! Вот уже три года читаю усидчиво все политические газеты, то есть главное большинство. До какой степени хорошо они знают свои дела! Как предсказывают вперед! Какое умение иногда ударить в самую настоящую точку! (Какое сравнение с нашими политическими газетами с подражающею дрянью, кроме лишь разве «Моск‹овских› ведомостей».) И что же? Чуть лишь дело коснется до России, — точно горячешный человек в темноте забормочет черт знает что такое! Я думаю, звезду Сириус основательнее знают в Европе, чем Россию. Это-то вот до времени и есть наша сила. А другая сила была бы наша собственная вера в свою личность, в святость своего назначения. Всё назначение России заключается в православии, в *свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Всё несчастие Европы, всё, всё безо всяких исключений произошло оттого, что с Римскою церковью потеряли Христа, а потом ре-

---

[д] *Вместо*: в которых — *было*: где
[е] *Далее было*: хотя
[ж] *Вместо*: и решатся ли у нас на реформу — *было*: и решится ли царь-освободитель
[з] *Вместо*: единение — всё это есть и будет и — *было: 1 нрзб.*
[и] *Было*: это
[к] *Вместо*: силы — *было*: святости

шили, что и без Христа обойдутся. Ну, представьте же Вы себе теперь, дорогой мой, что даже в таких высоких русских людях, как, например, автор «России и Европы», — я не встретил этой мысли о России, то есть об исключительно-православном назначении ее для человечества.[12] А коли так — то действительно еще рано спрашивать от нас самостоятельности.

Но слишком ушел в лес, а между тем уже четвертая страница. Живу кое-как, стараюсь работать, везде опоздал, везде манкировал обещаниями — и оттого страдаю. Тоскует и Анна Григорьевна, так что и не знаю, что делать. Весной надо бы воротиться, — да всё денег нет, то есть не на уплату долгов, а только на то, чтоб воротиться. Здесь знакомств имею мало, а русских в Дрездене такая куча, как англичан. Всё дрянь народ, то есть вообще говоря... И боже мой, какая есть дрянь! И для чего они скитаются?

Девочка моя здорова, выкормлена, отучена от груди, начинает сильно понимать и даже говорить, — но очень нервный ребенок, так что боюсь, хотя здорова. Что это Вы, многоуважаемый друг, пишете о Паше, о таком факте, как его женитьба, и сообщаете так мало подробностей.[13] Ради Христа, сообщите, если знаете сами. Я от Паши никакого уведомления не получал. А ведь он мне дорог. Разумеется, было бы очень смешно, с моей стороны, отсюдова, после 3-х лет разлуки, претендовать на влияние над его решениями. Но все-таки грустно. Есть у меня племянник Миша, тот женился еще раньше Паши, но тот мальчик очень умный и с характером. А Паша — это дело другое, то есть насчет характера и хоть какой-нибудь выдержки.

Если напишете мне что-нибудь, то очень, очень меня одолжите.[14] Жена Вам кланяется. Люба целует. До свидания, будьте здоровы и благополучны.

Ваш весь Федор Достоевский.

На конверте:

Russie. St.-Pétersbourg.*
Его превосходительству
Аполлону Николаевичу Майкову.
С.-Петербург.
По Большой Садовой против Юсупова сада
дом Шеффера.

---

* Россия. С.-Петербург (*франц.*).

400. Н. Н. СТРАХОВУ

9 (21) октября 1870. Дрезден

Дрезден 9/21 октября/1870 г.

Вот уже три недели, как получил Ваше письмо, многоуважаемый Николай Николаевич, и до сих пор еще не отвечал на него и уверен, что Вы бог знает что теперь обо мне думаете. А между тем мне Ваше письмо было дорого: без нежностей говоря, я весьма обрадовался тому, что Вы вновь пожелали завязать сношения письменные. Никогда еще я так не ценил людей, как теперь в моем скверном уединении. Надежда возвратиться осенью в Петербург — мне не удалась: средств недостало;[а] пришлось опять отложить до весны[1] и мучительно проскучать в Дрездене еще зиму.

Не ответил я Вам до сих пор потому, что буквально сидел, не разгибая шеи, за романом в «Р‹усский› вестник».[2] До того не удавалось, до того много раз пришлось переделывать, что я наконец дал себе слово не только не читать и не писать, но даже и не глядеть по сторонам, прежде чем кончу то, что задал себе. И это ведь еще только самое первое начало. Правда, романа много написано из середины и много забракованного (разумеется, не целиком). Но тем не менее я все-таки сижу еще на начале. Признак дурной, и, однако, хочется сделать что-нибудь получше. Говорят, что тон[б] и манера рассказа должны у художника зарождаться сами собою. Это правда, но иногда в них сбиваешься и их ищешь. Одним словом, никогда никакая вещь не стоила мне большого труда. Вначале, то есть еще в конце прошлого года, — я смотрел на эту вещь как на вымученную, как на сочиненную, смотрел свысока. Потом посетило меня вдохновение настоящее — и вдруг полюбил вещь, схватился за нее обеими руками, — давай черкать написанное. Потом летом опять перемена:[в] выступило еще новое лицо,[3] с претензией на настоящего *героя романа,* так что прежний герой (лицо любопытное, но действительно не стоящее имени героя) стал на второй план.[4] Новый герой до того пленил меня, что я опять принялся за переделку. И вот теперь, как уже отправил в редакцию «Р‹усского› вестника» начало начала, — я вдруг испугался: боюсь, что не по силам взял тему. Но серьезно боюсь, мучительно! А между тем я ведь ввел героя не с бух-да-барах. Я предварительно *записал* всю его роль в программе романа (у меня программа в несколько печатных листов), и вся записалась одними сценами, то есть действием, а не рассуждениями. И потому думаю, что выйдет лицо и даже, может быть,

---

а *Было начато*: недостато‹чно›

б *Далее было начато*: тот

в *Было*: революция

новое; надеюсь, но боюсь. Пора же наконец написать что-нибудь и серьезное. А может быть, и лопну. Что бы там ни было, а надо писать, потому что с этими переделками я ужасно много времени потерял и ужасно мало написал.

Но о деле: Вы не можете себе представить, многоуважаемый Николай Николаевич, как мне тяжело было изменить моему обещанию «Заре».[5] Но я до того доведен, что еще немного, и я с ума сойду! Не мог я предвидеть таких остановок и переворотов в моей работе.

Но если я не кончу предварительно одного, то я ничего не сделаю и в другом. Моя *вещь* в «Зарю» будет в будущем году, но — в конце года, а в антракте я возвращусь в Петербург. Что же касается до повести, то не знаю, в состоянии ли буду выполнить даже и это обещание. Два месяца назад (давая это обещание) — я был в другом положении.[6] Одно скажу: все мои симпатии и пожелания обращены к «Заре», и если я, с своей стороны, хоть одной каплей могу послужить «Заре», то сочту себя счастливым. Подождите на мне — и тогда произносите обо мне окончательное суждение. А теперь пока пощадите.

Я Ваше письмо прочел с большим удовольствием. Мне в нем понравилась особенно некоторая перемена Вашего собственного взгляда на Ваши труды.[7] Говорю Вам и предрекаю, что Вы непременно *должны* найти горячих приверженцев и немало. Уж одно то, что Вы проповедуете истину! Я с большим нетерпением жду целого ряда Ваших статей за нынешний сезон. Так или этак, а истина должна восторжествовать. Вы пишете о криках: да ведь тем лучше.[8] А об «Вестнике Европы» и об успехе его и говорить нечего, как то, что это журнал петербургских чиновников и всем по плечу (в пошлом, а не в популярном смысле этого выражения). Он *не мог не иметь успеха* и продержится еще очень долго — несколько лет. Но Вы победите.[9] Одно бы пожелать надо «Заре»: этой бюрократической аккуратности «В‹естника› Европы». (NB. Заметили ли Вы, однако, что все лучшие журналы, бывшие в России, не отличались аккуратностию? Но лучше бы этому не подражать.) В последней книжке «Зари» я прочел только Вашу статью о Полонском.[10] Остальное лишь переглядел — времени не было, но, кажется, книжка превосходно составлена. Все статьи читаются и именно соответствуют интересу минуты.[11] Анна Григорьевна говорила мне, что роман Авсеенко хорош.[12] Дай бог, прочту непременно. Статья о Полонском мне понравилась очень. Бесспорно важная тема о том: в чем заключается истинная поэзия? Но еще бы, мне кажется, лучше было, если б Вы распространились при этом и о том, — что именно составляет фальшивую, напускную поэзию.[13] Клянусь Вам, Николай Николаевич, что публика теперешняя уже далеко не та, чем во времена нашей юности. Теперешней уже многое надо вновь растолковывать. Ах, Николай Николаевич — будьте позлее! Много этим пользы принесете и другим и себе.

Впрочем, чего же я Вас учу! Но Вы мне дороги. Я недаром Вашу статью разрезываю первую, и день получения книжки с Вашей статьей для меня праздник.

Как Ваше здоровье? Не могу похвалиться здоровьем, — вот что скверно. Теперь для меня наступает зима усиленной работы день и ночь. Хочу одолеть к весне всё. Это единственная возможная манера работать, то есть без отдыха,[г] иначе надорвешься и не кончишь. Живу я скучно и слишком регулярно. Каждодневно делаю прогулку и прочитываю по нескольку газет, между прочим, и две русские.[14] По-моему, все эти потрясающие современные события будут иметь непосредственное и скорое влияние и на нашу русскую жизнь, а стало быть, и на литературу.[15] Во всяком случае[д] времена необыкновенные. Не думаю, чтоб литература проиграла в своем влиянии и значении. Напротив, во всяком случае выиграет, но, читая, например, газеты русские, так и чувствуешь, до какой степени это скороспело и без собственной мысли. (Кроме «Москов<ских> ведомостей», разумеется.)

Не ответите ли Вы мне как-нибудь, дорогой Николай Николаевич. Вот осчастливите. А я уж обещаюсь быть аккуратным.

Вам искренно преданный

Ваш Федор Достоевский.

г *Далее было*: то есть

д *Вместо*: Во всяком случае — *было начато*: Вооб<ще>

401. Н. Н. СТРАХОВУ

2 (14) декабря 1870. Дрезден

Дрезден 2/14 декабря 1870.

Простите и Вы меня, многоуважаемый Николай Николаевич, что не сию минуту отвечаю на письмо Ваше. Все мои заботы не по силам. Вы пишете мне об обещанной в «Зарю» статье,[1] о романе.[2] Я давно уже, с боязнию, ждал Вашего вопроса и — что могу ответить? Теперь, в настоящую минуту, я почти совсем себя придавил. Обязательство в «Русский вестник» было моим *долгом*, говоря буквально, то есть я остался туда должен значительную сумму. Меня не беспокоили,[а] обращались со мной деликатнейшим и благороднейшим образом. Говоря с полною точностию, повесть (роман, пожалуй), задуманный мною в «Р<усский> вестник», начался еще мною в конце прошлого (69-го) года.[3] Я надеялся окончить[б] его даже к июлю месяцу, хотя бы он разросся свыше[в] 15 листов.

а *Было начато*: о<беспопли>

б *Было*: вполне окончить

в *Было*: даже свыше

Я вполне был уверен, что поспею в «Зарю». И что же? Весь год я только рвал и переиначивал. Я исписал такие груды бумаги, что потерял даже систему для справок с записанным. Не менее 10 раз я изменял весь план и писал всю первую часть снова.[4] Два-три месяца назад я был в отчаянии. Наконец всё создалось разом и уже не может быть изменено, но будет 30 или 35 листов. Если б было время теперь написать не торопясь (не к срокам), то, может быть, и вышло бы что-нибудь хорошее. Но уж наверно выйдет удлинение одних частей *перед* другими и растянутость! Написано мною до 10 листов всего, 5 отослано, 5 отсылаю через две недели[5] и затем буду работать каждый день как вол, до тех пор как кончу. Вот мое положение; что же могу я в эту минуту отвечать Вам утвердительно?

Верьте, что всё, что написал я Вам, — честная правда, до последнего слова.

Не мог же я знать вперед, что целый год промучаюсь над планом романа (именно промучаюсь).

Наконец, если б я, чтобы сдержать мое летнее обещание «Заре»,[6] бросил роман и принялся за другой в «Зарю», то, согласитесь сами, было ли бы возможно физически писать его? Я не мог бы никак бросить теперешнюю работу, именно потому, что она так болезненно досталась мне. Я к Вам обращаюсь, к Вашему тонкому пониманию участи писателя: решите сами, возможно ли это?

Итак, буду писать, — но будущего не знаю. Одно знаю: вторая половина романа достанется мне неимоверно легче, чем первая. Если кончу (что, впрочем, наверно) летом, то к концу года[г] помещу в «Заре» или повесть, или начало романа (то есть такое начало романа, которое, само по себе, есть отдельный роман).[7] Вы просите заглавие?[8] Не могу дать. Вот в чем дело: повестей задуманных и хорошо записанных у меня есть до шести. Каждая такого свойства, что я с жаром присел бы за нее. Но если б я был свободен, то есть если б не нуждался поминутно в деньгах, то ни одну бы не написал из всех шести,[д] [9] а сел бы прямо за мой будущий роман.[10] Этот будущий роман уже более трех лет как мучит меня, но я за него не сажусь, ибо хочется писать его не на срок, а так, как пишут Толстые, Тургеневы и Гончаровы.[11] Пусть хоть одна вещь у меня свободно и не на срок напишется. Этот роман я считаю моим последним словом в литературной карьере моей. Писать его буду во всяком случае несколько лет. Название его: «*Житие великого грешника*». Он дробится *естественно* на целый ряд повестей. Но не знаю, смогу ли начать его в этом году, если даже к июлю кончу в «Р‹усский› вестник».[12] Итак, всё во времени. Заглавия теперь дать не могу. Сговоримся же обо всем *лично* или в конце

[г] *Далее было*: наверно ‹?›
[д] *Вместо*: всех шести — *было*: них

апреля, или в мае будущего года.[13] (Я был бы и осенью в Петербурге, если б не запоздал с романом, а стало быть, и с деньгами. Теперь же, в декабре, возможности нет перевезти ребенка, а потому и сижу здесь до весны). Чтоб окончить в настоящую минуту, скажу Вам, что редакция во всяком случае может обещать меня (без заглавия), и я, что бы ни случилось, слово сдержу.[14] (NB. Хотя, признаюсь, работа дорого достается, начинаются сильные приливы крови к голове; боюсь, не доканать бы себя. Но меня роман в «Р‹усский› вестник» измучил за год.)

Вы пишете насчет Писемского и Клюшникова.[15] Но ведь Писемский, во всяком случае, напишет любопытно.[16] Вы говорите, что их имена не привлекут. Сделайте так: напишите, что в будущем году *непременно* явятся у вас следующие, — и затем выставьте[е] все имена, то есть Толстого, Кохановскую, Писемского, Клюшникова, Чаева, меня и проч. и проч., — и поверьте, что выйдет[ж] по крайней мере прилично.[17] Ну какой же журнал может обещать больше этого по беллетристике?

В будущем году направление «Зари» могло бы обратить на себя внимание, вследствие клонящихся к тому политических обстоятельств в Европе.[18] Во всяком случае, все будущие ближайшие[з] годы, как кажется, не обойдутся без начала разрешения Восточно-славянского вопроса.[19] Если б даже и не состоялась подписка на будущий год вполне удовлетворительная, то журналу как «Заря», то есть с таким направлением, — нельзя унывать. Будущность несомненно его возвысит, и даже близкая. Будущность принадлежит этому направлению,[и] а нигилисты исчезнут яко прах. Дело, стало быть, в исполнении задачи.

Вы спрашиваете моего мнения о последних книжках.[20] На лету не скажешь, а если б увидеться, то, кажется, долго и много бы говорил. И как хочется высказать. Для меня «Заря» — вещь родная. Она, почти одна из журналов, стоит за те мнения, которые я ценю теперь выше моей жизни и которым, по убеждению моему, принадлежит будущность. Насчет же теперешнего исполнения, то (исключая Ваших статей, которыми упиваюсь) — оно не совсем, по-моему, удовлетворительно. Но всё это — длинная тема. Вот Вам одна крошечная заметочка: по-моему, нельзя бы помещать[к] в одном номере две такие статьи, как об Америке Огородникова и о «Грамотности и народности» Константинова, — они обратно противуположны по направлению.[21] Огородникову Американец плюнул в глаза, а он пишет: это мне понравилось.[22] Из русского ему нравится, и он с почтением гово-

---

е *Было*: выпиши‹те›

ж *Далее было*: если не очень красноречиво ‹?›

з ближайшие *вписано.*

и Будущность ∾ направлению *вписано. К этому тексту примеч. Достоевского*: «Этого только Ваш *прозорливый* Тургенев не видит. Не соглашусь с Вами в его прозорливости».

к *Вместо*: помещать — *было начато*: ст‹авить›

рит лишь о студенте Я., явившемся в глубь Америки, чтоб узнать на опыте, каково работать американскому работнику (!).[л] [23] И вдруг в том же номере статья Константинова.

Но, впрочем, всё это я напрасно пишу.

Мне не нравится в Ваших статьях лишь то, что Вы их редко помещаете. Ну, возможно ли было манкировать Вам в ноябрьскую книгу, голубчик Николай Николаевич, то есть в самую подписную книгу из всех! (Замечу, что в ноябрьской книге, так или этак, но все статьи чрезвычайно занимательны.[24] Если б к тому же и Ваша — то вышло бы вдвое занимательнее.)

К статье о Карамзине (Вашей) я пристрастен, ибо такова почти была и моя юность и я возрос на Карамзине.[25] Я ее с чувством читал. Но мне понравился и тон. Мне кажется, Вы *в первый раз* так резко[м] высказываете то, о чем все молчали. Резкость-то мне и нравится.[26] Именно смелости, именно усиленного самоуважения надо больше.[н] Нисколько не удивляюсь, что эта статья Вам доставила даже врагов.[27]

«Король Лир» Тургенева мне *совсем* не понравился. Напыщенная и пустая вещь. Тон низок.[28] О, выписавшиеся помещики! Ей-богу, не из зависти говорю.

Вы говорите, что интересная для Вас минута пришла.[29] Но теперь именно такое время настает, что чем дальше, тем интереснее для нашего направления.

Все-то меня не то что забыли, а вроде того, что забросили. Здоров ли А‹поллон› Николаев‹ич› Майков?[о]

Здесь очень много столпилось русских. На этой неделе все собрались (собственной инициативой) и послали адресс канцлеру по поводу 19 октября. Адресс написал им я.[30]

До свидания, многоуважаемый Николай Николаевич, не забывайте меня и верьте моим искренним чувствам к Вам. Неужели мы скоро свидимся? Как хочется в Россию. Анна Григорьевна больна по России. До свидания, дорогой Николай Николаевич.

Ваш Федор Достоевский.

P. S. Анна Григорьевна Вам кланяется.

[л] *Далее было начато*: Од‹ин?›
[м] *Вместо*: так резко — *было начато*: ре‹зко›
[н] *Далее было*: Эта
[о] *Далее было начато*: Если ув‹идите›

402. А. Н. МАЙКОВУ

15 (27) декабря 1870. Дрезден

Дрезден 15/27 декабря/1870.

Давно не писали мы друг другу, дорогой и любезнейший Аполлон Николаевич. Не знаю, не сердитесь ли Вы за что-нибудь на меня? Кажется, за что бы? Вернее же всего, что виновато долгое мое отсутствие. Между тем (так как скоро наступит время, что и я расплюнусь с заграницей и возвращусь *домой*) вспоминается и мечтается сильно о прежних друзьях и товарищах. Как-то встретимся, что-то перескажем друг другу и какими друг другу покажемся? Одним словом, предчувствую наступление нового периода жизни и — волнуюсь. Анна Григорьевна даже больна тоской по родине. Но увы, никаким образом не смог устроить возвращения осенью. Приеду к 1-му мая 1871, и — что бы там *ни было*! [1] Разумеется, не без надежд устроить дела, хоть наполовину. Но всё это еще в будущем. Одно несомненно — что срока возвращения не переменю.

Живу я теперь ужасно. Если б не работа денная и нощная, то очумел бы с тоски. Здоровье по-прежнему. Одно мучает: прихварывает Анна Григорьевна. Дочка здорова и весела. Работу навалил на себя почти сверх сил. Задумав огромный роман (с направлением — дикое для меня дело), полагал сначала, что слажу легко. И что же? Переменил чуть не десять редакций и увидал, что тема oblige,* а поэтому ужасно стал к роману моему мнителен. Еле-еле окончил первую часть (большую, в 10 листов, а всех частей 4) и отослал.[2] Думаю, что сильно неказиста и неэффектна. С первой части даже и угадать нельзя будет читателю, куда я клоню и во что обратится действие. В «Р‹усском› вестнике» отозвались благосклонно.[3] Название романа «Бесы» (всё те же «бесы», о которых писал Вам как-то) с эпиграфом из Евангелия.[4] Хочу высказаться вполне открыто и не заигрывая с молодым поколением. А впрочем, в письме ничего не расскажешь.

Жаль, что я не сдержал слова в «Зарю».[5] Если поступят со мною гуманно и не обругают подлецом, то заслужу «Заре» в свое время. Невозможно рассчитать всё по нитке вперед. Знал [а] ли я, что в целый год и 10-ти листов не напишу? Оторваться от «Русского вестника» до срока не могу. Да и, начав одно, нельзя перейти к другому.

Аполлон Николаевич, я к Вам с величайшею просьбою, но не подумайте, что из-за нужды только стал писать к Вам. Просьба моя огромная; не имею никого, кому бы мог довериться в этом деле.[6] А оно так для меня важно, что в нем, при изве-

---

а *Было*: Кто знал

б *Вместо*: довериться ∾ деле — *было начато*: поручить это

* обязывает (*франц*.).

Дрезден 15/27 декабря/1870

Давно не писали мы друг другу, дорогой и любезнейший Аполлон Николаевич. Не знаю, не сердитесь ли Вы за что-нибудь на меня? Кажется, за что бы? Вернее всего, что виновато долгое мое отсутствие между тем, (так как скоро наступит время, что и я распрощусь с заграницей и возвращусь домой) вспоминается и мечтается лишь о прежних друзьях и товарищах. Как-то встретимся, что-то порасскажем друг другу и как-то друг друга поймем? Одним словом, предчувствую наступление нового периода жизни и — волнуюсь. Анна Григорьевна тоже больна тоской по родине. Но увы, никоим образом не смогу устроить возвращения осенью. Приеду к 1-му Мая 1871 г. — чтоб там ни было! Разумеется не без надежды устроить дела хоть на половину. Но вилами еще в будущем. Одно несомненно — что срока возвращения не переступлю... Живу я теперь уныло. Если б не работа денная и нощная, то с ума сошел бы с тоски. Здоровье по-прежнему. Одно мучение: прихварывает Анна Григорьевна. Дочка здорова и весела. — Работу навалил на себя почти сверх сил. Задумав огромный роман (с направлением — дико для меня это) полагал сначала, что сладить легко. Ничуть? Критика чуть не деспотия редакций и увидал что тема obligé, а потому усиленно стал к роману моему внимателен. Еле-еле окончил первую часть (большую в 10 листов, а всех частей 4) и отослал. Думаю что слабо, нехудожественно и не- эффектна. С первой части даже и угадать нельзя будет читателю ‡ куда я клоню и во что

Первая страница письма Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15 (27) декабря 1870 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

стном обороте, может заключаться в близком будущем или беда для меня, или разрешение большей части моих затруднений.

Стелловский объявил об издании моих сочинений и «Преступления и наказания». Объявление прочел в «Голосе» (кажется, от 11-го декабря). Не сказано, какое это издание, старое или новое и в формате ли его Собрания сочинений русских авторов (то есть в 2 столбца и в 8-ю долю).[6] Но, вероятно, старое и, вероятно, в 8-ю долю. Иначе он, в силу контракта, заплатил бы мне 3000 руб. неустойки, и потому не станет он делать нового. *Но важно для меня то, что издано им «Преступление и наказание», за которое он должен мне немедленно заплатить, в силу контракта*, и под страхом неустойки в 3000 руб. Уплата, по пункту контракта, определена таким образом: он должен заплатить за каждый лист «Преступления и наказания» (напечатанного *не иначе* как в его формате Сочинений р‹усскнх› авторов, то есть 8-я доля и в 2 столбца) — ровно столько, во сколько обошелся каждый лист напечатанного им в 1866-м году (в его формате) издания моих сочинений. Проверить поэтому слишком легко: стоит сосчитать число листов прежнего издания (в его формате, за исключением «Преступления и наказания», которое *только теперь* появилось) и разделить 3000 руб. (цену, которую я тогда с него получил)[в] на это число листов. Таким образом определится плата за лист. Затем, помножив эту плату на число листов «Преступления и наказания» (в его формате), получим всю сумму,[г] которую мне приходится получить теперь с него. Сумма эта будет, кажется, около 900 руб. Помнится, я Вам писал об этом когда-то, да и Стелловский, кажется, так Вам говорил.[7]

Повторяю: Стелловский не имеет никакой причины и никакой возможности отказаться от *немедленной* уплаты по первому востребованию. Иначе платит мне неустойку в 3000 руб. А потому никак не посмеет отказаться.

Теперь:

просьба моя к Вам в том: не согласитесь ли Вы (ради Христа) потребовать с него уплату и получить сумму? Если согласитесь, то дело, по формальному порядку, должно произойти таким образом: получив Ваше согласие, я немедленно высылаю Вам отсюда бесспорную и совершенно законную доверенность на получение этих денег, по пункту контракта.[8] Доверенность будет засвидетельствована в нашем здешнем посольстве (я знаю, что такого роду доверенности совершенно законны и бесспорны). При этом высылаю Вам *подлинную копию* с контракта моего с Стелловским в 1865 году;[9] и наконец, мое письмо отсюда к Стелловскому (незапечатанное).

Письмо это будет следующего содержания.

М. Г. Вы объявили о Вашем издании моего романа «Пре-

[в] *Далее было*: и выйд‹ет›

[г] *Вместо*: получим ∾ сумму — *было начато*: получится вся сумма

ступление и наказание»,[д] о чем я известился из объявлений Ваших в газетах.[10] По такому-то пункту контракта, совершенного нами обоюдно (там-то и там-то), Вы должны немедленно уплатить мне[е] причитающуюся мне плату. А по такому-то пункту контракта, в случае неуплаты, подвергаетесь законной неустойке в мою пользу в 3000 руб. Находясь в[ж] настоящее время в Дрездене, я выслал д‹ействительному› с‹татскому› с‹оветнику› Ап‹оллону› Н‹иколаеви›чу Майкову законную и бесспорную доверенность на получение следуемых мне от Вас денег за напечатанный роман, засвидетельствованную, по закону, русским посольством. Сверх того выслал ему же подлинную копию с контракта, совершенного нами обоюдно в 1865 году. Вследствие чего и прошу Вас, немедленно по получении письма сего, произвести Ап‹оллону› Николаевичу Майкову сию уплату в конторе частного маклера Барулина, в которой совершен нами обоюдно вышеупомянутый контракт. По предъявлении Вам в сей конторе Ап‹оллоном› Никол‹аевиче›м доверенности и по уплате денег прошу Вас на подлинном и на копии контракта расписаться в уплате денег и получить на подлинном и на копии с контракта расписку с Ап‹оллона› Николаевича в получении им сих денег. Затем уплата и получение имеет быть засвидетельствована частным маклером Барулиным. Всё это по примеру и образу того, как получена была мною в 1865 году Ваша уплата 3000 руб. за издание моих сочинений.[з] Расчет же суммы, следуемой мне в уплату за напечатанный Вами роман мой «Преступление и наказание», доверяю сделать Ап‹оллону› Ник‹олаеви›чу Майкову, по соглашению с Вами и в силу такого-то пункта контракта.[и] [11]

Вот смысл письма; напишу же я его более юридически.[12]

Теперь:

по получении от меня доверенности, копии и письма Вам осталось бы[к] только следующее: написать Стелловскому четыре строки и послать их ему вместе с письмом моим к нему. Вы его просто уведомите, что, имея от меня доверенность мою, как усмотрит он из прилагаемого моего письма к нему, Вы просите его назначить Вам, по возможности *немедленно*: когда угодно ему будет произвести Вам уплату в том виде, как усмотрит он из прилагаемого мною к нему письма?

Вот и всё. Вся моя просьба к Вам! Угодно ли Вам бесконечно одолжить меня, Аполлон Николаевич?[13] Это *последнее*

[д] *Далее было*: в форма‹те›

[е] *Далее было*: по такому-то пункту контракта

[ж] *Было*: в Дрездене

[з] *Далее было начато*: Впрочем, если Вам угодно будет заплатить Ап‹оллону› Ник‹олаеви›чу следуемую мне сумму за «Преступление и наказание»

[и] *Далее было начато*: Впрочем, в случае если Вы пожелаете заплатить немедленно и просто Ап‹оллону› Ник‹олаеви›чу Майкову всю следуемую сумму без засвидетельствования маклера на копии или на подлиннике

[к] *Вместо*: осталось бы — *было*: остается

одолжение, о котором прошу Вас. Более уже не буду беспокоить моими просьбами.[л]

Выслушайте теперь, Аполлон Николаевич, почему это всё для меня так важно.

Само собою разумеется, что важно для меня и самое получение, в настоящую минуту, всей этой значительной для меня суммы. Тем более, что ни под каким видом Стелловский не может отказаться от уплаты, ибо знает, что заплатит неустойку в 3000, по совершенно точному и ясному пункту контракта. Я потому и прошу Вас так настоятельно и убедительно, что никакой задержки и никаких, чуть-чуть лишь значительных хлопот не предвижу; ибо он никаким образом не посмеет отказаться, зная, чему подвергается.

Но, кроме получения денег, для меня важно и будущее. А во всем этом деле очень и очень может заключаться нечто,[м] могущее повлиять на мое будущее. Именно: Стелловский шельма. Скупив в 1865 году векселя мои (за брата) Демису и мой вексель Гаврилову, он принудил меня тогда сделать с ним этот позорный контракт продажи моих сочинений требованием немедленной уплаты или тюрьмы. Так точно может он поступить и теперь по моем возвращении. Скупив с выгодою, то есть за бесценок, некоторые мои векселя, он может опять лет на семь сделаться собственником моих бывших и будущих сочинений, принудив меня, по возвращении моем, к какому-нибудь контракту, подобному контракту 1865 года. Я даже имею основание это предполагать; раз уже ему удалось, почему же ему в другой не попробовать? Теперь рассудите: если бы он, *под каким бы то ни было предлогом*, не заплатил Вам теперь этих денег за «Преступление и наказание» (хотя бы, например, объявил Вам, что у него на меня вексель, что будет совершенно незаконно, ибо вексель векселем, а уплату он все-таки произведи), — то я, в будущем, имею против него щит, а именно — требование 3000 руб. неустойки, потому что он, по смыслу контракта, ни под каким видом не имеет права уклониться от законного требования уплаты *в ту же минуту*, как ее потребуют.

И потому просил бы Вас очень:

Если он от уплаты уклонится, замедлит ответом или предъявит Вам какую-нибудь причину, то чудесно было бы, если б при этом находился еще кто-нибудь свидетелем. Всего лучше и удобнее, по-моему, поступить бы так:

Когда Вы, в первый раз, пошлете ему записку Вашу при моем к нему письме, то прибавьте в записке, что ждете ответа по возможности не далее как в трехдневный срок. Если он Вам ничего не ответит или ответит (что бы там ни было, это всё равно), но не письменно, а лично, то вот тут бы не худо свидетеля. Для

л *Далее было начато*: Получив же

м *Было начато*: случай

этого сделать так: если он уклонится от ответа в трехдневный срок, то послать к нему еще четыре строчки, но не по почте, а с кем-нибудь (можно бы даже взять какого-нибудь ходатая по делам, если будет стоить недорого; я заплачу) и *добиться* от него ответа (какого бы там ни было), только ответа при свидетеле. Таким образом я буду иметь факт и свидетелей факта, что Стелловский по предъявленному от моего имени законному требованию с него, в силу контракта, денег — их не заплатил. С меня довольно. Он заплатит мне тогда непременно 3000.

Итак, я прошу Вас, многоуважаемый друг мой, всего только добиться от него какого-нибудь ответа и чтоб об ответе этом знало и еще какое-нибудь третье лицо, то есть Ваш посланный. Вот и всё. Хлопотать же о непременном получении денег в случае, если б он стал вилять и отлынивать, — совершенно *не надо*. С меня довольно будет того, что он, под каким бы там ни было предлогом, не заплатил.

Но повторяю еще раз: предположение, что он не заплатит Вам по первому Вашему требованию и станет вилять, — почти невозможно. Он слишком тертый калач и знает, чему он подвергается. Знает тоже, что я его не пощажу и неустойку с него возьму. И потому не посмеет он Вам не уплатить и не ответить тотчас же на Ваше письмо. А так (как — *Ред.*) Вы, кроме доверенности от меня, будете иметь в руках еще подлинную копию с нашего контракта 1865 и дело будет происходить в конторе маклера, то он уже никак не посмеет заподозрить неправильность выданной Вам мною доверенности или что-нибудь в этом роде. Дело будет вестись слишком серьезно, ясно и на открытую. И опять повторяю: *если* он не захочет уплатить, то добиваться уплаты *не надо*. Я Вас не посмею обременить такою просьбой. Всего только послать ему четыре строки с извещением и получить ответ.

NB.) [н] Уплата в конторе Барулина (где-то на Невском) делается лишь для его полнейшего удостоверения. Но если он захочет [о] отдать Вам деньги просто под расписку Вашу, без Барулина, — то тем лучше еще; меньше хлопот.

Не откажите же мне, Аполлон Николаевич. Прошу Вас чрезвычайно. Дело не может иметь никаких особенных хлопот, а мне Вы сделаете бог знает какое одолжение!

Буду ждать Вашего ответа. Но по важности для меня дела, прошу Вас, любезнейший Аполлон Николаевич, ответьте мне немедленно по получении *этого* письма, всего хоть двумя строчками: *да* или *нет*?

Анна Григорьевна очень кланяется Вам и Анне Ивановне. Глубокий поклон Анне Ивановне от меня.

Ваш весь Федор Достоевский.

Женился ли Паша? [14]

[н] *Далее было начато*: Если он не

[о] *Было начато*: со‹гласится›

403. А. Н. МАЙКОВУ

30 декабря 1870 (11 января 1871). Дрезден

Дрезден 30 декабря 1870 года.

Благодарю Вас беспредельно, любезнейший Аполлон Николаевич, во-первых, за Вашу готовность помочь, а во-2-х, за то, что не замедлили ответом. Но так как Вы позабыли выставить на конверте *poste restante*,* то я и получил Ваше письмо только на третий день по приходе его в Дрезден,[а] и почтальон разыскивал меня здесь три дня через полицию. Высылаю Вам доверенность,[1] и не обвините меня в нахальстве, прочтя ее: всё это, как уверяли меня, одна только необходимая форма. Впрочем, такая *полнота* доверенности и для самого Стелловского будет внушительнее. Эту доверенность Вам надо будет засвидетельствовать в департаменте внешних сношений, кажется (Паша знает), где засвидетельствуют подпись нашего посольства. Кроме того, высылаю Вам подлинную копию с контракта моего с Стелловским в 1865 году.[2] Прочтите, прошу Вас очень, внимательно эту копию, особенно 8-й и 13-й пункты — и Вы увидите всю суть дела совершенно ясно и убедитесь, до какой степени это дело простое и *бесспорное*. Тут только взять да получить.[3] Да и тяжело было бы мне утруждать Вас более сложным делом. Мое мнение, что чем открытее,[б] проще и *суше* (то есть строже) Вы поведете дело, тем лучше. Высылаю и письмо к Стелловскому, незапечатанное;[4] прочтите его. *Главное* в том, чтоб у Вас под рукою был уполномоченный (если надо, я заплачу из полученной с Стелловского суммы, если не много) для того, чтоб он снес Стелловскому это письмо мое с запиской от Вас[5] в четырех строках (но и уполномоченный пусть бы передал письмо мое незапечатанным). В Ваших же четырех строках Вы пригласите его, если он хочет, к Барулину, и чтоб он назначил Вам время для уплаты в конторе Барулина. А то как хочет, но только пусть уплатит под Вашу расписку.

Не заплатить он не может: прочтите 13-й пункт контракта. Но беда, если будет вилять и оттягивать. Тогда пусть уполномоченный Ваш[в] спросит через полицию. Главное в том, чтоб он дал ответ. Конечно, это дело прямое и рано ли, поздно ли, а я с него получу.[6] Но уж как бы хотелось получить теперь! Не хочется просить всё вперед да вперед у «Русского вестника», а иначе и жить нечем.

Повторяю как и в прошлом письме моем: не думаю, чтоб он мог отказаться, да и представить не могу, на каком основании он бы мог это сделать?[7] Но в случае если он откажется от

[а] *Далее было*: так как
[б] *Было*: откровеннее
[в] *В подлиннике ошибочно*: Вас
* до востребования (*франц.*).

уплаты на каком бы то ни было основании, то покажите, прошу Вас очень, доверенность мою Вам и копию какому-нибудь дельцу: что он скажет? Дело бесспорное и можно бы потребовать сейчас уплаты через полицию. В таком случае, если делец возьмется выиграть наверно дело, то я готов уплатить по окончании дела, если не очень много, говоря сравнительно. (Не может ли Вам прислужить в чем Паша?) [г]

Во всяком случае, повторяю это, я только прошу Вас предъявить Стелловскому мое письмо и четыре Ваши строки и вытребовать у него какой-либо ответ. Вот и всё. А главное, умоляю Вас уведомить меня об ответе его неотлагательно. Это очень важно для меня. Рассудите: или знать, что получу рублей 900, или писать в «Русский вестник» просьбу. Кстати, — сделайте расчет. Это в одну минуту: стоит только знать число листов в изданном «Преступлении и наказании» и помножить на то число рублей, в которое обошелся каждый лист издания всех моих сочинений Стелловским в 1866-м году. То же число рублей определяется ясно: надо сосчитать всё число листов всех трех томов издания Стелловским моих сочинений в 1866-м году (разумеется, кроме «Преступления и наказания») [д] и этим числом листов разделить сумму 3000 р. Тогда и определится, что стоит каждый лист. Впрочем, прочтите 8-й пункт контракта, там это ясно обозначено.[е]

Ну вот и всё. В конце концов думаю, что он не откажется, а просто уплатит, разве только повиляет немного. Но, ради бога, уведомьте поскорее.[8]

Да, приехать я непременно хочу и ворочусь весной наверно.[9] Здесь я нахожусь в таком гнусном состоянии духа, что почти писать не могу. Мне ужасть как тяжело писать. За событиями слежу и у нас и здесь лихорадочно и много прожил жизни в эти четыре года. Сильно жил, хотя и уединенно. Что бог пошлет дальше — приму безропотно. Семейство тоже сильно обязывает совесть. Хочется, наконец, и людей видеть. Страхов писал мне, что ужасно всё еще в нашем обществе молодо-зелено.[10]

Если б Вы знали, как это отсюда видно! Но если б Вы знали, какое кровное отвращение, до ненависти, возбудила во мне к себе Европа в эти четыре года. Господи, какие у нас предрассудки насчет Европы! Ну разве не младенец тот русский (а ведь почти все), который верит, что пруссак победил школой? [11] Это похабно даже. Хороша школа, которая грабит и мучает, как Атиллова орда? (Да и не больше ли?)

Вы пишете, что против грубой силы встает теперь, во Франции, дух нации? [12] Да никогда же я в этом не сомневался с самого начала, и если там не дадут маху, заключив [ж] мир, и пере-

---

г *Далее было*: разумеется

д *Текст*: (разумеется ∾ наказания») — *вписан.*

е *Далее было начато*: Разумеется, чтоб узнать, что стоит лист, не надо

ж *Далее было*: в удобную минуту

ждут еще месяца три, то немцы будут выгнаны, и тогда — какой позор! Долго писать надо, а то бы я мог сообщить Вам много любопытного из наглядных наблюде‹ни›й, например, как отправляются отсюда во Францию солдаты, как собирают их, экипируют, продовольствуют и везут. Это ужасно любопытно. Дрянная, например, бабенка, проживающая тем, что снимает две комнаты и, меблировав их, отдает их внаем (стало быть, имеет свою мебель на два гроша), за то, что имеет свою мебель, должна дать постой с прокормлением на свой счет десятерым солдатам. Они простоят дня три, два, один, редко неделю, но ведь это ей в 20—30 талеров обойдется.

Я сам читал несколько писем солдатиков немцев из Франции, из-под Парижа, сюда к своим матерям и отцам (лавочникам, торговкам). Господи, что пишут! Как они больны, как голодны! Но — долго рассказывать! Между прочим, наблюдение: первоначально «Wacht am Rhein»* [13] раздавалось на улице в толпе часто, теперь *совсем нет*. Всего больше горячатся и *гордятся* профессора, доктора, студенты, но народ — не *очень*. Совсем даже нет. Но профессора гордятся. В Lese-Bibliothek** каждый вечер встречаю их. Один седой как лунь и влиятельный ученый громко кричал третьего дня: «Paris muss bombardiert sein!».*** Вот результаты их науки. Если не науки — так глупости. Пусть они ученые, но они ужасные глупцы! Еще наблюдение: весь здешний народ грамотен, но до невероятности необразован, глуп, туп, с самыми низменными интересами. Но до свидания, довольно. Обнимаю Вас, благодарю заранее. Ради бога, не забывайте и уведомьте поскорее.

Ваш Достоевский.

Сохраните копию с контракта; это важный для меня документ.

P. S. На случай если получите с Стелловского деньги, то не переводите через банкира, а просто, застраховав, высылайте сюда мне русскими кредитными билетами, то есть те самые, которые получите. Здесь они хорошо меняются.

P. S. Если б Стелловский стал предлагать Вам вместо уплаты какую-нибудь [3] другую сделку, например издание «Идиота» и проч., то не соглашайтесь и не слушайте, а требуйте уплаты, *без рассрочки*.

---

[3] *Было*: какую-то

* «Стража на Рейне» (*нем.*).

** «библиотеке-читальне (*нем.*).

*** «Париж должен быть бомбардирован!» (*нем.*).

1871

404. С. А. ИВАНОВОЙ

6 (18) января 1871. Дрезден

Дрезден 6/18 января 1871.

Милый, добрый друг мой Софья Александровна,

Чуть припомню, с которого времени не писал к Вам, просто страшно становится.[1] Бог знает, что можете вы обо мне подумать все и Вы в особенности? А между тем нет человека, более вас всех любящего и Вам в особенности преданного, чем я. Но поверите ли Вы мне, что у меня буквально ни минуты не было времени написать Вам? Я знаю, Вы не поверите, а между тем это сущая правда. Я всё писал роман и всё никак не могу с ним справиться. Выходит решительная дрянь; а бросить невозможно потому, что мысль слишком мне нравится. Всё разовьется преимущественно в 2-й и в 3-й частях. Но зато первая, по-моему, дрянь, и я раз *двадцать* (если не больше) ее переделывал и переписывал.[2] В целый год я написал только 8 печатных листов. Для февральского номера послал вчера только половину и дал честное слово, что через 10 *дней* пришлю окончание этой проклятой 1-й части.[3] А у меня еще ничего не написано.

Эта работа измучила меня и нравственно и физически; чувствую себя даже нездоровым — и поверьте же опять мне, что ни одной минуты не мог уделить, чтоб написать Вам. Минуты, может, и были, но настроение было не то. Не мог, не мог, правду говорю.

Об Вас много думал. Нас разделяют 4 года. Всё воображаю, как свидимся. Весною наверно ворочусь.[4] Анна Григорьевна даже заболела по России, и это мучит меня. Она грустит и тоскует. Правда, она истощена слишком физически кормлением целый год ребенка. С тех пор здоровье ее сильно пошатнулось, а тут тоска по родине. Доктора сказали, что у ней признаки сильного истощения крови и именно от кормления. Последнюю неделю ей даже очень худо. Мало ходит, больше сидит или лежит. Боюсь ужасно. Можете представить мое положение. А между тем не хочет лечиться, говорит, что доктора ничего не понимают. Прописали ей железо, она не хочет принимать. Я совсем теряюсь и с ума схожу. Это положение *вообще* продолжа-

ется уже давно. Можете представить после этого, удачно ли мог я работать?

Я-то, по крайней мере, работаю и тем занят, хотя работа моя мне не нравится и составляет мое мучение.[5] А Аня только тоскует. По обыкновению, помогала мне переписывать до последнего времени; но внутренняя тоска ее, тоска по родине — ничем не изгоняется. Не только надежда, но даже уверенность полная, что весной, чуть степлеет, поедем в Россию; но и надежда не ободряет ее. Доктора говорят, что тоска от болезни. Но[а] ведь это ничему не помогает.

Конечно, Вам, во всяком случае, не может быть понятна вся тоска, всё страдание мое теперь; мы четыре года в разлуке и друг от друга отвыкли; поверьте, по крайней мере, что ни об ком я не вспоминаю с таким чувством, как об Вас.

Люба здорова и весела, милый и смышленый ребенок, любит нас, начинает говорить, всё понимает и уже ходит через всю комнату. Только она нам и отрада здесь. О, поскорее бы к Вам! Как бы не задержало что-нибудь.

Иван Григорьевич передал мне желание милой Марьи Александровны, чтоб ей посвящена была моя работа.[6] Но этого никак нельзя сделать, несмотря *на всё желание мое*. Я уже отослал первую половину 1-й части, когда получил это желание.[7] Правда, тотчас же хотел было написать в редакцию, чтоб вставить строчку о посвящении, потому что тогда еще наверно не начинали печатать.[б] Но — остановился за совершенною невозможностию посвятить Марье Александровне. В романе[в] (во 2-й и в 3-й части) будут места, которые хоть и можно читать даже девушке, но все-таки нехорошо посвятить ей. Одно из главных лиц романа признается[г] таинственно другому лицу в одном своем преступлении. Нравственное влияние этого преступления на это лицо играет большую роль в романе,[д] преступление же, повторяю, хоть о нем и можно прочесть, но посвятить не годится.[8] Когда посвящаешь, то как будто говоришь публично тому, кому посвящаешь: «Я о Вас думал, когда писал это». Не знаю, может быть, я рассуждаю неправильно.[е] Я еще далеко не дошел до того места, и всё будет, может быть, очень прилично; но теперь все-таки посвятить не решусь.

И потому пусть голубчик Машенька извинит меня и не сердится. Если жив буду, то докажу ей, при следующей повести, как мило мне было и как даже тронуло меня желание ее, чтоб

а *Далее было*: так
б *Было:* еще печатать
в *Вместо*: В романе — *было*: Тут
г *Далее было: 1 нрзб.*
д *Далее было*: и имеет
е *Далее было*: Может быть

я посвятил ей мой труд. Это не фраза для приличия, а буквальное выражение моего чувства.

Что написать Вам о подробностях нашей здешней жизни? Живем мы скучно, по-монастырски, никаких развлечений, да и нет их здесь, театры подлейшие и везде немецкие гимны фатерланду.[9] Разве иногда на музыку сходим, когда еще Аня была здоровее.

Морозы здесь ударили ужасные, доходило до 20 градусов, и даже и теперь холод. Квартира же нам попалась прехолодная. Здешние печи без заслонок. Топливо идет бессмысленно много, а тепла нет. Немцы хотят лучше мерзнуть, чем перенять у русских печи. Россию здесь ненавидят.

Как ни старались мы уклоняться от знакомств с здешними русскими, которых здесь множество, но не уклонились. Сами собой завелись некоторые. Вообразите, я новый год должен был встретить на бале у нашего здешнего консула. У Ани тоже несколько знакомств с здешними нашими дамами. Средства наши иногда очень плохи, например в настоящую минуту, а уж это дурно при нездоровье Ани. Послал в «Р‹усский› вестник» просьбу о деньгах; не знаю, скоро ли вышлют,[10] а ужасно бы надо поскорее. Мало ли что может случиться! Ужасно беспокоюсь. Правда, ожидаю еще получки из Петербурга. Издатель Стелловский издал мой роман «Преступление и наказание». По совершенно точному смыслу нашего контракта (еще 5 лет назад) он обязан мне тотчас же по напечатании заплатить руб‹лей› до 1000.[11] Я послал в Петербург доверенность Майкову на получение денег.[12] Но несмотря на все права мои — ужасно боюсь, что не получу. Этот Стелловский такой человек, что никогда еще не платил денег без судебного понукания! Если он не заплатит эту 1000, на которую я так рассчитываю, то просто поставит меня на время в самое безвыходное и отчаянное положение. Так что ужасно беспокоюсь и об этом.[13] Деньги дали бы мне средство улучшить домашнее мое положение, а уж как бы это необходимо в теперешнюю минуту.

Люба Вас обнимает и целует и благодарит, что ее любите. Я и Аня ужасно обрадовались, что Вы похвалили ее карточку.[14] Я Вам вышлю другую ее фотографию, потому что из прежней она уже выросла. Аня беспрерывно говорит об Вас, и, знаете что, друг мой Сонечка, мы с ней ужасно часто мечтаем, как мы приедем и Вас выдадим замуж.[15] Это любимый наш разговор. Аня вас мало видела, но любит вас всех чрезвычайно. Перецелуйте всех ваших за меня. Верочку особенно обнимаю и целую. Поздравляю всех с новым годом. Паша прислал мне длинное письмо; объявляет, что он женится, и описал весь свой роман очень мило.[16] Не знаю, жалеть ли или порадоваться его женитьбе. Вероятнее первое. Но, кажется, из него, судя по занятиям его, может выйти дельный мальчик. Дай ему бог всего хорошего.

До свидания, милый друг Сонечка, и, кажется, наверно до близкого. Аня всех вас целует и всех поздравляет. Пожелайте ей поправиться.

Ваш Достоевский.

Напишите мне что-нибудь. Не сердитесь за молчание. Пишите более частных подробностей.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Адресс мой тот же, poste restante.

405. П. А. ИСАЕВУ

6 (18) января 1871. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{6-го}}{\text{18-го}}$ января 1871.

Я уже давным-давно, милый друг Паша, слышал, что ты женишься (писал Аполлон Николаевич),[1] беспокоился и интересовался о тебе чрезвычайно. Писал к Майкову и спрашивал подробностей,[2] равно как и Ивану Григорьевичу поручил разузнать, когда он уезжал из Дрездена.[3] Но ничего особенного не узнал. Всё покрыто было мраком неизвестности. Тяжело мне было и то, что ты меня не уведомлял: значит, думал я, бросил совершенно и концы отрезал, и мне это было грустно.[4] Кроме того, я имел некоторое основание подумать, что ты питаешь на меня претензию насчет всего этого прошлого дела со Стелловским[5] — и дивился твоей раздражительности и самолюбию. Теперь, по письму твоему,[6] слава богу вижу, что всё это не совсем было так (хотя, может быть, и было несколько). Роман в нескольких частях, присланный тобою под видом письма твоего, — чрезвычайно утешил меня и чрезвычайно мило написан. Значит, не без дарований же ты, Паша, если в состоянии так хорошо написать! Суди же теперь, друг мой, если б ты хоть сколько-нибудь прежде поучился, ведь сколько бы ты мог тогда извлечь из своих природных способностей? Сколько бы разнообразного применения могло открыть им образование? Но я уверен, друг мой, что ты не из тех неучившихся, которые мало того, что не доучились или ничему не учились, но еще и презирают образование. Много таких теперь. Но ты наверно на толпу не захочешь походить, хотя бы и «прогрессивную». Совет мой, или, вернее, великая просьба — не оставлять идею об образовании и об учении. Ну что же такое, что ты женишься, чем это может помешать тебе учиться? Чем образованнее человек, тем более он учится, и так всю жизнь. Одна уже неутолимая жажда к знанию, заставляющая, например, великого ученого, в 70 лет, всё еще учиться, — свидетельствует о благородстве и высоте его натуры

и о глубоком отличии его от толпы. Для того же, чтоб заняться самообразованием, всегда можно найти время *даже* и при семейных тягостях и при служебных занятиях. Понемногу, но постоянно и до всего дойдешь. Займись, например, историей, но только систематически, не поверхностно и не урывками и непременно сначала (при этом, разумеется, география), и через два-три года занятий сам увидишь, как расширится круг твоего зрения и повысится уровень мыслей. Отец твой был человек образованный, даровитый, добрый и простодушный. Поверь, что если б не был он образован, то был бы и мнителен, и тщеславен, и раздражителен — и доброта и простодушие его направились бы совсем в другую сторону. Но образование придает еще и великодушие и благородство мысли. Это было в твоем отце. Напоминаю тебе про отца потому, что вижу и всегда видел в тебе большое с ним сходство и очень желал бы, чтоб ты походил на него.[7]

Из письма твоего, если всё правда. (№. Будь уверен, что я не считаю тебя способным солгать намеренно; можно говорить неправду и без намерения, вполне веруя, что говоришь правду) — вижу, что ты стал дельным человеком и умеешь заставить себя заниматься. Поздравляю тебя от души и рад, как не можешь и представить себе. Дай тебе бог развернуться еще лучше и никогда не ослабевать. Важно то, что ты берешь на себя теперь, кроме вообще человеческого долга, и большой нравственный семейный долг. Ну, брат, справишься ли? Не одни ведь средства к существованию нужны для семейного счастия. Из письма твоего я, по многим фактам, могу заключить, что Надежда Михайловна — девушка с характером твердым и с серьезным взглядом на жизнь. Если (в чем я уверен) она тебя и любит — то как бы хорошо было, если б ее влияние на тебя укреплялось всё более и более, в продолжение всей вашей будущей брачной жизни! Какую пользу это принесло бы тебе. Ты, пожалуйста, пойми меня как следует, Паша. Я не про «мужа под башмаком» говорю. Совсем не то! Нравственное влияние женщины, даже на самого сильного духом мужчину,[а] не только полезно, не только всегда необходимо, но и вполне натурально. Это второе и окончательное воспитание человека. И еще, друг мой: все отношения должны быть всю жизнь *основаны* на *внутреннем* взаимном, обоюдном уважении. Боюсь, что ты примешь мои слова за резонерство; а я потому только не утерпел и заговорил об этом, что люблю тебя и со страхом и жалостию думаю иногда: «Как вы оба еще молоды!». Но заметь, я не пророчу дурного. Уж если так случилось, то я надеюсь и радуюсь. Дай тебе бог. Бог-то не оставит, но счастье и от тебя зависит.[б] Видишь, Паша, — нас разделяют 4 года разлуки. Ты сильно ушел

[а] *Было*: мужа

[б] *Далее было*: на девять десятых

вперед в этот срок, и мне даже вообразить трудно себе теперь твою женитьбу, да и всю твою внутреннюю жизнь. Одно только осталось у меня: искреннее, теплое и всегда дружеское соболезнование о тебе, внутренняя забота и любовь к тебе; а стало быть, и желание тебе всего самого лучшего. Кроме того, есть и желание быть тебе полезным и вещественно. Но пока последнее под спудом и неисполнимо, хотя я и не без надежды на поворот моих обстоятельств к лучшему.[8]

Передай от меня Надежде Михайловне мой задушевный искренний привет, поздравление и желание теперь и впредь всего лучшего. Хорошо бы ты сделал, если б прислал нам (с ее позволения) ее фотографическую карточку; да, кстати, и свою бы не забыл, так как четыре года я не видал тебя. А все-таки, Паша, все-таки боюсь за тебя. Хорошо, голубчик, если б ты твердо стал на дорогу, не уставая в труде и развиваясь до всей высоты понимания своих будущих обязанностей.

Пишешь ты о письмах к Ал‹ександру› Устиновичу и Порфирию Ивановичу. Друг мой, высылаю их.[9] Так и передай незапечатанные. Но вот в чем дело: не знаю я наверно, насколько основательно то, о чем ты просишь, не знаю ничего и о должности контролера, и потому просить-то я их прошу в твою пользу, но в то же время совершенно не знаю, решатся ли они тебе доставить ее. Уведомь, пожалуйста, как приняли они оба мою просьбу? Прибавлю еще к тому, что ты сильно преувеличил мое на них влияние. Без сомнения, я состоял к ним в отношениях добрых всегда, их любил и уважал. Но опять-таки 4 года разделяют нас, и наконец, я даже виноват перед многоуважаемым Александром Устиновичем еще с издания журнала.[в] [10]

Анна Григорьевна тебя благодарит за письмо и сама хочет тебе ответить и тебя поздравить, несмотря на то, что прихворнула. Да и вообще здоровье ее не совсем хорошо. Люба растет, ходит по комнате, всё понимает и ужасно хочет говорить. Она здорова и милочка, тебя целует и твою невесту.

Не рассердись, не обидься и не посетуй на меня за то, что не сейчас тебе ответил.[г] Очень это меня мучило, но никак не могу. Буквально день и всю ночь сижу и работаю. Запоздал с романом.[11] Туго идет у меня. Бьюсь, рву написанное и переделываю вновь — а потому не мог и письма написать. Я все письма оставил, даже самые деловые и необходимые. Никуда не хожу и никого не принимаю к себе. Много работы.

До свидания, Паша милый, напиши мне, верь моей всегдашней любви к тебе, чем и докажешь, что сам меня любишь. Если пригожусь тебе когда-нибудь в чем-нибудь, то тем буду счастлив.

Твой весь Ф. Достоевский.

в *Далее было начато*: Вот причина и *2 нрзб.*

г *Вместо*: то ∾ ответил — *было*: одно важное обст‹оятельство›

А все-таки страшно за тебя; но не сочти за карканье ворона.

Насчет журналов в настоящую минуту никак не могу: должен в оба журнала[12] и совестно просить еще по номеру в кредит. Впоследствии другое дело, то есть в течение года.

Я думаю, я к весне ворочусь в Петербург. Увидимся ли в Петербурге-то?[13] Я очень, очень бы хотел тебя увидеть и обнять.

406. А. Н. МАЙКОВУ

7 (19) января 1871. Дрезден

Дрезден 7/19 январ‹я› 1871.

Любезнейший и дорогой Аполлон Николаевич.

Получил Ваше письмецо и очень рад, что Вы получили повестку: это от меня.[1] Повторяю, прочтите *копию* и увидите весь смысл дела ясно. Но вот что: если Вы *семь* раз не заставали Стелловского,[2] значит, он раскусил, зачем Вы приходили, и этот факт дает мне уверенность, что он *не хочет заплатить*, то есть он заплатит в конце концов, ибо не заплатить не может, но — когда? Вероятно, ему выгодно оттянуть уплату на бесконечность, и он будет вилять всеми силами.[3] Поэтому действовать с ним прямо *нельзя*. Он просто не даст ответа ни на мое письмо (высланное Вам к нему),[4] ни на Ваш запрос и не будет давать до последней невозможности. Вам, стало быть, хлопоты, а я останусь без денег. И потому вот мой совет: сохранив все права поверенного (то есть на прием денег и проч.), о чем особенно прошу Вас, ибо он будет понимать, что за дело взялся честный и влиятельный в литературе человек (а это мерзавцам внушает) — возьмите сами поверенного, опытного ходока (не на процессы, не присяжного поверенного, ибо тут не может быть процесса серьезного), — а ходока, знающего, как взыскать, какую меру понуждения употребить, как действовать, н‹а›пример, через полицию — то есть знающего все эти мелкие практические проделки; должно быть, таких в Петербурге много.[5] Паша, разумеется, не способен на это. Тут нужно опытного крючка. И тогда прекрасно. Разумеется, если б только не очень большая плата. Но ведь дело бесспорное, так что можно бы и *дешево*. Если бы этот поверенный поставил бы его в такое положение, чтоб или платить сейчас, или подвергнуться процессу и уж непременно неустойке, — то, мне кажется, он тотчас заплатил бы. Следств‹енно› — всё в умении повернуть дело, так сказать, по-полицейски, то есть чтоб он увидел сразу, что взыскивает опытный крючок. Без сомнения, Вам невозможно взять на себя,[a] а стало быть, и хорошо бы послать поверенного. Но об чем

[a] *Далее было*: ибо Вы

прошу особенно — не оставляйте сами начальничества в деле. Пусть крючок действует Вашим именем,[б] и, кроме того, пусть Вы же и получите деньги *собственноручно*, не доверяя никому. Вот об чем прошу убедительно.

А поверите ли, любезный друг, что мне ужасно совестно, что втянул Вас в это дело! Смешно извиняться, уж когда втянул, а все-таки совестно.

Что такое «Стук-стук» Тургенева?[6] Я запоздал в «Русский вестник» на февральский номер и работаю день и ночь.[7] Анна Григорьевна захворала, я тоже не совсем здоров. У нас морозы. Печки подлые, немецкие. Мне поминутно мешают работать,[в] завелись некоторые знакомства и лезут, когда мне надо быть одному. Одна дама уже другой раз приходит с тем, чтоб поговорить о русской литературе (русская путешественница).[8] Я не принимаю, она обижается. Есть и другие такие же. До литературы ли мне теперь! Я на нужнейшие письма другой месяц не отвечаю.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Впрочем, что бы ни взял поверенный, я заплачу и жалеть не буду — но только чтоб поскорее получить. Крайняя нужда, особенно теперь!

Неужели в «Заре» до того еще легкомысленны, что не хотят понять факта, режущего глаза и состоящего в том, что выходить в 1-е число месяца аккуратно (и *непременно* в 1-е) — значит, иметь 1000 подписчиков лишних? Это факт неоспоримый — доказательство «Вестник Европы», старая «Библиотека для чтения»[9] и дом Краевского.[10] Краевский выиграл не Белинским — Белинского после узнали, — а 1-м числом![11] Неужели этого еще не понимают! После этого не могут *они* быть издателями и пусть раньше отказываются от дела, чтоб не обанкрутиться совершенно.

На конверте:

Russie, St.-Pétersbourg.
Его превосходительству
Аполлону Николаевичу Майкову
В С.-Петербург.
По Большой Садовой, напротив Юсупова сада,
дом *Шеффера*.

б *Вместо*: Вашим именем — *было начато*: от Вашего имени
в *Далее было*: ибо

407. А. У. ПОРЕЦКОМУ

8 (20) января 1871. Дрезден

Дрезден 8/20 января 1871 г.

Милостивый государь многоуважаемый Александр Устинович,

Я сейчас написал добрейшему Порфирию Ивановичу Ламанскому[1] о том, что, вероятно, все добрые люди и все те, которые имели ко мне когда-то расположение, — меня позабыли. Так давно я за границей, да и так мало заслужил, чтобы меня помнили! Перед Вами же особенно мало — еще со времени журнала.[2] Но за журнал я до сих пор наказан, и остатки долгов, лежавших на нем, до сих пор меня давят.

Между тем Вы столько помогли моему пасынку П‹авлу› Алек‹сандровичу› Исаеву, что, думаю, Вы так же добры и ко мне, как были прежде. Но Вы и всегда ко всем так добры и благодушны! Я к Вам с величайшей просьбой, многоуважаемый Александр Устинович! Не откажите еще раз, и бог вознаградит Вас за это дело.

Я прошу у Вас покровительства Вашего моему пасынку, того самого покровительства, через которое, может быть, он был спасен, укрепившись на твердой дороге прилежания и труда и не уклонившись в худую сторону, в эти четыре года. Моим отсутствием и худым поворотом моих обстоятельств он вдруг остался в Петербурге почти на одних своих силах; но не потерялся и, кажется, научился трудиться. Я знаю, что Вы во многом ему помогли,[3] и бог вознаградит Вас за это.

Он просит меня теперь попросить Вас в свою очередь за него: «нельзя ли оставить его при Департаменте на тех же основаниях, как и теперь, впредь до востребования Государственным банком запроса о нем и его бумаг для перевода его; всё это может состояться в 1871 году в первое полугодие». Я выписал слово в слово из его письма[4] его просьбу; сам же я мало понимаю в ней за незнакомством с делом. Но, подавая Вам это письмо, он объяснит Вам всё лично. Выслушайте его, благороднейший Александр Устинович, и — если возможно только — сделайте для него что-нибудь. Он так одинок на свете и так нуждается в поддержке, особенно теперь, что помощь Ваша ему сама собою обращается в большое доброе дело. Я же Вам буду благодарен бесконечно!

Писал он мне тоже, что хлопочет о месте контролера, в отъезд, в Витебскую губернию. Не понимаю хорошо, что это за место и имеет ли он основание надеяться получить его. Он пишет, что просил об этом Порфирия Ивановича и что Порфирий Иванович не сказал ему ничего о невозможности, и даже напротив. Впрочем, повторяю, пасынок мой Вам сам объяснит, в чем дело. Выслушайте его, многоуважаемый Александр Устинович, и опять прошу — если возможно, помогите.[5]

Примите уверение глубоких и самых искренних чувств моей благодарности и всегдашнего уважения.

Слуга Ваш от всего сердца

Федор Достоевский.

408. А. Н. МАЙКОВУ

18 (30) января 1871. Дрезден

Дрезден 18/30 января/71.

Любезнейший Аполлон Николаевич, посылаю и я Вам несколько строк, в ответ на Ваши от 12-го января.[1] Не понимаю, почему Паша не нашел известия в Минист‹ерстве› Иностр‹анных› дел в Департаменте *внутренних* сношений. Сейчас сделал справку в канцелярии посольства: еще от 3-го числа было послано. Посылаю Вам номер, по которому легко найти в один миг, на случай если и до сих пор Паша не отыскивает.[2]

Благодарю Вас чрезвычайно за Ваше уведомление и за господина с густыми бровями на *о*, взявшегося хлопотать по делу.[3]

Чтой-то не выходят журналы? Это ужас как опоздали. Даже «Русский вестник» еще в Дрездене не получен; прежде всегда январский № выпускал рано. Если случится, что прочтете мой роман, — то пришлите мне, ради бога, Вашу критику хотя бы в 2-х строках.[4] В «Русском вестнике», я слышал, довольны,[5] но я моей первой частью ух как недоволен!

Читаете ли Вы роман Лескова в «Русском вестнике»?[6] Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества,[7] — но зато отдельные типы! Какова *Ванскок*! Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту *Ванскок* видел, слышал сам, ведь я точно осязал ее! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов — то эта фигура останется на вековечную память. Это гениально![8] А какой мастер он рисовать наших попиков! Каков *отец Евангел*! Это другого попика я уже у него читаю.[9] Удивительная судьба этого Стебницкого в нашей литературе. Ведь такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически да и посерьезнее.[10]

До свидания, благодарю Вас душевно, а деньги — деньги ужасно нужны, до невероятности. Жена всё прихварывает, а ребенок здоровеет. Что за прелесть Ваша крестница[11] и какой у ней аппетит и какое некапризное, вечно веселое расположение духа. Я еще не видал такого ребенка!

Ваш Федор Достоевский.

409. А. Н. МАЙКОВУ

26 января (7 февраля) 1871. Дрезден

Дрезден 26/5[а] $\frac{\text{январ<я>}}{\text{фев<раля>}}$ 71.

Вчера получил Ваше письмо, дорогой друг, и спешу заявить Вам мое воззрение. Во-первых, я ничего не понял в Вашем возражении против 8-го пункта.[1] Вы спрашиваете про срок уплаты, «*не обозначенный*» будто бы в 8-м пункте, и предвидите крючки и последствия? Но какой же тут срок, когда всё обозначено в чрезвычайной точности и ясности? Вот текст 8-го пункта, вникните:

«Если в течение срока сего условия Стелл‹овский› пожелает включить в полное издание моих сочинений, предпринимае‹мое› им, Стелл‹овским›, по сему условию могущие быть мною, Достоевск‹им›, написанными и напечатанными в 66 и в 67 годах новые мои сочинения, то Стелл‹овский› *имеет право издавать* их не иначе как с платою по расчету с листа, сколько я, Достоевск‹ий›, получил с Стелловского за каждый лист при продаже в настоящее время по сему условию полного собрания моих сочинений Стелл‹овским›, но с тем, однако... и т. д.»[2] (NB. Далее не касается теперешнего дела.)

Итак, что же Вас теперь смущает? Какой еще срок? Сказано: «*Стелл‹овский› имеет право издавать их не иначе как с платою по расчету с листа...*»[3] и т. д. А так как Стелловский теперь уже *издал совершенно*, то есть напечатал и продает, то, стало быть, и должен заплатить по расчету, обозначенному в 8-м пункте! Вы спрашиваете: с которого же времени считать его *обязанным уплатою*? Да, разумеется, со дня ОПУБЛИКОВАНИЯ В ПРОДАЖУ! Публикация была сделана в «Голосе» (вероятно, и в других газетах) в конце ноября или в самом начале декабря.[4] Итак, день публикации и есть срок по самому точному, ясному и естественному смыслу 8-го пункта. Или Вас смущает слово *издавать*? Вы делаете какое-то различие между словами *печатать* и *пускать в продажу*. Но если б он только напечатал, а не пускал в продажу, то я бы мог и не знать этого вовсе. И кто же печатает и не пускает в продажу? *Издавать* значит печатать и продавать. А так как он исполнил *оба факта*, то есть напечатал и продает, то тотчас же, *со дня опубликования*, и стал повинен по 8-му пункту, ибо там прямо сказано: «имеет право издавать их! НЕ ИНАЧЕ! как с платою по расчету с листа и т. д.».[5] Вот Вам и срок. Если же я не пришел к нему на другой день публикования требовать следуемой мне уплаты — то в этом (если б я был и в Петербурге) была моя полная воля. Я и по векселю могу согласиться ждать уплаты несколько лет, и все-таки он сохраняет полную силу. Чем же Вы смущаетесь?

[а] *Так в подлиннике.*

Пишете Вы тоже, что надо получить вексель, ибо в векселе обозначится какой-нибудь срок, чем и восполнится пробел (будто бы) 8-го пункта.[6] Напротив, по-моему: настоящий срок есть день публикации в продажу; если же допустите какой-нибудь другой срок, то, значит, сами Вы откажетесь от [а] права на прежний срок (то есть день печати), слишком ясно обозначенный в контракте, значит, добровольно (хотя и обоюдно) согласитесь нарушить 8-й пункт контракта.

И наконец: если Вы уже раз согласитесь взять вексель (в котором обозначится срок), — то зачем Вам понадобится тогда срок и 13-й пункт контракта?[7] Если он дал часть денег, а на остальную часть выдал вексель и Вы *согласились принять* и приняли, — то тогда, *по-моему*, он заплатил совершенно, расквитался со мной, разделался совершенно, контракт исполнен и 8-й и 13-й пункты сданы в архив. По векселю ведь он не может не заплатить, *ибо он купец* и будет в тот же день объявлен банкрутом. Если же не заплатит по векселю, то тогда мой иск на нем будет только по векселю, а дело с контрактом будет все-таки кончено, одним словом, будет уже совершенно другое дело.

И поверьте, что если б был какой-нибудь недосмотр в 8-м пункте, то Стелловский наверно бы им воспользовался и не назначил [б] сам сроком уплаты свое возвращение из Москвы.[8]

Вы советуете согласиться на его условия, то есть на часть денег и на краткосрочный вексель.[9] Да вижу, что нельзя не согласиться. Но, друг мой, не рассердитесь на мое замечание, мне кажется, г-н Цветугин слишком мягко и робко принялся за дело! Ну как же можно три раза ходить и допустить его не сказываться дома?[10] И потом чтоб он осмелился сам предлагать условия, то есть по возвращении из Москвы выдать $^1/_2$ денег, а там вексель и т. д.[11] — то есть точно он имеет право предлагать условия. По-моему, пугнуть бы тотчас же его требованием по закону, чтоб он сейчас догадался, что мы сознаем вполне свое [в] право. Да и не пугнуть только, а прямо по закону потребовать. Это уже вовсе не будет *дело* или *процесс*; тут контракт, смысл которого ясен и точен. Ход дела, разумеется, возьмет некоторое время, но уплата будет полная. И сверх того он ни за что не согласится сам спорить и затевать процесс, во-1-х, потому, что не имеет никаких оснований и крючков, чтобы отпереться, всё слишком ясно; а во-2-х, когда его закон принудит заплатить, то, значит, он нарушил 8-й пункт контракта, ибо принужден законом уплатить, а сам не соглашался. Тогда, будьте уверены, он побоится 13-го пункта, и если только увидит, что г-н Цветугин серьезно решается обратиться к закону, то, поверьте, тотчас же окажется дома и тотчас же согласится уплатить всё.

а *Далее было*: прежнего
б *Далее было*: Вам
в *Было*: своего

Тем не менее я с Вашим мнением согласен, хотя мне и тяжело это. Пусть он выдаст часть денег и вексель.[12] Но вот мои просьбы покорнейшие и нижайшие, дорогой мой Аполлон Николаевич:

1) Нельзя ли всё устроить как можно скорее! Клянусь Вам, это не пустое нетерпение. Совершенно всё прожил и не имею копейки, а шутка ли сколько ждать! Положим, по первому моему спросу выслали бы из «Р‹усского› вестника», но ведь тогда мне не так ловко будет (да и невозможно) спросить у «Р‹усского› вестника» тысячи две разом для возвращения, и вот — я опять не возвращусь! На Стелловского же деньги я думал пробиться до весны.

Он сказал Вам: возвращусь в конце января.[13] Но по его манере он устроит так, что хоть и воротится, а все-таки будет не сказываться дома г-ну Цветугину и ему будут отвечать, что еще не воротился, и бог знает, сколько это продолжится. Вот чего я боюсь. Итак, нельзя ли будет избегнуть этого хоть как-нибудь! — вот в чем *первая* просьба.

2-я) Нельзя ли, чтоб он выдал деньгами [г] по крайней мере половину? Всякий вексель, хотя бы и краткосрочный, для меня всё равно, что нет ничего. Если же невозможно половину, то по крайней мере более *трети*. Ради Христа!

NB. Всё это, впрочем, оставляю на совершенное усмотрение и решение Ваше, и, ради бога, дорогой друг, не спрашивайте меня особыми письмами о каких-нибудь подробностях, даже и не мелких, ибо всё это берет время. Претендовать и роптать на Вас не буду ни в чем, да и невозможно это. Ведь я знаю, что Вы желаете мне всего лучшего и, кроме того, были так добры, что взяли на себя столько хлопот.

3) Наконец, 3-я просьба (самая важная). Как только получите деньги, то тут же получите и обещанный вексель, в одной даже пачке, вместе, и расписку ему дайте такую: получил в уплату столько-то деньгами, а на остальную сумму векселем. Но только непременно вместе. Тогда дело будет *всё* кончено; ибо, повторяю, он *всё* уже заплатит.

4) Паша писал мне прошлого года, что векселя Стелловского можно *учесть* с потерей от 8 до 10% в *Международном коммерческом банке* (но не в Государственном банке).[14] Просьба моя: позовите Пашу и узнайте от него об этом точнее, и если только можно *учесть*,[15] то тотчас же и *учтите* вексель, а мне пришлите деньгами, ибо я бог знает сколько решусь потерять, только чтоб деньги получить — до такого зарезу они нужны!

Наконец, насчет расчета по листам совершенно на Вас полагаюсь. Разумеется, чем больше содрать, тем лучше. (NB. Но только сколько же вышло листов: 27 с дробью или 28 с дробью?) [16]

[г] *Было*: деньги

Вот, кажется, всё об этом проклятом деле. Не пишу Вам ничего. Если б Вы знали, как я расстроен в эту минуту усиленной работой! Про общество наше прочел с грустию в Вашем письме,[17] а об германских делах — сами знаете теперь, что думать. Более лжи и коварства нельзя себе и представить.[18] Мечом хотят восстановить Наполеона, ожидая в нем себе раба вековечного и в потомстве, а ему гарантируя за это династию, — то есть всё, чего ему надо, дело ясное. Увидите, что если и будет Национ‹альное› собрание, то безмерностию своих требований (умышленною) они нарочно заставят Собрание не согласиться и тогда — объявят Наполеона.[19]

Но помните текст Евангелия: «Взявший меч и погибнет от меча».[20] Нет, непрочно мечом составленное! [д] И после этого кричат: «Юная Германия!» Напротив — изживший свои силы народ, ибо после такого духа, после такой науки — вверится идее меча, крови, насилья и даже не подозревать, что есть дух и торжество духа, а смеяться над этим с капральскою грубостию! Нет, это мертвый народ и без будущности. А если он жив, то, после первого опьянения, сам, поверьте, найдет в себе протест к лучшему и меч упадет сам собою.

Да и то опять: матерьяльное истощение Германии до того теперь сильно, что вряд ли они вытерпят еще месяца четыре сопротивления.

О, возвратясь из Франции, они будут нам льстить в первые года два! Впрочем, может случиться, что как-нибудь с грубостию проговорятся и раньше.

Дай бог жить царю и России, но будущее действительно хлопотливо относительно Европы.

До свидания, дорогой друг, не рассердитесь за мои возражения.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Если б Стелловский прежде уплаты стал бы вдруг предлагать новые условия, то есть покупку моих позднейших сочинений и проч., то не слушайте, ради бога, а требуйте денег, одним словом, не давайте ему затягивать дела.

[д] *Далее было*: Каков

410. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

1 (13) февраля 1871. Дрезден

Аня, милый мой голубчик, не переписывай то, что вчера стенографировали; [1] я решился совсем это уничтожить. Но взамен, если не очень отяготит, перепиши самый последний листок (возьми в «Русском вестнике»). Если же, например, будешь чувствовать себя нездоровой, то и не переписывай: я просто вы-

черкну. Заметь, что это надо только к 5 часам, а потому не надрывай себя и не спеши очень. Неугомонную Любку целую, равно как и господина N. N., находящегося покамест в *тесном* уединении и неизвестности и покамест еще молчаливого, но который задаст себя знать, как и Любка.[2]

Тв‹ой› Ф. Достоевск‹ий›.

1-е февраля.

4³/₄ часа.

Разбуди меня в 2 часа, но загляни ко мне раньше.[3]

411. Н. Н. СТРАХОВУ

10 (22) февраля 1871. Дрезден

Дрезден 10/22 февраля 1871.

Обращаюсь к Вашему доброму, тонкому и всегда почти верному пониманию людей и вещей, любезнейший и многоуважаемый Николай Николаевич, и попрошу Вас быть настолько ко мне добрым, чтобы не оставить меня в некотором неприятном недоумении.

В октябрьском или ноябрьском (а может, и в декабрьском — виноват, не имею под рукою) номере «Зари» за прошлый год были помещены 2 статьи одного г-на Константинова.[1] В одной из этих статей он, для подкрепления одного мнения, выставляет на вид, что журнал «Время» и некоторые другие журналы известного направления имели *малый успех*.[2] «Время» имело в первый год более 2500 подписчиков, а на третий год (год запрещения) до 4500 подписчиков. Книги редакции целы до сих пор; целы и свидетели. Даже Базунов может засвидетельствовать. К чему же наездничать, как г-н Константинов, и извращать факты? Он не церемонится с фактами: ему так надо, и он утверждает как о верном о том, чего не знает. Признаюсь Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, что мне было тяжело с этим встретиться в «Заре». Тут не самолюбие говорит. Когда третьего [а] года Писемский в своем романе, в «Заре», поместил обо мне несколько брезгливых отзывов как о литераторе,[3] я только посмеялся натуре и нетерпению [б] Писемского и нисколько не претендовал на журнал, который, пожелав напечатать у себя мою повесть [4] (о чем и заявил мне и публике) [5] и прежде чем поместить обо мне хоть какой-нибудь отзыв, — дал у себя место плевку на меня другого писателя. Но теперь мне обидно; журнал «Время» был столько же моим делом, сколько и брата. Редакторами мы были оба.[6] Успех журнала был неслыханный.

[а] *Было*: прошлого

[б] и нетерпению *вписано*.

Дрезденъ 10/22 февраля/1871

Обращаюсь къ Вашему доброму, тонкому и всегда почти вѣрному пониманію людей и вещей, любезнѣйшій и многоуважаемый Николай Николаевичъ и попрошу Васъ быть на столько ко мнѣ добрымъ, чтобы не оставить меня въ нѣкоторомъ непріятномъ недоумѣніи. Въ Октябрскомъ или Ноябрскомъ (а может и Декабрскомъ – высланы не имѣю подъ рукою) номерѣ Зари, за прошлый годъ, были помѣщены 2 статьи одного г-на Константинова. Въ одной изъ этихъ статей онъ, для подкрѣпленія одного мнѣнія, выставляетъ на видъ что журналъ Время и нѣкоторые другіе (отрицательного) и извѣстного направленія – имѣли малый успѣхъ. Время имѣло въ первой годъ болѣе 2500 подписчиковъ, а на третій годъ (годъ запрещенія) до 4500 подписчиковъ. Книги Редакціи цѣлы до сихъ поръ, цѣлы и свидѣтели. Даже Базуновъ можетъ засвидѣтельствовать. Къ чему же напечаталъ это г. Константиновъ, и извращаетъ факты? Онъ не справляется съ фактами: ему только надо и онъ утверждаетъ какъ оракулъ о томъ, что не знаетъ. Признаюсь Вамъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, что мнѣ было тяжело съ этимъ встрѣтиться въ Зарѣ. Тутъ не самолюбіе говоритъ. Когда ~~прошлаго~~ третьяго года Писемскій въ своемъ романѣ, въ Зарѣ, помѣстилъ обо мнѣ нѣсколько брезгливыхъ отзывовъ какъ о литераторѣ, я только посмѣялся натурѣ (и нетерпимости) Писемского и нисколько не претендовалъ на журналъ, который, поднесилъ напечатать у себя мою повѣсть (о чемъ и заявилъ мнѣ и публикѣ) и предпочелъ помѣстить обо мнѣ хоть какой нибудь отзывъ – далъ у себя мѣсто плевку на меня другого писателя. Но теперь мнѣ обидно. Журналъ Время былъ основанъ мною вдвоемъ только съ братомъ. Редакторами мы были оба. Успѣхъ журнала былъ неслыханный. Только два жур-

Первая страница письма Ф. М. Достоевского к Н. Н. Страхову от 10 (22) февраля 1871 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Только два журнала имели такой успех сразу: первоначальная «Библиотека для чтения» и первоначальный «Современник».[7] Я не считаю малодушием и тщеславием, что[в] гордился этим. Извращенный факт вредит и истории литературы:[г8] теперь уже есть, стало быть,[д] свидетельство «Зари» (в которой много прежних сотрудников «Времени»)[9] о том, что «Время» *не имело успеха*. Пусть этот факт и ничтожен для истории русской журналистики, согласен; но ведь и он может понадобиться; ведь понадобился же этот факт г-ну Константинову в подкрепление какого-то мнения? Собственно для меня же, признаюсь Вам, этот факт имеет и некоторое личное значение: на меня до сих пор есть обвинение некоторых людей, что я будто бы *разорил* брата, отвлекши его от прежних торговых занятий и уговорив его, вместо того,[е] издавать журнал.[10] Обвинение это произносится с горечью, и те, которые произносят его, с книгами редакции «Времени» справляться не будут. Строчка же в журнале (строчки так мало, так легко прочесть ее) сильно подкрепит обвинение на меня[ж] в их же совести. Между тем брат получил за три года с журнала по крайней мере 65 тысяч *чистого барыша*, и если умер без копейки и в долгах, то ведь это уж совсем не касается до журнала.

У этого же г-на Константинова написано в той же статье, что статья «Роковой вопрос» умно написана, но *бестактно* напечатана.[11] Эти жалкие бестактные редакторы заставили, однако же, читать свой журнал всю Россию (4500 подписчиков — это вся Россия, по крайней мере тогда). К тому же Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, лучше всех известны обстоятельства напечатания этой статьи.[12] Мое мнение до сих пор не изменилось: не статья была напечатана[з] бестактно, а донесено было о ней бестактно, теми людьми, которые и не прочли ее всю, а дочитали уже после.[13] Г-ну Константинову, видимо, известно, что Вы знаете все обстоятельства этого дела и что Вы из главных сотрудников в «Заре»:[и] статью он находит умною, но в пострадавших и беззащитных людей (ибо как же мне защищаться *гласно*, то есть печатно, и доказать, что такая статья напечатана не бестактно?) — кинул ругательством. Он совершенно знал, что[к] *нельзя* ему будет ответить. Ловкий человек.

Итак, кто же этот наездник, нашедший в «Заре» такое гостеприимство?[14] Гостеприимство же действительно чрезвычайное: у него под Ватерлоо разбивает Наполеона Блюхер (которого там

[в] *Было*: того что
[г] *Вместо*: истории литературы — *было*: литер‹атуре›
[д] стало быть *вписано*.
[е] *Вместо*: вместо того — *было*: вместо них
[ж] на меня *вписано*.
[з] *Вместо*: не статья ∾ напечатана — *было*: не напечатана ∾ статья
[и] и что Вы ∾ в «Заре» *вписано*.
[к] *Далее было*: ему

и не было), и «Заря» всё это поместила у себя без оговорки и [л] без возражения.[15]

Простите меня за мою хандру, Николай Николаевич; всё это слишком лично — я сознаюсь. Мне надо было бы пропустить без внимания; потому что пустяки. Но как-то горечь укоренилась в сердце и не лезет вон. Не знаю, тщеславие ли это, малодушие ли, — но мне очень больно почему-то было прочесть, что бывшая деятельность моя (как журналиста), в которую я втянул и брата, — бестактные, неудавшиеся пустяки и ничего больше.

Я давно хотел написать Вам об этом, тогда же, как прочел; но сильно был занят. Теперь опять сажусь за работу. Почти некогда читать, но очень жалею, что не удалось прочесть Вашей статьи о русской литературе в «Заре».[м16] Редакция исключила меня из числа своих подписчиков на этот год и не прислала номера (Вам, конечно, неизвестно, что я не даровой номер получал, а в кредит, до общего расчета с редакцией моими сочинениями, стало быть, я все-таки был подписчиком «Зари»). Никак не могу понять, за что меня исключили? [17] Нахожу только два возможные объяснения: или недоверие к моей состоятельности в уплате, так как я и без того много должен в редакцию, или некоторое враждебное ко мне чувство редакции за то, что не мог сдержать обещания насчет статьи.[18] Признаюсь, что вторую причину я искренно отвергаю — это было бы слишком, то есть не неприязненное чувство редакции отвергаю, а этот способ дать [н] мне его почувствовать. Редакция «Русского вестника» в конце 69-го года и в начале 70-го питала ко мне чувства неприязненные за то, что я на 70-й год, несмотря на обещание, ничего не прислал им, а отдал в «Зарю»,[19] но, несмотря на это и на то, что я оставался должным «Р‹усскому› вестнику» до 2000 руб., они все-таки не лишили меня журнала, а продолжали присылать постоянно.

Неужели же до такой степени на меня сердятся? Между тем в газетных объявлениях я выставлен в числе сотрудников. Это значит: «Задолжал, так не отвертишься; все-таки дашь повесть, *как бы тебя ни третировали*». Неужели так это? [20] Но чем же иначе объяснить?

Пишу это Вам *одному*, Николай Николаевич. Ведь настолько-то, может быть, уважаете же Вы меня, чтоб не подумать обо мне, что я, просто-запросто, хочу теперь [о] через Ваше посредство выканючить себе книжку «Зари», не имея чистых денег на подписку? К самой же «Заре» мне совестно обратиться в таких обстоятельствах, а стало быть, до лета просижу без «Зари». Мне всё обходится дороже, чем другим. Боже, что другие-то ли-

---

л *Вместо*: без оговорки и — *было*: *а.* без малейшего *б.* без очевидного
м *Далее было*: Вы знаете
н *Вместо*: этот способ дать — *было*: способ этим дать
о теперь *вписано.*

тераторы делают с редакторами, да еще нарочно, а не потому, что нужда колотит в загорбок молотом, и им всё сходит (Тургенев, например, с Катковым, когда печатались «Отцы и дети», и не из нужды, а из жадности).[п][21]

Еще раз простите меня за это письмо. Жалобы, дрязги — какая гадость! И эту-то гадость я Вам посылаю вместо письма! Не сердитесь. Или лучше так: сперва выбраньте меня, а потом скажите: «Ведь и он капельку справедлив».

Здоровы ли Вы? Черкните мне хоть что-нибудь когда-нибудь. *Неужто и Вы на меня так сердитесь*?

Весь Ваш искренно Ф. Достоевский.

[п] *Далее было*: Но что ‹?›

412. А. Н. МАЙКОВУ

25 февраля (9 марта) 1871. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{25 фев‹раля›}}{\text{9 марта}}$ 1871.

Многоуважаемый Аполлон Николаевич, не удержался и беспокою Вас опять, слишком тяжело оставаться в неизвестности, да и вредно мне: всё ожидая — не знаю, что предпринять. Уведомьте, прошу Вас очень: ожидать ли мне чего-нибудь? Мне приходит на мысль, что, может быть, еще Стелловского нет в Петербурге. Не получая от Вас решительного слова о том, что дело лопнуло, полагаю, что Вы еще питаете надежду. Но надежда иногда ужасно тяжела и прямо вредит интересам; нечего делать, решусь написать в Москву. Но так как это может вконец разорить мой план возвращения весной в Петербург (потому что, забрав теперь, в неурочное время, деньги из «Р‹усского› вестника», лишу себя возможности спросить к весне *известную* сумму) — то подожду еще Вашего ответа на это письмо[1] и тогда только рискну написать в «Р‹усский› вестник».[2] И потому, ради бога, ответьте, добрейший Аполлон Николаевич.

Да не сердитесь ли Вы уже на меня? Это может быть: слишком уже надоедаю я Вам. Я просил Вас в последнем письме не стеснять себя моим мнением и действовать в высшей степени по единому Вашему усмотрению.[3] Повторяю теперь то же самое: как бы Вы ни решили это дело — я всем останусь доволен — лишь бы этот негодяй хоть что-нибудь *отдал*. Слишком сам понимаю, каково с ним иметь дело.

Я не совсем здоров и почти не могу писать. Пересмотрел первые книжки журналов (здесь почти все они есть): не бог знает что. В наших журналах[4] всё еще лучше. А в тех только старая песня — ассоциации, да рабочие, да Лассаль,[5] или искажение русской действительности в разных обзорах. А что хва-

леный суд? Читаю теперь дело Дмитриевой — оправдали! Кулики! Задолбили *по писанному*. Нет, видно, всего труднее на свете самим собою стать.[6]

А ведь чуть ли теперь, по заключении мира,[7] не станет еще любопытнее в Европе. Года с три нам будут ужасно льстить и улещать нас. Во Франции же, кажется, начнется междоусобная война городов с поселянами.[8] Бисмарк пронюхал дело и сам пожелал там республики — *для порядку*. Провалится Франция. Разве спасет себя — выберет короля построже.[9] Что же касается до перемены политического воззрения в французских головах (на что так наивно надеется Данилевский в своей статье),[10] то никогда этого не будет, или очень долго не будет. Не такие головы, чтобы отказаться[a] могли от ненавистного взгляда на Россию. И сами себя погубят. Таких даже и не жалко.

Услышьте же мольбу мою и ответьте мне что-нибудь, чтоб хоть знать. Главное — поспешите ответить. Положения моего не описываю; не стоит.

Ваш искренний Федор Достоевский.

P. S. Что такое «Беседа»? Получил приглашение сотрудничать.[11] Разумеется, отвечал, что с чрезвычайным удовольствием. Уведомляют, что выслали книжку журнала; но еще не получил. Любопытно очень. Но Ваше мнение? [12]

Кстати, ради бога, не забывайте написать *poste restante*. Иначе я совсем не получу письма. Январская книжка «Зари» 5 дней путешествовала по городу и попала к другому лицу, потому что забыли написать *poste restante*.

---

[a] *Далее было начато*: мысли‹ть›

413. А. Н. МАЙКОВУ

2 (14) марта 1871. Дрезден

Дрезден 2/14 марта/1871.

Любезнейший и многоуважаемый друг Аполлон Николаевич, прежде всего о нашем нескончаемом деле.

Я решился его окончить, то есть *начать иск* судом. И труднее иски выигрывались, а мое право по контракту несомненное. Одним словом, вот чего я желаю и на чем порешил безвозвратно: так как иск дело такое, которым я Вас утруждать не смею, да к тому же Вы и не адвокат, то прошу Вас изо всех сил: *передоверьте* (так как Вы имеете право на то по доверенности от меня) дело какому-нибудь известному адвокату (Спасовичу, Архангельскому или тому подобное) — *чего бы ни стоило*, и пусть тот *тотчас же* начнет против Стелловского формальный законный иск в получении денег [1] (причем сумму надо

обозначать по расчету листов; если будет ошибка, то суд решит). Впрочем, адвокат знает, как сделать. Главное, сообщите адвокату копию с контракта и попросите его особенно изучить пункты 8-й и 13-й.[2] 13-й — главное, ибо я хочу требовать неустойки. Вот это-то и прошу Вас сообщить адвокату.

Главное, надо констатировать, что Стелловский не хотел уплатить, иначе нельзя будет и искать по 13-му пункту. Но адвокат, вероятно, начнет с того, что потребует с Стелловского *формально* всей уплаты чистыми деньгами (без векселя). (Это делается, кажется, с помощию полиции — впрочем, не знаю. Адвокат знает.) И если Стелловский откажется, например, в трехдневный срок уплатить, то и начать иск по 13-му пункту, то есть требовать сверх уплаты и неустойку. Если же заплатит, то черт с ним и с 13-м пунктом. Тогда дело кончено.[3]

Итак, вся моя просьба к Вам: 1) [a] немедленно передать и передоверить всё дело адвокату, но только хорошему и чего бы это ни стоило.

2) Сделать это без малейшего промедления и не опасаясь нисколько за мои интересы. (NB. Ведь по закону адвокат получает плату по окончании дела — так, кажется? Так что Вас ничто не остановит.) Но, ради бога, сделайте без малейшего промедления, сейчас по получении этого письма. Не сомневайтесь ни в чем: ведь это мое собственное желание, и если я сгублю мои деньги, то ведь я сам того хочу. И потому, ради бога, передайте адвокату. Если у Вас сохранены еще мои письма к Вам при начале дела, то при передаче адвокату дела — прочтите ему или дайте прочесть некоторые места из этих писем, чтоб он видел мой взгляд.

Наконец, 3) можно еще раз попробовать до адвоката собственными силами. И для того по получении этого письма вот бы как сделать: напишите, дорогой друг, сейчас же самую лаконическую записку Стелловскому (без мнительности и ничего не опасаясь за мои интересы), что *я* желаю начать иск по закону и потому Вы в последний раз обращаетесь к нему, Стелловскому, приглашая уплатить. При этом в записке назначьте ему (пожалуйста, посуше и неумолимее, формальнее) день, н‹а›прим‹ер› *послезавтра*, и час, в который он может Вас застать дома и принести *все* деньги. Тут же прибавьте, что дальше этого дня и часу Вы ждать не будете и не хотите и что так *я* требую.

Будут два случая: или Стелловский не придет к Вам, тогда тотчас же к адвокату и начинать иск. Или Стелловский придет и заплатит. Тогда взять с него деньги или все, или не менее половины; вексель же (если предложит, в случае половины, вексель) не длиннее как на 3 месяца ни за что.

Или Стелловский придет без денег и начнет требовать, тя-

---

[a] *Далее было начато*: след‹ует›

путь, делать предложения. В таком случае *ничего* не слушайте. А если попросит отсрочки (н‹а›прим‹ер›, скажет, что через 2 недели получит и заплатит) — то ничего не слушайте. Самую большую отсрочку дайте ему до завтра, то есть еще на день. И ни часу долее. Ради бога (это главное для иска), не входите с ним при этом в какие бы то либо разговоры и рассуждения по делу.

Наконец, если уж и начнется иск, а Стелловский во время иска, но до суда явится с деньгами, что несомненно; ибо, поверьте, не захочет иска, то тогда сам адвокат будет знать, как решить.

Главное же, не тяните; сделайте *буквально* так, как я Вас прошу. Ведь деньги мои, ведь я сам желаю *так* сделать, и если я потеряю их *моим* способом действий — то ведь Вам всё равно: я сам хотел. Сделайте же *буквально* так, как я прошу (и без всяких мнительностей, без предварительных разузнаваний, посещений Стелловского, подсылок к нему, справок и проч.). Ради бога, *буквально* так, как я прошу. И не теряйте ни одного дня.

Иначе Стелловского Вы до того избалуете разными послаблениями, что дурак он будет, если отдаст.[6]

Ради бога тоже, не справляйтесь у меня и не требуйте от меня разрешений, чтоб не тянуть дела. Сделайте буквально, как я прошу теперь — вот и всё.

NB. Сроку не давайте ему в Вашей записке более 2-х дней, ни за что, *ни за что*! И сейчас к адвокату.[4]

Адвоката же, опять повторяю, возьмите хорошего (отнюдь не господина с густыми бровями,[5] а настоящего адвоката. Знатный адвокат, хоть и пустое мое дело, — но, может быть, возьмется, потому что дело литературное, даст огласку, и потому не откажется.)

Главное, буквально, как я прошу, без смущений, без вопросов и *не опасаясь за мои интересы.* Ради бога так.

Лестный Ваш отзыв о начале моего романа привел меня в восторг.[6] Боже, как я боялся и боюсь. Когда прочтете это — вероятно, уже прочтете и вторую половину 1-й части в февральской книжке «Р‹усского› вестника». Что-то скажете?[7] Боюсь, боюсь. А за дальнейшее — просто в отчаянии, справлюсь ли. Кстати, ведь всего будет 4 части — сорок листов. Ст‹епан› Т‹рофимови›ч лицо второстепенное, роман будет совсем не о нем; но его история тесно связывается с другими происшествиями (главными) романа, и потому я и взял его как бы за краеугольный камень всего. Но все-таки бенефис Степана Трофимовича будет в 4-й части: тут будет преоригинальное окончание его судьбы.[8] За всё другое — не отвечаю, но за это место отвечаю заранее. Но опять повторяю: боюсь, как испуганная

---

[6] *Далее было*: Вы

мышь, Идея соблазнила меня, и полюбил я ее ужасно, но слажу ли, не из<--->няю ли весь роман, — вот беда!

Вообразите, что я уже получил несколько писем из разных концов с поздравлениями[в] за первую часть.[9] Это ужасно, ужасно ободрило меня. Но без лести к Вам прямо говорю: Ваш отзыв для меня больше всего сто́ит. Во-1-х, Вы уже не польстите мне, а во-вторых, у Вас, в отзыве Вашем, проскочило одно гениальное выражение: «Это *тургеневские герои в старости*». Это гениально![10] Пиша, я сам грезил о чем-то в этом роде; но Вы тремя словами обозначили всё, как формулой. Ну, благодарю Вас за эти слова: Вы мне всё дело осветили.

Ужасно туго работается, чувствую себя нездоровым, и наступает для меня очень скоро частый период припадков. Боюсь не поспеть в срок, опоздать. Не хотелось бы портить поспешностию. Правда, план хорошо составлен и изучен, но поспешностию можно всё испортить.

Непременно решился воротиться весною.[11] То-то наговоримся. «*Беседу*» получил: что-то далее будет. Эстетического отдела нет вовсе, это правда Ваша. Чем «Заря» хуже какого бы то ни было журнала? По-моему, лучше. Но беспорядок и *неумелость* редакторской части (вот увидите) похоронят ее. С мнением Вашим о Страхове не согласен: это единственный критик в наше время.[12] Строгая критика — ведь это специальность «Зари». Выждав время и улучшив редакторскую часть — взяли бы свое. Пусть «*Беседа*» существует, по-моему, она вовсе не могла бы повредить «Заре» конкуренцией. Но она повредит.[13] До свидания. Благодарю Вас за Ваши добрые ко мне чувства. У нас распускаются почки, совершенное начало весны. Но до свидания и скорого.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Ради бога, не забывайте, черкните иногда мне строчки две.

[в] *Далее было начато*: об

414. Н. Н. СТРАХОВУ

18 (30) марта 1871. Дрезден

Дрезден 18/30 марта 1871 г.

Во-первых, многоуважаемый Николай Николаевич, простите меня, что так долго не отвечал на письмо Ваше. Всё произошло от обстоятельств. Некоторое время хворал, а главное, тосковал после припадка падучей. Когда припадки долго не бывают и вдруг разразится, то наступает тоска необычайная, нравственная. До отчаяния дохожу. Прежде эта хандра продолжалась дня три после припадка, а теперь дней по семи, по восьми, хотя

сами[а] припадки в Дрездене гораздо реже приходят, чем где-нибудь. Во-вторых, тоска по работе: мочи нет, как туго пишется. Надо в Россию, хотя и совершенно отвык от петербургского климата. Но все-таки, во что бы то ни стало, а надобно воротиться.

Но нечего пересчитывать; все эти тоски, одним словом, всё отвлекало меня, и только теперь сажусь поговорить с Вами, хотя, после письма Вашего, чрезвычайно много о Вас думал.

Вы не можете представить себе, какие грустные и тяжелые соображения пришли ко мне по прочтении письма Вашего. Что же это такое? Всё, чем была оригинальна «Заря», что давало ей свой особый индивидуальный вид между другими журналами, — всё это найдено у них[б] препятствием к успеху. И это единственный русский журнал, в котором оставалась чистая литературная критика! Да именно потому, что все бросили ее, она и нужна теперь. Она давала «Заре» свою физиономию. Они испугались говору и насмешек. Напротив, чаще, в каждом номере, нужно было настаивать на своей идее, и будущность была бы за ними. Не знаю, как другие, а я по получении «Зари» каждый раз разрезывал прежде всего Ваши статьи и упивался ими.[1] Разумеется, иногда не во всем соглашался (например, в приемах, в тоне, то есть в излишней мягкости Вашей, и, кроме того, в преувеличении некоторых явлений литературы и жизни *) — но интерес был всегда чрезвычайный. Ваша статья о Карамзине[в] так глубока и так мужественно-откровенна, что я порадовался здесь, что еще раздается у нас такой голос.[2] Вы мне что-то вскользь писали тогда, но я и сам кое-что читал потом, и, сколько могу судить, ее, кажется, осудили как ретроградную.[3] Уж не редакция ли Ваша вместе с другими?

Во всяком случае Ваш голос замолчать не может и не должен. Без сомнения, то, что Вы мне сообщили о Ваших *новых* отношениях к «Заре», — есть полуотставка.[4] Что же, Николай Николаевич, как же Вы решаетесь? Месяца через три-четыре мы, может быть, увидимся и тогда наговоримся вдоволь, но покамест, без сомнения, продолжать *покамест* в «Заре», напечатать там еще несколько превосходных статей, а к осени серьезно подумать о своем положении. Ведь если Вы не утвердитесь в «Заре» на прочных и совершенно приличествующих Вам основаниях, то годится ли Вам оставаться? (Я вовсе не амбицию имею в виду; я хлопочу о критике, о существовании у нас литературного органа с здравой критикой.) Что же, если «Заря» сама ее находит *не так нужною*?

Я надеюсь, Николай Николаевич, что я пишу Вам теперь конфиденциально и что письмо это останется между наших че-

---

а сами *вписано.*

б *Было*: у нас

в *Далее было: 1 нрзб.*

* Я *не* про Льва Толстого говорю (*примеч. Достоевского*).

четырех глаз. Кстати: Вы написали в письме Вашем, чрезвычайно вскользь, что *хотите* сесть за литературные воспоминания. Что это будет? И будет ли что-нибудь?[5] Вы упомянули о времени издания нашего бывшего журнала, об Ап. Григорьеве, о нас.[6] Я слишком понимаю, что эта полоса жизни могла резко, а может быть, и приятно (как воспоминание Вашей молодости) отпечататься[г] в Вашей памяти. Но об этом не рано ли слишком писать, да и интересно ли в данный момент? Думаю, что и рано, да и неинтересно будет для других. И однако, мне прошло вот что в голову:

Действительно, какое-нибудь значительное, серьезное сочинение, *вне* Ваших обыкновенных критических статей (то есть главное не в этой форме), а что-нибудь новое, хотя бы и действительно в историко-литературном роде, — было бы прекрасным теперь для Вас предприятием. (NB. Я с чрезвычайным наслаждением, например, прочел Ваши горячие, превосходные страницы в статье о Карамзине, где Вы вспоминаете о Ваших годах учения.)[7] Если «Заря» оставляет Вам теперь столько свободного времени, то к осени Вы бы могли что-нибудь приготовить. Что Вы думаете о «*Беседе*», например? Там совершенно нет литературной критики, но мне кажется, они ни за что не отказались бы напечатать приготовленное Вами летом сочинение, а это бы могло послужить дальнейшим шагом. Я не хочу изворотов и виляний в изложении Вам моей мысли и потому скажу прямо: это не может быть изменой «Заре». Я не подговариваю Вас оставить прежнее знамя и бежать под другое. Но согласитесь же сами, что тут всё, всё заключается в разрешении вопроса: хочет Вашего сотрудничества *сама* «Заря» или не хочет? Уважает ли его или нет? А ведь это непременно должно в скором времени совершенно выясниться.

Что касается до «Беседы», то я решительно не знаю, что это будет такое, хотя первый номер и прочел. Они мне прислали журнал и просили сотрудничества. Разумеется, с величайшею готовностию буду сотрудничать, если будет время.[8] Я-то уж нигде и ничем не связан, кроме долгов. Но деньги вещь не столь деликатная и совершенно восполняются деньгами же. (Это не значит вовсе, что я не думаю о моей повести в «Зарю»; думаю, очень думаю и во что бы то ни было доставлю.)[9]

Опять повторю: жду с чрезвычайным желанием и даже волнением момента встречи с прежними близкими людьми в Петербурге. Но еще одна просьба, кстати: не говорите, если случится, *утвердительно* кому-нибудь о скором моем приезде. Я бы желал, чтоб хоть одну первую-то неделю после прибытия мои кредиторы оставили меня в покое; жду, что так и накинутся, и боюсь, потому что денег не имею, а всё только надежды.

Черкните мне что-нибудь, Николай Николаевич, я человек

[г] *Было начато*: отр‹азиться›

Вам преданный и Вас уважающий и говорю Вам это вполне искренно.[10] Адресс мой здесь покамест всё один и тот же (poste restante непременно).

Не пишется, Николай Николаевич, или пишется с ужасным мучением. Что это значит — я понять не могу. Думаю только, что это — потребность России во что бы то ни стало. Надо воротиться. Чрезвычайно благодарю Вас, что не забыли написать мне о моем романе. Ужасно Вы ободрили меня. С замечанием Вашим о *тоне* в высшей степени согласен; я мучился долго этой невыдержкой тона.[11] С возвращением в Россию придется перервать даже работу. Во всяком случае в нынешнем году роман кончу.[12]

Благодарен Вам тоже за некоторое разъяснение моих недоумений. Если б пришлось повторить, я бы не написал Вам того письма.[13] Я был тогда в ужасном, болезненном нервном раздражении.

Где Вы будете жить летом: в городе или на даче?[14] Хорошо бы, если бы я заране знал. Мне кажется, я явлюсь в самую середину лета.[15] А какие хлопоты с переездом, дорогой Николай Николаевич! Уехали мы сам-друг с молодой женой, а теперь хотя возвращаюсь с такой же молодой женой, *но и с детьми*! (Секрет: одной $1^1/_2$ года, а другой еще X, Y, Z.[16]) Каковы же хлопоты переезда!

Вам преданнейший и весь Ваш

Федор Достоевский.

415. А. Н. МАЙКОВУ

19 (31) марта 1871. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{19 марта}}{\text{1 апреля}^{а}}$ 1871.

Любезнейший и многоуважаемый друг Аполлон Николаевич,

Сделайте, ради Христа, так, как я Вас просил, и передайте дело адвокату. Послав Вам последнее письмо,[1] я думал, что наконец-то дело двинется, а между тем вот опять переписка и опять движение дела затянулось на *месяц*.

Не только дисконт, но и многое другое было бы очень хорошо. Но ведь Вы сами знаете, что *всё* невозможно. Ни Вы, ни я не понимаем ничего в дисконте. Вы начнете мне писать, прося моего мнения, и дело опять затянется. Да и, наконец, почем знать, что Стелловский не надует с дисконтом?[2]

И потому одно прежнее решение: передайте адвокату, которого сами выберете.[б]

а *Так в подлиннике.*

б *Далее было*: Для чего Вы не сделали, как я просил Вас?

Простите меня, голубчик, что не могу отвечать Вам на Ваше превосходное, оживившее меня письмо.[3] Меня Ваши письма оживляют здесь, знаете ли Вы это? Но в настоящую минуту решительно раздавлен работой. Просрочил — не по лени, а потому, что ничего не пишется. Только раздражение нервов и мýка. Надо в Россию, а здесь раздавила тоска. Думал отослать в «Русский вестник» листов *6*, а и трех не будет. Мартовская книжка явится без моего романа.[4] Осталось несколько дней до отсылки. Хотелось Вам отвечать много и подробно на кое-что; не могу.

До свидания, обнимаю Вас и говорю: «Христос воскрес». Жена Вам кланяется, а крестница здорова[5] в высшей степени и нас ужасно радует.[в] Прилагаю требуемое Вами письмецо поофициальнее.[6]

Ваш весь Федор Достоевский.

Адвоката какого сами выберете; на Вашу волю. Я ведь никого не знаю.

[в] *Далее было*: Напишу Вам

416. А. Н. МАЙКОВУ

19 (31) марта 1871. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{19 марта}}{\text{1 апреля}^{а}}$ 1871.

Многоуважаемый Аполлон Николаевич,

После трехмесячной нашей возни с Стелловским я наконец совсем убедился, что он добром не расплатится и что лучше действовать, прибегнув к закону. Я уже просил Вас передать дело адвокату — разумеется, не на крайне невыгодных для меня условиях.[1] Пусть подробно прочтет контракт и особенно 8-й пункт контракта.[2] Дело плёвое, совершенно законное, ясное. Мне кажется, адвокату следовало бы начать[б] простой просьбой к Стелловскому уплатить, пригласить уплатить, — но сделать это как можно официальнее, то есть в том смысле, чтоб было чем уличить потом Стелловского, что его приглашали уплатить, но он не заплатил.

(NB. Ваше мнение, что у Стелловского нет денег,[3] по-моему, совершенно ошибочно. Этот человек во всяком случае может достать их. По смыслу контракта он должен был приготовить уплату за напечатанный мой роман на другой же день, как публиковал в газетах о выпуске его в продажу, то есть 4 месяца назад.[4] Он не имеет права отговариваться, а денег у него столько,

---

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *Далее было*: с того

что он купит всю русскую литературу, если захочет. У того ли человека не быть денег, который всего Глинку купил за 25 целковых.)[5].

Вы спрашиваете моего окончательного мнения насчет пункта о неустойке.[6] Но если Стелловский, на приглашение адвоката заплатить, в условленный короткий срок (или там как адвокат найдет удобнее; совершенно на его соображение) не заплатит и по суду его можно будет уличить, что он не заплатил, то, разумеется, можно начать особый иск и о неустойке в 3000. Но я бы рад был и тому, если б адвокат поскорее взыскал с него *просто* уплату (по 8-му пункту) по расчету, ясно обозначенному в контракте, тогда бог с ней, с неустойкой!

Что же касается до огромности неустойки, то, право, Стелловский стоил бы этой кары. Не я выдумал эту неустойку, а он ее включил в контракт и уж наверно спросил бы с меня всё до копейки, все три тысячи, если б я не исполнил какой-нибудь пункт контракта. Вы знаете ли, при каких обстоятельствах был написан этот контракт? Он пустил на меня Демиса и Гаврилова с векселями, которые я переписал на себя[в] по долгам покойного брата, а с другой стороны предложил мне 3000 за мои сочинения, за которые Базунов дал бы осенью шесть, но летом денег не имел. Я продал сочинения, да еще написал для них новую повесть в 1000 руб.[7] (я беру 150 руб. с листа). И потому, если б теперь я взял с Стелловского неустойку, то воротил бы только *свое*, да и то с большим убытком.

Вообще же пусть адвокат действует, как только сам найдет лучше и выгоднее. Самое лучшее — поскорее взять уплату за «Преступление и наказание». Если же нельзя, то пугнуть Стелловского неустойкой и, разумеется, пугнуть на деле, а не словами.

Вот всё, что, мне кажется, надо было сказать Вам. Сделайте же так, добрый друг мой, как *я прошу*, передоверьте мою доверенность адвокату. В выборе адвоката совершенно полагаюсь на Вас. Я никого из них не знаю.

Ваш весь Федор Достоевский.

P. S. Не худо, если б адвокат, начав с приглашения Стелловскому уплатить, напомнил ему, что он, по смыслу такого-то пункта, отказавшись от уплаты или затягивая ее, должен заплатить неустойку. Впрочем, как знает сам. Что мы знаем в этих делах?

[в] *Далее было начато*: *а.* вме‹сто› *б.* после

417. С. А. ИВАНОВОЙ

29 марта (10 апреля) 1871. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{29 марта}}{\text{10 апреля}}$ 1871.

Милый, добрый друг мой Сонечка. Во-первых, «Христос воскресе» и целую Вас от всей души. Во-вторых, получили ли Вы большое письмо мое месяца три тому назад? [1] Так как Вы мне не ответили, то мне думается, что не получили? Я там многое Вам настрочил в оправдание моего молчания. Неужели Вы так на меня рассердились, что не хотели и ответить? Не верю этому, а верю в золотое сердце Ваше, которое когда-то меня любило. Должно быть, Вы не получили ничего. Что же в таком случае Вы обо мне подумаете?

Но мы теперь скоро увидимся, и тогда, видя, как я Вас люблю, Вы поверите мне опять вполне. Я приеду в июне.[2] Напишите мне *непременно и теперь же*, где Вы будете летом? (Хоть два слова да напишите.) [3] Верите ли, что, мечтая о возвращении, я первым делом мечтаю о встрече с Вами. Хотите верьте, хотите нет — а это так.

В хлопотах теперь я страшных. Работаю день и ночь, а пишется мало и в «Р‹усский› вестник» опаздываю. А между тем на них только и надежда. Они выслали мне уже 1700 руб. и обещают к июню еще тысячу.[4] Вот на эту-то тысячу я и ворочусь. Каково же я должен работать? А между тем, повторяю — без родины не пишется, верите ли Вы этому?

О возвращении, то есть о переезде, думаю с содроганием. Мы едем вдвоем и ребенок на руках, а Ане в начале августа родить.[5] Каков же будет переезд? И вдобавок у меня падучая. Но авось вынесет.

Как только ответите мне, сейчас же напишу Вам много подробностей о себе, и потому буду ждать. А теперь, друг мой, я заговорю об одном чрезвычайно щекотливом деле, касающемся другого лица, по его просьбе. *Пишу под большим секретом.* К Вам просьба моя чрезвычайная содействовать, если можете, одному [a] делу. Если можете не отказать, — то не откажите. Если любите меня, то сделайте что-нибудь.

Вот в чем дело. Весь прошедший год проживал здесь в Дрездене Иван Григорьевич Сниткин, мой шурин. Вы об этом знаете, он был у Вас по возвращении. Он здесь влюбился. Здесь бездна скитающихся русских и между прочими одно богатое семейство, из бывших купцов. В этом-то богатом и многочисленном семействе есть одна девушка — редкое существо, по уму, по сердцу, по характеру.[6] (Я не знаком по домам, так как сам избегаю знакомств, но мы радушно встречаемся.) Иван же Григорьевич

---

[a] *Было*: одну

в доме был близок. Кончилось пламенною любовью, девушка влюбилась в него, а он в нее. Оба поклялись друг другу навеки и теперь секретно и поминутно переписываются. Родители ничего не знают. Вся беда в том, что невеста — чрезвычайная богачка, а жених, сравнительно с нею, совершенно беден. Хоть его и любили в семействе родители девушки и принимали радушно, но если б он только заикнулся о предложении, то ему наверно бы (и безвозвратно) отказали. Напротив, ее хотят выдать за одного знакомого им в России купца. Ей еще только 18 лет, но через год или раньше это сбудется над нею, и она — погибла. Она так любит Ивана Григорьевича, что готова на всё, то есть обвенчаться тайно. Об этом-то теперь и хлопочет Ив‹ан› Григорьевич. (Еще раз предупреждаю, что пишу Вам в чрезвычайном секрете: не погубите его.) Вся беда в деньгах. Он хоть и мог бы рассчитывать на помощь от матери (которая живет теперь вместе с нами), но у ней петербургский дом ее в процессе.[7] Процесс наверно кончится в ее пользу, но покамест она ничего не может дать ему, хотя спит и видит, как бы помочь ему. Время же не терпит.

Две недели назад Ив‹ан› Григорьевич писал сюда жене, что он говорил с Еленой Павловной и, не объясняя ей причины, разом попросил у нее взаймы две тысячи. Она ничего ему не сказала утешительного. А так как он сильно рассчитывал занять у ней, то и просит теперь меня написать Вам и попросить Вас (от меня) поддержать его просьбу у Елены Павловны.[8] Я потребовал, чтобы он позволил мне рассказать Вам всю причину и изложить всю истину. Третьего дня он ответил согласием, прибавив при этом рассуждение, что «таким, которые женятся на богатых, не помогают, а могут заинтересоваться только бедными».

Вследствие его позволения я и пишу теперь к Вам, Сонечка. Всё, чего он трепещет теперь, это то, что узнают, что он женится на богатой. Ему стыдно, например, если Вы узнаете. Тут чистота сердца и невинность первоначальные. Когда [6] они полюбили друг друга, он еще и не знал, что она так богата. Когда же узнал, что за нею 150 000 приданого, то это его сразило. Всё, об чем они взаимно плачут, — это то, что у ней столько денег. Всё это буквально так; я ничего не преувеличиваю, и — уж конечно, не смеюсь над этим.

Одно скажу: она дельнее его. Мало того — она решительно высоких качеств девушка и необыкновенного характера. Я в деле не участвую и с нею не в сношениях, но я многое слышал. Между прочим, она очень страдает. Отчим гонит ее, и именно за то, что она всё отказывается выйти замуж за его знакомого купца. Отчим с ее матерью делает всё что угодно и в семействе всевластен (в семействе только дочери; их, кажется, пять. Невеста Ив‹ана› Григорьевича из самых старших).

Теперь Вы видите, в чем дело, Сонечка. Скажу Вам мое мне-

---

[6] *Далее было*: еще

ние искренно и нимало не виляя душой: с Ив‹аном› Григорьевичем мы прожили здесь весь прошлый год: я видел его каждый день. Как он ни молод, но в нем уж и теперь ясно виден будущий честный, твердый, дельный человек. Он, конечно, слишком наивного, увлекающегося благородства, но па вещи он уже и теперь смотрит ясно и рассудительно и безрассудства не сделает. Ее он ставит сам выше себя. А она не по летам с характером и к тому же остроумна. Любит его ужасно. Итак, мое мнение — брак этот принесет только им взаимное счастье. Если расстроится, то девушка, по крайней мере, будет крайне несчастна. Не подумайте (да Вы и пе подумаете), что я хлопочу тут лишь для того, чтоб доставить Ив‹ану› Григорьевичу богатство.

Мне просто их жалко; по признаюсь Вам совершенно откровенно, что и богатством я вовсе пе пренебрегаю в моем взгляде на это дело. Из Ив‹ана› Григорьевича непременно выйдет весьма дельный человек, а с такими средствами в самом начале оп только расширит себе круг полезной деятельности. (Он искренно готовит себя на всю жизнь к сельскому хозяйству.)

Скажу Вам, что возможность обвенчаться *увозом* (надо же выговорить слово) совсем почти не мечта и может действительно осуществиться. Но для этого ему надо деньги, а он не может их занять теперь пиоткуда, кроме как у Елены Павловны. А между тем драгоценное время уходит. Он, кажется, очень неловко спросил у Елены Павловны 2000 р. (по-моему, и не надо столько денег, можно бы и меньше). Заметьте, что та ему пе совсем отказала. Заметьте еще, что возврат денег Елене Павловне, по-моему, совершенно верен. Невесту не может никто лишить ее имения (состоящего в чистых деньгах). Оно им оставлено от покойника отца; над ними опека; а мать замужем в другой раз.

Кроме того, у матери Ив‹ана› Гр‹игорьеви›ча дом, и если бы даже и проигрался ее процесс (а он будет выигран), то все-таки дом может быть продан за такую сумму, что пе только долги (о которых идет процесс) будут заплачены, но и выручится несколько тысяч сверх того, стало быть, будет чем заплатить даже и в случае неудач со всех сторон.[9]

Раз уже я, попросив Александра Павловича, Вашего покойного отца, доверить деньги покойному брату Мише, ввел его моим советом в убыток.[10] Поверьте, что не захотел бы повторить дело в другой раз, и если б не был *совершенно* уверен, что не пропадут *деньги* Елены Павловны, то не стал бы хлопотать в этом деле.

Итак, если Ваше ходатайство и совет могут [в] что-нибудь значить для Елены Павловны, то не откажите помочь. Если надо будет, изложите ей дело *под секретом*. Впрочем, кроме изложения данных по этому делу, более ведь ничего и не нужно. Конечно, лучше бы было не говорить Елене Павловне о подробностях. Напомните Елене Павловне обо мне и поклонитесь ей от меня.

[в] *Было*: могли

Письмо мое вручит Вам сам Ив‹ан› Григорьевич. Я не верю Вашему адрессу, потому и не пишу Вам прямо. Поцелуйте от меня и поздравьте с праздником мамашу. Марью Александровну поцеловал бы, да не смею, а люблю ее чрезвычайно. Всех вас люблю. До свидания, милая Сонечка, до близкого.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

418. А. Н. МАЙКОВУ

1 (13) апреля 1871. Дрезден

Dresden 1/13 апреля/1871.

Многоуважаемый Аполлон Николаевич, сейчас получил Вашу телеграмму.[1] Не понимаю ровнешенько ничего. Для чего ехать в Петербург? Если я спрошу у Литер‹атурного› фонда, то в самом лучшем обороте дела пройдет три недели или месяц, пока получу, а между тем Вы шлете телеграмму. Что же такое случилось? [2]

Если только один прежний процесс о прежних деньгах, то не стоят они того, чтобы решиться мне на такой ужас, то есть сейчас же ехать. Физическая невозможность, если б и деньги были. Сообразите: если я приеду *сейчас* в Петербург, то меня кредиторы не выпустят обратно в Дрезден. Между тем я буду в Петербурге, а жена останется в Дрездене, ибо не только на 100, но и на 400 нам подняться нельзя с ребенком теперь вместе (долги и проч.). Итак, она в Дрездене, а между тем ей в *августе родить*.[3] Деньги из «Р‹усского› вестника» я получу только в *начале июня* (верно).[4] Но и с деньгами она не могла бы воротиться одна, без меня, на последних порах и с ребенком в руках. Служанки же нанять нельзя: в Россию не едут. Итак, без меня она ехать не может,[а] след‹овательно›, останется в Дрездене, родит, а так как новорожденного глубокою осенью нельзя везти, то, стало быть, она год или полтора опять остается здесь, и я без них, да еще во время *родин*.

Да и весь-то Стелловск‹ий› и все мои дела не стоят того!

Напишите мне, ради Христа, сейчас же письмо.

Какой процесс затевает Стелловский? [5] Прежнее мое дело ясное и чистое, тут спору нет.

Ради Христа, посоветуйтесь с ловким [б] адвокатом, с *настоящим* адвокатом.

Во всяком случае понимаю и чувствую, как дружески Вы обо мне заботитесь. Ценю и не забуду.

Ваш весь Ф. Достоевский.

[а] *Далее было*: с двумя детьми

[б] *Вместо*: посоветуйтесь с ловким — *было*: посоветуйте ловкому

Ради Христа, скорее письмо!

Ночью был сильнейший припадок, и я весь разбит и раздражен, весь в расстройстве.

P. S. Да еще даст ли мне Литературный-то фонд 100 руб.?[6] В *64* году я выпросил себе вспоможение за границу по болезни. (Иначе что бы я стал делать с *тогдашнею* моею падучею, да еще в петербургском климате.) Из-за этого Лавров и с ними 100 человек подняли такой гам, что я должен был выйти из членов Комитета.[7] Будь пострадавший — больной, искалеченный физически и нравственно — вечный труженик, они плюнут, а не помогут. А будь нигилист, сейчас вспоможение дадут. Вы вспомните, из кого там состоит Комитет![8] С позором откажут.

419. А. Н. МАЙКОВУ

5 (17) апреля 1871. Дрезден

Дрезден 5/17 апреля 1871.

Любезнейший друг Аполлон Николаевич, так как ни вчера, ни третьего дня я от Вас письма не получил (объясняющего телеграмму), то, по всей вероятности, могу, кажется, заключить теперь, что всё это было проделкой каких-нибудь негодяев. 1 апреля я вдруг получаю от Вас телеграмму, из Петербурга, в которой Вы приглашаете меня *немедленно* бросить всё и ехать в Петербург *по делу* Стелловского (процесс!), а денег на проезд взять в Литературном фонде.[1]

Одно вижу, что этому мерзавцу[2] известны подробно мои обстоятельства и домашние и с Стелловским. Еще заключаю по некоторым данным, что это не насмешка, а скорее какой-нибудь расчет, чтоб я в Петербург явился. А впрочем, наплевать. Но во всяком случае дело до того правдоподобное, что я мог ведь и поддаться и поехать, тем более что и денег на поездку не надо мне просить ни у какого фонда, а они есть у меня в настоящую минуту и без того.

Во всяком случае вижу и предчувствую, чего могу ожидать по возвращении в Петербург. И откуда я набрал себе столько ненавидящих меня мелких врагов? Кажется, никому особого зла не делал.

Но покамест они останутся с носом. Извините, друг мой, что Вас только привел в недоумение прошлым письмом.[3] Не худо бы, если б Вы мне хоть что-нибудь написали, хоть по этому бы только поводу.[4]

До свидания покамест. Хорошо, если бы обделать все свои дела успешно. Напишите мне подробно Ваш летний адресс.[5]

Мои Вам кланяются, а я весь Ваш

Ф. Достоевский.

420. С. А. ИВАНОВОЙ

12 (24) апреля 1871. Дрезден

Дрезден 12/24 апр‹еля› 1871.

Милый друг мой Сонечка, я Вам послал письмо месяца три назад,[1] очень большое, но ответа от Вас не получил. По некоторым причинам думаю, что Вы просто не получили того письма.

Я теперь только начал так предполагать и моим предположением встревожен. Сделайте милость, пришлите мне Ваш адресс и напишите его четче и точнее. Я Вашим адрессам вообще не доверяю: раз Вам пришло письмо вскрытое, а теперь вот и не дошло.

Потому рискнул написать Вам через редакцию «Р‹усского› вестника».[2] Что-то будет?

Надеюсь Вас летом увидеть.[3] Об житье моем рассказывать нечего: слишком уж давно мы не переписывались.

Нынешнее лето будет для меня трудное и хлопотливое. Мне возвращаться в Россию с скудными средствами тяжело. К тому же жена будет на последних днях беременности, да ребенок на руках без няньки, да я с моею болезнию — всё это тяжело. «Р‹усский› вестник» мне уже помог деньгами и обещается помочь, и очень много,[4] но и эта большая помощь по огромности нужд моих — едва ли будет достаточна.

Напишите мне поболее о себе и о своих.

В том письме было подробное и точное изложение причин (самых непреодолимых), почему я не мог посвятить роман Машеньке.[5]

Вас обнимаю и всех Ваших тоже.

Ваш весь Федор Достоевский.

Все мы здоровы, а жить здесь скучно очень. Вы не можете себе это представить. Даже писать роман *не могу*.[6]

Пишите о себе больше.

421. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

16 (28) апреля 1871. Висбаден

Висбаден. Пятница 28/71 г.

Аня, ради Христа, ради Любы, ради всего нашего будущего не беспокойся, не волнуйся и дочти письмо до конца, со вниманием. В конце увидишь, что в сущности беда не стоит такого отчаяния, а, напротив, есть нечто, что приобретется и будет гораздо дороже стоить, чем за него заплачено! Итак, успокойся, ангел, и выслушай, дочитай. Ради Христа, не погуби себя.

Бесценная моя, друг мой вечный, ангел мой небесный, ты понимаешь, конечно, — я всё проиграл, все 30 талеров, которые ты прислала мне.[1] Вспомни, что ты одна у меня спасительница и никого в целом мире нет, кто бы любил меня. Вспомни тоже, Аня, что есть несчастия, которые сами в себе носят и наказание. Пишу и думаю: что с тобой будет? Как на тебя подействует, не случилось бы чего! А если ты меня пожалеешь в эту минуту, то не жалей, мало мне этого!

Телеграмму я тебе послать не посмел и не посмею, после давешнего письма твоего, где ты пишешь, что будешь беспокоиться.[2] Вообразить только, как пришла бы телеграмма завтра: «Schreiben Sie mir. . .».* [3] Ну что бы с тобой было!

Ах, Аня, зачем я поехал!

Вот как было дело сегодня: сначала получил твое письмо, в первом часу пополудни, но денег еще не получил. Затем сходил домой и написал тебе ответ (подлое письмо и жестокое; я же в нем почти упрекаю тебя).[4] Вероятно, ты получишь его завтра, в субботу, если сходишь на почту не раньше [a] 4-х часов. Письмо отнес, а он мне опять сказал, что нет денег, было уже половина третьего. Когда же я пришел в третий раз в половину пятого, то он мне деньги выдал и на мой вопрос: «Когда они пришли?» — отвечал преспокойно, что около 2-х часов. Зачем же он не выдал мне, когда я был в третьем? Тогда я, видя, что надо дожидаться половины седьмого, чтоб отсюда ехать, отправился в воксал.

Теперь, Аня, верь мне иль не верь, но я клянусь тебе, что я не имел намерения играть! Чтоб ты поверила мне, я тебе признаюсь во всем: когда я просил у тебя телеграммой 30 талеров, а не 25, то я хотел на 5 талеров еще рискнуть, но и то не наверно. Я рассчитывал, что если останутся деньги, то я всё равно привезу их с собой. Но когда я получил сегодня 30 талеров, то я *не хотел* играть по двум причинам: 1) письмо твое слишком меня поразило: вообразить только, что с тобой будет! (и воображаю это теперь) и 2-е) я сегодня ночью видел во сне *отца*, но в таком ужасном виде, в каком он два раза только являлся мне в жизни, предрекая грозную беду, и два раза сновидение сбылось.[5] (А теперь как припомню и мой сон три дня тому, что ты поседела, то замирает сердце! Господи, что с тобою будет, когда ты получишь это письмо!)

Но, прийдя в воксал, я стал у стола и начал мысленно ставить: угадаю иль нет? Что же, Аня? Раз десять сряду угадал, даже zero ** угадал.[6] Я был так поражен, что я стал играть и в 5 минут выиграл 18 талеров. Тут, Аня, я себя не вспомнил: думаю про себя — выеду с последним поездом, выжду ночь в Франкфурте, но ведь хоть что-нибудь домой привезу! За эти 30 талеров,

---

[a] *Было*: позже

* «Пишите мне. . .» (*нем.*).

** ноль (*франц.*).

которыми я *ограбил* тебя, мне так стыдно было! Веришь ли, ангел мой, что я весь год мечтал, что куплю тебе сережки, которые я до сих пор не возвратил тебе. Ты для меня всё свое заложила в эти 4 года и скиталась за мною в тоске по родине![7] Аня, Аня, вспомни тоже, что я не подлец, а только страстный игрок.

(Но вот что вспомни еще, Аня, что теперь эта фантазия кончена навсегда. Я и прежде писал тебе, что кончена навсегда, но я никогда не ощущал в себе того чувства, с которым теперь пишу. О, теперь я развязался с этим сном и благословил бы бога, что так это устроилось, хотя и с такой бедой, если бы не страх за тебя в эту минуту. Аня, если ты зла на меня, то вспомни, что я выстрадал теперь и выстрадаю еще три-четыре дня! Если когда в жизни потом ты найдешь меня неблагодарным и несправедливым к себе — то покажи мне только это письмо!)

Я проиграл всё к половине десятого и вышел как очумелый; я до того страдал, что тотчас побежал к священнику (не беспокойся, *не* был, *не* был и не пойду!). Я думал дорогою, бежа к нему, в темноте, по неизвестным улицам: ведь он пастырь божий, буду с ним говорить не как с частным лицом, а как на исповеди. Но я заблудился в городе, и когда дошел до церкви, которую принял за русскую, то мне сказали в лавочке, что это не русская, а жидовская. Меня как холодной водой облило. Прибежал домой; теперь полночь, сижу и пишу тебе. (К священнику же не пойду, не пойду, клянусь, что не пойду!)

У меня осталось полтора талера мелочью, стало быть, на телеграмму есть (15 грошей), но я боюсь. Что с тобой будет! И потому решил написать письмо и завтра в 8 часов утра отправить тебе, а чтобы ты получила без задержки в воскресение, то пишу по адрессу, а не на *poste restante.* (А ну как ты бы, ожидая меня, не пошла совсем на почту!) Но я завтра, может быть, еще пошлю тебе письмо на poste restante, отнесу только поздно, а послезавтра, в воскресение, наверно еще напишу.

Аня, спаси меня в последний раз, пришли мне 30 (тридцать) талеров. Я так сделаю, что хватит, буду экономить. Если успеешь отправить в воскресение, хоть и поздно, то я могу приехать и во вторник и во всяком случае в среду.

Аня, я лежу у ног твоих, и целую их, и знаю, что ты имеешь полное право презирать меня, а стало быть, и подумать: «Он опять играть будет». Чем же поклянусь тебе, что *не буду*; я уже тебя обманул. Но, ангел мой, пойми: ведь я знаю, что ты умрешь, если б я опять проиграл! Не сумасшедший же я вовсе! Ведь я знаю, что сам тогда я пропал. Не буду, не буду, не буду и *тотчас приеду!* Верь. Верь в *последний раз* и не раскаешься. Теперь буду работать для тебя и для Любочки, здоровья не щадя, увидишь, увидишь, увидишь, всю жизнь, И ДОСТИГНУ ЦЕЛИ! Обеспечу вас.

Если же не успеешь выслать в воскресение, то вышли в понедельник пораньше. Тогда в среду, к полудню, я буду у вас. Не

тревожься, если в воскресение нельзя будет выслать, а обо мне не очень думай, мало еще мне этого, не того я достоин!

Но что мне сделается! Я вынослив до грубости. Мало того: я как будто переродился весь нравственно (говорю это и тебе, и богу), и если б только не мучения в эти три дня за тебя, если б не дума поминутно: что с тобою будет? — то я даже был бы счастлив. Не думай, что я сумасшедший, Аня, ангел-хранитель мой! Надо мной великое дело совершилось, исчезла гнусная фантазия, *мучившая* меня почти 10 лет. Десять лет (или, лучше, с смерти брата, когда я был вдруг подавлен долгами) я всё мечтал выиграть. Мечтал серьезно, страстно. Теперь же всё кончено! Это был ВПОЛНЕ последний раз! Веришь ли ты тому, Аня, что[б] у меня теперь руки развязаны; я был связан игрой,[в] я теперь буду об деле думать и не мечтать по целым ночам об игре, как бывало это. А стало быть, *дело* лучше и спорее пойдет, и бог благословит![8] Аня, сохрани мне свое сердце, не возненавидь меня и не разлюби. Теперь, когда я так обновлен, — пойдем вместе, и я сделаю, что будешь счастлива!

А Люба, Люба, о, как я был подл! Но я об тебе только думаю: воображу только, что с тобой будет, когда ты это прочтешь! Да и до этого письма сколько измучаешься, видя, что я не еду, надумаешься! Принесут ли письмо тебе это вовремя? А что, коль затеряется! Но как же затеряться, если телеграмма дошла по этому же адрессу? Напишу на всякий случай еще *poste restante* несколько строк. Завтра и отдам в продолжение дня.

Думаю: получу иль не получу от тебя завтра письмо? Верно, нет! Ты ждешь меня завтра самого и писать не будешь.

Если в воскресение тебе *не* удастся выслать мне деньги, то напиши мне письмо. Я так буду счастлив, хотя бы ты и проклинала меня, хоть несколько строк твоею рукой. Если же не успеешь в воскресение написать, то пошли письмо в понедельник пораньше вместе с деньгами (если и деньги не поспеешь в воскресение). Письмо во всяком случае прежде денег придет. А я[г] так был бы счастлив твоим письмом!

Аня, как подумаю, что с тобой будет, когда получишь это, то точно обмираю весь. Только эта и будет мука. А прочее всё (скуку, тоску, неизвестность) — всё это я вынесу. Мало мне! Постараюсь заняться чем-нибудь: сяду писать в эти три дня два нужные письма — Каткову и Майкову! Аня, верь, что настало наше воскресение, и верь, что я отныне достигну цели — дам тебе счастье!

Целую вас обеих, обнимаю, прости, Аня!

Твой весь отныне Федор Достоевский.

[б] *Далее было*: я
[в] *Текст*: я был связан игрой — *вписан*.
[г] *Далее было*: тут

P. S. К священнику *не пойду*, ни за что, ни в каком случае. Он один из свидетелей старого, прошедшего, прежнего, исчезнувшего! Мне больно будет и встретиться с ним! [9]

P. P. S. Аня, радость моя вечная, одно впредь мое счастье, — не беспокойся, не мучайся, сохрани себя для меня!

Не беспокойся и об этих проклятых, ничтожных 180 талерах, правда, теперь опять мы без денег, — но ведь не долго, не долго (а может, и Стелловский выручит [10]). Правда, наступает время проклятых закладов, которые так тебе ненавистны! Но ведь уж это в последний раз, вполне в последний! А там я добуду денег, знаю, что добуду! Только бы в Россию поскорее! Напишу к Каткову и буду умолять его *ускорить*, и я уверен, он примет в соображение. Так напишу, что примет.

Ради бога, только не беспокойся обо мне (ведь ты ангел, ведь ты меня и проклянешь, а пожалеешь, а стало быть, будешь беспокоиться). Но не тревожься: я перерожусь в эти три дня, я жизнь новую начинаю. О, кабы поскорее к вам, поскорее вместе! Только одно и страшно: что с тобой будет, как получишь письмо это? Одному только верь — моей бесконечной любви к тебе. И теперь уже не буду мучить тебя никогда, ничем.

P. P. P. S. Всю жизнь вспоминать это буду и каждый раз тебя, ангела моего, благословлять. Нет, уж теперь твой, твой нераздельно, весь твой. А до сих пор *наполовину* этой проклятой фантазии принадлежал.

422. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

17 (29) апреля 1871. Висбаден

Висбаден 29 апреля 71. Суббота.

Милый друг Анечка, я уже послал тебе сегодня (в 9 часов утра) мое вчерашнее, ночное, письмо [1] по адрессу Moritz-Strasse и т. д., это же посылаю теперь в предположении, что то не дойдет или как-нибудь замедлится, и адрессую на poste restante по-всегдашнему и, таким образом, буду уверен, что во всяком случае завтра, в воскресение, ты получишь от меня известия.

Я тебе описал всё в том письме; я проиграл твои последние тридцать рублей и прошу тебя еще раз спасти меня, в последний раз, — выслать мне еще тридцать рублей.

Друг мой, я проснулся сегодня в 8 часов, а заснул в 4 часа ночи, спал всего четыре часа. Надо было сбегать на почту отнести мое ночное письмо. Днем еще пуще страх за тебя: господи, что с тобой будет и что я наделал.

(Телеграмму не посмел послать, чтоб тебя не испугать, и рассудил, что лучше письмо на Moritz-Strasse и т. д., чтоб вернее и, может быть, скорее дошло к тебе. Всё это я тебе разъяснил в вчерашнем ночном письме.)

Предстоит суток трое мучений нестерпимых, нравственных, конечно. Телом я здоров, кажется. Но ты-то, ты-то здорова ли? Вот что сокрушает меня!

К священнику не пойду.[2] Забыл тебе приписать в том письме кое-что, может быть, важное: если получишь письмо мое дома, то есть по адрессу Moritz-Strasse и т. д., и так как ты вместо письма ждала меня, то ты бы могла сказать мамаше, которая знает, разумеется, что ты меня ждала, что со мной случился припадок и что я, в припадочном состоянии, не мог уже рискнуть выехать, чтоб пробыть в вагоне 17 часов в натянутом положении и ночь без сна, и потому дня два или три остался еще отдохнуть, чтоб не повторился припадок. Вот чем объяснить мое замедление в ее глазах. Если же она узнала или догадалась, что ты понесла закладывать вещи, чтоб выслать мне, то и тут можно кое-что сказать, например, что по обыкновению, в припадке, я испортил тюфяк и что там потребовали с меня за это талеров 15, и так как я, стыдясь заводить дело, их тотчас же заплатил, чтоб не кричали, что у меня и денег не осталось воротиться в Дрезден, и так как денег надо ждать трое суток от тебя, то эти трое суток лишняя трата и потребовалось уже не 15 талеров выслать, а более.

Аня, всё об тебе думаю и мучаюсь. Думаю и об нашем возвращении в Россию, всё рассчитал, на Каткова и на Майкова деньги[3] мы обернуться можем, и Катков пришлет скорее июня[4] (я буду писать ему и просить), но Майкову я буду писать настоятельно.[5] Я рассчитал, что всё можно обделать, даже запастись платьем и бельем и доехать — всё на эти средства. Ну, а в Петербурге я достану денег. В этом я убежден. И, кроме того, убежден, что не откажет мне И‹ван› Гр‹игорьевич› в 4 тысячах взаймы, и это всё в первый месяц решится. Он будет жить всё лето в Царском Селе.[6] Ты представить не можешь, Аня, как я надеюсь, что мы воскреснем и отлично поправимся, к зиме же. Бог поможет, и я верую в это.

Я пришел к убеждению, что в нашем положении, с нашими экстренными тратами, какие бы ни получались деньги — всё нам будет мало, всё мы будем иметь вид разоренных, а чтоб вылечить это — нужна разом сумма значительная, кроме наших средств, то есть 4 или 5 тысяч. Тогда, став на ноги, можно будет идти. Так я и сделаю. И сколько ни размышляю — невозможно, чтоб Ив‹ан› Гр‹игорьевич› мне отказал. Невозможно ни под каким видом.

Но главный первый шаг теперь переезд в Россию! Вот бы что осуществить прежде всего. Сегодня же сяду писать к Каткову.[7]

Аня, не тоскуй по деньгам. Понимаю, как тяжелы тебе заклады, но скоро, скоро всё кончится навсегда, и мы обновимся. Верь.

Ах, береги себя, для будущего ребенка,[8] для Любы, для меня. Не тоскуй и не сердись, что я так пишу: я сам понимаю, каково мне говорить тебе: береги себя, когда сам тебя не берегу.

Аня, я так страдаю теперь, что, поверь, слишком уж наказан. Надолго помнить буду! Но только бы теперь тебя бог сохранил, ах, что с тобой будет! Замирает сердце, как подумаю.

Сегодня дождь, сырость, мокрять. Так всё уныло и грустно, — но о будущем думаю с бодростию. Мысль о будущем даже обновляет меня. Если только чуть-чуть будет у меня спокойного времени и роман мой выйдет превосходен, а стало быть, второе издание,[9] в журналах кредит вперед; [a] и мы на ногах.

Поскорее бы только в Россию! Конец с проклятой заграницей и с фантазиями! О, с какою ненавистью буду вспоминать об этом времени.

Прости только ты меня и пе разлюби.

До свидания, друг мой, обнимаю тебя и Любу, завтра опять папишу.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Я слишком понимаю, что в воскресение тебе никак почти нельзя будет достать и выслать денег. Буду ждать до вторника, но и в понедельник на авось наведаюсь на почте. На почте я по крайней мере два раза в день бываю. В среду, может, и увижусь с вами, то есть наверно, если бог поможет и получу не позже, чем во вторник в три часа.

Я потребовал себе счет в отеле. 18 флоринов, но зато цены варварские. Значит, ко вторнику будет флоринов тридцать или немного больше, на остальные доеду в третьем классе.

До свидания, ангел мой, до свидания, целую тебя.

Ф. Д.

---

[a] *Далее было*: и примем опять поклон ‹?›

423. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

19 апреля (1 мая) 1871. Висбаден

Висбаден 1 мая/71-го. Понедельник.

Милый друг мой Аня, пишу тебе только несколько строк в ожидании твоего письма.[1] Иду сейчас на почту, и если не получу от тебя хоть какого-нибудь письма, хоть нескольких строк — буду очень несчастен. Денег получить от тебя я сегодня, разумеется, не надеюсь.

Только и думаю о том, как бы поскорее воротиться. Живу как в лихорадке, но очень тошно. Вчера был очень тяжелый день для меня и к тому же дождь. Вечером только прояснилось, и я ходил гулять. Но вечером мне всегда грустнее. Беспрерывно думаю о тебе: как на тебя подействовало, представляю себе это.[2] Сплю дурно, с дурными снами.

Что Люба? Расцелуй и скажи ей, что папа целует. Напоминай ей обо мне изредка, чтоб она не забыла.

Страшно боюсь, что при расчете не хватит на всё денег. Но я как-нибудь обделаю. (Будь уверена — не пойду туда.[3] Впрочем, об этом и писать лишнее.)

Вот уже неделя, как мы не видались.

Ну до свидания, милая, я как в лихорадке, что-то почта скажет сейчас! Проклятый почтмейстер, он, пожалуй, не выдаст письма или затеряет. Если б ты знала, какая здесь небрежность и высокомерность в почтамте.

Если надо будет тебе еще что-нибудь приписать, то ворочусь домой, распечатаю и припишу.

До свидания, бесценный друг мой.

Обнимаю всех троих.

Твой Ф. Достоевский.

$^{1}/_{2}$ *второго.*

Сейчас (ровно в час) получил твое бесценное письмецо[4] и приписываю несколько слов.

Всего больше (совсем не шучу) огорчило меня то, что Люба принимает хозяина за меня. Неужели успела забыть? Но ведь она и всех мужчин называет *папа.* Легкомысленное создание! И легкосердечное; но таковы все женщины.

Кроме тебя одной: спасибо, Аня, заслужу тебе, выручила.[5]

Теперь о самом необходимом.

Я получил только письмо, а денег еще нет.

Я объяснил всё почтмейстеру, и он мне *положительнейшим* образом объявил (толково обо всем расспросив), что раньше 7 (семи) часов вечера я сегодня денег не получу. Я все-таки зайду на почту в три часа.

Ну что теперь делать, Аня! Если не выеду отсюда в 4 часа, то не выеду сегодня и из Франкфурта! Нет поезда.

Ночевать, стало быть, в Франкфурте (здесь дорого и хлопотливо, а счет ужасный, вряд ли хватит денег). Если ночевать, то где? В гостинице? Но разбудят ли утром? Просидеть ночь на станции? Но ведь станция все-таки на ночь запирается.

Как-нибудь решу. Вернее всего, жди меня завтра до 12 часов ночи. Поезд приходит к одиннадцати. Ради бога, не сделай глупость, не выйди на станцию в этот час. Ради бога, слышишь, прошу тебя.

Важнейшее замечание:

Если я не приеду завтра (то есть во вторник) к полуночи, то, *ради Христа*, умоляю тебя, не отчаивайся и не подумай, что я опять проиграл. *Не будет этого и не может быть.*[6] А если случится, что опоздаю, то каким-нибудь образом был задержан в дороге. Мало ли случаев, мало ли задержек?

Последнее: вероятно, я приеду[а] голодный, потому что, кажется, *не хватит* денег для обедов в дороге. И потому прошу приготовить кусочек чего-нибудь (ну хоть чего-нибудь) к моему приезду. И если ты вполне христианка, голубчик Аня, то не забудь приготовить к моему приезду *пакет папиросок*, потому что у меня наверно ничего не будет курить.

Я и теперь весь измок, и дождь всё льет, а зонтика нет. Плохо, если не обсохну к отъезду.

До свидания, до скорого.[7]

Обнимаю тебя.

Твой Ф. Достоевский.

На конверте:

Saxe, Dresden.
A m-me Dostoiewsky,
poste restante.

[а] *Было*: буду

424. А. Н. МАЙКОВУ

21 апреля (3 мая) 1871. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{21 апреля}}{\text{3 мая}}$/71.

Простите, дорогой друг, что не ответил Вам на Ваше объяснительное письмо от 4-го апреля тотчас же, а отложил на капельку времени, а капелька разрослась в такой срок. Я перед Вами еще[а] должен извиниться в том, что в самом последнем письме моем обругал негодяем того предполагаемого анонимного насмешника, который прислал телеграмму.[1] Вы поймете, разумеется, дорогой друг, что если б и в самом деле такую штуку сделал кто-нибудь посторонний, из смеху (а мне случалось получать анонимные ругательные письма), то было бы досадно и можно бы его обругать. Вся нелепица произошла, во-первых, 100 roubles в телеграмме, а во-вторых, что я во всяком случае ничем предварительно был Вами не предуведомлен, так что я, только что раскрыл телеграмму, и усумнился в ней. Но что *главнейше* подтвердило мое подозрение — это что Ваше

[а] *Далее было*: в долгу за то

объяснительное письмо запоздало и не пришло с первой почтой для разъяснения телеграммы.[2] Тогда я совершенно убедился и — соврал. Теперь мне всё понятно, а Ваше дружеское участие ко мне меня слишком радует.

Но видите ли, однако, как Фонд высокомерно отнесся к моей (то есть к Вашей обо мне) просьбе насчет займа, каких потребовалось гарантий и проч. и какой высокомерный тон ответа. Если б нигилист просил, не ответили бы так.[3]

Насчет же моего возвращения разъясню Вам одно, чтоб Вы знали наверно: денег, чтоб воротиться и приехать хоть бы[б] с пустыми руками, нам нужно несравненно больше, чем Вы предполагаете. Прижившись к месту, не так легко отрываться. В 4 года всякий кафтан продырявится, и чипка потребует средств. Без аллегорий говоря, без тысячи руб‹лей› невозможно, и это самым беднейшим образом. Вы поймете, что тут вовсе не один переезд. На весь переезд с Аней и с Любой мы положили только 120 руб. Тут на другое нужно, без чего нельзя отсюда тронуться. Мне из «Р‹усского› вестника» выслали к празднику денег, но просимую собственно на переезд тысячу попросили меня подождать до конца июня.[4] А между тем именно ждать-то почти невозможно. В начале августа жена должна родить, и потому такой длинный переезд несравненно лучше сделать за два месяца до родов, чем только за месяц, ибо в последнем случае оно даже и невозможно. Припомните, что мы должны ехать без прислуги и имея Любу на руках. Остаться[в] же до после родов тоже нельзя: невозможно возвращаться в октябре с новорожденным ребенком. Наконец, остаться в Дрездене еще на год — всего уже невозможнее. Это значит совсем убить Анну Григорьевну отчаянием, в котором она не властна, ибо тут настоящая болезнь тоски по родине. Невозможно и мне год не переезжать: я, во-первых, по известным мне причинам, оставшись здесь, не в состоянии буду кончить роман и ужасно *могу* потерять в денежных делах; всё[г] это объясню при свиданье.

Итак, возвратиться первое дело. Пишу Каткову особую и большую просьбу ускорить присылку и объясняю почему.[5] Но если не ускорят, а это наверно почти так будет, тогда что? Тогда именно надежда на эти деньги с Стелловского, а недостающее до тысячи (необходимой на переезд) уж я чем-нибудь восполню.

Итак, опять моя прежняя, всегдашняя, ноющая просьба к Вам *поспешить* с Стелловским. Поспешить же только *одним* можно, а стало быть, и я только *одного* прошу: это передоверить[д] поскорее адвокату (Губину, кажется) и попросить его не-

---

[б] *Вместо*: хоть бы — *было*: по крайней мере
[в] *Было начато*: Пром‹едлить?›
[г] *Было*: про всё
[д] *Было*: передать

медленно и энергически начать дело законным порядком, то есть судом.[6] И именно так, как Вы писали в последнем письме, то есть сначала потребовать уплаты немедленной и полной, и если не уплатит,[е] — то в суд с требованием неустойки (NB. что совершенно законно).[7] Стелловский поймет, что неустойка тут весьма законна с моей стороны, и все-таки думаю до сих пор, что не рискнет на процесс, а уплатит. Того-то и надобно. Если же долго не будет уплачивать, а по ходу процесса будет между тем видно, что получение неустойки очень возможно, то — зачем же свое терять? В этой неустойке он ничего не приплатит лишнего, но совести говоря, потому что при самой покупке сочинений моих он надул меня тогда по крайней мере на 3 тысячи, *заставив* продать ему[ж] за три тем, что скупил тогда мои векселя и выпустил на меня кредиторов, самым бессовестным образом потребовавших вдруг уплаты (ибо Демис, например, божился мне, после смерти брата, что не потребует уплаты скоро, только бы я перевел братнины векселя на мое имя).[8]

Но во всяком случае не задерживайте дело, голубчик. Торопите Губина. Вспомните, что от этого зависит теперь мой переезд в Россию, а стало быть, вся моя будущность, и что если не перееду, то почти погибну.

У Стелловского деньги есть и должны быть всегда. В то самое время, когда он уверял Вас, что у него денег нет, он приобретал Серова у вдовы, а та, должно быть, взяла немало.[9]

Обо многом хотелось бы мне поговорить с Вами. До возвращения; тогда славно поговорим. Где Вы летом?[10] Для меня теперешняя перемена жизни — чрезвычайное и о сю пору волнующее меня событие, так что заниматься почти не могу. А какой ущерб моему роману[11] доставит этот переезд, и особенно если он задержится. Ужас. Весь Ваш. Черкните мне что-нибудь.[12]

Ваш Ф. Достоевский.

[е] *Вместо*: не уплатит — *было*: нет
[ж] *Далее было начато*: по кр‹айней мере?›

425. Н. Н. СТРАХОВУ

23 апреля (5 мая) 1871. Дрезден

Дрезден $\frac{\text{5 мая}}{\text{23 апреля}}$ 71.

Письмо Ваше, как и всегда, меня чрезвычайно заинтересовало, многоуважаемый Николай Николаевич. Но какие же странные известия: я не мог представить, что Вы так уж *совсем* покончили с «Зарей». Из письма Вашего вывожу это, да еще

пишете, что рады отдохнуть и набрали переводов.[1] Нет, так нельзя, Николай Николаевич. Вы не можете бросать так Ваше большое дело. У нас нет критика ни одного. Вы были, буквально, единственный. Я два года радовался, что есть журнал, главная специальность которого, сравнительно со всеми журналами, — критика. И что же они сами уничтожили то, что у них было самостоятельного, оригинального, своего. Я упивался Вашими статьями, я Ваш страстный поклонник и твердо уверен, что у Вас есть и кроме меня достаточно поклонников и что во всяком случае надо продолжать. Оставлять — малодушие. Простите меня за такое слово; но я, давно уже зная Ваш характер лично, уверен, что Вы слишком не в меру обескураживаетесь после первой неудачи. Но неудача всегда бывает, во всяком деле. И притом Вы ведь сами не выдержите: погуляете, как Вы пишете, но на переводах одних не останетесь и станете издавать брошюры отдельно.[2] Так зачем же вместо того не обеспечить себя, не пристроиться к новому журналу «Беседе»?[3] А мне так кажется, что в «Беседе» именно люди, которые Вас могут получше понять и поглубже оценить, чем в «Заре».

При этом вот какое я вывел заключение, Николай Николаевич, и которое, вероятно, Вы тоже знаете, но не прониклись еще им вполне, так, как был и я до самого последнего времени. Вот в чем дело: вследствие громадных переворотов, начиная с гражданских и доходя до тесно-литературного цикла, у нас разбилось, рассеялось на некоторое время и понизилось общественное образование и понимание. Люди вообразили, что им уже некогда заниматься литературой (точно игрушкой, каково образование!), и уровень критического чутья и всех литературных потребностей страшно понизился. Так что всякий критик, кто бы у нас ни появился, не произвел бы теперь надлежащего впечатления. Добролюбовы и Писаревы имели успех именно потому, что, в сущности, отвергали литературу — целую область человеческого духа.[4] Но потакать этому невозможно и продолжать критическую деятельность все-таки должно. Простите же и меня за совет, но вот как бы я поступил на Вашем месте теперь.

У Вас была, в одной из Ваших брошюр, одна великолепная мысль, и главное, первый раз в литературе высказанная, — это что всякий чуть-чуть значительный и действительный талант — всегда кончал тем, что обращался к национальному чувству, становился народным, славянофильским.[5] Так свистун Пушкин вдруг, раньше всех Киреевских и Хомяковых, создает летописца в Чудовом монастыре,[6] то есть раньше всех славянофилов высказывает всю их сущность и, мало того, — высказывает это несравненно глубже, чем все они до сих пор. Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этот же путь и невозможность из-за скверных свойств личности.[7] Но этого мало: этот *закон* поворота к национальности можно проследить не в одних поэтах и литературных деятелях, но и во

всех других деятельностях. Так что, наконец, можно бы вывесть даже другой закон: если человек талантлив действительно, то он из выветрившегося слоя будет стараться воротиться к народу, если же действительного таланта нет, то не только останется в выветрившемся слое, но еще экспатри‹и›руется, перейдет в католичество[8] и проч. и проч. Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените)[9] именно был немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда (о Белинском еще много будет сказано впоследствии; вот увидите). Но дело в том, что эта мысль Ваша до того сильна, что непременно должна быть развита особо, специально. Напишите статью на эту именно тему, развейте ее специально и поместите в «Беседе». Наверно, они ей обрадуются.[10] Это будет та же критика, только в иной форме. Две-три таких статьи в год, и я Вам предрекаю успех, и, кроме того, в публике Вас не забудут, а именно скажут, что Вы перешли в круг,[а] в котором Вас более понимают. «Беседа» не «Заря». Главное, зачем бросать литературу?

Но простите; если б мы говорили лично, то лучше поняли бы друг друга. Увы, если Вы едете в Киев,[11] то я Вас ни за что не застану в Петербурге. Я ворочусь только в июне, так расположились денежные средства мои.[12] Итак, до осени. Хорошо бы, если б Вы,[б] выезжая из Петербурга, написали мне еще письмецо.[13] Письма Ваши я получаю с радостию. Но вот что скажу о Вашем последнем суждении о моем романе: во-1-х, Вы слишком высоко меня поставили за то, что нашли хорошим в романе,[14] и 2) Вы ужасно метко указали главный недостаток. Да, я страдал этим и страдаю; я совершенно не умею, до сих пор (не научился), совладать с моими средствами.[15] Множество отдельных романов и повестей разом втискиваются у меня в один, так что ни меры, ни гармонии. Всё это изумительно верно сказано Вами, и как я страдал от этого сам уже многие годы, ибо сам сознал это. Но есть и того хуже: я, не спросясь со средствами своими и увлекаясь поэтическим порывом, берусь выразить художественную идею не по силам. (NB. Так, сила поэтического порыва[в] всегда, например, у V. Hugo сильнее средств исполнения.[16] Даже у Пушкина замечаются следы этой двойственности.) И тем я гублю себя. Прибавлю, что переезд и множество хлопот этим летом страшно повредят роману. Но благодарю Вас за сочувствие.

Как жаль, что долго еще не увидимся. А покамест я

Ваш весь, сполна преданный Вам

Федор Достоевский.

[а] *Вместо*: перешли в круг — *было начато*: нашли круг

[б] *Вместо*: Хорошо бы ∾ Вы — *было*: Хорошо бы только, если б Вы выез‹жая›

[в] *Вместо*: поэтического порыва — *было начато*: поэтической ид‹еи›

426. С. А. ИВАНОВОЙ

Конец апреля—начало мая 1871. Дрезден

‹...› если [a] я наврал в моем предположении, то собственно из участия к Вам.[1]

Ах, Сонечка, такое предстоит мне хлопотливое время, что и не понимаю, как одолеть его.

Писал в «Р‹усский› вестник»,[2] хорошо, если вышлют деньги пораньше, тогда бы мы к 1-му июня выехали в Петербург.[3] Вообразите: Ане в начале августа или в конце июля приходится родить, а она уже и теперь ужасно тяжело носит. Каково же мы поедем, конечно, без прислуги и имея Любу.

Какой я видел сон недели за три до кончины тетки: я вхожу будто к ним в залу; все сидят, и тут будто моя мать-покойница. Много гостей и большой пир. Я говорю с теткой и вдруг вижу, что в больших стенных часах маятник вдруг остановился. Я и говорю: это, верно, зацепилось за что-нибудь, не может быть, чтоб так вдруг встал, подошел к часам и толкнул опять маятник пальцем; он чикнул раз-два-три и вдруг опять остановился. Тут я проснулся и записал сон.

Вечером у одной знакомой (Висковатовой) рассказываю. Она мне и говорит: напишите справьтесь, не случилось ли чего-нибудь? И вот и вправду тетка умерла, маятник остановился.[4]

До свидания! Дорогой мой друг.

Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Покойница тетка имела огромное значение в нашей жизни, с детства до 16 лет, многому она способствовала в нашем развитии.[5] Вы знали ее очень поздно.

---

[a] *Начало письма не сохранилось.*

427. В. И. ГУБИНУ

8 (20) мая 1871. Дрезден

Дрезден 8/20 мая 1871 г.

Милостивый государь Василий Иванович,

Благодарю Вас за подробное уведомление о ходе дела[1] и очень рад с Вами познакомиться. Поздненько, впрочем, мы начали, и теперь так сошлось, что если б еще позже, то было бы лучше. Я потому говорю, что в июне сам намереваюсь быть в Петербурге (конечно, в конце июня).[2] Лично я бы мог Вам кое-что передать. Теперь посылаю Вам письмо страховое: документ хоть и невеликий, а худо, если б затерялся. Письмо мое, конечно, Вас в Петерб‹урге› не застанет.

На все счеты и расходы, о которых Вы в письме упоминаете, я с удовольствием согласен, но только *теперь* (хоть Вы сами и не требуете с меня) ничем не могу помочь в затратах по делу. Что же касается до моих личных, здешних денежных обстоятельств, то, во-первых, благодарю Вас за участие и за хлопоты (Вы пишете, что пытались достать под процесс); во-вторых, скажу Вам, что я хоть и рассчитывал на уплату Стелловского, чтоб на эти деньги воротиться в Петербург, но всё еще имею надежду, что выручит и «Русский вестник»,[3] который всегда со мной поступал превосходно. Они обещали прислать 1000 руб., но в июне (то есть в конце июня),[4] а я боюсь, что это будет поздно по состоянию здоровья моей жены, и послал к Каткову вторичную просьбу,[5] с изложением всех причин, чтобы прислали 1000 руб. не в конце июня, а к самому началу. Если пришлют, то, может быть, еще будет время воротиться благополучно; если же не смогут прислать в начале июня, то я почти пропал, ибо ехать будет поздно и почти невозможно. Так говорят доктора, и две недели составляют большую разницу. Вот почему я так и зарился на деньги со Стелловского, чтобы с помощию их как можно раньше отсюда тронуться. Но не беспокойтесь обо мне более. На «Р‹усский› вестник» я всё еще крепко надеюсь; во всяком же случае, хоть и поздно, а получу и без денег, стало быть, не буду сидеть.

Теперь два слова о нашем деле. Многое бы можно рассказать, чтобы Вы самую сущность его узнали; но за невозможностью личного объяснения скажу только несколько самых необходимых слов.

Стелловский купил у меня сочинения летом 65 года[а] следующим образом: я был в обстоятельствах ужасных. По смерти брата в 64 году[б] я взял многие из его долгов на себя и 10 000 р‹уб.› собственных денег (доставшихся мне от тетки) употребил на продолжение издания «Эпохи», братнего журнала, в пользу его семейства, не имея в этом журнале ни малейшей доли и даже не имея права поставить на обертке мое имя как редактора.[6] Но журнал лопнул, пришлось оставить.[7] Затем я продолжал платить долги брата и журнальные, чем мог. Много я надавал векселей, между прочим (сейчас после смерти брата), одному Демису; этот Демис пришел ко мне (этот Демис доставлял брату бумагу)[в] и умолял переписать векселя брата на мое имя и давал честное слово, что он будет ждать сколько угодно. Я сдуру переписал. Летом 65 года[г] меня начинают преследовать по векселям Демиса и еще каким-то (не помню). С другой стороны, служащий в типографии (тогда у Праца)

[а] *В подлиннике ошибочно*: 55 года
[б] *В подлиннике ошибочно*: в 54 году
[в] (этот ∾ бумагу) *вписано.*
[г] *В подлиннике ошибочно*: 55 года

Гаврилов предъявил тоже свой вексель в 1000 руб., который я ему выдал, нуждаясь в деньгах по продолжению чужого журнала. И вот, хоть и не могу доказать юридически, но знаю наверно, что вся эта проделка внезапного требования денег (особенно по векселям Демиса) возбуждена была Стелловским: он и Гаврилова тоже натравил тогда. И вот в то же самое время он вдруг присылает с предложением: не продам ли я ему сочинения за три тысячи, с написанием особого романа и проч. и проч. — то есть на самых унизительных и невозможных условиях.[д][8] Подождать бы, так я бы взял с книгопродавцев за право издания по крайней мере вдвое, а если б подождать год, то, конечно, втрое, ибо через год одно «Преступление и наказание» продано было вторым изданием за 7000 долгу (всё по журналу, Базунову, Працу и одному бумажному поставщику). NB. Таким образом, я на братнин журнал и на его долги истратил 22 или 24 тысячи, то есть уплатил своими силами, и теперь еще на мне долгу тысяч до пяти.

Стелловский дал мне тогда 10 или 12 дней сроку думать. Это же был срок описи и ареста по долгам. Заметьте, что Демисовы векселя предъявил некто надворный советник Бочаров.[9] Когда-то сам пописывал, переводил Гёте;[10] ныне же, кажется, мировым судьей на Васильевском острове. Между нами, человек весьма нечестный. В эти десять дней я толкался везде, чтоб достать денег для уплаты векселей, чтоб избавиться продавать сочинения Стелловскому на таких ужасных условиях. Был и у Бочарова раз 8 и никогда не заставал его дома. Наконец узнал (от квартального, с которым сблизился и которого фамилью теперь забыл), что Бочаров — друг Стелловского давнишний, ходит по его делам и проч. и проч. Тогда я согласился, и мы написали этот контракт, которого копия у Вас в руках.[11] Я расплатился с Демисом, с Гавриловым и с другими и с оставшимися 35 полуимпериалами поехал за границу.

Я воротился в октябре с начатым за границей романом «Преступление и наказание» и войдя в сношение с «Р‹усским› вестником», от которого и получил несколько денег вперед.[12] *Теперь заметьте хорошенько*: по написании летом контракта с Стелловским, я прямо сказал Стелловскому, что я не поспею написать ему роман к 1-му ноября 65 года.[е] Он отвечал мне, что он и не претендует, что он и издавать не думает раньше как через год, но просил меня, чтобы я к 1-му ноября 66-го года был аккуратнее. Всё это было на словах и между четырех глаз, но страшные неустойки, если я манкирую к 1-му ноябрю 66 года, остались в контракте. Я знал, что он этими неустойками воспользуется, если я манкирую. Но *заметьте себе*: если б я и манкировал в оба срока, то есть к 1-му ноября 65 и 66,[ж] то во всяком

[д] *Далее было*: Право
[е] *В подлиннике ошибочно*: 55 года
[ж] *В подлиннике ошибочно*: 55 и 56

случае по смыслу контракта я не подвергался и не могу подвергнуться за это главной неустойке (в 3000) в силу последнего пункта контракта. Там именно обозначено, что если я не поспею доставить рукопись к 1-му ноября 65,[з] то плачу столько-то или продавать сочинения мои Стелловский может год или два лишних[и] (забыл, как именно обозначено в контракте). Но так как я против этой пени в два года лишних (или как там) не восстаю и согласен, то я, стало быть, исполняю в точности пункт условия, стало быть, не подлежу никак главной неустойке в три тысячи.

Всё это замечаю на случай. Стелловский ужасный крючок, и наверно руководствовать его будет в нашем деле Бочаров. Прибавлю Вам, что Стелловский обещал мне тогда вполне, что отнюдь не намерен пользоваться штрафом с меня, обозначенным в контракте, если я не поспею к 1-му ноября 65 года,[к] но сказано это было на словах и между четырех глаз. *Теперь* он наверно подымет претензию, то есть что я к 1-му ноября 65 года[л] не доставил. Ну и пусть его пользуется двумя годами лишних продажи, *но ведь и только.*

(**NB**. Он еще имел право по этому варварскому контракту перепечатывать повести отдельно и пускать в продажу, но с известными условиями, обозначенными в контракте. Меня наверно уверяли, что он нарушал условия нагло (наприм‹ер›, в числе экземпляров) и уже за это одно подлежит неустойке в три тысячи. Но как сосчитать его, как изобличить? Средств нет.) Зато я употребил все усилия, чтоб поспеть к 1-му ноября 66 года, и поспел.[13] Кажется, 31 октября, в 11 часов вечера, я, не зная, как поступить с рукописью написанной для Стелловского повести, заехал к мировому судье Фрейману (какого участка, не помню, и есть ли теперь Фрейман мировой судья — не знаю). Я потому не посовестился заехать к незнакомому человеку так поздно, что был убежден, что этот Фрейман мой школьный товарищ по Инженерному училищу. Но оказалось, что это был его брат (наверно, этот мир‹овой› судья Фрейман помнит мое посещение). Я сказал ему, что приехал спросить его совета, как мне поступить с рукописью, и изъяснил ему дело. Он посоветовал мне сдать прямо в Часть и взять в Части расписку, а уж они завтра, 1-го числа, снесут к Стелловскому и возьмут с него расписку в получении рукописи. Я так и сделал. Но вот что забыл: *в какой Части*? В той ли, где жил сам я (в Столярном переулке в доме Алонкина),[14] или в той, где жил Стелловский. (**NB NB**. Мне думается, не одна ли и та же эта Часть, ибо Стелловский жил от меня близко.) *Расписку эту Вам теперь посы-*

з *В подлиннике ошибочно*: 55
и *Далее было начато*: а я обя‹зуюсь?›
к *В подлиннике ошибочно*: 55 года
л *В подлиннике ошибочно*: 55 года

лаю. Вся она писана моей рукой, кроме подписи пристава.[15] Но тут даже не обозначено, какой Части пристав, и разобрать нельзя его фамилии. Но все-таки ведь документ. Я думаю, что я был именно в своей Части. Я знаю, что расписку в получении романа в рукописи они в тот же день получили. Но где теперь эта расписка — не знаю. У меня ли и я затерял ее? Не думаю. Вероятно, осталась в Части.

Знаю еще, что не сам Стелловский расписался в получении, а его артельщик или что-то вроде его приказчика в магазине Стелловского. С этим артельщиком я потом говорил; помнится, я сам пошел через день или два к Стелловскому и не застал его дома и потому говорил с артельщиком, спросил его: он ли получил рукопись? Он сказал мне, что Стелловский в тот день (1-го ноября), уходя из дому на целый день, велел ему сидеть и ждать: «Принесут-де, может, рукопись от Достоевского». (Уж он бы съел меня тогда, если б я в срок не доставил.)

Недели через две или три (если не ошибаюсь) явился ко мне Бочаров от Стелловского. Безграмотный Стелловский отдал рассмотреть достоинство рукописи Бочарову. Бочаров, засыпав меня сладчайшими комплиментами, возвестил, что он послан от Стелловского с величайшей просьбою переменить название романа вместо «*Рулетенбург*» в какое-нибудь другое, более русское,[16] «для публики», как выражался Бочаров. Я согласился назвать роман вместо «Рулетенбурга» названием «Игрок». Так и явился он потом в издании Стелловского под именем «Игрока».[17]

И потому если б, на случай, Стелловский придрался к названию и заспорил на суде, что в расписках стоит «Рулетенбург», а у него напечатан «Игрок», и что это не то же самое, и что «Игрока» я не доставил в срок и проч., то уже по смыслу «Игрока» видно, что это тот же «Рулетенбург», да и слово Рулетенбург в «Игроке»[м] стоит несколько раз,[18] да и свидетели есть, н‹а›прим‹ер› Ап‹оллон› Ник‹олаевич› Майков (если только Бочаров откажется). Впрочем, мне кажется невозможным, чтоб они из этого что-нибудь вывели, хотя и подозреваю, что они, может, и будут доказывать, что я в срок не доставил, и выставлять свои претензии. Но это вздор, я доставил, и вот Вам документ, расписка пристава. Может быть, Вы в Части и нападете на расписку артельщика Стелловского.

Я совершенно согласен с Вашим мнением, что нет возможности нам проиграть на суде.[19] С нашей стороны всё точно и ясно. Вашими советами[н] буду руководствоваться вполне (на случай пересылки через банкира, н‹а›пример). Без Вас ничего не предприму. Крепко надеюсь, что мы свидимся в июне к самому процессу. Если Вы воротитесь в Петербург в конце мая, то я еще буду в Дрездене. Что надо, пишите: адресс мой: Allemagne, Saxe,

---

[м] *Вместо*: в «Игроке» — *было*: там

[н] *Далее было*: вполне

Dresden, *à M-r Théodore Dostoiewsky, poste restante.* Не забывайте *poste restante.*

Примите уверение в самом полном уважении Вашего покорного слуги Федора Достоевского.

NB. Повесть «Рулетенбург» («Игрок») имеет ровно столько листов, сколько обозначено в контракте. Сосчитайте, тут придирки *не может быть.*

428. Н. Н. СТРАХОВУ

18 (30) мая 1871. Дрезден

Дрезден 18/30 мая.

Многоуважаемый Николай Николаевич, Вы прямо так-таки и начали Ваше письмо с Белинского.[1] Я это предчувствовал. Но взгляните на Париж, на коммуну. Неужели и Вы один из тех, которые говорят, что опять не удалось за недостатком людей, обстоятельств и проч.? Во весь XIX век это движение или мечтает о рае на земле (начиная с фаланстеры), или, чуть до дела (48 год, 49 — теперь) — выказывает унизительное бессилие сказать хоть что-нибудь положительное. В сущности всё тот же Руссо и мечта пересоздать вновь мир разумом и опытом (позитивизм).[2] Ведь уж, кажется, достаточно фактов, что их бессилие сказать новое слово — явление не случайное. Они рубят головы — почему? Единственно потому, что это всего легче. Сказать что-нибудь несравненно труднее. Желание чего-нибудь не есть достижение. Они желают счастья человека и [а] остаются при определениях слова «счастье» Руссо, то есть на фантазии, не оправданной даже опытом. Пожар Парижа есть чудовищность: «Не удалось, так погибай мир, ибо коммуна выше счастья мира и Франции».[3] Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а, напротив, *красотою.* Итак, эстетическая идея в новом человечестве помутилась. Нравственное основание общества (взятое из позитивизма) [б] не только не дает результатов, но и не может само определить себя, путается в желаниях и в идеалах. Неужели, наконец, мало теперь фактов для доказательства, что не так создается общество, не те пути ведут к счастью и не оттуда происходит оно, как до сих пор думали. Откуда же? Напишут много книг, а главное упустят: на Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно оттого. Идеал переменился, и — как это ясно! А падение папской власти рядом с падением главы римско-германского мира (Франция и друг). Какое совпадение! [4]

а *Далее было:* в счасть<е>

б *Вместо:* (взятое из позитивизма) — *было:* (основанное на позитивизме)

Всё это требует больших и долгих речей, но вот что я собственно хочу сказать: если б Белинский, Грановский и вся эта шушера поглядели теперь, то сказали бы: «Нет, мы не о том мечтали, нет, это уклонение; подождем еще, и явится свет, и воцарится прогресс, и человечество перестроится на здравых началах и будет счастливо!» Они никак бы не согласились, что, раз ступив на эту дорогу, никуда больше не придешь, как к Коммуне и к Феликсу Пиа.[5] Они до того были тупы, что и *теперь* бы, уже после события, не согласились бы и продолжали мечтать. Я обругал Белинского более как явление русской жизни, нежели лицо: это было самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни.[6] Одно извинение — в неизбежности этого явления. И уверяю Вас, что Белинский помирился бы теперь на такой мысли: «А ведь это оттого не удалось Коммуне, что она все-таки прежде всего была французская, то есть сохраняла в себе заразу национальности. А потому надо приискать такой народ, в котором нет ни капли национальности и который способен бить, как я, по щекам свою мать (Россию)». И с пеной у рта бросился бы вновь писать поганые статьи свои, позоря Россию, отрицая великие явления ее (Пушкина), — чтоб окончательно сделать Россию *вакантною* нациею, способною стать [в] во главе *общечеловеческого* дела. Иезуитизм и ложь наших передовых двигателей он принял бы со счастьем. Но вот что еще: Вы никогда его не знали, а я знал и видел и теперь осмыслил вполне. Этот человек ругал мне Христа по-матерну, а между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей всего мира сопоставить со Христом для сравнения. Он не мог заметить того, сколько в нем и в них мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости, а главное, самолюбия. Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо него, неужели себя, тогда как мы так гадки.[7] Нет, он никогда не задумался над тем, что он сам гадок. Он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость. Вы говорите, он был талантлив.[8] Совсем нет, и боже — как наврал о нем в своей поэтической статье Григорьев.[9] Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н‹а›прим‹ер›, о «Мертв‹ых› душах»). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*.[10] Здесь, в эти 4 года, я перечитал его критики: он обругал Пушкина, когда тот бросил свою фальшивую [г] ноту и явился с «Повестями Белкина» и с «Арапом».[11] Он с удивлением провозгласил ничтожество «Повестей Белкина».[12] Он в повести Гоголя «Коляска» не находил художественного цельного создания и повести, а только шуточ-

---

[в] *Далее было начато*: в общ‹ечеловеческом›
[г] *Было*: фам‹ильярную?›

ный рассказ.[13] Он отрекся от окончания «Евгения Онегина».[14] Он первый выпустил мысль о камер-юнкерстве Пушкина.[15] Он сказал, что Тургенев не будет художником, а между тем это сказано по прочтении чрезвычайно значительного рассказа Тургенева «Три портрета».[16] Я бы мог Вам набрать таких примеров сколько угодно для доказательства неправды его критического чутья и «восприимчивого трепета», о котором врал Григорьев[17] (потому что сам был поэт). О Белинском и о многих явлениях нашей жизни судим мы до сих пор еще сквозь множество чрезвычайных предрассудков.

Неужели я Вам не писал про Вашу статью о Тургеневе?[18] Читал я ее, как все Ваши статьи, — с восхищением, но и с некоторой маленькой досадой. Если Вы признаете, что Тургенев потерял точку и виляет и *не знает, что сказать* о некоторых явлениях русской жизни (на *всякий случай* относясь к ним насмешливо), то должны бы были и признать, что великая художественная способность его ослабела (и должна была ослабеть) в последних его произведениях.[19] Так оно и есть в самом деле: он очень ослабел как художник. «Голос» говорит, что это потому, что он живет за границей;[20] но причина глубже. Вы же признаете и за последними произведениями его прежнюю художественность.[21] Так ли это? Впрочем, я, может быть, ошибаюсь (не в суждении о Тургеневе, а в Вашей статье). Может быть, Вы не так только выразились... А знаете — ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. *Нового слова*, заменяющего помещичье, еще не было, да и некогда.[22] (Решетниковы ничего не сказали. Но все-таки Решетниковы выражают мысль необходимости чего-то нового в художническом слове,[д] уже *не помещичьего*, — хотя и выражают в безобразном виде.[23])

Как желал бы я Вас еще застать в Петербурге.[24] Понятия не имею, когда ворочусь.[25] (Между нами — мечтаю через месяц.) Но если не придут деньги и упущу срок, то придется остаться опять. Но это ужасно и бессмысленно.

Роман я или испорчу до грязи, до позора (я уже начал портить), или осилю, и хоть что-нибудь да из него выйдет хорошее.[26] Пишу *наудачу*. Вот теперешний мой девиз. (Всё это между нами, ради бога.)

А я так мечтал встретить Вас в Петербурге первого. Без сомнения, проехаться Вам в высшей степени необходимо. Но — не останьтесь как-нибудь в Киеве совсем.[27] Ваши письма стали страшно пугать меня за Вас.[28] Вы один из людей, наисильнейше отразившихся в моей жизни, и я Вас искренно люблю и Вам сочувствую. Вы просто в унынии (об смерти начали говорить!).[29] Ах, хорошо бы было нам повидаться!

[д] *Далее было*: на

А «Заря»-то, кажется, и совсем не выйдет. Неужели так? Как грустно.[30] Я апрельского номера вот уже 2 месяца не получаю и в объявлениях не вижу. У меня есть мысль, что «Заря» могла бы спастись от падения, целый план. Но долго описывать, да и специальностей о «Заре» я не знаю. Я только вообще думаю, что не худо бы журналам (хоть одному начать) специализироваться. Например, «Заре» в *одну* эстетико-критическую сторону и более ничем не заниматься, никаких других отделов. А ведь, право, могло бы удаться. Жаль, что не могу развить перед Вами мою мысль сейчас.

Об Тургеневе читал у Вас (в письме) с наслаждением.[31] Эта шельма художественно верна самому себе. Я его знаю *своими боками*.[32] Много бы мог разъяснить, но оставляю до свидания.

Ваш весь искренно Вам преданный

Ф. Достоевский.

Если можете черкнуть — напишите. Адресс тот же.

Жена Вам кланяется.[e]

---

[e] *Далее было: 1 нрзб.*

429. А. Н. СНИТКИНОЙ

16 июля 1871. Петербург

Петербург, 16 июля 1871 года.

Многоуважаемая и любезнейшая Анна Николаевна,

Сегодня, в шестом часу утра, бог даровал нам сына, Федора. Аня Вас целует. Она в *очень хорошем* состоянии здоровья, но муки были ужасные, хотя и не долгие. Всего мучилась *семь* часов. Но слава богу, всё было правильно. Бабкой была Павла Васильевна Никифорова. Сегодня приезжал доктор и нашел всё *превосходно*. Аня уже спала и кушала.

Ребенок, Ваш внук, необыкновенно велик ростом и здоров. Мы все Вам кланяемся и Вас целуем, а я особенно целую Вам руки за Любу. Любочка *немного* нездорова поносом, но весела и не слабеет. Она очень об Вас тосковала в дороге, Вас спрашивала и звала. Ребенок родился почти нечаянно; вчера за обедом мы еще и не думали, что пришло время. За квартиру платим дорого, комнаты просторные и недурно меблированные, но нам не совсем удобно.[1] Хозяйская жена повивальная бабка и, кажется, обиделась, что мы ее не взяли; а ее взять было нельзя, потому что у ней и вывески нет и мы не знаем про нее, какая она.

Сегодня Аня получила письмо от Ивана Григорьевича.[2] Пишет, что *деньги получил*[3] и через два дня будет в Петербурге

у нас, проездом в Дрезден. Обо всем переговорим. Итак, ждите Ивана Григорьевича.[4] Конечно, он уже Вам написал. До свидания, многоуважаемая Анна Николаевна. Мы Вас все любим очень. Вспоминайте и Вы о нас хорошо. До свидания и дай бог Вам и всем всякого успеха. Бог не без милости, и я верю, что всем будет успех. Павла Васильевна Никифорова прекрасная женщина и славная бабка, хотя и очень молода.

Все последние дни Аня хлопотала, искала квартиры, возилась с гостями. Гости от нас почти не выходят, но Марья Григорьевна не была еще, хотя Аня и заезжала к ее мужу на квартиру.[5]

Целую Вашу руку и пребываю Вам искренно преданный

Федор Достоевский.

430. С. А. ИВАНОВОЙ

18 июля 1871. Петербург

Петербург 18 июля/1871.

Милая, дорогая Сонечка, не сердитесь, что давно не писал Вам. Всё ждал, что увижу Вас лично, был в ужаснейшем положении в Дрездене, ожидая денег, не мог работать и на свет не глядел.

7-го июля мы выехали из Дрездена, а 9-го[1] были уже в Петербурге. Ехали в курьерском поезде, — жена на последних днях, а Люба без няни, у меня на руках, — не спали и не останавливались двое суток. В Петербурге бросились искать квартиры, нашли сквернейшие chambres-garnies.* Очень дорого, хлопотливо, с скверными жидами хозяевами. Потом толпой посетили нас родные и знакомые — выспаться было некогда, и вдруг с 15-го на 16 июля Анна Григорьевна почувствовала муки. 16-го в пятницу в 6 часов утра бог даровал мне сына Федора (которого в эту минуту пеленают, а он орет здоровым сильным криком). Таким образом, работать не мог, в Москву сейчас ехать не мог (а ужасно нужно лично объясниться с Катковым). Сажусь теперь за работу, тогда как в голове туман, и несомненно жду припадка. Измучился. Думаю, что между 25-м июля и 1-м августа буду в Москве,[2] если не задержат здесь неумолимые обстоятельства. Ну вот Вам несколько строк. Больше ничего и писать не могу. У нас хаос, прислуга скверная, я на побегушках. Можете представить, в каком расположении. Адрессую Вам в редакцию «Русского вестника». Доставят ли вовремя? Целуем и обнимаем Вас все. Вчера ввечеру приехал Иван Григорьевич.[3] Поклон мой всем, кого увидите. Елене Павловне особенно.

---

* меблированные комнаты (*франц.*).

Аня Вам кланяется, Люба и Федька тоже.
Все мы Ваши друзья и Вас любим.

Федор Достоевский.

Ради бога, голубчик Сонечка, отвечайте мне *тотчас же*, и при этом напишите, в Москве ли Катков.[4] Если он не в Москве, то почти нельзя рисковать ехать в Москву.

Адресс мой:

у Юсупова сада, на углу Большой Садовой и Екатерингофского проспекта, по Екатерингофскому проспекту, дом № 3, квартира № 7. Федору Михайловичу Достоевскому.

431. Е. П. и С. А. ИВАНОВЫМ

9 августа 1871. Петербург

Петербург 9 август‹а›/71.

Дорогие Сонечка и Елена Павловна,

Неужто Комаровский прислан в Петербург только с платками?[1] Приехал он в субботу вечером, а во вторник с ранним поездом отправляется. Он очень красив собой. Желаю ему всякого благополучия тем более, что, очевидно, превосходный человек.

На станции у Петровского я заметил Вас, но Вы-то заметили ли меня?[2] Письма от Анны Григорьевны получил из Москвы.[3] Приехав в Петербург,[4] тотчас же простудился и заболел довольно серьезно. Теперь только остатки болезни.

Видел Александра Александровича, он еще собирается в Москву и в Даровое и вовсе не отложил намерения ехать. Напротив, в высшей степени было бы ему полезно. Едете ли Вы, Сонечка, в Даровое?[5]

Елене Павловне имел бы кое-что сказать, да писать некогда. Скажу только, что я никогда не забуду ее доброты к Ивану Григорьевичу.[6]

Марье Сергеевне[7] мой глубокий поклон. Она со вкусом.

Комаровский, однако, заждался: он сидит, а я пишу. И потому до свидания.

Весь Ваш Федор Достоевский.

Напишу еще. А Вы мне.

432. П. А. ИСАЕВУ

18 августа 1871. Петербург

18 ав‹густа›.

Люб‹езный› Паша, я у Петра Петровича сегодня был.[1] Он обещал быть тебе всячески полезным.

До свидания.

Твой Ф. Достоевский.

433. А. Н. МАЙКОВУ

Конец августа (не позднее 30) 1871. Петербург

Дорогой Аполлон Николаевич!

Будьте так добры и сделайте великую честь мне и Анне Григорьевне, не откажитесь быть крестным отцом Феде.

Мы крестим в среду, совершенно никого почти не зовем. И если зайдете обедать, то тут же всё и будет совершено.[1]

Итак, можно ли ожидать? Простите, что не попросил гораздо ранее. Но тревоги-то наши были каковы? [2]

Адресс мой: близ Загородного проспекта (и Технологического института), по Серпуховской улице, дом № 15 (г-жи Архангельской), во 2-м этаже.

Ваш весь, душевно преданный

Федор Достоевский.

434. С. А. ЮРЬЕВУ

27 октября 1871. Петербург

Петербург, 27 октября 1871 г.

Милостивый государь Сергей А—ч.

Извините, во-первых, что, не зная Вашего отчества, ограничиваюсь буквою. Справиться в настоящую минуту не у кого, а замедлить ответом не хочу. Вчера, зайдя случайно в магазин Базунова, получил письмо Ваше от 14 октября. Если б не зашел, то пролежало бы у Базунова сколько угодно, хотя им и известен мой адресс.

Спешу ответить Вам по порядку. Письма Вашего ко мне в Дрезден я не получал совсем и вчера только в первый раз узнал от Вас, что Вы ко мне уже писали.[1] Быть сотрудником Вашего журнала считаю за большое удовольствие, а обращение Ваше ко мне с приглашением сотрудничества — весьма для себя

лестным.[2] Но в настоящую минуту я весь занят работою в «Русском вестнике» [3] и до окончания этой работы должен отказать себе в удовольствии прислать повесть в прекрасный журнал Ваш,[4] который доставил мне много приятных часов. Если и не соглашаешься иной раз с иными приводимыми мыслями (впрочем, очень редко), то все-таки всякую статью читаешь с любопытством, а иные статьи обратили на себя внимание всеобщее и запомнятся.[5]

Пишу для того, что Вы сами в письме Вашем как бы поощряете меня высказать мое мнение.[6] Оно искренно, и каждую книгу «Беседы», перед появлением ее, я (да и все) ожидаю с большим любопытством.

К рождеству я, может быть, буду в Москве [7] и в таком случае надеюсь лично засвидетельствовать Вам мое уважение.

С совершенным почтением имею честь быть, м‹илостивый› г‹осударь›, Вашим покорнейшим слугою.

Федор Достоевский.

Адресс мой: С.-П‹етер›бург, Серпуховская улица, дом № 15.

435. П. А. ИСАЕВУ

5 ноября 1871. Петербург

5 ноября/71.

Люб‹езный› Паша, мне вчера Аполлон Николаевич случайно в разговоре упомянул, что Леонид Николаевич [1] спрашивал о тебе и желал бы тебя видеть. Ничего не знаю сам для чего, но не для работы ли какой? Сходил бы ты к нему не отлагая, если хочешь.

Тебя очень любящий

Федор Достоевский.

1872

436. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

2 января 1872. Москва

Москва 2 января/72 года.

Милая, бесценная моя Аня, вчера был обрадован твоим письмом и от Любочки.[1] Ангельчик мой! Воображаю, как она писала. Расцелуй ее и будь подобрее к ней, если она капризится. Федька истинно обрадовал меня тем, что выздоровел, здоровы ли вы только теперь? Расцелуй мальчишку моего; бьюсь об заклад, что он узнает меня по приезде и улыбнется мне. — Слушай, Аня, меня ваши 13 градусов беспокоят (здесь в этом роде, но сегодня не более 8). У тебя пальто не для 13 градусов; не простудись, ради бога, береги себя и, если что — извести по телеграфу. Беспокоюсь я за вас очень и, главное, хочется увидеть. А между тем здесь (по поводу праздничного времени) я ужас как много трачу времени даром, что и скучно и убыточно. Вчера оставил только визитные карточки Каткову и его супруге; сегодня же, несмотря на то, что Катков ужасно занят и, главное, что и без меня бездна людей поминутно мешают ему своими посещениями, — отправился в час к Каткову, говорить о *деле*. Едва добился: в приемной комнате уже трое кроме меня ждали аудиенции. Наконец я вошел и прямо изложил просьбу о деньгах и о сведении старых [а] счетов.[2] Он обещал дать мне окончательный ответ послезавтра (4-го числа). Итак, только 4-го получу ответ, а там насчет выдачи и прочего опять потребуется свое время. Хорошо, если я выеду 5-го, а ну как если 6-го или 7-го? Главное, проживусь. Обедать звал меня Аверкиев завтра; у Верочки же я провожу только вечера, а обедать совещусь, потому что у них, кажется, *очень тонко*, и это видно, так что обедаю на свой счет. Итак, послезавтра я тебе напишу о результате окончательно. Если же [б] что случится, напишу и завтра. Кажется, Катков даст что-нибудь — и это верно. Я сужу по его тону, и не захотел бы он сам меня задерживать напрасно. От Каткова поехал к Аксакову, который прекрасно и радушно принял меня и у которого просидел часа три. Звал в четверг к себе вечером, но только случай какой-нибудь может задержать меня в четверг в Москве.

а *Было*: прежних

б *После*: Если же — *зачеркнуто*: удастся выехать 5-го, то уж

Я всё думаю, голубчик мой, не испугал бы тебя как-нибудь Поляков. Но, ради бога, не тревожься, он никаких мер дурных не успеет принять до моего возвращения, если б и хотел повредить. Вот с Гинтерлах так надо бы было объясниться: эта меня более беспокоит.[3]

Где встречала Новый год? Я, разумеется, у Верочки. Был Саша Карепин, и было довольно забавно. Но все-таки грустно очень. Плещеева здесь нету. Думаю заехать к Чаеву. В «Беседе», кажется, не буду.[4] У Елены Павловны быть еще не успел, а главное — дети у ней в скарлатине. Береги наших, ради бога, береги. Глаз немного стал болеть больше (но не такие припадки, как в Петербурге). До свидания, ангел мой. Я думаю, после 4-го числа тебе уже и нечего писать ко мне, потому что мы с письмом разъедемся. Но 4-го напиши, и если *что-нибудь* случится, то пиши или телеграфируй. Но дай бог, чтоб не было никаких этих крайностей.

Обнимаю тебя от всего сердца, люблю тебя очень. Целую и благословляю детей, очень благодарю Любу за пифо, поцелуй ей за то ручку, купи нададу [в] и скажи, что от *папи*. Разиняротого Федюрку целую прямо в ротик.

Твой весь Ф. Достоевский.

[в] пифо — *вероятно, на детском языке* — письмо, нададу — шоколаду.

437. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

4 января 1872. Москва

Москва 4 января/1872 года.

Добрый, бесценный голубчик мой Аня, был сегодня у Каткова и — опять затруднение: извинялся и просил повременить, когда сведут счеты, которые еще свести не успели. Дело, думаю, решится завтра, но если и благоприятно, то вряд ли (с здешнею медлительностию и неаккуратностию) решится в один день. Думаю, однако, что никак не позже 6-го или maximum 7-го [а] не засижусь, тем более что проживаюсь ужасно и не хватит, пожалуй, денег, хуже всего, если решение будет неблагоприятно, а я боюсь, что так, пожалуй, и будет, хотя Катков чрезвычайно желает сделать мне всё, что возможно. От Каткова я прошел (в том же доме) к Воскобойникову (прежнему знакомому, а теперь работает у Каткова в редакции «Москов‹ских› ведомост‹ей›»). От него я узнал, что счеты мои у них в большом беспорядке, но что он сам, по просьбе Аверкиева, проверял их третьего дня и в результате должно быть 1300 руб. моего долга.

[а] *Слова*: Думаю ∾ 7-го — *отчеркнуты на полях*.

(Заметь, что два последние забракованные ими листа романа в счет не вошли.) [1]

Потом он мне сказал, что с прошлого года все выдачи денег производятся не иначе, как с согласия Леонтьева, которому сам Катков уступил в этом добровольно деспотическую власть. Таким образом, всё зависит от согласия Леонтьева, а в расположении этого человека ко мне я не могу быть уверенным. Воскобойников даже полагает, что Катков не отвечал мне сегодня единственно потому, что не успел еще переговорить с Леонтьевым, который очень занят в Лицее.[2]

Так что я опять совсем не уверен, и, главное, если мне откажут, принужден буду с ними просто порвать, что уже очень худо. Как я жалею, что написал тебе, чтобы ты мне с 4-го числа уже не писала. Можно бы было и 5-го написать без опасения, что мы с письмом разъедемся.

Твои письма, ангел мой, меня очень радуют. Но всё ли у вас теперь хорошо? Рад за тебя и за Любу, что вы обе повеселились на елке. Поцелуй ее. Боюсь, что забудет обо мне. Что Федя? Здоров ли, тепло ли у вас? Топи, голубчик, если у вас чуть-чуть холодно. Сегодня здесь 20 градусов. Вчера Аверкиев принес утром мне билет в театр, и я видел его драму,[3] после того у него обедал, а вечером был у Верочки. У них какое-то уныние и совсем нет денег. Я предлагал на перехватку по-братски у меня — она не взяла. Но сегодня Соня должна была получить из «Р<ус-ского> вестника» 140 руб.[4]

Вообще мне здесь скучно, а главное — совершенная неизвестность. Завтра *во всяком случае* напишу тебе.

До свидания, голубчик, радость моя Аня. Обнимаю тебя от всего сердца. Признаюсь тебе, что я всё еще крепко надеюсь. Вот черта: я рассказал Каткову, глаз на глаз, сюжет моего будущего романа и слышал от Аверкиева, что он уже рассказал сюжет двум лицам.[5]

Если так, то не может же он относиться к моей просьбе пренебрежительно. (Иное дело Леонтьев.)

Обнимаю детишек Любочку, Федюрку. Корми их получше Аня, не скупись на говядинку. Боюсь, что пристают к тебе кредиторы. Полякова боюсь ужасно.

До свидания, ангел мой, целуй Любочку и Федю, обнимаю тебя, твой весь, тебя любящий

Федор Достоевский.

Что делаешь запись имения на брата — это хорошо.

Тебе все кланяются. Мое почтение Ольге Кирилловне и супругу ее.[6]

438. В. Д. ОБОЛЕНСКОЙ

20 января 1872. Петербург

Петербург 20 января/1872.

Милостивая государыня
княжна Варвара Дмитриевна,

Ваше письмо от 6-го декабря я имел честь получить только на этой неделе. Во-первых, адресс был неверен, и, кроме того, я был целый месяц в Москве,[1] так что письмо Ваше прождало меня всё время у меня на столе в Петербурге. — Благодарю Вас очень за внимание к моему роману: я всегда сумею оценить искренний отзыв, как Ваш, и Ваши похвалы мне весьма лестны. Для таких-то отзывов и живешь и пишешь, тогда как в нашем литературном мирке всё, напротив, так условно, так двусмысленно и со складкой, а стало быть, всё так скучно и официально, особенно похвалы и лестные отзывы. Насчет же Вашего намерения извлечь из моего романа драму, то, конечно, я вполне согласен, да и за правило взял никогда таким попыткам не мешать; но не могу не заметить Вам, что почти всегда подобные попытки не удавались, по крайней мере вполне.[2]

Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической. Я даже верю, что для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей, так что одна мысль не может никогда быть выражена в другой, не соответствующей ей форме.

Другое дело, если Вы как можно более переделаете и измените роман, сохранив от него лишь один какой-нибудь эпизод, для переработки в драму, или, взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет? .. И, однако же, отнюдь прошу не принимать моих слов за отсоветование. Повторяю, я совершенно сочувствую Вашему намерению, а Ваше желание непременно довести дело до конца мне чрезвычайно лестно[3]... Еще раз извините мой поздний ответ, — но виноват без вины.

Адресс мой, на всякий случай: Петербург, Серпуховская улица, дом № 15.

Примите, княжна, уверение в глубочайшем моем уважении.
Ваш покорнейший слуга

Федор Достоевский.

439. А. А. РОМАНОВУ (наследнику)

28 января 1872. Петербург

Ваше императорское высочество
милостивейший государь,

Осмеливаюсь еще раз писать к Вашему высочеству,[1] а вместе с тем почти боюсь выразить мои чувства: одолжающему, с сердцем великодушным, почти всегда несколько тяжела слишком прямо высказываемая благодарность им одолженного, хотя бы и самая искренняя. Чувства мои смутны: мне и стыдно за бывшую смелость мою, и в то же время я исполнен теперь восхищения от драгоценного внимания Вашего высочества, оказанного просьбе моей. Оно дороже мне всего, дороже самой помощи, мне оказанной Вами и спасшей меня от большого бедствия.[2]

С чувством беспредельной преданности осмеливаюсь пребыть Вашего императорского высочества покорнейшим слугою.

Федор Достоевский.

28 января
1872 года.

440. С. А. ИВАНОВОЙ

4 февраля 1872. Петербург

4-го февраля/72.

Дорогой друг мой Сонечка, Вы на меня не сердитесь, что я до сих пор молчал. Дела были плохи и даже до того хлопотливы, что поневоле ни о чем, кроме них, не думал. Голова трещала. Теперь вдруг, благодаря одному случаю, дела мои в одном отношении поправились, не знаю только, до какой степени, совсем или нет? [1] Получил денег и удовлетворил самых нетерпеливых кредиторов. Но совсем еще не расплатился, далеко до того, хотя сумму получил не малую. Как я ее получил, о том скажу когда-нибудь после.[2]

Вторая часть моих забот был роман. Правда, возясь с кредиторами, и писать ничего не мог; но по крайней мере, выехав из Москвы, я думал, что переправить забракованную главу романа так, как они хотят в редакции, все-таки будет не бог знает как трудно. Но когда я принялся за дело, то оказалось, что исправить ничего нельзя, разве сделать какие-нибудь перемены самые мелкие. И вот в то время, когда я ездил по кредиторам, я выдумал, большею частию сидя на извозчиках, четыре плана и почти три недели мучился, который взять. Кончил тем, что

все забраковал и выдумал перемену новую, то есть, оставляя сущность дела, изменил текст настолько, чтоб удовлетворить целомудрие редакции. И в этом смысле пошлю им **ultimatum**. Если не согласятся, то уже я и не знаю, как сделать.[3]

Александр Александрович[4] заходил два раза и всё молчал. Он сыскал квартиру, а искал ее долго. Может, зайдет в воскресение. Не знаю, когда Вас увижу. Наша идея — чуть весна и выехать из Петербурга. А потому очень повторяю просьбу мою: если возможно, скорее осведомиться насчет возможности нанять в деревне и уведомить нас, чтобы мы знали заблаговременно. А лето в деревне нам почти необходимо для поправления здоровья Любы. На Петербург же надеяться нечего, тут здоровья не поправишь.[5]

Кажется, в феврале вы хотели оставить вашу квартиру; боюсь, дойдет ли это письмо?

Сам я погружаюсь теперь в работу: хочется заблаговременно к лету кончить, чтобы до выезда запродать второе издание, что возможно.[6] Меня здесь несколько развлекают обязанности выезжать на вечера. Хочу совсем запереться. Много думал об Вас. Мы должны летом прожить как-нибудь друг от друга поближе. Моя жизнь кончается. Ваша начинается; хочется, чтоб Вы помянули меня добрым словом. Да и вообще я во многом рассчитываю на лето.

Мамашу Вашу целую сердечно. Передайте ей, что в Петербург приезжал Веселовский и неизвестно для чего был у меня. Он и оправдывался в медленном течении вашего дела и жаловался на законы. Дело стоит, по его словам, например, оттого, что один из свидетелей, подписавшийся под завещанием (Асафов, кажется, не помню наверно) уехал из Москвы и бог знает где находится. Мне кажется, что это вздор. Не может быть, чтоб закон не предусмотрел такого наивного препятствия и не заключал в себе же исхода, чтоб поправлять такие задержки. Разумеется, не зная дела, я ничего не сказал Веселовскому. Просил его заехать к сестре Саше, но он не был. И всё сплетни: он был у меня с Кашпиревым, дней 10 назад, а Базунов, к которому я зашел вчера в магазин за книгами, торжественно поздравлял меня вслух с получением наследства и что это уже «всем известно».[7] Какая глупость, да распространись этот слух, и кредиторы съедят меня.

Я опять мое прежнее мнение: пусть Верочка и другие наследники соединятся и возьмут наконец адвоката значительного, который не боится Веселовского.

Машеньке скажите, что я обожаю Рубинштейна, серьезно, и раскаиваюсь в клеветах, мною на него взведенных.[8] Юлиньке и всем ее подражательницам мой искренний привет. Наташу целую особенно и Лёлю.[9] Жена всем вам кланяется и обнимает Верочку. — Сделайте одолжение, не подражайте мне и ответьте мне *сейчас же* хоть двумя строчками. Если я месяц не писал,

то ведь каковы же были и мои хлопоты и вместе с тем и расположение духа.

До свидания, Сонечка, еще раз жму Вам руку.

Искренний Ваш Федор Достоевский.

441. С. Д. ЯНОВСКОМУ

4 февраля 1872. Петербург

Петербург, 4 февраля 1872 г.

Многоуважаемый и незабвенный Степан Димитриевич, как я рад, что наконец знаю, куда Вам написать. Еще в ноябре Александр Устинович говорил мне, что Вы в Швейцарии.[1] Давно ли Вы в Киеве? И почему именно выбрали Киев? (По климату?) Плохо то, что жалуетесь на здоровье. Представьте, и у меня точно такой же кашель, какой Вы описываете, но мне, по крайней мере в этом году, нечего думать о южных климатах. Другое дело летом, может быть, проеду хоть не в Италию, но в Воронеж и Киев и дай бог, чтоб еще привелось Вас застать в Киеве.[2] Я бы очень, очень обрадовался, если б пришлось нам свидеться! Ведь Вы один из «незабвенных», один из тех, которые резко отозвались в моей жизни, и с именем Вашим связаны мои воспоминания. Нам, Степан Димитриевич, нельзя не свидеться перед старостью.[3] Что же, надо признаться, старость подходит, а меж тем и не думаешь, всё еще располагаешь писать новое, что-нибудь создать, чем бы наконец сам остался доволен, ждешь еще чего-то от жизни, а меж тем, может быть, уже всё получил. Я про себя Вам повествую: что ж, я почти счастлив, кажется ужились и у нас двое детей, Люба и Федька, девочка и мальчик. — Помните, как мы виделись в последний раз в Москве?[4] Боже, какой Вы были еще тогда молодец, а теперь вот жалуетесь на нездоровье! Но уж если ездить за границу, то, по крайней мере, хоть здоровье-то вывезти оттуда. Я же пробыл за границей 4 года, в Швейцарии, Германии и Италии, и наскучило наконец ужасно. С ужасом стал замечать, что и от России отстаю, читаю три газеты, говорю с русскими, а чего-то как бы не понимаю, нужно воротиться и посмотреть своим глазом.[5] Ну что ж, воротился и особенной загадки не нашел; всё в два-три месяца поймешь снова. Но вообще эта поездка за границу была. с моей стороны, большой нерасчет: я думал, отправляясь прожить за границей года два, написать роман, продать, нажить денег, заплатить долги (еще после журнала остались) и воротиться уже человеком свободным, да еще поправив здоровье. И что ж? Долги только увеличились, здоровье (то есть падучая) несколько поутихли[a] против прежнего, но радикально не

---

[a] *Так в подлиннике.*

вылечился, а между тем народились дети, и чем дальше, тем тяжеле было подняться с места, чтобы ехать в Россию. Вошел опять в страшные долги, но наконец кончил тем, что воротился — и вот моя эпопея с одной стороны.

Я всего здесь еще полгода. Дописываю последнюю часть романа, который печатаю в «Русском вестнике»,[6] и как допишу, к лету, хочется поехать (имею в виду) в деревню, в губернию (в Тульскую[7]), чтоб поправить здоровье моей Любочки. Всё в порядке, но такая худенькая, а я ее люблю больше всего на свете. Вот Федька (*здесь родился шесть дней спустя по приезде* (!), теперь шести месяцев) так наверно получил бы приз на лондонской прошлогодней выставке грудных младенцев (только чтоб не сглазить!).

Нет, нам нужно повидаться и поговорить. В уме у меня съездить на Восток (Константинополь, Греческий архипелаг, Афон, Иерусалим) и написать книгу. Готовлюсь, то есть читаю. Поездка потребует менее года, а написать хочется многое, да и книга окупит.[8]

Не покидайте меня, дорогой, незабвенный друг. Ведь Вы[6] мой благодетель. Вы любили меня и возились со мною, с больным *душевною болезнию* (ведь я теперь сознаю это), до моей поездки в Сибирь, где я вылечился. Желал бы я знать, что у Вас теперь в душе и в сердце, чем заняты, как смотрите кругом, чего желаете? Пишите, пишите, хоть изредка. Письма глупая вещь, я согласен, ничего не выскажешь, но что-нибудь да расскажешь, и таким образом хоть что-нибудь да узнаешь о бывшем друге.

Я Майкова вижу часто и передам ему о Цейдлере при первом свидании[9] (мне кажется, что Цейдлер в Москве или около Москвы.) Вообще моя жизнь теперь трудовая. Пишется трудно и пишу по ночам. Но жить уединенно здесь нельзя, даже и работающему. Вот почему вижу и старых знакомых, знакомлюсь и с новыми.

Жена Вам очень кланяется и очень обрадовалась, что Вы отозвались. Она слишком много знала о Вас через меня еще и прежде и считает Вас (с одного взгляда в Москве) самым лучшим моим доброжелателем.

Радуюсь, что как раз теперь при деньгах, и спешу выслать мой долг сто рублей.[10] Не браните, дорогой друг, что раньше не высылал: почти всё не было, за границей жил ужасно экономно, а когда было — то или не знаю Вашего адресса, или улетят так скоро, что и не опомнишься. Но, возвращая, еще раз благодарю. Эти 100 руб. решительно поддержали нас в свое время в Женеве.

До свидания. Жду непременно от Вас письмеца. А может быть, летом и свидимся. Эх, хорошо бы было![11]

---

[6] *Далее было*: почти

На всю жизнь Вам искренно преданный и очень любящий Вас

Федор Достоевский.

Жена очень Вам кланяется и просит об ней вспомнить.

Адресс мой: Серпуховская улица, № 15, близ Технологического института.

NB. *Не надо* в доме Архангельской.

442. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

16 февраля 1872. Петербург

Многоуважаемый Яков Петрович,

Не посетите ли Вы меня завтра (в четверг 17 февраля) вечером по поводу Федора Тирона, чем сделаете мне великую честь и чрезвычайное удовольствие.[1] У меня будут только близкие, все Вам известные.

Вам искренно преданный

Ваш Федор Достоевский.

(Серпуховская улица, № 15, близ Технологического института.)

443. Н. Н. СТРАХОВУ

16 февраля 1872. Петербург

Многоуважа*емейший* (слог Владиславлева) Николай Николаевич, не сделаете ли Вы мне чрезвычайного одолжения передать мою всепокорнейшую и убедительнейшую просьбу *Николаю Яковлевичу Данилевскому* пожаловать завтра ко мне вечерком всё по поводу того же Федора Тирона.[1] Я не знаю, где он живет, и на Ваше содействие вся моя надежда, а я очень бы желал видеть Ник‹олая› Яковлевича у себя (то есть завтра, в четверг 17-го февраля, как и говорил я Вам в воскресение). Надеюсь, дорогой Николай Николаевич, что Вы сами не манкируете. Кроме же Вас будут немногие из близких (Владиславлев, Ламанский, Майков, еще кто-нибудь). Итак, надеюсь на Вас в обоих случаях. Будьте добры.

Ваш весь Федор Достоевский.

444. Н. А. ЛЮБИМОВУ

Конец марта—начало апреля 1872. Петербург

<...>[а] 72 г.

Милостивый государь многоуважаемый Николай Алексеевич,

Я не ответил на письмо Ваше, ожидая выхода мартовской книжки. Вы замечаете мне, что роман сильно затянулся: что делать, я, судя в целом, виноват без вины (но все-таки виноват), а Вы имеете полное право, сознаюсь в том, негодовать. Затем Вы даете мне полные сроки, то есть Вашими словами: «Когда мною написано будет *всё* или по крайней мере значительная доза»,[1] — и тогда уже начать печатать.

Я считаю возможным вот что предложить с моей стороны и сверх того кой об чем попрошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич. У меня две мысли насчет продолжения печатания: 1) у Вас в руках $2^1/_2$ листа, у меня через два дня будет отделана[б] еще глава. Таким образом, будет всего на ‹апрельскую› книжку 4 листа.[2] Угодно ли В‹ам› напечатать в апреле, — тогда уведомьте меня одной строчкой, и я немедленно вышлю Вам главу. Затем, говорю это твердо, доставка пойдет без перерывов, до самого окончания 3-й части, то есть романа, правда, не по четыре листа, но я постараюсь, чтоб не менее $2^1/_2$ до 3-х листов на номер. Повторяю, я говорю это *твердо*. Я столько раз был неисправен, что в этот раз употреблю все силы исправить прошедшее.

2-я мысль: если Вы уже так непременно желаете начать печатание 3-й части, когда она будет кончена или написана весьма значительная доля, чтоб не было перерывов, то я покорнейше и особенно просил бы Вас: начать печатанье с августовского номера. Тогда можно кончить разом в августовской и сентябрьской книгах, в двух номерах, по 6 или 7 листов (никак не более, судя по величине 3-й части), или в 3-х книгах (август, сентябрь и октябрь) — одним словом, как Вы пожелаете. Для меня это много составит <...> Я имею убеждение, что кончу может ‹быть›, гораздо скорее, чем сам рассчитываю. ‹Таким› образом, если начать, например, печатать с июньской книги и кончить до осени, то это значит (для меня) повредить роману. Без глупой похвальбы скажу: публика несколько интересовалась романом. В последнее время при выходе каждого номера об нем писали и говорили, по крайней мере у нас в Петербурге, довольно. До августа срок очень длинный и для меня, конечно, вредный: роман начнут забывать. Но, напомнив разом при напе-

---

а *Края письма обгорели, образовавшиеся пропуски в тексте здесь и ниже обозначены <...> или, в бесспорных случаях, восполнены (тоже в угловых скобках).*

б *Было*: готов‹а›

чатании вдруг 3-й части, я надеюсь опять оживить впечатление, и именно в то время, когда опять начинается зимний сезон, в котором роман мой будет первою *новостию*, хотя и очень ветхою. Сверх того у меня (знающего окончание романа) есть одно убеждение (очень позволительное), что эта 3-я часть по достоинству будет выше первых двух и особенно второй (а вторая-то и производила в эту зиму в Петербурге впечатление). Таким образом, роман обновится — а это мне очень будет полезно для 2-го издания, сейчас по окончании.

Вот почему и попрошу Вас покорнейше ‹уведо›мить меня теперь же, со‹гласны› Вы на это (то есть до августа) в случае, ‹если› не захотите начать с апреля? Если же с апреля, то главу немедленно вышлю.[3]

Мне кажется, то, что я Вам выслал (глава 1-я «У Тихона», 3 малые главы), теперь уже можно напечатать. Всё очень скабрезное выкинуто, главное сокращено, и вся эта полусумасшедшая выходка достаточно обозначена, хотя еще сильнее обозначится впоследствии. Клянусь Вам, я не мог не оставить сущности дела, это целый социальный тип (в моем убеждении), *наш* тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного *из тоски*, но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия, чтоб обновиться и вновь начать верить. Рядом с нигилистами это явление серьезное. Клянусь, что оно существует в действительности. Это человек, не верующий вере наших верующих и требующий веры полной, совершенной, иначе... Но всё объяснится еще более в 3-й части.[4]

Примите от всей души уверение моего полного, искреннего и совершенного уважения и простите мне чернильное пятно на верху страницы; не сочтите за небрежность, что я не переписал письма.

Ваш всегдашний слуга

Федор Достоевский.

‹...› случае прошу Вас, уведомьте меня теперь же о Вашем ‹...›

445. М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ

13 апреля 1872. Петербург

13 апреля/72.

Добрейший и многоуважаемый Михаил Иванович, может быть, Вы уже знаете, что сестру Александру Михайловну постигло ужасное горе: умер Николай Иванович (сегодня в 6 часов пополудни). Это было так внезапно, ударом; болел всего сутки.[1] Можете представить, в каком она горе. Брат Коля хотел

сходить к Вам, уведомить Вас и милую Марью Михайловну и от имени сестры просить Вас сделать честь ей и семейству ее пожаловать на вынос тела и отпевание (в их приходе). Но на всякий случай она просила меня уведомить Вас нарочно письмом с тою же просьбою от ее имени. Завтра (то есть в пятницу) панихиды будут в час пополудни и вечером в 8 часов. Вынос же будет в субботу в 10 часов утра. Погребение на Смоленском кладбище.

Я всё время собирался написать Вам о Старой Руссе, многоуважаемый Михаил Иванович. Не получали ли Вы уже какого-нибудь ответа? Мы думаем, если всё удастся, переехать даже в самом начале мая, еще до сезона, который открывается в С‹тарой› Руссе 20-го мая.[2] Ужасно надо переменить воздух хоть на три месяца, особенно для детей. Полагаюсь на Ваше обязательное содействие. Но увидимся, вероятно, в субботу и переговорим.

Целую Машу, а Вам от души жму руку.

Вам совершенно преданный

Федор Достоевский.

P. S. Простите за помарки; совсем разучился писать начисто. Не сочтите за леность или невнимание; ужасно устал сегодня.

446. В. М. ИВАНОВОЙ

20 апреля 1872. Петербург

Петербург. 20 апреля/72.

Любезный друг мой, сестра Вера Михайловна, во-первых, Христос воскрес, а во-вторых, не сердись, что так долго не отвечал на твое письмо от 31 марта (случились причины).[1]

Но прежде всего о сестре Саше: конечно, ты уже знаешь теперь, что она овдовела; наверно, уже написал тебе Александр Александрович. Но так как я его с воскресения не видал и характер его знаю, то на случай, если он еще не известил тебя, пишу сам. Николай Иванович еще три месяца тому назад был несколько болен, был внезапный обморок, — чего с ним никогда не бывало прежде. После того обморока он чувствовал себя не совсем хорошо всю неделю. Затем в среду на страстной встал веселый и здоровый (как никогда не бывал, говорит Саша), шутил с детьми и вдруг после обеда (постного и очень необильного) упал без чувств и уже более не приходил в себя до самой смерти, то есть ровно сутки. Было много докторов, человека четыре, все решили, что апоплексический удар и не проживет суток. Саша прислала известить только нас, меня и Анну Григорьевну, так что Николай Иванович и умер при нас. Жаль его очень, человек добрый, благороднейший, со способностями и

с сердцем и с настоящим, тонким остроумием.[2] Хотя он в последние 8 лет ничего не делал, но зато много сделал для семейства, для детей, нравственно; учил, воспитывал их сам, и они обожали его. Хорошая вещь оставить *на века* в своих детях прекрасную по себе память, так что про него никак нельзя сказать, что он *ничего* не делал.[а] — Но, однако, каков же ваш жребий всех трех сестер: все вы овдовели, и вовсе ведь не потому, что мужья ваши были гораздо старее вас: Александр Павлович, по летам и силам своим, наверно, мог бы прожить еще 10—15 лет, Николай Иванович мог бы тоже еще десять лет прожить! [3] Сестра устроила похороны, не жалея денег, хотя, впрочем, никакой не было особенной роскоши, да и в деньгах-то у ней довольно-таки скудно. Вообще средства остались небольшие. Жаль ее. Очень плакала, дети тоже. Ты ее детей, кажется, не знаешь: славный народ, нельзя не полюбить их.[4]

Александр Александрович был [б] немедленно извещен Сашей и приехал на похороны, затем я видел его у Саши в светлое воскресение, и после того в понедельник заезжал он к нам с Ставровским.[5] Что ты об нем беспокоишься, во-первых, он никогда не был здоровее и (несмотря на экзамены) не только не похудел, но пополнел даже, так что на него приятно смотреть. Во-вторых, дела идут прекрасно: недели две назад зашел вдруг ко мне веселый и довольный, сбыл два экзамена из двух главнейших предметов и из обоих хватил по пятерке. (Я люблю его за скромность, на мой вопрос когда-то он ответил, что из первых не выйдет, а из средних, и вот оказывается на деле, что выйдет из первых, значит, говорит мало, а дело делает. Нравится мне тоже, что он решительно становится хорошего образа мыслей.) На лето он получает (наверно) место на железной дороге, с подъемными, прогонными и сверх того с ежемесячным, весьма значительным жалованием. Чего же лучше; дай ему бог. А тебе только на него радоваться. Хоть он и не любит много рассказывать собственно о себе, но я знаю, из невольно высказанных им в разное время слов, что он только об вас и думает и, уж конечно, очень вас любит.[6]

Теперь, голубчик, насчет дачи и Костюрина. Я всё ждал хоть какого-нибудь ответа [в] на мое письмо,[7] то есть не то, что дача нанята, а хоть о том, что ты постараешься об этом или, лучше сказать, что тебе можно будет постараться об этом и дело не пошло на ветер. Но ты не ответила, до самого 31 марта. А так как вопрос о даче для нас слишком важен, то мы, по совету Владиславлевых, и поручили им (у Владиславлева там отец) нанять дачу в Старой Руссе. Владиславлевы хвалят место, хвалят воды, дешевизну и комфорт. Правда, место озерное и сы-

---

[а] *Было*: сделал
[б] *Далее было*: тож<е>
[в] *Было*: уведомления

ренько, это известно, но что делать. Воды действуют против золотухи и полезны будут Любе. Правда,[г] окончательного ответа мы еще не получили даже доселе, но Владиславлев (человек довольно точный) честью уверяет, что дача будет нанята непременно.[8] А так как я всё ждал этого ответа каждый день три недели, то и не мог тебе ответить; да и теперь отвечаю не дождавшись. Благодарю, ангел мой, за хлопоты, за то, что ездила толковать с Костюриным, но дело в том, что я почти и теперь не могу дать окончательного ответа. Если не удастся в Старой Руссе, то[д] придется нанять у Костюрина. Скажу только, что, кажется, *наверно* наймем в Старой Руссе, тем более что уж очень много удобств — дешевизна, скорость и простота переезда и, наконец, дом с мебелью, с кухонной даже посудой, воксал с газетами и журналами и проч. и проч. Но, повторяю, может, еще и не состоится, и тогда опять к Костюрину, а потому, милый друг мой, не можешь ли ты одолжить меня еще раз: как-нибудь сказать так Костюрину (если будет требовать ответа),[е] что окончательно еще не решено, что ты ответа от меня еще ждешь и т. д. А знаешь, мне очень жаль, что мы будем не в Моногарове.[9] Но я *наверно* приеду гостить. Анна Григорьевна будет в Москве в августе, чуть ли не две недели, по делу.[10] Тогда увидимся; обнимаю тебя крепко, Анна Григорьевна целует тебя. А насчет Сони что сказать? Хоть бы строчку написала! Ну пусть мы с ней оба решили раз навсегда, что переписка нелепость и что в письме ничего не расскажешь, но ведь это решение, на деле, лишь философский вздор! Мне бы хоть какую-нибудь ее строчку иметь. Ведь знает же она, что я ее люблю, а я *хочу* знать, что она меня любит.[11]

Перецелуй всех детей. Скажи, ради бога, непременно Машеньке, что я глубоко стал уважать Nicolas.[ж] Я сознаюсь искренно, что он много сделал для музыкального русского воспитания, но зачем же из-за него застреливаются русские барыни с полдюжиной его карточек на груди? Вот это, это что такое? Жестокий! Тиран![12] Юлии Александровне искреннее мое уважежение. Наташу особенно поцелуй.

г *Далее было*: еще
д *Далее было начато*: обращусь опя‹ть›
е *Вместо текста* (если ∾ ответа) — *было начато*: (еще будт‹о›
ж *Было*: их Nicolas

447. Н. Н. СТРАХОВУ

3 мая 1872. Петербург

3 мая среда 72.

Любезнейший и многоуважаемый Николай Николаевич, как нарочно, Перов выпросил себе завтра в четверг льготный день и писать не будет. Да и портрет несколько затянулся, так что

и нечего показать. А в воскресенье, кажется, он будет окончен вполне, да и с Перовым я бы очень хотел Вас познакомить.[1] (Третьяков поручил уже ему сегодня, из Москвы, снимать и Майкова).[2] А потому весьма прошу Вас: не манкируйте в воскресение, но этак капельку пораньше, если можно, в пятом часу, например. А теперь пока

весь ваш Федор Достоевский.

К 15 мая наверно уеду в Старую Руссу.

На конверте:

Его высокоблагородию
Николаю Николаевичу Страхову.
У Певческого моста,
дом № 20 (Калугина), квартира № 28. Здесь.

448. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

27 мая 1872. Старая Русса

Старая Русса. Суббота 27 мая/72.

Милый друг мой Аня, сегодня, в час пополудни, увидал Федю.[1] По-моему, он совершенно здоров и весел. Тотчас узнал меня и полез срывать шляпу. Я боюсь, что он помешается на шляпе. Священник[2] уже подарил ему в полное владение свою старую-старую шляпею. Но не в шляпе главное дело, а чтоб сорвать ее с головы. Теперь его закачивают спать (3 часа), а все два часа он лез ко мне и без умолку болтал. Очень тоже любит ползать по полу. Не похудел нимало. Но маленьких пятнушек, с горошинку, и не очень ярких по лицу много. Но мне сказали, что пятнушки были первоначально больше и краснее, а что теперь сильно проходят. Животик у него совершенно хорош и марается очень хорошо и аккуратно. Вид очень веселый. Первые дни, говорят, грустил больше, то есть тянулся из комнаты в комнату и всё искал. А первую ночь, няня говорит, совсем напролет не спал, но с аппетитом, впрочем, ел. Теперь же спит хорошо. Вообще всё, что до него касается, хорошо. Вчера здесь открыли воксал. Я подожду еще день, а если пятнушки не пройдут, обращусь к Рохелю или к Шенку за советом.

Священник встретил меня с радостию, всё расспрашивали,[a] и я всё рассказывал. Няня тоже довольна удачей операции, но, кажется, недовольна, что не едешь ты сама.

В настоящую минуту у меня голова кружится, потому что я ничего не спал. В Новгороде парохода не застали, потому что он, по поводу открытия воксала, сделал экстренный рейс с гу-

[a] *Так в подлиннике.*

бернатором, но пришел в 6 часов утра, и все-таки приняли на пароход не иначе как по взятии билета уже в $^1/_4$ 8-го. С двух до 6 часов провел я в гостинице Соловьева, где, впрочем, спал часа полтора. Здесь погода ясная, но каждый день вспрыскивают дожди и не так знойно, как в Петербурге. Впрочем, великолепно.

Теперь, главное, о Любе. Я о ней очень беспокоюсь. Ну что, если ты с ней пойдешь на улицу, а с тобой случится обморок? Наконец, ты можешь заболеть. Кроме того, выпрямится ли ручка, когда снимут перевязку через три недели? Довольно зла произошло от нашей небрежности и доверчивости. Надо, чтоб косточки совершенно срослись. Не подействовали бы на нее тоже зной и духота, не заболела бы она? А что, если и ты расхвораешься? Ради бога, проси маму не оставлять тебя. Твое положение с Лилей несравненно хуже и неприятнее, чем положение Ольги Кирилловны, которая будет окружена всеми удобствами и утонченностями науки. Да и сами они, я убежден, маме не дадут даже вымыть своего ребенка.[3] Думаю тоже о том, как ты будешь возвращаться сюда: переезды хлопотливые, с задержками, ломкие.

Тоскую тоже без Лили. Оставил я ее в такое критическое время и хоть пользы не много бы ей принес, но все-таки на глазах, сам бы не тосковал.

Осторожно ходи с нею по улицам. В Петербурге так толкаются, столько пьяных. Ради бога, не ходи смотреть на праздник 30 мая:[4] ей сломают опять ручку в толпе наверно. Всё об этом думаю и об тысячи вещах и всё тоскую.

Сбила тоже меня с толку твоя записка. Во-первых, у нас прачки нет, кому же я, *сейчас*, отдам всё мыть? Я думал, что у нас давно есть прачка. Марья привела какую-то, и я выдал ей на пробу постирать несколько вещей (записав белье, разумеется). Во-вторых, в твоей записке, которая лежит теперь передо мной, ясно и точно сказано, что всё белье, чистое и черное, и *большое* я найду в большом сундуке. Совершенно исковерканный и измученный дорогой, едва стоя на ногах, принялся я искать в большом сундуке и что же — ничего не нашел белья. То есть в полном смысле слова хоть бы одну штуку. Есть две или три твоих рубашки, кажется, еще дрезденской стирки, а больше нет ничего, кроме разных лоскутьев. Правда, есть еще какая-то салфетка, в которую тоже завернуты какие-то лоскутки, — и только. А белья нет никакого. Лежит же белье какое-то в шкапике, потом черное мое в большом платяном шкапу, да какие-то штуки на стульях, да в комоде во втором ящике две-три салфетки и черные простыни — одним словом, всё разбросано и разметано в совершенном беспорядке. Прачка придет опять в понедельник, тогда соберу все остальные лоскутья, выдам и запишу. А теперь ноги подламываются. Я часа полтора перебирал сундук. Ничего не помял. Впрочем, там еще буду

искать. Вообще, не имея реестра нашего белья, трудно мне будет прийти к порядку.

Здесь, чтоб письмо пошло *в тот же день*, надо непременно доставить его на почту до девяти часов утра. Итак, это письмо никоим образом не могло бы пойти сегодня, а пойдет, разумеется, завтра.

Обо всех других делах не думаю, слишком устал и клюю носом. Мучусь только, не случилось бы чего с вами, и предчувствую, что все три недели не буду покоен.

Здесь, когда начинают купать детей в соленых ваннах, то через две недели начинает появляться сыпь, а месяца через три проходит (то есть проходит золотуха). Не золотушлив ли и Федя? Может, еще до купанья, а просто от одного здешнего воздуха, у него уже появились пятнышки? Не надо ли, стало быть, его покупать. Впрочем, если пятнушки пройдут сами собой, то нечего ходить к Шенку или Рохелю. Кроме этих пятнушек (которые исчезают), повторяю, он совершенно здоров и весел.

Целую Лилю бессчетно. Говори ей обо мне, напоминай. Спрашивала ли она обо мне хоть разок?

Ну до свидания, прошу тебя очень писать ко мне, хоть по пяти строк, но чаще и, главное, с полною откровенностию.

Очень целую тебя, твой совершенно усталый

Федор Достоевский.

Пятнушки на лице у Феди гораздо меньше горошинки (я ошибся), а цвету бледно-коричневого, были же вначале у него красные. Очень расчесал себе руки и ноги. Очень кусается. Проснулся, весел совершенно.

Вообрази: священник еще не получил моего второго письма.[5]

449. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

28 мая 1872. Старая Русса

Старая Русса. Воскресение 28 мая/72.

Милый друг мой Аня, хочу написать тебе еще раз, а уж там начну писать, как уговаривались, через день. Очень жду от тебя письма, но вот уже семь часов, и, по всей вероятности, сегодня не получу. Что Люба? Ужасно беспокоюсь об вашем предстоящем житье в Петербурге. Федя вчера вечером был в бане, но ночью часто просыпался, впрочем совершенно здоров, какает чудесно, отменно весел, срывает шляпы и смеется. Подозреваю, что хотят вырезаться зубы, потому что он очень уже кусается, но жару нет. Мне кажется, няня слишком уж любит его закачивать спать, по-моему, от этого только кровь густеет, а ему надо бы побольше гулять. Семейство священника, а главное сам

он, кажется, очень любят Федю. Пятнушки всё еще продолжаются, мелкие, почти совсем под цвет волос его, крапинками. Сегодня даже три новых красных больших пятнушка. Но я вижу и *убедился*, что это совсем не болезнь, а просто цветет. Тут произошли три большие перемены: воздуха, воды и пищи. Сейчас священник мне рассказывал, что встретил какого-то доктора и спросил его, что такое, если пятнушки на лице, как у Феди? Тот отвечал, что это всегда у маленьких при таких переменах и что довольно одной из них, например воздуха, чтоб произвести на несколько дней не то что цвет, а даже сыпь. При этом спросил: худенький или полный мальчик? Коли полный, то непременно слегка зацветет, на несколько дней. Узнав же, что весел, кушает и ходит отлично, жару нет, сказал, что совсем не о чем беспокоиться и что так именно и должно происходить. Я, впрочем, если завтра или послезавтра не пройдут еще пятнушки, то, несмотря на его полное здоровье, позову Шенка. Признаюсь тебе, что я до твоего приезда боюсь советоваться с докторами: нападешь на дурака, который тотчас же закричит, что надо лечить от золотухи, тогда как у Феди никакой нет золотухи. Это случается между докторишками сплошь.

Береги Любу и старайся сама больше обращать внимания на физическую сторону своего здоровья. Больше спи, например. Не выходить нельзя, — но ужасно боюсь, не случилось бы с вами чего па улице.

Мне здесь страх скучно. Погода здесь хорошая и не очень жаркая, солнце, но весь день беспрерывно спрыскивали дожди. Мы с Румянцевым ходили сегодня утром к протопопу (Ивану Смелкову) с визитом. Протопопша очень изъявляла желание с тобой познакомиться. Протопоп казался очень довольным моим посещением, но, мне кажется, он в 10 раз хуже нашего Румянцева.[1]

Был в воксале, был в конторе вод и вывел заключение, что ничего нет здесь труднее, как получить какое-нибудь сведение. Всё сам отыскивай. Гуляющей публики в саду не так чтобы очень много. Но есть порядочно приезжих офицеров. Много золотушных детей. Впрочем, продолжают приезжать, ходят по городу и ищут квартир.

Я убежден, что мне всё это время до вас будет очень скучно. Завтра примусь за работу. Главное, что ты мне не можешь помогать стенографией, а то мне бы хотелось поскорее отправить в «Русский вестник».[2] Священник отдал мне сегодня деньги, я взял наконец без отговорок, 21 руб., а 4 издержаны.[3] Всего-навсе у меня в кармане 72 р. Ах, Аня, надо работать и работу кончать, а там деньги будут.

Но об вас беспокоюсь до мучения. Ну что, если ты захвораешь, заснешь невольно, — что будет с Любой? Хоть бы письма ты писала. Что мама? Не родила ли Ольга Кирилловна? (В эту минуту Федя проснулся и ужасно болтает с няней, очень любит

говорить, но всё для-для-для-ли-ли-ли или хохочет, а больше ничего не выговаривает.) Шляпу сорвал с меня и с священника сегодня раз десять.

Публика здесь очевидно ужасно церемонная, тонная, всё старающаяся смахивать на гран-монд, с сквернейшим французским языком. Дамы все стараются блистать костюмами, хотя всё, должно быть, дрянь страшная. Сегодня в саду открытие театра, идет комедия Островского, цены высоки, но хотел было пойти для знакомства.[4] Кофейных, кондитерских мало ужасно. Ужасный мизер эти воды, и парк мне решительно не нравится. Да и вся эта Старая Русса ужасная дрянь.

А все-таки воздух оживил бы и тебя и Любу, и вот ждать. Целую тебя, а Любу благословляю и молюсь за нее. Напоминай ей обо мне. Поскорей бы вы здесь все, во всем комплекте, а там помышлять бы и о дальнейшем.

Ради бога, пиши обо всем откровенно. Видишь, я тебе всё откровенно пишу.

Твой Ф. Достоевский.

Поцелуй Любу. Целую тебя. Не худей, пожалуйста.

450. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

30 мая 1872. Старая Русса

Старая Русса 30 мая/72.

Сейчас получил от тебя, друг мой, известие о смерти Марьи Григорьевны.[1] Ужасно изумлен и ужасно мне ее жалко. Экая бедная! Но как же она умерла 1-го мая, когда уже месяца три, как мы слышим о ее болезни? Жалко детей, Павел Григорьевич ровно через год женится. — Намерение твое насчет мамы я в высшей степени порицаю. Это против всех правил опытности и знания сердца человеческого. Если ты привезешь ее в Ст‹арую› Руссу и здесь только откроешь, то она тем сильнее здесь будет поражена. То есть будет поражена насильнейше, и ты выбираешь самый громоносный случай. Слушай: если Павел Григорьевич в отчаянии, а дети плачут, то если теперь открыть маме, — половина горя ее уйдет на сострадание к тем *и на мысль*, что те все-таки не только не меньше, но и больше ее потеряли, особенно дети. Горе ее *поневоле* смирится перед их горем, и маме легче будет плакать над детьми и с детьми. Тогда как если теперь от нее скрыть, то после первого мгновения горя она бросится в Петербург к детям, чтобы над ними поплакать (но она убеждена будет, что она им будет и полезна), и как она будет досадовать на тебя, припоминая, что она долго не видала детей, или, пожалуй, побранила или подумала дурно о Маше! Одним словом, надо открыть ей сейчас и для облегчения вдвое

немедленно свести ее с Павлом Григорьевичем и детьми, особенно с теми, которые плачут. Иначе ты, может быть, будешь виною ее болезни.

Но я знаю, что вам всем, Сниткиным, что ни говори — ничего не поделаешь, и потому убежден, что ты меня не послушаешься.

Привезти же маму в Ст‹арую› Руссу уже после открытия (когда сама ты воротишься) я бы тебе советовал непременно. Здесь место уединенное, комнат очень много, и она может жить, как у себя в Саксонии,[2] и отдохнуть. Смотри же, пригласи и настаивай. Но для этого непременно надо теперь открыть.

О Лиле я забочусь и мучаюсь, воображаю духоту или холод петербургские. Ты ничего не пишешь про погоду. Выпрямится ли ручка? В газетах читаю об оспе в Петербурге. Берегись Васильевской и Петербургской части — там оспа. Пиши, пожалуйста, о Лиле.

Федя здоров и весел. Призывал вчера Шенка. Он осматривал подробно и сказал, что решительно ничего не значит, что так у всех детей. Никаких соленых ванн не нужно, а что не худо бы его мыть по временам в корыте мылом. Так как Федя при нем смеялся, то он не мог не полюбоваться ребенком и сказал, что это славный мальчик для 10 месяцев.

Няня у нас хороша и любит Федю, но какая-то своеобычная, и за ней тоже нужно следить. Никогда не любит говорить, как марается ребенок и т. п. Здесь вечера после 7 часов сыренькн, а она выносит Федю всё в той же рубашечке и даже без шляпы, да и на землю сажает. И я и священник за этим наблюдаем. Не беспокойся.

Где ты теперь? Не переехали ли куда? Вот на Ольгу Кирилловну чтоб не произвела дурного впечатления смерть здоровой, молодой женщины, то есть в мнительности, накануне родов.

Вчера получил твое первое письмецо.[3] Слишком уж коротко пишете-с.

В сундуке отыскал наконец 2 простыни и несколько салфеток, но это и всё. Моего белья там не было, а нашел и всё мое белье по другим местам.

Обнимаю Лилю. Хорошо бы теперь писать хоть капельку почаще.

Целую тебя.

Твой Федор Достоевский.

P. S. Ужасно жаль Машу! Вот бы только бы жить.

Боюсь, что зарядило несчастьями. Поскорее бы съехаться. Я всё вижу дурные сны.

Пятнушки у Феди гораздо меньше, но он ужасно расчесал до рубцов свои ноги, то есть еще прежние пупырышки от волховских комаров и здешних клопов. Всё это видел Шенк и сказал, что никакой нет болезни, что комарные волдыри пройдут

сами собою, а пятнушки вздор, и если чешутся, то тем лучше, ибо всякая детская сыпь чем больше чешется, тем и безвреднее. Его слова. А у Феди и сыпи-то нет.

Завтра 7 дней Лилиной люцте.[а] Не поджила ли хоть сколько-нибудь?

[а] люцте — ручке.

451. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

3 июня 1872. Старая Русса

Старая Русса июня 3/72.

Любезный друг Анна Григорьевна, твое письмо от 30-го я получил только вчера.[1] Почему-то не пришла почта. А сегодня тоже не надеюсь получить, потому что уже семь часов вечера. Ты пишешь, что я напрасно беспокоюсь. Но как не беспокоиться, когда столько самых неожиданных усложнений на каждом шагу. Ты пишешь, что была больна; но ты можешь быть больна еще раз. Еще что-то скажет мама, с своею болезнию[2] и с своим неведением о судьбе покойницы Марьи Григорьевны? Кроме того, хорошо ли сойдет с Ольгой Кирилловной?[3] Тебя всё это должно волновать. Между тем ты теперь единственное провидение Лили. Кто побеспокоится о бедном больном ребенке, если ты заболеешь? Как же не беспокоиться мне здесь? Не пишу уже ничего собственно о Лиле. Каждую минуту она может разбередить свою ручку, пока не срослась; достаточно лишь отвернуться от нее на миг.

Сейчас принесли твое письмецо от 1-го июня, за которое очень тебе благодарен, потому что эти известия несказанно ободряют меня.[4] Но всего хуже то, что ты не спишь. Слушай, Аня: не помогут ли в чем здесь сестры милосердия? Ты бы поспала, а те бы посидели с ней. Иначе тебе одной не справиться. И вообще твое положение неказисто, а как далеко еще до конца! Бедная Лиля, разумеется, ей скучно и тоскует. Феде тоже, видимо, скучно, а ведь ты знаешь, какой он не капризный и простоватый мальчик! Любит меня ужасно, чуть я войду к нему, приходит почти в исступление, кричит, рвется ко мне. Любит быть у меня на руках. Мне кажется, ты найдешь, что он вырос и возмужал. Няня делает всё, что может, чтобы развлекать его, и мне даже ее жалко. Здоровье ее получше, но Федька тоже встает по ночам, и хоть бы плакал, а то встает и начинает прямо хохотать. Жизни детишки требуют, солнца, расти хотят. а тут и солнца-то нет: Лиля в душной скорлупе города, а мы здесь в куче грязи. Вот уже четвертый день отвратительная погода. Вчера же и сегодня такой дождь, такой дождь — что я и

в Петербурге никогда не видывал. И не перестает до сих пор. Всё размокло и разбухло, всё раскисло. На дворе грязь, какую и вообразить нельзя, и, наверно, завтра еще будет так продолжаться. Кроме того, холодно: я и вчера и сегодня топлю, и, наконец, частая перемена ветру. Фечка просится тоже гулять, но и подумать нельзя. Тоскует и плачет. Я ему показываю лошадок в окно, когда едут, ужасно интересуется и любит лошадей, кричит *тпру*. Но теперь и к окошкам подносить нельзя, потому что дует в каждое окно ужасно. Если б не топить, то и жить нельзя б было.

Хотел бы я узнать, как ты решила с лечебницей, где рассчитываешь жить и нельзя ли чего сделать, чтобы вам возвратиться пораньше, только не рискуя делом.[5]

Про маму думаю по-прежнему: сказать надо теперь. Еще, пожалуй, она обвинит в душе Ив‹ана› Григорьевича, что он берег ее для ухода за Ольгой Кирилловной и потому и не объявлял ей о смерти Маши, а объявил уже после родин. Тогда как если объявить теперь, то поверь, что у ней удвоится забота об Ольге Кирилловне в решительную минуту, из одной потребности внутреннего возрождения энергии после такого горя, и эта забота излечит и самое горе отвлечением на другой предмет... В одном только я сомневаюсь: в том, что ее ноге не легче. От горя иногда усложняется и усиливается болезнь, даже хоть и наружная.

Как у вас погода? Такая ли хлябь, как у нас? Это ужас. Нет ничего несноснее зелени и деревянных домов во время дождя и при таком ужасном небе.

Если б ты знала, как мне скучно жить. Писать хорошо, когда пишется, а у меня всё идет туго. Да и охоты нет совсем. Читать тоже нечего. Какая Александра Михайловна была у тебя? Сестра моя?

Я не знаю, успею ли подать сегодня это письмо, чтоб оно пошло завтра до 8 часов утра. До почты далеко, и, кроме того, я не могу идти: до того грязно и мокро. Не смейся. Здесь идти почти невозможность в такую погоду.

Народ здешний тоже не совсем хорош. Кроме нашего священника, все остальные ужасно странны, глупы и грубы.

Ради бога, езди, а не ходи. Не глупи по-прежнему, не носи Любу. Езди непременно на извозчиках и непременно сделай так, чтобы выспаться. Недостаток сна тебя убьет. Здесь обо всем этом надо вновь распорядиться. Надо, чтобы хоть два месяца ты могла отдохнуть.

Я тоже, хоть и не позволяю себе ничего лишнего и даже счеты веду, а все-таки у меня деньги выходят. В эту неделю я уже рублей 20 истратил.

До свидания, голубчик Аня, целую тебя и Лилю. Передай ей от меня 1000 поцелуев и мою молитву о ней.

Твой Ф. Достоевский.

452. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 июня 1872. Старая Русса

Старая Русса. 5 июня. Понедельник/72.

Милый друг мой Аня, получил сейчас твое письмо от субботы.[1] Все эти известия меня просто убивают. Прежде всего ты, собственно твое положение: разумеется, не выдержишь, так жить нельзя. Не спать и мучиться с Любой — сверх физических сил. Надо непременно на что-нибудь решиться. Мое мнение — надо ехать тебе сюда, *во что бы ни стало* немедленно, сейчас. Надо взять от Барча записочку или изустное наставление *вообще* об Любиной ручке и привезти ее сюда в перевязке. Здесь же, когда минет месяц, пусть снимет перевязку Шенк. Не думаю, чтобы случилось что-нибудь дурное: спроси Барча и Гламу, расспроси, что бы могло случиться очень дурное? (я думаю, ничего) и разъясни им, что тебе *никак* нельзя оставаться долее. Я за тебя решительно боюсь. Вспомни, что ведь всем нам хуже будет и все дела наши расстроятся, если ты сляжешь. Насчет мамы я так думаю: если ей возможно, пусть едет с тобою сюда, если же нет, то неужели ей захочется вторую дочь потерять? У тебя есть дети и свои обязанности, нельзя же тебе всё время заботиться только о других.[a] Я к тому, что тебя не должны они задерживать в Петербурге. Денег достала бы столько, чтоб хватило на проезд. А там пусть пришлет Ив‹ан› Григорьевич. Сообрази еще, что если оставаться в Петербурге, то непременно пока выйдет месяц после операции, ибо через 3 недели нельзя разбинтовать ручку, если б даже они соглашались. Я очень помню, что и Барч и Глама сделали гримасу на первоначальный вопрос мой о 3-х неделях и советовали месяц. Ну а ведь месяца ни за что тебе в Петербурге не выдержать. Так уж не лучше ли теперь воротиться, предоставив всё дело Шенку, тем более что и дела-то, кажется, никакого больше не будет.

Ты вот хочешь завтра (то есть во вторник) перебраться к Ив‹ану› Гр‹игорьеви›чу. Хорошо тебе там будет, воображаю! Ольга Кирилловна, кажется, целым месяцем ошиблась. Ты живешь в доме, в котором такая суматоха, где все больны, где Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч наверно потеряет голову, где тебя стеснят, а Люба всем надоест, и, главное, Ольге Кирилловне. Нет, Аня, прежде всего приезжай сюда, в Старую Руссу, но немедленно, сей же час.

Подумай, что ведь нерешимость гораздо невыгоднее для всех. Что может тебя, в самом деле, задерживать? Когда ты будешь читать это письмо, Любиной перевязке будет ровно две недели — это уже срок чрезвычайно обнадеживающий. Ведь она здорова, спокойна, имеет аппетит и только мучается скукой и всех сама

[a] *Вместо*: о других — *было*: о них

мучает. Ну, если здесь, через две недели Шенк найдет что-нибудь при разбинтовке перевязки, тогда в крайнем случае опять хоть поедешь. Но ведь этого же совсем быть не может. И потому приезжай.

Может быть, тебе тяжело оставить маму и[б] семейство Павла Григорьевича? Но подумай, что ты взамен того положительно будешь в тягость в доме Ив‹ана› Гр‹игорьеви›ча. Что же касается мамы, умоляй ее приехать в Руссу, если теперь нельзя, то когда вылечит ногу.

Уверяю тебя, Аня, что я сам приеду за тобою. Я вижу, что подлее и сквернее твоего положения быть ничего не может, если же ты заболеешь — тогда будет поздно. Тогда я ничего уже не напишу во всё лето, и что тогда — повеситься?

Я не могу жить в этом беспорядке. Все причины оставаться тебе в Петербурге — фиктивные. Для чего ты там живешь, в самом деле? Всё сомнительное в ручке Лили прошло. Деньги? Но возьми у Ив‹ана› Гр‹игорьеви›ча *несколько* денег, очень немного, чтоб добраться только, и дело кончено.

И потому с получением этого письма прошу тебя очень, настаиваю — начни сейчас укладываться, сходи к Барчу или Гламе и отправляйся сюда в тот же день.

Кроме того, так как я до невыразимости страдаю всеми сомнениями — отвечай мне в тот же час, как получишь это письмо. (Да и вообще я желаю, чтобы каждый день писались письма — иначе нельзя.)

Уклончивость или ложное известие о том, что ты здорова и что тебе хорошо — будет подлостью передо мною или перед Лилей (не говорю уже, перед бедным Федей). Лиля и без того мучается по даче, только не может сказать по чему, но очень возможно, что она заболеет в петербургской духоте!

И что ж, лучше что ль будет, если я через три, через 4 дня сам приеду за тобой, потеряв время? И без того много денег и времени потеряно без малейшей пользы для нас.

Снимать же повязку Лили *ни в каком случае* раньше месяца я бы не хотел.

Не может же мама претендовать на тебя, что ты неблагодарная дочь.[в]

Федя здоров, но я бы желал, чтоб ты воротилась. Ему очевидно чего-то недостает, и иногда он очень скучает.

Главное, прошу тебя, уведомь меня сейчас, сию секунду, неотложно и *во всяком случае* пиши каждый день, хоть по три строчки.

Со вчерашнего вечера погода разгулялась. Здесь во всяком случае здоровее, чем в Петербурге. Еще скажу: при тебе будет

б *Далее было*: тяжело с

в *Дальше следует фраза из семи слов, густо зачеркнутых.*

меньше выходить денег. У меня теперь всего-навсе [г] 57 руб. Это с священниковыми 21 р., отданными мне. Я берегу, впрочем, очень.

Вчера был у обедни в соборе. Протопоп уже два раза приходил ко мне. Я был у него один раз, пойду еще.[2]

Мне нестерпимо скучно жить. Если б не Федя, то, может быть, я бы помешался.

Пишется ужасно дурно.[3] Когда-то добьемся хоть одного месяца спокойствия, чтоб не заботиться сердцем и быть всецело у работы. Иначе я не в состоянии добывать денег и жить без проклятий. Что за цыганская жизнь, мучительная, самая угрюмая, без малейшей радости, и только мучайся, только мучайся!

Ты не сердись, это к тебе не относится. Но пойми, что лучше бы жить с здравым смыслом, а не наперекор ему. Взвесь же мое предложение и воротись сюда *сейчас*. Я [д] не пойму никак причин, которые тебя могут задерживать. Одно, что ты больна. О, не дай бог, если наконец и этого добьешься! Тогда всё пропало, и, главное, средств ни гроша, чтобы что предпринять.

Ради бога, отвечай сейчас же. Твой очень тебя любящий

Федор Достоевский.

Я перечитал это письмо. Не сердись, ради Христа, на меня. Я *не тебя* укорял. Но ведь наконец до того станет тяжело, что не вытерпишь. Я предвижу весьма возможный ужас, что ты не выдержишь и заболеешь, и потому заранее в отчаянии. Но если, на беду, мама очень заболеет и тебе надо будет остаться при ней — останься, но извести меня тотчас же и пиши каждый день. Если сама заболеешь хоть каплю — пиши сейчас, сию минуту, или вели написать, но без лжи.

Успокойся, я подожду твоего ответа, но только *немедленно* пришли его и пиши каждый день (не надо слога, три строчки).

Бедную мученицу и для других мучительницу Лилю целую 1000 раз. О, как до помешательства тяжело жить!

[г] *Далее было*: около
[д] *Далее было*: тебя

453. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

8 июня 1872. Старая Русса

Старая Русса. Четверг 8 июня/72.

Сейчас получил твое письмо, друг мой Аня, от 6 июня.[1] Письма ко мне приходят, кажется, позже всех в городе. Почта приходит в час, а я получаю в 6 пополудни. Заметил это почтальону — он же на меня и раскричался. Ужасно здесь дерзкий народ. — Пишешь о том, что Барч хочет снять перевязку

12 числа. Я рад, если это возможно, но и боюсь. Ну что, если не поджила еще совсем ручка и начнет кривиться? Может быть, Барч делает это, не видя другого исхода, то есть за невозможностью тебе ждать. Ах, Аня, поторопимся, и что будет потом! Вот моя последняя просьба: решись только в том случае, если Барч вполне и настойчиво удостоверяет тебя, что нет *ни малейшей* опасности.

И опять-таки: по снятии перевязки надо взять инструкцию, ведь быть не может, чтобы тем совсем и кончилось! Некоторое время всё еще надо беречь ручку и ходить за ней, а может быть, и лечить. Спроси непременно, не забудь, Барча: не заболит ли ручка по снятии перевязки наружно (кожа, н‹а›прим‹ер›, начнет слезать), потому что слишком долго была герметически закупорена от влияния воздуха. Наконец, не опасно ли, сняв перевязку, оставить ребенка действовать ею как здоровой рукой. Осторожно ли будет? Ну обопрется обо что-нибудь, стукнет ручкой, и суставчик, еще чуть-чуть сросшийся, опять надломится.

Это хорошо, что ты переехала к Сниткину-доктору, а не к Ивану Григорьевичу.[2] Я решительно был в тоске от прежнего твоего намерения. Ну как можно жить в душных комнатах, где столько мебели, где есть родильница и ребенок, с Лилей, которая капризится и плачет. Вот было бы безумие-то. Но и у Сниткина-доктора вряд ли тебе будет хорошо. Эх, Аня, лучше бы было остаться в Максимилиановской до середы, если уж Барч находит возможным снять перевязку! Ну что 35 рубл., а по крайней мере была бы у себя дома. А то еще на Любу будут коситься. Там тоже есть ребенок. Люба будет мешать, надоест.

Итак, буду ждать вас мало-помалу. Мне здесь очень скучно. Работа же — труд (да еще скверный), а не развлечение.[3] Если б не Федя, совсем бы умер с тоски. Федя весел, но слишком уж тих. Ужасно мил. У него не проходят на руках и на ножках комарные болячки. Каждую ночь расчесывает, страх смотреть, и не знаю, что предпринять. Здесь же его вновь кусают какие-то мошки, которые теперь развелись. Их укус очень чешется, делается волдырь и не проходит. Может быть, те же комары.

Не забудь купить пакетов; выходят. Не достанешь ли больших пакетов для меня? Не забудь взять «Р‹усский› вестник» и «Беседу».

Мне решительно некогда ходить в гости, а надо сходить к протопопу.[4] Некогда даже и гулять. На минутку забегаю лишь читать газеты. Деньги здесь очень выходят.

Обнимаю тебя. Лилю целую бессчетно. Хоть бы взглянуть-то на нее!

Твой весь Ф. Достоевский.

Теперь каждый день буду отсчитывать до вашего возвращения.

Не знаю, по какому адрессу теперь писать к тебе. Пишу па старый.

А маму не привезешь? Пригласи ее, если так, настоятельно. Да обратите вы внимание на ее ногу посерьезнее.[5]

454. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

9 июня 1872. Старая Русса

Старая Русса 9 июня/72.

Милая Аня, пришло твое письмо от 7-го, в котором ты меця стараешься успокоить.[1] Я и спокоен, только глупо было Барчу с самого начала не говорить, в чем дело. Эти господа воображают, что все мы живем какими-то отвлеченными существами, у которых ни дел ни забот и всё время свое. Вот выходит теперь, что снятие перевязки действительно важная вещь: зачем же было с самого начала не рассказать, в чем ход дела: не было бы многих недоразумений. То, что снимают повязку 14, а не 12-го, мне кажется, хорошо. Только жаль и тревожит заранее, если найдут, что дело еще не сделано и надо перевязку другую, войлочную. Без сомнения, если тебе велят остаться еще, то остаться необходимо. Но уж как бы желательно, чтоб поскорее вы воротились. Скука здесь, хоть умри. Но если и на скуку приедешь, то все-таки, мне кажется, тебе лучше будет, чем теперь в Петербурге, а Лиле и подавно. Ты пишешь, что письмо тогдашнее отправила в минуту раздражения. Да и ведь то одно, что есть такие минуты раздражения, много показывает.[а] Думаю тоже про Лилю: в Петербурге ей теперь хуже, чем зимой, а здесь воздух чистый, песок, и, может быть, ванны помогут. Об ваннах спроси хоть Михайлу Николаевича.[2] (NB. Здесь, чтоб допустили пользоваться ваннами, надо представить удостоверение от доктора, который, описав в этом удостоверении болезнь, помечает, что такому-то больному надо принять на первый случай столько-то ванн (10, положим), а там он увидит. За эти 10 ванн вносятся деньги сюда в контору, и выдается билет па пропуск в ванны. Взять это свидетельство можно и от петербургского доктора. Не взять ли у Мих‹аила› Н‹иколаеви›ча, если найдет полезным? А впрочем, ведь это всё равно. Не обойдемся же здесь без Шенка.

Для посещения воксала, музыки, библиотеки надо взять билет единичный или семейный и заплатить особо от 4-х до 6 руб.. кажется.)

Если Барч настаивает снимать перевязку собственноручно — то и чудесно. Пусть, по крайней мере, начатое дело окончится

а *Далее следуют четыре густо зачеркнутых слова.*

и раз навсегда. Но то, что он *особенно* настаивал, меня несколько тревожит.

Мне ужасть как надо переписывать то, что я успел написать. Ужасно затянется работа.[3] Дорого стоила нам эта люцьта.

Протопоп[4] предложил мне владиславлевскую люльку, которую они, когда жили, здесь у него оставили, и уже прислал мне. Это огромнейшая люлька, в которой можно спать и большому, глубокая и без раскачки. Итак, для детей кроватки есть.

Ты пишешь, что осматриваешь квартиры. Когда ты находишь время? Спрашиваешь моего мнения: да что же я могу сказать, не видав? Одно только скажу окончательно: ни за что не брать квартиры в Шестилавочной. Принцип же мой ты знаешь насчет квартиры: хоть подороже, но только пусть комфортно и спокойно, ибо в такой *больше наработаешь*. А то сохранишь рублей 200 экономии, а на 1000 руб. не допишешь. Из твоих же описаний мне несравненно больше нравится в Саперном. Но так как с Троицкой разница в цене малая, то, конечно, на твою волю. Да отдавай, между прочим, преимущество высоким потолкам. Чем выше, тем лучше, пусть меньше комнат, но выше потолки.

600 или 700 руб. не бог знает что, если бог нас сохранит. Но в том беда, с которого времени их считать? С сентября или с того дня, как наймешь? Что делать, впрочем? Надо покориться. Только чтоб работать. Вот в чем вся штука и загадка. Хорошо бы нанять теперь и дать задаток.[5]

Федя здоров и весел. Но лучше, если бы ты поскорее воротилась. Побольше развлечения ему полезно. Погода у нас недурная. Обнимаю Лилечку. Помнит ли она меня? Не забыла ли?

Твой Федор Достоевский.

455. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 июня 1872. Старая Русса

Старая Русса 12 июня/72.

Сейчас, уже в 7-м часу, получил твое письмо от 10 июня.[1] Мне решительно всё позже и позже приносят и определили, кажется, из всего города приносить последнему. Таков здесь разряд на чины у почтовых чиновников. Отвечу тебе только несколько строк: на все твои намерения я вполне согласен, как ты и знаешь сама, но ужасно буду скучать, если Барч оставит тебя еще на 4-ю неделю (хотя что же делать, надо слушаться). Ты пишешь, что скучаешь по мне, верно, больше, чем я по тебе. Отвечу: я не знаю, по ком я больше скучаю, но мне так скучно, что, поверишь ли? — досадую, зачем нет припадка? Хоть бы я разбился как-нибудь в припадке, хоть какое-нибудь да раз-

влечение. Гаже, противнее этого житья быть не может, вместе с Старой Руссой. — Федя здоров, но вчера несколько раз очень плакал и почти всю ночь эту не спал. Теперь ясно, это зубы. Ночью плакал ужасно, неслыханно; приду я — тотчас развеселится у меня на ручках и начинает мне показывать, как мычит коровка, пищат птички. Сегодня днем веселее гораздо. Маленький понос (но слишком маленький). Очень вкусно ел, сейчас спал и встал веселый. Что-то будет эта ночь?

Милая Лиля, как должно быть ей скучно! Так вы живете в Фонарном почти одни, а семейство на даче? — вот это хорошо.[2] Если скоро выедешь, ради бога, обрати внимание на то, что я уже писал тебе про дорогу. Не утоми себя и сбереги Любу.

Вчера, получив твое письмо, я очень встревожился за брата Колю, а написать тебе позабыл. Нельзя ли тебе, голубчик, перед отъездом еще раз узнать об нем подробнее, и не дать ли ему еще хоть капельку денег? Ну что, если умрет. Тяжело мне будет.[3]

До свидания, друг мой, благодарю, что обо мне хоть немножко скучаешь. Я всё работаю, но для меня это мучительно. Вот уже семь часов, а я еще со двора сегодня не выходил. У нас дни так себе, только ветрено.

Целую тебя и твои ручки и Лилю 1000 раз.

Тв‹ой› Ф. Достоевский.

А что, если ты отправишься в среду и, стало быть, это письмо не дойдет до тебя? Но в среду наверно не отправишься. Зато не знаю: писать ли тебе теперь еще, завтра или послезавтра? Соображусь с обстоятельствами.

456. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

14 июня 1872. Старая Русса

Старая Русса, среда, 14 июня/72.

Сейчас получил твое письмо от 12-го и вижу, что ты решительно собираешься к нам, милая Аня.[1] Поэтому пишу лишь два слова, единственно в той печальной надежде, что тебе еще не удастся уехать, а стало быть, еще получишь это письмо. Федя здоров и в хорошем расположении. Все мы ждем тебя. У меня в ночь на 13-е число был припадок из сильных, так что до сих пор темно в голове и разбиты члены. Это еще больше остановило мою работу, так что и не знаю, как я буду с «Р‹усским› вестником» и что обо мне там думают.[2] Что пароход не доходит, — то это вздор. Сегодня еще пришел к самому берегу. Он будет не доходить в конце июля или в августе, когда река обмелеет. Насчет денег нечего и говорить, плохо. — Ужасно боюсь за вас с Любой, за вашу дорогу. Опасно еще то, что чуть ветер,

и пароход нейдет, а выжидает. Тебе бы в Петербурге взять прямо до Руссы и с пароходом. Ну, до свидания. Целую тебя. Приезжай скорее. Сегодня среда, что-то скажет Барч! И когда я об этом узнаю? А насчет того, что ты приедешь завтра, в четверг, — то, разумеется, в это трудно поверить. Хоть бы в субботу.

Ну, до свидания. Целую тебя 1000 раз и Лилю. Боюсь я за нее в дороге.

Твой муж Ф. Достоевский.

Всем поклон. У нас сегодня дождь.

457. Н. А. ЛЮБИМОВУ

19 июля 1872. Старая Русса

Старая Русса июля 19-го/1872 г.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич.

Извините, что всё Вам надоедаю и Вас беспокою.

Сегодня я выслал в редакцию пятую (большую) главу 3-й части моего романа (21 полулисток). Это не то, что я Вам обещал выслать в последнем письме (дней пять тому назад) [1] к концу июля. Это только половина обещанного. Высылаю же теперь потому, что эта пятая глава, по моим соображениям, могла бы быть напечатана вместе с четвертой, для полноты эпизода. Если печатание началось с июльской книжки (и я думаю, в числе двух глав), то 3-ю, 4-ю и 5-ю главу хорошо бы было пустить вместе с августовской, хотя и будет не менее $4^1/_2$ листов.[2]

Не сомневайтесь за сентябрьскую книжку, работа идет беспрерывно, и в конце июля я Вам вышлю совсем отделанную 6-ю главу. (NB. Эта 5-я, теперь высылаемая, и 6-я глава, которую вышлю в июле, по недавним еще соображениям моим составляли всего одну главу. Но я раздробил эту уж очень большую главу на две, для полноты эпизода.)

В весьма большом беспокойстве о том, начнется ли печатание в июльском номере? Иначе не пойму, какие намерения редакции насчет этой третьей части.[3]

Нахожусь тоже в недоумении, доходят ли мои письма в редакцию (и посылки романа)?

Впрочем, насчет помещения *пятой* главы вполне доверяюсь соображениям редакции и выразил только мое чрезвычайное желание.

Примите уверение в чрезвычайном моем уважении.

Ваш покорный слуга Федор Достоевский.

458. Н. Н. СТРАХОВУ

20 сентября 1872. Петербург

Многоуважаемый Николай Николаевич, я ждал Вас вчера с обещанными моими сочинениями, а сегодня был у Вас в четвертом часу и теперь в восьмом. Я поставлен наконец в такое положение, что завтра дело может быть в суде отложено.[1] За отсутствием необходимейшего документа для поверки расчета полистной платы. Выйдя от Вас сегодня в четвертом часу, был у Базунова, чтоб купить, и у него не оказалось ни одного экземпляра. Он говорит, что и нигде нет, кроме как у Стелловского. Жена после обеда поехала искать у букинистов. Если она не найдет, то *завтра* день пропал. Только что получил записку от Губина,[2] и он настоятельно требует запастись книгой. У Вас прождал сегодня без малого до 8 часов, потому что Ваша служанка убедительно уверила меня, что Вы непременно придете. Что делать? Пишу, чтоб объяснить мое часовое у Вас присутствие.

Ваш Достоевский.

20 сент./72.

459. Е. П. ИВАНОВОЙ

22 сентября 1872. Петербург

22 сентября/72.

Многоуважаемая Елена Павловна,

У меня к Вам чрезвычайная просьба, простите, что так прямо Вас беспокою. Ваш адрес я узнал от Ивана Григорьевича, а адреса Сони (то есть, собственно, где она в настоящую минуту) совсем не знаю. Вот почему и беспокою Вас. Вот в чем дело:

мне крайне нужно быть в Москве, чтоб решить с Катковым лично дело о моем романе (и иначе, как лично сговорившись, решить нельзя, по совершенно особому обстоятельству). Между тем Любимов (редактор de facto «Русского вестника») известил меня, что Катков 1-го августа выехал за границу, с тем чтобы пробыть там месяца полтора. Надо Вам сказать, что мне *во всяком случае* придется[a] быть в Москве по поводу моего романа.[1] Но лишнего времени я терять на поездку никак не могу. И потому, если приеду раньше Каткова, то, пожалуй, придется его дожидаться. Рискнуть же ограничиться в объяснениях моих *одним* Любимовым могу только в самом крайнем случае. Вот по-

---

[a] *Было*: надо бы‹ть›

чему теперь, когда уже *пора* ехать в Москву, и приступаю к Вам с просьбою:

получив это письмо, сообщить его Сонечке, *если она в Москве*, и передать ей покорнейшую и крайнюю просьбу мою мне помочь. Именно — сходить в редакцию, к Любимову или куда она знает, и, *не сообщая, что я приеду*, разузнать от себя: 1) приехал ли Катков? 2) если не приехал, то когда приедет? 3) если там не знают, то хоть приблизительно узнать от них, к которому дню его ждут. 4) как его здоровье и не может ли Сонечка на этот счет сообщить чего-нибудь особенного? [2]

Сообщите ей тоже, что всё это имеет для меня, *в моих делах* очень, очень большое значение. Если не пишу ей прямо, то именно потому, что не знаю, где она теперь, не в Даровом ли?

В случае же, если она не в Москве и сообщить, стало быть, ей нельзя, то решаюсь на чрезвычайно назойливую просьбу собственно к Вам, добрейшая Елена Павловна. Именно: не можете ли Вы сами наведаться в редакцию («Русского ли вестника», «Московских ли ведомостей» — всё равно) и там прямо спросить, не объясняя причины (это можно), когдà ждут в Москву Михаила Никифоровича? Простите, что так досаждаю, но мне ужасно нужно.

И наконец, последнее и главное: если возможно, не медлить ни минутой и ответить мне сюда как можно скорее. Потому что уж и так совсем запоздал и если довел дело до последнего сроку, то потому лишь, что думал, узнаю и здесь как-нибудь: воротился ли Катков или нет? В случае Вашего ответа, что ждут, например, недели через две, и я, хоть и опоздаю приездом, но приеду в Москву не ранее как через две недели. Если же не приедет долго, то, нечего делать, придется сию минуту отправляться в Москву и объясняться с одним Любимовым (который, впрочем, уже уведомил меня 1-го августа, что без Каткова [6] не может ни на что решиться).

Давно слишком не видались мы и не имел я о Вас (и о Соне) никаких известий. Как я жил, что делал и чем особенно был занят, сообщу Вам при скором личном свидании. А теперь только излагаю просьбу, вполне надеясь на то, что Вы, зная меня, не рассердитесь на мою требовательность и будете бесконечно добры ко мне, как и всегда. Соню целую от всей души и жалею, что приходится жить с ней постоянно врозь. Машеньке, если в Москве, передайте от меня то же самое.[3]

Вам много преданный

Ваш Федор Достоевский.

Адресс мой: Петербург, Измайловский полк, вторая рота, дом № 14, Ф. М-чу Достоевскому.

---

[6] *Далее было*: он

460. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

9 октября 1872. Москва

Москва. Понедельник 9 октября/72.

Милый друг Аня, вчера вечером получил твое доброе письмецо, за которое от всего сердца благодарю тебя и крепко целую.[1] Итак, и Люба и Федя думают, что я сплю в моей комнате? Мне жаль их, ангелов, хоть бы забыли меня немножко. Говори им, что я гостинцы здесь покупаю и привезу им. Как ты поживаешь? Я переехал еще в субботу (заплатив в «Европе» за день) к Елене Павловне и стою в особом отделении ее нумеров, через дом. Мне покойно. С Любимовым по виду всё улажено, печатать в ноябре и декабре, но удивились и морщатся, что еще не кончено.[2] Кроме того, сомневается (так как мы без Каткова) насчет цензуры.[3] Катков, впрочем, уже возвращается: он в Крыму и воротится в конце этого месяца. Хотят книжки выпускать ноябрьскую 10 ноября, а декабрьскую 1-го декабря, — то есть я должен чуть не в три недели всё кончить. Ужас как придется в Петербурге работать. Вытребовал у них старые рукописи пересмотреть (да и Любимов ужасно просил) — страшно много надо поправить, а это работа медленная; а между тем мне очень, очень хочется выехать в среду. И потому сижу дома и работаю. И, однако, вот сейчас надо будет съездить к Веселовскому, которого наверно не застану дома; стало быть, к нему проездить придется раза два или три.[4] Вчера заезжал к *Перову*, познакомился с его женою (молчаливая и улыбающаяся особа). Живет Перов в казенной квартире, если б оценить на петербургские деньги, тысячи в две или гораздо больше. Он, кажется, богатый человек. Третьяков не в Москве, но я и Перов едем сегодня осматривать его галерею, а потом я обедаю у Перова.[5] Ни у кого еще не был. Разыскивал Аверкиева, но адресса найти не мог. Если узнаю, то заеду к нему. Не знаю, поеду ли в «Беседу». Дела с поправкою рукописи бездна, времени не будет (а по-моему, с «Беседой» время и терпит).[6] Ну вот и все мои пока приключения. Погода здесь летняя, но по вечерам сыренько. Купи себе, ради бога, шляпку.

Все-таки жду от тебя письма. Завтра, во вторник, может быть, еше напишу. От тебя же [a] желал бы получить еще хоть одно письмо. И очень прошу, если хоть какой-нибудь худой случай с детьми, то дай знать даже по телеграфу. Но это в худом случае (не дай его бог), а сама со вторника могла бы уж и не писать мне (если тяжело), потому что в среду наверно хочу выехать. Если задержит что на день, то это возня с поправкой рукописи. Но не думаю. Если запоздаю хоть днем — уведомлю.

---

[a] *Далее начато*: прошу вс‹е-таки›

До свидания, друг мой милый, целую тебя крепко, ты мне снилась во сне.

Твой Ф. Достоевский.

Любу целую. Скажи ей, что люблю ее больше всего на свете, так же, как и Федю. Господи, как я за них боюсь здесь! По ночам такая приходит грусть.

Все тебе кланяются. Сонечка такая хворая, Машенька же толстая, но с признаками золотухи. Елена П‹авлов›на хлопочет с утра до ночи.

461. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 октября 1872. Москва

Москва 10 октября/72.

Милый друг мой Аня, сижу за работой, и поправок оказывается столько, что выеду не в среду, а в четверг. Пишу в три часа ночи. Спать хочется ужасно, но работы такая бездна, что нельзя лечь, и вдобавок завтра утром в 9-м часу пойду опять к Веселовскому, которого всё не могу застать (он с утра до ночи в суде по делу Мясниковых),[1] но более как до четверга здесь жить не хочу, скучно здесь ужасно. Пишу тебе лишь для того, чтобы в четверг меня не ждала напрасно.

Сегодня обедал у Перова. Целуй детей. Ради бога, Анечка, сбереги их. Целую и обнимаю тебя.

Твой весь с ног до головы

Федор Достоевский.

11 часов утра. Ночью был один из сильных припадков. Голова болит, работать надо, не знаю, что делать. А к Веселовскому не ходил, проспал. Надо будет бежать сегодня на авось после обеда или в суд. Ч‹ерт› возьми, сколько этот Коля задал мне шатанья и муки.[2]

462. М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ

6 ноября 1872. Петербург

6 ноября/72.

Многоуважаемый Михаил Иванович,

К величайшему сожалению моему, я никак не предвижу возможности так устроиться, чтобы воспользоваться лестным приглашением Вашим на 8-е ноября. Серьезная, уже недели две

продолжающаяся болезнь Анны Григорьевны задерживает меня, покамест, почти постоянно дома, главное, около детей. Своими занятиями, до крайности подошедшими к сроку, я уже не отговариваюсь. Во всяком случае позвольте заочно поздравить Вас от души со днем Вашего ангела и искренно пожелать Вам очень много раз встретить его еще, весело и благополучно, в кругу Вашего семейства. Чрезвычайно сожалею тоже, что лишаю себя таким образом возможности и встретиться у Вас с Вашими добрыми гостями и преимущественно с Ламанским и Григорьевым.[1]

Ваш Ф. Достоевский.

1873

463. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

1 января 1873. Петербург

Любезнейший Всеволод Сергеевич,

Я всё хотел Вам написать, но откладывал, не зная моего времени. С утра до ночи и ночью был занят. Теперь заезжаю и не застаю Вас к величайшему сожалению.[а1] Я дома бываю около[б] 8 часов вечера, но не всегда. И так у меня спутано теперь всё, по поводу новой должности моей,[2] что не знаю сам, когда бы мог Вам назначить совершенно безошибочно.[3]

Крепко жму Вам руку.

Ваш Ф. Достоевский.

а *Далее было начато*: Я дума‹ю?›
б *Исправлено из*: от

464. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

2—7 января 1873. Петербург

Милостивый государь Виктор Феофилович,

К сожалению, не могу напечатать эту прекрасно написанную статью *без выпусков*. Я настаиваю, впрочем, лишь на двух только выпусках: 1) на обеде в Невской лавре у новопосвященного архиерея и 2) где говорится (весьма ясно) о Каткове, Некрасове и Влагосветлове.

1-й пункт так незначителен, что не стоило бы за него и стоять.

А со 2-м пунктом, надеюсь, согласится сам многоуважаемый автор.

Ваш слуга Ф. Достоевский.

465. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

6 или 13 января 1873. Петербург

Г-н Александров, прошу Вас, потрудитесь сейчас же прийти на минутку в типографию.[1] Я и секретарь редакции [2] Вас дожидаемся. Без Вас нельзя решить.

Редактор Ф. Достоевский.

Суббота $3^1/_2$ ч. пополудни.

466. Л. А. ЛЕОНОВУ

15 января 1873. Петербург

Статья Ваша, к сожалению, напечатана быть не может в «Гражданине», несмотря на многие ее достоинства. Мы разнимся с Вами в основном взгляде на причины падения всякого искусства и образования в наше время. Если Вам угодно поручить кому-либо принять Вашу статью из редакции «Гражданина», то ее выдадут Вам всегда от 2 до 4-х пополудни.

Ф. Достоевский.

467. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

26—28 января 1873. Петербург

Г-ну метранпажу.

Прошу Вас прислать сейчас набор (и оригинал) моей статьи («Дневник писателя»). Уведомляю тоже, что окончания *не будет* и что статью *надо вынуть.* Если это может произвести затруднения, то прошу немедленно прийти в редакцию лично для переговору.

Достоевский.

468. С. А. ИВАНОВОЙ

31 января 1873. Петербург

31 января.

Голубчик мой Сонечка, каждый день кляну себя, что не соберусь к Вам написать, но буквально не имею минуты времени, а главное, такой минуты, чтобы написать *Вам* (потому что хо-

телось бы душу излить, а для этого нужно долго писать и отчасти выстрадать писанное). Время же мое теперь так скверно определилось, что я только кляну себя за решимость, с которою внезапно взвалил на себя редакторство журнала.[1]

Податель письма — Всеволод Сергеевич Соловьев (сын историка). Я с ним недавно познакомился и при таких особенных обстоятельствах,[2] что не мог не полюбить его сразу. Его прошу я побывать у Вас и уговорить Вас приготовить ко времени его отъезда из Москвы письмо ко мне подлиннее и посердечнее. Люблю Вас, милый инок мой Соня, так, как моих детей, и еще, может быть, немного более.

Как Ваше здоровье? (Главное.)

В Москве ли еще Верочка? Обнимите ее за меня.

Маше передайте, что я теперь уж серьезно хочу считать ее другом и согласен[а] с ней во *всём* и ни в чем противуречить не буду.[3]

Напомните обо мне посердечнее Елене Павловне и передайте ей мое крепкое рукопожатие.

К Вам приехал Пав‹ел› Александрович с женой. Приласкайте, голубчик, их и, если возможно, повлияйте Вашим духом и суждением (à la longue *) на этого всё еще Хлестакова, хотя (и я серьезно говорю это) в нем много прекрасных сердечных качеств.

Я в настоящее время всё болен простудою. Непременно напишу Вам гораздо больше. Хотел писать с Пашей (да и нужно было даже для него, чтоб я написал Вам) и не имел, буквально, времени.

Если б Всев‹олод› Соловьев был из обыкновенных моих знакомых, я бы к Вам не прислал его лично. Он довольно теплая душа.

Может быть, до святой или около того побываю в Москве.[4]

Обнимаю Вас, голубчик мой, и целую.

Ваш Ф. Достоевский.

Если можете, передайте Соловьеву Ваши наблюдения о Паше и о том, как он *начал* в Москве. Если он мне и напишет, то все-таки это не будет истиной, хотя, я уверен, он бы написал правду. А потому все обстоятельства о нем было бы мне приятно знать.[б] Я люблю его, каков он ни есть.

[а] *Было*: теперь согласен уж

[б] *Было*: слышать

* в конце концов (*франц.*).

469. А. А. РОМАНОВУ (наследнику)

10 февраля 1873. Петербург

Ваше императорское высочество
Милостивейший государь,

Дозвольте мне иметь честь и счастие представить вниманию Вашему труд мой. Это — почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо, раз *с гордостию* назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного *высокомерия* о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нациею и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так «высокомерны» в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и *высокомерно* самостоятельными.

Так думать у нас теперь и высказывать такие мысли значит обречь себя на роль пария. А между тем главнейшие проповедники нашей национальной несамобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем. Далеко не успел, но работал совестливо.

Мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, государь, наследник одного из высочайших и тягчайших жребиев в мире, будущий вожатый и властелин земли Русской, может быть, обратите хотя малое внимание на мою попытку, слабую — я знаю это, — но добросовестную, изобразить в художественном

образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор еще остающейся во главе русской жизни.

Позвольте мне, всемилостивейший государь, пребыть с чувствами беспредельного уважения и благодарности Вашим вернейшим и преданнейшим слугою.

Федор Достоевский.

10 февраля
1873 г.

470. М. П. ПОГОДИНУ

21 февраля 1873. Петербург

21 февраля/73.

Многоуважаемый Михаил Петрович,

Сейчас прочел статью о Белинском.[1] Зачем Вы не хотите подписаться под такою превосходною вещью полным именем? Что за Старый читатель журналов?

Статья тотчас же пошла в набор.[2] Сегодня среда, завтра это получите. Черкните, ради бога, *немедленно* три строки о позволении подписать: *М. Погодин.*[3] (Клянусь Вам, подумают, что это я сам сочинил, чтоб подтвердить мои указания о Белинском. Здесь многие меня обвиняли за эту статью.) [4]

Теперь еще: я несколько раз подымался написать Вам на Ваши приветы мне [5] что-нибудь потеплее. Но последние две недели был болен, а пуще всего расстроен нервами и до того, что даже сидел дома и в редакцию не ездил некоторое время. А потому ждал минуты *кое-что* написать Вам и до сих пор не написал.

О Ваших статьях, находящихся в редакции, напишу Вам особо.[6] А теперь всего больше желал бы, чтобы Вы *вполне поверили* моему глубокому уважению и самой искренней к Вам преданности.

Ваш весь Ф. Достоевский.

471. М. П. ПОГОДИНУ

26 февраля 1873. Петербург

26 февраля/73.

Многоуважаемый Михаил Петрович,

Вы не правы (повторяю от души), говоря, что «наконец-то откликнулись, по необходимости».[1] Я Вам *правду* написал, что хотелось ответить погорячее.[2] Мне Ваши отзыв и рукопожатие дороги; а не ответил потому, что положение мое такое.

Секретаря у нас нет, но я настою, что будет, ибо вижу, что он необходим. Но будь и секретарь — я всё равно знаю на опыте, что необходимо говорить мне лично с авторами статей, с приносящими новые;[3] перечитывать эти статьи (а это ужасно); ознакомиться с грудами статей, оставшимися от прежнего редактора. Перечитывать статьи берет огромное время и расстраивает мое здоровье, ибо чувствую, что отнято время от настоящего занятия. Затем, имея статью и решив напечатать, — переправлять ее с начала до конца, что зачастую приходится. Литературные сценки Генслера (в сегодняшнем №) я почти вновь пересочинил.[4] Затем надо читать рухлядь газет. А главная горечь моя — бездна тем, о которых хотелось бы самому писать. Думаю и компоную я статью нервно, до болезни; принимаюсь писать и, о ужас, в четверг замечаю, что не смогу кончить. Между тем отрезать ничего не хочу. И вот бросаю начатое и поскорей, чтоб поспеть (ибо дал слово Мещерскому, что будет статья, и на нее непременно рассчитывают), нередко в четверг ночью схватываюсь за новую какую-нибудь статью и пишу, чтоб поспеть в сутки, ибо в пятницу ночью у нас прием статей кончается. Всё это действует на меня, повторяю, болезненно. Где же тут написать письмо, если хочешь *что-нибудь* написать в письме.

Меня мучит многое, например совершенное отсутствие сотрудников по библиографическому отделу. Воротился на этой неделе из Крыма Страхов, я обрадовался (будет критика), а он вдруг серьезно заболел.

Наконец, многое надо сказать, для чего и к журналу примкнул. Но вижу, как трудно высказаться. Вот цель и мысль моя: социализм сознательно, и в самом нелепо-бессознательном виде, и мундирно, в виде подлости, — проел почти всё поколение. Факты явные и грозные. Самый необразованный простак и тот, читаешь в газетах, вдруг где-нибудь отрезал словцо — глупейшее, но несомненно вышедшее из социалистического лагеря. Надо бороться, ибо всё заражено. Моя идея в том, что социализм и христианство — антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей, а между тем и не принимался.[5]

С другой стороны, роятся в голове и слагаются в сердце образы повестей и романов.[6] Задумываю их, записываю, каждый день прибавляю новые черты к записанному плану и тут же вижу, что всё время мое занято журналом, что писать я уже не могу больше — и прихожу в раскаяние и в отчаяние.

Ну вот для Вас краткая картинка моего бытия. Я бы хотел приехать в Москву.[a] Поговорил бы с Вами от души и о многом. Может, и буду на мгновение весной, но это не наверно. Вы спрашиваете про мое здоровье.[7] Может быть, Вы слышали, что я эпилептик. Средним числом у меня припадок раз в месяц и уже

[a] *Далее было начато*: и с

много лет, с Сибири, с тою разницею, что в последние два года мне надо, чтоб войти после припадка в нормальное состояние, — пять дней, а не три, как было все чуть не двадцать лет. И вот странность: пять уже месяцев прошло с тех пор, как у меня был последний припадок! Остановились. Не знаю, чему приписать, и боюсь какого-нибудь кризиса. Но о здоровье мало думаю.

Карточки у меня нет,[8] но я Вам достану и пришлю вместе с новоотпечатанным моим романом «Бесы».[9] Если прочтете, то сообщите, многоуважаемый Михаил Петрович, мнение Ваше.

С Белинским я познакомился в июне 45-го года и тут же с Некрасовым.[10]

Майкову передам всё.[11] Давно уже, целую неделю его не видал.

«Гражданин» пошел недурно, но лишь относительно недурно. Подписчиков 1800, то есть уже более прошлогоднего, а между тем подписка всё еще не прекращается и течет в известном порядке. Но многого на этот год не будет, так мне кажется; разве что дойдем до 2500. Иван Сергеевич Аксаков в прошлом месяце был в Петербурге, говорил, что у него в первые два года было не больше подписчиков.[12] Отдельная же распродажа номеров упятерилась (если не более) против прошлого года.

Вообще, к концу года надо бы войти в систему и в порядок; теперь же чувствую, этого недостает. Новое дело, и отчаиваюсь, что для него не способен.

Корректурные листы «Речи» получены мною давно, и читал, и по обыкновению много мыслей вспыхнуло при чтении, но хочу сообщить Майкову, которого долго не вижу.[13] Недели две назад я был в сильной простуде.

Речь в Славянском комитете мы прочли все, но напечатать не могли (и теперь не прошло бы время, по-моему; почему же прошло? [14]) — единственно потому, что уже «Гражданин» печатал об этом статьи Филиппова, то есть о распре греков и болгар.[15] Читали ли Вы? Если читали, то, наверно, усмотрели, что тут есть один пункт, противуречащий отчасти Вашему взгляду.[16] И так как «Гражданин» заявил свой взгляд ранее у себя, то это значило себе противуречить. В каноническом, или, лучше сказать, в религиозном, отношении я оправдываю греков. Для самых благородных целей и стремлений нельзя тоже и *искажать* христианство, то есть смотреть на православие, по крайней мере, как на второстепенную вещь, как у болгар в данном случае. Между тем, в общем, нахожу взгляд Филиппова несколько сузившимся (из горячности). Читали ли Вы, многоуважаемый Михаил Петрович, в «Русском вестнике», февраль этого года, статью «Панславизм и греки» Константинова (не Леонтьева ли, печатавшего уже кое-что и давно уже о Востоке)? [17] Эта статья меня даже поразила. Если не читали, то прочтите и напишите мне хоть два слова о ней. Хочу писать статью по ее поводу. Меня поразил особенно последний вывод о том, что собственно

должен означать для России Восточный вопрос отныне? (Борьба со *всей идеей* Запада, то есть[б] с социализмом.)[18] Страннее всего, что «Р‹усский› вестник» это у себя напечатал, правда с оговоркою.[19]

О Феодосии и Киеве сделаю всё так, как Вы говорите, и Вам напишу.[20]

Называете меня[в] с Майковым молодыми людьми,[21] многоуважаемый Михаил Петрович, имеете полное право, ибо, наверно, ни я, ни Майков, в Ваших летах, не в состоянии будем затевать, как Вы,[г] работы, подобные Вашим о Петре,[22] писать так быстро, чисто, ясно и победоносно, как Вы в ответах Костомарову[23] и почти что и Иловайскому. (Великолепная у Вас была мысль и настоящая точка приложения сил (как в механике) открыта Вами вызовом Иловайскому в «Русском вестнике».[24] Ибо, в сущности, на Вашей стороне все-таки стоит целое здание,[25] а они, еще не натаскав для своего здания и кирпичей, раскидывают,[д] что накопилось, в драке.) Тем не менее борьба вещь хорошая. Борьба настоящая есть материал для мира будущего. Только Костомарова не могу читать без негодования.

Кажется, ответил на всё. Куда Вы отправляетесь в деревню, многоуважаемый Михаил Петрович?

Я совершенно не знаю, как проведу лето: решительно думается мне иногда, что я сделал большое сумасбродство, взявшись за «Гражданин». Например: без жены и без детей я жить не могу. Летом им надо в деревню для здоровья и от Петербурга по возможности подальше. Между тем я должен остаться при «Гражданине». Значит, расстаться с семейством. Совсем невыносимо.

Крепко жму Вам руку и храни Вас бог.

Ваш весь Ф. Достоевский.

[б] *Вместо*: то есть — *было*: и
[в] *Было*: нас
[г] *Далее начато*: так
[д] *Далее было*: *а.* их *б.* свой запас

472. М. П. ФЕДОРОВУ

11 мая 1873. Петербург

11 мая/73.

Милостивый государь Михаил Павлович,

Я помню, что несколько месяцев назад охотно дал согласие на переделку моей повести «Дядюшкин сон» в комедию.[1] Но чрезвычайно смутно припоминаю обстоятельства и забыл Ваше имя.

Но согласие я дал — Вашему ли брату или сам написал Вам, не помню. На теперешнее письмо Ваше опять с охотою отвечаю согласием. Если Вам удастся — буду очень рад; если же нет, то достоинства моей повести (если только в ней есть они) от неудачи Вашей на сцене не потеряются. А так как мое согласие, кажется, доставит Вам удовольствие, то и не думаю медлить им.

Впрочем, очень бы желал предварительно прочесть Вашу пьесу. Так как Вы теперь заняты экзаменами,[2] то, мне кажется, дело терпит. Когда же будет Вам возможно, то пришлите мне прочесть. Переправлять я не буду, волочить дело тоже, и если увижу, что чуть-чуть возможно, то так и напишу Вам. Вы извините меня, пожалуйста, за мое откровенное предположение неудачной переделки. Пусть останется лишь предположением; ведь я совершенно не имею удовольствия знать Вас. Но повторяю: если б переделка Ваша была и слаба, но *возможна* хотя бы только чуть-чуть, то я не воспрепятствую Вашим намерениям.

Я не знаю, поставите ли Вы на афишах, что сюжет заимствован из моей повести, или нет? Мне всё равно; но когда пришлете Вашу рукопись, то уведомьте меня.[3]

Адресуйте как адресовали.[4]

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Покорный слуга Ваш

Федор Достоевский.

473. П. А. ИСАЕВУ

17 мая 1873. Петербург

17 мая.

Любезный Паша,

Апол‹лон› Николаевич Майков желает тебя видеть по *очень важному* и *неотлагательному* делу — интересному как для него, *так и для тебя.*[1] Но так как дело неотлагательное, то просит тебя прийти как можно скорее, то есть завтра в пятницу часов в 10 утра, если только поспеет к тебе, и во всяком случае как можно скорее.[a]

До свидания. Я завтра еду.[2] Мой поклон твоей супруге.

Весь твой Федор Достоевский.

---

[a] *Вместо*: как можно скорее — *было*: поскорее

474. П. А. ИСАЕВУ

19 мая 1873. Петербург

Суббота, 19 мая.

Любезнейший Паша, я вчера опоздал и не поехал, а еду сегодня в 2 часа.[1] Может быть, я показался тебе вчера очень нетерпеливым и расстроенным. Если я тебя чем-нибудь обидел и огорчил, то извини, пожалуйста. Мне показалось, что надо было тебе написать это.[2]

А засим жму тебе руку и остаюсь тебя любящий

Ф. Достоевский.

475. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

20 мая 1873. Москва

Москва 20 мая/73.

Милый друг мой Аня, сегодня в полдень, так как поезд опоздал на час, приехал я в №№ Ел‹ены› П‹авлов›ны.[1] Никого не застал: Соня с детьми [2] на даче, а Елена Павловна к ней уехала. Узнал, что Ел‹ена› П‹авлов›на будет вечером, и занял номер. Затем оделся и поехал к Полякову, который у Ел‹ены› П‹авлов›ны оставил адресс своей гостиницы. Его, к счастию, застал. Он очень был доволен, меня увидев, и выразился, что без меня ничего не мог сделать. Он рассказал, что узнавал везде в суде: никакого дела к слушанию 21 мая нигде не назначено.[3] Но что, по его мнению, *Шеры* непременно что-то затеяли.[а] Он добыл копию с завещания и всего подлинного дела (18 листов) и заплатил за это 25 рублей. (Не худо кидает деньги!) Говорит, что было необходимо. Рассказал, что был у Варвары Михайловны и что та встретила его недоверчиво и сказала ему между прочим: «Неужели брат Федя хочет меня лишить всего?» Я отправился тотчас же к Варе. Она, между прочим, в большом горе, что зять ее, Смирнов, умер (3-тьего дня схоронили) и оставил вдову (ее дочь) и пятерых маленьких детей. Варя, бедная, плачет, но встретила меня очень приветливо. Она (и, по-моему, искренно) даже рада, что мы начинаем дело.[4] Она убеждена, что Шеры начали и даже что-то уже подали. Она уверяет, что вызов наследников был тому назад несколько месяцев. Просила не забыть ее при дележе в 14-й доле. Но все они здесь убеждены, что Шеры выиграют, основываясь на каком-то решении сената, в декабре, по какому-то подобному же делу в пользу единокровных. Между прочим,[б] Варя потому убеждена, что не-

---

[а] *Далее было*: Был он
[б] *Было*: тем

дели 2 тому приезжал брат Андрей М‹ихайлови›ч, остановился у ней и, не найдя Веселовского в Москве, послал ему в другой город телеграмму.[5] Брат Андрей приехал только потому, что узнал о Шерах и тоже (как и мы) был уверен в возможности захватить[в] всё; подбивал на это и Варю. (NB. Все здесь, кажется, уверены, что наши расписки в взятых мною и братом Мишей 10 000 и слова тетки насчет нас в завещании лишают нас права искать теперь;[6] но Поляков на это смеется. Брат же Андрей, вероятно, на это рассчитывал, *коли не написал мне ничего.*) Веселовский по вызову брата Андрея приехал, и на другой день (рассказывает Варя) брат воротился от него убитый и что Веселовский, будто бы, убедил его, что ничего не поделаешь и что Шеры правы. С тем брат Андрей и уехал. (NB. Но откуда же брат Андрей получил известие? — Это неизвестно.) Варя дала мне весьма важные *подлинные* метрические документы, это мне доказательство, что она за нас, и была очень дружелюбна. Я просидел у ней долго и поехал к Полякову уже вечером. Рассказав ему и вручив документы, я предложил ему ехать завтра к Веселовскому, который бывает в городе 2 раза в неделю от 10 до 12 часов. Затем решить окончательно, что делать. В том, что Шеры что-то начали, — нет сомнения. Но что, где и когда? Неизвестно, и это Поляков хочет разыскать. Он говорит, что пробудет до середы и уедет, оставя знакомого человека[г] следить за делом в суде, и чуть узнает, что Шеры подали, уведомить его в Петербург. Поляков более чем когда-нибудь горячится и надеется. Он говорит, что имение по оценке обозначено в 52 000,[7] то есть по оценке опекунской и судейской. Если так по *первой* казенной оценке, то наверно дороже. Я *прямо* сказал Полякову, что я начну дело лишь в случае, что начнут Шеры, ибо не хочу обижать сестер. Сказал я это еще до поездки к Варе. Но теперь явно, что они уже начали и, может быть, потаенно. Что сделаем в эти три дня, напишу тебе. У Вареньки был Жеромский, и Варя нашла, что Жеромский *дельнее* Полякова.[8] Жеромский в 2 дня достал по приходам *все метрики*, в суде же тоже узнал, что 21-го ничего не будет, но остается действовать и узнавать. Он говорил Варе, что действует за Колю даром по дружбе. Жеромский (как и Поляков) смеются над надеждами Шеров и не верят в декабрьский приговор сената.

Ну вот всё о деле, завтра узнаем более. Боюсь только, что Поляков потратит денег.

Затем вечером приехал в №№, где застал Елену Павловну. Завтра приедет и Соня. Елена Павловна говорит, что за Соню очень боится и что та решительно губит себя работой.[9] Пишу тебе поздно, вставать завтра рано, ночь я не выспался и теперь едва хожу. Ночью совсем не спал.

[в] *Было исправлено А. Г. Достоевской на:* **получить**

[г] *Было:* чиновника

Напиши мне, как ты, здорова ли, пожалуйста, подробнее. Мне весь этот день, после всей этой тревоги и *деловитости*, очень солоно пришелся. Прежде я не так приезжал в Москву. О детях черкни всё что можно подробнее. Хотя уже и ½ одиннадцатого, но служанка ждет письма положить его сегодня же в почтов‹ый› ящик. Машенька очень заболела. Сегодня приехал (до меня) Витя [10] и прямо проехал в Даровое.[11] Ради бога, напиши о детях.

Прощай, обнимаю тебя. Твой весь тебя крепко любящий

Ф. Достоевский.

Чуть с тобой обморок или что-нибудь, хоть каплю, сейчас телеграфируй. Не мучь себя очень заботами. В четверг выеду наверно, если не успею раньше. Тв‹ой› весь.

476. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 июня 1873. Петербург

Вторник 12 июня/73.

Милая Аня, письмо твое получил всего сейчас, в 8 часов вечера,[1] и уже думал идти пускать телеграмму на имя священника [2] — так об вас беспокоился. Рад, что у вас благополучно. Боюсь, что ты слишком устала. Ангельчиков моих, Федю и Лилю, целую. Мне очень скучно. Дачу найми как можно скорее с садом.[3] Вчера утром меня судили, осудили 25 руб. и два дня на абвахте, но окончательный приговор скажут лишь 25 июня, а стало быть, ждать еще долго.[4] Пишу наскоро. Пиши скорее. Дела у меня много. Сейчас нагрубил мне метранпаж нестерпимо.[5] Он у Мещерского ждал в передней, а я его сейчас у себя на стуле — вероятно, за это. Но причина важнее, и я беспокоюсь: всё дело в том, что Мещерский Траншелю не заплатил, а в долг, вот они теперь всё и делают страшно небрежно и с нестерпимыми грубостями, а я так не могу. Сейчас, воротясь домой, застал у себя Полякова и Федю, кое-как сговорились.[6] Поляков стребовал у меня оставшиеся 25 руб. за поездку в Москву. Федя очень тебе кланяется. Дела бездна, людей почти не вижу. Вчера, впрочем, был у Кашпиревых.

Хожу в детскую комнату и смотрю на их пустые постельки. Поцелуй их очень. Прощай, целую тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Не жалей детям гостинцу.

Смотри за ними. Выспись, это главное, и старайся не простудиться.

477. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

14 июня 1873. Петербург

Четверг 14 июня/73 г.

Милая Аня, сейчас получил твое письмо. Очень рад, что вы все здоровы. Детей целуй. Очень буду рад, если тебе ванны принесут пользу. Если довольна дачей, то чего же лучше. Я очень занят. Теперь 9 часов вечера, а я еще и не начинал большую статью, которая завтра должна быть сдана.[1]

К тому же очень устаю, много ходьбы и всяких мелких хлопот. Ко мне никто не ходит. Вчера был Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч, спрашивал о тебе. Ничего особенного. Федя просил отсрочить долг, *то есть* никогда, конечно, не отдаст. С типографией всё дрянные мелкие хлопоты. Хозяин ко мне заходил раза 4, всё когда меня нет, под разными глупыми предлогами; должно быть, хочет завести знакомство.[2] Александра, может быть, и порядочная, но манерничает. Одним словом, нечего писать о себе, и без того загроможден делом, не сплю целые ночи. А тут духота, пыль.

Желаю тебе[a] жить веселее моего. Письма твои имеют деловой характер, да тем лучше.[3] Не забывай уведомлять о детях.

Целую их 1000 раз.

До свидания.

Твой Ф. Достоевский.

Священнику кланяйся.[4]

---

[a] *В подлиннике описка*: тебя

478. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

22 июня 1873. Петербург

Петербург, 22 июня/73 пятница.

Милый друг мой Аня, вчера так устал и так много было неотложного дела (корректуры и чтение статей), что решительно не мог тебя уведомить о приезде.[1] Переехал я, разумеется, благополучно. Застал же всё в порядке и дома, и по журналу, только много мелких хлопот.[2] Лег я спать ночью только в три часа, но все-таки выспался и сегодня свеж, несмотря на погоду, которая вдруг переменилась с сегодняшней ночи: из невыносимой жары сегодня холод, как в октябре, небо всё в окладных тучах, свинцовых, гадких, очень низких, но дождя нет. Вчера утром же по дороге из типографии встретил Ив‹ана› Григорьевича. (Он без меня заходил.) Он сообщил мне, что и Анна Николавна отправилась в город и, вероятно, ко мне зайдет. Но, однако, она не

заходила. Он же зашел ко мне и выпил чаю; расспрашивал о тебе, я всё сообщил. Между прочим, сказал, что уже отправил к ним[3] твое письмо. Сказал ему и о деньгах, только не очень настаивая. Он сказал, что ему завтра обещал отдать долг Варламов. (Если уж на это рассчитывает, то, значит, у самого тонко.) Я просил его не беспокоиться, объяснив, что до понедельника у меня будет, а на той неделе, может, и справлюсь какнибудь (благодаря 20 руб., взятым у тебя).

Застал у себя два письма — твое, которое пришло еще в понедельник,[4] и от Феди из Москвы.[5] Федя пишет, что у В‹арвары› Михайловны сам, своими глазами, читал в газете «Современные известия» от 12 июня, в отделе судебной хроники, что в Москов‹ском› окружном суде, по 5-му отделению, 12 же июня слушалось дело об утверждении в наследстве Шеров и Казанских.[6] Варя сообщила ему тоже, будто слышала, что Шерам было в суде отказано, но что она думает, будто сообщавший ей — солгал. Вызов же наследников, по словам же Вари, был сделан. Федя в тревоге и спрашивает меня: «Что же Поляков-то?» Я тотчас написал Полякову, но вчера же встретил его у Полицейского моста, письма моего еще он не получил, и сообщил ему известие от Феди на словах. Он засмеялся с тупым высокомерием и отвечал: «Вздор». Я сказал, что уже достал № «Совр‹еменных› известий» (в редакции) и читал сам. — Вздор. — Да читал же своими глазами! — Вздор, не то, какой-нибудь вздор. — Я в Москве, в Окружн‹ом› суде справлялся, и мне сказали, что в Туле. — Вздор! — Да возьмите газету и прочтите! — Прочту, но ничего не будет, вздор! — Ну что делать с такой тупицей! Между тем в Москве очевидно что-то произошло, и очень может быть, что Полякова надули через интриги Веселовского в суде.[7] Одним словом, ездил, деньги взял и не умел даже в суде справиться! Федя пишет, что Шеры хлопочут более, чем когда-нибудь, на стены лезут; просил меня отвечать ему, но так как объявляет в письме, что 22 выезжает из Москвы, то я, разумеется, не отвечал. Не знаю, что из всего этого выйдет.

Заходил ко мне еще вчера Страхов. Тревожит меня очень одно соображение: в будущую субботу, то есть через неделю, 30 числа, мне, может быть, и не удастся к вам ехать! Дело в том, что деньги на июль месяц я должен буду получить (от какого-то Дмитревского) по распоряжению князя[8] только 1-го июля. Согласятся ли мне выдать 30 июня? Если же уехать 30 июня, то и у самого денег не будет, да и сотрудникам в понедельник 2-го июля заплатить будет нельзя,[а] как теперь через секретаря,[9] которому я оставил в этот раз деньги. Всё это решится на будущей неделе. А покамест я очень в унынии.

Ходил вчера к Филиппову, по одному делу (литературному), узнал от него, между прочим, что князь приедет в Петербург дня на три в июле, около половины.

[а] *Было:* нечем

На следующей неделе должен быть мой арест.[10] Мне очень весь сегодняшний день без вас грустно. Думаю о тебе и о детках. Боюсь за сегодняшний холодный день: у вас, верно, еще сырее нашего. Опять у ангела моего Лили будут зубки болеть! Береги ее, Аня, и не обижай, пожалуйста, когда она станет ‹*нрзб.*›.[6] Тебе бог за это зачтет. Всё они мне оба сегодня вспоминаются весь день. И во сне снились. Федька так целовал меня в середу утром, и Лиля не выдержала, заплакала на пароходе (между тем крепилась, резвилась, хотела показать, что твердо перенесет). Люблю тебя, Аня, пиши мне больше о себе и о детях. Больше мелких подробностей. В случае чуть больны — сейчас зови Шенка. В случае деньги зайдут за половину — сейчас меня уведомь. Я хоть из-под земли, а достану.

Обнимаю тебя и всех вас.

Ф. Достоевский.

И Федю и Лилю целуй очень. Скажи, что скоро, скоро приеду.

---

[6] *Текст*: и не обижай ∾ ‹*нрзб.*› — *вычеркнут, вероятно, А. Г. Достоевской. Читается предположительно.*

479. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

24 июня 1873. Петербург

Метранпажу Александрову.

Не забудьте, пожалуйста, как я Вам говорил, что объявление о «Земской книге» должно быть оттиснуто на отдельном листке в 500 экземпляров. Сделано ли это? [1]

Ф. Достоевский.

24 июня.

Почему мне не прислали сегодня оттиск завтрашнего «Гражданина»? [2]

480. А. У. ПОРЕЦКОМУ

25 июня 1873. Петербург

Понедельник 25 июня.

Многоуважаемый Александр Устинович,

Согласно Вашему обещанию, я в надежде, что Вы будете писать «Областное обозрение» для следующего (27) №.[1] В таком случае не заедете ли взять газеты? И не уведомите ли меня

(одною строчкою — не более), будете ли писать или нет и *когда именно* доставите? Мне чрезвычайно надо это знать. Требуется же строк 500 или разве немного более.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш весь Ф. Достоевскпй.

481. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

26 июня 1873. Петербург

26 июня/73.

Милая Аня, вчера получил твое и Лилино письмо,[1] за которое вас обеих и благодарю. Только пиши почаще, а то уже я начал беспокоиться. У меня же столько дела (мелкого, беготного), что нет даже минуты свободной и хорошей, чтоб поговорить с вами. Рад, что покамест все вы здоровы, но боюсь дальше. Всё мне кажется, что вы там одни и что вас кто-нибудь там обидит. Деньги, 25 руб., произошли из заклада твоих вещей, что и узнал я вчера от Анны Николавны, которая зашла ко мне в 5 часов пополудни вчера, когда я уже выходил из дому. В это время принесли и твое письмо. По всему видно, что у Ив‹ана› Гр‹игорьеви›ча у самого ужасно тонко. У меня же пока денег достало на всё. Вчера встал в 8 часов утра, чтоб идти в суд выслушить окончательный приговор.[2] Но председатель суда сказал мне, что мне можно и не ждать приговора, а на вопрос мой, когда исполнение, он объявил, что еще 2 недели должен быть срок для кассации. Итак, еще 2 недели я свободен, а там на 3-ю неделю арестуют. Но вот что: так как приговор вчера прочтен окончательный, то смущает меня: не взяли бы с меня подписку о невыезде из города? Тогда я, если так, целый месяц к вам, стало быть, не приеду! С другой стороны, если и не возьмут подписки о невыезде, то всё равно, если не получу деньги в субботу (как я писал тебе) [3] и, стало быть, не выеду, то и в следующую субботу нельзя будет выехать, потому что тогда наступит срок ареста. И потому надо во что бы ни стало настоять на получении денег в субботу. А не знаю, удастся ли? Кроме 1000 мелких хлопот, надо изо всех сил всю неделю работать — писать, чтобы к пятнице всё сдать и управиться. И потому, с сей минуты, мне предстоит дня три сущей каторги.

Ты хорошо делаешь, что ходила в театр.[а][4] Довольно ли денег? У меня выходят ужасно на редакцию. Сам очень лишнего не трачу. Был у Кашпиревых дня три тому. Его нога хуже, а Соф‹ья› Сергеевна в тот день, получив взаймы откуда-то 220 руб., *потеряла* их в Гостином дворе, так что дома у них ни гроша. *И всё это правда*. Деньги же 220 руб. предназначались

[а] *Далее было*: Не в

на уплату процентов за долг в 2000 одному кулаку, которому они уже три года уплатить не могут. Софья Сер‹геев›на при мне плакала, жалея потерянные деньги. Действительно, их положение ужасное, и хоть они принимали меня *донельзя* радушно, но представь мое-то положение — сидеть и видеть ее слезы и знать, что должен им 400 руб.[5]

Целую тебя и детей. Может, очень скоро увидимся. Моих всех мелких хлопотишек не описываю. Нужно ужасно много сделать, чтобы возможно было приехать к вам, так, н‹а›прим‹ер›, нужно наперед целых $^{2}/_{3}$ № уже иметь в составе, чтоб осмелиться отлучиться на 4 дня. — Вчера был у меня Соловьев,[6] воротившийся из-за границы. Мучение мне с этими визитами, да еще с иными редакционными письмами, которых никак нельзя миновать. Был Поляков; в начале июля хочет ехать в Москву и в Тулу.[7] Здесь душно и жарко ужасно. Обнимаю тебя и целую крепко. Детишек особенно. Поговори им что-нибудь обо мне. До свидания.

Твой весь Ф. Достоевский.

482. А. У. ПОРЕЦКОМУ

30 июня 1873. Петербург

Многоуважаемый Александр Устинович,

Я, кажется, сегодня вечером уеду дня на три в Старую Руссу,[1] до середы или maximum до четверга (8 часов утра). Между тем типография и до четверга должна быть занята. Я сдаю три статьи, но коротенькие,[2] и сильнейшая моя надежда на Вас, то есть на «*Текущую жизнь*».[3] Будет ли она? А если будет, то нельзя ли хоть часть доставить ко вторнику, наприм‹ер›, чтобы тотчас и отдать набирать. В этом моя покорнейшая просьба. По всем прочим делам и расчетам остается секретарь редакции,[4] который всегда от 11 до 3-х пополудни в редакции.

И затем крепко жму Вам руку.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

30 июня/73.

483. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 июля 1873. Петербург

Петербург 5 июля/73 четверг.

Милая Аня, пишу тебе вне себя от усталости, ничего не спал. Сегодня утром приехал,[1] дорогою мочил дождь. Нашел целых 5 писем, на которые надо немедленно отвечать, всё по журналу.[2] Сегодня же должен отсмотреть с переправкой 3 кор-

ректуры. Получил довольно любезное письмо от Мещерского, просит у меня извинения, что я за него просижу [3] (это, наверно, Филиппов ему передал, которому я передал в свою очередь, что Мещерский слишком небрежно обращается со мною, не изъявив даже сожаления, что я буду сидеть за него). О деньгах пишет как о совершенно решенном деле; [4] а между тем Дмитревский приехал всего только сегодня и прислал мне сам 700 руб.[5] Теперь, голубчик Аня, я как рассчитал, так и ужаснулся: 100 тебе, 100 Печатки‹ну›, 50 жалованье Пуцыковичу, 100 журнального долга Гладкову, да мелких расходов (Тришину, служанке и проч. руб. 20), да хозяину [6] 50, сочти-ка, что остается. И, однако, может быть, надо будет поделиться с Ив‹аном› Гр‹игорьевиче›м, к которому я послал уже письмо, что приехал; в понедельник же расчет за №, который очень дорог (даровые статьи, филипповские, прекратились). Я же ничего не пишу за хлопотами,[а] у меня колоссальный дефицит. Но всё равно; по крайней мере, сию минуту хоть что-нибудь есть. О будущем и думать не хочется: голова кружится и боюсь припадка.

Теперь о деле: завтра пошлю на имя Румянцева тебе 100 руб. (то есть постараюсь не проспать на почту). На конверте *не* напишу: для передачи г-же Достоевск‹ой›, чтобы не было разговору.[7] В конверте же ему будет коротенькая записочка, чтоб передать тебе деньги. Письма же к тебе в его конверте не будет. Ты же, по получении теперешнего письма (которое придет раньше), уведомь его непременно, что тебе будет на его имя [б] 100 руб. и что это потому, что ты живешь не по твердому паспорту.[8] Извинись перед ним.

Из денег не передашь ли хоть частичку хозяевам?

Не сердись на меня, что пишу только о деле. Ей-богу, еле жив, чуть не падаю. Хоть бы в два-то часа сегодня заснуть! Отложить же посылку тебе письма и денег не мог. На всякий случай все-таки поскорее.

Что дети? Пиши мне о них подробнее. Как можно больше, не ленись, ради бога; подумай, что я ведь здесь один и в чертовой работе.

Как-то дела наши, как-то дела! Ну, до свидания.

Твой весь Ф. Достоевский.

Дорога была пренесносная, и если б не один болтун, навязавшийся рядом со мною, то, право, умер бы со скуки. От Соловьева пришло самое любезное письмо; уехал в Москву.[9]

Болели у Лили зубки? Искал ли меня Федя? Не простудились бы, у вас тоже был дождь.

До свидания.

Тв‹ой› Дост‹оевский›.

[а] *Далее густо зачеркнуто три слова.*

[б] *Было*: письмо

Крепко целуй детей. Лиле скажи, чтоб была умница и милая и написала письмо, а Федьку поцелуй в губки и в грудку и во всё.

Лиле целую ручки. Письмо няняшино передал.[10]

Служанка передала, что в понедельник был Ив‹ан› Гр‹игорьев›ич и уведомил ее, что, может быть, зайдет Ольга Кирилловна с ребенком, а сам ушел. Трудно понять. Но Ольга Кирилловна не зашла.[в]

Сейчас воротился домой, а без меня был Тришин и записал свое имя.

[в] *Перед текстом:* Служанка передала ∞ не зашла. — *вопросительный знак.*

484. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 июля 1873. Петербург

Вторник 10 июля/73 Петерб‹ург›.

Милочка моя Аня, из письма твоего, которое получил вчера перед вечером,[1] вижу, что ты еще не получила моего письма, несмотря на то, что я послал его в день приезда сюда, то есть в четверг вечером.[2] Там на многие твои вопросы есть ответы. Я послал тебе и деньги, которые ты теперь, когда дойдет это письмо, уже наверно получила. В твоем милом и добром письме всего более мне тяжело было прочесть о твоих припадках (потеря зрения). Стало быть, и ванны тебе еще ничего не помогли. Ах, Аня, до чего это дойдет! Как ужасно мне думать о твоей хворости ввиду того, что я могу умереть, и что тогда с тобой и с детьми с твоей хворостью. Неужели никак нельзя излечить? Но хорошо, что хоть написала. Ради бога, не бойся и впредь, что растревожишь меня, пиши подробно о твоем здоровье, подробно и аккуратно, а не будешь писать — я еще пуще буду думать дурное. Всё буду подозревать, что скрываешь. Слышишь?

Известия о детях и о том, что они меня жалели, — на меня ужасно подействовали; не поверишь, как мне здесь без вас тяжело. Милая Люба! Не напророчила б она, что я никогда не приеду. Да и Федя, милый Федя. А между тем действительно перспектива впереди претяжелая, и я, очень-очень может быть, не приеду к 15-му. Дела так слагаются. Из 700 полученных рублей я истратил 100 Печаткину, 100 тебе, 100 долгу в кассу «Гражданина», 50 хозяину, 75 руб. Ив‹ану› Гр‹игорьеви›чу, 50 жалов‹ание› секретарю редакц‹ии›,[а] сегодняшн‹ий› № «Гражданина» сотрудник‹ам› до 150, наконец, отдал Тришиным, жалование служанке, купил зонтик, а в кассе у меня *всего-на-*

[а] *Было:* П‹уцыкови?›чу

все — 64 руб. Теперь слушай: за следующий № в понедельник надо никак не меньше уплатить, как 125 руб. Предположим, я обойдусь, но вопрос: с чем я попаду к вам и на что я доеду? Между тем Ив<ан> Гр<игорьеви>ч еще сегодня заходил ко мне, об Образцовых ни слуху ни духу,[3] он спешил к Архангельскому — и ведь очень возможно, что он, пожалуй, и в июле еще ничего не получит.

Но положим, что к концу недели Образцов приедет и деньги будут. Дело[б] в том, что мне надо отсидеть мой двухдневный срок.[4] Когда-то еще прокурор распорядится, напишет отношение в полицию, та приедет за мной, и вот как раз подгонят дело к пятнице или субботе. И я чувствую, что это непременно так будет.

Но пусть эту субботу нельзя, но на той неделе к 20, то есть к пятнице, надо ждать Мещерского и Победоносцева; а ну как их ждать тоже неделю, то есть уже до 27? Меж тем я уже уведомил Мещерского сам письмом, что 14 июля уеду и только к 19 возвращусь, так чтоб знал, если хочет застать меня. И вот он приедет, а меня нет!

Итак, видишь, Аня, что если не удастся приехать к 15, то, пожалуй, и до августа не удастся! Я сижу и просто в отчаянии. А между тем надо *непременно* писать статью.[5] Суди о моем положении. И вот получил твое письмецо и так захотел к вам. Милые вы мои, не могу я с вами врозь жить. А между тем надо. Чтоб ч<ерт> взял мое положение!

В воскресенье[в] приходила ко мне Анна Николавна, расспрашивала о тебе и посидела часок. У них там тоже хлопоты: денег страшно тонко, всё заложено, за вещи страшно мало дают, маленький[6] всё кричит, а служанки грубят и не слушают. Ив<ан> Гр<игорьеви>ч в отчаянии, главное потому, что откладывается его отъезд искать имение. Стало быть, сильно же он верует, что непременно и скоро получит, но его вера может и не сбыться. А если сбудется, то тотчас же, должно быть, уедет, так что нам, например, серьезно и переговорить нельзя будет с ним насчет займа. К тому же, должно быть, ему вексель дадут, а деньги мизерные.

Я уже не хожу обедать в трактиры, а готовлю дома. Александра готовит не совсем скверно, и кажется, все-таки выйдет дешевле. Посмотрю и погляжу дальше.

Тришины приезжали ко мне и пили кофей. Жаловались на Пашу,[7] были ужасно вежливы и любезны, получили проценты и уехали.

В воскресенье я ходил в Летний сад на иллюминацию. Но мне до того стало скверно и тоскливо, что я не дошел и до середины сада, повернул домой и прошел пешком. Правда, про-

---

б *Вместо*: Дело — *было начато*: Деньги

в *Было*: Вчера

играл рубль в лотерею, но и только. Анна же Николавна опять что-то выиграла.

Кроме этого, никуда не ходил и никого, кроме сотрудников да Пуцыковича, не видал. Вместо того, чтоб писать, вот уже второй вечер читаю статьи, накопившиеся в «Гражданине». Эту работу ставят ни во что. А что она стоит, сколько берет времени, доводит до одурения и отупения. Решительно, я становлюсь совсем злым.

Милый мой голубчик, если ты отдашь рублей 50 хозяину, то довольно ли у тебя останется? И вообще уведомляй меня чаще и об деньгах заране, чтоб я мог приготовиться и как-нибудь перехватить. Впрочем, теперь все надежды, что Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч получит. Если же его надуют, то и мы провалимся.

Ну, а что я *без тебя-то* буду, если недели три-четыре придется не увидать? Друг мой, не знаешь ты, как я тебя люблю, если б знала, сердечнее бы обращалась со мной иногда.[г] Но что об этом. Крепко обнимаю тебя и целую (хотя эти поцелуи в письме ничего не стоят). Повторяю, я без вас жить не могу.

Детишек целую бесконечно. Говори с Любой обо мне, говори, что я очень скоро приеду, и гостинцев привезу, и пишу, что люблю ее очень и по ней тоскую. Боюсь, чтобы Федя не забыл меня совсем. Напоминай и ему. Ведь, ей-богу, если я месяц не приеду, он меня и не узнает! Целуй их и люби.[8] Да слушай, Аня: если чуть-чуть, лишь только чуть-чуть ты нездорова — сейчас пиши. Иначе я надумаюсь и намучаюсь. Пиши чаще.

Я было уже хотел ехать в пятницу на почту, чтобы отослать 100 руб. отцу Ивану,[9] как пришел Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч, я и попросил его отослать, потому что дел был полон рот.[10] Прощай, обнимаю вас всех, а тебя пуще всех.

Твой муж.

Всего больше боюсь задержки от суда. Вот уже вторник, а никаких оттудова известий. Пожалуй, еще неделю не посадят. Если не посадят до субботы и если деньги будут, то наверно приеду.

г *Текст*: если б знала ∾ иногда. — *зачеркнут, вероятно, А. Г. Достоевской. Читается предположительно.*

485. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 июля 1873. Петербург

Петербург 12 июля/73.

Милый мой голубчик Аня, тотчас же и отвечаю тебе, ибо после, с вечера, буду так занят, что не найду и свободной минуты. Пишу обычную проклятую статью.[1] Надо написать к зав-

траму утру, к 8 часам 450 строк, а у меня написано всего 150. Между тем я всё более и более как будто дурею и решительно стал ужасно туго писать. Голова постоянно несвежа. Это, голубчик мой, очень серьезно для нашей будущности. Я решительно стал замечать, уже с месяц тому назад, различие между легкостию моего писания в Дрездене и тягостию здесь. Приписываю тому, что редакторство своими беспрерывными мелкими заботами, суетней, мне несвойственной, и проч. решительно давит меня, так что долго придется отдыхать после этого проклятого года. А еще придется ли?

Твоим письмом доволен, твои письма меня всегда радуют, и чего ты извиняешься, что нечего писать? Напиши что-нибудь, и того довольно. Теперь к делу. Аня, я в большом горе: решительно не предвижу возможности поехать к вам послезавтра или даже в воскресение, а может быть, и бог знает до которых пор. Всё дело стало — за деньгами. У меня, всего-навсе, 50 руб. Между тем номера «Гражд‹анина›» стали ужасно дорого оплачиваться. В следующий понедельник мне надо выдать 130 руб. (minimum), а где я возьму? Не выдать же ни за что нельзя: есть писатели новые и марать журнал неуплатой невозможно. С меня *‹нрзб.›* справедливо требует Мещерский, так как мне всё более жалко‹?› *‹нрзб.›*.[a] Да и вообще никому нельзя задолжать: тотчас же разнесется слух, что «Гражданин» не платит. До завтра, то есть до конца писания, об этом думать не буду, но с завтрашнего дня попробую заложить часы у Ив‹ана› Григорьевича знакомого жида (который ему уж перестал давать деньги) рублей за 80 кабы! Не знаю, удастся ли! Что же до Ив‹ана› Григорьевича, то его и Ан‹ну› Н‹иколаев›ну я часто видаю. Вчера хотел было ехать к ним на дачу на именины О‹льги› К‹иреллов›ны, так как он очень звал, но стала дождливая погода, и я не поехал. Он взял всего у меня 75 руб. и в ужасном, болезненном волнении и беспокойстве, что *никаких ровно* известий об Образцове.[2] На днях отправил туда телеграмму в 40 строк и грозит судом.

Я, впрочем, по некоторым данным, убежден, что Образцов непременно приедет на днях, и ободряю Ив‹ана› Григорьевича сколько могу. Вчера у них были именины, а сегодня зашла ко мне Анна Николавна. Она только что носила закладывать вещи. Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч (он всё заложил и ходит в каком-то ужасном старом платье) заложил свой фрак и жилет, а Ольга К‹ириллов›на два корсета, Ан‹на› Н‹иколаев›на за всё это получила 15 руб. Понимаешь, как у них тонко. Итак, вот в каком положении в настоящее мгновение дела. А всего более убивает меня, что я никак не могу приехать и что бог один знает, смогу ли

---

[a] *Текст*: С меня ∞ *‹нрзб.› — густо зачеркнут, вероятно, А. Г. Достоевской. Читается предположительно.*

поехать и в следующую-то субботу? Я тебе писал в прошлом письме почему.

Видеть же вас всех для меня самая жгучая потребность: здесь с ума можно сойти от всякой пакости и от отвращения, с которым на всё смотришь. Целую вас всех. Ты говоришь, что видела меня во сне (если не лжешь). А я тебя уже два раза видел. Федю и Любу целуй, если Люба будет плакать в субботу, что я не приехал, скажи ей, что теперь трешкот [3] задержал и что я через 2 дня приеду. Береги их, обращай на них больше внимания, занимайся ими побольше, голубчик ты мой. Федьку мне очень хочется видеть. Поздравь его с днем рождения.[4] Сделай для детей какой-нибудь праздник. Насчет же денег, тебе высланных, то ведь я уверен, что ты отлично распорядишься, но на всякий случай имей в виду наши дела вообще и поприжмись. Ты писала что-то о своих вещах у Ан<ны> Н<иколаев>ны, чтоб заложить. Но вещей нет: заложили тогда для меня и получили за всё 25 руб. 9 рублей проценту за твои вещи внесены, и еще что-то внесется 22 числа, что-то в этом роде говорила сегодня Анна Н<иколаев>на. Прощай, обнимаю вас всех, пожелай мне не лопнуть с натуги сегодня ночью на подлом писанье статьи. Обнимаю вас и целую.

Скажи Любе, что ее целую 1000 раз, Федю тоже.

Достоевский.

P. S. Кстати, милка ты моя, ты мне очень бы нужна была [6] в эту минуту. Понимаешь? Да правда ли, что видишь меня во сне? Может, не меня. Целую твои ножки и всё. Очень целую.

Твой Дост<оевский>.

Меня не арестуют и штрафу не требуют, бог знает почему. Придут по обыкновению не вовремя. Медлят и только меня в раздражении держат.[5]

---

[6] *Далее было*: мне

486. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

20 июля 1873. Петербург

Петербург, 20 июля/73.

Милый ангел мой Нютя, со вчерашнего дня, как приехал,[1] всё бегаю по горло в деле, и вот теперь уже 10 часов вечера, а у меня едва лишь вышла самая маленькая минутка написать тебе. Доехал я благополучно, и всё время погода была прекрасная. В Новгороде стояли часа четыре, и я уходил гулять и был в Соборе. На станции, как я возвратился, уже около 10 часов подошла ко мне женщина и стала допрашивать: кто я, где живу,

какая у меня прислуга, кто именно и проч.? «Так Вас-то мне и надо сыскать, у меня к Вам письмо от Вашей супруги». Это та самая Натальина родственница, с которой ты мне послала 30 руб. и карточки. Всё это она мне передала.[2] Сама же она в Петербург еще и не ездила, а была лишь в Новгороде, потом *опять отправилась* в Старую Руссу (и именно в понедельник на том же пароходе, на котором и я к вам приехал, но меня тогда не видала), жила в Руссе и теперь (опять вместе со мною) приехала из Руссы и уже едет прямо в Петербург. Я полагаю, Наталья знала, что она возвращалась на время в Руссу. Итак, в результате я и деньги, и карточки получил.

Приехав, всё по обыкновению застал в беспорядке. Сегодня же утром разом получил от князя телеграмму и 2 письма[3] насчет помещения его статьи.[4] Письмо его мне показалось крайне грубым: он жалуется, что №№ должны стоить дорого, что он не может платить сверх 130 руб. за № и проч. Черт его дери, я никогда не писал ему, что надо больше 130 и что у меня денег недостает. Сегодня же отвечу ему так резко, что оставит вперед охоту читать наставления (хотя, впрочем, в его письме есть и самые дружеские фразы и выходки).

Вчера всю ночь, не спавши, сидел за корректурой (стоящей сочинения) и сегодня и завтра буду. Сейчас Кашпиревы присылали звать к себе, и, разумеется, я отказался. Был Миша сейчас. Он без гроша до будущей недели. Я ему поручил сходить к Клейну завтра и дать мне знать[5] и на время дал ему 10 руб. За этим, верно, не пропадет.

Приходил Иван Григорьевич сегодня, я передал ему шаль и пакетик с карточками, но забыл передать твое письмо (в письме Натальиной тетки). Предлагал ему денег, но он не взял и очень интересовался, обойдусь ли я к понедельнику без его помощи?[6] Архангельский сообщил ему, что Образцов ему телеграфировал, что 25 будет в Петербурге. Ив‹ан› Григорьев‹ич› говорит, что не надеется получить всю сумму.[7]

Жду от тебя с нетерпением письмеца, радость моя Нютя. Ты немножко мерзка в одном отношении, но все-таки радость моя единственная, и мне без тебя крайне тяжело здесь одному. Тебе никогда не понять мое здешнее одиночество. Вот уже теперь полное-то одиночество и вдобавок одни неприятности. Напиши о детях подробнее, что Лиля, что Федя. Подробнее об их разговорах и всех их жестах. Целую тебя, голубчик, пиши только. Сам постараюсь быть к 4-му августа (или вроде того). Это ужас как далеко и долго. Мещерский пишет, что приедет разве в сентябре. Целуй детей, передай Любе, что каждую минуту вспоминаю об ней и об Феде. Не забыл бы Федя меня. Милый мой мальчик! Ты не можешь понять, каково мне без них!

До свидания, обнимаю тебя, люблю тебя.

Твой весь навсегда Ф. Достоевский.

Напишу скоро и напишу много, — скверная и ревнивая жена! Ах, Аня, кого ты вздумала подозревать?

Ив‹ан› Григор‹ьевич› говорил, что Раухфус (доктор) находит в Грише начало английской болезни;[8] вот бы им в Руссу-то, еще не поздно!

487. А. У. ПОРЕЦКОМУ

20 июля 1873. Петербург

Многоуважаемый Александр Устинович,

Не трудитесь на нынешний раз с «Областным обозрен‹ием›».[1] Вышла *нечаянная* статья, которую *обязательно* надо поместить, так что она и заменит на этот № Вашу работу. Боюсь только, что записка моя не дойдет к Вам вовремя и Вы[a] истратите напрасно труд на писанье.

Итак, до следующего №. А засим весь Ваш

Ф. Достоевский.

Не подыщете ли в антракт какой-нибудь капельки для «Последней странички»,[2] многоуважаемый Александр Устинович?

---

[a] *Далее было начато*: употреб‹ите›

488. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23 июля 1873. Петербург

Понедельник 23 июля/73.

Милый друг мой Аня, сейчас получил от тебя письмо, а оно с пятницы, ужас как долго идет! Я уж об вас надумался и настрадался. Скажи, голубчик Аня, можно ли так писать, как ты пишешь: «У меня случилось несчастие... Я в большом горе», — и не объясняешь, что случилось.[1] Ради бога, *немедленно* напиши, непременно, — иначе рассержусь и поссорюсь с тобой, и до тех пор не приеду, пока не напишешь. И не делай этого вперед никогда, ради бога, мне и без того тяжело. Аня, обещай‹?› думать ‹*5—7 нрзб.*›[a] Напиши же, слышишь, сейчас же.

Рассказами о детях ты много дала мне удовольствия. Пиши всегда об этом. Я точно оживаю и точно с ними сижу.

Кроме ужасно тяжких мыслей и уныния, напавшего на меня почти до болезни, при одном соображении, что я по крайней мере еще на полгода закабалил себя в эту каторжную работу

---

[a] *Текст*: Аня ∾ *нрзб.›* — *густо зачеркнут. Читается предположительно.*

в «Гражданине», — я, кроме того, еще серьезно опасаюсь заболеть. Вчера так даже вечером ощущал лихорадочные припадки, болела спина и отяжелели ноги. Сегодня мне, впрочем, гораздо лучше, только сплю худо, кошмары, дурные сны и желудок расстроен. Пиши мне сейчас же, каждый раз по получении письма, не отлагая до другого дня, и я точно так же буду отвечать и на твои письма.

Мещерскому на его грубое письмо я отлично ответил [2] — без задору, ровно, строго, прямо. Не посмеет более себя выказывать. В субботу утром приходила Анна Николаевна, взяла из твоего комода несколько вещей (6 штук чего-то, красная клетчатая мантилья что ли, занавесы и проч.) и сверх того взяла у меня 10 руб. С домашними расходами у меня вдруг таким образом осталось 53 руб. (накануне дал Мише 10 руб.) В субботу же по поручению моему Миша ходил в контору Клейна — и что же: 50 экземпляров, говорят они, проданы,[3] а самого Клейна нет в Петербурге, в Москву уехал, будет в первых числах августа, денег не оставил. (Вероятно, в 50 экземплярах только признаются, а продали еще больше). Между тем в понедельник расплата с сотрудниками. Сегодня встал в 10 часов и пошел по закладчикам. Везде 60 и ничего больше. И только в одном месте, у Аничкова моста дом Лопатина, дали 70, по моему настоянию. Но я все-таки в беспокойстве, потому что выдали мне квитанцию, где значится, что я продал часы и деньги 70 руб. получил сполна. Они меня успокоивали и сказали, что у них это общая формула, у всех частных банков. Конечно, может быть, не надуют. Таким образом, денег у меня хватило: я выдал 106 рублей, и осталось для житья до 15 руб. с мелочью. Но зато без часов.

Теперь я совершенно один, даже Страхова нет. Мне ужасно начинает нравиться один из новых моих сотрудников, Белов (пишет критич‹еские› статьи), но далеко живет. А кажется, мы могли бы сойтись. Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч тоже сегодня не приехал. Был только Паша вчера и бедный Миша. У него только что выздоровела жена, бывшая при смерти, и сверх того вчера в воскресение была она именинница, а денег, кроме 10 руб., он ничего не достал.

С субботы на воскресение, между кошмарами, видел сон, что Федя взобрался на подоконник и упал из 4-го этажа. Как только он полетел, перевертываясь, вниз, я закрыл руками глаза и закричал в отчаянии: прощай, Федя! И тут проснулся. Напиши мне как можно скорее о Феде, не случилось ли с ним чего с субботы на воскресение. Я во второе зрение верю, тем более что это факт, и не успокоюсь до письма твоего.[4]

Сплю я, просыпаясь ночью раз до 10, каждый час и меньше, часто потея. Сегодня, с воскресения на понедельник, видел во сне, что Лиля сиротка и попала к какой-то мучительнице и та ее засекла розгами, большими, солдатскими, так что я уже за-

стал ее на последнем издыхании, и она всё говорила: мамочка, мамочка! От этого сна я сегодня чуть с ума не сойду.

И вообще я чувствую, что это лето и эти занятия не доведут меня до добра. Что же касается до приезда к вам, то до 5-го августа и не жди меня: никакой, ни малейшей не будет возможности. За будущий 31 № к 30 числу июля я вообще покоен, то есть в том, что деньги наконец к Ив‹ану› Гр‹игорьеви›чу придут и он меня выручит. Ну, а за редакцию не спокоен. Надо самому писать длиннейшую статью,[5] а я очень расстроен.

Сегодня (без меня) приходила Настя и получила наконец от Александры письмо от Прохоровны (NB. Александра ходила к ней без меня, да дома не застала). Настасья прочитала письмо и на увещание Александры написать матери отвечала: да и писать-то нечего, жива, здорова, ни от отца, ни от брата писем не получала. Однако обещалась написать. Сообщи Прохоровне вместе с моим поклоном.[6]

Обнимаю тебя искренно, со всем жаром души. Пиши скорее. Пиши о детях и о том, какое с тобою случилось горе? Слышишь? Не расстраивай меня и не раздражай еще более. Целую тебя 1000 раз, Лилю, Федю тоже. Об них думаю и часто мучаюсь; ну случись что — что с ними будет!

Ваш весь Ф. Достоевский.

Вообще о моем здоровье не беспокойся (в предположении, что ты обеспокоишься). Сложения я крепкого. Погода у нас дурная, раз 20 в день дождь, гром и зарницы по ночам и вот уже 3-й день, оттого и сплю дурно.

489. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

26 июля 1873. Петербург

Петербург, четверг 26 июля/73.

Милый друг мой Аня, сейчас получил твое письмецо. Пишешь очень редко. Очень благодарен тебе за все сведения о детях и рад, что ты и детки здоровы. Оживляешь меня. А я серьезно было расхворался и даже немного лежал: лихорадочное состояние (но без очень сильных припадков) и сильнейшее расстройство желудка (уже больше недели). Принимал касторовое масло — ничего не помогло. Лихорадочное состояние как будто ослабело, и как будто я стал несколько сильнее, но желудок всё в том же состоянии, и тяжела голова. Подожду немножко и позову Бретцеля, если в Петербурге. Но, кажется, и так всё пройдет. Заметь себе, что я постоянно выхожу со двора, хотя, впрочем, и не гуляю.

Третьего дня пришел Ив‹ан› Григорьевич в большой радости: приехал 23 июля Образцов, и он уже с ним виделся, да

сверх того с Варламова получил все деньги, всё вместе разом. Обращение Образцова несколько свысока и строго. Да сама старуха[a1] прислала письмо *на Вы* и опять белья в подарок. В письме пишет, что она не только сохранила, но и приумножила капитал, понимая свою обязанность. Образцов объявил, что даст 16 000 деньгами и 80 000 векселем по 12 марта сроку и назначил 25 число. Судя по черновой расписке, которую должен дать Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч (целый акт) и по форме выдачи денег, я усумнился и советовал ему быть осторожнее. Он очень стал жалеть, что нет адвоката, чтоб посоветоваться, и времени, чтоб съездить в Сиротский суд и узнать про отчеты опеки.[2] Во всяком случае положил отложить до сегодня (26) получение денег, о чем и уведомил Образцова телеграммой. Вчера в три часа я его встретил на Невском с Ольгой, но одну секунду, ибо начинался ливнем дождь. Он успел мне сказать, что был в Сиротском суде и решил согласиться на всё, что предложил Образцов, и сверх того обещал быть завтра (то есть 26-го сегодня) у меня. Теперь уже седьмой час, но он не был. Полагать надо, что они получили, но или Ольга Кир‹иллов›на закапризилась, или дела задержали (а дел у них по выкупу вещей бездна), и будет или поздно вечером (только меня не застанет), или завтра утром.

Голубчик Аня, мне кажется, он не в состоянии будет *помочь нам*, как мы с тобой рассчитывали: тут Ольга и многое кое-что другое.

Между тем завтра вексель Печаткина,[3] 30 №, а к 1-му все сроки долгов.

Вчера приехал Победоносцев,[4] был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду *болен*, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, и так как, кроме служанки, в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. То-то увидал бы Владиславлев.[5] На острове Вайте читал мое «Преступление и наказание» (в 1-й раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, которого сопровождал в Англию.[6] Следственно, дела еще не совсем очень плохи. (Пожалуйста, не болтай, голубчик Анечка.)

Я за болезнию и за статьею о Тютчеве (умер), присланною Мещерским, бросил мною начатую статью.[7] Но следующий № во всяком случае должен выпустить сам, а потому в субботу ни за что не могу выехать и всю неделю буду писать политическую статью.[8] Я дал слово Мещерскому; между тем никогда в жизни

---

[a] *Было*: она

не писал политических статей. Газет надо перечесть десятками. Да и боюсь, чтоб не разболеться. Зато в следующую субботу (в августе) приеду непременно. Да и пальто теплое будет. Знаешь, Аня, я ведь знаю, когда простудился. Это было в три часа ночи на станции Новгородской дороги при переходе на Николаевскую, тут пришлось 1½ часа ждать, и я провел их на платформе в ужасный холод и туман. Тогда и подумал: а ну как простужусь. Все были или в пледах, или в теплом пальто, а я один только в летнем.

Береги себя, голубчик. Если получу, пришлю тебе деньжонок. Целую детей 1000 раз. Говори им обо мне. Скажи Любочке, чтоб не тужила и ждала меня и что приеду надолго. Федю милого расцелуй и не давай ему забыть меня. До свидания, мой милый ангел. Дел у меня бездна — бездна! Этот раз целый № прокорректировать *по-редакторски*, то есть переправляя. Это ужасная работа. Напишу тебе, вероятно, хоть две строки в субботу или в воскресенье, если хоть что-нибудь узнаю об Ив‹ане› Гр‹игорьеви›че. Целую вас всех. Любите меня.

Твой Ф. Достоевский.

А ужасно, ужасно надобно тебя видеть, несмотря даже на лихорадку, которая в одном отношении даже облегчает меня, удаляя...[6]

До свидания, голубчик.

Пиши о себе. Какое же твое горе?

Дождусь ли ответу? «Дела» не читай.[9]

---

[6] *Многоточие в тексте.*

490. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

29 июля 1873. Петербург

Петербург, 29 июля/73.

Милый мой голубчик Аня, вчера получил твое милое письмецо. Пишешь, что ждешь меня сегодня (воскресенье). Нет, милая, никак нельзя: дела такая бездна и всё такой гадости! Теперь налегла на меня переписка с разными авторами и опять с Мещерским. Это всё время и все соки у меня отнимает. Прошлую неделю начал писать статью и должен был бросить из уважения к Мещерскому, чтоб поместить внезапно присланную им статью о смерти Тютчева, — безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на 10 лет осмеяли бы в фельетонах. Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял, живого места не оставил.[1] Напишу ему прямо, что он ставит меня в невозможное положение. Между тем к следующему №

надо начинать уже другую статью, политическую.[2] Таких статей я никогда не писывал.

Мало того, что я сегодня к вам не приехал, но даже и за следующую субботу боюсь, так как у нас теперь в типографии раньше часу пополуночи не готовы с №. Впрочем, наплевать на №, они рассердят меня наконец окончательно. Даю слово, что приеду если не в воскресение, то в понедельник. Вот только погода ужасно изменчивая, дожди. Дай-то бог хорошеньких деньков к тому времени.

Обнимаю тебя и целую, голубчик мой, тебя и детишек. Жаль мне вас и что я не с вами. А детишек-то как жаль, а тебя-то как бы хотел обнять. Здоровье мое лучше, лихорадочное состояние совсем прошло, но желудок и утомление — вот что не прекращается.

Наконец-то вчера, 28 числа, зашел ко мне Ив‹ан› Гри‹горьеви›ч, а то, получив деньги, всё не заходил. Каналья Образцов их обрезал ужасно, причел какие-то проценты — одним словом, досталось им всего — вексель до марта в 80 000 и только 13 000 руб., да и то сериями.[а][3] Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч меня спрашивал, сколько бы мне надо было. Я повторил по возможности весь наш расчет, помнишь, в парке на лавочке, но теперь сказал, что мне нужны, по крайней мере, 2000. Он сказал, что подумает. Я очень не просил. Но сегодня приходила Анна Николаевна и говорила, что деньги выходят ужасно, что он уже 7000 заплатил, а что Ольга не знает про большую часть этих долгов, что деньги исчезают, и мельком сказала, что Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч может дать разве 1600. (Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч вчера, уходя, сказал, что посоветуется с мамой.) Вчера же он мне дал 60 руб., которые у меня занял, и 200 руб. (а главные [б] деньги после 1-го августа). Из этих 260 руб., с теми, что у меня оставались, я заплачу завтра за №, вчера выкупил часы,[4] дал вперед за статью 25 руб. Страхову (который воротился) [5] и сверх того остается у меня руб. до 70.

Вот положение дел. Я очень понимаю, что у них деньги выходят. Но каково же иметь Варгунина, Замысловских, Тришиных, Печаткина,[6] хозяйство и деньги тебе — на *шее*, и так, что отложить нельзя, а вынь да положь. И главное, ни на кого не достанет. А до марта у них уже не будет ни копейки. Тяжело нам будет с тобою, Аня. Еще тяжелее моя работа, которая так мало дает мне и убивает меня, так что я надолго не способен буду что-нибудь сделать, чтобы нажить хорошие деньги. А долги наши всё растут да растут. Я предчувствовал, что на Ив‹ана› Г‹ригорьеви›ча надежда плоха.

Они ищут квартиру и собираются прожить еще зиму в Петербурге, потому что если бы даже хотели, то и тут не в состоя-

---

а *Далее начато*: Он мне
б *Было начато*: это

нии бы были купить именье теперь, осенью, чтобы переехать прямо в него, так как денег нет, а есть только билет, который нельзя разменять без очень большого урона.[7] Анна Николавна ходит и ищет квартиру. Ольга уже некоторое время больна странною болезнию: она вся в чирьях, покрыта огромными чирьями по всему телу, но не по лицу.

Ну вот тебе отчет о положении дел. Я и представить себе не могу, что скажут Варгунин п Замысловский, когда придешь к ним с половинною уплатою.

Приходил Страхов, просидел до ½ 12-го, и я должен поскорее дописать и снести в ящик. Представь себе, только что я это написал, так и вспомнил, что марки у меня нет, позабыл купить, и, стало быть, письмо мое не пойдет завтра, а теперь ночь. Ах, как это досадно! Ты бог знает чего надумаешься, не получая от меня ответа. И зачем я вчера не написал или сегодня утром! Ты не поверишь, как меня это расстроило. Ах, как скверно, что Страхов задержал меня! Целую тебя, ангел мой, бесконечно. Ты не можешь представить себе, какая мне тоска. Я думаю, это лето отзовется на моем здоровье зимою. Целуй детей. Бедные, не могу я их видеть и слышать, поневоле снятся мне во сне. Целуй их. Таким образом, это письмо ты получишь, пожалуй, в четверг. Ведь к вам по *четыре* дня ходят письма, точно в Одессу. Послать в Москву завтра — в среду утром получится, а в Старую Руссу придет в среду, а принесут тебе в четверг. О, как несносно жить! У меня сто мелких глупостей по журналу, о которых я должен помнить поминутно, и вот забыл о марке. До свидания, милая моя. О, если б поскорее этот чертов год кончился!

Целуй детишек, люби их, обходись с ними нежно, а я тебя — за это буду вечно любить. До свидания, обнимаю тебя. К воскресению наверно жди, а к тому времени, может, и еще напишу.

Твой весь Ф. Достоевский.

491. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 августа 1873. Петербург

Петербург 10 августа/73.

Милая Аня, вчера прибыл в Петербург,[1] много перенеся дорогою, главное усталости, и даже сегодня нездоров, а вчера решительно был болен. Расскажу по порядку. Извозчик ехал превосходно, менее чем 1½ часа, и дорога прекрасная и веселая, — поминутно деревни. Звад[2] стоит на припеке, тени нет, строение богатое, живут зажиточно, но вонь во всех домах (чрезвычайно

в то же время чистых) нестерпимая. Пахнет вялеными снетками, ибо в каждом доме под крышей устроено вяление снетков. За постой ничего не взяли, за стакан чаю (весьма хорошего) 10 коп. и за рюмку водки 5. Но зато с 11 часов и почти до 5 надо было ждать парохода. Сверху зной и припек, а с озера ветер. Пароход сначала прошел мимо, чтоб отыскать трешкот,[3] а потом уже обратно взял нас. Те, которые ехали на трешкоте, рассказывали потом буквально ужасы. С 9-ти часов до 4-х их тащили, зной сверху и ветер с озера, и шевельнуться нельзя, и ни одного куска хлеба, даже воду надо было тут же доставать из озера. Все, буквально все, проклинали трешкот.[a] Затем в 1/2 двенадцатого пустились из Новгорода, и одна чертова кукла, дама из любезных, протрещала всю ночь визгливым подлым языком с своими кавалерами, так что я ни одной минутки даже вздремнуть не мог. Кстати, Аня, знай, что когда повезешь детей, то нужно очень, очень укутывать. Час с лишком, когда ждут Николаевскую дорогу (в Чудове), ужасно холодно и сыро.[4] Мне в теплом пальто стало холодно. В вагонах же духота и жара, а тут вдруг на этот холод отворят окно. В дороге мы простояли 1 1/2 часа, потому что с поездом, шедшим впереди нас, что-то случилось. Приехали в Петербург уже в 11-м часу. Дома у меня Александра всё вымыла и вычистила. Хозяин дурит, вчера съехали еще жильцы и приехали другие. Дворники грубы ужасно, не позволяют дома стирать даже самых мелких вещей и за каждую услугу требуют особой платы. Сложить дрова или принести — они на это только смеются: не наше, дескать, дело. Мещерского я застал, очень был любезен, но вчера же уехал. Про редакционную квартиру ничего не решено.[5] Пуцыкович ищет, чтоб нанять тут же и для себя. Статей отсмотреть приходится бездна, меж тем ничего еще не готово. Вчера после обеда успел заснуть два часа, но встал в ужасной лихорадке, в ознобе и жаре. Сел за работу, и когда кончил в три часа ночи, то, вставая с кресел, зашатался и повалился в кресло обратно. Никогда еще у меня так не стукала кровь в голову. Ночью спал долго. Теперь чувствую лихорадочное состояние и, кроме того, ужасно кашляю. Дни хорошие. Ночью валил дождь.

Вчера в редакцию ко мне зашла Анна Николавна и пробыла минутку, чтоб отдать деньги. Спросила о тебе. Вчера, когда я спал, приходил от Вольфа с требованием 25 экземпляров «Бесов» и оставил бумажку, то есть требование. Александра[6] сказала, чтоб зашел завтра (сегодня) от 12 до 2-х. Теперь третий час, но он еще не заходил. Значит, бесочки-то опять пошли и ведь без малейшей публикации, заметь себе.[7]

Сегодня рано утром заходил Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч — хотел зайти потом. Я спал и не видал его.

Аня, голубчик, имей в виду, что погода может перемениться,

---

[a] *Далее было начато*: Я

что сообщение может измениться и проч‹ее› и проч‹ее›. И потому, если к 20 числу будет стоять погода очень хорошая, — то и переезжать бы вам. Три-четыре дня не придадут здоровья детям.

Кстати, захвати на всю дорогу провизии. Этот обратный путь так лежит, что в Новгороде, например, если не идти в гостиницу Соловьевых, — то ничего буквально, кроме чаю, не достанешь, а во время пути даже в Любани, кроме кофею и чаю, нет ничего. И ради бога, не простуди детей. Да непременно найми прислугу, как ты хотела.

Целуй деток милых, Любку и Федю. Всё они мне мерещатся и всю дорогу мерещились. Прощай, обнимаю тебя, ну что, если август изменится к худшему? Теперь пока хорошо. Ужасно много воротилось в Петербург, совсем не те улицы.

Пишу тебе отрывочно и кое-как.[6] Не взыщи. Всё голова кружится. Потею. Купил pastille d'Ems,* но не помогают.

Целуй моих ангелов и люби их.

Твой весь Ф. Достоевский.

Пиши. Хватит ли денег? Целую тебя.

---

[6] *Было*: кое-что
* Эмские таблетки (*франц.*).

492. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 августа 1873. Петербург

Петербург 13 августа, понедельник/73.

Милый мой голубчик Анечка, получил твое милое письмо, и очень мне грустно было читать, как детишки заплакали, когда я уехал.[1] Милые голубчики! Скажи им сейчас же, что папа их помнит, целует и в Петербург зовет. Обнимаю и целую их беспрерывно и благословляю.[2] Я, Аня, всё нездоров: нервы очень раздражены, а в голове как туман, всё точно кружится. Никогда еще даже[а] после самых сильных припадков не бывало со мной такого состояния. Очень тяжело. Боюсь очень за голову. Сам не понимаю, что со мной делается. Точно сон и дремота и меня всё разбудить не могут. Отдохнуть бы надо хоть недельки две от работы и заботы беспрерывной — вот что. Ближайшая же причина, полагаю, в том, что еще не очнулся от припадка, ни разу не успев выспаться — то дорога, то всякие излишества, то опять дорога, а потом тотчас здесь усиленные занятия, неспанье. Очень, очень боюсь, чтоб не случилось еще припадка. Ты, Аня, верно,

---

[а] *Далее было*: более

‹*2 нрзб.*› всё это пустяки,[б] думая, что припадки мои как прежние, а я наверно знаю, что случись[в] теперь, вот в это время, еще припадок — и я погиб. Удар будет. Я слышу это, я чувствую, что это так. А между тем работы бездна, а забочусь я всё один, всё один. Особенно эта неделя чрезвычайно тяжела для меня, все-то сотрудники манкировали, и я один вертись за всех.

За 25 экземп‹ляров› «Бесов» от Вольфа получил 61 руб. 25 коп. А от Клейна вчера получил лишь 75 руб., а остальные после.[3] При этом он сделал мне нестерпимую грубость, за что я сильнейшим образом осадил его, так что он мигом притих и, вероятно, будет знать теперь, с кем имеет дело. Остальное он отложил до 20 августа, но я сказал, что приду 1-го сентября, но с тем, чтоб мне доставлен был полный счет экземплярам, которые, будто бы, никак нельзя сосчитать, то есть в точности узнать, сколько всего продано. Из-за этого и спор вышел. Ив‹ан› Гр‹игорьеви›ч хотел совершить какую-то доверенность на мое имя. Дело состоялось иначе, но паспорт мой, который он взял себе, остался у него. Завтра же он, кажется, едет из Петербурга, и я очень забочусь о моем паспорте, ибо полагаю, что он забыл его у меня в редакции на столе, думая, что отдал мне. А в редакции паспорта уже нет. Боюсь очень, не пропал бы.

Третьего дня приходит ко мне Жеромский. Дело пошло в охранительном порядке, точь-в-точь как предсказывал Поляков, и, стало быть, очень пока неудачно для Шеров. Но Корш, адвокат Шеров, очевидно, уже сделал предложение Жеромскому и подкупил его, и тот пришел ко мне с предложениями: не желаю ли я допустить Шеров к наследству и тогда мирно покончить.[4] Я сказал, что нет и подожду Полякова (о котором ни слуху ни духу). Между тем я еще недавно слышал, что Коля болен очень. Спрашивал Жеромского, уже провожая его в дверях, как здоровье Коли? — О, нет никакой надежды. — Что вы? Что с ним? — У него рак в заднем проходе (последняя степень геморроя, перед самою смертию). Я слышал от Барча, он только что его освидетельствовал. К сентябрю умрет непременно. — Можешь себе представить, как меня поразило! Вчера же (в воскресение) и поехал к Коле. Он здоровее чем когда-нибудь. Правда, был недавно болен, так, что, Саша говорит, боялись, чтоб не помер, серьезно. Но теперь здоровее прежнего, никогда никакого рака не было, и никогда никакой Барч его не свидетельствовал. Можешь себе представить, как врет и может врать этот подлячишка Жеромский.

Мы с Колей очень согласно проговорили. Обедал я у Саши (чванилась) и насилу-то, под конец, об тебе спросила и о де-

---

[б] *Текст*: ‹*2 нрзб.*› всё это пустяки — *густо зачеркнут. Читается предположительно.*

[в] *Было*: случился

тях, уже после обеда. (А ты всё первая лезешь с визитами.) Дрянь людишки, дрянь, кроме Коли. Хотел было кстати зайти и к Паше (наконец-то), и вдруг как раз он переехал, таинственно и никому не сказавшись, трепеща Тришиных, в Николаевскую улицу, рядом с прежней квартирой Ив‹ана› Гр‹игорьеви›ча. Однако я все-таки отыскал их вчера в Николаевской улице и просидел у них час. Паша чего-то объелся, и его при мне рвало, и вообще он ужасно смешон в недрах своего семейства. Прятанье в квартире от Тришиных — совершенный водевиль. Дочка их, бедненькая, такая худенькая и такая хорошенькая! Так мне ее жалко стало. Домой воротился в 9 часов, измученный, и просидел до 5 утра за чтением статей.

До свидания, ангел милый, целую твои ру́ки и ноги и желал бы, чтоб ты меня хоть на десятую долю так любила, как я тебя люблю, не на словах только. До свидания. Такое маленькое письмо, а ужас как утомило меня. Целуй детишек, ангелов, богов моих.

Твой и ихний весь Ф. Достоевский.

493. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

15 августа 1873. Петербург

Петербург 15 августа.

Сейчас, голубчик мой Аня, воротясь домой, получил твое письмо [1] и очень испугался, видя из него, что ты так опасаешься за мое здоровье, и потому,[а] не садясь за обед, спешу ответить тебе, чтобы ты не решилась, пожалуй, ко мне приехать раньше срока и тем повредить детишкам и их ваннам. Уведомляю тебя, голубчик, что мне совсем теперь легче, я нисколько не ошибся, объясняя тебе в прошлом письме, в чем дело: просто после припадка не отдохнул, в Старой Руссе предавался *излишествам*, — нормальным в обыкновенное время, но не нормальным после такого нервного потрясения, как припадок. Затем опять езда (всего более утомляющая) и здесь возня с №, то есть неспанье опять. Вот почему чуть было и не упал в обморок. И, признаюсь, слабость сил продолжалась долго, всего два-три дня, как я совершенно вошел в себя. Но теперь, кажется, я опять по-прежнему и чувствую себя и сильным и свежим. Вот и всё, а потому беспокоиться нечего. То, что ты пишешь о 24-м числе, совершенно для меня ясно, и я в высшей степени с тобой согласен.[2] Да и не долго ждать, всего девять дней. Только все-таки беспокоюсь, как-то ты довезешь детей? Аня, сообрази, что я скажу тебе: Наталью не привози, выбери прислугу более нянюшку, чем ку-

---

[а] *Далее было:* еще

харку (ты мне говорила про какую-то на ваннах, к которой дети привыкли), а здесь я говорил Александре; она очень не прочь остаться *в кухарках.* Не думай, чтоб она не была работящая, лучше еще других и совершенно честная насчет денег и чистоплотная. А что же делать, если она готовит так, что я всё могу есть. Таким образом, у нас будут на первый раз: кухарка, горничная, которую привезешь, то есть будущая няня, и Прохоровна, покуда можно, покуда дети к той не привыкли. Вот как я рассуждаю. Сама увидишь, что будет хорошо. Попробуй-ка [6] так.

Теперь середа вечером, и я до субботы буду, не разгибая шеи, сидеть. Так сошлось, что на этот № вся корректура (редакторская) моя, а потому до субботы и писать тебе не буду. Не беспокойся же обо мне, голубчик, будь здорова, проживите этот остаток лета весело. Целую тебя крепко и детей, Любу и Федьку, ангелов. — Ив‹ан› Григорьевич вчера уехал в Москву и далее выбирать именье — примерно до 20 сентября.[3] Целуй деток милых, будь весела, голубчик ты мой, обнимаю тебя бессчетно раз.

(Полнокровия у тебя нет, а просто что-нибудь расстроено, потому и кричишь по ночам.)

Твой весь Ф. Достоевский.

---

[6] *Было начато*: Попробуй, как

494. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

19 августа 1873. Петербург

Воскресенье 19 авгус‹та›/73.

Очень мне жаль, милый дружочек мой, что так напугал тебя. Это вот как вышло: 15-го, кажется, или 14-го я от тебя письмо получил и увидел из него, что ты очень о здоровье моем беспокоишься. Я и написал тебе тотчас, что я уже поправился (что и правда было) [1] и всё приписываю излишествам и усталости. Письмо отправил и с 15 на 16 проработал всю ночь, а как стал поутру ложиться и уже лег, в 5 часов, вдруг вспомнил, засыпая, что ты писала в письме, что выезжать из Руссы надо или 24-го или 16—17-го, потому что 19-го все бросятся ехать и тесно будет. Я и подумал: вот она о здоровье моем беспокоится, письмо-то мое еще когда-то придет, а получит мое 2-е (тревожное) письмо, так и решит вдруг сгоряча ехать 16—17-го. Между тем погода великолепная, значит, лишать детей, раньше времени, воздуху. В Петербурге жарко, пыльно. Вскочил с кровати, приготовил телеграмму, оделся и снес ее в телеграф, благо в двух шагах, и сдал без 10 минут 6 часов, рассчитывая, что если б ты и сегодня, 16-го, ехать захотела, то всё еще тебя телеграмма может

застать в Руссе и остановить поездку. Вот каким образом всё это вышло. Признаюсь, была у меня мысль: а ну как ты испугаешься! Да все-таки не думал, чтоб до такой степени.[2] Живите себе, голубчики, там, докуда можно, ну а в конце-то месяца приезжайте. Я, Аня, очень много думаю о вашем путешествии. Теперь вот погода хорошая. По моим расчетам к 25 будет луна к полнолунию и ливмя дождь. Для детей надо иметь *про запас* настоящую зимнюю одежду. А в вагонах нужно спорить за места, настаивать. Только случаем иногда найдешь хорошее место. На Николаевской хуже всего в этом отношении.

Я, Аня, ужасно занят работой, всё больше чужие работы переделываю, редактирую, просто как каторжный. Сам своему здоровью дивлюсь, что всё это выношу. Об 1000 мелких хлопотах тебе и не пишу; но есть, Аня, крупные хлопоты, серьезные, и всё это я предвидел заране. Серьезнейшее дело теперь — это наша квартира. Нельзя оставаться, Аня, говорю не горячась, с рассудком. Я пересказывал дело Анне Николавне, и она говорит, что *нельзя* оставаться. Сливчанский — это какой-то помешанный (я серьезно это думаю).[3] Он нам в декабре скажет: съезжайте, *безо всякой причины*, и выгонит нас на улицы. У Александры паспорту срок вышел. Паспорт ее он сам видел и знает, что она не бродяга. Она переслала паспорт в Кронштадт градскому главе и деньги для высылки нового и получила почтовую расписку, что паспорт принят. Но из Кронштадта вот уж 2 недели ни слуху ни духу. И вот Сливчанский пристает к ней и грозит прогнать из дому. Сегодня встретил ее и говорит: «Я твоему барину такое письмо напишу, что увидит!» Каково же это с жильцами поступать, коли гнать от них прислугу из пустяков, за которые уж он ни за что отвечать не может. Третьего дня, из редакции, Гладков прислал мне только что полученное, чрезвычайно важное от князя на мое имя письмо.[4] У нас в редакции, кроме человека прислуживающего, есть еще рассыльный, и ходит он нарочно по распоряжению князя в русском платье с бородой, но в щегольском платье и в щегольских сапогах. Рассыльный спешит ко мне с большим запечатанным пакетом в руках, входит на лестницу, хочет позвонить — и вдруг хозяин, идет сверху с лестницы: «Как ты смеешь ходить по парадной лестнице! Ты мужик! В мужицком платье не ходят по этой лестнице! Марш с черного хода!» Схватил его за рукав и стащил с лестницы, и тот должен был идти через двор с черного хода. А между тем видел же письмо в руках. Согласись, Аня, что иные могут и обидеться, например, если б был здесь Мещерский, а те, которым не очень нужно, пожалуй, бросят и не пойдут отыскивать черный ход. Посыльные из книжных лавок за книгой, пожалуй, и уйдут. Да и не дозволит хозяин, если только узнает, отпускать книгу через парадный ход. Встает чем свет и целый день ходит по всем лестницам и по всему дому, шпионит и порядки производит. Я хотел было к нему идти

и объясниться о *рассыльном*, но рассудил, что ведь он тотчас же скажет мне: съезжайте. И до твоего приезда решился было сносить. Но вот сегодня опять стеснение: Александра по праздникам иногда (очень редко) отпрашивается в гости. А так как мне тоже надо уходить, то я, выходя из квартиры, запираю квартиру на замок и ключик оставляю у дворника, чтоб если я или *Александра* раньше меня воротилась, то ключ всегда бы найти у дворника, чтоб можно было в квартиру войти. Так и было раз, недавно, дня 4 тому, что я оставил ключ у дворника. Он узнал об этом и тотчас же запретил дворнику брать у меня ключ. Таким образом, я теперь, уходя из дому, когда Александры нет, должен буду ключик оставлять в нужнике, в известном месте на полке. А ведь это все-таки риск; ведь у меня редакционные деньги в квартире остаются! Если он наших детей увидит на дворе, он непременно за что-нибудь придерется и закричит на няньку, что и делал с другими: ведь я уж всё равно тогда исколочу его. И потому я положил съехать во что бы ни стало. Беспрерывный страх во всю зиму и беспрерывная боязнь ссоры — да ведь я от этого болен буду при моей впечатлительности! Эх, Аня, я видел, что за человек, когда мы, помнишь, были у него и он, из-за кошки, сказал нам: «Ступайте». Знай тоже, что теперь цены на квартиры, сравнительно с прошлой зимой, еще поднялись на 30 процентов. В жильцах он уверен, вот и кутит. Я положил, что хоть бы 900 руб. заплатить, но съехать! Положительно говорю — не хочу оставаться на этой квартире. Что за квартиру [а] переплатим, то на другом наверстаем: на здоровье детей и на моем спокойствии. При спокойствии я больше и лучше могу писать. Я не раз тебе говорил это, но ты слишком этим словам редко цену давала.[б] Говорю тебе, что больше наработаю при спокойствии. Теперь-то уж меня, по крайней мере, нельзя обвинять в том, что вздорил: [в] я не вступался, не объяснялся с хозяином, даже прячусь от него, несмотря на придирки с его стороны, потому что боюсь истории. Вчера я видел квартиру близ Владимир‹ской› церкви — очень хорошенькую, но 900 руб. Посмотрю еще. Желал бы нанять хоть на Песках, только б не жить в этом доме. Ужас для меня — книги. Ну как это перевозить.

До свидания, голубчик. Если пишешь, что любишь меня, то вникни в наше положение, поразмысли. Ведь после худо будет, коли зимой он нас сгонит.[г]

Да и квартира-то уж как скверная и тесная, а детская комната и твоя — затхлые. Наша столовая по ступенькам никуда не годится: ничего там нельзя сделать. До свидания, обнимаю

а *Далее было*: наверстаем

б *Фраза*: Я не раз тебе говорил ∾ цену давала. — *зачеркнута, вероятно, А. Г. Достоевской.*

в *Фраза*: Теперь-то уж ∾ вздорил — *густо зачеркнута.*

г *Далее густо зачеркнута вписанная на полях фраза.*

тебя. Если отыщу квартиру, оставлю за собой и задаток дам, не ожидая тебя, потому что квартиры с каждым днем разбираются. До свидания же.

Твой весь Ф. Достоевский.

Если отыщу квартиру перед самым твоим выездом из Руссы, то телеграфирую тебе адресс новой квартиры. Но не думаю, чтоб я, до приезда твоего, и переехал.

Анна Николавна и Ольга Кирилловна уже переехали на новую квартиру (900 руб.) близ Технологического института. Всё без нянек, ищут нянек. Ив<ан> Г<ригорьеви>ч уехал уже дней 5 и писал им из Москвы. Гриша сидит, закрывается ручонками и плачет о тяте, ходит, ищет его, — даже боятся за него. У меня был некто Мостовский<?>, который разыскивает Анну Николавну. Он имеет расписку ее в 150 руб., сделанную ею какому-то Лепчу в 67 году. Анна Николавна еще не была у меня, и я ей не передал. Но я ему сказал, что не знаю, где она, но что моя жена, *может быть*, знает, то есть ты, чтобы как-нибудь отговориться. Он, стало быть, купил документ рублей за 5. В адресном столе Анна Николавна не записана,[д] он говорил мне, что уж искал. С виду из тех, которые свои деньги, если захотят, добудут.

Обнимаю тебя еще раз и Любу и Федю.

P. S. Сейчас принесли твое письмо,[5] и я должен был разрывать уже запечатанный конверт, а у меня совсем времени нет. Вот что о кухарке: я ведь сам не знаю, что будет потом. Александра хорошая работница, очень, и стряпает хорошо. Очень хорошо себя держит и ведет, но, опять-таки, вынесет ли она всю нашу семью и останется ли потом, когда будет потруднее, — не знаю. И потому, если только найдешь не вздорницу, *чистоплотную* (это 1-е дело) и которая *хорошо* готовит (слышишь?), *то нанимай и приезжай с ней сюда*. Вот последнее мое слово. Тогда Александру отпустим. (В ней есть и недостатки, слишком, н<а>пр<имер>, чувствительна, но не *белоручка*, далеко нет.) Итак, привози свою. А Прохоровну, если только возможно это, я бы навсегда оставил! Поговори с Ан<ной> Николавной и с Ольгой Кирилловной! 6 нянек переменили и не могут найти. Дети беспрерывно в ушибах и колотушках. Обе они говорят, что у нас Прохоровна клад.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. P. S. Сейчас иду со двора, и так как Александры нет, то распрятал все деньги по всем углам квартиры, а ключик в условное место в сортире.

д *Текст*: Мостовский <?> ∾ не записана — *зачеркнут, вероятно, А. Г. Достоевской.*

Целуй детей, благословляю пх и обнимаю! До свидания. Любу, Федю.[е] Вчера приходила ко мне Ольга Кирилловна одна, сидела и пила чай. Приходила, собственно, узнать от Александры о служанке, которую та обещалась Анне Николавне найти для них.

[е] *Так в тексте.*

495. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

20 августа 1873. Петербург

Петербург, понедельник
20 августа/73.

Милая Анечка, боюсь, что ты рассердилась на меня за квартиру; между тем кто же себе злодей и почему не искать лучше, если можно. Сегодня Анна Николавна сообщила мне адресс квартиры, ею для нас отысканной, на углу Николаевской и Разъезжей, без контракта, 4[а] комнаты (2 больших) 700 руб. Но я еще вчера отыскал квартиру почти подле нас, на Лиговке же, но по другую сторону Невского проспекта, ровно в таком же расстоянии от Невского, как и теперешняя наша квартира. Так что мы будем жить[б] почти на Невском. Это по другую сторону Лиговки, сейчас из вокзала взять налево, № 28, дом Ногиновой. Тут нет такой езды и грому, как теперь подле наших окошек, где с 4 часов утра везут возы на железную дорогу. Там тихо и дома все барские, красивые.[в] Квартира на дворе, но сейчас же из ворот. Прекрасный и глубокий двор. На нем еще каменный дом и флигель. Чистота и порядок. И тут же на дворе сад, с тенью, цветами, *пребольшой*, немного разве меньше, чем у вас в Ст‹арой› Руссе у Гриббе. Детям полный вход. Это *очень* хорошо. Квартира в 3-м этаже, но по-настоящему она во 2-м, всего две маленькие лесенки. Подыматься *не выше* как теперь у Сливчанского, ни одной ступенью. Вход у Сливчанского лучше, но и здесь чистый и светлый. Затем квартира чище и новее Сливчанского, хотя дом старый и сухой. Комнат 5 и больше Сливчанск‹их›. Полы паркетные. 1-я комната больше, чем зала[г] у Сливчанского, 2-я, гостиная, капельку разве менее, чем зала у Сливчанского, затем столовая, маленькая, но прекрасно устроенная, затем твоя комната не маленькая[д] и затем комната Феди. Коридор удивительно удачно расположенный. Вот, однако, план.

[а] *Далее было*: больших
[б] *Вместо*: будем жить — *было*: живем
[в] *Далее начато*: Этот д‹ом›
[г] *Было*: больше залы
[д] *Вместо*: не маленькая — *было начато*: немного

Страница письма Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 20 августа 1873 г. с рисунком плана квартиры.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Из передней — коридором можно входить в столовую и через столовую или к тебе в гостиную (коридор же, повторяю, превосходен), или к тебе в спальню. Днем же через мой кабинет. Одним словом, всё крепко, всё цело, красиво и приспособлено. Анна Николавна находит, что это лучше и удобнее, чем у Сливчанского. Вся квартира больше, чем у Сливчанского. Цена 700 руб. с водою и с дворником. Жильцы в доме все люди почтенные и известные. Тишина и порядок и два шага от Невского. Заметь себе, что у Сливчанского у нас решительно нет столовой, а здесь столовая отлично расположена и сверх того *для тебя* много помещения. Для детей воздух лучше, места больше и сад; и нет сумасшедшего хозяина.

Есть и неудобства, но вздорные: 1) контракт на 2 года. Но это только нам же лучше, ничего нет легче, как сдать квартиру теперь в Петербурге, так и рвут. Во-2-х, все квартиры повысились в цене против прошлой зимы, и на будущий год эта квартира будет стоить уже не 700, а 800 руб.

2-е. Плата вперед за два месяца, но я думаю, что это совершенно всё равно.

Но я еще не дал задатку. Главное, трепещу, чтоб не перебили. Но если и решусь дать, то ни в коем случае не перееду раньше твоего прибытия. (NB. Контракт на счет хозяина, и квартира будет считаться лишь с 1-го августа [е] или со дня переезда, так что мы почти ничего не потеряем.)

Понимаю, что одно тяжело — это переезд. Но что же делать! Зато на два года спокойны.

Анна Николавна поощряла дать задаток скорее.

Был у Сливчанского. Был очень вежлив, но объявил твердо, что мужиков по лестнице не пустит. Насчет же оставления ключа изменил гнев на милость и согласился, чтоб оставлять у дворников.[1]

Итак, Аня, не знаю, решусь или не решусь. Во всяком случае я еще буду жить у Сливчанского, когда воротишься, и будем до 1-го августа.[е] Много бы надо о квартире переговорить, о чем много и долго писать. До свидания. Это только чтоб тебя уведомить. Я еще Сливчанскому ничего не говорил.[2]

Больше писать, думаю, что не буду тебе, да и времени не будет. Жду вас 25-го или около. Анна Николавна была очень смущена долгом Ленчу.[ж] Хочет ехать поскорее в Финляндию.[3] Очень, очень жаловалась на здоровье и, главное, на усталость за всё это лето. Действительно, она, бедная, много работала, всё за нянек, нет у них нянек. Целую и обнимаю тебя и детей. Благословляю в путь. Ну, дай бог, дай бог.

Твой Достоевский.

[е] *Очевидно, описка — должно быть*: сентября.

[ж] была очень ∾ долгом Ленчу. *зачеркнуто.*

Редакция помещается в Надеждинской,[4] близко от Невского, так что близко будет от квартиры.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской
по реке Перероростице, в доме подполковника Гриббе

496. А. У. ПОРЕЦКОМУ

22 августа 1873. Петербург

22 августа/73.

Многоуважаемый и любезнейший Александр Устинович,

Метранпаж <у>жа<сн>о<?> пр<осил>,[а] чтоб написал Вам о статье «Областное обозр<ение>»,[1] ибо у них отнят<?> <конец?> нед<ели>, <2>-ой день работы, в воскресенье <, и набор надо закончить в субботу?>, в другое <время?> станки разбираются<?>. Стало быть, воскресе<нье> <поздно, доставить надо?> в субботу, <а> еще <лучше? в> пятницу. В субботу вечером долж<но> б<ыть> <о>ко<нчание?> *отпечатано.*[б][2] <...> Хочется<?> <поблаг>одарить Вас за про<шлое обозрение>[3] <Понравилось?> как составлено, а напи<сано очень? хорошо? как> мнение посторо<ннего> <...> <я был у князя,> где читали вслух и пр<изнали обзор удачным?> <...> <Полагают, что?> обращают внимание <на> вопрос <...> *первый* почти раз[в] <...> чрезвычайно удачный обзор <...> насчет Голубова, чрезвычайно понятный и вам<?> и <каждому> <иником>у придраться нельзя, а между тем смы<сл> <самый?> желательный.[4]

До свидания. Крепко жму Вашу руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Или пришлите статью, или уведомьте.[5]

а *Письмо дошло до нас в поврежденном виде, текст его сохранился не полностью. Прочтение предположительное.*

б *Далее текст утрачен. Сохранились отдельные слова:* статья <...> эксп <...>, что ее

в *Далее сохранились отдельные слова:* статья <...> критики (чем и всем начать бы <...> статья <?>-то). <...> таким образом это <...> <прежн?>им критериумом надо решать такие <...> пункт

497. Д. Д. КИШЕНСКОМУ

5 сентября 1873. Петербург

Среда 5 сент./73.

Милостивый государь Дмитрий Дмитриевич,

Ваше грубое письмо, совершенно для меня неожиданное, сначала очень рассердило меня.[1] Но теперь, когда я, для справок, собрал и пересмотрел все Ваши письма ко мне,[2] — я убедился, что между нами произошла классическая и вековечная история Жиль-Влаза с архиепископом Гренадским.[3] Но начну по порядку, именно с денег. Ко мне так о деньгах никто не пишет, и с этой стороны меня все знают. 22 августа я выдал секретарю редакции (как всегда это делаю при расплатах иногородным) следуемую Вам сумму за Пролог. Вчера только после Вашего письма узнал от него, что он не послал 22-го, а послал 28. Секретарь г-н Пуцыкович — человек в высшей степени честный, но не всегда аккуратный. Почтамтскую расписку он обещал мне завтра же разыскать, непременно. *Деньги посланы*, почему не получили — не знаю и отвечать не обязан. Никто и никогда не скажет про меня, чтоб я *задержал* чьи-либо деньги. И после всех Ваших писем, которые принужден был сейчас перечесть, — Вы, в гневе своем, не нашли ничего лучше, как [а] начать этими деньгами! И это мне-то! Вы можете сердиться на меня за всё, но ни за что не думал, что Вы этак [б] начнете.

Вы пишете:

«В прошлом письме я, кажется, ясно высказал Вам то, что я не желаю разыгрывать роль школяра и не желаю, чтоб мою драму портили под видом поправок».

Какое это последнее письмо? Последнее Ваше письмо, полученное мною, письмо от *31 июля,* при посылке мне Вашей статьи «Промахи». Ничего подобного Вы в этом письме не говорили.[4] Ничего не было в этом тоне и в прежних письмах. Да и тона такого я бы никогда с собою не допустил. Тон наших обоюдных писем был совсем, совсем другой. Такого письма у меня нет. Никогда не получал ничего подобного. Напротив, вот какое место я нашел в Ваших письмах:

«...Этого одного я не могу изменить! А остальное — делайте что угодно, многоуважаемый Федор Михайлович, только примите к сведению и мои заметки, и в сих поправках я *Вам* верю и, что Вы по сему законно учините, спорить и прекословить не буду!

Не шутя, я прошу еще пощады всем конечным монологам! Не хочется мне их уменьшать».

Это буквально выписка из Вашего письма от 27 июля.[5] По-

[а] *Далее было*: попрекать
[б] *Ранее было*: этим

том ни в одном письме Вашем Вы не брали позволение поправок назад. Если уж так выражаетесь: «Прошу пощады всем конечным монологам», — то, значит, на большие выправки согласились. Что же Вы теперь-то мне пишете?

Я в моих письмах писал обнаженно и откровенно о том, что надо исправить. Я писал Вам, что Вы пишете очень шероховато, мало того, слишком не синтаксически. Часто слишком много рассуждают не к месту и не к действию. Я переделал в прологе мелочи и очень мало. Я укоротил одно постороннее рассуждение, вычеркнул, где Гордеев[6] чуть вошел — прямо начинает невесте о разврате (то есть два-три слова), и изменил на каплю сцену на коленях,[7] чтобы вся она была возможнее и естественнее.[в] Мало того, везде, где мог, делал язык легче и разговорнее. Вы пишете, что я *Вас исказил*. Призовем экспертов по два с обеих сторон и пусть решат: *исказил* ли я Вас?

Но всё это теперь невозможно. Мог ли я знать заране, что Вы, доверивший мне поправки *после всего*, что я Вам так ясно и прямо об Вашей драме написал, — закричите при первой ничтожной поправке. Знал бы — так, конечно, и не начинал бы печатать. Я совсем иного человека видел из Ваших писем.

Что значит выражение «под видом»? «Не желаю, чтоб мою драму портили *под видом* поправок». Что ж, я исказил, по-Вашему, *умышленно*, скрываясь под каким-то *видом*? Я поправлял по совести, но Вы что-то подозреваете. Чем же объяснить слово *под видом*? Желая Вам зла, может быть? И всё это после бывших-то фактов! Да кто же этому поверит? И Вы думаете, что ничего писать такие обиды? Неужели Вы меняете людей из первой досады, как старые сапоги, и так быстро способны подумать злое о человеке, которого вчера считали своим? (Письма-то Ваши налицо.)

Вы спрашиваете самым неделикатным языком: «почему я не высылаю Вам драму». А почему Вы мне не отвечали? Я ждал ответа. Я написал Вам весьма ясно, предлагая Вам самому исправить Вашу драму: «Рукопись не высылаю, предполагая, что у Вас есть черновая или список. Но если нет — напишите, и тотчас вышлю». Зачем же Вы не написали? Я всё ждал и именно думал, не получая ответа, что у Вас оказался список. Могли прислать открытое письмо с двумя строчками, и тотчас бы выслал. Ну зачем, скажите, мне Вашу драму *удерживать* вопреки Вашему желанию? Оставил же я ее до Вашего ответа единственно потому, что ждал возвращения в Петербург одного человека, мнение[г] которого я очень ценю и которому Ваша первая драма нравилась.[8] Я хотел спросить и его совета.

Что значат такие фразы с подчерками:

«Я *доверил* Вам *единственный* экземпляр рукописи „Падения“, и Вы, как честный человек, обязаны возвратить его!»

[в] *Вместо*: возможнее и естественнее — *было*: хоть как-то естественна
[г] *В подлиннике описка*: мнением

Я не понимаю этого тона; не могу понять и теперь, *даже от Вас*. Что значит: *доверил*? Вы просто прислали рукопись: напечатать или нет, как все присылают. К чему воззвание к[д] честному человеку? Да зачем, скажите, я стану ее держать? Я вовсе не считаю ее за драгоценность и слишком ясно Вам об этом писал.[9] Да и драгоценность ни за что не стал бы держать после того, что из-за[е] нее перенес!

P. S. Я *вполне* желаю, чтоб Ваша драма имела полный успех (на сцене, например). Последнее пожелание![ж10]

[д] *Было*: как
[е] *Было*: от
[ж] *Текст*: P. S. Я *вполне* ∾ пожелание! — *вписан на полях.*

498. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 сентября 1873. Петербург

Любезный друг Коля,

Если пришлешь ко мне Наталью, то у меня есть для тебя руб. 10 на случай, если ты нуждаешься или нездоров. Я тоже болен и очень занят. На прошлой неделе лечился и не выходил из дому, был в лихорадке.

Обнимаю тебя, голубчик.

Твой Ф. Достоевский.

14 сент‹ября›/73.

499. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

15 сентября 1873. Петербург

Люб‹езный› Александров, вместо 250 строк я написал, кажется, до 500. Уменьшить *ничего* не могу.[1] Как же быть? Непременно надо найти место и решить поскорее. Выбросить статью всегда можно, но можно ли при этом сохранить и прежнее расположение? Вынув, например, «Железные дороги»?[2]

Если же нельзя, то есть: «Еженед‹ельная› хроника», «Иностранные события», «Петербургское обозрение» и т. д., то нельзя ли мою или Пуцыковичеву статью пустить в другом месте?[3] Одним словом, поймите, что я *непременно* должен Вас видеть. Приезжайте на извозчике, я заплачу. Как хотите, нельзя иначе.

В‹аш› Достоевский.

15 сентября.

На обороте:

Г-ну Александрову.
Очень важное.

500. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

16 сентября 1873. Петербург

Люб‹езный› Александров, я из корректуры кое-что исключил, но, полагаю, не нарушил Ваших расчетов. И в этом виде более 400 ‹строк›.

Все вычеркнутые строки исключить *непременно*.

Прошу Вас *очень* доставить прилагаемую при сем записку князю.[1] Очень *нужное*.

Ваш Достоевский.

(Я поправлял по князевой же корректуре.)

501. М. П. ФЕДОРОВУ

19 сентября 1873. Петербург

Петербург, 19 сентября/73.

Милостивый государь Михаил Павлович,

Простите великодушно, что слишком долго не отвечал Вам. Сначала, после первого письма Вашего, отметил было места в комедии,[1] чтоб их хоть капельку поправить; но всё был в раздумье и не решался. А потому и медлил ответом. Теперь же, после второго письма Вашего, был болен и даже лежал, а между тем должен был исполнять и занятия по редакции,[2] так что до сих пор почти не было минуты, чтоб Вам ответить.

Вот что скажу я Вам окончательно: я не решаюсь и *не могу* приняться за поправки. 15 лет я ие перечитывал мою повесть «Дядюшкин сон».[3] Теперь же, перечитав, нахожу ее плохою. Я написал ее тогда в Сибири, в первый раз после каторги, единственно с целью опять начать литературное поприще, и ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). А потому невольно написал вещичку голубиного незлобия и замечательной невинности. Еще водевильчик из нее бы можно сделать, но для комедии — мало содержания, даже в фигуре князя, — единственной серьезной фигуре во всей повести.

И потому как Вам угодно: хотите поставить на сцену[a] — ставьте; но я умываю руки и переправлять сам ни одной строчки не буду. Кроме того, об одном прошу настоятельно и обязательно: имени моего на афише чтобы не было, то есть «переделано из повести „Д‹ядюшкин› с‹он›“ господ‹ина› Достоевского» или в этом роде, — прошу Вас, чтобы не было выставлено. Если же непременно надо, просто напишите: «Переделано из повести». Только чтоб не было моего имени.

---

[a] *Далее было начато*: де‹лайте?›

Конечно, лучше бы было совсем ее не ставить. Вот мой совет. Но так как я уже дал Вам слово вначале, а Вы употребили труд, то уже нечего делать: всё в Вашей воле.[4]

Замечу только одно и то мимоходом: кажется, нет пропорции в величине актов? Посоветовались бы Вы в Москве с кем из актеров, знающих сцену практически (я тоже ведь никогда ничего не писал для сцены), и во всяком случае хорошо бы сократить. Что еще идет в повести, не пройдет на сцене. Сцена не книга. А потому чем больше сокращений, тем бы, мне кажется, лучше.

Рукопись у меня. Не высылаю, полагая, что у Вас, конечно, есть список. Если же нет, напишите. *Тотчас же* вышлю.

Примите уверение искреннего моего уважения.

Вам преданный Федор Достоевский.

502. Н. Н. СТРАХОВУ

27 сентября 1873. Петербург

Четверг 27 сент‹ября› 73.

Любезнейший Николай Николаевич,

Вы, верно, *забыли* о двух №, обещанных Вами для «Последней странички» (из газеты: «*наплевать* на этих господ»).[1] А между тем «Последняя страничка» составлена именно ввиду этих 2-х №. Таким образом, типография задержана: нельзя ни набрать, ни сверстать статью. Сделайте милость, доставьте же поскорее (ведь это только несколько строк!) в редакцию. Вы не поверите, как это важно в общей типографской работе! Притом если теперь не доставите, то на следующую неделю будет уже поздно — *застареют выписки* из газет.

Ваш весь Ф. Достоевский.

503. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28—30 сентября 1873. Петербург

Любезнейший Александров. Вот моя статья. Сейчас после нее, то есть после 8-й странички, где в конце поставлена черта и буква Д., начать печатать телеграммы (то есть с 9 страницы). А с 13-й, тем же порядком, перепечатать приложенные вырезки телеграмм из газет (по номерам на вырезках). Кажется, во всей статье, с телеграммами, по расчету моему, не менее 400 строк. В таком случае напечатайте телеграммы петитом. Но — авось найдется место. Я предполагаю сделать сокращение в объявлении о подписке и в хронике.

Ваш Достоевский.

На обороте:

Г-ну Александрову.

504. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

28—30 сентября 1873. Петербург

Г-ну метранпажу Александрову.

Эту статью набирать немедленно,[1] вставим ¼ листа и пустим ее, а не «Из Москвы», которая останется до следующего 41-го №.[2] *Иначе нельзя.* Корректуру к г-ну Филиппову, Кирочная (на углу Знаменской) — дом № 17 (Китнера), кв. № 4.

Да придите ко мне, Александров, завтра в 2 часа. *Нельзя иначе.*

505. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

2 октября 1873. Петербург

Втор‹ник› 2 окт‹ября›/73.

Многоуважаемый князь, посылаю Вам маленькую статейку одного офицера *с просьбою* прочесть ее поскорее, если возможно. Всего 200 строк. Это не рассказ даже, но всего только *картинка*, и как картинка только — она очень бы могла быть помещена в этом № «Гражданина», ибо верно и, кроме того, такие рассказики читаются с удовольствием, не отрываясь. Бытовая сторона богатых *повес* офицеров, кажется, схвачена верно. Посылаю же Вам единственно для того, что Вам, может быть, больше известны подробности этой жизни, то есть рулетка, Сакристья и проч.[1] Завтра я у Вас ее возьму с Вашим мнением и, может быть, отправлю в типографию — если подыщу, рядом с этим, другой рассказик, строк в 400 у г-жи Лободы (имею в виду), но уже совсем другого, почти трагического содержания.[2] Таким образом, два рассказика, оба в 650 строк, будут, и очень возможно, в №, тогда как *один* только рассказ офицера, по чрезвычайной своей легкости, не мог бы пройти в «Гражданине».

Ваш весь Ф. Достоевский.

506. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

4—6 октября 1873. Петербург

Люб‹езный› Александров,

В моей статье вышло 650 строк или даже немного более, сократить не могу.[1] Прилагаю письмо к князю [2] и прошу его, чтобы сократил свое «Петерб‹ургское› обозрение» на 150 строк. Письмо поручаю Вам и прошу Вас доставить ему *немедленно* и, если можно, лично.

В «Последней страничке» я *отчеркнул* 2 анекдота (24 строки).[3] Это значит их выбросить. Если пойдете к князю, сообщите ему. Я тоже и об этом ему писал.

Теперь 1/4 8-го утра. Буду спать до 2-х часов. Сверстку подпишу мигом, но раньше 2 не приносите.

Доставьте же письмо.

В‹аш› Достоевский.*

На обороте:

Г-ну Александрову.

---

* *На полях письма зачеркнутые пометы*: Письмо Федорову.[4] Вывеска.[5] Статейка Пелешевского[6] (отложить к Шторху,[7] Войгачу[8] и проч.).

507. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

23 октября 1873. Петербург

Октября 23/73.

Милостивый государь Константин Петрович,

В квартире редакции живет один писарь; ему, без означения, разумеется, Вашего имени, и дана Ваша статья для переписки.[1] Завтра она, переписанная чужой рукой, поступит в типографию. В типографии же Вашу руку знают еще *с прошлого года*, и именно корректорша, которая имеет в городе некоторые литерат‹урные› сношения (с «От‹ечественными› записками», наприм‹ер›).[2] Таким образом, никто не будет знать на этот раз, что статья Ваша, кроме меня и секретаря редакции.[3] В корректуре же я буду сообразоваться с собственноручным Вашим текстом, который останется у меня.

А засим имею честь быть покорнейшим слугою.

Ф. Достоевский.

508. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

1—3 ноября 1873. Петербург

Любезнейший князь, Ваш ответ «С‹анкт›-П‹етербургским› ведомостям» очень мило и дельно написан,[1] но резок, заносчив (хочет ссоры) и — может быть, тон не тот. Вместо насмешливого тона не лучше ли спокойный, ясный? Я именно так думаю: больше будет достоинства. А потому и посылаю Вам мой ответ. Тут включено кой-что из Вашего. Но я мог наделать ошибок; а потому просмотрите, пожалуйста. Я очень бы желал, чтоб Вы

согласились на мою редакцию. Если найдете нужным — поправьте, ради бога.[а]

Ваш весь Ф. Достоевский.

NB. Я бы кончил на 3-й страничке словом: чем же мы виноваты?[б] Написанное на 4-й страничке и отмеченное мною чертой — необходимо ли? Я бы очень желал кончить на 3-й страничке и зачеркнуть всё на 4-й.[2] «С‹анкт›-П‹етербургские› вед‹омости›» нас целый почти год не трогали: обойдемся, *на первый случай*, как можно мягче, потом все-таки можно будет ответить.

[а] Если найдете ∾ ради бога. *приписано позднее.*
[б] *Вместо*: чем же мы виноваты? — *было*: полезного.

509. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

3—4 ноября 1873. Петербург

Из типографии.

Многоуважаемый князь, на Вашу *обделку* ответа «С‹анкт›-П‹етербургским› ведомост‹ям›» — я вполне согласен, это очень ловко; всё *то же* сказано, но несравненно *неотразимее*, чем в виде прямого обвинения (которому никто из читателей и не поверил бы, так что во всяком случае, с нашей стороны, был бы холостой заряд).[1]

Но 7 строк о надзоре, или, как Вы выражаетесь, о *труде* надзора правительства, я выкинул радикально. У меня есть репутация литератора[а] и сверх того — дети. *Губить себя* я не намерен.[б2]

Ваш Ф. Достоевский.

[а] *Далее было*: и репутация
[б] *Далее было*: Кроме того, Ваша мысль глубоко противна моим убеждениям и возмущает мое сердце. Приписываю и хочу приписать Вам ‹как?› раз теперь — да и ‹*нрзб.*› приписать ‹?› иначе?

510. М. П. ПОГОДИНУ

12 ноября 1873. Петербург

Многоуважаемый Михаил Петрович,

Простите, что не сию минуту Вам отвечаю. Но каждый раз к концу недели бываю очень занят и не имею времени даже для себя, на свои домашние дела.

За статью «Сусанин» «Гражданин» Вам весьма благодарен. Я пускаю ее в двух №, так как для одного номера она длин-

ненька.[1] И уж, само собою, не оставалось времени посылать корректуру в Москву.[2] Если б, впрочем, она была потщательнее переписана, то не могло бы быть ни малейшей ошибки в корректуре, потому что, когда надо, и в «Гражданине» сумеют продержать корректуры хорошо. Но в Вашей рукописи много небрежностей: не знаешь, как читать иные имена, и до сих пор я не знаю: Щекатов или Щекотов, *о* или *а*? А справляться с «Вестником Европы» [a] — большие хлопоты.[3] Так как у нас в журнале нет единого главы, то отзывается и при издании: библиотека редакции не всегда под рукою и всегда почти растаскана по рукам.

Вы мне пишете о №№ журналов и говорите, что не можете их *допроситься.*[4] Уверяю Вас, что я, нижеподписавшийся, здесь ни при чем; я составляю №, читаю статьи, переделываю их и изредка пишу сам — вот моя работа. Что же до всего прочего, то если б я и захотел, — не могу о том иметь понятия.

Вы весной присылали иногда в «Гражданин» сердитые письма.[5] Повторяю Вам, они до меня и касаться не могли. Вся хозяйственная и *распорядительная* часть не на моих руках, если б я и захотел тут что-нибудь сделать, то не мог бы.

О требованиях Ваших сообщил секретарю и Мещерскому. О статье о Кохановской говорил секретарю и не забуду о ней и сам.[6] Найдется — вышлем.

Вы спрашиваете: что я делаю?

Я всё хвораю и всё из себя выхожу. Локти у меня несколько связаны. Принимаясь за редакторство, год тому, воображал, что буду гораздо самостоятельнее. От этого лишаюсь энергии к делу. Майков здоров, благодушествует и Вам кланяется.

Ваш весь Ф. Достоевский.

12 ноября/73.

В статье Страхова есть иные места, которые могли бы быть иначе написаны. Да он и сам соглашается.[7]

---

[a] *Было*: «Русским вестником»

511. Н. А. ЛЮБИМОВУ

13 декабря 1873. Петербург

Декабря 13/73.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Во-первых, позвольте мне засвидетельствовать Вам мое уважение, а во-2-х, разъяснить одно обстоятельство. Чуть не с месяц назад отправил я в редакцию «Русского вестника» одну рукопись — название, кажется: «Болезнь нашего времени». Но, намереваясь написать Вам, не снабдил посылку никаким объясне-

нием. Затем занемог, захлопотался и вот только теперь могу объяснить Вам всё этим письмом.

Эта рукопись — повесть (около $4^{1}/_{2}$ печат‹ных› листов «Р‹усского› вестника») г-жи Прибытковой, живущей в Москве. Почти год назад она доставила ее в «Гражданин». По неопытности я принял и дал обещание напечатать. Но скоро увидал, что она займет по крайней мере 10 № «Гражд‹анина›» (сряду). Такую рассрочку наше маленькое издание принять не может на себя. Одним словом, произведение такой величины в «Гражд‹анине›» не может найти место.

Между тем повесть я читал внимательно: она *весьма недурна*. Конечно, не блестит художественными достоинствами, но умна бесспорно и не хуже никакой женской работы наших современных писательниц. Насчет цены г-жа Прибыткова готова довольствоваться и малою платой, но, кажется, намерена попросить хоть малую часть вперед, в случае если Вы повесть ее не отвергнете.

Я на прошлой неделе говорил об этой повести Михаилу Никифоровичу [1] и уведомил его, что послал ее к Вам на Ваше решение.[2]

Примите, многоуважаемый Николай Алексеевич, изъявление чувств моего глубочайшего к Вам почтения.

Ваш покорный слуга Ф. Достоевский.

P. S. Рукопись препроводил я в «Русский вестник» *с согласия* и по просьбе г-жи Прибытковой.[3]

512. В. В. ТИМОФЕЕВОЙ

15—16 декабря 1873. Петербург

Многоуважаемая Варвара Тимофеевна.[1] Особенно прошу Вас поправить эту статью, сообразно с моими поправками. Как только дело касается этого автора, так тотчас у Вас неразобранные слова, выкидки целых фраз или повторения двух фраз сряду и проч.[2] Вы мне сделаете особое удовольствие, если исполните мою просьбу.

Ваш Достоевский.

513. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18 декабря 1873. Петербург

18 декабря/73.

Любезный друг Коля, у меня самого нет 10 р. Посылаю тебе 3 руб., то есть почти половину всего, что имею. Хотел было

лечиться сжатым воздухом [1] и отлагаю леченье, потому что денег нет. Может быть, накануне праздника [2] будут; тогда поделюсь.

До свидания, милый, обнимаю тебя, дай тебе бог здоровия.

Твой Ф. Достоевский.

514. А. У. ПОРЕЦКОМУ

1873. Петербург

‹. . .› [а] Вы напрасно не ‹использовали?› и всяких губернских ведомост‹ей,› у Вас не ‹хв?›ата‹ет?› ‹фактов для?› «Областног‹о обо›зрени‹я›».[1]

От 12 до 3-х всегда в ‹редакции› кто-нибудь ‹есть,› секр‹етарь, например?›. ‹Если Вы?› заедете за ‹газетами?›, то Вам тотчас ‹выдадут.› Если же заедет‹е в другое время?›, то всегда может‹е застать корректора?› Я его предуведо‹млю, и он?› выдаст всегда всё что ‹нужно› из газет. ‹. . .› [б]

Мой адрес (на всякий с‹лу›ча‹й›: Гусев переулок, дом № 8, кварт‹ира 17›.[2]

Ваш весь Ф. Достоевский.

[а] *Текст письма дошел до нас не полностью. Сохранившиеся части его повреждены.*

[б] *Далее сохранились обрывки слов*: **или** ‹?› Вы пос‹етите?›

1874

515. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

3 января 1874. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович, я корректуру «Сельских школ» отсмотрел, но если есть хоть какая-нибудь возможность выбросить эту статью теперь, то выбросьте.[1] Избавьте меня от нее. ‹Князь› [a] отдал, не читая сам, я знаю. Завтра (в пятницу) Вы уж, конечно, получите что-нибудь от ‹князя›,[a] да и сам он, может быть, приедет. Тогда набирайте его роман [2] вместо этой статьи, или посылаю вам на всякий случай «Корреспонденцию из Корфу» (если будет еще время набрать). Хотя эта «Корреспонденция из Корфу» вовсе не хороша, но все-таки в 100 раз лучше «Сельских школ». Я, впрочем, желал бы не набирать Корфу.[3] В самом крайнем случае можно было бы пустить «Сердечный метод», если он не разобран, но только в самом крайнем случае.[4] Но если уж никак нельзя, то пустите «Сельские школы». Только я буду болен от этого.

Достоевский.

---

[a] *В тексте первой публикации вместо*: князь — N.; *восстанавливаем по аналогии с другими письмами Достоевского М. А. Александрову.*

516. О. Ф. МИЛЛЕРУ

4 января 1874. Петербург

Милостивый государь Орест Федорович,

К величайшему моему сожалению, я теперь уже не могу решиться напечатать Вашу статью — и, конечно, против моего желания. Меня как редактора призывали на днях в Цензурн‹ый› комитет и внушали, что про голод хотя и можно писать и печатать сообщенные факты, но без тенденциозности в известную сторону [1] и чтоб не было «алярмирующего».[2] Об этом внушении сообщаю Вам секретно.

Но, перечтя Вашу статью, печатать ее боюсь. К тому же, во всяком случае, придется опять кое-что из статьи выкинуть. Что ж из нее останется?

Очень сожалею, что так затянулось, но без моей вины. Про-

стите тоже за помарки в рукописи: она уже была в наборе, из чего можете заключить об искренности слов моих.[3]

Примите уверение в совершенном моем уважении. Ваш покорнейший слуга

Федор Достоевский.

4 января 74.

517. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

24 января 1874. Петербург

Г-ну метранпажу Александрову.

Любезнейший Михаил Александрович.

Посылаю Вам статью Филиппова (начало) — 2 листа. Завтра около полудня будет еще два таких же листа, и послезавтра, в субботу, тоже около полудня будет еще 2 листа.

Стало быть, всего будет с полученными Вами «Панихидой» и проповедью — около 1200 строк Филиппова.[1]

Поместить надо всё зараз в одном №, и нельзя иначе.

Поместить эту теперь присылаемую третью статью, то есть «Воспоминания о графе», сейчас вслед за имеющеюся у Вас проповедью.

Корректуру Филиппову прислать не в сверстке, а в листах (то есть 2-ю), ибо могут быть исправления.

Полагаю, что надо будет *выкинуть* статью «Неопределенные побуждения», которая у Вас уже набрана.[2] Так и будет.[а]

Посылаю еще 2 стихотворения А. Н. Майкова.[3] Прошу набрать сейчас же, как есть.

Зашли бы Вы ко мне. Если есть что особенное (не приехал ли князь [4]), то зайдите хоть и сегодня, а то так и завтра в 1 час пополудни.[б]

Ваш Ф. Достоевский.

24 января.

[а] *Далее помета Достоевского*: на обороте

[б] *Текст*: Если есть что ∾ пополудни. — *вписан.*

518. Н. Н. СТРАХОВУ

9 февраля 1874. Петербург

Многоуважаемый и любезнейший Николай Николаевич,

Анна Григорьевна, свидетельствуя Вам свое почтение, объявляет, что по поводу праздников она принуждена объявить себя несостоятельною принять Вас завтра в воскресенье, о чем я и

приехал возвестить Вам, вырвавшись прямо из *сжатого воздуха*, в котором каждый день отсиживаю теперь по 2 часа. Замечу, что домой возвращаюсь и обедаю дома уже в 8-м часу, и так будет недели 2 или три.

Очень бы желал, однако же, Вас как-нибудь увидеть. Никак не предполагал, что Вы живете всё еще в доме Калугина.

Вам совершенно преданный

Ф. Достоевский.

519. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 февраля 1874. Петербург

9 февр./74.

Милый друг Коля, посылаю тебе 5 руб. Дела мои довольно плохи. Но извещаю тебя, что *завтра* (наверно) воротится из Москвы Корш и привезет тебе *часть твою* за проданный в Туле дом и сообщит тебе все счеты.[1] Я это узнал сегодня от Полякова. Получить приходится всем до безобразия мало, за огромными расходами и взносами казне и проч. Во всяком случае получишь от Корша (от 400 до 500 р.). Полагаю, не менее. И это получишь завтра, следственно, приготовься. Да вот что: не худо бы не разговаривать в доме; узнает сестра, что ты получил, и на тебя рассердится.[2] В понедельник в суде ее с нами дело. Сумасшедшая! Если б знала она, какие ничтожные двугривенные мы получаем. Сосчитал сейчас все издержки за год по этому делу, сколько сам выдал своими руками — и что ж, полученные за дом 400 с лишком рублей *не окупили еще* издержек. А она, не имея ни малейшего права законного, требует с нас 20 000. Воистину сумасшедшая. А уж какая родственница — и говорить нечего. До свидания.

Твой весь Ф. Достоевский.

На конверте:

‹Его вы›сокоблагородию
Николаю Михайловичу Достоевскому
со вложением 5 руб.[a]

---

[a] *Конверт поврежден.*

520. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

21 февраля 1874. Петербург

Любезнейший Михаил Александрович, статьи моей к этому № *не* будет, а стало быть, пойдет — Верещагина.[1]

А об стихах скажите князю,[2] которого Вы увидите раньше меня, — то есть насчет строк, так как у нас выходит лишнее. Он и решит Вам этот пункт, сообразуясь с своими статьями.[3]

Ваш Достоевский.

21 февраля/74.

521. А. Ф. КОНИ

Февраль 1874. Петербург

Милостивый государь Анатолий Федорович,

Позвольте мне от души поблагодарить Вас, во-первых, за отмену распоряжения о моем аресте и, во-вторых, за лестное для меня слово, написанное Вами обо мне в письме к многоуважаемой и добрейшей г-же Куликовой, с которою этот случай дал мне большое удовольствие ближе познакомиться.[1]

Но Вам надо точнее знать о том, когда я буду в состоянии исполнить требуемое. В настоящее время я, кроме всего, езжу каждодневно лечиться сжатым воздухом, но полагаю, что к марту, может быть, и кончу лечение. А потому, если не станет это вразрез с Вашими соображениями, я, кажется, совершенно (и во всяком случае) буду готов исполнить приговор в *самых первых числах марта.*[2]

Впрочем, если по каким-нибудь соображениям надо будет и ранее — то я, без сомнения, всегда *готов.* И того слишком довольно, что я теперь, на эти несколько дней, избавлен Вашими стараниями, за что еще раз позвольте отблагодарить Вас.

Примите уверение моего искреннего и глубокого уважения. Ваш покорный слуга

Федор Достоевский.

522. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

1 марта 1874. Петербург

1 марта/74. 4 часа пополуночи.

Милый, любезнейший и многоуважаемый князь, ради бога, не считайте, что я беспрерывно желаю с Вами грызться и Вам противоречить по журналу. Возьмите лишь в соображение и мо-

гущее во мне образоваться настроение и мой личный взгляд и тогда поймете, что я не могу же не заявить моего мнения в деле, столь прямо касающемся и меня.

Я по поводу письма Полонского.[1] Не понимаю Вашего характера: Вы говорили мне сами, что это так «мило [а] написано». Между тем это самая грубая нападка [б] на Вас, самое грубое *искажение* Ваших мыслей — искажение, в котором даже, может быть, есть и умысел, а не одна только современная грубость и тупость понимания современного дешевого [в] либерализма, к которому так многие прибегают из выгоды (начиная с свиньи-Тургенева и кончая вором Пальмом).[2] Полонский пишет: «Вот если б вы написали про *А*, про *Б*, про *Д*, указали нам, назвали их, тогда и т. д.».[3] Это самый нечестный прием, по моему мнению. Кто же такой прямой *доносчик*, чтоб указывать на всех поименно. Ведь я, например, ужасть как хотел написать про Ольгу Иванову, из процесса о подделке Тамбовских акций,[4] *как про тип бессознательно-въевшейся* нигилятины, в самом отвратительном и полном виде, в девчонку, которая, может быть, и не слыхала никогда про нигилизм, — и указать на нее как на знаменье времени, да я же затруднился и нашел невозможным тащить ее на суд общества. Как же он требует указаний (то есть *доносов правительству*) на *А* и на *Б*, когда они, кроме осрамления, могли бы лишиться вследствие доноса вашего мест своих и даже попасть под дальнейшее гонение. Можно *указывать* на *А* и *Б* и прямо, но в том-то и беда, что *при случае лишь*, например, когда само правительство уже указало его, потянуло в суд и осудило, как Колосова, в вышеупомянутом процессе.[г5] Вот какие иезуитские вещи в возражении Полонского. В этом возражении всё извращено и искажено. На две строки три нелогичности, а между тем написано в победном тоне, а Вы печатаете.[6]

Может быть, Вы ответите в письме «Хорошенькой женщины». Я бы желал этого! От всего моего сердца![д7]

Но согласитесь, любезнейший князь, каково мне помещать такую пасквиль на нас и на журнал наш в *нашем* же журнале.

И потому я нашел нужным совершенно устранить себя в дальнейшем споре да и теперь сделать оговорку. Прочтите, пожалуйста, мою оговорку, сделанную на корректуре.[8] Я *не стою за каждое в ней слово*. Надеюсь только, что Вы не найдете ее в чем-нибудь задевающею Вас как писателя. Если что найдете — сообщите для разъяснений. Вы не поверите, как раздражило меня это дешево-либеральное возражение Полонского.

Крепко жму Вам руку.

Ваш Ф. Достоевский.

а *Было*: легко

б *Вместо*: самая грубая нападка — *было*: самое грубое нападение

в *Было*: грубого

г *Далее было начато*: и на которого, вследствие того, нашел возможным

д От всего моего сердца! *вписано*.

P. S. Я сейчас вычеркнул часть моей оговорки. За то уж попрошу Вас самих передать Полонскому, что не желаю, чтоб он меня затрогивал как редактора, — не то буду отвечать сам, но уже по-своему.[е][9]

Д.

[е] *Далее было*: и может быть даже *не* ‹*нрзб.*›

523. Г. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

7 марта 1874. Петербург

Григорию Фомичу.

Многоуважаемый Григорий Фомич, примите вексель и прошу Вас выдать 100 экземпляр‹ов› «Идиота».[1]

Весь Ваш Ф. Достоевский.

524. И. А. ГОНЧАРОВУ

7 марта 1874. Петербург

Марта 7-го 1874.

Многоуважаемый Иван Александрович,

Простите великодушно, что так много утруждаю Вас — всё по поводу того же моего маранья в «Складчину».[1] До сих пор я всё ожидал корректуры, — так как значительное время прошло — и вдруг вчера, в первый раз, узнал от В. П. Мещерского правило, принятое в редакции «Складчины», о том, что авторы, желающие корректировать сами, приписывают о том на рукописи доставленной статьи. У меня же на рукописи *ничего* не выставлено, а потому боюсь, что обошлись без меня, прокорректировали, сверстали и, может быть, уже отпечатали, и теперь мне уже не видать авторской корректуры как своих ушей. Вся моя чрезвычайная просьба к Вам, многоуважаемый Иван Александрович, спросить у тех, кто этим заведует, в каком положении мое дело и можно ли мне прислать корректуру? Если же я уже опоздал, то нельзя ли хоть оттиск, даже в гранках, если еще не сверстано, прислать ко мне, чтобы, по крайней мере, я мог видеть сделанные ошибки, а по неразборчивости моей рукописи предвижу, что ошибки быть должны. К Вашему же посредству обращаюсь потому, что на Ваши слова обратят, наверно, более внимания, чем на все письма, которые бы я написал в редакцию «Складчины». Да и письмо мое могло бы там пролежать некоторое лишнее время. Знаю, что поступаю, обращаясь к Вам,

весьма эгоистически, и потому еще раз прошу Вашего извинения.[2]

Поручая себя Вашему благорасположению, прошу верить искреннейшему моему уважению и таковой же преданности.

Ваш слуга Ф. Достоевский.

Адрес мой: Лиговка — Гусев переулок, дом № 8 (Сливчанского). Квартира № 17.

525. И. А. ГОНЧАРОВУ

Вторая половина марта 1874. Петербург

Милостивый государь,

В газетном объявлении о скором выходе сборника «Складчина»,[1] три дня тому назад, при перечислении имен всех авторов, принявших в нем участие, пропущено лишь одно мое имя.[2] Если это сделано только по ошибке, то прошу Вас, в будущих публикациях, поместить и меня в числе авторов, доставивших в «Складчину» свои труды.

Покорный слуга Ф. Достоевский.

526. С. М. ЛОБОДА

10 апреля 1874. Петербург

В «Складчине» Вашей статьи нет; рукопись же не у меня, а, вероятно, там, куда Вы ее доставили. Я в редакции «Складчины» не участвовал. Полагаю, что пропасть не может.[1]

Ваш глубокоуважающий Ф. Достоевский.

10 апреля/74.

527. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

25 апреля 1874. Москва

25 апреля. Четверг.

Спешу тебя уведомить, голубчик Аня, что я в Москву приехал вовремя, но несмотря на то, что ехать было довольно удобно и спалóсь, я все-таки весь разбит, голова тяжела и почти лихорадка. Полагаю, что это всё еще вследствие не прошедшего совершенно припадка. Сегодня никуда и не пойду. Письмо пишу, чтоб уведомить, а то и шевельнуть языком, не только пальцем, не хочется.

Надеюсь отлично выспаться ночью и завтра встать совсем здоровым.

Здесь хоть и ясно, но так же почти холодно, как и у нас. Деревья голые; в вагонах встретил Мещерского. Верочка только что уехала в Даровое, Соня, Машенька и часть детей в Москве.

Завтра, твердо уверен, окончу дела (то есть получением отказа) [1] и как можно поскорее вернусь.

Не думаю, чтоб затянулось дело.

Извещай меня о всем характерном. Очень может быть, что завтра напишу. Может быть, в воскресенье выеду. Если можно, то уведомлю раньше. Завтра решится.

До свидания, целую тебя.

А пока твой Ф. Достоев<ский>

528. Л. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

25 апреля 1874. Москва

Милая Лиля, папа тебя очень любит и пишет тебе из Москвы. Веселись и играй, а я об тебе думаю и тебя целую.

Твой папа.

25 апреля/74.

529. Ф. Ф. ДОСТОЕВСКОМУ

25 апреля 1874. Москва

Милый Федя,

дорогой мальчик, целую тебя крепко, веселись и играй.

Твой папа.

25 апр<еля>/74.

530. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

26 апреля 1874. Москва

Апрель 26, пятница/74.

Милая Аня, напишу только два слова. Письма от тебя сегодня не получил, а между тем уже 8 часов вечера. В таком случае и мое вчерашнее, пожалуй, не получишь вовремя. Хотелось бы что-нибудь прочесть о детках. Катков был очень любезен и просил отложить ответ до воскресения.[1] Ясно, что хочет посоветоваться с Леонтьевым. *Но не думаю, чтоб согласился*, хотя я его, по-видимому, и не удивил: сам мне сказал, что Мель-

ников [2] тоже 250 руб. просит. Боюсь, что на 250 согласятся, а *на выдачу вперед* не решатся. (Может денег не быть.)

О подробностях до свидания.[а] Из Москвы, конечно, еще что-нибудь напишу, но выеду, стало быть, не раньше понедельника. Не хотелось бы замедлить еще позже; здесь мне очень скучно. Целую детишек. Пиши о них подробности. Целую тебя очень. Сегодня я здоров совершенно, кроме очень сильного насморка. Удивительно мне, что здесь и горлу моему легче.

До свидания. Целую вас всех еще раз.

Ф. Достоевский.

[а] *Далее было начато*: Може‹т›

531. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

5 мая 1874. Петербург

Любезный брат Коля, приписываю от себя. Прошу быть завтра непременно, иначе не знай меня вовсе.[а] Да и срамно будет с твоей стороны уж очень бояться твоего Жеромского. Ведь не может же быть, чтобы ты хотел с меня получить по этому векселю сам.[1]

Если ты не болен в *такой степени*, чтобы рисковать здоровьем, то приезжай, прошу тебя. Из-за мелкого расчета ты поставишь меня в огромное затруднение.[2]

Твой Ф. Достоевский.

6 [б] мая/74.

[а] *Далее было*: Я тебе не брат.
[б] *Ошибка в подлиннике, следует*: 5

532. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

12 мая 1874 ‹?›. Петербург

Колюшка!

Приходи завтра, то есть в понедельник, к нотариусу Нитославскому, что на Садовой против Гостиного двора. Соберемся часов около 7. Не опаздывай.[1]

Твой весь Ф. Достоевский.

533. И. С. ТУРГЕНЕВУ

5 июня 1874. Петербург

Случайно узнав сегодня в лавке Базунова о Вашем приезде [а] в Петербург, а так как завтра сам я выезжаю из Петербурга, то и упросил князя [б] Владимира Петровича,[1] встретясь [в] с ним, передать Вам те *пятьдесят* талеров, которыми Вы одолжили меня еще [г] в 65 году, по моей чрезвычайной просьбе из Висбадена.[2]

Возвращая этот долг с глубочайшею [д] благодарностию, я в то же время не нахожу ни одного аргумента в оправдание такой поздней отдачи.[е] Замечу, что я почти [ж] до самого последнего времени не мог вспомнить [з] точную цифру полученной от Вас мною в Висбадене суммы, то есть 100 ли талеров или 50, что, разумеется, не только [и] не может послужить к моему оправданию, но еще и усугубляет вину мою.[к] И только лишь месяца два тому назад, разбирая старые бумаги,[л] нашел между ними и Ваше тогдашнее [м] письмо, в котором и обозначена высланная сумма, то есть пятьдесят талеров.[3]

Во всяком случае прошу Вас принять изъявление моего глубочайшего уважения.

Ваш покор‹ный› слуга.

[а] *Было*: прибытии
[б] князя *вписано.*
[в] *Было*: встретившись
[г] еще *вписано.*
[д] *Далее было*: к Вам
[е] *Далее было*: *а.* Иногда, когда случа‹йно?› *б.* Правда
[ж] почти *вписано.*
[з] *Вместо*: не мог вспомнить — *было начато*: не помни‹л›
[и] *Вместо*: не только — *было*: нисколько
[к] *Вместо*: и усугубляет ∾ мою — *было*: более обвиняет меня
[л] *Было*: письма
[м] тогдашнее *вписано.*

534. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 июня 1874. Петербург

Петербург. Четверг 6 июня 74.

Милый друг Аня, расстался я со всеми вами, и мне смерть грустно.[1] Стою уже второй день в сквернейшем (как оказалось) Hotel Dagmar, а в скверной моей комнате мне мерещатся детки и ты. С дороги же особенно расстроены нервы. Ну вот тебе отчет по порядку.

Вчера приехал в Петербург сонный и решительно исковерканный дорогой и дремотой сидя. В Dagmar остановился потому, что подвернулся первый из Dagmar на станции. Тотчас же, вы-

пив их ужасного чаю, отправился по делам. В редакции узнал, что князь[2] еще в Петербурге, и получил 6 руб. за два «Идиота» (больше не продано).[3] Затем отправился в Общ‹ество› вз‹аимного› кредита, где Миша[4] уже ждал меня и тотчас же *сам* отдал мне 2 золотых. Но билета в Вз‹аимном› кредите заложить оказалось невозможным, ибо надо быть членом Общества. (Кстати, Шевяков поглядел на меня и даже головой не кивнул; я, разумеется, также.)[5] Но Миша предложил немедленно отправиться с ним в Волжско-Камский банк и заложить там. В Волжско-Камском банке дело *тотчас* уладилось, и отчасти благодаря книгопродавцу Надеину, который подвернулся тут в банке, по своим делам, и отрекомендовал меня одному чиновнику, по словам Надеина, «обожателю моих произведений». Заложил я от своего имени. Копию с обязательства, выданную мне, я оставил на сохранение, пока буду за границей, у Миши. Полагаю, что это безопасно и ты не рассердишься за это: заложено на мое имя, при свидетелях, и по возвращении из-за границы я успею взять копию от Миши. Срок до 5-го сентября, то есть на три месяца; за вычетом % получил всего 117 р. 50 к. Впрочем, если хочешь, я напишу Мише, и он тебе перешлет Копию с обязательства в Ст‹арую› Руссу. Но, по-моему, не надо. Миша рассказал мне что в «С‹анкт›-Пет‹ербургских› вед‹омостях›» пущено *объявление* Корша и Полякова (впрочем, без их подписи) о продаже Рязанского имения.[6] Сегодня в четверг есть оно и в «*Голосе*»,[7] достань и прочти. Объявление короткое, но пышное: покупатели приглашаются узнать о подробностях или на Литейную (вероясно, к Коршу), или в Павловск, в Солдатскую слободку, дом Толмачевых. Миша слышал откуда-то странное известие, что будто хочет купить Губонин (в этой железной дороге имеющий участие) и что ему *наши* предлагают по 80 р. десятину, все 5000 десятин, и он не прочь. Верно, слух какой-нибудь пустой, но было бы уже слишком великолепно. — Надеин ужасно (до невероятности) увивался за мною, чуть не молился на меня, так что странно было, и предложил мне положительно издать *полное собрание моих сочинений*, уладив все дела по денежным расходам издания, и всё только из 5%, и как только он их выберет, то всё издание будет принадлежать уже мне. Я ничего не ответил и сказал только, что дам ответ по возвращении из-за границы; он остался очень, кажется, доволен, что я не отказался формально. Об этом, право, можно подумать; впрочем, как ты решишь, так и будет.[8] Мне кажется (по некоторым данным), что всех их, книгопродавцев, взволновали несколько три статьи обо мне Ореста Миллера в «Неделе», в результате очень хвалебные.[9] Но обо всём этом после. — Затем поехал к банкиру Виникену, и там мне дали на Берлин (а не на Эмс, ибо там нет таких банкиров) перевод. Я перевел 450 руб. за 417 талеров и сколько-то грошей. Остальные деньги часть променял на наполеондоры (15 штук), а часть русскими кредитками оставил

пока на дорожные расходы. Затем был у Бунтига, и он переставил пружины.[10] Затем заехал к Губину, не застал дома, но узнал, что придет домой вечером. Затем был у Страхова и застал у него Майкова, который по поводу среды (Комитет)[11] приехал в город. Майков был как-то холодноват. От Страхова узнал, что Тургенев хочет остаться весь год в России, написать роман и хвалился, что опишет «всех ретроградов» (то есть в том числе и меня).[12] С богом, но осенью надо первым делом отдать ему 50 р.[13] Затем обедал у Вольфа и опять отправился к Губину и в этот раз застал. Губин говорил, как-то всё враждебно относясь к Полякову. Поляков был, по его словам, у него сам, и он сообщил копию с исполнительного листа ему. Но что Заенчковский (по словам Губина) хочет, по совету какого-то своего поверенного, апеллировать.[14] Но это, конечно, вздор. Губин прибавил, что и вексель, гарантированный Заенчковским, был бы неблагонадежен. Соковнин же, по его словам, всё еще хочет принять долг на себя, под вексель, гарантированный его женой.[15] Но хочет видеть исполнительный лист. В пятницу, то есть завтра,[а] по словам Губина, назначено совершить всё это дело у нотариуса, но Губин боится, что Матусевич (судебный пристав) не захочет выдать у нотариуса исполнительный лист, под предлогом, что есть закон, что если судеб‹ный› пристав возвращает исполнительный лист, то прекращается претензия. Губин как-то хочет всё уладить и надеется на пятницу. В результате — я мало понял, полагаю только, что ему не нравятся переговоры с Заенчковским. (Претензию свою и исполнительный лист Матусевич, впрочем, уже предъявил *обоим* опекунам Стелловского, и Губин говорит, что Заенчковский увидит из этого, что, несмотря ни на какие аппеляции, взыскание[б] не остановится.) Я просил его уведомить о решительных случаях тебя; адрес твой у него есть. От Губина поехал к Полякову, было часов 7, и не застал дома, даже на звонок не отворили; квартира пуста, и прибит билет, извещающий, что Поляков в Павловске (и адрес). Затем я решил, что останусь в Петербурге еще на день, то есть на четверг,[16] и поехал на вечер к князю,[17] где кроме некоторых гостей были Майков и Страхов. У князя болела нога, сам он едет в Соден ($1^1/_2$ часа от Эмса) лечиться. Все мне были особенно рады, князь чрезвычайно мил. Все сказали мне, что я очень поздоровел и даже пополнел (между тем мне ужасно хотелось спать, и я был измят). Князь говорил мне a parte,* что он совершенно не знает, как быть с «Гражданином», денег на издание нет, и никто ему в долг не дает. Боюсь ужасно, чтоб, если прекратится издание, не коснулся как-нибудь меня расчет с подписчиками (то есть я не про то боюсь,

---

а *Вместо*: то есть завтра — *было*: (сегодня)
б *Далее было*: апелляцией
* отдельно (*итал.*).

что князь не заплатит, а что, на первый случай, выйдет какой-нибудь скандал и заденут мое имя в печати).[18] Но видно тоже, что ему ужасно хочется продолжать издание. Пуцыкович убежден, что так и будет, то есть что «Гражданин» будет выходить целый год.[19] — Меня очень смутил князь и один его родственник (большой мой почитатель), что мне лучше бы ехать в Соден, а не в Эмс, ибо Эмс глубокая долина в ущелье, очень сырая и дождливая.[в] Мне же сырая погода, я знаю это, вреднее всего. Меня они все убеждали в Берлине сходить к одному знаменитому доктору Фрёриху и спросить его мнения. Не знаю, сделаю ли это. Но вот что я пропустил тебе написать: перед тем как быть у Полякова, я был у Бретцеля, который мне дал коротенькое письмецо к доктору Орту в Эмсе. И вдруг Бретцель сказал мне, что в случае если в Эмсе, я увижу, не будет мне пользы, то чтоб я переехал в Соден, где почти одно и то же. Этот Соден, выскочивший со всех сторон, теперь меня смущает, и, право, я думал бы зайти к Фрёриху.[20] Впрочем, *твердый* совет тогда Кошлакова лечиться в Эмсе сделал то, что я, несмотря на все эти толки, еду теперь в Эмс *непременно* и уж в Эмсе посмотрю, и то недели две-три спустя, как мне быть. Бретцель расспрашивал о твоем здоровье и *настоятельно* сказал мне, что в Старой Руссе тебе бы надо было пить железную воду швальбах вейнбрун (есть еще швальбах штальбрун, но тот для тебя крепок). Кажется, я в именах не ошибся. По словам Бретцеля, вреда от этого не произойдет тебе *никакого*, а польза будет несомненная. Я просил его немедленно *написать тебе*, с медицинским расписанием правил, как пить, и вот мой совет тебе, Аня, на который ужасно прошу тебя обратить внимание: *немедленно* [г] посоветуйся с Шенком, и если он чуть-чуть скажет, что швальбах тебе полезен, то и вышли Бретцелю тотчас 10 р., и он *берет на себя* (как мы условились) выслать тебе от Штоля и Шмидта 20 полубутылок воды (7 р. стоит вода, по каталогу, а 3 р. мы полагаем на пересылку). Если ты даже начнешь питье и позже 20 июня, то всё успеешь отлично поправиться. Через 20 дней (по полубутылке в день) ты увидишь, надо ли продолжать, и можешь ему примерно после 15 бутылок выслать еще 10 р., и он вышлет еще 20 полубутылок. После 40 полубутылок можно и кончить. Бретцель клянется, что будет польза. Не щади же, голубчик, каких-нибудь 20 р., тебе же будет лучше! Если же Шенк отсоветует (чего не думаю), то просто напиши Бретцелю, что вода нашлась в аптеках и в Ст‹арой› Руссе (Бретцель даже полагает, что это так и есть) и что ты последуешь его совету и будешь пить.

Но вот что прошу: если последуешь совету, то не бери в аптеках ваших, если даже и найдется, чтоб не сбиться и взять

[в] *Далее было начато*: У мен‹я›
[г] *Далее было*: по получении письма от Бретцеля

не того швальбаха. Лучше пусть сам Бретцель вышлет.[д] Прошу тебя, ангел мой, не затягивай дела и спроси Шенка (Шенка и без того давно пора позвать для Феди). Не щади 20 руб. Здоровье дороже всего.

Сегодня был у Кашпирева. У него нога опять в гипсе. Доктор *Каде* обещает ему, что к зиме он будет ходить, хотя и хромая. Они перебираются через неделю на дачу, близ Гатчины. Говорит, что этого требуют доктора. Софью Сергеевну не видал, ее не было дома. Благодарил меня, что я навестил его. Он очень жалок. Обедал у Вольфа вместе с Страховым, затем зашел к Базунову (который в воскресенье едет тоже за границу) и просил *настоятельно* высылать тебе «Русский вестник» за июнь и июль. (Майский я беру с собой.) Обещали. Затем поехал (в седьмом часу) к Полякову и опять не дозвонился. Может быть, он еще не получил твоего письма. Это мне было очень досадно, ибо если б не было дано этого рандеву (от 6 до 8 часов), то я бы сам отправился бы, может быть, в Павловск. Но я проспал до 11 часов, а потом рассудил, что если поеду в Павловск и там узнаю, что он уже уехал в Петербург, то не поспею вовремя видеться с ним и в Петербурге. Может быть, он тебе напишет. Тогда напиши ему, что я у него был (5-го и 6-го числа). Напиши это непременно.

Завтра просыпаюсь в 8 часов, чтоб успеть всё сделать, а теперь[е] устал от письма ужасно. Уж одиннадцатый час. Через час лягу. Очень у меня смутно на душе и тоска. Думаю о вас, о Фединьке милом, который меня крестил, об ангеле моем Любочке и о тебе очень. Аня, милая, ради бога, будь внимательна к ним. Что ты их любишь, я знаю. Не кричи только ‹?› на них ‹?› и веди их чисто. Да не обижай ‹*нрзб.*› няню.[ж] Найдешь другую и проворнее на вид, но вряд ли будет так любить ребенка, как она. Старушка, слабая, а вскакивает ночью в один миг, чуть только шевельнется Федя. Не сердись на меня за эти просьбы. Ты ведь знаешь, как я вас всех люблю. А мне теперь очень тяжело одному.

Обнимаю тебя крепко, жду в Эмсе твоего письма. Целую Любу, Федю. Благословляю их. Поклонись Александру Карловичу, Анне Гавриловне, отцу Ивану и всем (няне и Прасковье тоже). Ах, ангел мой, как я боюсь за вас. Пиши же.

В Петербурге хотя и было ясно (сегодня только облачно), но холодно не по сезону. Боюсь пробыть в Берлине лишний день, так как приеду в воскресение и, пожалуй, контора банкира заперта.

д *Далее было*: Молю

е *Было*: сегодня

ж *Текст*: Не кричи ∾ не обижай ‹*нрзб.*› няню. — *густо зачеркнут. Читается предположительно. Вместо него было рукой А. Г. Достоевской*: Да уважай няню.

Ну, до свидания, целую тебя крепко и всех вас тысячу раз и еще раз благословляю.

Твой навсегда Ф. Достоевский.

Боюсь, ужасно устану дорогой, авось, даст бог, займу целую скамейку и буду спать в вагоне. Не забудь же швальбах.

Скажи, что детям привезу гостинцев и игрушек.

535. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 (24) июня 1874. Эмс

Эмс 15/27 среда.

Вот я и в Эмсе, голубчик дорогой Аня, приехал вчера около полудня, но до того устал с дороги и от хлопот в Эмсе, что решительно не мог вчера же вечером (как рассчитывал) написать тебе; голова кружилась, и в ушах звенело. Из Петербурга выехал я в пятницу утром в холодный дождливый день и в Эйдкунен[1] прибыл бодро и даже ночью успел проспать часа четыре в лежачем положении. Холод в Эйдкунене был еще сильнее, чем в Петербурге, и так шло до Берлина, где тоже в 1-й день было так холодно, что хотел было надеть ватное пальто. В 2-ю ночь почти не спал в вагоне. Было много интересных и даже смешных приключений в дороге, расскажу при свидании. В Берлин приехал в воскресение, и банкирская контора Мендельсона, на которую был сделан у меня от Винкена перевод, была заперта. Доктора не принимают тоже по воскресеньям, и я должен был нестерпимо скучать весь день. Спать, впрочем, не лег (приехали в 7 часов утра),[2] ходил в Королевский музеум смотреть Каульбаха, в котором нашел одну холодную аллегорию и больше ничего.[3] Но другие картины, древние, разных школ, там недурны, и мы с тобой, в первый приезд наш,[4] напрасно там не побывали. Но, боже, что это за скучный,[a] ужасный город Берлин! Скучно и тоскливо (по вас) было до невероятности. Всё смотрел на фотографию Любочки, раза три взглядывал, припоминал. — Немцы в воскресение были все на улицах и в праздничном платье, народ грубый и неотесанный. Мне в кондитерской один молодой человек советовал съездить в театр Кроля за Тиргартеном, где увеселительный сад и опера. Действительно, шел «Фиделио»,[5] и мне очень хотелось съездить, но, придя домой, до того почувствовал себя усталым, что так и свалился спать. Наутро был у Мендельсона и был у Фрерихса. Этот светило науки немецкой живет во дворце (буквально). Дожидаясь вызова, я спросил у одного ожидавшего больного, сколько платят Фрерихсу, и он ответил мне, что это неопределенно, но что он сам даст 5 та-

---

[a] *Далее было*: за

леров. Я решил дать три. Больных он держит минуты по три, много пять минут. Меня держал буквально 2 только минуты и лишь дотронулся только стетоскопом до моей груди. Затем изрек[б] одно только слово: Эмс, сел молча и написал 2 строки на клочке бумажки: «Вот вам адрес доктора в Эмсе, скажите, что от Фрерихса». Я положил три талера и ушел: было зачем ходить. В этот день были наконец открыты магазины, и я отправился покупать Анне Гавриловне шаль, которая стоила мне много хлопот. Искал-искал магазина. Магазинов в Берлине бездна, товаров бездна, но добиться долго не мог: или не понимают, или показывают очевидно не то. Наконец в одном магазине дали мне адрес в другой, и там, хоть и не было шалей, но за ними послали, и я наконец купил. Думаю, что хороша очень и даже, может быть, материя лучше твоей, потому что цвет *чернее*, самый черный, какой только может быть, а твоя ударяет в рыжеватый оттенок. Они уверяют, что качество цвета очень ценится. Велика как твоя, без всяких вышивок, но с легкой бахромой (иначе не бывает). Спросили 22 талера. Я торговался, уходил из магазина, и наконец-то согласились отдать за 19. Была тут и другая шаль, которую отдавали за 18, но цвет был не так черен. Я решился взять в отчаянии найти другую. Когда я их уверял, что была куплена шаль (твоя) с вышивками и дешевле, то они спросили, давно ли это, и когда я сказал, что 5 лет назад, то они засмеялись: «С тех пор, — сказали они, — почти все эти товары поднялись процентов на 25». Так как Анна Гавриловна дала 14 руб. серебряных, то по курсу[в] это было бы талеров 16, значит, я переплатил лишку не более 3 или много что 3½ руб. Эту переплату, голубчик Аня, уж мы лучше подарим Анне Гавриловне (они так любят тебя и детей), и ты, наверно, на меня за это не станешь сердиться. Теперь эту шаль буду таскать с собой в чемодане, потому что переслать в Россию по почте возможности нет и представить, дорого возьмут, сам привезу. Затем накупил много папирос, а так как оставалось время съездить в сад Кроля, то поехал. В этот день погода была ясная. Этот сад мерзость ужаснейшая, но публики бездна, и немцы гуляют с наслаждением. За мои 10 входных грошей я имел право пройти и в театр, но только стоять в галерее. Театр — огромная темная зала, где до 1000 человек публики, сцена в 10 шагов длины, оркестр в 12 человек (весьма недурной), и дают, можешь себе представить, — «Роберта».[6] Я прослушал половину 1-го акта и убежал от страшных немецких певцов прямо домой, ибо пора было ехать. Наконец отправились в 10 часов вечера в Эмс. Здесь ночи[г] темные, как зимой. В эту ночь не спал нисколько, сидели мы, как сельди в бочонке, но

б *Было начато*: произ‹нес›

в *Далее было*: даже

г *Было*: ночные

когда стало рассветать — Аня, милая, ничего я в жизни не видал подобного! Что Швейцария, что Вартбург (помнишь?) [7] сравнительно с этой последней половиной дороги до Эмса. Всё, что представить можно обольстительного, нежного, фантастического в пейзаже, самом очаровательном в мире; холмы, горы, замки, города, как Марбург, Лимбург с прелестными башнями в изумительном сочетании гор и долин — ничего еще я не видал в этом роде, и так мы ехали до самого Эмса в жаркое, спящее от солнца утро. Эмс совершенно в этом роде. Вчерашний же день был очарователен. Эмс — это городок в глубоком ущелье высоких холмов — этак сажень по двести и более высоты, поросших лесом. К скалам (самым живописным в мире) прислонен городок, состоящий по-настоящему из двух только набережных реки (неширокой), а шире негде и строиться, ибо давят горы. Есть променады и сады — и всё прелестно. Местоположением я очарован, но говорят, что это самое местоположение, в дождь или в хмурое небо, переменяется в мрачное и тоскливое до того, что способно в здоровом человеке родить меланхолию. Но зато удобствами я далеко не очарован. Цены, цены — ужас! Всё, что мы с тобой воображали, рассчитывая, о частной квартирке для меня в Эмсе, оказалось невозможным, ибо *частных квартир — нет* [д] совсем ни одной. Лет 5 тому назад Эмс мало значил, но теперь, когда вдруг его прославили и стали в него съезжаться со всей Европы, всякий домохозяин догадался, что надо ему делать: все дома переладили и перестроили в *отели*. И потому есть два сорта отелей: домов 10 под настоящими, формальными отелями, и затем все (буквально) остальные дома называются *приват-отелями*. В них те же номера, та же прислуга и даже почти во всех рестораны. В самом маленьком доме до 20 №-в. Номера почти все небольшие. Я остановился в Hôtel de Flandre * у железной дороги, и мне за 25 грошей дали комнатку, в которой нельзя повернуться, без самой необходимой мебели (без шкапа для платья и [е] без комода) и указали мне на стене три гвоздика, на которые я бы мог развешивать платье. Прислуга ужасная. Я тотчас отправился искать квартиру и заходил домов в 15. Везде одни цены.[8] Впрочем, за 25 грошей (меньше нет цены за комнату) и за талер показывали комнатки все-таки больше и лучше моей и комфортнее, но маленькие, и главное — кругом всё набито квартирантами, кто поет, кто хлопает дверями, а я ведь располагаю роман писать! [9] Табльдот [10] везде в отелях и ресторанах в час пополудни,[ж] ибо все встают в 6 часов утра, чтобы в 7 быть на месте, у источника, и пить воду, которую уже потом, после $8^1/_2$ часов, не дадут и источник

[д] *нет подчеркнуто тремя чертами.*
[е] *Далее было*: даже
[ж] *Далее было начато*: так
* Фламандский отель (*франц.*).

запрут. В 4 часа, еще не обедав, я пошел[з] к доктору, чтобы знать, по крайней мере, окончательно, на сколько он меня присудит недель пробыть в Эмсе. Пошел к доктору Орту (Бретцелеву), а не к Гутентагу (Фрерихсову), и отдал Орту письмо Бретцеля. Орт тоже живет в великолепной квартире, и тоже у него толпа посетителей. Он прочел Бретцелеву записку и осмотрел меня очень внимательно и сказал,[и] что у меня *временный* катар и более ничего; похожего на чахотку нет ничего, но что болезнь довольно важная, потому что без лечения чем дальше, тем менее будет способности дышать, кроме общего расстройства (желудка, лихорадок и проч.). Нашел, что у меня расстроена наиболее задняя часть груди, и когда я ему сказал, что я не чувствую ничего особенного, стоял на своем, но сказал, что с дороги я *должен* был непременно расстроиться, но что через несколько дней эта задняя сторона может облегчиться, обещал успех от лечения наверно, но предписал пить не из Кренхена, как Кошлаков, а из другого источника, Кессельбрунена, под предлогом, что я наклонен к поносу, как писал ему Бретцель. Досадую теперь ужасно, что так и забыл сказать ему, что я наклонен более к запорам, чем к поносу, и боюсь, чтобы из предписания пить кессельбрунен не вышло ошибки. Дней через 5 пойду к нему опять и объяснюсь. Он предписал мне диету — есть больше кислого и с уксусом (салату, например) и есть мясо с жиром. Сверх того, пить красное вино, или французское, или здешнее, эмское, местное. С завтрашнего дня начну вставать в 6 часов и ходить пить воду (два стакана в день). Это эмское вино, кислятина первостепенная, стоит 20 грошей бутылка! К французскому же и приступу нет: по талеру бутылка Медока, который у нас, у Фейка, в 50 коп. Затем стал искать обеда и нашел, что в больших отелях (Russischer Hof * и Englisch-отель **) есть, кроме табльдота в час, diners à part,*** но по талеру и 10 грошей, то есть по 40 грошей. Спросил такой обед: подали кушаний 10, хорошо приготовленных, из которых 5 мясных, так что я устал есть и половину обеда отослал назад. Но за 25 грошей, в табльдоте, дают меньше. Других обедов — нет во всем Эмсе. По порциям можно везде, но за порцию берут грошей по 15! Наконец я решился взять в одном доме квартиру. Хозяйка — одна старая дама в очках, имеющая, впрочем, мужа, вежливая, но хитрая старуха. Прислуга женская. У ней 26 номеров в доме. Мне показали на выбор две квартиры — одна прекрасная и большая комната, комфортно меблированная, с балконом, 14 талеров в неделю,[к] а другая квартира из

[з] *Далее было начато*: окончат‹ельно›
[и] *Было*: изрек
[к] *Было*: месяц
* Русский двор (*нем.*).
** Английский отель (*нем.*).
*** отдельные обеды (*франц.*).

2-х комнат, но уже меньше гораздо, тоже очень комфортно меблированных, но только одна комната совсем светлая, а другая, спальня, хоть и имеет 2 окна, но окна выходят на капитальную стену в 2-х аршинах расстояния, и в ней гораздо темнее, тоже 14 талеров в неделю. Я торговался ужасно и выторговал по 12 талеров в неделю. Кроме того, она взялась сама приготовлять мне кофе, обед, вечером чай и чего-нибудь *закусить* на ужин — это за полтора талера в день. Таким образом, в неделю с квартирой будет 22½ талера. Я забыл тебе сказать (и главное), что Орт назначил срок моему леченью не 6 недель, а 4 только. Таким образом, хоть деньги и идут ужасно, но их достанет. Вечером я переехал из отеля к хозяйке. На *всякий случай* тебе адресс дома [л] (Haus Blücher * № 7),** но непременно пиши только на *poste restante*, ибо почем знать, я могу съехать отсюда.

В заключение об Эмсе — здесь давка, публика со всего мира, костюмы и блеск, и все-таки одна треть №№-в не заняты. Магазины подлейшие. Хотел было купить шляпу, нашел только один магазинишко, где товар вроде как у нас на толкучем. И всё это выставлено с гордостью, цены непомерные, а купцы рыло воротят.

Ангел мой Аня, пиши ко мне, бедному, почаще. Письмо от вас придет, может, только послезавтра, а ты не поверишь, как я беспокоюсь, чтоб знать о детях. Нервы у меня расстроены (с дороги), и вчера вечером, когда я остался один, просто хоть плачь. Вспоминаю об моих ангельчиках Любе и Феде и боюсь за них: смотри за ними, голубчик, и обо всем пиши откровенно. Не заболела бы ты как-нибудь! Вчера ночью вздрагивал ужасно (а уже три ночи сряду всё ты мне снишься). Прощай, крепко обнимаю тебя и целую и благословляю моих ангелов. Завтра встану в 6 часов и пойду пить воду, ложиться, стало быть, надо в 10 часов вечера. Когда же писать роман — днем, при этаком блеске и солнце, когда манят гулять и шумят улицы? Дай бог только начать роман и наметать хоть что-нибудь. Начать — это уже половина дела. Стало быть, придется мне гораздо раньше воротиться к вам. В следующем письме напишу об этом больше. Напишу дня через три-четыре, после твоего письма. Поклон всем и няне. Целую тебя тысячу раз и люблю до бесконечности. Представь, ты мне третьего дня в Берлине снилась в каком виде: что будто мы только что женились и я везу тебя за границу и люблю ужасно, но что будто есть уже и Люба и Федя, только где-то не с нами, и мы об них говорим. До свиданья.

Твой Достоевский.

л *Было*: отеля

* Гостиница «Блюхер» (*нем.*).

** То есть я стою в № 7 (номер комнаты, а не дома) (*примеч. Достоевского*).

536. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

16 (28) июня 1874. Эмс

Воскресенье, 28/16 июня/74 Эмс.

Понять не могу, милый друг мой Аня, какая путаница в числах месяца. У нас здесь сегодня, в воскресенье, 28-го числа н‹ового› ст‹иля› (я проверил по газетам), а ты пишешь мне в воскресенье (прошлое) от 12. В прошлом моем письме (от середы из Эмса) я тоже напутал и выставил 27 нов‹ого› стил‹я›, тогда как было 25-е.[1] Но вот что уже серьезно. Первое письмо твое (от пятницы) помечено 7-м числом ст‹арого› стиля, а на конверте штемпель Старой Руссы 10-м, а петербургский 11-м. Это странно. Если ты подала в пятницу или даже в субботу, то как же мог ваш почтмейстер отослать письмо только лишь 10-го числа.[2] Поговори об этом почтмейстеру настоятельно.* И представь себе, твое первое письмо, от 7-го (кстати: выставляя на письмах числа, выставляй и день, не забудь это), — получил я только вчера, *в субботу*, тогда как я мог получить в пятницу,[а] потому что здешний олух чиновник на poste restante, несмотря на то, что я уже раз 5 приходил спрашивать, воображал, что я не Dostoievsky, а Tostoevsky, и смотрел письма в отделе буквы T, так что письмо целые сутки у него пролежало даром. Они ужасно выговаривают и преглупо слушают. Один немец мне в дороге говорил: упа, упа. Что такое упа? — спросил я его, и наконец-то оказалось, что упа есть опера (он говорил со мной музыке). Сегодня почтмейстер очень извинялся, но зато я получил и второе твое письмо сегодня. Милочка Анечка, благодарю тебя за то, что ты пишешь аккуратно. Пиши, пожалуйста, почаще, чем раз в неделю, пиши раз в 5 дней; та́к и я буду писать. Твоими же письмами я любуюсь и читаю их с наслаждением и говорю про себя каждый раз: какая она у меня умница. Я, например, пишу 8 страниц и всего не выскажу, а у тебя на 4-х всё прекрасно высказано, всё что надо, дельно, толково, ничего лишнего, ум в понимании, что именно надо сказать непременно, и тонкость чувства. Ты именно догадалась, что мне очень будет приятно читать про разговоры детей. Кроме того, ты мне пишешь милые слова и говоришь, что любишь (если не обманываешь). А уж я-то как тебя люблю, мой ангел, *особенно теперь*. Дорогая ты моя.

Как я рад, что пока дети здоровы. Правда, твое письмо неделю назад писано. Береги их, ради Христа, изо всех сил. Великолепно сделаешь, если попьешь швальбах, и я рад отзыву Шенка о твоем здоровье. Но всего больше буду рад, когда опять вас увижу. А то мне здесь очень уж становится скучно. На дру-

---

[а] *Далее было*: тогда

* Я, пожалуй, пришлю конверт для улики (*примеч. Достоевского*).

гой день после того как писал тебе (то есть в четверг), пошел в 1-й раз на источник. Он от меня в 2-х шагах. Погода была ужасная, и дождь лил как из ведра, так что я взял у хозяйки зонтик, чтоб добежать. Там уж был весь сброд. Весь Эмс просыпается в 6 часов утра (я тоже), и тысячи 2 пьющих все уже толпятся в $^{1}/_{2}$7-го у двух источников: Кренхен и Кессельбрунен. Тут же в саду играет музыка и начинает обыкновенно с скучнейшего лютеранского гимна к богу; ничего не знаю приторнее и выделаннее. Каждый пьющий должен купить здесь себе стакан на весь сезон, на котором черточками обозначено число унций в стакане. Я пью 6 унций, по два стакана и гуляю между двумя стаканами час, а в 8 возвращаюсь к себе и пью кофе. Вкус кисло-соленый и отзывается несколько тухлым яйцом, вода теплая, как отеплевший в стакане после 10 минут чай. Целых два дня (даже и вчера) погода была переменная, то дождь, то солнце, и так было скучно, как не надо больше. От сырости, должно быть, состояние мое ухудшилось, хрип сильнее, и кашель стал суше, а вчера и третьего дня болела даже грудь, что очень редко бывало в Петербурге. Пойду к доктору дня через два и объясню ему, что мне даже стало хуже. Правда, так скоро ничего еще и не могло сказаться, но полагаю, что я в сырость простудился. Сегодня же великолепный день, солнце, и всё сияет, и ужасно жарко, и мне лучше гораздо. Я всё боюсь, что доктор ошибся, назначив мне кессельбрунен, а не кренхен. Бретцель написал ему, что я подвержен поносам. Но поносы хоть и были, но от расстройства желудка, главное же состояние мое, напротив, не понос, а противоположное. Что-то будет, не знаю.

В ясное время хожу гулять, а вечером на музыку. В воксале из русских газет всего одни «Москов‹ские› ведомости», из французских довольно. Всё здесь мизерно и жалко, магазины прескверные. Одно местоположение лишь прелестно, но всего лишь на одну минуту, потому что Эмс есть — тесное ущелье между двумя цепями гор, и весь он узнается в одну минуту. Сад и парк я знаю уже вдоль и поперек, а затем уже и некуда ходить. К тому же вечно толпы публики (множество русского говору, но более всего немцев). После кофе утром я что-нибудь делаю; до сих пор читал только Пушкина и упивался восторгом, каждый день нахожу что-нибудь новое. Но сам зато не могу еще ничего скомпоновать из романа.[3] Боюсь, не отбила ли у меня падучая не только память, но и воображенье. Грустная мысль приходит в голову: что, если я уже не способен больше писать. А впрочем, посмотрим.

В 12 часов выхожу погулять час перед обедом (ибо обедаю ровно в час пополудни). Толкаюсь в толпе, захожу в курзал читать газеты. Знакомых у меня один только какой-то немец, приехавший со мной в одном вагоне сюда из Берлина лечиться (грудной) и нежно (в хорошем смысле) прощавшийся с женой

(оба они молодые) на моих глазах в берлинском воксале перед последним свистком машины. Мы с ним иногда теперь встречаемся и говорим по-немецки. Да встретил я, или, лучше сказать, подошел ко мне в саду (потому что сам никого не узнаю) Случевский (литератор, служит в цензуре, редактирует «Иллюстрацию»)[4] и с радостью возобновил со мной знакомство. Я его мельком встречал зимой в Петербурге.[5] Он еще человек молодой, здесь с женой и детьми. Напросился ко мне на визит, не знаю, придет ли. Это — характер петербургский, светский человек, как все цензора, с претензиями на высшее общество, малопонимающий во всем, довольно добродушный и довольно самолюбивый. Очень порядочные манеры. Он мне показал на гулянье всех здешних русских. С женой он почему-то никогда не гуляет, но, кажется, детей своих любит. Третьего дня вечером, в довольно сырую погоду, после унявшегося дождя встретил я его с одним русским семейством, и он упросил меня с ними идти. Мне так было скучно, что я пошел. Дама — директриса института в Новочеркасске, лет сорока, а кажется 25, с ней дочка-молчанка, лет 15, но очень хорошенькая. При них же родственник или знакомый, довольно оригинальный и несколько смешной человек. Мы сделали прогулку, по сырой дороге, недалеко в горы, до первого ресторана, отдохнули, выпили Maytrank и ушли назад. Эта барыня навела на меня такую тоску, что я буду теперь решительно бегать от всех русских. Дура, каких свет не производил. Космополитка и атеистка, обожает царя, но презирает отечество. Детей воспитала в Дрездене, и они два месяца назад тому оба померли в России, осталась одна последняя дочь. Вероятно, с горя отправилась в Париж (это у них служба называется, по 4 месяца отпуску за границей, с пособием от казны!). В Париже ни с того ни с сего вырвала у дантиста великолепный зуб, который не болел, но ей почему-то мешал (у ней зубы, как перлы, и сама очень собой недурна). Дантист ее хлороформировал и *сломал ей челюсть* (!). Другой знаменитый дантист в Париже сказал ей, что она может получить костоеду и погибнуть, и она теперь опять должна ехать в Париж лечить изломанную челюсть. Теперь же приехала в Эмс неизвестно зачем, и вообще все эти люди делают неизвестно что, ездят неизвестно зачем.[6] Болтушка и спорщица. Я сказал ей прямо, что она несносна и ничего не понимает, разумеется, смеясь и светским образом, но очень серьезно. Расстались мы вежливо, но уже никогда не встречусь с ними. А ночью у меня был даже кошмар.

Таким образом, у меня тоска чрезвычайная. Не понимаю, как проживу здесь месяц. Авось что-нибудь скомпоную и сяду работать. Живу же пока, в материальном отношении, довольно удобно: хозяева вежливы, кормят меня недурно. Весь дом (каменный и красивый, теперь имеющий большую ценность) принадлежит хозяйке, и она же мне стряпает *сама* кушанье. Дочка ее, лет 17, хорошенькая собой и получившая некоторое воспита-

ние, скромная и невинная, носит иногда ко мне обед и чай *сама* и даже прибирает и моет в доме. Служанка на всех 12 или 15 жильцов *одна* — рябая девка Мина, лет 35, работает как вол и получает жалованья, с марта по октябрь, всего 7 талеров, то есть по талеру в месяц: правда, весь расчет ее на пурбуар [7] от жильцов. Вообще в доме порядочность. Во всем 2-м этаже я был один, но вчера приехали какие-то богачи из Вены (муж и жена) и заняли весь этаж, так что у меня очутились соседи и теперь немного возятся за дверью и мне мешают. Ну вот пока и всё касательно моей обстановки. Нравственное состояние, как я уже и писал тебе, — тоска и скука, и, кроме того, думаю о тебе поминутно. Анька, я тоскую о тебе мучительно! Днем перебираю в уме все твои хорошие качества и люблю тебя ужасно, и нахожу, что всем бы ты взяла, кроме одного твоего маленького недостатка — рассеянности и домашней небрежности (то есть не к детям небрежности, я ведь понимаю, какая ты мать!), а просто маленького неряшества. Зато остальное всё в моей Анечке признаю совершенством и редкостью. Голубчик, я ни одной женщины не знаю равной тебе. Ну вот эта третьегодишняя дура, ну как и сравнить с тобой, а ведь почти все теперь как эта дура. Зато вечером и ложась спать (это между нами) думаю о тебе уже с мученьем, обнимаю тебя мысленно и целую в воображении *всю* (понимаешь?). Да, Аня, к тоске моего уединения недоставало только этого мученья; должен жить без тебя и мучиться. Ты мне снишься обольстительно; видишь ли меня-то во сне? Аня, это очень серьезно в моем положении, если б это была шутка, я б тебе не писал. Ты [6] говорила, что я, пожалуй, пущусь за другими женщинами здесь за границей. Друг мой, я на опыте теперь изведал, что и вообразить не могу другой, кроме тебя. Не надо мне совсем других, мне тебя надо, вот что я говорю себе каждодневно. Слишком привык к тебе и слишком стал семьянином. Старое всё прошло. Да и нет *в этом отношении* ничего лучше моей Анечки. Не прюдствуй,[8] читая это; это ты должна знать от меня. Надеюсь, что письмо это никому не покажешь.

Про детишек пиши всё и именно, что они говорят и делают. Целуй Любку и Федю. Скажи, что я об них думаю, приеду к ним и привезу гостинцев (привезу ли только гостинцев-то!). Всем кланяйся. Обнимаю тебя еще раз.

Твой вечный муж Дост<оевский>.[9]

Я тебя *истинно* люблю и молюсь за вас всех каждый день горячо. Детей благословляю.

Вчера вечером, на гулянье, в первый раз встретил императора Вильгельма: высокого роста, важного вида старик. Здесь все встают (и дамы), снимают шляпы и кланяются; он же пи-

---

6 *Далее было начато*: боял<ась>

кому не кланяется, иногда лишь махнет рукой. Наш царь, напротив, всем здесь кланялся,[10] и немцы очень это ценили.[в] Мне рассказывали, что и немцы и русские (особенно дамы высшего нашего света) так и норовили, чтоб как-нибудь попасться на дороге царю и перед ним присесть. Русских было тогда в Эмсе еще больше, теперь же главный русский beau monde * уехал. Вильгельм шел, разговаривая с одной девицей, а мать ее и отец следовали в двух шагах сзади. Девушка с лица похожа на горничную, крупные молодые черты, но очень недурна, немка, из grand monde.** Одеты великолепно мать и дочь. Дойдя до места, император с ними простился, и они обе присели важно, по-придворному, и, гордые и осчастливленные, уехали в великолепной коляске. Сзади в 10 шагах, пока шел Вильгельм с девицей, валила (буквально) толпа всех здешних дам, иные все в кружевах, как на бале. То-то, должно быть, завидовали!

Отцу Иоанну и хозяевам [11] особый поклон. Детишек обнимаю. Говори им обо мне почаще, чтоб не забыли меня.

Напиши мне, которого *именно* числа Федино рождение в июле,[12] чтоб я без ошибки мог отпраздновать.

P. S. Когда-то теперь получу от тебя письмо — бог ведает! Сам напишу дней через 5. В этот промежуток буду у доктора.

Главное, будь здорова. Береги деток.

Д.

[в] немцы ∾ ценили *вписано*.
* высший свет (*франц.*).
** большого света (*франц.*).

537. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23 июня (5 июля)—24 июня (6 июля) 1874. Эмс

Воскресенье 5 июля н‹ового› ст‹иля›. Эмс.

Милая Аня, я удивляюсь твоему молчанью. Вот уже опять воскресенье, а от тебя нет ничего. Если б ты даже ждала моих писем, чтоб отвечать, так и тогда слишком пора бы прийти твоему ответу, а хоть одно-то из моих писем отсюда ты наверно уж получила. Но ты, *во всяком случае*, обещалась писать по воскресеньям, и если так, то письмо твое должно бы прийти еще третьего дня, в пятницу.[1] Пишу теперь еще, не дождавшись от тебя ничего, и если получу от тебя завтра, рано утром, что-нибудь, то припишу что-нибудь в этом письме. Не то так и так пойдет. Если тебя так утомляет переписка со мною, то прошу лишь хоть одну страницу простого известия о детях и [а] о твоем

[а] *Было*: или

здоровье, но с тем, чтоб писать каждые пять дней. Целую неделю ждать — слишком долго. А теперь уж и не неделю жду с последнего письма: вот уж девятый день идет, а пожалуй, и десять пройдет.[6]

Уведомляю о себе: леченье мое идет аккуратно, но пользы пока никакой. Даже, напротив, больше кашляю и больше мокроты, чем прошлым летом. Писал ли я тебе, что доктор переменил мне наконец кессельбрунен на кренхен, и по 3 стакана в день, а не два? Кренхен, чувствую, действует капельку лучше; но я решительно почувствовал наконец (да и другие больные убедили меня), что с молоком кренхен лучше действует и на желудок, и на сухость кашля. Кроме того, трех стаканов мне мало: после утреннего приема трех стаканов мне с 7 часов утра до 4-х пополудни — легче, а с 4-х и во всю ночь труднее. Я решился наконец идти к доктору и настоятельно просить, чтоб разрешил с молоком и еще вечерний прием кренхена в 4 часа, по примеру других больных. Был у него с этою целью вчера, и наконец-то он разрешил и молоко, и еще 2 стакана по вечерам. Таким образом, кончилось же тем, как предписывал Кошлаков. Орт единственно потому, что я, две недели тому, сказал ему о предписании Кошлакова пить кренхен с молоком, переменил кренхен на кессельбрунен и запретил молоко, то есть из самолюбия. Но таковы все они, мошенники. Я же если не потерял совсем, так испортил себе целые две недели лечения. Предвижу, что, может быть, придется остаться здесь лишнюю неделю, потому что всё еще имею надежду (и даже сильную), что кренхен мне поможет. Узнав, что у меня начала болеть немного печень и иногда желтеет язык, Орт с какою-то радостью объявил мне, что это — самый ясный и первый признак хорошего действия вод и что начинается оно всегда с болей печени. Ну вот и всё о моем лечении.[2] Скука моего житья здесь нестерпимая. Несмотря на то, что начал работать (увы, только еще над планом, да и тот не дается),[3] не знаю, куда деваться от тоски. Кое-что читаю, но это мало. Между тем всё здесь дорого очень, и деньги идут. Мало с кем вижусь. Меня уведомили, что княжна Шаликова меня отыскивает вот уже неделю и очень хочет меня видеть. Чтоб не быть невежливым, я зашел к ней, не застал дома и оставил карточку. Вчера она сама наконец пришла ко мне утром: ужасно постарела и поседела (кажется на вид лет 50), больна, кашляет, но добрая и милая старая девица. Сидела у меня час и звала проехаться с какими-то ее знакомыми на Рейн ($^1/_4$ часа езды в вагоне) в замок Штольценфельс. Не знаю, поеду ли. — Погода здесь теперь жаркая, но были ветры и дожди, да и теперь переменно: один день 25 градусов в тени, а на другой день только 15, и довольно часто утренние туманы. Ну вот тебе реляция обо мне формальная; внутреннего

---

6 *Было*: будет

и существенного не описываю, ибо, кажется, вижу, милая Аня, что это лишнее.

Еще раз прошу и умоляю тебя: пиши мне в каждые 5 дней по разу, ну по 12 строчек, вроде телеграммы о здоровье детей и своем. Ты поверить не можешь, как я беспокоюсь о детях и мучусь от того. Теперь, не получая писем, только о них и думаю. Если до вторника, то есть до послезавтра, ничего не получу, то пошлю телеграмму на имя Александра Карловича.

До свидания. Благословляю детей, а тебя целую. Кланяйся от меня всем. Няне поклон.

Твой Ф. Достоевский.

Понедельник 6 июля.

Сегодня, в 8 часов утра, получил наконец твое милое письмецо, бесценная моя Аня, поцеловал его и тем помирился с тобою, а то, признаюсь, очень уже сердился; да и грустно, обидно как-то было. Как я рад, что вы все здоровы; как будто оживешь после этого известия, и всё просияет кругом. Буквально говорю. Еще раз прошу тебя, милая Анечка, пиши мне каждые пять дней, хоть понемногу (но побольше 12 строк!), все-таки буду веселее и спокойнее за вас. А то слишком уж письма редки, и тяжело. Теперь ты, я думаю, давно уже получила и 2-е письмо мое из Эмса. Это третье. — Вчера в 3-м часу княжна Шаликова вдруг прислала за мной ехать с ними в Штольценфельс гулять, так как я дал слово. Хоть я и очень дурно был настроен, но нечего делать, поехал. Это $^1/_4$ часа езды, на Рейне, при впадении в Рейн нашей речонки Лана, при которой стоит Эмс (Lahn). Вид удивительный. Замок по другую сторону Рейна, куда перевоз на лодке. Это старый замок средних веков, но лет 25 тому назад развалины (хорошо, впрочем, сохранившиеся) были реставрированы заново для нашей покойной императрицы Александры Федоровны, которая здесь несколько времени[в] прожила. Мы осмотрели весь замок, гуляли, пили кофей и любовались заходящим солнцем на Рейне, который очень хорош. Я провел время ни скучно, ни хорошо в этой дамской компании. Была одна знакомая княжны, с которой она живет и которая сама жила некоторое время у Каткова. Она вдова, лет уже 40, болезненная, когда-то была хороша собою. Моя почитательница. Когда княжна, до того как мне сделала визит, отыскивала меня на музыке или у источника, стараясь узнать по лицу, то она говорила княжне поминутно: «Всматривайтесь, и чуть найдете человека с самым *глубоким взглядом*, таким, какого ни у кого нет, то смело подходите, это он».[4] Она меня видела когда-то у Каткова. Потом была одна мать с дочерью, тоже директриса одной московской женской гимназии.

[в] *Было*: дней

Эта директриса уже не похожа на новочеркасскую, преумная женщина, только уж очень больна, почти совсем без легких. Дочка ее, лет 17, бойкая барышня, собой недурна. Но княжна-старушка мне решительно нравится: простодушие, наивность, правдивость и редкая, почти детская веселость. Маленькая, седенькая, одетая слишком скромно, но чрезвычайно хорошего тона в высшем смысле слова. Всю-то Европу она искрестила, везде была, все первейшие писатели английские и французские с ней знакомы лично. Но главное в ней чувствительность, которая даже и насмешка, и самая ясная веселость. Очень что-то тоже кашляет. Они мне много насказали полезных советов насчет приема вод, главное насчет диеты, и я очень рад, что их выслушал, потому что я-таки делал промахи. Голубчик Аня, ты пишешь, что начала пить воду и не надеешься на пользу: в этом ты глубоко ошибаешься. Увидишь. Я целых две недели третировал кренхен свысока, а теперь сильно начал надеяться, ибо почему-то *предчувствую*, что будет польза. Рад кренхену с молоком и то, что почти удвоена прежняя порция. Встаю, например, в 6 часов с хрипом и кашлем. Пока одеваюсь, хрип и кашель меня мучают. Ровно в 7 часов я на месте и пью первый стакан. И что же, после 3-х стаканов, до самого вечера, мне легче, хрип исчезает, кашель тоже, и воздуху для груди точно прибавилось. Но главное действие впереди, внутреннее, химическое на весь организм. Так и будет с тобою, может быть, даже и неприметно тебе самой. Всю зиму будешь говорить, что никакой пользы не было, а между тем в постель не сляжешь; а почем ты знаешь, если б не пила вод, то, может быть, и слегла бы. Не жалуйся на то, что кофей не пьешь. Это я знаю, тяжело отвыкать от привычек. К тому же я слышал, что не только кренхен, но и при приеме всяких вод тоже *сначала* вызывается желчь и начинается раздражение нервов. Не от того ли у тебя и аппетита меньше, не от начала ли действия вод? От желчи будешь немного раздражительна. — Аппетит у меня прекрасный, и мне все говорят, что при водах это превосходный признак. Благодарю тебя за известия о детях и об их словечках и поступках. Это меня ужасно радует, занимает и веселит. Анекдот Феди с мужиком слишком примечателен как пророчество будущему характеру: решимость, доверчивость, и что он не оглянулся на вас, так тут нельзя винить сердце. Он еще и не знает этих требований и даже наверно не понимал, что с вами расстался. Если б оставить его с мужиком дольше, то наверно бы спросил его: «Где няня?» [5] Крепко целуй Любку, и, ради бога, поменьше с нею умственных занятий, не торопись; дай ей тельце свое поправить в запас на всю зиму. Как я рад, что у вас погода хорошая. Как бы здесь, за границей где-нибудь, дети поправились! Но в Эмсе климат странный. Сегодня, например, солнце, барометр превосходный, в полдень, судя по-вчерашнему и по всему, наверно будет 24 градуса реом‹юра› в тени. Вооб-

рази же, что в 7 часов утра этот же термометр в тени показывал лишь 11 реомюра. 11 градусов и 25 через несколько часов — какие крутые перевороты! Как не простудиться нечаянно. Это от того, что ущелье, ночью влажно и вдруг в ущелье завязнет какое-нибудь облако: вот и 11 градусов! Вчера же утром в 7 часов было 18 в тени, то есть облаку не угодно было переночевать в Эмсе.

Мне довольно спокойно на квартире. Рядом со мною во всем этаже (бельэтаж) только одни жильцы — муж с женой из Вены, богачи и занимают одни 4 великолепные комнаты. Но вчера у них был первый еженедельный платеж хозяйке, и они крепко-таки поспорили с нею за ужасный счет, который она им представила. Такой же счет представила она и мне; я крепко спорил и хоть два только талера, да отспорил у ней! Аня, работа моя туго подвигается, и я мучусь над планом. Обилие плана — вот главный недостаток. Когда рассмотрел его в целом, то вижу, что в нем соединились 4 романа.[6] Страхов всегда видел в этом мой недостаток.[7] Но еще время есть. Авось управлюсь. Главное план, а работа самая легче. Аня, голубчик, главная работа моя, разумеется и во всяком случае, будет осенью. Ужасно смущает меня мысль ежедневная: как-то мы устроимся осенью и на какие средства! (У Некрасова просить еще *не-воз-можно*;[8] да и наверно *не даст*. Это не Катков, а ярославец.) Но бог выручал нас доселе, а бывали времена и хуже. — Не пугай меня пророчествами железного характера, Анечка. Это всё, что есть в тебе худого. Твой характер натуральный — это простой и ангельский — вот что.

Крепко целую тебя, а насчет непристойных снов, то, голубчик мой, если б ты только знала, какие я вижу! Даме, впрочем, это не так прилично. Ничего, ничего — молчанье![9] Напротив, я очень рад и целую тебя страстно *всю*.

До свидания. Пиши чаще. Детей перецелуй. Напоминай им обо мне. Мне чаще пиши. Всем кланяйся, кроме соборного протопопа.[10] А впрочем, и ему.

Твой весь Ф. Достоевский.

538. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

28 июня (10 июля) 1874. Эмс

Эмс. Пятница, 10 июля нового стиля/28 июня.

Вчера 9-го/27 получил твое бесценное послание, ангел мой Анечка, и оно меня чрезвычайно утешило. Получил я его в 8 часов утра, идя от источника, а как раз в ту ночь, ровно в полночь, был у меня во сне припадок, который чрезвычайно расстроил меня, до того, что я уж вчера и не отвечал тебе: бук-

вально не мог; да и теперь, хоть хожу, говорю, а писать очень трудно, всё болит, и в голове каша, и грустно. Впрочем, ты ведь знаешь. Припадок был в постели и *без последствий*, и никто не слыхал его. Полагаю, что не из самых сильных. Зато, думаю, что теперь на некоторое время отделался. У меня и в Петербурге после припадка происходило обыкновенно весьма сильное скопление мокроты в груди и кашель усиливался, дня на три. Так и здесь; но, кажется, кренхен оказывает некоторые успехи: все-таки меньше и мокроты, и кашля, и легче дышать, и не ноет по ночам в груди. Полагаю теперь наверно, что хоть какая-нибудь польза от моего здешнего лечения останется. Но не надеюсь очень большой пользы. Не знаю только, как устроится всё дело: я пью кренхен вот уже 2 недели, и то первую неделю пил всего только по три стакана без молока. Через 11 дней будет ровно месяц моему здешнему питью вод. И, однако же, неделю я пил кессельбрунен, совсем другой источник, а это в счет, по-моему, не должно идти. Кошлаков же приказывал кренхен с молоком пить 6 недель. Итак, очень думаю, что если пойдет леченье на лад, то доктор оставит меня еще хоть на неделю пить кренхен. Ну, а если на две? Ведь придется остаться, хотя это было бы мне ужасно тяжело: скука терзает меня, изгрызла меня в этой скверной дыре. Что за публика, что за рожи! Какие подлейшие немцы! Немцы «с вывертом». Русских здесь наполовину, про них и говорить нечего; всегда грустно смотреть на русских, толкающихся за границей; бессодержательность, пустота, праздность и самодовольство во всех возможных отношениях. Не глядел бы на них, но здесь и гулять негде: или толкись на пространстве, весьма тесном для такой публики, или уходи в горы, но дальше, потому что ближайшие тропинки все полны. А дальше идти нельзя; мне сказали, что с моею грудью положительно вредно уходить далеко по горной дороге, ибо слишком большое усилие надо делать, чтоб взбираться туда. А в довершение счастья у нас жара собачья: вот уже дней пять 26 и 27 град‹усов› в тени реомюра. Я, как во Флоренции, меняю по три рубахи в день.[1] Но во Флоренции хоть вечером-то можно было выйти, а здесь в половину уже 8-го все больные уходят домой, а гуляют только здоровые, которых много и которые черт знает зачем сюда наехали. Чуть зайдет солнце за горы (смеркается рано, в 9 часов почти ночь), то сейчас же начинается сырость. Да и днем, когда кругом точно печка, нет-нет да вдруг и потянет прескверный, свежий ветерок, но вовсе уж не целительный, а губительный, точно сквозной. Все эти тысячи людей ходят в совершенно летних костюмах; один только я, хоть и в летнем[a] жилете, но в зимнем пиджаке и потею ужасно. Сшить же платье из коломянки не решаюсь: во-1-х, просят нестерпимо дорого, а во-вторых, приехав сюда, я заказал

---

[a] *Было*: зимнем

белый жилет портному, которого мне указали как лучшего. Что ж, он только 3-го дня (то есть с лишком две недели спустя) доставил его, несмотря на то, что я заходил каждый день. Сверх того короток, морщит и матерья подлейшая (пике). Я заплатил деньги, три талера, но носить вряд ли буду. Итак, можно ли здесь заказывать? Во всем Эмсе только 2 портных, что тут делать. Мне надо было помады купить после ванны, и француженка запросила с меня 2 талера за помаду. Я стал браниться и торговаться, и она уступила за талер.

Свинское, подлое место, подлее которого нет на свете!

Здесь есть с которыми я раскланиваюсь из русских, из тех, которые, увидя вас, вечно подходят рекомендоваться. Один из них (держит себя большим джентльменом) уверяет, что встречал меня у Полонского. Сюда приезжает по понедельникам висбаденский поп Тачалов, заносчивая скотина, но я его осадил, и он тотчас пропал. Интриган и мерзавец. Сейчас и Христа, и всё продаст. Ерник дрезденский поп кричит всем, что он пражскую церковь построил, а Тачалов хочет выказаться, что это он обращает старокатоликов. И ведь удастся каналье, уверит, тогда как глуп как бревно и срамит нашу церковь своим невежеством перед иностранцами. Но в невежестве все они один другому не уступят.

Твое письмецо и рассказы твои о детках меня оживили; я был в таком грустном настроении после припадка, а оно как раз и пришло. Пиши, ангел мой, почаще, мне очень тяжело. Перечитал письмо раза четыре. Спасибо, что меня любишь, я тебе верю, и это одно меня здесь поддерживает. Про деток рассказывал вчера княжне Шаликовой. Она вчера уехала в Рейхенгалль, в баварский Тироль. Это прелестная, хотя отчасти и комическая старенькая старушка, слишком чувствительная, слишком восторженная, но и истинно добрая. Она ужасно просила меня познакомить ее с тобою, если она приедет зимой в Петербург. Это будет хорошо, потому что она совсем нескучна. — Работы мои па время припадка (дня 4) совсем оставил. Не могу совсем. Не хотел бы еще с кем-нибудь знакомиться, и потому постараюсь сидеть больше дома, да и ноги болят, и голова тоже. Хозяйка то и дело что приписывает мне на счете и кормить начинает хуже. В эту жару у меня и аппетит стал хуже, и желчи больше. А здесь аппетит дело важное: главнейший [6] признак, что воды действуют. — Милая Анечка, ну вдруг случится, что, видя хорошее действие вод, доктор усадит меня недели на 2 лишних (а если в самом деле будет польза, как же можно мне бросать дело и бежать?). Тогда ведь тебе придется, пожалуй (хотя не думаю), одной переправляться в Петербург из Руссы. Впрочем, повторяю, не думаю, чтоб так было, и время все-таки будет мне к вам явиться. Напишу тебе еще дней че-

---

[6] *Было*: первый

рез 5. Пиши тоже. Здесь почти нет никаких русских газет. «Московск‹ие› ведомости», да и те вот уже больше недели как не приходят! — Обнимаю тебя тысячу раз; ты одна у меня в сердце, и в душе, и во сне. Деток милых благословляю и целую. Каждый день по нескольку раз вспоминаю их милые личики. Скажи им, что я их целую, и говори с ними обо мне почаще. Пей воду и старайся поправиться. Совещайся с доктором когда надо, не скупись. Чуть что у вас случится, или, не дай бог, сама заболеешь — сейчас же извести. До свидания, больше решительно написать не могу, механически не могу; голова кружится, и всё болит (после припадка). Сидишь дома без движения, в тени, и то потеешь. Ночью сегодня я пять раз переменил рубашку. Обнимаю тебя тысячу раз.

Твой весь тебя одну любящий сердечно и всегда твой муж

Ф. Достоевский.

Всем нашим кланяйся, а деток поцелуй лишний раз от меня. Тебя целую 15 000 разов, и всё не будет лишнее, напротив, будет совсем не лишнее.

539. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

1 (13) июля 1874. Эмс

Понедельник, 1/13 июля. Эмс.

Сегодня 6-й день моему припадку,[1] голубчик Аня, и в голове у меня хоть несколько прочистилось (хотя далеко не совсем), и потому мне вздумалось написать тебе, чтоб подать тебе пример писать через 5 дней, хотя от тебя и не получил еще письма после того, о получении которого уже писал тебе. Но я и не рассчитывал получить; думаю только, что ты послушаешься меня и, по моим последним просьбам, станешь писать каждые пять дней. — Княжна Шаликова рассказывала мне, что Катков, когда уезжает из Москвы, пишет жене своей *каждый* день по письму. (Княжна давно уже уехала, еще в среду.) — Со мной случилась здесь маленькая история: я принужден был переменить квартиру. Рядом с моими двумя комнатами нанимали 3 комнаты какие-то богачи из Вены, муж и жена, пробыли недели 2 и уехали. В то же утро приезжает из Вены какой-то австрийский граф с лакеем и говорит, что ему надо все 5 комнат этажа (то есть и мои), а то ему некуда девать своего лакея. Хозяйка приходит ко мне и начинает умолять, сложа ладони, чтоб я уступил графу мои две комнаты, а сам перебрался бы в верхний этаж, где тоже две комнаты, и отдает она их мне с уступкой, то есть не по двенадцати, а по 8 талеров в неделю. Я увидел, что мне нельзя не перебраться, ибо наживу в хозяевах врагов, а они уж и без того начали меня скверно кормить и ужасно об-

считывать. Комнаты оказались ужасно низенькие и душные, а весь этаж полон самыми мелкими жильцами из немцев, хохочущими, топочущими, поющими и кричащими, безо всякой деликатности, как настоящие грубые немцы. На другой же день я приискал квартиру, и как раз чрезвычайно удачно, — тоже очень близко от источника, тоже privat-hotel, тоже 12 талеров в неделю и в бельэтаже, но комнаты еще лучше и удобнее меблированы, больше, выше и сверх того с балконом. Обедать я буду в ресторане за 20 грошей, но прежняя хозяйка, бравшая с меня тоже 20 грошей (а когда и 25), давала мне *вдвое* хуже и беднее кушание. Здесь утренняя порция кофе 8 грошей, а у той хозяйки 12 грошей (а прежде ставила и 15). Ужин, то есть котлетка и чай с печеньем (собственно, чай мой), здесь 10 грошей, а у прежней хозяйки 15, — так что я даже выиграл. Кроме того, та брала по талеру в неделю за прислугу, а здесь прислуга вместе с квартирой. По крайней мере, не будут меня так нагло грабить, как грабили в той квартире.

Таким образом, вторую половину моего здешнего бытья пробуду я на другой квартире.[2] Не знаю только, сколько еще придется мне здесь остаться, и рассчитываю, что дней 12, не более, от сего дня. Здесь некоторые опытные больные (н‹а›пример), Кублицкий, посещающий Эмс уже 20 лет) уверяют, что важное тоже дело *не перепить* вод лишнего, потому что это только ко вреду будет. Кошлаков говорил: 6 недель, но таких сроков здесь не знают, и *никто* долее 28 дней не лечится. Это maximum, но остаются и гораздо менее. Моя 1-я здесь неделя, когда я пил кессельбрунен и держал ошибочную диету, не может идти в счет. Вообще дней 12 останусь, но никак не более, а там что скажет доктор. Нельзя, чтобы не вышло пользы. Все больные говорят, что *главная* польза оказывается впоследствии (то есть уже зимой), но такое мнение, по-моему, только райские песни. Положительного же я заметил над собою, что, особенно в последнюю неделю, не так задыхаюсь, как в Петербурге, не ударяет кровь в голову, когда кашляю, и, наконец, что почти совсем не бывает сухого кашля (то есть кашляешь-кашляешь и не можешь откашляться, как в Петербурге). Но взамен того — все-таки кашляю; чуть сырость — тотчас же накопляется мокрота, и даже в очень сырые ночи, хоть и не очень, но пенье в груди по-прежнему. Обескураживает меня то, что если есть облегчение действительно (а оно есть), то единственно после приема воды, а чуть перестану пить, и начнется опять по-зимнему. А впрочем, и в сжатом воздухе так же было: чуть перестал лечиться, и началось хуже, хотя уже *не возвращаюсь к тому состоянию*, в котором был до лечения. В этом действительно помог и сжатый воздух.[3] Здесь вообще чувствую, что как будто мне больше воздуху дышать. Но что за подлый здесь воздух! Веришь ли, Аня, я считаю Эмс даже хуже Петербурга по климату. Последние 8 дней была каникулярная жара (26 в тени).

Но это равняется по мучению 37 флорентинским (помнишь?).[4] Здесь мне открыли старожилы, н‹а›прим‹ер›, вот какое свойство Эмса: чуть упадет ветер, и хоть даже всего только 20 град‹усов›, но все начинают потеть, все мокрые. Я в эти 8 дней 26 град‹усные› переменял по 4 рубахи в ночь. Но то скверно, что вдруг всё стоит не шелохнется, воздух недвижим, и вдруг потянет откуда-то (из ущелья) буквально *ледяной* струей, — ну и простужаются. Насморк здесь вещь самая обыкновенная. В эти дни, просыпаясь в 6 часов, я недоумевал каждый раз, смотря в окно, в чем выйду? — весь укутанный или налегке, потому что туман, целое облако, мрак и сырость, через полчаса всё расходится, и опять блеск. Вчера и третьего дня были дожди и много туману, и мне было хуже. Но всего больше потел я потому, что всё ходил в моем драповом пиджаке, хоть и в белом жилете. Мне сказали, что я непременно простужусь окончательно, если не заведу летнего платья из коломянки, и я принужден был заказать за 17 талеров. Сегодня будет готово, но цвет и выбор мне не нравится, да и матерья не английская, а здешняя. Одним словом, здесь всё *ужас* как дорого. Жилет мой белый, от другого портного (3 талера), нельзя носить. Я купил еще шляпу еще [a] как приехал, 2 талера, — эта вышла недурная. Одним словом, милая моя Анечка, я предчувствую, что ты, читая письмо это, обвинишь меня в эгоизме: «Всё об себе да об себе!» А ты не поверишь, друг мой бесценный, как мне тяжело без вас! Здесь много детей; чуть услышу детский голос, и у меня захолонет на сердце. Вчера к вечеру, перетащившись на новое место, только и думал что о тебе да об детках. Так грустно стало вечером. Жду с нетерпением письма от тебя, рассчитываю, что получу в среду. Пиши больше об детках. Я прочел рассказ об мужике и Феде [5] княжне Шаликовой, и она разахалась от восторга, равно как и о перемене голов.[6] Веришь ли, писал тебе в прошлый раз письмо, а ведь даже не помню, что писал и при каких обстоятельствах на почту отдал: совсем померкло всё в голове, и, должно быть, этот раз был сильный припадок.

Обнимаю тебя изо всех сил, целую детишек (что делаю мысленно каждый день), всем поклон, батюшке и Александру Карловичу; няне тоже, не забывай ей водочки. — Подлый висбаденский поп [7] напомнил мне о проигранном пари и потребовал, чтоб я внес 25 талеров в Славянский комитет; [8] непременно внесу, сукин он сын. Вот грубая-то тварь. Я сам, впрочем, был с ним не совсем вежлив. Если еще раз сойдусь — разругаюсь: редко встречал что-нибудь антипатичнее. Вообще, чувствую, что у меня здесь сильно страдает печень. Аппетит хорош, но странно: я не только не пополнел (как в Старой Руссе), но еще похудел.

---

[a] *Было*: впрочем

До свидания, мой ангел бесценный, обнимаю тебя,[б] целуй Любу и Федю; Люба-то меня помнит, но помнит ли Федя?

(На всякий случай мой адресс: Bad-Ems, hôtel Ville d'Alger,* № 4—5), но пиши непременно по-прежнему poste restante.

Твой Достоевский.

[б] *Далее было начато:* и веришь ли

* Бад-Эмс, отель Город Алжир (*франц.*).

540. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 (17) июля 1874. Эмс

Эмс. Пятница 17/5 июля/74.

Милочка моя Аня, вчера получил бесценное письмо твое и боюсь, что опоздал ответом на него, ибо хотел сперва сходить к доктору и, только узнав его решение, написать тебе; сегодня же задержали разные мелкие пустяки, так что теперь уже 11 часов утра, и не знаю, успеет ли пойти сегодня это письмо. Приход каждого твоего письма для меня равен какому-то «освобождению», накануне и за два дня я становлюсь боязлив и мрачен: «всё ли там благополучно, не случилось ли чего?» Не поверишь, как я стал мнителен и раздражителен. Очень рад, что будешь писать каждые 5 дней. Известия о детях мне необходимы. Не могу смотреть даже здесь на детей хладнокровно, а если заслышу где плач детский, то впадаю в тоску и в дурные предчувствия. Раздражительность мою приписываю леченью: у всех, говорят, так же расстраиваются нервы, и в особенности страдает печень. По-моему, и мозг. Ты пишешь о своем леченье; но только плохо, что лишилась аппетита и худеешь. Кончай скорей эту воду, Аня, допей ее и принимайся есть всё безо всякой диеты, а то это значит только мучить себя. Пеняешь мне, зачем я пишу только 5 страниц.[1] А потому, во-1-х, что каждый раз боюсь опоздать на почту, во-вторых, что положил писать чаще, и, наконец, чтоб была пустая страница для обертки письма, иначе всё через конверт просвечивает. — Всех вас очень люблю и целую 1000 раз. Деткам напоминай обо мне. Наблюдай особенно Любу, так как она в тебе более нуждается, чем Федя, у которого *своя* няня, а у ней няня только *Федина*. — Теперь расскажу поскорее что надо о себе. *Припадочное состояние* продолжалось дней шесть. Есть здесь один Кублицкий, очень похож на Полонского во всех отношениях, и даже так же, как у Полонского, ноги болят. Я с ним иногда встречаюсь и говорю, но ходить с ним не могу, потому что он одну ногу едва волочит, он же претендует, что я слишком скоро хожу. Раз утром в 8 часов (5 дней тому назад, на другой день, как я переехал на новую квартиру) слышу, окликает меня в аллее (по которой я

по обыкновению прохаживаюсь полчаса после утренней воды) Кублицкий: «Ф‹едор› М‹ихайлови›ч, у вас нет лихорадки?» Я оглянулся: «Что это вам так прямо вздумалось начать с лихорадки, точно выстрелили, нет, никакой у меня нет лихорадки». — «Я к тому, что в середине лечения многие ощущают обыкновенно лихорадку или тяжесть в ногах, боль в голове и проч.» — «Нет, я ничего не чувствую, прощайте». — «Прощайте. . .» С тем и разошлись. В тот же день сейчас после обеда заболела голова. Пошел пить воду, читал газеты, вечером в 6 часов перехожу мостик и вдруг чувствую озноб. Поскорее пришел домой, ударило в жар, ночью бредил, но потел и переменил 4 ночных рубахи и измочил пóтом все простыни. Наутро даже похудел от поту. Решил, что простудился в день переезда на квартиру, когда при 25 град‹усах› в тени шел дождь, поднялся туман, а у меня балкон стоял открытый до 10 часов ночи. Но каков же, однако, *глаз* у этого Кублицкого!! И, главное, ведь ничего больше и не сказал, как только спросил, неизвестно зачем, о лихорадке.

Я, однако же, пожалел денег, к доктору не пошел, тем более что наутро, кроме раздражительности (которая каждое утро у меня ужасна), ничего особенного не чувствовал, аппетит был прекрасный, и все отправления тоже. Решил, что лихорадка мимолетная, как это и есть в моей натуре. Но ровно в 7 часов пополудни меня опять ударило в жар, ночью хоть не бредил, но потел точно так же, как и в первую ночь. Наутро опять здоров, вечером на третий день в 7 часов опять жар, опять всю ночь потел, наконец вчера жару не было, но все-таки потел. Я думаю, Аня, что я от этого поту стал вдвое легче весом, похудел же ужасно. Однако же вчера отправился к Орту и всё ему рассказал, главное то, что я уже 12 дней принимаю кренхен 5 стаканов с молоком (три утром, три вечером),[2] кашляю по утрам, вставая, *очень*, затем после кренхена, в продолжение всего дня, кашляю очень мало, очень легко отделяется мокрота, почти никогда сухого (прежнего кашля). Но зато все-таки, пробуждаясь, каждый день — кашляю. Орт очень подробно и долго меня осматривал и вот что изрек с самодовольным видом: «В трех местах грудь *зажила совсем*, но в двух (спереди внизу и сзади в спине) *еще не зажило*». И потому: продолжать лечение, вместо недели, которая мне оставалась сроком (прежде определенным) пить кренхен, прибавить еще неделю; вместо трех стаканов с молоком поутру — пить по 4 стакана и по 2 вечером, и «я вам ручаюсь, что *выздоровеете совершенно*; говорю же по фактам, ибо в трех местах уже зажило. Заживет и в двух остальных. Простуды не было никакой, а просто сильнейшее действие вод, что есть самый хороший и ободряющий признак». Итак, Аня, милая, вот пока в каком положении дело. Я сам думаю, что кренхен приносит пользу большую, но зато, — от сегодня 12 или 13 дней еще продолжать пить! Ну, а если найдет

нужным и через 2 недели еще остаться недельку, то есть что-нибудь еще не заживет в груди? Веришь ли, Аня, мне до того опротивел Эмс, что хоть уехать, не докончив лечения. Я возненавидел здесь каждый дом, каждый куст. Вид публики для меня несносен. Я до того стал раздражителен, что (особенно рано утром) на каждого в этой беспорядочной толпе, которая теснится у Кренхена, смотрю как на личного врага моего и, может быть, рад был бы ссоре. Говорят, это тоже действие вод (тем более что в другие часы дня я гораздо добрее), но мне-то не легче; нечего делать, буду терпеть еще, в ожидании успеха. Веришь ли, я иногда мысленно сравниваю: где мне было лучше: здесь или в каторге? И всегда решаю, *буквально* (и вполне беспристрастно), что в каторге все-таки было лучше, *покойнее*: не так я волновался, раздражался, не так был мнителен.

Насчет денег будь покойна, у меня хватит, а только согласись, что под конец всё вышло так, как Кошлаков предписывал, то есть кренхен с молоком и 6 недель. Правда, я буду пить только 5, а, кто знает, может, и на шестую оставят.

Всё, что я читаю, — мне противно. Про свой план думаю с раздражением.[3] Мне все говорят, что малейшее умственное занятие вредит лечению, раздражит к худшему нервы и что надо жить жизнью растительною. Доктору очень нравится, что у меня аппетит: «Главный признак успешного лечения, — говорит он, — и признак того, что лихорадочные припадки не от простуды». Одним словом, он, кажется, меня находит одним из самых успешных пациентов.

Аня, милая, бесценная, как я рвусь к вам, как мне здесь противно! Ты спрашиваешь, люблю ли я тебя и вижу ли тебя во сне? Что на это отвечать? Но кстати (мимоходом): веришь ли, что я обратился в мумию и что во мне нет *желаний*. Первый раз в жизни, неужели тоже от лечения? В таком случае. . . Тем не менее целую тебя, ангела моего, 1000 раз каждодневно, мысленно, но представляю тебя не иначе, как вместе с детками. Представляю же вас всех часто. Я думаю, я сделался очень чувствителен, как женщина.

Я ложусь (уже в постель) ровно в 10 часов, встаю в 6 часов утра, но ночью просыпаюсь раз по пяти, хотя спал бы хорошо, если б не пот. На новой квартире мне очень хорошо. Прежняя хозяйка ужасно меня обсчитывала. Обедать я хожу теперь по разным ресторанам. Чай держу свой. Стараюсь скупиться. Немцы и вся публика несносны. Впрочем, лица беспрерывно меняются. В последнюю неделю ужасно много наехало новых; русских тоже много. Я с некоторыми только кланяюсь, с иными разговариваю. Писал бы тебе и больше подробностей, но лучше расскажу при свидании, а то напрасно загромождать письмо пустяками.

Расцелуй Федичку, который ничего не нашел приказать написать папе.[4] Милый, славный мальчик. И, наверно, пречув-

ствительный! Все они у нас чувствительные, но не экспансивно, а про себя (что и дурно, и хорошо), и наверно — оба поэты. Это очень хорошо, если только писать не будут. Ходи за Лилей и за ее душой. Полякову писать не стану. Я на всё согласен, напиши ему. Все они более или менее мерзавцы. Губин всё *погубил*.[5] Очень любопытные сведения об Иване Григорьевиче: и покупка имения, и жизнь в Петербурге. Тут *она* влияет.[6]

Целую вас всех, обнимаю. Всем кланяюсь — Александру Карловичу, сестре его, няне, отцу Иоанну нашему. Думаю, как тяжело будет деткам переезжать в Петербург.

Обнимаю тебя особенно и целую *всю*. Люблю тебя бесконечно.

Твой Ф. Достоевский.

Ты одна у меня радость и одна моя надежда, *неизменная*. Я люблю все подробности, которые пишешь о себе, — особенно некоторые.

Я думаю, я пробуду в Эмсе вплоть до дня рождения Феди, включительно.[7]

541. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

8 (20)—9 (21) июля 1874. Эмс

Понедельник 20/8 июля/74.

Милый друг мой, дорогая Аня, сегодня получил твое письмо, и хоть не успею отправить сегодня ответ, но всё равно начну его. Благодарю, во-первых, что пишешь чаще. Это прекрасно. А то ждать было мучительно. Отправив тебе последнее письмо (в среду, кажется),[1] я очень тосковал о том, что ты писала о своем здоровье, и рад был, что Шенк хоть на время отложил питье вод. Что ж, если швальбах так враждебно действует, — так и оставить его. Но Шенк велел, как ты пишешь, только погодить, а там опять начать; не видит ли он признаков действия вод? Может быть, эта тоска твоя, раздражительность — больше ничего как действие вод. На меня здесь кренхен точно так же действует, и хоть теперь мне только скучно и тоскливо, как в каторге, но все-таки я не так раздражителен, как был еще недавно. А если б только рассказать все другие действия на организм! Лихорадка моя прошла на другой же день, как я отправил тебе последнее письмо, и я уже больше не потею совсем, хотя жара ужасная.[2] Из того, что прошло лихорадочное состояние без малейшего приема лекарств, и заключаю, что лихорадка была не простудная, а просто действие вод. Пишешь тоже, милочка Аня, жена моя, о других припадках. Хотя тоже у меня в этом роде: сначала были ужасные желания, потом вдруг всё прошло, и я обратился в мумию; потом опять началось, хотя

едва, но, однако же, с ночными последствиями, что очень дурно, ибо все-таки действует на грудь. Что касается собственно до леченья, то боюсь сглазить, а кажется, что лучше: дышать легче, хрипу и одышки очень мало, даже вот уже дня три по утрам, когда просыпаюсь, мало очень кашля. Однако ж скверно то, что иногда простужаюсь: чуть только на потную грудь капельку ветерка, и вот уже здесь и простудился и прокашлял вечер или день (редко дольше, быстро проходит). Теперь мне остается дней 9 или 10 принимать (по последнему решению доктора). Что-то будет? Не заживет ли и в самом деле? И, однако же, если я пробуду даже до 1 августа (нов‹ого› стиля), то все-таки я пил кренхен в сложности всего только 4 недели (5-ю неделю кессельбрунена, я думаю, нельзя считать). А Кошлаков сказал: шесть недель! Вся важность теперь в двух вещах: во-1-х, долечиться, а во-вторых, не перелечиться.

Кроме того, надоело здесь до того, что лучше, думаю иногда, не долечиться. Говорят же здесь иные пациенты, что с одного разу никогда не вылечиваешься радикально, если даже и сильно действуют воды, а главное 2-й раз, то есть на будущее лето приехать на 2-й курс, тогда, дескать, болезнь искореняется окончательно. Однако шутка это сказать! Мало ли что выдумаешь: и подумать только об этакой муке. Ах, Аня, как мне здесь всё ненавистно. Какие подлые немцы; а русские, может, еще хуже немцев. Эмс, большею частию, каждые две недели переменяет своих жителей: остаются не более $1/3$ старых, а другие уезжают, так что вдруг начинаешь примечать, что совсем пошли другие физиономии. Если б ты Аня, знала, какие здесь противные теперь физиономии; прежде был еще остаток публики, бывшей при императорах,[3] а теперь — это бог знает что такое. Я всё стараюсь ни с кем не знакомиться, хотя есть которые гоняются, чтоб со мной познакомиться (из русских, например). Кроме того — Эмс страшно дорогой городишко. Я очень много плачу́, и если б ты знала, как всякий из этих немцев считает тебя за доходную статью, как безо всякого стыда приписывает на счете то, что ты никогда не брал, надеясь, что ты не проверишь! Но обо всех этих мелких подробностях расскажу после, если только будет стоить потом припоминать о такой пакости.

Вторник 21 июля.

Твои анекдоты о детишках, дорогая ты моя Анька, — меня просто обновляют, точно я у вас побывал. Лилины *«добрые люди»* [4] меня ужасно развеселили: я читал твое письмо в саду, только что получив с почты и выбрав уединенную скамейку, чтоб прочесть, и расхохотался так, что и сам не ожидал. А знаешь, в воспитании наших деток есть большой недостаток: у них нет *своих* знакомств, то есть подруг и товарищей, то есть таких же маленьких детей, как и они. А все-таки, хоть ты и пи-

шешь письма, а я об детях беспокоюсь страшно. Почему Федин жир не понравился Шенку? Находит он это опасным, что ли?[5] Впрочем, во всяком случае, скоро вас всех увижу. Теперь не худо чаще писать уже хоть по тому одному, чтобы знать поскорее, когда нужно прекратить письма. Полагаю наверно, что к 1-му августа отсюда выеду, а ведь бог знает: может, и до 7-го августа велит остаться Орт. Излечение хоть и заметно, а все-таки идет довольно медленно. Правда, до 1-го числа еще 9 дней, даже 10, но всё же мне как-то не верится, что можно в этот срок получить облегчение окончательное, потому, н‹а›-пример, что вот хоть сегодня, н‹а›прим‹ер›, с утра кашель усилился, потому что в воздухе очень сыро и понизился барометр, хотя дождь и не идет. Невероятно кажется воображению, чтоб всё это так вдруг прошло, хотя и действительно получилось облегчение. Опять-таки, если долго лечиться, то выдержит ли организм? Мне здесь только что рассказали про одного больного, который принял ванн 20 (я ванн не принимаю) и почувствовал чрезвычайное облегчение; но доктор, обрадовавшись, прописал ему еще 10 ванн и тем вдруг ослабил его так, что всё прежнее лечение было парализовано, и он уехал больнее, чем приехал. Орт особенно расспрашивал меня (и спрашивает каждый раз), не начинаю ли я чувствовать слабости, потери сил? Я в последний раз отвечал ему, что ничего такого не чувствую, но не знаю, правду ли я сказал? Я уже давно чувствую как бы беспрерывную усталость, хотя пью, ем, сплю и хожу по-прежнему. Здешние воды, говорят, очень сильны, и я понимаю, что Орт боится расстроить организм и тем потерять все результаты леченья.

На днях встретил здесь Штакеншнейдера,[6] того самого, который прокурором в Харьковском окружном суде. Он только что женился в Харькове, в мае месяце, и поехал с женой месяца на два за границу (это как мы, помнишь, только мы не на два месяца). Он очень простодушный и откровенный молодой человек, очень неглупый, был у меня и рассказал мне, что были они в Париже и там — *поистратились*, но так, что приходится очень и очень рассчитывать, как добраться до дому. Но в Швейцарии, дней 5 тому назад, в Цюрихе, одна медицинская знаменитость, которую он просил осмотреть свою немного заболевшую грудь, осмотрев его, испугался и велел настоятельно, пока они здесь за границей, не потерять времени и хоть две недели да полечиться кренхеном. (Сюда многих присылают недели на 2 или даже на 10 дней.) Они стоят в тесной квартирке, впрочем, ходят в лучший table d'hôte обедать. Ей лет 18, и она очень недурна собой (hautes couleurs *) — совсем русская, и оба они ругают ужасно немцев. Я у них не был и норовлю нарочно отдать визит в тот час, когда по расчету их не будет дома. Дело

---

* цветущего вида (*франц.*).

в том, что мне всё это скучно, всякое знакомство, всякое новое лицо *скучно*. Нет, Аня, голубчик, я себя, ей-богу, по праву считаю выше всей этой среды — не нравственными достоинствами, конечно (об этом богу судить), а развитием: что их веселит, то мне скучно, разговоры их, мысли их — для меня бесцветны и мелки, тон их — низок, образование совершенно ничтожное, самостоятельности никакой, зато чванство и грубые выходки. Я не про Штакеншнейдеров говорю, а про всю эту здешнюю шваль, и русских, и немцев. Я до того иногда раздражителен, что хоть и даю себе слово молчать, но не могу иногда удержаться. Давка у Кренхена, где раздают воду в стаканы (ты отдашь свой стакан, и тебе из-за баллюстрады возвращают его наполненный), ужасная. Хуже всего хлопочут и теснятся женщины и, кто бы мог подумать, — старики немцы. Отдает стакан и толкается, и рвется вперед, и руку протягивает, и весь дрожит. Почти каждый день я кому-нибудь из этих немцев не удерживаюсь и читаю наставления: Mein Herr, man muss ruhig sein. Sie werden kriegen. Man wird nicht verzeihen.* И вообще я считаюсь (я слышал это) между некоторыми пьющими[a] немцами очень *желчным русским* — и, как ты думаешь, главное за то, что я не даю обливать себя водой (как случилось раз) и сверх того не даю класть себе сзади, на мое плечо или спину, руку с стаканом сзади меня ожидающего. Немцы до того грубо воспитаны (все), что если он стоит сзади кого бы там ни было в ряду и ждет очереди, то так как он держит в руке стакан и от нетерпения беспрерывно подымает его, чтоб показать, что он ждет, то, чтоб не держать стакан на весу, он и кладет обыкновенно свою руку с стаканом на плечо впереди стоящего, даже хоть на даму. Я этого раз не позволил и прочел одному немцу наставление, что он дурно воспитан. Немец вспыхнул и ответил мне, что здесь места нет для салонных вежливостей. Я ответил ему, что, чтоб быть вежливым, для деликатного человека всегда найдется место. Тем и заключился спор. Поверь, Аня, что измучившись $1^1/_2$ часовой прогулкой (при питье вод), когда придешь домой и пьешь в 9-м часу сквернейший в мире кофей, но с ужаснейшим аппетитом, то, вспомнив иногда об утренней какой-нибудь встрече, так и захохочешь. Ну, а в другой раз ужасно досадно и серьезно: нельзя же всё приписывать действию вод — есть и вещи сами по себе очень досадные, независимо от действия вод.

В другой раз на днях, в table d'hôt'e, рядом со мной, одно многочисленное русское семейство, заметил я, ищет моего знакомства. Ну и пусть. Но я ни слова еще не сказал, а мне, встречаясь, все вдруг начинают кланяться. Отец семейства (егоза

---

[a] *Далее было*: человеком

* Сударь, нужно быть спокойным. Вы получите. Такое не прощают (*нем.*).

ужаснейшая) полез заговаривать о литературе. Нечего было делать, я сел на третий день обедать на другом конце залы и, уж кажется, явно сделал, потому что прежнее место давно уже считалось моим. Что ж ты думаешь, он-таки пришел ко мне на новое место, разговаривать. Есть, впрочем, и порядочные русские.

Но, впрочем, я всё тебе пишу о таких пустяках. Скучно мучительно, — вот что главное! Клянусь, до сих пор я не знал, что такое скука. Перекрещусь, выехав из Эмса. Но, кстати — куда выеду из Эмса? Здесь у докторов за правило взято послать хоть на неделю, после конца курса, подышать чистым воздухом: в баварский Тироль, например, или даже на Комо.[7] Но я, очевидно, до того истощу здесь финансы, что хоть на прямое у меня на всё достанет, но заезжать куда-нибудь уже нельзя будет. Не хватит кармана.

Анька, милая, радость ты моя, об которой мечтаю, обнимаю тебя крепко-крепко. Будь здоровее, будь веселее (отчего ты хоть в преферанс не играешь, как в прошлый год) и ходи за детьми. Детишек благословляю и целую. Напоминай им обо мне. Скажи им, что я только об них и думаю. Ну, прощай. Пошел дождь (при 25 град‹усах› тепла), и хоть почта и близко, но не знаю, как туда попаду. Еще раз обнимаю тебя и целую *всю, как ты и вообразить себе не можешь.*

Няне и всем поклон.

Твой весь Ф. Достоевский.

Я здесь очень похудел — всем телом: *действие вод.*

542. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

14 (26) июля 1874. Эмс

Эмс. 26/14 июля. Воскресенье.

Бесценный друг мой Аня. В прошлом письме своем ты обещала писать во вторник, и так как в таком случае письмо твое должно было придти *непременно* вчера, в субботу, то я был чрезвычайно поражен, что оно не пришло. Мало того, сегодня, в воскресенье, заходил утром в 8 часов на почту (почта из Берлина приходит и[a] в 10 часов вечера), думая, что вчера поздно могло прийти твое письмо, но опять-таки услышал: «Nichts da».* Признаюсь, я в большом волнении, и дай бог, чтобы с вами со всеми ничего не случилось.[1] Ночью даже худо спал, думая, что ты захворала, а потому и не могла написать. Воображаю тоже, не случилось ли какой беды с детьми, и ты не хочешь писать,

---

[a] *Было:* иногда
* «Ничего нет» (*нем.*).

чтобы не испугать меня. Ах, Аня, если ничего не случилось, то худо с твоей стороны, голубчик, обещая наверно и точно писать, — сманкировать. Если б ты знала, как на меня это всё болезненно действует! Вот я тебя теперь упрекаю, а сам думаю: «А что, если она теперь больная лежит». У нас здесь, в Эмсе, такое проклятое заведение, что по воскресеньям, с 9 часов утра, почта заперта и открывается лишь вечером, на одно какое-то мгновение. И вот уже я здесь 5 воскресений, а ни разу не мог застать это мгновение, потому что точного часу не назначено; придешь вечером — говорят: «Сейчас была отперта, а теперь уж до завтра». Это у них такой порядок при таком огромном числе посетителей! Так что я теперь вдвойне в тоске. Может, и сегодня не получу письма от тебя, если даже оно и придет. Что же, если не получу и завтра и послезавтра? Тогда телеграфирую. Пройду сегодня на телеграфную станцию узнать, нет ли телеграммы. Вообще весь день для меня сегодня будет мученьем, вплоть до того времени, как получу от тебя что-нибудь.

Если б получил вчера, то вчера же и отправил бы тебе ответ. А сегодня, так как почта будет заперта, то не знаю, удастся ли еще отправить. Кроме того, что мне, прежде отправки, хотелось бы сначала и твое письмо получить, на случай если в твоем письме будет что-нибудь, на что надо будет настоятельно-скоро ответить. О себе скажу, что леченье мое идет ни то ни се. Вот уже 10 дней прошло, как Орт назначил мне усиленный против прежнего прием вод, предвещая успех. В результате, хоть и есть *действительно* облегчение, то есть — все-таки меньше перхоты, легче дышать и проч‹ее›, но хрипота в известном (больном) месте остается, и больное это место в груди окончательно не хочет зажить. К тому же у нас, последние 4 дня, дожди, а утром туманы и холода. Усиленье хрипоты приписываю, конечно, этой сырости (сегодня, например, ясный день, хотя утром был страшный туман, и мне несравненно легче), но уж одно то, что *по-прежнему* сырость имеет такое влияние на грудь, показывает, что болезнь не прошла и что, перестань я пить кренхен, и *всё* опять воротится. В результате думаю так: нельзя, чтоб я не вынес какой-нибудь (и может, значительной) пользы от леченья в Эмсе, но эта польза очень-очень похожа на ту пользу, которую я вынес зимой от леченья сжатым воздухом,[2] то есть что получил решительное облегчение, что без лечения сжатым воздухом, может, лежал бы и иссох от лихорадок и дизентерии, но тем не менее полного излечения *не получил. Так, верно, будет и здесь*. Вчера ходил к Орту и объяснил ему, что до срока, положенного им самим в прошлый раз (9 дней назад) для моего лечения и излечения, с надбавкой лишней недели и проч‹ее› (о чем я писал тебе), — остается всего 3 дня (срок выходил во вторник) и что я прошу его посмотреть меня. Он осматривал и слушал, и, кажется, по виду его я заключил, что результат *не совсем* благоприятен. Он сказал мне, чтоб я еще

остался в Эмсе неделю, так чтоб было ровно 6 недель моему пребыванию в Эмсе, и опять-таки весьма утвердительно обещал результат благоприятный. Я остаюсь, таким образом, примерно до 3-го или 4-го августа, а там уж и не знаю, набавит ли он мне еще неделю или нет? Думаю, что нет. Этим Ортом я всё время не совсем доволен; он обращается как-то легкомысленно и лечит точно наугад. — Штакеншнейдер болен, кажется, еще больше меня и приехал сюда всего только на 3 недели,[3] так как буквально не может пробыть дольше, и его доктор, Гроссман, которого мне здесь многие хвалили за его старательность и чрезвычайную внимательность к своим больным, — Гроссман назначил ему разом и кренхен, и пульверизационное лечение горла (здесь всех этим лечат), и минеральные ванны. Я же еще вчера приставал к Орту, не прибавит ли он еще чего к лечению моему, и он отвечал, что ничего не надо. Штакеншнейдер удивился, услыхав, что Орт даже горло мое не рассматривал никогда. Мне давно уже говорили, чтоб я сходил к Гроссману. И вот я вчера утром, перед Ортом, пошел к Гроссману. Тот, выслушав, что я лечусь уже 5-ю неделю у Орта, наотрез отказался меня выслушать: «У вас, дескать, есть доктор, так чего же вы ко мне приходите». Вот какие у них здесь нравы. Он, из camaraderie,* из ремесленной своей чести, отказывает больному, тогда как больной имеет полное право не доверять своему доктору, а он обязан помогать всякому приходящему. Больной, таким образом, не смеет даже доктора переменить.

Таким образом, я пробуду здесь, от сегодня, еще неделю и, может быть, ½ недели следующей; а там, конечно, уеду, тем более что более 6 недель никто и никогда здесь не брал курса. Если не вылечился в такой срок, как 6 недель, то оставаться долее бесполезно. Таким образом, думаю, голубчик Аня, что по получении *этого* письма, если захочешь мне сейчас ответить, то ответить *можешь* (и я даже прошу тебя непременно написать), ибо очень может быть, что письмо еще успеет дойти. На всякий случай напиши его покороче. К тому же ведь я же оставлю здесь адресс на Петербург poste restante, и письмо это непременно нам воротят, прошу же я *непременно* написать потому, что, может быть, останусь и дольше, как решит Орт; я же пойду к нему не раньше понедельника или вторника *после будущей* недели, то есть дней через 9 от сегодня, чтобы получить полнее результат по отбытии *всего* назначенного им срока.

Чтоб заключить о себе, скажу еще, что вообще здоровье мое здесь чрезвычайно укреплось, хоть я и не потолстел вовсе. Все отправления мои (сплю, ем и проч.) превосходны, каких уже *много лет* не было, и даже силами я гораздо крепче, чем когда приехал сюда, бодрее, меньше устаю. Штакеншнейдер находит, что я цветом лица несравненно лучше, чем как он помнит меня

---

* из солидарности (*франц.*).

в Петербурге. Всё это я приписываю не эмскому климату, который ужасен, а решительно действию кренхена (вот почему всё еще надеюсь, что он и груди поможет, потому что здесь самый явный признак успешного лечения — это тот, когда весь организм параллельно исправляется). Что же до скуки моей здесь, то она безмерна, неисчислима. Я не знаю, куда деваться от нее. Считаю, что это даже не натурально, а болезненно. К Эмсу я чувствую отвращение, ненависть, злобу. Теперь я вижусь лишь с одним Штакеншнейдером, да и то у источника; мы пьем и прохаживаемся вместе. Он, по-моему, прекрасный и препростодушный человек. Молодая женка его больше сидит дома и даже немного больная (ногами). Они звали меня, и я раз у них был. Они очень экономят, хотя и получили деньги. Да и я не знаю, как сэкономить, потому что деньги очень выходят, несмотря на то, что все расходы мои ведутся точно и правильно. Обедаю я теперь дома (мне приносят из отеля, за талер), чтоб не обедать за табльдотами, где почти везде, в залах, сквозной ветер. Дома же очень работаю над планом,[4] об этом ничего не пишу. Но если выйдет план удачный, то работа пойдет как по маслу. То-то как бы вышел удачный план! А выйдет ли? Мне бы хотелось написать что-нибудь из ряду вон. Но одна идея, что «От‹ечественные› записки» не решатся напечатать иных моих мнений, отнимает почти у меня руки.[5] Но об этом не упишешь в письме. Вообще думаю о будущем очень. Думаю и о том, чем будем жить: задача большая. Выручал бог до сих пор, как-то будет дальше. Подлинно на одну только милость его надеюсь.

Голубчик ты мой, скоро, может, увидимся. Как я мечтаю об этом! Письмо это продержу как можно долее, в надежде, что придет сегодня от тебя. Ах, кабы пришло, а то не поверишь, как я боюсь. Обнимаю тебя и детишек, благословляю их. Мне всё снятся дурные сны, брат, отец, а их явления никогда не предвещали доброго. Ты знаешь, я этому давно уже принужден верить, по грозным фактам.[6] Целую тебя крепко, стал *мечтать* об тебе больше, а это тяжело. Скажи что-нибудь от меня детишкам. Живы ли, здоровы ли они, мои ангелы? Всем кланяйся, няне особо. Твой всегдашний и неизменный

Ф. Достоевский.

5 часов вечера. Сейчас отперли почту, и от тебя нет ничего! Господи, что же это с вами случилось! Но если ты больна, почему же Александр Карлович не может уведомить; а слово дал. Аня, Аня, если б ты знала, как я теперь буду мучиться! Мне и без того до того тошно, что хоть руки на себя наложить от тоски! Но что, если в самом деле беда, а не одна твоя забывчивость! Господи, да хоть бы какое-нибудь уведомление, хоть несчастное, только б не эта неизвестность!

543. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

16 (28) июля 1874. Эмс

Эмс. 16/28 июля/74.

Милый друг мой Аня, вчера, в понедельник, то есть 15/27-го, получил твое письмо от 7-го июля, с деньгами; выходит, что письмо твое (помеченное воскресеньем) шло 8 дней. Согласись сама, что так как ты обещала написать во вторник и письмо должно было прийти в субботу, а я не получил ни в субботу, ни в воскресенье, ни даже в понедельник утром (8 дней), то и был как сумасшедший; я вообразил, что и бог знает что с вами со всеми случилось. С воскресенья на понедельник (может быть, отчасти и от беспокойства) у меня был припадок, то есть каких-нибудь две недели спустя после бывшего недавно, так что теперь у меня очень тяжела голова, хотя припадок, сколько судить могу, был далеко не из самых сильных. — Письмо это пишу тебе наскоро, чтоб уведомить поскорее о получении твоего письма и поспеть на здешнюю почту. Удивила ты меня присылкой 50 руб., Аня; но ведь я тебе, кажется, уже писал, что у меня не хватит денег съездить в Париж,[1] и я ехать и не располагаю уже давно. Если б был в Париже, то, конечно, купил бы тебе твою матерью, и мне очень странно, что ты в своем письме стараешься уверить меня, что ты тоже имеешь право на эти деньги. Да, разумеется, имеешь; мне-то уже не следовало этого писать.[2]

Я, по крайней мере, весьма часто упрекаю тебя, что ты, при деньгах, не делаешь себе ничего нового (шляпки, н‹а›прим‹ер›, и проч.). Но если б я и побывал в Париже, то, признаюсь,[a] ужасно боялся бы не угодить покупкой, потому что в этом деле понимаю мало. Ты пишешь: если не *фай*, то 2 костюма суконных; но я уж совсем не знаю, какое тут сукно надо купить. Ты пишешь, что ни в каком другом городе, в Германии, не покупать, надеясь на французскую дешевизну. А вон Штакеншнейдеры только что из Парижа, где кое-что купили, и говорят, что в Париже вовсе не дешевизна; даже, напротив, с тех пор как уменьшилось во Франции повсеместно производство, всё даже вздорожало. Впрочем, повторяю, мне в Париж проехать будет трудно, за недостатком денег, а потому, наверно, не поеду. Деньги же твои постараюсь не истратить. В Берлине, мне кажется, товару очень много, много и чистого парижского, и не знаю, слишком ли дороже, чем в Париже.

Сегодня вторник 16/28, а когда я отсюда отправлюсь — не имею понятия. Пробуду неделю, положенную Ортом (срок выйдет на следующей неделе), а там, надо полагать, он наконец меня и отпустит. Сколько приглядываюсь. почти никого уже не

---

[a] *Далее было:* твое поручение

остается из той публики, которая была во время моего приезда, все кончили курс и выбрались. Один я решительно всем глаза намозолил. Если уж в шесть недель не вылечился, то вряд ли можно взять количеством. Говорят здесь, что воды не сейчас оказывают действие, а потом, зимой, скажутся. Дай-то бог. Здесь мне еще в начале замечали, что 3-я неделя леченья вообще всем благоприятна, а на 4-й опять начинает становиться хуже. Точь-в-точь так было и со мною. На 3-й неделе кренхена я иногда чувствовал себя точно как бы совсем был здоров и возмечтал о совершенном излечении. А на 4-й неделе стало, видимо, хуже. Правда, портили мое лечение припадки; от припадка как-то сжимает грудные мускулы, и вчера, н‹а›пример, сейчас после припадка у меня ужасно усилилась хрипота. Погода у нас тоже не лекарственная; вот уже дней 6 тарабарщина страшная: то солнце, то ветер, то дождь (в день раза три), то туман. А сырость мне пуще всего. Если б эмские воды да не в таком климате, право бы, они всех излечивали. Здесь теперь особенно наехали русские. Штакеншнейдеры скучают, как и я, но им, конечно, веселее жить, так как все-таки они вдвоем. Я же один как перст. Иногда, особенно после обеда, тоска, с которой ничто не может сравниться, а вечером и тошно, и грустно, и вдобавок ветер или дождь. Во все шесть недель ни разу барометр не стоял на хорошей погоде, так что если и были хорошие дни, то непременно завтра же надо было ждать перемены. Сама m-me Штакеншнейдер всё сидит дома; она больна ногами, простудила еще в детстве, и ревматизм; хоть она и недурна собой и, кажется, порядочный человек, но все-таки странная охота жениться на больной женщине. — Других знакомых я почти не имею, с иными только кланяюсь. Немцы же здесь несносны, нестерпимы. Княжна Шаликова мне уже написала письмо из Рейхенгалля. Остальные разъехались. Задача для меня, отпустит ли меня на будущей неделе доктор иль нет? Если б ты знала, как мне здесь тяжело, то поняла бы, что я об том только и забочусь, когда отсюда выеду.

Твоему письму я пуще потому обрадовался, что узнал, что вы живы и здоровы. Если б вчера не пришло оно, то вчера же послал бы телеграмму, с тем и шел. Напишу тебе, во всяком случае, еще письмо (а может, и два). Расцелуй и поздравь за меня Федичку, три года — экой большой человек![3] А ведь я видел его, когда ему было три минуты. Рад ужасно, что и твое здоровье (по письму твоему) лучше, а то я об тебе здесь-таки думал. Заботы, Аня, лежат впереди! За работу надо садиться, а я всё еще над планом сижу.[4] Стал ужасно на этот счет мнителен. Как бы только удачно начать! Думаю, что падучая оставит меня в покое хоть в 1-е месяцы работы. А что, если я слабее стал для работы, то есть слабее материально, так что и работал бы, да голова долго уж выносить не может, как прежде бывало? До свидания, ангел мой, обнимаю тебя крепко, дети-

шек благословляю, целую. Ведь вот опять скоро в город, и опять деткам за двойными рамами сидеть. Всем поклон, Ал‹ександру› К‹арлови›чу, батюшке, няне. Карточку Гамбетты привез бы, да где достать? Еще раз обнимаю тебя, люби меня тоже, люби в самом деле, только бог один видит, как я тебя люблю.

Твой весь Ф. Достоевский.

544. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

17 (29) июля 1874. Эмс

Эмс. 17/29 июля/74.

Бесценный друг мой Аня, приписываю сегодня несколько слов ко вчера отправленному тебе письму, в ответ на твое, полученное мною вчера после обеда, уже после того, как отправил тебе вчерашнее письмо. Ты, верно, и не воображала, что твои оба последние письма придут почти в одно время. Но таков наш российский почтамт, — который делает, что хочет, что вздумается ему, и на который нет закона. Задержать 4 дня лишних письмо потому только, что оно страховое! (Не в Германии же его задержали!) [1] Ты пишешь, что рада моему оздоровлению, а в результате — я вовсе не вылечился, разве что легче немного, а каково-то будет зимой. Впрочем, у меня всё еще продолжается припадочное состояние (третий день припадка). Эти припадки очень расстраивают грудь (сдавливают там что-то), и, сверх того, вчера и сегодня здесь у нас, в проклятом Эмсе, — дождь как из ведра. У нас и до того было 5 дней дождя, но вчера и сегодня это черт знает что такое. Кренхен ли или климат, но только здесь все почти очень потеют. Каково же при поте быть в такой сырости? Поневоле простужаешься. Благодарю, что не забываешь писать мне об детках: только об них и думаю, их и во сне вижу. Но прошу тебя, Аня, не давай мне больше комиссий. Вообще женщины думают, что если уж поехал куда, так у него вдесятеро больше времени, чем у другого человека. Ты, н‹а›прим‹ер›, пишешь, чтоб я зашел в Петербурге к Мих‹аилу› Мих‹айлови›чу спросить насчет тех 400 руб. по векселю Голубевой.[2] Но, друг мой, я нахожу твое распоряжение весьма дурным. Кроме того, что я в Петербурге буду лишь мимоходом, жить в нем не могу, да и не хочу — я просто могу не застать Мишу; тогда оставаться лишний день в Петербурге, что ли? Это всё легко говорить. К Мише я, конечно, зайду, хотя и не обязуюсь *выжидать* его, но я удивляюсь, почему ты не хочешь написать Мише? 30 июля срок, и если ты даже думаешь, что и ответу от Миши не дождешься, то всё же надо бы ему написать, чтоб *напомнить*, чтоб показать, что мы *не забыли*, и, кроме того, нехорошо оставлять такую сумму в его руках, а потому *напоминание* может подействовать *охранительно*. Не то чтоб я

не доверял ему, но ведь... Написать же тебе надо всего 4 строки счетом. А я почему еще знаю, когда буду проезжать через Петербург? На будущей неделе я пойду к Орту, и что он скажет, так и будет. Если он настоятельно велит остаться еще неделю, то я останусь. Велел же Кошлаков 6 недель кренхена; а я пью кренхен всего еще 5-ю неделю. — Не нравятся мне тоже твои распоряжения *о сю пору* насчет писем в Париж и в Берлин.[3] Но я еще, может быть, здесь промедлю. Если же буду проезжать через Берлин наскоро (потому — что́ мне там делать?), то будет хлопотливо нарочно бегать на poste restante за письмом. Что же до Парижа, то я, как ни рассчитываю, заключаю, что мне в нем не быть, — денег нет. Так наше письмо там и останется на веки веков. Ты пишешь: «Это на случай того, если ты уедешь 16 июля»; но если я и писал об этом когда-то, то ведь не наверно же, да и тогда прямо говорил, что завишу от доктора. 16-е июля было вчера, а я не только не уехал, но, может, еще 10 дней здесь пробуду.

Впрочем, не прими с моей стороны за ворчанье. Я только хочу сказать, что ты слишком скора́ и не принимаешь в соображение многих посторонних обстоятельств.

Не прими тоже этой писульки за письмо. Я просто приписываю ко вчерашнему. Вчера мне было очень, очень скучно. Здесь время тянется как-то мертвенно. Кое-что составил в *плане*,[4] но и сам не знаю, доволен или нет. Мне всё думается, Аня, что с осени начнется для нас очень скучное, а может, и тяжелое время. Впрочем, в припадке, в дождь и в скуке, как здесь — не будут мерещиться красивые картины.

Теперь если здесь и кончу когда-нибудь лечение, то сколько останется переезду — господи создатель! До Берлина, до Петербурга, до Старой Руссы дни и ночи не спи! Вообще очень некрасиво время.

До свидания, голубчик, целую тебя очень и детишек. Я Любочку всю ночь во сне видел. И что это, в самом деле, у меня так загостилась падучая, Эмс что ли способствует климатом? Это очень может быть; в этом подлейшем месте, наверно, заключены все гадости. Обнимаю тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Детишек целуй и говори им обо мне.

545. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

20 июля (1 августа) 1874. Эмс

Эмс. 20 июля/1 августа. Суббота. 74.

Получил вчера, милый друг мой Аня, письмецо твое, на которое и спешу тебе ответить, хотя всё еще не имею ничего на-

писать определенного, так как к доктору пойду лишь во вторник. Думаю *наверно*, что он меня, на сей раз, отпустит и я в среду же, если не во вторник, и выеду из Эмса [1] — вероятнее всего в Петербург, хотя еще сам не знаю, может быть, и проеду куда-нибудь для прогулки поближе, потому что Эмс наскучил до смерти.[2] Тем не менее всё еще это не наверно (хотя я и думаю, наверно). Он может еще предложить мне остаться неделю, и тогда я, разумеется, останусь, в случае если он будет говорить особенно настоятельно. А про Париж, — я как ни считаю, всё до такой степени выходит в обрез, что вряд ли с такими финансами благоразумно бы было рискнуть на поездку. Если в Берлине остановлюсь, то посмотрю тебе *фая* (смотр не беда). Там товар продается с настоящей парижской пломбой, и, как уверяют люди, можно купить не дороже парижского, потому что в Париже умеют слупить с путешественников и, как рассказывают, заставят непременно купить не дороже, а *больше*, чем нужно; это тамошняя, говорят, манера. Разумеется, если худой товар и дорого, то я не куплю. Я к тому, что товару в Берлине бездна.[3] — Хоть и получишь это письмо и хоть очень вероятно, что я выеду в половине будущей недели, но всё же обращаюсь к твоему благо́разумию и советую не принимать буквально: Орт всё может переменить. Если переменит, то, разумеется, уведомлю. Но если оставит еще на неделю, то я последние излишки мои из оставшихся денег принужден буду здесь прожить. Вот уж прошла почти неделя, назначенная в последний раз Ортом, а что пользы? Скрип в груди (от припадка ли или от ненастья) не проходит. Одним словом, хоть и есть облегчение от всего лечения, но болезнь остается.[4] Вся надежда, что лечение скажется, говорят, еще впоследствии, зимой. Ну там что еще будет.

Благодарю тебя, милая моя, что об детишках пишешь: я Любочку как будто вижу перед собой. Соскучился я по них ужасно. Сегодня ночью видел тебя во сне и очень жалел, проснувшись, что тебя со мной нет. Видел тоже и Любочку: она плакала и что-то говорила мне. Очень я на их счет стал мнителен, чуть три дня, и я уж задумываюсь, не случилось ли чего. Сегодня, в первый день, кажется, после припадка,[5] освежилась совсем голова. Если б не эти припадки, право, мне леченье помогло бы больше. Одно что несомненно, — то, что я, во всем остальном, чувствую себя несравненно здоровее прежнего: силы, сон, аппетит — всё это превосходно. Хоть этот выигрыш приписываю эмским водам и тому, что 6 недель аккуратно вставал в 6 часов. Штакеншнейдер уверяет, что он никогда не видал у меня такого свежего лица, как теперь. Во время последних дождей и туманов здесь многие простудились. Несомненно, простудился и я. С некоторой заботой помышляю о том, как мне придется возвращаться, и, главное, заботит меня дорога из Петербурга в Ст‹арую› Руссу: еще, чего доброго, придется ждать парохода, возиться с озером.[6] Как грустно, что нечего и не на что при-

везти вам гостинцу. Все-таки, я думаю, к августу или в начале нашего августа я в Руссе буду, так, как и предполагал. Боюсь, как мы жить будем в Петербурге, то есть о средствах; всё об этом думаю. Как будем нанимать квартиру? Вот тоже забота! — Приготовил я здесь 2 плана романов и не знаю, на который решиться.[7] Если в августе вполне устроимся, то в конце августа примусь писать, и знаешь ли, о чем думаю: хватит ли сил и здоровья для таких каторжных занятий, какие я задавал себе до сих пор? А что вышло: романы оканчивал, а здоровье все-таки, *в целом*, расстроил. Если здоровье будет такое же, как в первую половину прошлой зимы, то будет не совсем хорошо для работы.

Хоть Эмс и начал понемногу пустеть, но русских в нем тьма сколько. И какой он скучный в дождь, всё в тумане, совершенный ноябрь. (Жалею, что не имею шерстяных носков для езды почью по Новгород‹ской› дороге и по озеру в случае ненастья.) Дай бог, чтоб в Руссе застать хорошую погоду. Хорошо бы приехать тоже в Петербург не к воскресению или в праздник,[8] чтоб можно было застать людей. Штакеншнейдеры тоже уезжают на следующей неделе, в Гатчино, но я постараюсь поехать не с ними вместе. Кстати, выходит, что во Франции самая высокая плата за дорогу: из Эмса в Париж 70 франк‹ов› без поклажи, и что всего хуже — вторые классы даже и не существуют в прямом сообщении. По крайней мере, на дебаркадере здесь продаются до Парижа особые билеты mixte,* то есть по Германии во 2-м классе, а по Франции в 1-м. Штакеншнейдеры прокутились и экономят ужасно, а между тем по Франции ехали в 1-м классе, уверяя, что французский 1-й класс хуже немецкого 2-го, потому что как сельди в бочонке напиханы и сиденья ужасно устроены. Езда уж слишком сильная, оттого антрепренеры дороги и куражатся. — Кстати, Штакеншнейдеры мне положительно сказали, что *фай* в Париже уже не считается модной матерьей и что теперь им пренебрегают, говорят, что он *ломок*, дает складку и в складке вытирается, а что модная матерья из черных теперь другая и называется *драп* и что на нее все накинулись и все берут. Они мне показывали этот драп: очень похожий на фай, но более на прежний пудесуа глясе.[9]

Хоть и скоро увидимся, а всё об вас думаю с заботой, как бы только не случилось чего дурного. А там, Аня, опять жить на ура, или, вернее, как бог пошлет. И что всего хуже — всё еще есть долги, ничего и скопить нельзя. Хоть бы на три годика хватило моего здоровья, авось бы как и поправились. Но обо всем этом подробнее поговорим и повздыхаем при свиданье. А теперь что-то скажет Орт. До свиданья, бесценный друг мой. Ты одна в моей душе и в моих мечтах. Расцелуй и прибереги де-

---

* смешанные (*франц.*).

тишек, а я весь ваш всегда и везде, обнимаю вас крепко и душевно.

Ваш Ф. Достоевский.

Все поклоны как следует.

P. S. Сегодня утром встало было яркое солнце, а теперь опять ветер, и немцы, и облака. Грустно здесь.

546. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

11 августа 1874. Старая Русса

Старая Русса 11 августа/74.

Милостивый государь Виктор Феофилович,

Две недели назад, в бытность мою проездом в Петербурге,[1] когда Вы так обязательно обещали мне собрать по газетам процесс Долгушина и К°,[2] — я не успел зайти к Вам за газетами, буквально не имея минуты времени. Сим же спешу предуведомить, что на днях зайдет к Вам в редакцию[3] одна дама, которую я просил об этом, и если процесс у Вас уже был для меня собран, то не откажите вручить ей №№. Князь[4] советовал мне читать по «Москов‹ским› ведомостям», да и сам я знаю, почему там интереснее. Итак, прошу убедительнейше или по «Московским», или, если уж нельзя, то по «Голосу».[5] №№ эти мне *капитально* нужны для того литературного дела, которым я теперь занят,[6] и если Вы, многоуважаемый Виктор Феофилович, всё еще так добры, что не откажетесь содействовать, то капитально меня одолжите, а я за то, честное слово даю, не останусь в долгу перед «Гражданином».

В случае если бы Вас, во время прихода этой дамы, не было дома, оставьте газеты кому-нибудь в редакции для передачи по ее спросу.

Я остаюсь на всю зиму (для усиленной работы) в Старой Руссе,[7] но, однако же, три-четыре раза в зиму буду наезжать в Петербург, дней на десять и более. Первый приезд мой состоится около сентября, в половине. Передайте князю мое глубочайшее уважение, равно Александру Устиновичу и всем, кого встретите из наших.

А засим примите уверение моего совершенного уважения, с которым пребываю

Ваш слуга Ф. Достоевский.

547. П. А. ИСАЕВУ

10 сентября 1874. Старая Русса

Старая Русса 10 сентяб./74

Любезный друг Паша,

Письмо твое получил сегодня,[1] 10-го, и сейчас же спешу тебе ответить. Посылаю тебе 20 руб. Извини, что не посылаю всех тридцати, но в данный момент совершенно того не могу. Рад, что хоть этим могу тебе быть капельку полезным. С удовольствием узнал тоже, что Тришины тебе выдали наконец 25 р. В приезд мой из Эмса в Старую Руссу, около 30 июля, я пробыл двое суток в Петербурге, и хотя был завален делом, — так что много не сделал и до меня касающегося, — но непременно заехал бы к тебе, если б знал твой точный адресс: так мне хотелось тебя видеть, особенно после рассказов Тришиных. Но Миша не мог мне сообщить твоего точного адреса. Поздравляю тебя, голубчик Паша, с дочкой Машей. Равномерно прочел с большим удовольствием то, что ты пишешь о Верочке, — что она поздоровела, с зубками, и даже начинает ходить. Желаю от души всем вам счастья — тебе, супруге и деткам, тебе же желаю побольше удачи.

Пишешь, что имеешь место, хоть и маленькое. Тришины пишут, однако же, что 50 руб. жалованья.[2] Видишь, друг мой: если такое место уже имеешь, то и держись за него терпеливо, хотя бы на том основании, что лучше, сидя на месте, хотя бы, и маленьком, искать большего и лучшего, чем искать, не имея совсем места. То, что ты пишешь о неприятности своего положения в последние месяцы от недостатка средств, было мне очень тяжело узнать, и верь, что я о тебе много думал. С своей стороны благодарю тебя сердечно и за добрые твои чувства ко мне, выраженные в твоем письме.

Мы остались на зиму в Старой Руссе по общему соглашению с Анной Григорьевной (которая тебя благодарит за твой привет и желает тебе всего лучшего). В будущем году, примерно в мае, ей надо будет, по давнишнему совету докторов, съездить за границу, в Швальбах, на железные воды, от малокровия. Таким образом, пришлось бы нанимать в Петербурге до мая, подниматься, хлопотать и проч. В Старой же Руссе и климат лучше, и для детей лучше, и вдвое дешевле. Мне же надо работать, нужна, стало быть, большая отдельная от детей комната. В Петербурге нанимать такую квартиру стоит 1000 руб. Здесь я имею 7 *больших* комнат, меблированных (весь этаж), за 15 руб. в месяц, дрова стоят два рубля сажень, говядина, дичь и проч. *втрое* дешевле петербургского. Чего же было думать? И хотя придется, по делам, быть раза три в зиму в Петербурге, дней на 10 каждый раз, но и при этом, по расчету денежной выгоды, чуть не вдвое выйдет против петербургского. Но главная выгода, кроме

денежной, как я сказал уже, в том, что больше уединения для работы, и в том, что детям здесь здоровее и привольнее.[3] Ты не ошибся, Федя очень вырос, да и Лиля поправляется. Передал им твой поцелуй, за который благодарю тебя.

Итак, до свидания, Паша. Буду в Петербурге — наверно увидимся. Заеду к тебе. Сам же останавливаться буду в Знаменской гостинице. Буду или в начале октября, или уже в декабре к рождеству.

Крепко жму тебе руку.

Твой любящий тебя Ф. Достоевский.[4]

548. Н. А. НЕКРАСОВУ

20 октября 1874. Старая Русса

20 октября. Старая Русса/74.

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Получать «От‹ечественные› записки» для меня, в настоящую минуту, не только соблазнительно, но и почти необходимо. За этот год я читал всего только первые четыре №. Далее, в мае, хотел было подписаться, но отложил до оседлого времени. Теперь я здесь сижу прочно, не выеду всю зиму, а потому и весьма благодарен Вам за предложение получать журнал теперь же.[1]

Безо всякого сомнения, я, как автор, ничего ровно не могу сказать Вам об успехе или неуспехе работы (то есть хотя бы и с моей одной точки зрения). Пишу-то я пишу, а выйдет то, что бог даст. При этом постараюсь явиться с январской книжки.[2] Но *во всяком случае* уведомлю Вас заранее, еще в ноябре, в конце, о ходе дела. Работу же пришлю (или привезу) ни в каком случае не позже 10-го декабря.

Благодарю за пожелание здоровья и настроения. Признаюсь Вам, что здоровье досаждает мне более настроения: два припадка сразу падучей, от этого очень неприятное настроение, и именно в данный момент.

Доброго и Вам всего желаю: и здоровья, и начинаний. Не готовите ли чего к 1 №? Очень бы приятно именно к 1 №.[3]

Ваш весь Федор Достоевский.

549. П. А. ИСАЕВУ

4 ноября 1874. Старая Русса

4 ноября/74.

Любезнейший друг Паша, твое длинное письмо получил вчера[1] и, по просьбе твоей, отвечаю немедленно. Если б я и хотел тебе *изо всех сил* дать просимое тобою, то ни в каком случае не мог бы в настоящих моих обстоятельствах, ибо *нет у меня денег*, и так сложилось, что до напечатания моей работы в «От‹ечественных› записках» неоткуда будет получить. Далеко не уверен, проживу ли на имеемые деньги даже и до половины декабря, а с чем в Петербург отправлюсь — сам не понимаю. Из редакции «От‹ечественных› записок» я взял весной 2000 руб. и теперь никоим образом не могу брать вперед, да если и мог бы — *не захочу*, ибо есть известные отношения, которые надо всегда иметь во внимании.

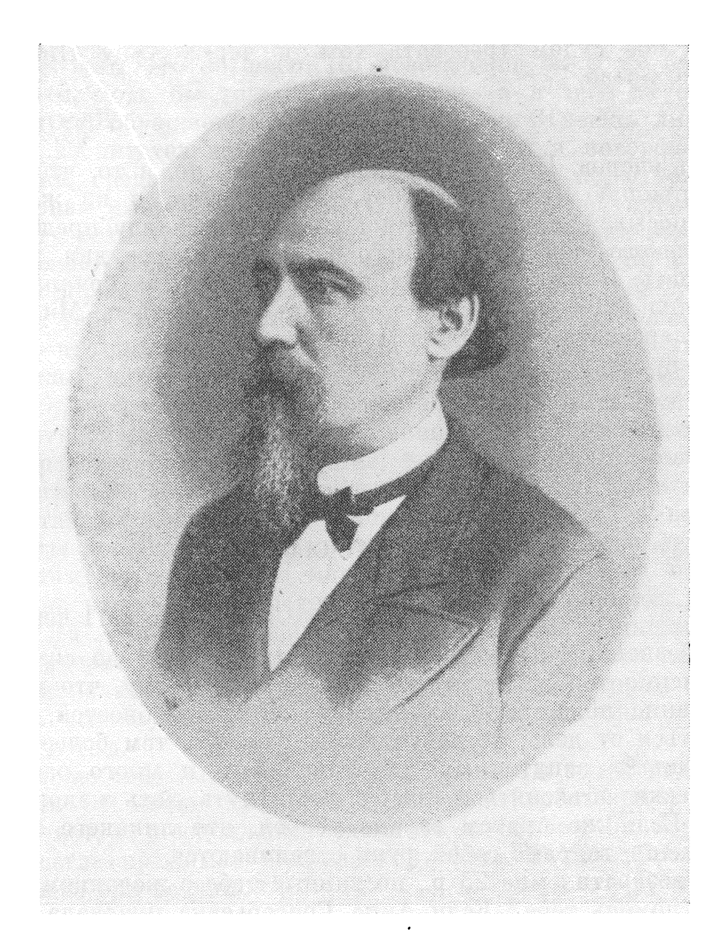
Анна Григорьевна была в Петербурге, там имела письмо от Надежды Михайловны (насчет доктора Сниткина и новорожденного твоего ребенка).[2] Надежда Михайловна снесла-таки его в Воспитательный. Анна Григорьевна не только не могла быть у нее, но даже Федора Михайловича, приехавшего из Курска, по очень важному делу не могла видеть, даже Мишу не видала, которому надо было кое-что поручить. Она половины дел не сделала, потому что так случилось, что никак не могла остаться лишний день в Петербурге.

Между тем Надежда Михайловна не имела ни малейшего понятия, куда ты девался, да и сам ты это подтверждаешь в своем письме. Не стыдно ль тебе так поступать: мог бы и должен бы был уведомлять домашних чаще. Время у тебя есть; написал же мне всю свою биографию — значит, есть время.

Я рад, что тебе удалось место получить, но уверен, что через три-четыре месяца сойдешь и опять куда-нибудь переедешь. Если сделали, то ведь ради моих просьб — постарайся же и сам за себя сколько-нибудь. Вся важность — благоразумие в поведении: имей его и *не возносись*. Я рад, что Перцов меня помнит; но ты мое имя все-таки употребляй потрезвее.[2]

Посылаю тебе ввиду жестокого твоего положения 25 руб. Постарайся их, если можно, все отослать к Надежде Михайловне, не покупай себе запонок, портмоне и проч., и перетерпи серьезно до генваря. А я (если могу только, но изо всех сил постараюсь) пришлю еще в декабре капельку; но вот и всё, что могу сделать, хоть зарежь.

Ради бога, не бери взаймы у Софьи Александровны. Передай ей, что я целую ее руки и обнимаю ее душевно. Напишу непременно ей; слишком накопилось, что сказать. Сам я так занят, что гораздо хуже каторги, и только боюсь припадков от напряжения.

Н. А. Некрасов (Петербург, 1872).

Фотография К. И. Бергамаско.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Елене Павловне мой нижайший поклон.

Если б она тебе хоть капельку тоже дала взаймы (до генваря), то, может быть, ты бы и дотянул до генваря.

Марье Александровне, Вере Михайловне и всем, если увидишь, поклон. Спасибо за карточку.[4]

Твой в‹есь› Ф. Достоевский.

Эти 25 рублей точно отрезал от себя ножом — до того я теперь в безденежье, да и хуже всего, что не в Петербурге, где всё же легче достать в самом крайнем случае, чем здесь.

Как несообразен с здравым смыслом вексель на имя Анны Николавны! [5] Ну не всё ли равно, что на мое, и неужели бы я

с тебя мог судом требовать хоть и через Анну Николавну? Смешно, право.

Дос‹тоевский›.

Будь здоров. Пошли Надежде Михайловне, и то, что я в декабре пришлю (если пришлю), тоже пошли, и из жалованья своего посылай, а сам извернись как-нибудь ввиду предстоящего и недалекого успеха. У всякого в жизни бывают дни, что надо претерпеть. Я пять лет сряду терпел и ждал, да почище твоего, а тут только 3 месяца! И того меньше. Надежда Михайловна может переехать в генваре в Москву.

За карточку Верочки спасибо.[a]

---

[a] *Приписано на полях.*

550. П. А. ИСАЕВУ

11 декабря 1874. Старая Русса

Старая Русса 11 декабря/74.

Любезнейший Паша, если я не отвечал тебе до сих пор на твое письмо от 12 ноября,[1] то единственно потому, что мне было совершенно некогда. Я, по складу моих способностей, не могу отрываться от дела, когда усиленно работаю, тем более для дел хлопотливых, запутанных, где надо долго и много рассуждать и всячески объясняться, чтобы достигнуть хоть какого-нибудь толку. Если же притом заране уверен, что никакого толку не достигнешь, то, само собой, руки отваливаются.

Ты возвратил мне 25 р., посланные тебе с желанием от всего сердца помочь тебе.[2] Если Анна Григорьевна прислала тебе неприятное для тебя письмо, то смешивать нас обоих в этом деле ты не имел никакого права. Ты имел дело со мной, получал деньги от меня, а не от нее, тем более что я о письме ее к тебе не знал ничего. И ты очень хорошо знал сам о том, что я не знал ничего: иначе как же мне понимать первую страницу твоего письма, где излагаешь, что *уверен и продолжаешь быть уверенным* в моих добрых и искренних чувствах к тебе? Если уверен в моих чувствах, то, стало быть, не смешиваешь моих чувств с предполагаемыми тобою дурными чувствами к тебе Анны Григорьевны. А если так, то зачем ты мне выслал 25 р. обратно? Если выслал, значит, именно смешиваешь наши чувства вместе и предполагаешь в нас один умысел. А в таком случае твоя первая страница выходит ложь и т. д. и т. д. Кафимский узел.[6] Да и кто разберет путаницу у нелогических и отчасти дурно развитых людей, каков ты.

Но пусть ты сделал одну только нелогичность. Чем, скажи, ты обиделся? Анна Григорьевна мне своего письма не показы-

вала, и я всего его не знаю. Но невозможно же и не быть возмущенным, хотя бы только со стороны (а я тебе не сторона) тем, как ты обращаешься с своими детьми. Имеешь ли ты понятие о воспитательном доме[4] и о воспитании новорожденного у чухонки, среди сора, грязи, вони, щипков и, может быть, побой: верная смерть. Друг мой Паша, я тебя не укоряю, хотя и не могу оставаться хладнокровным. Ведь не отдал же я тебя, всего только пасынка, куда-нибудь в ученье, в люди, в сапожники, а держал, воспитал, учил, да и теперь о тебе старался, писал за тебя письма или ходил просить о тебе бог знает каких людей — что для меня нож вострый иногда. Между тем ты, столь щекотливый даже относительно меня и моих, об тебе всегда старавшихся, столь щепетильно наклонный требовать исполнения *долгов* относительно тебя, — сам слишком беспечен относительно своих нравственных обязанностей, человеческих обязанностей — и относительно детей своих, и относительно отца. Ну к чему ты теперь так разобиделся, так защепетилился? Уж во всяком-то случае ты должен бы был взять в соображение всю сумму наших взаимных отношений, начиная с твоего детства и до сих пор. Я не кто-нибудь для тебя, чтоб со мной тебе так щепетилиться. Да и об Анне Григорьевне ты бы мог в письме своем ко мне удержаться от таких резких выражений, как например: «. . . на присланное супругою Вашею письмо, в котором она, выходя из *всяких границ приличий*, наговорила мне оскорблений. . .» и т. д.

Посылаю тебе карточку Верочки.[5] Если ты хотел радикально разорвать со мною, то пусть судит тебя собственное сердце; если же нет, то продолжай уведомлять иногда о себе; я в судьбе твоей всегда принимал искреннее участие. Впрочем, ничего не навязываю, как хочешь.

Тебя любящий Ф. Достоевский.

551. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

17 декабря 1874. Старая Русса

Старая Русса, 17 декабря/74.

Милая Аня, у нас всё благополучно.[1] Детки пока еще очень умны, поселились в гостиной, наставили стульев и играют. Я встал в 2 часа — никто не будил, видно, слишком утомился от излишне ревностного с тобой прощания. Детишки кушали телятину, молоко, сухари и ездили кататься; потом пошли снег отгребать, всего гуляли примерно минут 40. Я нашел, что это возможно. Где-то ты теперь, доехала ли до Новгорода? Буду ждать телеграммы. Главное, не насилуй себя и не напрягай излишне в Петербурге: у тебя много времени, имей в виду главнейшее в делах, то есть некоторых кредиторов (Варгуниных).[2]

Не забудь и про нас: все-таки нам очень нужны деньги, а до некоторого времени я отношения мои с Некрасовым даже и благонадежными считать не могу.[3] На почту понесу, как ты сказала, незапечатанный конверт, но вряд ли будут какие спросы «Мертвого дома». Да и в Петербурге теперь развал, не до того.[4] Предчувствую, что у тебя с Пантелеевыми [5] выйдут неприятности, и если будут какие сделки с купцами, то вряд ли ты их уладишь. До свидания, обнимаю тебя и целую горячо.

Твой весь Ф. Достоевский.

Не торопись излишне: лучше окончи дела, если б даже что и замешкалось.

552. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

18 декабря 1874. Старая Русса

Старая Русса. 18 декабря/74.

Милая Аня, сегодня утром меня разбудили [а] в 9 часов твоей телеграммой, чему, впрочем, я был рад. Благополучно ли доехала, теперь, в эту минуту, ты уже, может быть, видела и Ивана Григорьевича, и Пантелеевых (с которыми, конечно, побранилась).[1] Ради бога, Аня, не тревожь себя и действуй спокойнее, не кидаясь, без отчаянья, а пуще всего береги здоровье и больше спи и *непременно* исполни всё то, что я говорил тебе насчет докторов. У нас всё благополучно, детки здоровы. Сегодня погода мягче, и я отправил их, впрочем, в 2 часа только, к батюшке [2] и дал на извозчика. Они ждут игрушек. У Феди я спросил вчера: «Где теперь мама?» Он подумал и с глубокомысленным видом отвечал: «Не знаю». Вчера во время папирос [3] стали они танцевать, и Федя выдумал новое *па*: Лиля становилась у зеркала, а Федя напротив у дверей, и оба в такт (причем Лиля была очень грациозна) шли друг другу навстречу; сойдясь (всё в такт), Федя целовал Лилю, и, поцеловавшись, они расходились, Федя к зеркалу, а Лиля на его прежнее место и т‹ак› далее.[б] Они раз 10 повторили эту фигуру и каждый раз, сходясь, целовались. Было очень грациозно.

Писем никаких, вряд ли и будет. Некрасов, верно, просто отдал печатать; но пришлет ли корректуры? [4] Хорошо, если б все наши дела уладились. До свидания, Аня. Только 20-го разве получу от тебя что-нибудь с некоторым изложением обстоятельств. Но лучше расскажи, приехав, больше интересу, а мне

[а] *Далее было*: утром
[б] *Далее было*: до бесконечности

присылай разве простой перечень да уж очень выдающиеся происшествия. До свидания, обнимаю тебя крепко.

Твой сердечно тебя любящий и по тебе тоскующий

Ф. Достоевский.

Детки тебя целуют.

Не беспокойся об нас, у нас пока всё хорошо.

553. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

19 декабря 1874. Старая Русса

Старая Русса. 19 декабря/74.

Милая Аня, пишу тебе вот уже третье письмо.[1] Надеюсь, что сегодня хоть несколько строк получу от тебя. У нас все здоровы и всё благополучно. Детки гуляют и играют. Сегодня погода довольно теплая, но несколько сырая; но гуляли много. Ведут себя прекрасно; Федя немножко слишком буянит, но очень невинно, Лиля очень мила. Заспорили о лопатках, и так как Федя не хотел ей дать свою поиграть, то она объявила, что он «сестру не любит». А Федя отвечает мне: «Что она говорит, я ее день и ночь люблю». Потом из кабинета слышу ужасный плач Лили. Вошел: она, рыдая, жалуется, что Федя не захотел сидеть у ней на коленях, как у няни. «Если ты только у няни сидишь, так пусть же она тебе сестра и будет». Я примирил тем, что посадил Лилю, а Федю к ней на колени, и, действительно, просидели с минуту.

Я послал тебе вчера письмо Черенина. Неважно спрашивает: 5 экземпляров![2] Все они боятся отдавать должные деньги, и, наверно, у него не 6 экземпляров «Бесов» продано, а больше, так что он, чтоб только деньги не отдавать, и не спросит еще «Бесов».[3] Стало быть, давать на комиссию не совсем выгодно. Да и предчувствую очень, что «Мертвого дома» не много разберут.[4]

Теперь, в эту минуту, ты, должно быть, ужасно хлопочешь, ходишь и ездишь. Не торопись, не рви, а главное, береги здоровье. Мне всё мерещится, что ты там простудишься и что-нибудь схватишь. Хороша ли погода? Непременно будь у докторов.

Вчера прислала свое письмецо Прохоровна, которое я и послал тебе. Ради Христа, отыщи ее [a] и дай ей что-нибудь к празднику,[5] но не менее 3-х рублей. Пожалуйста, Аня.

---

[a] *В подлиннике ошибочно*: его

Я здоров. Дети здоровы и спят хорошо. Скучно без тебя очень, очень. Обнимаю тебя и целую, деткп тоже.

Твой тебя любящий

Федор Достоевский.

Береги здоровье.

554. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

20 декабря 1874. Старая Русса

Старая Русса. 20 декабря/74.

Милая Аня, вчера получил твое сонное письмецо [1] строк в 10 и был очень доволен, что ты хоть доехала благополучно. Главное, здорова. Как-то ты проводишь время? Жду тебя не только с нетерпением, но и с любопытством. Авось кое-что порасскажешь. Деточки, слава богу, здоровы совершенно, только чтоб не сглазить. Мне они не мешают; я сплю по утрам подолгу. Хоть нынче день и не особенно холодный, и не ветреный, но сыроватый, инейный. Я их, однако, отпустил гулять к батюшке и дал на извозчика. Лиля премилая, Федя тоже, но немного отбился от рук, няню не слушается и шалит; по ночам спит очень хорошо, так же и Лиличка. Ждут тебя и вчера говорили, что тебя очень любят. Вчера, в обед, зашел батюшка (Георгиевский) [2] и просидел с часок, пока не пошли на почту. Увы, из книгопродавцев никто почти не откликается. По-видимому, «Мертвый дом» сядет, разве потом, медленно и исподволь по библиотекам разберут и кое-какие любители.[3] Не очень-то нас ценят, Аня. Вчера прочел в «Гражданине» (может, и ты уже там слышала), что Лев Толстой продал свой роман в «Русский вестник», в 40 листов, и он пойдет с января, — по *пятисот* рублей с листа, то есть за 20 *000*.[4] *Мне* 250 р. не могли сразу решиться дать, а Л. Толстому 500 заплатили с готовностью! Нет, уж слишком меня низко ценят, а оттого, что работой живу.[5] Теперь Некрасов вполне может меня стеснить, если будет что-нибудь против их направления: он знает, что в «Р‹усском› вестнике» теперь (то есть на будущий год) меня не возьмут, так как «Русский вестник» [a] завален романами. Но хоть бы нам этот год пришлось милостыню просить, я не уступлю в направлении ни строчки! Не знает ли что Поляков о нашем деле? [6] Кабы хоть какие-нибудь деньги поскорее и *на всякий случай получить*! А то, пожалуй, останемся как раки на мели. От Некрасова всё еще нет никакого уведомления.[7]

До свидания, Аня, обнимаю тебя; получишь это письмо не ранее 22-го, и, кто знает, может быть, уже тебя не застанет.[8]

---

[a] *Было*: журнал

Это письмо от меня, стало быть *последнее*; написать завтра — значит, сильно рисковать, что тебя не застанет. Так и знай и не беспокойся. За детей тоже не беспокойся, я за ними смотрю и особой тягости это мне не составляет. Пожалуйста, не теряй и не бросай зря мои письма в Петербурге, где ты остановилась, чтоб не прочли другие.[6] Кланяйся Михаилу Николаевичу от меня и брату, если застанет письмо. Что Анна Николавна? Не уехала ли с Ив‹аном› Григорьевичем? Ей тоже поклон от меня.

До свидания. Береги в Петербурге здоровье; всё пишут в газетах про тиф. Берегись, ради Христа.[9]

Твои все: Я, Лиля и Федя.

Ф. Достоевский.

Сейчас на почте от тебя письма не получил. Что такое? Всю ночь промучаюсь!

---

[6] *Текст*: чтоб ∾ другие. — *вычеркнут, вероятно, А. Г. Достоевской.*

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1869

17. ДОВЕРЕННОСТЬ П. А. ИСАЕВУ

10 (22) декабря 1869. Дрезден

Любезный пасынок Павел Александрович,

Находясь в настоящее время за границей, в городе Дрездене, и посему будучи не в состоянии вести сам некоторые мои дела в С. Петербурге, — я сим поручаю Вам: 1) Предоставить право издания романа моего, под названием «Идиот», напечатанного мною в журнале «Русский вестник» в 1868 году и оконченного мною в том же журнале в 1869 году, кому заблагорассудится, на срок, за сумму и вообще на условиях, какие сами Вы найдете выгодными для меня, с совершением формального договора или акта, со включением неустоек. 2) Получить с того лица, коему заблагорассудите, по договору с ним, предоставить право издания вышеупомянутого романа «Идиот», всю ту сумму, за которую Вы, по усмотрению Вашему, найдете возможным уступить ему вышеупомянутое право. 3) Следить и впредь за совершенным соблюдением условий того формального договора или акта, каковой нашли бы нужным, по усмотрению Вашему, совершить с тем лицом, коему заблагорассудите предоставить право издания моего романа «Идиот»; при сем взыскивать судебным порядком и получать с того лица все те денежные или иные неустойки, кои сами найдете необходимым выговорить или прописать в мою пользу при совершении с тем лицом вышеупомянутого формального договора или акта. — Доверенность сию предоставляю Вам передоверять другим лицам, по Вашему усмотрению. Во всем же, что Вы на основании сей доверенности учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду.

Отставной подпоручик
Федор Михайлов Достоевский.

Доверенность сия принадлежит дворянину Павлу Александровичу Исаеву.[1]

1870

18. ДОВЕРЕННОСТЬ А. Н. МАЙКОВУ

30 декабря (11 января) 1870. Дрезден

Ваше превосходительство милостивый государь Аполлон Николаевич.

Находясь в настоящее время за границей и будучи не в состоянии лично вести свои дела в С.-Петербурге, я сим поручаю Вам: а) истребовать и получить вместо меня с С.-Петербургского второй гильдии купца Федора Тимофеевича Стелловского, под Вашу расписку, следуемую мне с него уплату за изданное им, Стелловским, в настоящем тысяча восемьсот семидесятом году мое сочинение, роман под названием «Преступление и наказание», в формате издаваемых им, Стелловским, сочинений русских авторов и в котором уже отпечатано и издано в свет Стелловским полное собрание сочинений моих в тысяча восемьсот шестьдесят шестом, в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом годах. Сочинение же мое «Преступление и наказание» написано мною в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году и напечатано было первоначально в том же году в журнале «Русский вестник» [1] в Москве; б) сию уплату за сочинение мое «Преступление и наказание», отпечатанное теперь Стелловским, поручаю Вам истребовать и получить вместо меня под Вашу расписку с Стелловского в силу восьмого пункта условия, заключенного мною с Стелловским в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году и явленного у частного маклера Барулина второго июля того же года, за № 292, при продаже ему, Стелловскому, в том году полного собрания сочинений моих на основании соглашения, точно и ясно обозначенного в четырнадцати пунктах, из которых состоит вышеозначенное мое с Стелловским условие; в) точный расчет следуемой мне теперь уплаты со Стелловского за отпечатанный и опубликованный им в продажу роман мой «Преступление и наказание» доверяю Вам сделать в силу восьмого пункта вышеозначенного условия, совершенного мною с Стелловским в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году; [2] г) в случае если упоминаемый С.-Петербургский купец второй гильдии Федор Тимофеевич Стелловский откажется от следуемой мне теперь на основании пунктов вышеозначенного условия уплаты за отпечатанное и выпущенное им в свет сочинение мое «Преступление и наказание»; равномерно, в случае если им, Стелловским, при издании в свет сего сочинения моего и вообще при издании всех тех сочинений, которые имеет право издавать Стелловский на основании пунктов вышеозначенного условия, будут или были нарушены им, Стелловским, какие бы то ни было пункты того условия, то доверяю Вам немедленно судебным порядком преследовать и с Стелловского в пользу мою взыскать по закону всю

обозначенную по точному смыслу тринадцатого пункта того условия (заключенного мною с Стелловским в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году и явленного у частного маклера Барулина второго июля того же года за № 292) неустойку; д) по всем вообще делам моим уполномачиваю Вас иметь ходатайство, во всех без иключения присутственных и судебных местах, а также у должностных лиц, порядком гражданским или уголовным, исковым или тяжебным, — являться вместо меня в качестве истца или ответчика, подавать, от имени моего, всякого рода прошения, объявления, объяснения, заявления, отзывы и возражения, предъявлять споры о подлоге и давать ответы по таковым спорам, заявлять отводы и привлекать к ответственности третьих лиц, присутствовать при докладах дел и давать словесные объяснения, выслушивать решения и определения, изъявлять на них удовольствие или неудовольствие, приносить частные, апелляционные и кассационные жалобы во все высшие инстанции суда, не исключая и Правительствующего Сената; ходатайствовать о предварительном исполнении решений и об отмене решений, вступивших в законную силу, оканчивать дела миром и заключать мировые сделки, избирать посредников для третейского разбирательства, взыскивать судебные издержки и убытки, находиться при описи и продаже имущества должников, получать под свою расписку деньги, исполнительные листы, копии с решений, документы и другие бумаги; словом, во всех случаях, где может потребоваться личное мое присутствие, прошу заменять меня вполне. Доверенность эту представляю Вам передоверять другим лицам по Вашему усмотрению. Во всем же, что Вы на основании сей доверенности учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду.[3]

Дрезден. 1870 г. декабря, тридцатого дня.

Отставной подпоручик
Федор Михайлов Достоевский.

1872

19. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

15 декабря 1872. Петербург

В Главное управление по делам печати Статского советника князя Владимира Петровича Мещерского, надворного советника Григория Константиновича Градовского и отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского

Прошение

На основании взаимного нашего соглашения я, Градовский, по обстоятельствам предполагая оставить утвержденное за мною звание редактора журнала «Гражданин» и уступая все права свои по сему изданию отставному подпоручику Достоевскому; я, Федор Достоевский, желая принять на себя как звание ответственного редактора, так и все права по изданию «Гражданин» его, Градовского, и я, князь Мещерский, соглашаясь на все вышеозначенные перемены,[1] — имеем честь покорнейше просить Главное управление по делам печати разрешить предполагаемую нами перемену, утвердив отставного подпоручика Достоевского в звании ответственного редактора журнала «Гражданин». При сем прилагается подписка Федора Достоевского, требуемая правилами по делам печати. Копия же с условия, имеющего быть заключенным между князем Мещерским и Федором Достоевским, будет представлена в Главное управление по делам печати взамен таковой же копии с условия между князем Мещерским и надворным советником Градовским.

К сему прошению руку приложили:

Статский советник князь
Владимир Петрович Мещерский.

Надворный советник
Григорий Градовский.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

20. РЕДАКТОРСКАЯ ПОДПИСКА

15 декабря 1872. Петербург

Даю сию подписку в том, что в случае утверждения меня редактором журнала «Гражданин» я, Федор Михайлович Достоевский, принимаю на себя все обязательства по сему изданию в качестве ответственного редактора.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

1872 года
декабря 15-го.
С.-Петербург.

1873

21. М. Н. ЛОНГИНОВУ

11 ноября 1873. Петербург

Ваше превосходительство Михаил Николаевич,

Предполагая за собою вину неумышленного допущения в какой-либо статье последних нумеров издаваемого мною журнала «Гражданин» таких выражений, которые могли послужить поводом к запрещению розничной продажи,[1] и искренно сожалея о том, что вследствие такового моего недосмотра, на основании таковых выражений, действительно можно приписать моему изданию мысли, которые *противоречат всему его направлению,* — я имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство: не признаете ли возможным, ввиду того, насколько принятая относительно издания моего мера в конце года ощутительна в материальном отношении, принять на себя любезный труд исходатайствовать у г-на Министра внутренних дел распоряжение вновь пользоваться моему изданию правом розничной продажи.[2]

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ваш покорный слуга Федор Достоевский.

11 ноября 1873 г.

22. НАБРОСОК ПРОШЕНИЯ О ВЗЫСКАНИИ ДЕНЕГ С ИЗДАТЕЛЯ Ф. Т. СТЕЛЛОВСКОГО

1873. Петербург

Просит отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский. Имею иск против Стелловского СПб. купц<а>

1874

23. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА, ИЗБРАННОГО ОБЩЕСТВОМ ЛИТЕРАТОРОВ ДЛЯ ИЗДАНИЯ СБОРНИКА «СКЛАДЧИНА»

11 января 1874

11 января/74.

Милостивый государь Андрей Александрович,

На запрос Комитета по изданию сборника «Складчина», которого Вы, милостивый государь, состоите председателем,[1] имею честь ответить, что могу доставить статью мою не ранее 1-го февраля, — срока, определенного в заседании Общества литераторов для крайнего доставления статей.[2]

Извещая Вас о сем, имею честь быть, милостивый государь, с совершенным к Вам уважением Вашим покорным слугою.

Ф. Достоевский.

24. В С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

19 января 1874. Петербург

Редакция журнала «Гражданин».
С.-Петербург.
Малая Итальянская, д. № 21.
19 генваря 1874 года.

В С.-Петербургский цензурный комитет.

Вследствие запроса относительно статей, помещенных в № 2-м журнала «Гражданин»,[1] были ли таковые представлены на утверждение министра императорского двора, имею честь уведомить, что так как ни в «Петербургском обозрении»[2] не заключались какие-либо речи, августейшими особами сказанные, ни подробности интимной жизни тех же особ, то я считал себя вправе полагать, что на напечатание их не следовало испрашивать позволения министра двора, тем более что все газеты, не исключая и полуофициальной газеты «Journal de St. Pétersbourg», точно такие же подробности печатали, извлекая оные из английских газет.

К тому же считаю долгом присовокупить, что статья о великой княгине, вызванная сочувствием к торжеству бракосочетания, была написана в пятницу, и если бы должна была быть представлена на утверждение, то она вовсе не могла бы быть напечатана, так как на испрошение согласия г-на министра двора следовало бы положить по крайней мере 2-х недельный

срок. Молчание же редакции журнала «Гражданин» по поводу столь дорогого события было бы признаком неуважения или несочувствия к событию со стороны такого органа печати, который, за неимением других выгод, считает себя по крайней мере вправе выражать те сердечные чувства, которые в известные торжественные минуты высказывать значит удовлетворить духовной потребности каждого русского, — чувства, отголоском которых в настоящее время переполнены все английские и даже французские газеты.

Что же касается подробностей о бракосочетании, то они представляют не что иное, как развитие и изложение на простом языке всего напечатанного в высочайше утвержденном церемониале, или же такие подробности, которые, как я имел честь выше сказать, напечатаны в извлечениях из иностранных и других газетах, или же, как, например, подробность о приданом, напечатана с целью помешать распространению нелепых и *вредных* слухов в обществе о каких-то громадных суммах в десятки миллионов, будто бы выданных государем по случаю бракосочетания великой княгини.

Редактор журнала «Гражданин»
Ф. М. Достоевский.

25. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

13 марта 1874. Петербург

1874 года марта 13 дня. Я, нижеподписавшийся, получив от г-на старшего инспектора типографий и т. п. заведений, а также книжной торговли в С.-Петербурге копию с распоряжения г-на министра внутренних дел об объявлении первого предостережения редактируемому мною журналу «Гражданин», обязуюсь таковое распоряжение напечатать согласно порядку, указанному в ст. 31 гл. II закона 6 апреля 1865 года.[1]

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

26. ДОГОВОР С А. Н. СНИТКИНОЙ

19 марта 1874. Петербург

С.-Петербург. Тысяча восемьсот семьдесят четвертого года марта девятнадцатого мы, нижеподписавшиеся: отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский и вдова чиновника Анна Николаевна Сниткина договорились в следующем: 1) Из нас я, Достоевский, уступил Сниткиной за две тысячи рублей в полную

и неотъемлемую собственность авторское право на издание моих сочинений: романов: «Бедные люди», «Записки из Мертвого дома», «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Село Степанчиково», — повестей: «Хозяйка», «Слабое сердце», «Записки из подполья», «Рулетенбург», «Неточка Незванова», «Двойник» и «Дядюшкин сон», — и рассказов: «Крокодил», «Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Господин Прохарчин», «Честный вор», «Маленький герой» и «Елка и свадьба». 2) За уступкою права на означенные сочинения я, Достоевский, предоставляю г-же Сниткиной, по ее усмотрению, издавать оные, передавать или отчуждать в собственность других лиц с тем, однако, чтобы при издании не было допускаемо никаких изменений и дополнений без моего, Достоевского, одобрения. 3) Деньги две тысячи рублей я, Достоевский, от г-жи Сниткиной при подписании сего договора сполна получил и засим ни я, ни мои наследники не должны иметь к ней, Сниткиной, на означенные сочинения никаких прав и претензий; и 4) Договор сей обязуемся исполнить в точности беспрекословно.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.
Вдова чиновника
Анна Николаевна Сниткина.

27. ПРОШЕНИЕ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

19 марта 1874. Петербург

В Главное управление по делам печати.

Прошение

Редактора-издателя журнала «Гражданин»
Федора Михайловича Достоевского.

Имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати разрешить, по случаю моей болезни, доктору прав Виктору Феофиловичу Пуцыковичу принять на себя, на шесть месяцев, звание ответственного редактора издаваемого мною журнала «Гражданин».

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

19 марта 1874 г.
С.-Петербург.

28. ПРОШЕНИЕ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

24 апреля 1874. Петербург

В Главное управление по делам печати.

Прошение

Издателя-редактора журнала «Гражданин»
Федора Михайловича *Достоевского* и
временного редактора того же журнала
Виктора Феофиловича *Пуцыковича*.

На основ. II ст. II главы Прил. к ст. 5 Ценз. уст. по прод. 1868 г. имеем честь заявить Главному управлению по делам печати, что из нас я, издатель-редактор журнала «Гражданин» Федор Достоевский, *передал свои издательские права на этот журнал* временному редактору его доктору прав Виктору Пуцыковичу, а я, вр‹еменный› редактор Виктор Пуцыкович, принял упомянутые права. Прошение это доверяется подать в Главное управление Пуцыковичу.

24 апреля 1874 г.
С.-Петербург.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

Врем. редактор д-р прав
Виктор Феофилович Пуцыкович.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

395$_1$. М. Н. КАТКОВУ

19 сентября (1 октября) 1870. Дрезден

1-я редакция

1 окт./19 сент.

Мил‹остивый› г‹осударь› Мих‹аил› Никиф‹орович›,

Я работал с последнего моего письма к Вам пзо всех сил беспрерывно и опять, по-видимому, обманул Вас, то есть не прислал ничего до сих пор. Но мне всё не удавалось,[а] у меня до 15 печатных листов было написано, но я 2 раза[б] переменял план (не мысль романа, а только план) и 2 раза садился за переделку сначала. Но теперь всё стройно и установилось. Не знаю, удастся ли, а идея хорошая. Для меня этот роман слишком много составляет.

Он будет в 30 листов[в] и в трех больших частях. Через 2 недели по получении этого письма редакция «Русского вестника» получит два первые эпизода 1-й части, то есть половину ее, а к 13 ноября и всю 1-ю часть. Затем доставка не замедлит. Из написанных 15[г] листов наверно двенадцать войдут в новую редакцию.[д] Мне самому слишком дорог успех,[е] и я не захочу сознательно повредить ему.

Таким образом, раньше первого января будущего года нельзя[ж] его печатать.[з] Прошу у Вас чрезвычайно извинить меня, что не сдержал слова и не выслал раньше.[и] Уверяю Вас, что не от меня зависело. Теперь же счел необходимым уведомить Вас этим письмом о ходе дела, то есть[к] о том, что я непременно доставлю работу и не манкирую ни за что на свете.

а *Далее было начато*: я два раз‹а›
б *Далее было начато*: сади‹лся›
в *Далее было начато*: через две н‹едели›
г *Было начато*: почт‹и› 15
д *Было начато*: редакцию рома‹на›. *Далее было начато*: Я сам д‹орожу›
е *Далее было начато*: этого романа
ж *Далее было*: располагать
з *Далее было начато*: *а*. Если я моим прежним обращением прислать его в нынешнем году *б*. Если я моим прежним обращением прислать его для напечатания в нынешнем году
и *Вместо*: что ∾ не выслал раньше — *было*: что опять не сдержал вполне слова и не присл‹ал›
к *Было*: именно

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1870

8. А. М. ГОРЧАКОВУ

30 ноября (12 декабря) 1870. Дрезден

Мы, русские, проживающие временно за границею, в Дрездене, с восторгом и благодарностью узнали о высочайшей воле, изображенной Вами в депеше от 19 октября[1] к представителям России при державах, подписавших Парижский трактат.[2] Мы счастливы тем, что можем и отсюда, братски и единодушно собравшись вместе, заявить Вашему сиятельству о радостных чувствах, испытанных каждым из нас при чтении Вашей депеши.[3] Нам как бы послышался в ней голос всей нашей великой и славной России. Каждый из нас, гордясь именем Русского, читал эти слова, исполненные правды и высочайшего достоинства. Мы молим бога о счастье нашей возлюбленной родины и да сохранит ее надолго от испытаний. Молим, да сохранит ей еще на долгие годы нашего обожаемого государя-освободителя, а ему таких доблестных слуг, как Вы.

1873

9. ДОГОВОР С Б. Б. ПОЛЯКОВЫМ

13 июня 1873. Петербург

1873, 13 июня

1873 года июня 13 дня мы, нижеподписавшиеся, отставной подпоручик Федор Михайлович и дворяне Федор Михайлович и Михаил Михайлович Достоевские, заключили сие условие с действительным статским советником Борисом Борисовичем Поляковым[1] в нижеследующем: 1, Мы, Достоевские, уполномочили г-на Полякова доверенностью, явленною 15 мая сего года у С.-Петербургского нотариуса Нитославского,[2] на предъявление в надлежащем судебном месте наших законных прав к наследству, оставшемуся после умершей родной сестры покойной матери моей, Федора, а нашей, Федора и Михаила, бабки Марии Федоровны Достоевской, урожденной Нечаевой, Александры Федоровны Куманиной, урожденной тоже Нечаевой, и по утвержде-

нии нас в правах наследства, в порядке охранительном или в исковом, к имению умершей Куманиной обязуемся за труды и ходатайство г-на Полякова заплатить ему по продаже имения из следующей на нашу часть суммы по пятнадцати копеек с каждого рубля. 2, Расходы по ведению дела, как-то: судебные и канцелярские пошлины, гербовая бумага, переписка и путевые издержки мы, Достоевские, принимаем на себя,[3] а я, Поляков, должен давать отчет в употреблении получаемых на расходы сумм. 3, Я, Поляков, принимая на себя ходатайство об утверждении доверителей моих, Достоевских, в правах наследства, должен вести дело добросовестно и не допускать медлительности. 4, Мы, Достоевские, уполномочив г-на Полякова доверенностью на ведение означенного дела, не должны до окончания в высшей судебной инстанции, без законных оснований, уничтожать оную или передавать другому, а равно входить помимо г-на Полякова в какие-либо сделки с прочими наследниками Куманиной. Условие сие хранить с обоих сторон свято и ненарушимо.

Подлинное подписали:

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

Дворянин Михаил Михайлович Достоевский.

Дворянин Федор Михайлович Достоевский.

Действительный статский советник
Борис Борисович Поляков.

С подлинным верно: действительный статский советник Борис Поляков.[4]

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНТРАКТ П. А. ИСАЕВА С Ф. Т. СТЕЛЛОВСКИМ

Декабрь 1869. Петербург

Проект контракта, составленного мною

Тысяча восемьсот шестьдесят девятого года *декабря* [a] * (*пропуск в тексте. — Ред.*) дня явились ко мне (такому-то), с.-петербургскому нотариусу, в конторе моей (там-то), поверенный отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского дворянин Павел Александрович Исаев, жительствующий (там-то), представивший о своей самоличности свидетельство от Департамента общих дел Министерства государственных имуществ, имеющий законную правоспособность к совершению актов, и с.-петербургский 2 гильдии купец Федор Тимофеевич Стелловский, жительствующий (там-то), лично мне известный и к совершению актов законную правоспособность имеющий, с объявлением, что они, Исаев и Стелловский, заключают договор этот об уступке Исаевым права на издание принадлежащего доверителю своему Достоевскому романа «Идиот» — Стелловскому, на следующих условиях: 1) Я, Исаев, на основании доверенности, выданной мне отставным подпоручиком Федором Михайловичем Достоевским, предоставляю Стелловскому право издания романа «Идиот» [*напечатанного доверителем моим Федором Михайловичем Достоевским в журнале «Русский вестник» в 1868 году и оконченного им в том же журнале*] за тысячу руб. сер‹ебром›, составляющего собственность моего доверителя и имеющий в объеме сорок печатных, — в шестнадцатую долю — листов, формата журнала «Русский вестник», напечатанный в этом журнале в 1868 и с окончанием в 1869 годах [*в том объеме и в том виде, в каком он был*]. 2) Доверитель мой обязан представить Стелловскому к 1-му марту 1870 года в пересмотренном или переделанном виде вышепоименованный роман «Идиот» без всякого особого за то вознаграждения. Если же роман «Идиот» не будет к вышеозначенному числу переделан моим доверителем и представлен Стелловскому, то он, Стелловский, имеет право напечатать его в том виде, в каком он напечатан прежде в журнале «Русский вестник». 3) Вышеозначенный роман «Идиот», собст-

---

[a] *Было*: ноября

* *Курсивом печатаются вставки и правка рукою Достоевского.*

венно доверителю моему принадлежащий, по настоящее время никому им, доверителем моим, не запродан, не заложен, и Стелловский имеет право с 1 марта 1870 г. в продолжение всего срока сего условия издавать и печатать означенное сочинение доверителя моего в формате «Полного собрания сочинений русских авторов», предпринимаемого им, Стелловским, издания, в таком количестве экземпляров, какое понадобится по его, Стелловского, усмотрению, и продавать оные в его, Стелловского, пользу. 4) Стелловский не имеет права издавать и продавать роман «Идиот» в переверстанном виде и должен продавать оный только в издании формата «Русских авторов», в противном случае он, Стелловский, обязуется уплатить моему доверителю 1000 руб. сер‹ебром› неустойки и вслед за тем сие условие будет считаться нарушенным. 5) Срок сего условия считать от вышеписанного 1 марта 1870 года по 1 января 1873-го года. 6) Доверитель мой с своей стороны обязан в продолжение сего срока, то есть до 1 января 1873 года, не приступать, ни сам лично, ни наследники, ни то лицо, кому бы он мог передать право издания романа «Идиот» при его жизни, к изданию поименованного в сем условии романа. В противном случае доверитель мой или его наследники платят Стелловскому в виде неустойки тысячу руб. сер‹ебром›, предоставляя притом право Стелловскому обратить в свою пользу напечатанные кем бы то ни было вопреки сему условию экземпляры сочинения моего доверителя, означенного в сем условии. 7) Право издания «Идиот» по вышеписанным пунктам сего условия не касается до права издания других сочинений моего доверителя, проданных им Стелловскому, по заключенному уже прежде условию в 1865 году первого июля и явленному у частного маклера А. Барулина за № 292, по которому срок на право издания Стелловским таковых сочинений кончается 31 декабря 1871 года, а потому если Стелловскому заблагорассудится по своему усмотрению напечатать «Идиот» в одном томе вместе с другими сочинениями, приобретенными покупкою Стелловским от моего доверителя [*и на которые он имеет право издания в силу пунктов контракта, вышеупомянутого*[б] *в 8 пункте сего условия контракта*] и еще не успевшими быть напечатанными до срока заключения сего условия, то он, Стелловский, может это сделать, но в таком случае обязуется издавать[в] таковые только по первое января 1872 года, то есть совмещая «Идиота» с другими сочинениями, он, Стелловский, пользуется правом издания такового наравне с вышеупомянутыми сочинениями моего доверителя. Неисполнение сего пункта со стороны Стелловского в точности влечет за собою нарушение сего условия, и кроме того он, Стелловский, обязан уплатить доверителю моему в виде неустойки 1000 руб. сер‹ебром›. 8) Стеллов-

---

б *Было*: заключенного
в *Было*: продавать

ский, печатая «Идиот» отдельно от других сочинений моего доверителя [*в одном томе вместе*], но с какими-нибудь посторонними сочинениями других лиц, пользуется правом издания «Идиота» по 5 пункту сего условия. 9) Стелловский обязан уплатить за право издания романа моего доверителя «Идиот» 500 р. при подписании сего условия, а остальные *500* р. 1 января 1870 года. В случае же если Стелловский не уплатит вышеозначенных *500* р. к 1 января 1870 года, то платит в пользу моего доверителя неустойки *500* р., если не уплатит по 15 января 1870 года, то платит еще неустойки 500 р., и затем контракт считается нарушенным. 10) Условие сие с обеих сторон хранить и ненарушимо, подлинное иметь Стелловскому, а засвидетельствованную с оного копию Исаеву.

Исаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая книга XXIX тома Собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского содержит 196 писем и 15 документов, помещенных в разделах «Официальные письма и деловые бумаги», «Коллективное» и «Приложение». Хронологически том охватывает период с 23 января (4 февраля) 1869 г. до 20 декабря 1874 г.

Из числа входящих в состав тома 211 текстов 198 публикуются по подлинникам, находящимся в различных архивах и музеях Советского Союза. Письмо к В. Ф. Пуцыковичу от 11 февраля 1874 г., автограф которого хранится в Deutsche Staatsbibliothek (Западный Берлин), печатается по ксерокопии. 7 писем, подлинники которых не сохранились или остались неизвестными редакции, воспроизводятся по тексту первой публикации. 4 письма публикуются по копии А. Г. Достоевской. Впервые печатаются 3 письма (А. А. Романову (наследнику) от 28 января 1872 г. (№ 439), А. У. Порецкому от 22 августа 1873 г. (№ 496) и датируемое 1873 г. (№ 514)) и две деловые бумаги (доверенность П. А. Исаеву — *Офиц. письма и делов бумаги*, № 17 и договор с Б. Б. Поляковым — *Коллективное*, № 9). Все письма и деловые бумаги вошли в состав собрания сочинений впервые. Уточнены адресаты 2 писем, публиковавшихся как письма к С. А. Ивановой (*Д, Письма*, т. II, стр. 267—270; 367—368). Первое из них адресовано В. М. и С. А. Ивановым (№ 389), второе — Е. П. и С. А. Ивановым (№ 431). Уточнено время написания 23 писем, датированных в предыдущем издании (*Д, Письма*, тт. I—IV) ошибочно или приблизительно (см. табл. на стр. 390). Приложенный к тому «Список несохранившихся и ненайденных писем и деловых бумаг» содержит указания на 63 письма Достоевского к разным лицам, среди которых такие адресаты, как И. А. Гончаров, А. Г. Достоевская, М. Н. Катков, П. И. Ламанский, Н. А. Любимов, Н. А. Некрасов, С. Д. Яновский и др.

Письма, включенные в настоящий том, относятся к периоду, ознаменованному в творчестве Достоевского размышлениями над замыслом «Атеизм», рождением замысла «Житие великого грешника», созданием романа «Бесы», повести «Вечный муж», «Дневника писателя» за 1873 г., работой над романом «Подросток».

В письмах к А. Н. Майкову, Н. Н. Страхову, С. А. Ивановой, Н. А. Любимову, Н А. Некрасову, М. Н. Каткову и другим отражается движение художественной мысли Достоевского и выясняются причины радикальных изменений в творческой истории романов «Бесы» и «Подросток».

Тоска по родине, ощущение невозможности жить без нее как человеку и художнику, мысли о будущем России и ее исторической миссии, давно волновавшая его проблема об отношениях России и Запада — лейтмотив писем Достоевского 1869—1871 гг., вплоть до возвращения в Петербург в начале июля 1871 г. Невозможность ощущать биение пульса жизни России становится особенно тягостной в период бурных событий в Западной Европе — франко-прусской войны, падения наполеоновской Франции, Парижской коммуны.

Переписка (наряду с регулярным чтением текущей русской прессы) была единственной живой связью писателя с Россией — ниточкой очень тонкой, потому что число корреспондентов Достоевского было весьма ог-

Адресовано	Датировалось	Датируется в настоящем издании
В. В. Кашпиреву (№ 393)	Первая половина августа 1870 г. по ст. стилю.	Около 15 (27) августа 1870 г.
С. А. Ивановой (№ 426)	Весна 1871 г.	Конец апреля—начало мая 1871 г.
А. Н. Майкову (№ 433)	Конец августа 1871 г.	Конец августа (не позднее 30) 1871 г.
Н. А. Любимову (№ 444)	Середина марта 1872 г.	Конец марта—начало апреля 1872 г.
В. Ф. Пуцыковичу (№ 464)	Начало января 1873 г.	2—7 января 1873 г.
М. А. Александрову (№ 465)	Начало января 1873 г.	6 или 13 января 1873 г.
Л. А. Леонову (№ 466)	1873 г.	15 января 1873 г.
М. А. Александрову (№ 467)	1873 г.	26—28 января 1873 г.
А. А. Романову (№ 469)	Февраль 1873 г.	10 февраля 1873 г.
А. У. Порецкому (№ 487)	15—20 июля 1873 г.	20 июля 1873 г.
М. П. Федорову (№ 501)	14 сентября 1873 г.	19 сентября 1873 г.
М. А. Александрову (№ 503)	Сентябрь 1873 г.	28—30 сентября 1873 г.
М. А. Александрову (№ 504)	Конец сентября 1873 г.	28—30 сентября 1873 г.
М. А. Александрову (№ 506)	Начало декабря 1873 г.	4—6 октября 1873 г.
В. П. Мещерскому (№ 508)	Начало ноября 1873 г.	1—3 ноября 1873 г.
В. П. Мещерскому (№ 509)	Начало ноября 1873 г.	3—4 ноября 1873 г.
В. В. Тимофеевой (№ 512)	1873 г.	15—16 декабря 1873 г.
М. А. Александрову (№ 515)	Начало января 1874 г.	3 января 1874 г.
Н. Н. Страхову (№ 518)	22 февраля 1874 г.	9 февраля 1874 г.
В. П. Мещерскому (№ 522)	4 марта 1874 г.	1 марта 1874 г.
Л. Ф. Достоевской (№ 528)	26 апреля 1874 г.	25 апреля 1874 г.
Н. М. Достоевскому (№ 531)	6 мая 1874 г.	5 мая 1874 г.
Н. М. Достоевскому (№ 532)	2 апреля 1877 г., 3 апреля 1878 г.	12 мая 1874 г.

раниченным. Но тем не менее это была живая связь, и писатель ею очень дорожил. Вот почему именно в этот период письма зачастую превращаются в длинные «излияния души» — как в личном, так и в творческом плане.

В письмах А. Н. Майкову, Н. Н. Страхову, С. А. Ивановой нередки несправедливые, крайне резкие оценки Белинского, Тургенева, «нигилистической» молодежи, объясняющиеся недоверием Достоевского как к либерально-дворянскому «западничеству», так и к освободительному движению 60-х гг. (подробнее см.: наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 12—13). В письмах Достоевского к этим же адресатам содержатся зародыши будущих его публицистических выступлений в «Дневнике писателя» за 1873 г. и 1876—

1877 гг. на темы русской и западноевропейской общественной и политической жизни (подробнее об этом см. там же).

После возвращения в Россию письма Достоевского на несколько лет становятся более редкими, меняются их содержание и тональность. В сферу личного общения, непосредственных контактов ушло, естественно, многое из того, что ранее могло находить выражение только через переписку; с другой стороны, появляются пространные повседневные отчеты, адресованные жене из Эмса во время разлук с ней. Основная часть писем 1873—1874 гг. связана с редакционной деятельностью Достоевского в журнале «Гражданин».

Тексты писем подготовили и примечания к ним составили:А. В. Архипова (463—554 (тексты и примечания); Офиц. письма и делов. бумаги, 21—27); А. И. Батюто (381—435 (тексты и примечания); Офиц. письма и делов. бумаги, 18; Другие редакции, 395); И. А. Битюгова (436—462 (тексты и примечания); Офиц. письма и делов. бумаги, 19, 20); Т. И. Орнатская (359—380 (тексты и примечания); Офиц. письма и делов. бумаги, № 17; Приложение); И. Д. Якубович (Коллективное, 9). Список несохранившихся и ненайденных писем подготовили Т. И. Орнатская (1869—1871 гг.) и Н. Ф. Буданова (1872—1874 гг.).

Указатель мест пребывания Достоевского с 23 января 1869 г. по 31 декабря 1874 г. составлен авторами примечаний.

Редакторы тома — Г. Я. Галаган (1869—1871 гг.), Е. И. Кийко (1872—1874 гг.) и Г. М. Фридлендер (комментарии). Вступительная заметка к примечаниям написана Г. Я. Галаган.

В редакционно-технической подготовке тома к печати принимал участие А. М. Березкин.

359. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 7)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 131—134.

[1] Это письмо Достоевской неизвестно. Вероятно, оно содержало обычные жалобы на бедственное положение семьи, а также денежные просьбы. См., например, ее письмо к Достоевскому от 19 августа 1868 г. (*ИРЛИ*, № 29700) и ответ писателя на него от 9 (21) августа 1868 г. (наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 351).

[2] Подразумевается отправленное недавно письмо М. Н. Каткову (с денежной просьбой) и ожидание ответа на него (см. примеч. 5, 10, а также письмо 360 и примеч. 5 к нему).

[3] В этих словах нет преувеличения: редакция «Русского вестника», в котором печатался роман «Идиот», была вынуждена объявить о задержке окончания романа по вине автора (см. об этом: наст. изд., т. IX, стр. 384).

[4] После смерти дочери Сони 12 (24) мая 1868 г. у Достоевского участились припадки падучей (см. об этом в письме к С. А. Ивановой от 26 октября (7 ноября) 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 354).

[5] Это письмо Достоевского М. Н. Каткову неизвестно (см. о нем: наст. изд., т. XXVIII_2, *Список*, № 246).

[6] Речь идет о письме А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 357).

[7] Т. е. до рождества.

[8] П. А. Исаев был определен служащим к А. У. Порецкому, который в это время был начальником инспекторского отдела канцелярии Министерства государственных имуществ.

[9] Декабрьский номер «Русского вестника» за 1868 г. вышел с объявлением, присоединенным к оглавлению: «Последние листы этой книжки, которые будут заключать в себе окончание романа «Идиот», будут в непродолжительное время особо разосланы подписчикам «Русского вест-

ника» 1868 года, так как автор, находясь за границей, замедлил доставкой рукописи». Окончание романа (VIII—XI главы и заключение) вышли в виде отдельного приложения одновременно с февральским номером «Русского вестника» за 1869 г.

[10] Ответ от Майкова пришел только два месяца спустя. В письме от 3 марта 1869 г., уведомляя Достоевского о получении 100 руб. от Каткова, Майков сообщал: «...в то же время приехала и Марья Григорьевна и сказала, чтобы я распорядился деньгами так: 40 р. дал бы Паше, 40 Эмилии Федор‹овне›, а 20 р. оставил бы до нового распоряжения, я так и сделал. Но тут вышло вот что: Паша уведомил меня, что от Вас получено у Достоевских письмо, в коем Вы пишете, что Паша должен получить 60 р., а 40 — они. Они и решили, что Паша от них скрыл 20 р. Я ему отвечал, что имею от Вас инструкцию, чтобы то, что получу от Каткова, разделил бы пополам между Пашей и Достоевскими» (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 76).

[11] Это письмо А. Г. Достоевской к М. Г. Сватковской неизвестно. Очевидно, речь идет о приискании работы для М. М. Достоевского (младшего). С подобными же просьбами А. Г. Достоевская обращалась к М. Г. Сватковской и раньше. Тогда речь шла о работе для П. А. Исаева (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 353). Муж сестры А. Г. Достоевской П. Г. Сватковский служил в Петербургском цензурном комитете. См. также примеч. 6 к письму 361.

[12] 15-летняя Е. М. Достоевская обучалась в это время в Васильевской женской гимназии.

[13] После краха «Эпохи» все долги по журналу Достоевский взял на себя (см. об этом в его объяснительных записках — наст. изд., т. XXVII, стр. 123—128).

[14] «Вторыми» Достоевский называет, возможно, два издания «Полного собрания сочинений», выпущенные Ф. Т. Стелловским и вышедшие в 1865 и 1866 гг. Буквально же «вторым изданием» к этому времени вышел лишь роман «Преступление и наказание» (1867).

[15] П. А. Исаев неоднократно уверял Достоевского в том, что его письма пропадают (см. об этом, например, в письме Достоевского к нему от 9 (21) июня 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 347).

[16] Речь идет, по-видимому, о предполагаемом отдельном издании романа «Идиот». Издание это состоялось лишь в 1874 г. (см. наст. изд., т. IX, стр. 384).

[17] П. А. Исаев жил в это время в семье Э. Ф. Достоевской. Упоминаемое здесь его письмо к Достоевскому неизвестно.

360. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 9)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.

Впервые опубликовано: *РС*, 1885, № 7, стр. 148—151 (с сокращениями); *Д, Письма*, т. II, стр. 159—163 (полностью).

[1] Это письмо Ивановой неизвестно.

[2] Речь идет о романе «Идиот».

[3] Это письмо Достоевского в редакцию «Русского вестника» неизвестно (см.: наст. изд., т. XXVIII$_2$, *Список*, № 244).

[4] См. примеч. 9 к письму 359.

[5] Это письмо Достоевского М. Н. Каткову неизвестно (см.: наст. изд., т. XXVIII$_2$, *Список*, № 246). См. также письмо 359 и примеч. 2 и 5 к нему.

[6] «2-м изданием» Достоевский называет первое отдельное издание «Идиота» (см. письмо 359, примеч. 16).

[7] Возможно, имеются в виду отзывы о первой части романа, появившиеся в газетах «Голос», «Биржевые ведомости», «Харьковские губернские ведомости» (см. наст. изд., т. IX, стр. 413—417).

[8] Отзывы М. Н. Каткова и Н. А. Любимова о романе «Идиот» неизвестны. Сохранилось лишь свидетельство С. Д. Яновского о том, что в кругу редакции «Русского вестника» роман был принят восторженно (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 357, примеч. 14).

[9] 17 сентября 1868 г. А. Н. Майков писал Достоевскому об основании в Петербурге «нового журнала», «*русского*», редактором которого будет Н. Н. Страхов. (Страхов стал фактическим редактором, однако официальным редактором «Зари» был В. В. Кашпирев). «Мне поручено, — писал Майков, — просить Вас быть сотрудником. Страхов будет писать о том же ‹...› черкните, могу ли я дать Ваше имя к именам Ламанского. Григорьева (Вас. Вас.), Гильфердинга, Бестужева, Кохановской, Писемского, Фета, Толстого («Война и мир») и пр.» (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 70).

[10] Две тысячи руб. Достоевский получил у Каткова в начале января 1867 г., перед женитьбой, и тысячу — перед отъездом за границу 7 апреля 1867 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 165; *Достоевская, А. Г.. Воспоминания,* стр. 104—106, 136; а также письмо Достоевского А. Н. Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII$_2$, № 355).

[11] Замысел «огромного» романа (или романического цикла) «Атеизм» сформировался в период завершения «Идиота». Основной круг идей этого замысла, оставшегося неосуществленным, изложен Достоевским в письме А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 357). Об этапах развития замысла «Атеизм» и роли его в последующем творчестве Достоевского см.: наст. изд., т. IX, стр. 500—503.

[12] Миссионер Франциск Ксаверий, насаждавший католицизм на Востоке и канонизированный католической церковью, был ревностным сотрудником основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы. По-видимому, именно он должен был послужить прототипом одного из героев романа «Атеизм», непоколебимо твердого в своем фанатизме иезуита (см. наст. изд., т. IX, стр. 504).

[13] Для «Зари» была написана повесть «Вечный муж».

[14] Достоевский имеет в виду свой старый замысел, условно названный им «Записной книгой» (см. наст. изд., т. XX, стр. 180—181 и 370—371) и воплотившийся позднее в «Дневнике писателя».

[15] Идея этой «настольной книги» не была осуществлена, но она продолжала занимать писателя еще долгие годы: вскоре замысел подобного «литературного предприятия», подробно охарактеризованный, возникнет в романе «Бесы» (см. наст. изд., т. X, стр. 103—104), а потом появится в наброске 1877 г., в котором отразился план «нового издания» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 175, 510).

[16] С. А. Иванова выполняла различные поручения редакции «Русского вестника» (см. об этом в письме Достоевского к Ивановой от 26 октября (7 ноября) 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 354, примеч. 1), а по свидетельству ее будущего мужа Д. Н. Хмырова «со второй половины 60-х годов до средины 70-х годов ‹...› состояла постоянной сотрудницей журнала ‹...› по переводу с английского языка...» (*ГБЛ*, ф. 93, I.6.17). См. также примеч. 25 к письму 363.

[17] Речь идет о таких замыслах, как «Журнал», «Записная книга», «настольная книга» (см. примеч. 14 и 15).

[18] О сообщавшихся М. М. Достоевскому планах изданий см., например, в письмах Достоевского к нему от 9 мая, 1 октября и 12 ноября 1859 г. — наст. изд., т. XXVIII$_1$, №№ 148, 155, 169.

[19] Вероятно, речь идет о журналах «Время» и «Эпоха».

[20] См. примеч. 14 и 15.

[21] Анна Григорьевна ожидала ребенка. 14 (26) сентября 1869 г. у Достоевских родилась дочь Люба.

[22] Речь идет о В. М. Ивановой.

[23] Имеется в виду А. П. Иванов.

[24] М. А. Иванова давала уроки музыки.

[25] Ф. М. Достоевский (младший) также давал уроки музыки.

[26] Речь идет о П. А. Исаеве.

[27] Одним из таких «святых» долгов был прежде всего долг Ивановым (см. письма 363, 379), затем долг А. Н. Майкову в 200 руб. (см. письмо 362).

[28] Достоевский смог вернуться в Россию только летом 1871 г.

[29] Речь идет о Е. П. Ивановой и М. С. Иванчиной-Писаревой.

361. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 13)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 118—119.

[1] Это письмо Достоевской неизвестно.

[2] См. письмо 359.

[3] Это письмо Достоевского М. Н. Каткову неизвестно (см.: наст. изд., т. XXVIII$_2$, *Список*, № 246).

[4] Ко времени рождения дочери Любы Достоевские переселились в Дрезден.

[5] См. примеч. 28 к письму 360.

[6] Письмо А. Г. Достоевской к М. Г. Сватковской неизвестно. Последняя через своего мужа П. Г. Сватковского искала работу для П. А. Исаева. Возможно, что именно с ее помощью М. М. Достоевский (младший) получил в 1869 г. место в одном из петербургских банков. См. также примеч. 11 к письму 359.

[7] Это письмо С. А. Ивановой Достоевскому неизвестно.

[8] Имеется в виду Ф. М. Достоевский (младший).

[9] Об Е. М. Достоевской см. примеч. 12 к письму 359.

[10] П. А. Исаев жил попеременно то в семье Э. Ф. Достоевской, то у П. П. Аникеевой.

[11] О службе П. А. Исаева см. примеч. 8 к письму 359.

362. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 14)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 262—271.
Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 29—31 января 1869 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 261—262).
Страхов ответил 8 марта 1869 г. (там же, стр. 262—263).

[1] В письме от 29—31 января Страхов не называл сроков выхода второго номера «Зари». Он только писал: «Первая книжка отзывается еще неурядицей: она мала, дурно напечатана <...> виновата в этом неопытность редактора и нерасчетливая гоньба за дешевизной. Вторую книжку выпустим толще и лучше» (стр. 261).

[2] Первый номер «Зари» вышел в свет 8 января, второй — 18 февраля. В связи с этим опозданием февральскому номеру «Зари» было предпослано следующее объявление «От редакции»: «Вследствие беспрерывно поступающих в редакцию жалоб на несвоевременную доставку 1-й книжки журнала, редакция считает долгом объяснить гг. иногородним подписчикам, что такая медленность в доставке им первой книжки произошла от причин, от редакции не зависящих. Новые правила о сдаче в Газетную экспедицию периодических изданий разосланы были редакциям очень поздно, почти перед самым выходом январских книжек; а между тем требовалось много времени, чтобы исполнить все требования, заявленные почтамтом. Хотя всеми редакциями приняты были самые деятельные меры к своевременной сдаче книг на почту, все же журналы не могли быть сданы ранее двух недель после выхода их в свет. В настоящее время

редакция приняла все зависящие от нее меры, чтобы подобных замедлений более не случалось».

[3] Речь идет о фельетоне (без подписи), посвященном разбору первого номера журнала и помещенном в № 50 «Голоса» от 19 февраля в разделе «Библиография и журналистика». «Враждебность» «статейки» особенно проявилась по отношению к печатавшемуся в «Заре» роману А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»: «...еще никогда так низко не упадал талант этого писателя, как в настоящем романе, — писал анонимный рецензент. — Ничего в нем нет: ни рельефно очерченных характеров, ни занимательности содержания, ни комических сцен ‹...› пошленькая интрига, бесцветные характеры и совсем незанимательные эпизоды...». Коснулся рецензент и внешней стороны журнала «Заря»: «Даже наружный, недостаточно изящный вид журнала и на первых же порах сказавшаяся неаккуратность в выходе его книжек мало ручаются за дельность и серьезность издания». «Статейка» заключалась следующим примечанием: «На днях вышла вторая книжка ‹...› и содержание ее, о котором скажем в следующей статье, не изменило пока нашего взгляда на этот журнал».

[4] В указанном выше фельетоне «Голоса» ставилась под сомнение сама необходимость нового «ежемесячного издания», не отвечающего «потребностям минуты» и предлагающего «чтение более спокойное, чем горячее служение текущим вопросам со стороны ежедневной газеты». Не удовлетворило рецензента и содержание номера. По его словам, здесь не только не появилось «ничего нового», но «очень мало хорошего» (*Г*, 1869, 19 февраля, № 50).

[5] Еще в момент основания журнала Достоевский рассчитывал на него как на носителя «*русского духа*» и выражал надежду, что это будет «предприятие» «серьезное и прекрасное» (см. письма к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой от 26 октября (7 ноября) 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII_2, письма 354, 355). С самого начала в журнале были опубликованы работы, ярко отразившие его неославянофильскую ориентацию. К ним относятся цикл статей «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского (*З*, 1869, №№ 1—6 и 8—10), статья «Политические теории XIX века» А. Д. Градовского (*З*, 1869, №№ 1, 3—4) и статьи Страхова о «Войне и мире» Л. Н. Толстого (*З*, 1869, №№ 1—2; 1870, № 1).

[6] Во второй половине 1860-х годов журналы «Отечественные записки» Некрасова и Салтыкова-Щедрина и «Дело» представляли в литературе демократическое направление, заменив тем самым запрещенные к этому времени журналы «Современник» и «Русское слово». В прогрессивной среде они были самыми популярными органами печати.

[7] Действительно, «Заря» не сумела снискать сколько-нибудь заметной популярности у читающей публики и в самом начале 1872 г. (на № 2) прекратила свое существование. 22 февраля 1871 г. Страхов писал Достоевскому по этому поводу: «Скажу одно — публика очевидно не сочувствует „Заре"; журнал сразу попал в дурную славу, сразу стал непопулярным, претящим общему вкусу» (*Шестидесятые годы*, стр. 270). Характерна такая деталь: в № 2 журнала за 1869 г. по недосмотру редакции появилось стихотворение «Дикарка» за подписью «А. Фет». Вскоре открылось, что это пародия Д. Д. Минаева на стихотворение Фета и представляет собою акростих: начальные буквы его стихов образуют фразу «Зоря Кашпрева умирает» (об этом А. Н. Майков сообщал Достоевскому в письме от 3 марта 1869 г.; см.: *А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 76 и 94).

[8] С первых шагов «Время» действительно стремилось занять «срединное» положение в журналистике. Оно полемизировало с «Русским вестником» Каткова и пыталось наладить контакты с передовыми журналами (см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 205—208).

[9] Со времени появления «Заметок летописца» (*Э*, 1865, №№ 1—2) и публикации «Новые письма Аполлона Григорьева» (там же, № 2) Страхов печатался преимущественно в «Отечественных записках». В 1866—1867 гг. он выступал и с критическими статьями, посвященными творчеству До-

стоевского, Толстого. Тургенева («Наша изящная словесность»), и с работами естественно-научного характера («Главная черта мышления. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта. Статья г-на Юркевича», «Птицы. Несколько слов об их теле и душе. По поводу книги А. Брема „Жизнь птиц“», «Клод Бернар о методе опытов. Введение в изучение опытной медицины Клода Бернара»), и даже с прозой и стихами («Последний из идеалистов. Отрывок из ненаписанной повести», «Старые стихотворения») (*ОЗ*, 1866, №№ 4—7, 9; 1867, № 1).

[10] Речь идет о цикле статей Страхова 1867 г., опубликованных отдельной брошюрой под полемическим заглавием «Бедность нашей литературы» (СПб., 1868), и первой статье о «Войне и мире» Л. Н. Толстого (см. примеч. 5).

[11] Во всех семи статьях цикла «Бедность нашей литературы» Страхов продолжал придерживаться близкой Достоевскому «русской», «самобытной» линии, высказывал общие с Достоевским взгляды по отношению к ряду современных писателей — А. Н. Островскому, Л. Н. Толстому, Н. А. Некрасову, Н. А. Добролюбову, Н. Г. Чернышевскому и др. Сходной в это время была позиция Достоевского и Страхова в трактовке «нигилизма» и «западничества». Были близки Достоевскому мысли Страхова о русской литературе как проявлении «душевной мощи великого народа» (стр. 13), об «историческом и вековечном значении Пушкина» (стр. 56), о месте драматургии Островского в русском историко-литературном процессе и т. п. А. С. Долинин не без оснований провел параллель между страховским циклом и статьей самого Достоевского «Последние литературные явления. Газета „День“» (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 444).

[12] А. С. Долинин справедливо отметил полемичность этого утверждения по отношению к следующему положению из брошюры Страхова «Бедность нашей литературы»: «Белинский, который знаменит тем, что лишил нашу литературу многих *мнимых* богатств и, в силу своего удивительного эстетического понимания, строго определил ее действительные богатства, часто указывал на особенности этих немногих сокровищ» (стр. 12) (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 444).

[13] Речь идет о цикле статей Белинского о Пушкине, публиковавшемся в «Отечественных записках» в 1843—1846 гг. (см.: *Белинский*, т. VII, стр. 97—582).

[14] По-видимому, имеются в виду следующие слова Белинского из статьи «Несколько слов о поэме Гоголя: „Похождения Чичикова, или Мертвые души“ (Москва, 1842): «...мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени; он также менее теряется в разнообразии создаваемых им объектов и более дает чувствовать присутствие своего субъективного духа, который должен быть солнцем, освещающим создания поэта нашего времени. Повторяем: чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее его значение для русского общества» (*Белинский*, т. VI, стр. 259). Первые же высказывания Белинского о Гоголе появились в 1834 г.: в «Литературных мечтаниях» он советует читать его «прекрасные сказки»; в 1835 г. он относит к числу «самых необыкновенных явлений в нашей литературе» только что вышедшие «Арабески» и «Миргород» и в этом же году в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» пишет о нем как об истинном поэте, «поэте жизни действительной», владеющем «талантом необыкновенным, сильным и высоким», подчеркивая, что «в настоящее время он является главою литературы» (*Белинский*, т. I, стр. 8, 306).

[15] Действительно, А. А. Григорьев первым отозвался о первой же напечатанной пьесе А. Н. Островского «Семейная картина» («Москвитянин», 1855, № 3, февраль; также: А. А. Григорьев. Сочинения. СПб., 1876, т. 1, стр. 114) и уже в 1863 г. назвал молодого писателя «первым и единственным русским драматургом» («Якорь», 1863, № 6. стр. 108).

[16] Имеется в виду, по-видимому, следующее суждение Страхова: «При Бородине все другие отношения сгладились и исчезли; друг против друга

стояли два народа — один нападающий, другой защищающийся. Поэтому тут с величайшей ясностью обнаружилась сила тех двух *идей*, которые на этот раз двигали этими народами и поставили их в такое взаимное положение. Французы явились как представители космополитической идеи, — способной, во имя общих начал, прибегать к насилию, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной, — с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей ‹...› Источники жизни (как отдельных лиц, так и целых народов), — говорилось далее в статье, — гораздо глубже и могущественнее, чем тот сознательный произвол и сознательное соображение, которыми, по-видимому, руководятся люди. Подобная вера в жизнь, — признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум, — разлита по всему произведению Толстого, и можно бы сказать, что на эту мысль написано все это произведение» (*З*, 1869, № 1, раздел «Критика», стр. 149, 152).

[17] Корреспондент «Голоса», упрекнув Страхова за то, что статья его в сущности «вовсе не серьезна, потому что повторяет все то, что давно уже говорилось о таланте графа Толстого», подчеркнул, что «во взгляде на исторические события автор разделяет ребячески-фаталистические понятия автора» (*Г*, 1869, 19 февраля, № 50).

[18] По-видимому, Достоевский имеет в виду противопоставление «Войны и мира» произведениям с «запутанными и таинственными приключениями», «описанием грязных и ужасных сцен» и «изображением страшных душевных мук» (*З*, 1869, № 1, раздел «Критика», стр. 149). Возможно, Достоевский почувствовал намек на «Идиота», о котором Страхов обещал написать статью и не выполнил этого обещания (см. примеч. 34).

[19] Речь идет о следующих страховских «ламентациях» из письма от 29—31 января: «Начал писать Вам с радостным духом и с самохвальством, а сегодня готов только ругаться и плакаться. *Типография медленно работает и задерживает выход книжки.* ‹...› Кашпирев — чудесный человек, но такой хомяк, так привык к дворянской лени и бездеятельности, вдобавок так *холоден и спокоен*, что выводит меня из себя ‹...› Не стану Вам всего рассказывать, но Вы легко поймете, что было и есть немало и других дурных элементов ‹...› В этих волнениях и заботах теперь вся моя жизнь» (стр. 261).

[20] Роман Писемского (см. примеч. 3) был напечатан вслед за стихотворением А. Н. Майкова «Я люблю, перед иконой...», открывавшим номер. Причем стихотворение было набрано более крупным шрифтом, чем роман; далее же с каждой вещью шрифт уменьшался.

[21] В первом номере «Зари» были напечатаны две главы труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»: «I. 1864 и 1854 годы. — Вместо введения» и «II. Почему Европа враждебна России?». См. также письмо 364, примеч. 8, 9, 10 к нему.

[22] В номере была лишь одна статья — страховская (см. примеч. 5, 16, 17); к статьям Достоевский, по-видимому, отнес и «Театральные заметки» Л. Н. А‹нтропо›ва, посвященные разбору произведений В. А. Дьяченко, И. В. Самарина, Д. И. Стахеева и новой комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (стр. 169—170).

[23] В номере были напечатаны вторая часть статьи А. Д. Градовского «Политические теории XIX столетия. Бенжамен Констан» (стр. 57—116), рецензия Н. К. Ренненкампфа на «Юридическую догматику» М. Капустина (стр. 153—168) и анонимный обзор «Из современной хроники», в котором на материале сопоставительного анализа текущей действительности с эпохой 40—50-х гг. ставился вопрос: «Существуют ли политические партии в России?» (стр. 181—192).

[24] По предположению В. С. Нечаевой, речь идет о Константине Немшевиче (см.: *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 85). Он выступил в трех последних номерах «Эпохи» (1864, № 12; 1865, №№ 1, 2).

[25] Об отрицательном отношении Достоевского к фельетонам «с направлением», принадлежавшим, в частности, Д. Д. Минаеву и М. Е. Салтыкову-Щедрину, см., например, в письме А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 334.

[26] Имеются в виду «Театральные заметки» Л. Н. А‹нтропо›ва (см. примеч. 22). На вопрос Достоевского об авторе статьи Страхов не ответил.

[27] Ответ на следующее сообщение из письма Страхова от 29—31 января: «Полемики мы пока не думаем вести. За нас ее будут вести нигилисты» (стр. 262).

[28] Достоевский имеет в виду простоту изложения, ясность формы и логический строй работ Страхова. Критический талант А. А. Григорьева Достоевский ценил очень высоко: «Без сомнения, — писал он в 1864 г., — каждый литературный критик должен быть в то же время и сам поэт; это, кажется, одно из необходимейших условий настоящего критика. Григорьев был бесспорный и страстный поэт...» (наст. изд., т. XX, стр. 136). См. также: В. А. Туниманов. Достоевский и А. А. Григорьев. — *Материалы и исследования*, т. VII.

[29] Это объявление «Зари» было помещено в № 10 «Голоса» от 10 января 1869 г.

[30] Речь идет о М. М. Достоевском.

[31] См. примеч. 5 и 21.

[32] Роман И. А. Гончарова «Обрыв» печатался в 1869 г. в «Вестнике Европы» (№№ 1—5). До этого начальные главы романа печатались в «Современнике» (1860, № 2) и в «Отечественных записках» (1861, № 1). Достоевский отвечает на следующие слова Страхова из его письма от 29—31 января: «Кстати, „Обрыв“ Гончарова есть истинное безобразие. Эти лица из какого-то большого света — чистая выдумка, на ногах не стоят, а публику интересуют» (стр. 262). В этом суждении имеются в виду петербургские главы романа, которыми сам Гончаров был неудовлетворен. В письме к Ек. П. Майковой он писал, например, что эти главы «страшно растянуты: это длинная и скучная экспозиция, вроде Пролога», и которую он «уничтожил бы совсем, если б она не была тесно слита с остальными частями» (*Гончаров*, т. VIII, стр. 396).

[33] Речь идет о повести И. С. Тургенева «Несчастная», напечатанной в «Русском вестнике» (1869, № 1). Об отношении Достоевского к творчеству Тургенева этого периода см.: А. Б. Муратов. Повести и рассказы И. С. Тургенева 1867—1871 годов. Л., 1980, стр. 118—165.

[34] В письме от 29—31 января 1869 г. Страхов писал Достоевскому: «А я обещаюсь Вам написать об „Идиоте“, которого читаю с жадностью и величайшим вниманием» (стр. 262). Однако он так и не написал обещанного «разбора» (подробнее об этом см.: наст. изд., т. IX, стр. 410—411).

[35] В публицистике и письмах Достоевского 1860—1870-х гг. часто встречаются высказывания о «фантастическом» характере русской жизни пореформенного периода. Такое понимание действительности обусловило и определение Достоевским своего реализма как «фантастического» (см., например, письмо А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г — наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 357; главу «Нечто о вранье» «Дневника писателя» 1873 г. — наст. изд., т. XXI, стр. 119; гл. II (§ 1) мартовского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. — наст. изд., т. XXII, стр. 91—97). См. также: наст. изд., т. XXVIII_1, стр. 14—20; Г. М. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. Л., 1985, стр. 106—115.

[36] В письме от 29—31 января Страхов писал: «Напишите Вы нам что-нибудь — покорно просим и Кашпирев, и Данилевский, и Градовский, и я. Нужно ли Вам говорить, что в „Заре“ Вам так же развязаны руки, как во „Времени“?» (стр. 261).

[37] Имеется в виду замысел романа «Атеизм» (см. письмо 360, примеч. 11).

[38] Соглашение между Достоевским и «Зарей» не состоялось, поскольку редакция не смогла выслать деньги сразу. К работе над «повестью» или «романом» Достоевский не приступил. Но в письме к Страхову от

18 (30) марта (см. письмо 364) предложил «Заре» рассказ «листа в 2 печатных». Это предложение было принято (см. также примеч. 24 к письму 363).

[39] М. Г. Сватковская должна была внести проценты за заложенные вещи Достоевских.

[40] См. об этом в письме 359 и примеч. 6 к нему.

[41] В письме от 3—8 марта А. Н. Майков писал Достоевскому: «Сейчас был у меня Страхов и сказал, что Вы опять пишете ему, будто я сержусь. Это уж из рук вон! Впрочем, предоставляю ему отвечать и прошу его быть моим адвокатом» (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 77). О начале знакомства Достоевского с Майковым см.: наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 355, примеч. 3.

[42] А. Г. Достоевская вспоминала позднее об этом времени: «Но не только русских людей, но и вообще людей нам недоставало; во Флоренции у нас не было ни одного знакомого человека, с которым можно было бы поговорить, поспорить, пошутить, обменяться впечатлениями» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 186).

[43] Еще в марте 1868 г. Страхов сообщал Достоевскому о бывшем его сотруднике по журналам «Время» и «Эпоха»: «Долгомостьев умер страшно; он сошел с ума у меня на квартире, и я был свидетелем зрелища почти невыносимого» (*Шестидесятые годы*, стр. 257).

363. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 23)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 173—180.

[1] Это письмо Ивановой Достоевскому неизвестно.

[2] См. об этом в письме 360.

[3] Речь идет об окончании работы над романом «Идиот».

[4] Это письмо Достоевского М. Н. Каткову (или в редакцию «Русского вестника») неизвестно (см.: *Список*, № 249).

[5] Это письмо Достоевскому из редакции «Русского вестника» неизвестно.

[6] По предположению А. С. Долинина, эти деньги были заняты у В. И. Ламанского, жившего в то время во Флоренции (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 448).

[7] В «Русском вестнике» кроме самого Достоевского в 1850—1860-е гг. печатались М. Е. Салтыков-Щедрин («Губернские очерки» — *РВ*, 1856, №№ 4—6; 1857, №№ 7—10), И. С. Тургенев («Накануне», «Отцы и дети» — *РВ*, 1860, №№ 1—2; 1862, № 2), Л. Н. Толстой («Казаки», «Поликушка», первые две части «Войны и мира» (под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год») — *РВ*, 1863, № 1; 1863, № 2; 1865, №№ 1—2; 1866, №№ 2—4), а также поэты А. Н. Плещеев, Н. П. Огарев, М. Л. Михайлов, А. К. Толстой, А. А. Фет и др.

[8] В 1867 г. Достоевский встречался с Катковым дважды: в конце декабря 1866—начале января 1867 г. и в начале апреля этого года. Упоминаемый здесь секретарь редакции — вероятно, П. Колосов.

[9] Достоевский имеет в виду письма А. Н. Майкова от 18 февраля (1 марта) и 2 (14) марта 1868 г. (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письма 334 и 339). Об отзывах о романе «Идиот» см.: наст. изд., т. IX, стр. 410—415, а также т. XXVIII_2, письмо 357, примеч. 14.

[10] Об этом обещании Страхова см. в письме 362 и примеч. 34 к нему. Однако Страхов не выполнил своего намерения. Слова о том, что критик «не принадлежит к моим хвалителям», объясняются, по-видимому, тем, что Достоевский отнес к себе слова Страхова из его разбора «Войны и мира» (см. их в примеч. 18 к письму 362). В своем предположении Достоевский не ошибся: 12 апреля 1871 г. в письме к нему Страхов откровенно признался в том, что он считает «Идиота» его неудачей (см.: *Шестидеся-*

тые годы, стр. 411). Отразившаяся в комментируемом письме неуверенность в искренности Страхова-критика (как и вообще сомнение в добром отношении столь давнего приятеля) вылилась позднее в критическую оценку его и как личности и как литератора («сочинителя трех-четырех скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу...») (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 239—240). Об эволюции отношений Достоевского к Страхову см.: А. С. Долинин. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов. — *Шестидесятые годы*, стр. 238—254; Л. М. Розенблюм. Творческая лаборатория Достоевского-романиста. — *ЛН*, т. 83, стр. 16—23; Г. М. Фридлендер. Наука о Достоевском сегодня. — *РЛ*, 1971, № 3, с. 15—16; В. Я. Кирпотин. Достоевский, Страхов и Евгений Павлович Радомский. — Знамя, 1972, № 9, стр. 224—231; № 10, стр. 224—238.

[11] См. письмо 360, примеч. 11.

[12] Фельетонист «Голоса» писал: «Прошло уж то время, когда всякое новое произведение г-на Тургенева шевелило ум и сердце, возбуждало многоразличные толки и живейший интерес в обществе...» (*Г*, 1869, 19 февраля, № 50). См. также письмо 362 и примеч. 33 к нему.

[13] Об этом обращении редакции «Зари» к Достоевскому см. письмо 362, примеч. 36, 38.

[14] О статье Страхова, посвященной разбору романа «Война и мир», см. примеч. 16, 17 к письму 362.

[15] См. примеч. 21 к письму 362; примеч. 8, 10 к письму 364.

[16] Н. Я. Данилевский, в 1849 г. арестованный по делу петрашевцев, не судился, а был выслан из Петербурга в Вятку, где пробыл до 1853 г. По мнению Н. А. Спешнева, он был лучшим знатоком Фурье (см.: *Дело петрашевцев*, т. II, стр. 288; о толковании Данилевским фурьеризма см. там же, стр. 118—149).

[17] Ср. суждение о Данилевском в письме Достоевского А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г.: «Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность!» (наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 357). В работе «Россия и Европа» (к которой он приступил в 1865 г.) Данилевский отвергает преемственный характер развития всемирной истории и стремится доказать, что единственным носителем исторической жизни являются чередующиеся и резко отличные друг от друга «культурно-исторические типы»; хронологически последний «культурно-исторический тип» Данилевский видит в России и славянстве. См. также примеч. 16 и наст. изд., т. XVIII, стр. 352—353; т. XXVI, стр. 401—402.

[18] См. письмо 362, примеч. 5.

[19] Речь идет о письме Достоевского Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. (см. письмо 362).

[20] Имеется в виду «опыт» по изданию журналов «Время» и «Эпоха».

[21] Вероятно, подразумевается долг А. Н. Майкову (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письма 317, 318 и примеч. к ним); не исключено также, что речь идет о долге А. Е. Врангелю (см. там же, письма 264, 267 и примеч. к ним).

[22] Это письмо в редакцию «Русского вестника» или М. Н. Каткову неизвестно (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, *Список*, № 247).

[23] В «Русский вестник» был обещан, вероятно, роман о детстве героя-«атеиста», выделившийся из обширного замысла романа «Атеизм» и являвшийся в это время, по мысли Достоевского, первым подступом к нему. См. также наст. изд., т. IX, стр. 500—503.

[24] По ряду причин (переезд из Флоренции в Дрезден, жаркое лето и др.) работа над повестью для «Зари» началась лишь в конце августа — начале сентября и продолжалась до начала декабря 1869 г. (см. наст. изд., т. IX, стр. 471—472).

[25] Большинство переводов в «Русском вестнике» печаталось анонимно, но, по свидетельству Д. Н. Хмырова, Ивановой принадлежали «переводы романов Уильки Коллинза „Бедная мисс Финч“, „Вторая жена“, „Новая Магдалина“ и др.» (*ГБЛ*, ф. 93, I.6.17). См. также примеч. 16 к письму 360.

[26] Роман «Идиот» вышел вторым изданием лишь в 1874 г., повесть «Вечный муж» — в 1871 г.

[27] В начале августа 1869 г. Достоевские поселились в Дрездене, где 14 (26) сентября у них родилась дочь Люба.

[28] Речь идет об А. Н. Сниткиной.

[29] С. А. Иванова вышла замуж только в 1876 г. за Д. Н. Хмырова. Она сообщала об этом писателю в письме от 14 августа 1876 г.: «...Я выхожу замуж за человека, которого люблю и уважаю, имя его Д. Н. Хмыров. Он товарищ брата Саши по гимназии и по университету, и он уж давно любит меня. До сих пор он был учителем математики в одной из московских гимназий, но теперь думает перейти в Рославль, в одно техническое земельно-дорожное училище. Во всяком случае мы не останемся в Москве. Свадьба наша будет в конце этого месяца. Поздравьте меня, милый друг мой ‹...› Я люблю его всем сердцем, и он любит меня не меньше. Мы счастливы и надеемся быть счастливыми всю жизнь» (*ИРЛИ*, № 29727).

[30] А. А. Иванов до конца дней так и служил по министерству путей сообщения, не оставляя своей «постоянной мечты» «стать хозяином на маленькой ферме» (см.: *Волоцкой*, стр. 202—203).

[31] В Главное инженерное училище был принят только будущий писатель; старшему же его брату поступить туда не удалось, и он был определен на службу в ревельскую инженерную команду. Об отрицательном отношении Достоевского к пребыванию в училище косвенно свидетельствуют и следующие слова из письма М. А. Достоевского к М. М. Достоевскому от 12 февраля 1838 г.: «Уведомь, доволен ли Феденька своим теперешним состоянием, ты писал мне, что он скучает тем, что надобно становиться во фронт перед офицерами, скажи ему, чтобы он не скучал, ибо это неизменный устав воинской службы» (см.: *Волоцкой*, стр. 91).

[32] Ф. М. Достоевский (младший) хоть и вынужден был по недостатку средств оставить в это время консерваторию и давать уроки музыки, чтобы помогать семье, все же сумел стать профессиональным музыкантом; в последние годы жизни вел в Саратове торговлю музыкальными инструментами (см.: *Волоцкой*, стр. 104).

[33] См. письмо 359, примеч. 12.

[34] М. М. Достоевский (младший), музыкант-скрипач, так и не нашел ни удовлетворяющей его работы, ни вообще места в жизни и умер в богадельне в 50-летнем возрасте.

[35] Табачная фабрика М. М. Достоевского была небольшим и по сути дела кустарным предприятием, которое не могло конкурировать с известными табачными фирмами и, просуществовав около 10 лет, не принесло владельцу ничего, кроме долгов.

[36] Об обстоятельствах продолжения Достоевским журнала «Эпоха» и о крахе журнала см.: наст. изд., т. XXVIII_2, письма 233, 253 и примеч. к ним.

[37] Речь идет об М. М. и М. И. Владиславлевых.

[38] О нелегких отношениях с родственниками мужа А. Г. Достоевская писала позднее в своих «Воспоминаниях», наиболее подробно в главе «Домашние враги» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*. стр. 114—126, 137—140, 144).

[39] Имеются в виду не только «устные» жалобы Э. Ф. Достоевской и ее семьи. Так, вскоре после отъезда Достоевского за границу, обращаясь в Литературный фонд за помощью, Э. Ф. Достоевская писала: «Пока я могла рассчитывать на помощь со стороны брата моего мужа г-на Федора Достоевского, я не утруждала Общество своими просьбами ‹...› Вступление в брак Федора Михайловича Достоевского и пребывание его за границей естественно лишают меня права и возможности надеяться на его помощь...» (*ГПБ*, ф. 438, № 17, л. 36). В ответ на эти «жалобы» в «справке» сообщалось: «Просительница получила от Общества в 1865 г. единовременное пособие в 200 руб. ‹...› В 1866 г. Общество приняло на себя плату за воспитание ее дочери в женской гимназии ‹...› примерно на 6 лет»

(там же, № 6, л. 12). Одновременно собиравший сведения по этой просьбе К. К. Арсеньев доложил Комитету: «...г-жа Достоевская живет не бедно, в порядочной квартире. <...> Просительница желала бы получать от Общества пенсию или хотя бы продолжительное пособие в течение шести или даже четырех лет...» (там же, № 6, л. 13). На этот раз Литературный фонд взял на себя плату за обучение в консерватории сына Э. Ф. и М. М. Достоевских Федора.

[40] М. М. Достоевский ездил в Москву за деньгами (точнее, за акциями, которые были заложены за 5000 руб.) уже после переезда Достоевского из Москвы в Петербург (см. также наст. изд., т. XXVIII$_2$, письма 231, 233).

364. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 29)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 271—275.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 8 марта 1869 г. (*Шестидесятые годы*. стр. 262—263).

Страхов ответил 27 марта 1869 г. (там же, стр. 263).

[1] В письме от 8 марта 1869 г. Страхов сообщал о «Заре»: «Вторую книжку Вы вскоре получите; я виноват, я поторопился *отдельно* послать первую книжку и забыл распорядиться о второй» (стр. 262).

[2] В этом же письме сообщалось об А. Н. Майкове: «Что же касается 200 р., которые Вы должны Майкову, то я тотчас же увидел, что Вы напрасно беспокоитесь <...> я не раз был свидетелем, как он читал Вам панегирики» (стр. 262).

[3] Имеется в виду письмо Майкова от 3—8 марта 1869 г. (см.: *А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 76—77). Достоевский ответил Майкову 15 (27) мая 1869 г. (см. письмо 367).

[4] Страхов писал в письме от 8 марта 1869 г.: «...я очень сблизился с Майковым и нашел в нем такого прекраснейшего человека, что душевно полюбил и уважаю его <...> его необыкновенная скромность — причиною, что мало кто знает всю доброту, мягкость и чистоту этого человека» (стр. 262).

[5] Достоевский откликается на следующее сообщение Страхова в письме от 29 января 1869 г.: «...первая книжка («Зари». — *Ред.*) произвела дурное впечатление, это ужасно скверно; придется долго поправляться. Но все-таки совершенно верно, что у нас *две тысячи* подписчиков» (*Шестидесятые годы*, стр. 262).

[6] В № 2 «Зари» кроме статей Страхова и Н. Я. Данилевского (см. примеч. 7—10) были напечатаны стихотворение А. Н. Майкова «Сабля царя Вукашина. Из сербских народных песен», псевдофетовское стихотворение «Дикарка» (см. примеч. 7 к письму 362), продолжение романов А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» и В. П. Клюшникова «Цыганы», а также статьи А. В. Рачинского и П. К. Щебальского.

[7] Во второй (заключительной) статье о «Войне и мире» Страхов сопоставлял роман Л. Н. Толстого с пушкинскими «Капитанской дочкой» и «Повестями Белкина». Ссылаясь на «рабочую» схему А. А. Григорьева. делившего типы русской литературы на «хищные» и «смирные», он делал вывод о том, что в «Войне и мире» борьба этих двух типов, как и борьба русского начала с западным, нашла свое завершение. Не претендуя на широкие обобщения, Страхов, по его словам, стремился дать в своей статье лишь «некоторые черты *частной* характеристики „Войны и мира“» (*З*. 1869, № 2, стр. 151). Похвалы Достоевского могут объясняться и тем. что, откликаясь на его совет в письме к Страхову от 12 (24) декабря 1868 г. «пустить» в «Заре» «статью об Аполлоне Григорьеве, то есть не то чтоб биографию, а вообще о его литературном значении» (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 358), критик, в частности. писал: «Открытие значения Белкина в пушкинском творчестве (как необходимой коррективы

к «хищному типу». — *Ред.*) составляет главную заслугу Ап. Григорьева. Вместе с тем это была для него исходная точка, с которой он объяснял внутренний ход всей послепушкинской художественной литературы» (*З*, 1869, № 2, стр. 252).

[8] В № 2 «Зари» были напечатаны третья и четвертая главы работы Данилевского «Россия и Европа» («Европа ли Россия?» и «Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческою?»). См. также примеч. 9, 10.

[9] Историко-философская концепция Востока и Запада, идея особой роли России, призванной объединить славянский мир и нравственно обновить духовно разлагающуюся буржуазную Европу, помочь общему движению народов к «мировой гармонии», складывались у Достоевского уже ко времени работы над романом «Идиот» (см., например, письмо Достоевского А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 334, а также наст. изд., т. XII, стр. 166—167). Указанный Достоевским замысел статьи на эту тему (вероятно, для задумывавшегося им в это время периодического издания — см. письмо 360) реализован не был, но названный круг идей был подробно обоснован Достоевским в «Дневнике писателя» 1876, 1877, 1881 гг. (см. наст. изд., т. XXII—XXVII). Упоминаемые писателем записи неизвестны. Возможно, они содержались в бумагах, сожженных при возвращении из-за границы в Россию (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 198). См. также примеч. 10 и 17 к письму 363.

[10] При чтении последующих глав работы Данилевского Достоевский с огорчением отмечал свое расхождение с ним (см., например, письмо Достоевского А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. — письмо 399). В «Дневнике писателя» 1876, 1877, 1880 и 1881 гг. отразились как известное воздействие ряда идей «России и Европы» Данилевского, так и преодоление их Достоевским.

[11] В письме от 8 марта Страхов писал: «А критика моя не имела успеха ‹...› Ее не понимают, в чем я совершенно убедился, не понимают люди даже очень смышленые. Градовский, Данилевский в таком восторге, что я и не ожидал; другие же не находят ничего любопытного, и я убедился, что для массы я пропал и никогда не буду иметь успеха» (стр. 263).

[12] В письме от 29-31 января 1869 г. Страхов писал Достоевскому: «Московские славянофилы благосклонны к „Заре". Аксаков сделал экстраординарные визиты — мне и Градовскому...» (*Шестидесятые годы*, стр. 262). Речь идет об И. С. Аксакове.

[13] О деньгах, полученных из «Русского вестника», см. в письме 363.

[14] 8 марта Страхов сообщал Достоевскому о готовности В. В. Кашпирёва дать писателю тысячу руб. в рассрочку (стр. 262).

[15] См. письмо 360 и примеч. 11 к нему.

[16] Сохранился набросок, сделанный Достоевским в феврале—марте 1869 г. и озаглавленный «План для рассказа (в «Зарю»)» (подробно о нем см.: наст. изд., т. IX, стр. 492—494).

[17] Имеется в виду письмо 362.

[18] В. В. Кашпирев пошел навстречу просьбе Достоевского (см. письмо 365 и примеч. к нему).

[19] В письме от 8 марта Страхов писал: «Из Вашего письма очень приятно мне было узнать, что здоровье Ваше не так дурно, как здесь ходили слухи» (стр. 263).

365. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 33)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 276—279.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 27 марта 1869 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 263).

Страхов ответил 12 апреля 1869 г. (там же. стр. 264).

Датируется 1869 г. по содержанию и на основании письма Страхова от 27 марта 1869 г.

[1] В письме от 27 марта Страхов сообщал: «Сейчас отвез Марье Григорьевне (Сватковской. — *Ред.*) 125 рублей; остальные 175 будут отправлены к Вам в половине апреля, о чем я буду иметь наблюдение».

[2] Речь идет о редакции журнала «Заря», в которую кроме В. В. Кашпирева и Страхова входили Н. Я. Данилевский и А. Д. Градовский. Сомневаясь в «точности и аккуратности» редакции, Достоевский имеет в виду, вероятно, В. В. Кашпирева.

[3] Достоевские жили в Дрездене с 19 апреля (1 мая) по 21 июня (3 июля) 1867 г.

[4] А. Г. Достоевская писала об этом: «Ввиду приближавшегося семейного события (рождения ребенка. — *Ред.*) необходимо было переселиться в страну, где бы говорили по-французски или по-немецки, чтобы муж мог свободно объясняться с доктором, акушеркой, в магазинах и пр.» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 186).

[5] См. примеч. 28 к письму 363.

[6] Достоевский мог иметь в виду не только объявление о выходе журнала («8-го января вышла и раздается гг. подписчикам первая (январская) книжка журнала „Заря"» — *Г*, 1869, 10 января, № 10; то же — 25 января, № 25), но и упоминания о выходе очередных номеров «Зари» в критических обзорах «Голоса» (см. примеч. 3 к письму 362).

[7] См. письмо 364, примеч. 16.

[8] На эту просьбу Достоевского Страхов отвечал 12 апреля 1869 г.: «„Заря" № 4 сдается в цензуру в понедельник, 14-го».

[9] О книге Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (вып. 1—2. Прага, 1868; вып. 3—5. Берлин, 1871, 1874, 1875) Достоевскому сообщил А. Н. Майков еще в 1868 г. в письме от 17 сентября: «Появилась книга, которая, как брошенный камень, возмутила тишь и гладь русских салонов ‹...› Это книга ‹...› о Балтийском Поморье нашем ‹...› Написана со знанием дела, горячо ‹...› Это книга для русских государственных людей как настольная, которую они должны выучить наизусть ‹...› Это уже зрелый плод русского народного самосознания» (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 71). На просьбу Достоевского Страхов ответил отказом. 12 апреля 1869 г. он писал Достоевскому: «„Окраины" изданы в Праге, и Вам удобнее будет достать их за границею, чем нам преодолевать цензурные и иные затруднения». См. также наст. изд., т. XXVIII_2, примеч. 27 к письму 355.

[10] Страхов прислал Достоевскому «Войну и мир» (см. примеч. 11 к письму 387).

[11] Интерес Достоевского к скептической философии Вольтера усиливается в конце 1860-х гг. в связи с замыслом романа «Атеизм» (см. письмо 360, примеч. 11). В январском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. (гл. I, § 1) Достоевский пишет о «страстной вере» Вольтера и Дидро, имея в виду их антиклерикальные, просветительские взгляды и ту горячность, с которой они отстаивали свои убеждения и веру в общественный прогресс (см. наст. изд., т. XXII. стр. 6 и 316). К концу 1877 г. относится запись Достоевского: «Memento. На всю жизнь. 1) Написать русского Кандида» (наст. изд., т. XVII, стр. 14). О переосмыслении философских мотивов вольтеровского «Кандида» в «Братьях Карамазовых» и об отражении идей Вольтера и Дидро у Достоевского см.: наст. изд., т. V, стр. 380, 384; т. VII, стр. 405; т. IX, стр. 448; т. XV, стр. 409—410.

[12] См. письмо 359, примеч. 9.

[13] См. письмо 359, примеч. 16, а также: наст. изд.. т. XXVIII_2, письмо 354 и примеч. 6 к нему.

[14] К 1869 г. роман «Бедные люди» после публикации в «Петербургском сборнике» действительно выходил в свет трижды (см. наст. изд., т. I, стр. 462); трижды было напечатано после журнальной публикации и «Преступление и наказание» (см. наст. изд., т. VII, стр. 304). Остальные ро-

маны и повести переиздавались в собраниях сочинений в 1860 и 1865—1867 гг. Ср. письмо 359, примеч. 14.

[15] Достоевский отвечает на следующие слова Страхова из письма от 27 марта: «Не браните меня — я, право, делаю что могу ‹...› собственно я в себе не сомневаюсь, но сил у меня совсем нет. Если бы написать все статьи, которые мне приходят в голову, да написать живо, бойко — то можно было бы (так мне кажется) перекричать всю петербургскую литературу. Но вместо живых и бойких статей у меня выходят одни скомканные наброски».

[16] Об этой брошюре Страхова см. письмо 362 и примеч. 11 к нему.

[17] О статье Страхова, посвященной «Войне и миру» Л. Н. Толстого, см. письмо 362 и примеч. 5, 16 к нему.

[18] О статье Данилевского и об отношении Достоевского к его идеям см. письмо 363, примеч. 17 и 364, примеч. 9, 10. Теория Данилевского была в конце XIX в. усвоена официальной политической доктриной царского правительства в России, а его концепция замкнутых цивилизаций «положила начало целому направлению в буржуазной социологии, которое нашло особенно сильное развитие в XX веке (Шпенглер, Тойнби. — *Ред.*)» (см.: М. Н. Пеунова. Неославянофильство. — В кн.: История философии в СССР. М., 1968, т. 3, стр. 332—338).

[19] Намерение написать «письмо» о пьесе Д. В. Аверкиева «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве» (*З*, 1869, № 3) осталось невыполненным.

[20] Взгляд Н. А. Добролюбова на творчество А. Н. Островского отразился в его статьях «Темное царство» (1859) и «Луч света в темном царстве» (1860). А. А. Григорьев возражал против характеристики Островского как критика «темного царства». В статье «После „Грозы" Островского» (1860) он писал: «Самодурство — это только накипь, пена, комический отсадок; оно, разумеется, изображается поэтом комически ‹...› не оно — ключ к его созданиям!». «Новое» же «слово» Островского, по мысли Григорьева, «не более, не менее как *народность*» (см.: Ап. Григорьев. Сочинения. СПб., 1876, т. 1, стр. 464, 479). Сопоставляя трактовки Островского, данные Добролюбовым и Григорьевым, Достоевский откликается на следующее суждение Страхова из его брошюры «Бедность нашей литературы» (СПб., 1868): «...нельзя не согласиться с Добролюбовым, что мир драм г-на Островского есть темное царство, царство, изобилующее уродствами быта и речи. Нельзя не согласиться и с тем, что не думал г-н Островский обличать это царство, как полагал Добролюбов, а именно хотел некоторым образом возвести его в перл создания. По выражению Ап. Григорьева, это был культ изображаемого быта, попытка схватить все его живые и поэтические моменты» (стр. 14).

[21] Начало романа В. П. Клюшникова «Цыгане» появилось в № 2 «Зари» за 1869 г., продолжение — в №№ 3—4, 10 и 12, но уже в объявлении «От редакции», помещенном в январском номере журнала, сообщалось: «В следующей книжке сверх продолжения романа „Люди сороковых годов" начнется роман В. П. Клюшникова „Цыгане"». Объявление о предстоящем печатании романа появилось и среди перечня «находящихся в портфеле редакции» сочинений в редакционном объявлении, помещенном в № 283 газеты «Голос» от 13 октября 1868 г. и повторявшемся вплоть до последнего декабрьского номера газеты.

366. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 37)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 279—280.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 12 апреля 1869 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 264).

[1] Страхов писал 12 апреля 1869 г.: «Никак невозможно <...> послать Вам сейчас же деньги, но 15-го, а уже никак не позже 16 они будут высланы. Ваше письмо пришло вчера, то есть 11-го ночью, и, следовательно, только за три дня до той минуты, когда, надеюсь, Вам будут высланы деньги».

[2] См. письмо 365 и примеч. 8 к нему.

[3] На это письмо Страхов не ответил. Позднее, публикуя его, он пояснял: «Дело было так, что 27 марта мною были отвезены 125 руб. Марье Григорьевне; но, хотя в тот же день я писал Федору Михайловичу, что 175 руб. будут ему посланы в половине апреля, а потом в письме от 12 апреля повторил это обещание, деньги не были отправлены, к великому моего огорчению. Получение откладывалось день за днем; я не знал, что делать, и мне было так совестно перед Федором Михайловичем, что потом я прекратил с ним переписку» (*Биография*, отд. II, стр. 280).

367. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 38)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 420—430.

Ответ на два письма А. Н. Майкова: от 3—8 марта 1869 г. и недатированное, написанное в день похорон Н. Ф. Щербины, т. е. 12 апреля 1869 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М Достоевскому*, стр. 76—80; с неточными датировками).

[1] Достоевский познакомился с Майковым у В. Г. Белинского в 1846 г. (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 355; см. также письмо 362, примеч. 41).

[2] Отклик на слова Майкова из письма от 12 апреля 1869 г.: «Мне же хочется поговорить по душе. Мысли определенной нет, что бы надобно было сообщить, а просто нужен сочувственный аккомпанемент другой души на то, что звучит в груди. Отдельно сочувственных струн и много у разных милых людей из наших приятелей, но у Вас у одного их больше; уж с того начиная, что Вы поэт и художник...» (стр. 77).

[3] Речь идет о М. М. Достоевском.

[4] Имеется в виду письмо Майкову от 21—22 марта (2—3 апреля) 1868 г., в котором Достоевский писал: «У меня есть одна мысль, для Вас. но она требует особого изложения, в целом письме, а теперь некогда. Скоро напишу. Мысль эта по поводу Вашей „Софьи Алексеевны“ у меня зародилась <...> Это не роман и не поэма, — писал Достоевский. — Но это так нужно, так будет необходимо, и так будет оригинально и ново и с таким необходимым, русским направлением, что сами ахнете!» (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 341).

[5] Возможно, что вместо упоминаемого здесь стихотворения 1859 г. «Констанцский собор» (у Майкова оно называется «Приговор (Легенда о Констанцском соборе)») Достоевский хотел назвать одно из популярнейших стихотворений поэта из цикла «Картины» «Клермонтский собор» (1857), представлявшее собою отклик на Крымскую войну и получившее в свое время признание не только единомышленников Майкова, но и таких критиков, как Добролюбов и Чернышевский (см.: *Добролюбов*, т. IX, стр. 115; *Чернышевский*, т. II, стр. 645). Ср. отзыв Достоевского об этом стихотворении в письме Майкову от 18 января 1856 г. (наст. изд., т. XXVIII_1, письмо 104).

[6] Эта общая с Майковым «мысль» о «любовном, а не завоевательном начале» русского государства изложена самим Достоевским в упоминавшемся выше его письме к Майкову от 21—22 марта (2—3 апреля) 1868 г. (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 341). Комментируемое письмо — единственный источник сведений об излагаемом в нем замысле. Развиваемый Достоевским проект «Великой национальной книги», своеобразно перекликающийся с идеями романа «Атеизм» (см. примеч. 11 к письму 360), не был осуществлен ни самим Достоевским, ни Майковым. Отдельные мотивы

этого замысла нашли отражение в «Дневнике писателя» за 1881 г. (январь, гл. 1, 5 — наст. изд., т. XXVII, стр. 22—26).

[7] Речь идет о событиях XV в.: взятии в 1453 г. армией султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя) последнего оплота Византии — Константинополя.

[8] Штурм Константинополя начался в ночь на 29 мая, и уже на рассвете турки двинулись на город.

[9] Последним императором Византии был Константин XI Драгас.

[10] Достоевский цитирует начальную строку первой песни («Видение короля») из «Песен западных славян» (1834) Пушкина, представляющих собою, по словам писателя, «шедёвр из шедёвров <...> не говоря уже о пророческом и политическом значении этих стихов» («Дневник писателя» за 1877 г., февраль, гл. I, § 1 — наст. изд., т. XXV, стр. 39).

[11] Икона Богородицы Влахернитиссы, находившаяся во Влахернском храме в Константинополе, считалась «непреоборимым щитом»; она «была своего рода палладием империи и сопровождала ее армии в походах» (см.: Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. Пг., 1915, т. 2. стр. 60—61).

[12] Желая своими глазами убедиться в смерти Константина XI, Мехмед II приказал солдатам отыскать его среди груды мертвых тел. Труп императора был обнаружен «по пурпурным сапожкам с золотыми орлами. которые носили только византийские императоры» (см.: История Византии. М., 1967, т. 3, стр. 196).

[13] Имеется в виду прославленный собор св. Софии в Константинополе. построенный в 532—537 гг. малоазийскими зодчими Анфимием из Траал и Исидором из Милета.

[14] Последним патриархом православной церкви в Византии был Афанасий II. Победители в этом же 1453 г. избрали новым патриархом Геннадия II Схолария, перебежавшего к туркам во время осады Константинополя.

[15] Согласно легенде, Мехмед II в знак победы над «неверными» въехал на белом коне в храм св. Софии и, удивившись необычайной красоте этого великолепного здания, велел превратить его в мечеть (см.: История Византии. М., 1967, т. 3, стр. 198). С этого времени храм стал носить название Айя-София; фрески его были замазаны, и к нему были пристроены четыре легких минарета.

[16] Решение выдать «последнюю из Палеологов» племянницу Константина XI Зою (Софью), «Фоминишну», за Иоанна III принадлежало папе Павлу II, в связи с чем в 1469 г. в Москву были направлены послы с письмом. содержавшим предложение руки греческой царевны. Иоанн, получив через отправленных в Рим послов сведения о «личных достоинствах» Софьи, послал за ней. По прибытии ее в Москву (12 ноября 1472 г.) состоялось обручение и свадьба. С этого времени в России устанавливается новый государственный герб в виде двуглавого орла, подобный гербу Византийской империи, и русский двор начинает перестраиваться по византийскому образцу.

[17] До 1492 г. Иоанн III (как и другие московские князья до него) жил в деревянных теремах. В 1493 г. он построил новый деревянный дворец, сгоревший в том же году. Каменный же дворец был заложен лишь в 1499 г.

[18] Круг развиваемых здесь идей получил обоснование в «Дневнике писателя» 1876, 1877, 1880 и 1881 гг.

[19] Имеется в виду митрополит Филипп.

[20] Речь идет о событиях XVI в. — колонизации Северной Америки европейцами (Англией, Испанией, Францией, Нидерландами и Швецией), а также начавшейся в XVI в. добыче золота испанцами на территории Южной Америки (прежде всего в мексиканских и перуанских рудниках).

[21] По-видимому, имеется в виду война за «испанское наследство» (1701—1714) между Францией и коалицией Австрии, Англии и Нидерландов.

[22] Провозглашенному Французской буржуазной революцией XVIII в. «казенному», по выражению Достоевского, представлению о правах человека писатель противопоставлял «русское решение вопроса», основанное на «вечных», нерушимых нормах нравственности и совести (см., например, «Дневник писателя» за 1877 г., февраль, гл. II, § 4, «Русское решение вопроса» — наст. изд., т. XXV, стр. 61—63).

[23] Майков закончил стихотворение «Клермонтский собор» именно «на Петре»:

И, может быть, враги предвидят,
Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет
Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов — с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов — как их мир однажды
Зрел в грозном образе *Петра*.

(*Майков*, стр. 242)

[24] Об отношении Достоевского к петровским реформам, об эволюции взглядов писателя на Петра I и его деятельность см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 26, 35—37, 104—107, 220—221, 297—299; т. XIX, стр. 18—19; т. XX, стр. 12—15; т. XXIII, стр. 46—47. См. также: Е. И. Кийко. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839». — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 189—200; В. И. Кайгородов. Об историзме Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 27—40; *РЛ*, 1981, № 4, стр. 41, 42.

[25] Боргезаны — представители родовитой итальянской фамилии Боргезе.

[26] Очевидно, намек на Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и Г. З. Елисеева, которых в полемике с ними противники их неоднократно пренебрежительно именовали «семинаристами» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 241; ср. также т. XX, стр. 155—156).

[27] Возможно, намек на В. А. Соллогуба и Е. А. Салиаса—де Турнемира.

[28] О воззрениях Достоевского на исторические взаимоотношения России и Польши в XIX в. см.: наст. изд., т. XX, стр. 97—101 и 252, 253, 316—318.

[29] В письме от 12 апреля Майков писал: «Затеял я написать русскую историю в 10 или 12 рассказах для сельских и других первоначальных школ ‹...› Я беру только капитальные эпохи, приурочивая их к известным для всех именам, и пишу живую историю, пишу чувством и воображением, чтобы заставить почувствовать и вообразить ‹...› Вот, будь Вы здесь, в этом деле Вы бы мне капитальную помощь оказали, да, пожалуй, и сами бы написали» (стр. 79).

[30] См. примеч. 5.

[31] Выражение «новое слово» стало часто употребляться в русской публицистике и критике после появления статьи А. А. Григорьева «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (см.: «Москвитянин», 1855, № 3, февраль, стр. 104).

[32] Достоевский зорко подметил уже в 1869 г. появление в народной среде частушек — нового жанра, возникновение которого относится именно ко второй половине XIX в. (см.: О. В. Орлов. Русская частушка дооктябрьского периода. М., 1954, стр. 8, 11).

[33] В письмах Майкова, на которые отвечает Достоевский, упоминаний о Ермаке нет. Но второй «рассказ из русской истории» (см. примеч. 34), опубликованный в «Заре» (1869, № 8), завершается повествованием о походе Ермака в Сибирь.

[34] В письме от 12 апреля Майков писал: «...четыре рассказа, особенно 2-й, 3-й, 4-й, написаны поэтически и без вранья. Я уверен, что Вам бы понравилось» (стр. 79). Были ли высланы Достоевскому эти

написанные «рассказы», неизвестно. В «Заре» за 1869 г. появились два «рассказа из русской истории»: первый — «О святых митрополитах Петре и Алексее и о славном Мамаевом побоище» (№ 5); второй — «Взятие турецким султаном Магометом II Константинополя. Москва — третий Рим. Покорение при царе всея Руси Иване Васильевиче Грозном мусульманских царств: Казанского, Астраханского и Сибирского» (№ 8).

[35] А. Г. Достоевская ожидала ребенка.

[36] Речь идет об А. Н. Сниткиной.

[37] См. примеч. 16 к письму 364.

[38] См. письмо 366 и примеч. к нему.

[39] Это письмо Достоевского в редакцию «Русского вестника» или М. Н. Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 249).

[40] См. примеч. 28 к письму 363.

[41] Во Флоренции Достоевские жили на улице Гвиччардини в доме № 8. «Улица Гвиччардини находится на левом берегу Арно и ведет от Понте Веккио (Старого Моста) к дворцу Питти ‹...› Здание выходит боковой стороной на узенькую, как щель, улочку, через которую переброшена арка. На лицевом фасаде этого старого, внешне ничем не примечательного строения с непременными во Флоренции зелеными ставнями-жалюзи теперь висит мраморная мемориальная доска с надписью: „Здесь на рубеже 1868 и 1869 годов Федор Михайлович Достоевский завершил роман «Идиот»“» (Н. П. Прожогин. Достоевский во Флоренции в 1868—1869 гг. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 207).

[42] Это письмо Достоевского М. Г. Сватковской и записка А. Ф. Базунову неизвестны (см.: *Список*, №№ 250, 251).

[43] Отдельное издание «Идиота» появилось лишь в 1874 г. в издании самого Достоевского.

[44] О замысле романа «Атеизм» см. письмо 360 и примеч. 11 к нему.

[45] В письме от 12 апреля Майков писал о семье Э. Ф. Достоевской и П. А. Исаеве: «У них там какие-то несогласия, о коих он (Исаев. — *Ред.*) Вам писать не хочет, да и я не советовал; напишет — Вы встревожитесь, тоже напишете, придет письмо, а там уж перемололось и заварилось, может быть, новое. И опять писать! и опять то же! Впрочем, важного ничего нет» (стр. 80).

[46] Это письмо Э. Ф. Достоевской Достоевскому неизвестно.

[47] М. Г. Сватковская, о которой здесь идет речь, передала просьбу Достоевского Н. Н. Страхову. 25 июня 1869 г. Страхов ей сообщил: «По Вашему поручению я говорил с Базуновым; он решительно отказывается *купить* „Идиота“, а соглашается напечатать на таких условиях: сперва он выручит все, что будет стоить издание, и сверх того 25%; а затем остальная продажа совершается в пользу автора, за вычетом 30%, которые идут Базунову» (*Д, Письма*, т. II, стр. 456).

[48] По-видимому, именно после напоминаний Майкова Сватковская и обратилась к Страхову.

[49] Письмо Достоевского в дрезденский почтамт неизвестно (см.: *Список*, № 253).

[50] См. примеч. 21 к письму 360.

[51] В письме от 12 апреля Майков, передавая А. Г. Достоевской поклоны, восклицал: «Чай, похорошела еще в Италии?..» (стр. 80).

[52] Имеется в виду флорентийская библиотека с читальным залом при ней (см.: *Достоевская, А. Г.*, Воспоминания, стр. 184) . См. также: Н. П. Прожогин. Достоевский во Флоренции в 1868—1869 гг. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 204—208.

[53] Об отношении Достоевского к книге Н. Я. Данилевского см. в письмах 362 и 364.

[54] Свое первоначальное мнение о пьесе Д. В. Аверкиева «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве» Достоевский высказал Страхову в письме от 6 (18) апреля 1869 г. (см. письмо 365).

368. В. И. ВЕСЕЛОВСКОМУ (стр. 46)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 386. На письме помета карандашом А. М. Достоевского: «Получ‹ено› при письме В. И. Веселовского 29-го сентября 1869 года».

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 335—338.

[1] Речь идет о письме А. Н. Майкова от 7 августа 1869 г. (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 458). Известие о смерти А. Ф. Куманиной оказалось ложным. История куманинского наследства, о котором говорится в письме (ср. примеч. 4), привела к обострению отношений Достоевского с родственниками, причинив писателю много огорчений (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 327—352, а также письма 369, 371, 380 и примеч. к ним).

[2] Сведения А. Н. Майкова оказались неверными: опекунами А. Ф. Куманиной (а не детей М. М. Достоевского) стали В. И. Веселовский и А. М. Достоевский. См. подробнее об этом в примеч. 4.

[3] Цитата из письма А. Н. Майкова от 7 августа 1869 г. (слова В. И. Веселовского в передаче В. В. Кашпирева) (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 458).

[4] Ответом на это письмо явилось письмо А. М. Достоевского от 30 сентября 1869 г., которому Веселовский передал письмо Ф. М. Достоевского. А. М. Достоевский писал брату: «Ты, я думаю, очень удивлен, получив от меня это довольно длинное письмо после долгого и долгого обоюдного молчания. Письмо это есть ответ на твое, адресованное из Дрездена к Владимиру Ивановичу Веселовскому от 14/26 августа сего года, которое Веселовский в подлиннике переслал мне с просьбою ответить тебе, так как дело, которым ты интересуешься, известно мне столько же, как и ему.

Прочитав письмо это, я увидел, что до тебя дошли ложные слухи через А. Н. Майкова и Кашпирева и что ты совершенно не знаком с делом, об котором ты пишешь Веселовскому, а потому нынче же я в день получения твоего письма принимаюсь за перо с целью посвятить тебя во все подробности дела. Но предварительно скажу тебе, что тетушка А. Ф. Куманина жива и по настоящее время и ‹...› пользуется, принимая во внимание лета, хорошим здоровьем, ежели не включать сюда состояние ума и памяти, которые она давно уже совершенно потеряла. Сделав эту оговорку, приступаю к изложению дела и постараюсь познакомить тебя с ним сколь возможно подробнее. О существовании завещания, сделанного тетушкою А‹лександрой› Ф‹едоровной›, я впервые узнал в декабре 1864 года, когда приезжал из Екатеринослава в Москву и Петербург, узнал я это от бабушки О‹льги› Я‹ковлевны›, которая вместе с этим сказала мне, что на мою долю завещано 10 т‹ысяч› р‹ублей› и что приказчиком назначен некто Алекс‹ей› Тимофеевич Неофитов (не знаю, известна ли тебе эта личность, но я знавал его еще мальчиком, когда жил в доме дяди после смерти папеньки) — вот и все, что узнал я тогда и, кажется, сообщал об этом и тебе. Ты, вероятно, помнишь приезд мой в Петербург с женою и семейством в конце 1864 г. После ‹...› я несколько раз бывал в Москве и Петербурге и постепенно знакомился с делом ‹...› В проезд мой через Москву летом 1865 г. я ничего не мог узнать ‹...› В конце 1865 г., когда я был в Петербурге по делам службы и виделся с тобою, я во время пребывания в Москве узнал, что ‹...› завещание переписано, что Неофитов вовсе исключен из числа наследников и что душеприказчиком назначен А. П. Иванов ‹..› Наконец, в поездку мою в Петербург в генваре 1868 года дело это для меня совершенно объяснилось. В Москве от сестры Вар‹вары› Мих‹айловны›, а в Петербурге от сестры Саши я постоянно слышал, что дела тетушки приходят в совершенный упадок, что бабушка О‹льга› Я‹ковлевна› распоряжается всем без всякого контроля, что А‹лександр› П‹авлович› по доброте своей нисколько ей не препятствует и т. п. и т. п. Все сестры сильно подстрекали меня войти в это дело и познакомиться с этим обстоятельнее ‹...› На возвратном пути домой я приехал в Москву в день смерти Александра Павловича. Тогда-то бабушка ухватилась за меня, как говорится, со всеми

руками и просила <...> помочь ей советом <...> Пробыв лишнюю неделю в Москве, я был свидетелем, как сестры и другие московские родные подали прошение генерал-губернатору о назначении опеки, прописав вышеназванные обстоятельства. Следствием этого прошения было формальное освидетельствование тетушки в ее умственных способностях <...> Конечно, оказалось, что способности все утрачены <...> Сестры обратились с просьбою к Влад<имиру> Ив<ановичу> Веселовскому, который после долгих отказов принял на себя эту обузу с единственным условием, чтобы и я, хотя и отсутствующий, был назначен опекуном ему в товарищи. Итак, видишь, любезный брат, что г-н Веселовский и я (а не Николя, как видно из твоего письма) назначены опекунами собственно над тетушкой и ее имуществом...» (*Достоевский, А. М.*, стр. 338—340; со сверкой по автографу: *ИРЛИ*, ф. 56, № 396).

[5] См. примеч. 21 к письму 360.

369. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 48)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 430—434.

Ответ на письмо А. Н. Майкова от 7 августа 1869 г. (*Д, Письма*, т. II, стр. 458).

Майков ответил 21 сентября 1869 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 80—81).

[1] В коротком деловом письме от 7 августа 1869 г., обещая Достоевскому написать подробное письмо сразу же после возвращения с дачи в Петербург, Майков сообщал (со слов В. И. Веселовского в передаче В. В. Кашпирева) о завещании, оставшемся, якобы, после смерти А. Ф. Куманиной, по которому 40 000 руб. отдавалось в пользу «какого-то монастыря», и предложении Веселовского (в передаче Кашпирева) уничтожить это завещание, поскольку в момент его написания А. Ф. Куманина была «уже не в своем уме». «Из всех Достоевских он (т. е. Веселовский. — *Ред.*) особенно уважал Вас, — писал далее Майков, — но думал, что Вы столько же богатый, сколько и известный человек; узнав же, что пропорция обратная, он говорил, что если бы Фед<ор> Мих<айлович> изъявил ему свое согласие, хотя бы письмом <...> то он бы начал хлопотать об нарушении завещания». См. также письма 368, 380 и примеч. к ним.

[2] См. письмо 368 и примеч. 1, 4 к нему.

[3] Ответ на это письмо Достоевского В. И. Веселовскому был написан А. М. Достоевским (см. письмо 368, примеч. 4).

[4] Майков писал 7 августа 1869 г.: «Мне кажется, что Вам следует написать к нему свое согласие иметь в виду себя и, во-2-х, семейство Мих<аила> Мих<айловича>, ибо — вам достанется тогда по 10 000 р. И эти деньги отдать Вам и семейству М<ихаила> М<ихайловича> есть дело столь же богоугодное, как и на монастырь».

[5] Это письмо Э. Ф. Достоевской неизвестно.

[6] См. примеч. 49 к письму 367.

[7] Речь идет о письме Н. Н. Страхову от 14 (26) августа 1869 г. (см. письмо 370).

[8] См. примеч. 28 к письму 363.

[9] Деньги были получены вперед за роман, обещанный в «Русский вестник» к началу 1870 г. (см. примеч. 23 к письму 363).

[10] Речь идет о предстоявших празднествах в Праге в честь пятисотлетнего юбилея Яна Гуса. По этому поводу в «Голосе» было опубликовано известие о только что созданном пражском комитете и сообщалось о том, что комитет «приготовляет это празднество не только для чехов, но и для всех славян вообще». «Говорят, — подчеркивалось далее, — что будут приглашены славяне из всех земель» (*Г*, 1869, 21 июня, № 169). Несколько позднее «Голос» вновь обратился к этой теме: «Мы получили от комитета

для устройства празднества 500-летней годовщины Иоанна Гуса в Праге следующее воззвание, где были и такие слова: „Мы, без сомнения, встретим сочувствие не только со стороны чехов и славян вообще, но и среди всех просвещенных народов <...> Поэтому, ввиду борьбы за просвещение и истину, *мы приглашаем всех тех, кто знает, что Иоанн Гус за несколько столетий назад провозглашал ее, собраться у его колыбели и подкрепиться на дальнейшую борьбу воспоминанием о страданиях великого мученика*. Память его будем праздновать 23-го августа ст. ст. (4 сентября н. с.) в Праге в Гусинце, родине его“» (*Г*, 1869, 13 июля. № 190).

[11] Майков в Праге не был и на этот вопрос Достоевского не ответил.

[12] Достоевские возвратились в Россию только 8 июля 1871 г.

[13] Дочь Достоевских Соня умерла в Женеве 12 (24) мая 1868 г. в трехмесячном возрасте.

[14] Эти «муки» Анны Григорьевны «при первых родах» и состояние Достоевского в это время описаны в позднейших «Воспоминаниях» жены писателя и сопровождены следующим примечанием: «В романе „Бесы“, в сцене родов жены Шатова, Федор Михайлович описал многие свои ощущения при рождении нашей первой дочери» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 175).

[15] Имеется в виду жена поэта, А. И. Майкова.

[16] Отклик на шутливые слова Майкова из письма его от 3—8 марта 1869 г.: «...Анна Григорьевна начала обдумывать тоже роман, а какой — она и сама сказать не может, хотя будет его обдумывать 9 месяцев» (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 76).

[17] Майков согласился на эту просьбу Достоевских (см. письмо 372, примеч. 3).

[18] В январе 1869 г. была закончена работа над романом «Идиот»; в марте этого же года Достоевский предложил в «Зарю» рассказ (или повесть) «листа в 2 печатных» и получил аванс (см. примеч. 24 к письму 363). О новом обещании в «Русский вестник» см. письмо 363 и примеч. 23 к нему.

[19] В письме от 7 августа 1869 г. Майков писал: «...летом живу растительной спокойной жизнью, благо есть еще возможность».

[20] Об этой же просьбе к Майкову см. в письме 367 и примеч. 47 к нему.

[21] В ответ на эту просьбу Майков писал 21 сентября 1869 г.: «Он (Исаев. — *Ред.*) от времени до времени заходит и все спрашивает Ваш адрес: и куда писать? И я все даю Ваш адрес, и мы удивляемся оба — отчего его письма не доходят? <...> Он говорил мне, что, состоя на службе у Порецкого, имеет от него льготу, вследствие коей служит у нотариуса, *изучил* нотариальную часть и получает 20 р. жалованья. Жалование же казенное идет на уплату долга какой-то старушке, немке, которая приходила и ко мне и говорила, что вас всех знает; и Марью Дмитриевну, кажется, даже и ее первого мужа знала. Фамилии ее не спросил» (стр. 80). О ком идет речь, не установлено.

[22] Речь идет о семье Э. Ф. Достоевской.

370. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 52)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52. На письме помета Н. Н. Страхова: «Получ<ено> 17 авг<уста> 1869».

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 280—282.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 8 августа 1869 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 264).

Страхов ответил 1 сентября 1869 г. (там же, стр. 264—265).

Датируется на основании пометы Страхова о получении этого письма и по содержанию: в письме упоминается отправляемое «с этою же почтой» письмо А. Н. Майкову от 14 (26) августа 1869 г. (см. письмо 369).

[1] В письме от 8 августа Страхов писал: «Виноват кругом перед Вами! Тут случилась поездка в Москву, переезд на новую квартиру и т. д., что, вместе с журнальными хлопотами, не дало мне дохнуть...».

[2] Приписка Страхова от 8 августа 1869 г. была сделана на письме А. Н. Майкова от 7 августа 1869 г., извещавшего Достоевского о смерти А. Ф. Куманиной (см. письмо 369, примеч. 1, 4). Это письмо Майкова было написано в редакции «Зари» («...пишу в квартире Кашпиревых (редакция «Зари»)...» — *Д, Письма*, т. II. стр. 458).

[3] Страхов писал 8 августа: «Адрес Владимира Ивановича Веселовского, члена Окружного суда: в Москве, на Садовой, у церкви Ермолая, д. Городецкого». См. также примеч. 2 к письму 368.

[4] Имеется в виду письмо от 14 (26) августа 1869 г. (см. письмо 368).

[5] См. письмо 369.

[6] Этот адрес был дан, в частности, А. Н. Майкову (см. письмо 367).

[7] Ответ на следующие слова Страхова из его письма от 8 августа: «Прошу Вас, хоть маленькою запискою, ответить мне, потому что я посылаю в Дрезден наудачу: Вы еще ни разу не писали никому оттуда».

[8] См. примеч. 49 к письму 367.

[9] О флорентийской читальне — «Научно-литературном кабинете Дж. П. Вьёсё» см. примеч. 52 к письму 367.

[10] Действительно, редакция «Зари» перестала давать объявления в «Голос» (см. письмо 365, примеч. 6).

[11] В ответном письме Страхов, прося извинения за долгое молчание, писал: «Первым моим делом было устроить Вам посылку книг „Зари“; вторым — послать Вам „Войну и мир“».

[12] В письмах к А. Н. Майкову от 14 (26) августа и С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 г. (см. письма 369 и 371) Достоевский, однако, сообщал, что работа над повестью для «Зари» еще не начиналась. К работе над повестью «Вечный муж» Достоевский приступил, вероятно, в конце августа 1869 г. (см. также наст. изд., т. IX, стр. 470—472).

[13] Это письмо Э. Ф. Достоевской неизвестно.

[14] См. письмо 368 и примеч. 1 к нему.

[15] В ответ на это Страхов писал 1 сентября 1869 г.: «Об Эмилии Федоровне скажу Вам, что денег у нее нет и живут они бедно очень <...> Эм<илия> Фед<оровна> возымела мысль, что лучше бы было, если бы Вы поручили мне передавать ей деньги. Я с удовольствием предложил свои услуги <...> Относительно Вас могу Вас уверить, что я от Эм<илии> Фед<оровны> *ничего* не слыхал, буквально ни одного слова осуждения. Я очень рад, что могу Вам это сказать» (стр. 265).

[16] См. письмо 360, примеч. 21.

[17] В ответ на эту просьбу Страхов писал 1 сентября 1869 г.: «Ал<ександр> П<етрович> Милюков, как и многие другие (кажется, впрочем, *все*, а не многие), ведет себя нехорошо <...> Милюков заведывает нынче „Сыном отечества“ и поместил там весьма гнусные отзывы о „Заре“. При каждой встрече он не может воздержаться, чтобы не выказать какою-нибудь шпилькою своей враждебности ко мне. На меня это действует очень мало, но если эта враждебность переходит в сферу дела, в котором не один же я заинтересован, то мне это внушает весьма черные мысли о человеческой породе» (стр. 264).

371. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 55)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 430—434.

[1] Это письмо Ивановой Достоевскому неизвестно. О переводческой работе Ивановой см. примеч. 16 к письму 360 и примеч. 25 к письму 363.

[2] Это письмо Достоевского в редакцию «Русского вестника» неизвестно (см.: *Список*, № 254).

[3] Ивановы жили в Москве при Константиновском межевом институте, где служил А. П. Иванов, умерший в 1868 г.

[4] См. письмо 363.

[5] Гид — здесь: путеводитель.

[6] Поиски тарантула, забежавшего в комнату, были позднее описаны Достоевским в «Дневнике писателя» 1876 г. (сентябрь, гл. I, § 1. Piccola bestia; см. наст. изд., т. XXIII, стр. 106—107).

[7] О квартире Достоевских во Флоренции см. примеч. 41 к письму 367.

[8] См. письмо 360, примеч. 21.

[9] О замысле конца 1868—первой половины 1869 г. для «Русского вестника» см. примеч. 23 к письму 363 и наст. изд., т. IX, стр. 121; т. XII, стр. 162—163.

[10] О произведении, обещанном в «Зарю», см. письмо 369, примеч. 18; письмо 370, примеч. 12.

[11] Речь идет о замысле романа «Атеизм» (см. примеч. 11 к письму 360).

[12] Ответила ли Иванова на это письмо, неизвестно.

[13] В семье А. П. и В. М. Ивановых («мамаши») было семеро детей: Мария, Софья, Наталья, Ольга, Виктор, Александр и Юлия.

[14] См. примеч. к письмам 369 и 370. Тетка — А. Ф. Куманина.

[15] Речь идет о семьях Э. Ф. Достоевской и А. М. Голеновской.

[16] О куманинском завещании см. письма 368, 379, 380 и примеч. к ним.

[17] Сведения Достоевского были ошибочны: опекунами А. Ф. Куманиной стали В. И. Веселовский и А. М. Достоевский (см. письмо 368, примеч. 4).

[18] Цитируются слова В. И. Веселовского (в передаче В. В. Кашпирева) из письма А. Н. Майкова Достоевскому от 7 августа 1869 г. (см. письмо 369, примеч. 1, а также письмо 368).

[19] Близкий к тексту пересказ слов А. Н. Майкова из письма к Достоевскому от 7 августа 1869 г. (см. письмо 369, примеч. 4).

[20] А. Н. Майков настаивал в том же письме: «Не думайте долго, напишите, прошу Вас, помня, что у Вас жена и — по письму судя, — с будущим» (*Д, Письма*, т. II, стр. 458).

[21] Ф. М. Достоевский (младший) жил в это время в Москве.

[22] Этой просьбы С. А. Иванова не выполнила. А. М. Достоевский по этому поводу писал 30 октября 1869 г.: «Сонечка, конечно, показала это письмо матери ‹...› и вот по Москве разнесся слух, что хорош, должно быть, опекун Веселовский, когда предлагает лицу, хотя и постороннему в этом деле, но все-таки заинтересованному, свое содействие в опровержении духовного завещания!! Узнав об этом, я насилу мог разубедить сестёр Варвару и Веру Михайловен в противном...» (*Достоевский, А. М.*, стр. 343).

[23] Пункта о «40 000 монастырю» в завещании не было. См. также письмо 380, примеч. 7.

[24] См. письмо 368.

[25] См. письмо 369, примеч. 12.

[26] Н. А. Любимов был в это время редактором «Русского вестника».

372. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 61)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 205—210.

А. Н. Майков ответил 21 сентября 1869 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 80—81).

[1] См. письмо 369 и примеч. 1 к нему.

[2] Это письмо Достоевского Майков получил, что подтверждается его письмом от 21 сентября, являющимся одновременно ответом на настоящее и упоминаемое письма.

[3] Соглашаясь на эту просьбу, Майков писал: «Крестницу целую. Крестик ей приготовлю» (стр. 81).

[4] О полученных из редакции «Русского вестника» деньгах см. в письме 369.

[5] Речь идет о повести «Вечный муж», которая была отослана в «Зарю» 5 (17) декабря 1869 г. (см. примеч. 24 к письму 363).

[6] Т. е. не обиделся (от франц. se piquer — обижаться). В ответ на эти слова Майков писал: «Не знаю, что Вы нашли сомнительного в Вашем письме к нему: никакого нет повода в нем обидеться» (стр. 81).

[7] Это письмо Достоевского В. В. Кашпиреву неизвестно (см.: *Список*, № 255). Содержание его излагается в комментируемом письме к Майкову (см. также примеч. 10).

[8] Было ли написано письмо М. Н. Каткову, неизвестно.

[9] В письме от 1 сентября Страхов писал Достоевскому: «Майков находится в постоянных и самых близких отношениях с „Зарею", очень часто бывает у Кашпиревых и может для Вас все делать так же хорошо, или еще лучше, чем я» (*Шестидесятые годы*, стр. 265).

[10] В ответном письме Майков сообщил: «Кашпирева нашел с Вашим письмом. Завтра он отправляет к Вам 70 р. <...> Ждет Вашей повести с нетерпением» (стр. 81).

[11] Речь идет, по-видимому, о замысле романа «Житие великого грешника», название которого впервые появляется в рукописях Достоевского в декабре 1869 г. (см. наст. изд., т. IX, стр. 126). Этот замысел остался неосуществленным. О его эволюции и роли в последующем творчестве писателя см.: наст. изд., т. IX, стр. 508—518; XII, стр. 162—164; XV, стр. 400—401, 404—406; т. XVII, стр. 256, 279—281. См. также письма 376, 379, 386.

[12] См. письмо 369, примеч. 21.

[13] В ответном письме Майков сообщал: «Об Веселовском я слышал то, что тогда же Вам написал: слышал у Кашпирева. Допрошу последнего. Кладу перо и отправляюсь к нему» (стр. 81). См. также письма 368, 369, 380 и примеч. к ним.

[14] Речь идет о письме от 15 (27) мая 1869 г. (см. письмо 367).

[15] Майков на просьбу выяснить, возьмется ли А. Ф. Базунов выпустить отдельным изданием роман «Идиот», не ответил.

[16] Долг в 200 руб. был сделан еще в 1867 г. (см. о нем в письмах Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) августа и 3 (15) сентября 1868 г. — наст. изд., т. XXVIII$_2$, письма 317, 318).

[17] В письме от 8 августа 1869 г. Страхов писал Достоевскому: «Я справлялся в почтамте насчет запаздывания денег и не мог ничего добиться; деньги были посланы *по почте, обыкновенным и единственным способом*» (*Шестидесятые годы*, стр. 264).

373. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 66)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 210—215.

Ответ на письмо А. Н. Майкова от 21 сентября 1869 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 80—81) и на его приписку к письму П. А. Исаева Достоевскому от 3 сентября 1869 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 416).

[1] Это письмо Достоевского В. В. Кашпиреву неизвестно (см. о нем в письме 372, а также: *Список*, № 255).

[2] Это письмо Кашпирева неизвестно.

[3] Это «вторoе» письмо Достоевского Кашпиреву также неизвестно (см.: *Список*, № 256).

[4] Имеется в виду письмо Кашпирева от 3 октября 1869 г. (*ГБЛ*, ф. 93. II.63).

[5] Кашппрев писал 3 октября: «Если Вы не получили деньги по векселю Хессина, то я попросил бы Вас телеграфировать мне на мой счет <...> и я сейчас же, не дожидаясь векселя, послал бы Вам новый» (там же).

[6] Кашпирев писал: «Во всяком случае, на днях пошлю Вам остальную сумму на другого банкира» (там же).

[7] Эта телеграмма Достоевского неизвестна (см.: *Список*, № 257).

[8] Сопровождалась ли эта отправка векселя какой-либо запиской неизвестно.

[9] Это письмо банкира Хессина к Гиршу неизвестно.

[10] Ср. со словами Н. Н. Страхова из его письма Достоевскому от 1 сентября 1869 г. (примеч. 17 к письму 370).

[11] Кашпирев писал 3 октября: «Теперь позвольте обратиться к Вам с огромнейшей просьбой, важность которой для меня Вы очень хорошо поймете как человек, близко знакомый с редакторским делом: Вы одолжили бы меня несказанно, если б написали, как будет озаглавлена Ваша повесть, мне это необходимо для объявления. Я попросил бы Вас, если самая повесть еще не окончена, написать мне ее заглавие по возможности скорее» (*ГБЛ*, ф. 93, II.63).

[12] В этих словах о «помещичьей развалке» Кашпирева слышится отголосок характеристики редактора «Зари», данной ему Н. Н. Страховым в письме Достоевскому от 29—31 января 1869 г. (см. примеч. 19 к письму 362).

[13] Возможно, что в этих словах скрыта обида Достоевского на критику 1860-х гг., в частности и на Н. А. Добролюбова. Отголосок этой обиды прозвучал у Достоевского и позднее, в наброске «Для предисловия», относившемся к роману «Подросток»: «Талантливые писатели наши, высокохудожественно изображавшие жизнь средне-высшего круга (семейного), — Толстой, Гончаров думали, что изображали жизнь большинства, — по-моему, они-то и изображали жизнь исключений. Напротив, их жизнь есть жизнь исключений, а моя есть жизнь общего правила» (наст. изд., т. XVI, стр. 329). В комментируемом письме Достоевский имеет в виду, по-видимому, также и упрек В. П. Буренина, который писал, что роман «Идиот» представляет собою «беллетристическую компиляцию, составленную из множества нелепых лиц и событий, без всякой заботливости хотя о какой-либо художнической задаче» (там же, т. IX, стр. 415).

[14] В приписке к письму П. А. Исаева Достоевскому от 3 сентября 1869 г. Майков писал: «Дело со Стелловским мне кажется серьезным. по крайней мере что касается „Идиота“, то есть если за него получите 1000 р. <...> Засим я вообще согласен с замечаниями Паши и готов присутствовать при заключении с ним условия у Стелловского. Ожидаем Ваших распоряжений. На днях же вышлет Вам доверенность в черновом, — со своим письмом...» (стр. 416). В своем письме Исаев подробно рассказывал о предпринятых им попытках продать право отдельного издания романов «Идиот» и «Преступление и наказание» разным книгоиздателям: А. С. Ушакову, М. Г. Гаврилову, А. Ф. Базунову, М. А. Хану и, наконец, Ф. Т. Стелловскому (см. там же, стр. 405—416).

[15] Майков согласился в ответ на просьбу Достоевского стать крестным отцом новорожденной Любы (см. примеч. 3 к письму 372).

[16] Подробно об этом несохранившемся контракте со Стелловским, заключенном 1 июля 1865 г., см. в комментарии к роману «Преступление и наказание» (наст. изд., т. VII, стр 309, 324—325, 327) и в письмах Достоевского 1865—1866 гг. (наст. изд., т. XXVIII$_2$, письма 225, 258, 259, а также: *Список*, № 190а); см. также письмо 375.

374. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 71)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.
Впервые опубликовано: *Биография*. отд. II, стр. 215—221.

[1] Это письмо Майкова неизвестно.

[2] Речь идет о дрезденской банкирской конторе Гирша.

[3] См. письмо 373.

[4] Об этом Достоевский просил Майкова в конце предыдущего письма (см. письмо 373).

[5] См. примеч. 11 к письму 373.

[6] В октябрьском номере «Зари» за 1869 г. было все же помещено объявление о предстоящем печатании «повести Достоевского» (без указания заглавия).

[7] В редакции «Зари» согласились напечатать повесть в декабрьском номере (см. об этом: наст. изд., т. IX, стр. 471—472), но Достоевский задержал отправку до 5 (17) декабря. Майков передал Кашпиреву просьбу Достоевского. По получении повести, после уведомления о высылке 100 руб., Кашпирев писал: «В особом письме объясню Вам все причины, по которым я вынужден был отложить печатание Вашей повести до январской книжки; теперь скажу лишь то, что ноябрьская книжка вышла 30 ноября, следовательно, в нее ни в каком случае не могло бы попасть начало повести, хотя бы Вы ее прислали к 25-му ноября. Декабрьская же книжка почти вся отпечатана и выйдет гораздо раньше праздников...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.63).

[8] Повесть «Вечный муж» все-таки была напечатана в №№ 1—2 журнала «Заря» за 1870 г.

[9] См. письмо 376.

[10] О причинах и обстоятельствах отдачи почти всего приданого А. Г. Достоевской под залог см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 140—144.

[11] Достоевский отзывается о двух «рассказах из русской истории» Майкова, появившихся в 1869 г. в «Заре» (№№ 5 и 8) (см. примеч. 34 к письму 367).

[12] В письме к Достоевскому Майков подробно изложил план всех задуманных «рассказов»: они должны были охватить русскую историю от принятия христианства при Владимире до освобождения крестьян в 1861 г. (см.: *А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 79).

[13] Речь идет об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1816—1829) и «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (начала выходить в 1851 г.; к 1867 г. вышло 17 томов; уезжая за границу, Достоевский взял вышедшие тома с собой; см.: *Биография*, отд. I, стр. 298).

[14] «Идея» Майкова осталась неосуществленной.

[15] В 1857 г. вышло первое издание книги А. Е. Разина «Мир божий» — «руководства по русскому языку для приготовительного класса военно-учебных заведений», произведшей сенсацию в литературных и педагогических кругах. Книга состояла из трех разделов: «Разнообразие природы», «Борьба человека с враждебными силами природы» и «Борьба между людьми». Последний представлял собою курс краткой всемирной истории с разъяснением понятий о государстве, законах, договорах и т. д. «По его (т. е. Разина. — *Ред.*) книге, — писал П. В. Быков, — училась чуть не вся молодежь тех времен, и так было сильно впечатление от этой книги, что многие считали ее чуть не откровением» (П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. Л., 1930, стр. 51).

[16] Речь идет о журнале «Отечественные записки», издававшемся А. А. Краевским с 1839 по 1868 г.

[17] См. примеч. 16 к письму 373.

[18] В «Преступлении и наказании» были не только использованы «сведения», полученные от И. П. Бочарова, но и сам он послужил прототипом Чебарова (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 509, а также: наст. изд., т. VII, стр. 334, 341, 373).

[19] «Преступление и наказание» было издано Ф. Т. Стелловским в 1870 г. в составе «Полного собрания сочинений» Достоевского (т. IV).

[20] План продажи Стелловскому отдельного издания романа «Идиот» не удался; по-видимому, причиной послужило невыполнение им прежних

денежных обязательств в связи с переизданием «Преступления и наказания» (см. письма 373, 377, 381, а также: *Сб. Достоевский, II*, стр. 405—417).

[21] Письмо П. А. Исаева от 3 сентября 1869 г. свидетельствовало о том, что он обнаружил и способность к практическому ведению дел, и определенную «сметку» и даже хватку, и необходимую осторожность, и даже некоторую самокритичность: «Я сознаюсь, — писал он, — что по прежней своей глупой манере относиться к каждому делу как-то легко и небрежно, — я сделал Вам много огорчений и заставил Вас, может быть, против Вашей же воли, злиться на меня, в чем, конечно, чистосердечно винюсь <...> Я очень хорошо понимаю, как дело ни будь пусто, к нему следует относиться толково, не небрежно <...> Говорю, понимаю *теперь*, потому что прежде в жизни ничего не смыслил, ко всему относился легко; теперь, по крайней мере, понял жизнь, понял отношения людей. Но недешево мне это стоило, нахлебался всякой гадости достаточно» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 408—409).

375. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 77)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 221—223.

Ответ на письмо (приписку) А. Н. Майкова от 17 ноября 1869 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 81; напечатано с ошибкой в дате: 29 ноября — вместо: 17 ноября).

Майков ответил 29 ноября 1869 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 353).

[1] Эта «кипа бумаг» — документы к предполагаемому «условию» с Ф. Т. Стелловским по продаже ему права на отдельное издание романа «Идиот» (см. письмо 374).

[2] Майков писал в упоминаемой «приписке» об ожидаемой «Зарей» повести «Вечный муж»: «...повести еще нет, а обе книжки, ноябрьская и декабрьская, уже печатаются, чтобы наверстать сроки; посему Вы не должны обвинять редакцию, если она принуждена будет поместить что-либо иное, а Вас приберечь к январю...».

[3] Это письмо Достоевского В. В. Кашпиреву неизвестно (см.: *Список*, № 258).

[4] Майков ответил на это письмо без малейшего промедления. 29 ноября он писал Достоевскому: «Препровождаю при сем <...> 50 рублей от Кашпирева, я уж взял на себя их отправить, чтобы быть спокойнее <...> Повесть Ваша всеми друзьями Вашими ожидается с нетерпением. Я рад, что Вы могли ее просмотреть *конченную*, с пером в руках. Это Вам удается редко». Рукопись «Вечного мужа», однако, была отправлена только двенадцать дней спустя — 5 (17) декабря (см. наст. изд., т. IX, стр. 471—472).

[5] См. примеч. 20 к письму 374.

[6] Об этой доверенности П. А. Исаев писал еще в письме от 3 сентября 1869 г.: «Соображаясь с условием Стелловского и со всем, что касается этого дела, я <...> поручил нотариусу составить <...> черновую доверенность <...> Доверенность Вам придется самому писать, и что нужно, по усмотрению, из черновой переделать; явить у местного консула, он засвидетельствует Вашу подпись. Доверенность эту здесь надо представить в Министерство иностранных дел в департамент внешних сношений, здесь уж засвидетельствуют подпись самого консула...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 415—416). Майков же по поводу этой доверенности в ответном письме писал: «Насчет доверенности я и прежде ему (Исаеву. — *Ред.*) говорил, что надо дать ее на известное дело, то есть на продажу „Идиота" Стелловскому».

[7] О 100 руб., полученных от Кашпирева, см. в письме 374.

376. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 79)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 224—226.
Ответ на письмо А. Н. Майкова от 29 ноября 1869 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 353).

[1] См. примеч. 5 к письму 372.
[2] Это письмо Достоевского В. В. Кашпиреву неизвестно.
[3] Имеется в виду рождество, приходившееся на 25 декабря (н. ст.).
[4] Речь идет о расчетах за роман «Идиот».
[5] В письме от 29 ноября Майков писал о финансовой стороне дела в «Заре»: «Вообще в редакции страшное неумение распорядиться временем и деньгами. Базунов не отдает им подписных денег, то есть еще за этот год — хоть подавайте на него, говорит. Теперь — не могу. После отдам».
[6] О переговорах с Ф. Т. Стелловским по поводу отдельного издания романа «Идиот» см. письма 374, 375.
[7] См. примеч. 20 к письму 374.
[8] Достоевский работал в это время над планами замысла «Житие великого грешника» (см. примеч. 11 к письму 372).

377. П. А. ИСАЕВУ (стр. 82)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 119—120, 191—192.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, стр. 24—29.

[1] Вероятно, Достоевский имеет в виду сообщение А. Н. Майкова (в письме от 21 сентября 1869 г.) о том, что П. А. Исаев кроме службы у Порецкого (см. примеч. 8 к письму 359) «служит у нотариуса» (см. письмо 369, примеч. 21).
[2] Один из этих «пакетов» — письмо Исаева от 3 сентября 1869 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 405—416); о другом «пакете» см. письмо 375, примеч. 1.
[3] См.: *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 17.
[4] «Условные пункты контракта» содержатся в названном выше (примеч. 2) письме Исаева к Достоевскому.
[5] Это «введение» см. в начале контракта в разделе «Приложение» (стр. 384).
[6] «Первый пункт» гласил: «Достоевский продает Стелловскому за тысячу руб. роман „Идиот“, в объеме сорока печатных листов...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 411; см. также: *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 17).
[7] «Второй» пункт первоначально находился в составе «первого». Он гласил: «...в просмотренном и исправленном через автора виде и доставленном в этом виде Стелловскому, без всякого за то вознаграждения...» (см.: *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 17).
[8] Большинство перечисленных здесь исправлений было внесено в «Условие» (текст «Условия» в исправленном Исаевым виде см.: *Сб. Достоевский, I*, стр. 434—436); первоначальный же его текст см. в разделе «Приложение».
[9] См. письмо 376. примеч. 3.
[10] См. письмо 374, примеч. 20.

378. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 87)

Печатается по черновику письма: *ЦГАЛИ*, ф. 311, I.31.
Подлинник неизвестен.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 238.

[1] Речь идет о письме 377.
[2] Имеется в виду письмо 376.
[3] Достоевский просил Майкова обратиться к Кашпиреву с просьбой выслать к рождеству 400 руб. (см. письмо 376).

379. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 88)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 238—245.

[1] Это письмо Ивановой неизвестно.
[2] См. примеч. 5 к письму 372.
[3] Имеется в виду семья В. М. Ивановой (о членах ее см. письмо 371, примеч. 13).
[4] Имеется в виду М. А. Иванова.
[5] Речь идет об А. Н. Сниткиной.
[6] Это письмо Достоевского к В. М. Ивановой неизвестно (см.: *Список*, № 261).
[7] Это письмо А. Г. Достоевской к Ивановым неизвестно.
[8] См. письмо 369, примеч. 12.
[9] Речь идет о замысле «Житие великого грешника» (см. письмо 372, примеч. 11).
[10] Об этом Достоевский известил Иванову в письме от 29 августа (10 сентября) 1869 г. (см. письмо 371).
[11] Имеется в виду письмо А. Н. Майкова Достоевскому от 7 августа 1869 г. (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 458). См. также письма 368, 369 и примеч. к ним.
[12] Тетка — А. Ф. Куманина.
[13] О долгах за бумагу, взятую на Покровской фабрике, см.: *ЛН*, т. 83, стр. 216, 218.
[14] Об этом письме А. М. Достоевского от 30 сентября 1869 г. см. в письмах 368, 380 и примеч. к ним.
[15] Отношения Достоевского с А. М. Достоевским на самом деле всегда были несколько натянутыми (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 272; см. также письмо 380).
[16] Речь идет о письме 368. А. М. Достоевский письмо Ф. М. Достоевского Веселовскому от 14 (26) августа 1869 г. (№ 368) действительно сохранил (см. об этом в письме 380).
[17] Имеется в виду А. П. Иванов, умерший в 1868 г.
[18] Такой «статьи» в завещании А. Ф. Куманиной не было (см. письмо 380, примеч. 7).
[19] См. примеч. 14.
[20] О деньгах, полученных под залог акций А. П. Иванова, см. в письме Достоевского М. М. Достоевскому от 23 апреля 1864 г. (наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 231).
[21] См. примеч. 2.
[22] Имеется в виду первая часть задуманного романа «Житие великого грешника» (см. письмо 372, примеч. 11). Указанное письмо в редакцию «Русского вестника» неизвестно (см.: *Список*, № 259).

380. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 94)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387. На подлиннике помета А. М. Достоевского: «Получ‹ено› в декабре 1869 г.».
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 288—293.
Ответ на письмо А. М. Достоевского от 30 сентября 1869 г. (*Достоевский, А. М.*, стр. 338—343 — черновой (незаконченный) текст).

[1] См. примеч. 5 к письму 372.

[2] Имеется в виду упрек А. М. Достоевского брату в беловом (неизвестном) письме к нему от 30 сентября 1869 г. Письма А. М. Достоевского периода женитьбы Ф. М. Достоевского (1867 г.) неизвестны.

[3] Свадьба откладывалась из-за болезни Достоевского (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 297).

[4] Приведенные здесь цитата и суждение из письма А. М. Достоевского от 30 сентября 1869 г. в черновом тексте письма отсутствуют. В беловом тексте они следовали, по-видимому, вслед за «деловой» частью, на которой письмо обрывается: «...я никогда не решусь оспаривать правильность духовного завещания, да едва ли кто решится из остальных наших родных. Притом же опровергнуть его действительность очень трудно; завещание хотя и домашнее, но удостоверено четырьмя лицами из дворян в том, что оно написано по воле завещательницы, находившейся в то время в здравом уме и твердой памяти. Следовательно, надо преследовать всех этих лиц как за подлог уголовным судом» (стр. 343).

[5] Имеется в виду письмо А. Н. Майкова от 7 августа 1869 г. (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 458). См. также письма 368, 369 и примеч. к ним.

[6] Имеется в виду письмо В. И. Веселовскому от 14 (26) августа 1869 г. (см. письмо 368, а также примеч. к нему).

[7] Объясняя брату, чем «разнится» второе завещание, находящееся у него, от первого, А. М. Достоевский писал: «Второе духовное завещание <...> составлено было вследствие перемены душеприказчика 20 сентября 1865 года. Но чем разнится последнее от первого? Оно разнится только переменою душеприказчика, меньшим назначением на погребение и церковь и совершенным исключением тебя и покойного брата Михаила Михайловича от наследства как получивших уже свои части» (стр. 342). «Статьи» о «40 000 монастырю» в завещании не было.

[8] См. письмо Веселовскому от 14 (26) августа 1869 г. (письмо 368).

[9] А. М. Достоевский так писал об этой выгоде: «...предположим, что духовная опровергнута, то есть ее нет. Тогда все имущество тетушки должно перейти в род Достоевских, то есть детям Марьи Федоровны Достоевской, ибо по закону родная сестра (Марья Федоровна) исключает из наследства сестер единокровных (Шер и Ставровскую); о прочих дальнейших наследниках и говорить нечего <...> А потому всему нашему роду Достоевских, конечно, было бы выгоднее, ежели бы завещания не было» (стр. 342).

[10] Пытаясь объяснить подписчикам «Эпохи» причины ее прекращения, Достоевский писал в незаконченном объявлении: «Никто из литераторов, в теперешнее время, когда всякий может получить от правительства право на издание журнала, не захотел бы взять журнал «Эпоха» ни в аренду, ни купить у наследников это право; ибо с правом издания <...> приходилось бы принять на себя и 35 000 собственно журнального долгу» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 128).

[11] О причине, вызвавшей «слухи и толки», говорится в письме А. М. Достоевского к Д. И. Достоевской от 29 ноября 1869 г.: «Вчера я узнал, между прочим, почему сестры так дуются и недовольны Веселовским. Дело в том, что брат Федор Михайлович вместе с письмом к Веселовскому (которое он, то есть Веселовский, переслал мне) писал таковое же письмо и к Сонечке Ивановой, в котором говорит, что ему передали Кашпирев и Майков. что Веселовский готов по протекции кого-либо из наследников руководить в иске об уничтожении духовного завещания как составленного не при здравом смысле завещательницы. Ясно, что письмо это брат Федор Михайлович написал с тех же *верных* переданных известий, как и письмо к Веселовскому, в котором говорится о смерти тетушки, об опеке над семейством брата Михаила Михайловича и прочих нелепых слухов. Когда я сам показал письмо брата Федора Михайловича Веселовскому и мой ответ к брату и объяснил им, что ежели Веселовский захотел бы действительно хлопотать о уничтожении духовного завещания, то он не пересылал бы мне письма брата, а сам вошел бы

с ним в сношения <...> то сестры, кажется, немного поуспокоились...» (*ЛН*, т. 86, стр. 415).

[12] Речь идет о продолжавшемся в это время «Полном собрании сочинений. Вновь просм. и доп. самим автором» (тт. I—IV. Изд. Ф. Т. Стелловского. СПб.. 1865—1870).

[13] Речь идет о долговой тюрьме. Петербургское долговое отделение («Дом Тарасова») грозило Достоевскому в 1867 г., что было одной из причин отъезда писателя за границу (см. об этом в письме Достоевского А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. — наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 317).

[14] Очевидно, речь идет о помощи, которую постоянно оказывал Достоевский побочному сыну М. М. Достоевского Ване и его матери П. П. Аникеевой.

[15] Достоевский женился на А. Г. Сниткиной 15 февраля 1867 г.

[16] Соня родилась 22 февраля (5 марта) 1868 г. и умерла 12 (24) мая того же года.

[17] Речь идет о романе «Идиот».

[18] См. примеч. 20 к письму 374.

[19] См. письмо 369, примеч. 12.

[20] Речь идет о Д. И. Достоевской.

[21] Т. е. с рождеством.

[22] Припадки 1869 г. были описаны Достоевским в Записной книжке (см.: наст. изд., т. XXVII, стр. 100—101).

381. П. А. ИСАЕВУ (стр. 100)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. ф. 93, оп. 2. № 81, лл. 124—125.

Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 19—20.

Ответ на письмо П. А. Исаева от 5 января 1870 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 416—417).

[1] Речь идет об условиях продажи Ф. Т. Стелловскому права на издание романа «Идиот». 5 января 1870 г. Исаев сообщал Достоевскому: «*Теперь о важном*: Стелловский уже успел мне загнуть один крючок. Вы высказались, что переделывать „Идиота“ не станете; это ему и дало повод, по его таким-то особым расчетам, настаивать: протянуть право издания еще на один год, то есть до 1874 г., *точнее*: он говорит так: „Если Ф<едор> М<ихайлович> до мая не переделает «Идиота», то я пользуюсь прав<ом> изд<ания> до 1874 г. <...> если же переделает, то до 1873 г.“. Конечно, было бы удобнее каким-нибудь путем оттянуть от него лишний просимый им год (имейте, голубчик, в виду, что если не последует с Вашей стороны *положительного ответа*, дело продажи может развалиться — это серьезно!). Аполлон Николаевич советует (он желал, чтобы об этом было упомянуто в этом письме) согласиться так: до 1874 г., чтобы не уничтожать дело, я же советовать ничего не могу, как скажете, так и сделаю...» (стр. 416—417). Подробнее об этом см. в письмах 376, 377, 378 и примеч. к ним. Продажа эта не состоялась.

[2] В письме от 5 января 1870 г. Исаев писал: «...будьте только, дорогой, убеждены, что продажу наверно устрою» (стр. 416).

[3] Письмо Исаева Достоевскому с таким уведомлением неизвестно.

[4] Достоевский в данном случае соглашается с условием Стелловского (см. примеч. 1). «Условные пункты контракта» со Стелловским см. в письме 377.

[5] Речь идет о М. М. Достоевском.

[6] Ответное письмо Исаева неизвестно.

[7] Речь идет о семье Э. Ф. Достоевской.

[8] Исаев имеет в виду А. М. Голеновскую.

[9] Речь идет об А. М. и Н. И. Голеновских.

[10] Было ли написано это письмо Достоевского к Э. Ф. Достоевской, неизвестно.

[11] См. письмо 382. Исаев просил Достоевского в письме от 5 января 1870 г.: «...когда будете отвечать, вложите письмо к Ник‹олаю› Ник‹олаевичу› Страхов‹у› и попросите его, чтобы мне редакция выдавала журн‹ал› „Заря“» (стр. 417).

[12] Речь идет о просьбе выслать шестую часть «Войны и мира» (см. письмо 382).

382. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 101)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 24—25.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 282—283.

Страхов ответил 14 февраля 1870 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 265).

[1] П. А. Исаев просил об этом Достоевского в письме от 5 января 1870 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 417). См. также письмо 381, примеч. 11.

[2] Речь идет о 2-м издании «Войны и мира» (тт. I—VI. М., 1868—1869), которое к этому времени было получено Достоевским не полностью.

[3] Имеется в виду последняя часть «Войны и мира» (см. примеч. 2). О ее выходе в свет Достоевский узнал из объявления в «Голосе»: «„Война и мир“, т. VI-ой. Только что отпечатан ‹...› Продается отдельно» (*Г*, 1869, 9 декабря, № 340). См. также примеч. 4.

[4] Осенью 1869 г. Страхов вместе с Н. Я. Данилевским ездил отдыхать в Крым. 1 сентября 1869 г. Страхов писал Достоевскому: «Первым моим делом было устроить Вам посылку книг „Зари“; вторым — послать Вам „Войну и мир“; а третьим ‹...› приготовление к поездке в Крым вместе с Данилевским (Н. Я.). Признаюсь, так мне захотелось вырваться из Петербурга, переменить воздух; так давно я об этом мечтаю, — что решился кой-чем пожертвовать и несмотря ни на что ехать» (*Шестидесятые годы*, стр. 264). В письме Достоевскому от 14 февраля 1870 г. Страхов сообщал: «Крым — прелесть, и помог моему здоровью, а все скриплю».

383. П. А. ИСАЕВУ (стр. 102)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 127—128.

Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 20.

[1] См. письмо 381 и примеч. 1 к нему.

[2] 5 января 1870 г. Исаев писал: «Продажа состоится между 15—20 ч‹ислами› янв‹аря› мес‹яца›» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 416).

[3] Ответ Исаева неизвестен. См. также примеч. 20 к письму 374.

384. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 103)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 99—101.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 226—230.

А. Н. Майков ответил 25 февраля 1870 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 81—83).

[1] Возможно, намек на участие, проявленное Майковым по отношению к Достоевскому в 1867 г. Нуждаясь сам, Майков одолжил тогда писателю 125 руб. (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письма 317, 318) и ходатайствовал перед комитетом Литературного фонда о предоставлении ему помощи (см. письмо Майкова К. Д. Кавелину от 24 сентября 1867 г. — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 279—280).

[2] Речь идет о доверенности на право продажи романа «Идиот» издателю Стелловскому. Она была послана Достоевским П. А. Исаеву 10 (22) декабря 1869 г. (см. письма 377, 378 и 381, примеч. 1, а также: *Офиц. письма и делов бумаги*, № 17).

[3] См. письмо 381, примеч. 1.

[4] Неточная цитата из письма П. А. Исаева Достоевскому от 5 января 1870 г. У Исаева: «Вы мне верите и достаточно, папа, будьте только, дорогой, убеждены, что продажу наверно устрою» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 416).

[5] См. письмо 381.

[6] См. письмо 383, примеч. 2.

[7] Речь идет о письме 383. Достоевский ошибается на три дня в указании даты этого письма к пасынку.

[8] См. письмо П. А. Исаева Достоевскому от 5 января 1870 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 417).

[9] Просьбы обратиться к Майкову в письме Достоевского к П. А. Исаеву от 10 (22) января 1870 г. нет.

[10] Эти опасения Достоевского оказались напрасными (см. примеч. 12).

[11] Объявление Ф. Т. Стелловского об издании «Преступления и наказания» в составе «полного» четырехтомного собрания сочинений Достоевского появилось позже (см. письмо 402, примеч. 6). В данном же случае Достоевский, по-видимому, принял за публикацию Стелловского следующее объявление в «Голосе»: «В книжном магазине А. Ф. Базунова, в С.-Петербурге, на Невском проспекте, дом Ольхиной, находится в продаже книга: „Преступление и наказание“, роман в шести частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского. Изд. исправленное, 2 т. Ц. 3 р., с перес. 3.50 к.» (1869, 2 (14) ноября, № 303). Через несколько дней это объявление было повторено (см.: *Г*, 1869, 7 ноября, № 308).

[12] Выполняя просьбу Достоевского, Майков сделал несколько попыток встретиться со Стелловским. 25 февраля 1870 г. он писал Достоевскому: «...принялся ходить к Стелловскому, чтоб от него узнать, в каком положении дело о продаже Ваших сочинений (то есть «Идиота»); был шесть раз и этого господина дома не заставал, и он был такой скот, что хоть и живет подле меня ‹...› и я просил его зайти ко мне — не зашел» (стр. 81). После неудачных попыток встретиться со Стелловским Майков намекнул П. А. Исаеву, что Достоевский раздумал продавать «Идиота» и желает, чтоб он доставил доверенность на ведение дела со Стелловским ему, Майкову. Исаев обиделся и, по словам Майкова, «торжественно вручил» ему доверенность (см. там же). Это сообщение Майкова снимало с Исаева подозрения Достоевского. Одновременно Майков сообщил об отсутствии денег у Стелловского.

[13] Это письмо Достоевского к В. В. Кашпиреву неизвестно (см.: *Список*, № 262). Речь идет об окончании повести «Вечный муж». О расчете с Кашпиревым за эту повесть см. письмо 387, примеч. 40.

[14] Кашпирев ответил Достоевскому только 30 марта 1870 г. (см. письмо 387, примеч. 40).

[15] Эта сумма называлась в газетах «Биржевые ведомости» и «Судебный вестник», освещавших конфликт между издателем Кашпиревым и Лесковым. В 1869 г. (или в конце 1868 г.) Лесков взял из редакции «Зари» на длительную доработку роман «Божедомы» (одно из предварительных названий хроники «Соборяне»), а задаток, полученный за это произведение (1500 руб.; по другим данным — 1700), не возвратил. В связи с этим Кашпирев предъявил иск, на что Лесков ответил встречным иском. Дело разбиралось в Петербургском окружном суде 12 августа 1869 г. Суд отказал в иске обеим сторонам. Подробное освещение этой истории см.: А. Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1984, т. 1, стр. 375—377; *Лесков*, т. IV, стр. 523; т. X, стр. 537—538.

[16] Речь идет, по-видимому, об оплате романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (*З*, 1869, №№ 1—9). См. также: *Шестидесятые годы*, стр. 262—263.

[17] Это письмо Достоевского В. В. Кашпиреву неизвестно (см.: *Список*, № 263).

[18] В ответном письме Майков сообщал: «Получивши Ваше письмо, немедленно отправил я головомой Кашпиреву и получил в ответ, что деньги уже посланы» (стр. 81).

[19] Достоевский имеет в виду объявление «От редакции», открывавшее январский номер «Зари» за 1869 г.: «В следующей книжке, сверх продолжения романа „Люди сороковых годов", начнется роман В. П. Клюшникова „Цыгане"...». В несколько иной редакции это объявление было повторено на предпоследней странице того же номера журнала. Роман Клюшникова «Цыгане» печатался в «Заре» в течение почти всего 1869 г. (№№ 2—4, 6, 7, 10, 12).

[20] Раздражение Достоевского было вызвано объявлением Кашпирева о содержании «Зари» в 1870 г. (*Г*, 1869, 12 декабря, № 343), в котором наряду с известными литераторами упоминалась посредственная писательница А. П. Кобякова (псевдоним А. П. Студзинской). В 1870 г. в «Заре» были опубликованы ее рассказ «Что другу нальешь, то сам выпьешь» (№ 2) и повесть «Казенная квартира» (№№ 5, 7). См. также примеч. 21.

[21] Подразумевается следующий перечень из объявления «Об издании ежемесячного журнала „Заря" в 1870 году»: «„Несколько очерков из современной жизни" А. Ф. Писемского. „Вечный муж", рассказ Ф. М. Достоевского. „Лесная река", повесть в двух частях, Н. Боева. Рассказы В. В. Крестовского. Повести А. Кобяковой. Стихотворения Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, Н. Боева и др. „Знакомство с Павлом Прусским" В. И. Кельсиева, „Русские люди на Кавказе", ряд статей А. И. Руновского. Критические статьи Страхова. Редакция может рассчитывать на новое произведение графа Л. Н. Толстого <...> По ученому разделу имеются статьи: Н. Я. Данилевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Д. Градовского, А. Н. Попова, И. И. Хрущева и др. Сверх того в „Заре" будут помещаться материалы по русской истории, доставляемые известными специалистами по русской археологии» (*Г*, 1869, 12 декабря, № 343). Далее в алфавитном порядке перечислялись имена тридцати литераторов, обещавших свои произведения в «Зарю» и среди них вновь — А. Кобякова.

[22] В январском номере «Зари» были опубликованы I—IX главы повести «Вечный муж», главы X—XVII — в следующем номере.

[23] Имеется в виду перевод А. Н. Майкова «Слова о полку Игореве» (*З*, 1870, № 1).

[24] Речь идет о романе Г. Бичер-Стоу «Ольдтоунские старожилы» (*З*, 1870, № 1).

[25] Имеется в виду очередная статья Н. Н. Страхова о «Войне и мире» (см. также письмо 385).

[26] Имея в виду круг авторов, постоянно печатавшихся в «Вестнике Европы», Достоевский мог находиться и под впечатлением январского номера этого журнала за 1870 г., в котором были напечатаны «Странная история» Тургенева, первые главы исследования Н. И. Костомарова «Костюшко и революция 1794-го года» и злободневное «Внутреннее обозрение».

[27] В ответном письме Майкова от 25 февраля 1870 г. нет известия о подписке. Но безалаберность редакционной и издательской деятельности «Зари» вызывала нарекания и с его стороны. Он сетовал в упомянутом письме: «Медленность и неумелость этой редакции, откладывание на завтра, что можно и должно сделать сегодня, просто в отчаяние приводят <...> Это — помещичье старых времен хозяйство, добродушное, сонное <...> Нерасчетливость страшная, страх кредита, ожидание денег от управляющих из деревень, те опаздывают, словом, все поразберешь, руки опускаются...». Вместе с тем Майков отмечал: «Но господь хранит еще журнал: первые две книжки обращают на себя внимание» (стр. 82). О подписке на «Зарю» сообщал Достоевскому и Н. Н. Страхов в письме

от 14 февраля 1870 г.: «...подписка <...> тянется до сих пор и будет, вероятно, еще долго тянуться. Авось 2500 с хвостиком наберем» (*Шестидесятые годы*, стр. 265). См. также письмо 385.

[28] Речь идет о романе «Бесы».

[29] Роман «Бесы» был закончен в ноябре 1872 г.

[30] Печатание «Бесов» началось в № 1 «Русского вестника» за 1871 г.

[31] См. письмо 369, примеч. 12.

[32] См. примеч. 18.

[33] См. примеч. 12.

385. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 107)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 26—27.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 283—287.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 14 февраля 1870 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 265).

Страхов ответил 17 марта 1870 г. (там же, стр. 266).

[1] Через несколько дней Достоевский получил от А. Н. Майкова письмо, датированное 25 февраля 1870 г. (см.: *А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 81—83).

[2] Речь идет об отзыве Страхова в письме Достоевскому от 14 февраля 1870 г. о повести «Вечный муж»: «Ваша повесть производит весьма живое впечатление и будет иметь несомненный успех. По-моему, это одна из самых обработанных Ваших вещей, — а по теме — одна из интереснейших и глубочайших, какие только Вы писали, я говорю о характере Трусоцкого...».

[3] Эти письма В. В. Кашпирева неизвестны.

[4] В письме Достоевскому от 14 февраля 1870 г. Страхов сообщал: «Журнал стоит хорошо <...> Книжки опрятнее, толще и стали наполняться статьями многих, которые, как на смех, пальцем не хотели шевельнуть, чтобы помочь журналу в первый год».

[5] Достоевский называет этот период временем «нашей юности» в связи с тем, что для сотрудников «Времени» (1861—1863 гг.), в том числе и для Страхова, издание журнала было связано с надеждами на общественное.

[6] О недостатках «Зари» Достоевский писал и А. Н. Майкову в письме от 12 (24) февраля 1870 г. (см. письмо 384).

[7] Ответ на сообщение Страхова в письме от 14 февраля 1870 г. (см. письмо 384, примеч. 27).

[8] Достоевский имеет в виду публикации, в которых наиболее четко проявилась славянофильская ориентация «Зари»: статьи Страхова о «Войне и мире» Л. Толстого (*З*, 1869, №№ 1—2), его же «Критические заметки о текущей литературе» (*З*, 1869, №№ 3, 7, 9), работу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (*З*, 1869, №№ 1—5, 8—10). См. также письма 362—364 и примеч. к ним.

[9] Объявление о выходе в свет второго номера «Зари» за 1870 г. было напечатано в № 47 «Голоса» (1870, 16 февраля).

[10] См. письмо 384, примеч. 20, 21, 22.

[11] См. письмо 384, примеч. 23.

[12] Речь идет о третьей статье Страхова о «Войне и мире» Л. Толстого (*З*, 1870, № 1), развивавшей концепцию первых двух статей критика о романе Толстого (см. примеч. 14—15).

[13] В письме к Достоевскому от 14 февраля 1870 г. Страхов писал: «За Тургенева меня очень хвалили, за Толстого один человек похвалил восторженно, другие помалчивают, — это я говорю о разговорах, а в печати я кроме брани ничего не встречаю». За статьи о Толстом Страхова осуждал А. П. Милюков (см. письмо 386, примеч. 21). В 1869 г. Страхов опубликовал в «Заре» (№№ 9, 12) две статьи о Тургеневе — «За Турге-

нева» и «Еще за Тургенева», где пытался доказать, что Тургенев-художник постоянно посрамляет Тургенева-западника, поскольку во всех крупных произведениях Тургенева различные представители западничества выводятся в объективно неприглядном виде. Вторая статья, написанная после появления в печати статьи Тургенева «По поводу „Отцов и детей"», отличалась резким тоном по отношению и к самому писателю. Страхова возмутило заявление Тургенева о том, что «за исключением воззрений ‹...› на художества» он разделяет «почти все» убеждения Базарова. По этому поводу критик писал: «...несмотря на все желание г-на Тургенева выставить себя нигилистом и записаться в последователи лица, созданного им самим ‹...› я хотел бы доказать, что тот пестрый нигилизм, который он теперь исповедует, нимало не согласуется с его поэтической деятельностью, что заслуги и смысл этой деятельности гораздо выше, чем полагает сам г-н Тургенев» (*З*, 1869, № 12, стр. 124). «Прекрасной» и «ясной» Достоевский, работавший в это время над «Бесами», называет, по-видимому, вторую статью Страхова о Тургеневе.

[14] В статьях Страхова о «Войне и мире» (*З*, 1869, №№ 1—2; 1870, № 1) анализ романа велся с почвеннических позиций, восходящих к идейно-эстетической концепции А. А. Григорьева (теория «хищных» и «смирных» типов). См. также письмо 364 и примеч. 7 к нему.

[15] Достоевский имеет в виду следующие строки из заметки Страхова «Литературная новость», посвященной выходу пятого тома «Войны и мира»: «...„Война и мир" есть произведение *гениальное*, равное всему лучшему и истинно великому, что произвела русская литература» (*З*, 1869, № 3, стр. 199).

[16] См. письмо 382, примеч. 4.

[17] Подразумеваются следующие строки из письма Страхова Достоевскому от 14 февраля 1870 г.: «Для беллетристики есть у нас романы Чаева, Ахшарумова, Варнека и т. п., но первостепенных вещей, кроме Вашего „Вечного мужа", пожалуй, и не будет. Кохановская еще ничего не приготовила — и приходится ждать, не наплывет ли чего само собою. Не поможете ли, многоуважаемый Федор Михайлович? Редакция, кажется, исправна перед Вами, а если и были грехи, то, надеюсь, в этот год их не будет».

[18] Намек главным образом на Тургенева, все романы которого (за исключением еще не написанной «Нови») печатались после того, как авторская работа была завершена. Обычным же делом в литературной практике Достоевского была продолжающаяся работа над последующими частями романов после публикации начальных глав.

[19] См. примеч. 9 к письму 379.

[20] Нежелание начинать публикацию задуманного романа в конце текущего 1870 г. на страницах «Зари» Достоевский мотивировал невозможностью одновременной активной работы над двумя романами («Бесы» и «Житие великого грешника»), о чем писатель и сообщал Страхову в следующем письме к нему (см. письмо 386). Ср. также примеч. 21.

[21] В ответном письме от 17 марта 1870 г. Страхов сообщал: «Теперь о Вашем будущем романе. Кашпирев собирается высылать Вам деньги и вступить с Вами в окончательное соглашение. Но, кажется, есть два главные препятствия: 1) Деньги, может быть, найдутся и скоро, через неделю, но *наверное* будут только в апреле. 2) Желательно бы иметь Ваш роман для осенних книжек. *Для Вас*, мне кажется, нет в этом никакого неудобства, никакой неприятности. По крайней мере, я не вижу, почему, спустивши шесть-семь месяцев, Вы не можете явиться в том же журнале. „Вечный муж" должен считаться *маленькою* вещью сравнительно с обыкновенным размером Ваших романов».

[22] Речь идет о выдаче вперед денег Н. С. Лескову за роман «Божедомы» (см. письмо 384, примеч. 15).

[23] Речь идет о книге А. В. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский (биографический очерк)» (М., 1869). Эту книгу Достоевский получил (по-видимому, через Страхова) и широко использовал при работе над

образом Степана Трофимовича Верховенского (в «Бесах»), одним из прототипов которого стал Т. Н. Грановский (см. наст. изд., т. XII, стр. 169—172, 176, 178, 224—225 и др.).

[24] Об отношении Достоевского к статье Страхова «Женский вопрос» (*З*, 1870, № 2) см. примеч. 12 к письму 386.

386. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 111)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 28—29.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 287—291.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 17 марта 1870 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 266).

Страхов ответил 16 апреля 1870 г. (там же, стр. 266—267).

[1] См. примеч. 9 к письму 379.

[2] Имеются в виду Тургенев, Л. Толстой и Гончаров, материальная обеспеченность которых обусловливала их независимость от журнальных гонораров и давала свободу в определении сроков публикаций.

[3] См. примеч. 28 и 29 к письму 384.

[4] Т. е. «Война и мир».

[5] В наброске «Жития...», относящемся к маю 1870 г., очерчена жизнь героя в монастыре, куда он поступает в качестве послушника, и намечен план бесед его с Тихоном Задонским (см. наст. изд., т. IX, стр. 505). Тема русского монастыря получила развитие в «Бесах» (глава «У Тихона») и в ряде глав романа «Братья Карамазовы», связанных с изображением старца Зосимы и его окружения. См. также примеч. 21 к письму 387.

[6] Эта просьба Достоевского была вызвана сообщением Страхова в письме от 17 марта о результатах переговоров с В. В. Кашпиревым, согласившимся выслать гонорар за будущий роман, но не оговорившим точного срока отсылки денег (см. письмо 385, примеч. 21). Деньги были высланы Достоевскому 30 марта 1870 г. (см. письмо 387, примеч. 40).

[7] В журнале «Заря» (1870, № 3) была опубликована статья Страхова «Литературная деятельность Герцена». Вторая и третья статьи под тем же названием появились в апрельском и декабрьском номерах «Зари» за 1870 г.

[8] Мысль о пессимизме Герцена как определяющей черте его миросозерцания проходит через всю статью Страхова. «По ‹...› своему душевному строю, — замечает Страхов, — по своим чувствам и взгляду на вещи Герцен был от начала до конца своего поприща *пессимист*, то есть темная сторона мира открывалась ему яснее, чем светлая; болезненные и печальные явления жизни он воспринимал с несравненно большей живостию и чуткостию, чем всякие другие»; а также: «...нам кажется, мы ясно доказали, что пессимизм есть главная черта этого настроения». И далее: «...со своим глубоким пессимизмом он сразу схватил то, что было всего безотраднее, всего болезненнее в современном ему строе европейской мысли и европейской истории» (*З*, 1870, № 3, отд. II, стр. 94, 126). Сходное восприятие Герцена Достоевским очевидно в романе «Подросток», где Герцен (в интерпретации Страхова — пессимизм, способность «всемирного боления за всех») становится одной из центральных фигур в литературной генеалогии Версилова (подробнее об этом см.: *Сб. Достоевский, I*, стр. 275—324; *Долинин*, стр. 104—112, 215—230; С. Д. Лищинер. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий. — *РЛ*, 1972, № 2, стр. 37—61 и наст. изд., т. XVII, стр. 288—289). См. также примеч. 11.

[9] Этот вопрос Достоевского связан с интерпретацией романа Герцена «Кто виноват?» и повести «Доктор Крупов» Страховым. В итоге анализа критик следующим образом сформулировал общее безотрадное заключение Герцена о жизни и человеке: «Что-нибудь одно из двух — или не жить, или жить и страдать, — такова дилемма ‹...› На вопрос: кто виноват? — роман отвечает: сама жизнь, самое свойство человеческих душ, не мо-

гущих отказаться от счастья и предвидеть, как далеко заведут их собственные чувства» (*З*, 1870, № 3, отд. II, стр. 110). Эти же мысли развивались Страховым и во второй и третьей статьях о Герцене (*З*, 1870, №№ 4, 12). Возможность преодоления Герценом такого рода сомнений и пессимизма Страхов видел лишь на пути бескомпромиссной критики буржуазной Западной Европы и возвращения в лоно православия. Полагая, что Герцен в известной мере уже стоял на этом пути, Страхов подкреплял свое заключение ссылками, во-первых, на книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», которая, по его мнению, заставила многих русских людей уверовать наконец в самостоятельность исторического пути православной России, в ее великое предназначение в грядущей судьбе всего человечества; во-вторых, на сочинения самого Герцена, и в частности на одно из писем цикла «С того берега», в котором якобы «объективно» обнаружилось «предпочтение православию» перед католицизмом и протестантизмом (см.: *З*, 1870, № 12, отд. II, стр. 257).

[10] Страхов не употреблял выражения «Запад гниет». Но мысль об этом присутствует уже в заключении первой его статьи о Герцене, где сказано: «С неотразимою силою в нем (т. е. в Герцене. — *Ред.*) вкоренилось убеждение, что Запад страдает смертельными болезнями, что его цивилизации грозит неминуемая гибель, что нет в нем живых начал, которые могли бы спасти его» и т. д. (*З*, 1870, № 3, отд. II, стр. 127). В третьей статье о Герцене Страхов называл его «*отчаявшимся западником*» (*З*, 1870, № 12, отд. II, стр. 235), а во второй утверждал: «Что касается до Запада, то понятно, что в его нравственном падении не мог сомневаться Герцен» (*З*, 1870. № 4, отд. II, стр. 104).

[11] Из первой статьи очевидно, что подобный аспект осмысления творческой личности Герцена был чужд Страхову. Он утверждал, что Герцен «был рожден более всего мыслителем». Развивая эту мысль, он продолжал: «Поэты и философы обыкновенно делают то же дело, какое составляет главную черту умственной жизни Платона Каратаева: они придают жизни и миру „характер торжественного благообразия“ <...> Герцена же неудержимо привлекала другая сторона, то, что он сам называл „страшною изнанкою жизни человеческой“» (*З*, 1870, № 3, отд. II, стр. 94, 119—120).

[12] Речь идет о статье Страхова «Женский вопрос» (*З*, 1870, № 2), в которой подвергалась критике трактовка проблем женской эмансипации в книге Д. С. Милля «Подчиненность женщины» (русский перевод — 1869 г.). В полемике с Миллем, говорившим об исторической предопределенности неравноправия женщины в силу «властолюбия мужчин» и перевеса на их стороне физической силы», Страхов подходит к «женскому вопросу» с позиций гуманно-христианских, вводя в проблему нравственный аспект. Видимо, именно эта сторона статьи Страхова и обусловила сочувственный характер отношения к ней Достоевского. Интерес к «женскому вопросу» возникает у писателя в начале 1860-х гг. (см. статью «Ответ „Русскому вестнику“» и комментарий к ней — наст. изд., т. XIX, стр. 126—132, 305—306) и, претерпевая определенную эволюцию, с наибольшей остротой проявляется в 1870-е гг. в его выступлениях на страницах журнала «Гражданин» и в «Дневнике писателя» 1876 г. (см. главу «Нечто о вранье» из «Дневника писателя» 1873 г.; первую из «Двух заметок редактора»; редакционное предисловие к статье Л. Ю. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина“: „К делу!“»; разделы «Несомненный демократизм. Женщины» и «Один из облагодетельствованных современной женщиной» из «Дневника писателя» 1876 г. (май, гл. II, § 3; июль—август, гл. II, § 3) — наст. изд., т. XXI, стр. 125, 275—277; т. XXIII, стр. 27—29, 88—91). См. также: Н. Ф. Буданова. Неизвестные статьи Достоевского по женскому вопросу. (Опыт атрибуции). — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 236—244.

[13] В письме Достоевскому от 17 марта 1870 г. Страхов спрашивал: «...почему Вы нашли в „Заре“ недостаток *самоуверенности*? Скажите откровенно; я, право, не такой щекотливый, чтобы не выслушать правду

и от Вас». О «недостатке самоуверенности» в журнале «Заря» Достоевский упоминал также в письме 385.

[14] Для Достоевского нигилисты и западники имели общие «европейские» истоки. По мысли писателя, нигилизм в России — явление чужеродное, не имеющее глубоких корней в национальной почве. Однако отношение Достоевского к настроениям русской молодежи не было однозначным. Оно претерпело сложную эволюцию. Уже в начале 1870-х гг. Достоевский подчеркивал принципиальное различие между «истинным нигилизмом» и презренной «нигилятиной». В главе «Одна из современных фальшей» «Дневника писателя» за 1873 г. он писал: «Я сам старый „нечаевец“ <...> Нет-с, нечаевцы не всегда бывают из одних только лентяев, совсем ничему не учившихся» (наст. изд., т. XXI, стр. 129). Немного позднее, в черновых материалах к роману «Подросток», отмечалось: «Нигилисты — это в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи» (наст. изд., т. XVI, стр. 76). См. также наст. изд., т. XVII, стр. 257—258, 261—262; т. XXI, стр. 451—455.

[15] Подразумевается вступление к первой статье Страхова о «Войне и мире». Убеждая русскую интеллигенцию западнической и «нигилистической» ориентации в необходимости «действительного образования», Страхов допускает здесь просительные интонации (см.: *З*, 1869, № 1, отд. II, стр. 118—121).

[16] Имеется в виду следующее суждение Страхова из третьей статьи о «Войне и мире»: «В изящной литературе, в журналистике, в массе читающих и пишущих людей, — везде господствует такая слабость мысли, такое искажение инстинктов и понятий, такое обилие предрассудков и заблуждений, — что невольно является страх за наше духовное развитие, невольно приходит в голову мысль, не поражены ли мы какою-нибудь неизлечимою болезнью, не суждено ли русскому уму и сердцу заглохнуть и вымереть под язвами, разъедающими наш духовный строй» (*З*, 1870, № 1, отд. II, стр. 141). На это «больное общество» (там же) способна оказать нравственное влияние, по мысли Страхова, лишь «Война и мир» Толстого.

[17] Речь идет о двух «письмах» Страхова (за подписью Н. Косица) «За Тургенева» и «Еще раз за Тургенева», напечатанных в №№ 9 и 12 «Зари» за 1869 г. Исполненными «блестящего юмора» представлялись Достоевскому обращения Страхова к своим идейным противникам (см. примеч. 18).

[18] В первом из упомянутых писем (см. примеч. 17) Страхов неоднократно пишет о неблагодарном труде, на который он, в качестве профессионального критика. обречен: обязательном чтении всех, зачастую сомнительных, с его точки зрения, по своему достоинству «новинок» демократической литературы. Эти суждения он заключает следующим образом: «Заметили ли вы, что г-жа Конради (сотрудничавшая в это время преимущественно в журнале «Неделя». — *Ред.*) в своих критических приемах начинает подражать Писареву? А я заметил. Читали ли Вы..? Но, милостивый государь, мне, наконец, совестно становится указывать, что я читаю, во что вникаю, на что трачу свое время и свои силы» (*З*, 1869, № 9, отд. II, стр. 225). Об отношении Достоевского к Писареву см. примеч. 4 к письму 425.

[19] Цитата из статьи («письма») Страхова «За Тургенева» (*З*, 1869, № 9, отд. II, стр. 226).

[20] Эта мысль высказывается Достоевским вторично (см. письмо 385, примеч. 15) и несмотря на то, что во второй статье о Толстом Страхов подчеркивал преемственность «Войны и мира» как семейной хроники от «Капитанской дочки» Пушкина, который, по мысли Страхова, является «истинным родоначальником нашей самобытной литературы» (*З*, 1869, № 2, отд. II, стр. 209—211, 212). Сходные отзывы Достоевского о Толстом, отрицание в его творчестве присутствия «нового слова» см. в подготовительных материалах к роману «Подросток» (наст. изд., т. XVI, стр. 410, 419, 429), главах «Дневника писателя» 1877 г., посвященных «Анне Каре-

пиной» (июль—август. гл. II, §§ 1—4; гл. III, § 4 — наст. изд., т. XXV. стр. 193—206, 218—223). См. также: Г. М. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. Л., 1985, стр. 234—250.

[21] Ответ на замечание Страхова в письме Достоевскому от 17 марта 1870 г.: «Милюков говорит Майкову: „Какие глупости пишет Страхов! Превозносит Толстого! Я удивляюсь, что нашелся журнал, который печатает подобные вещи“». См. также примеч. 17 к письму 370.

[22] Роман Чаева «Подспудные силы» публиковался в «Русском вестнике» (1870, №№ 2—7).

[23] Достоевский не соглашается с оценкой Страховым произведений Чаева в письме от 17 марта 1870 г.: «Чаева роман мы упустили — что Вы о нем скажете? „Свекровь“, по-моему, чудесная вещь, гораздо лучше „Подспудных сил“». Трехактная пьеса Чаева «Свекровь», напечатанная в мартовском номере «Зари» за 1870 г., имела подзаголовок «Песня в лицах (из времен уделов)».

[24] Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» вышла отдельным изданием в 1871 г. (2-е издание — в 1888 г., 3-е — в 1889 г.).

[25] В последующих письмах Страхова Достоевскому упоминаний о книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» не имеется.

387. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 115)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 102—104.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 230—235.

Ответ на письмо А. Н. Майкова от 25 февраля 1870 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 81—83).

[1] 25 февраля 1870 г. Майков писал Достоевскому: «Вам, для писания, необходимо вернуться домой ‹...› Если припадки не оставляют Вас — то, след‹овательно›, главной причины заграничное житье не устраняет; с другой стороны, отсутствие своей среды, впечатлений общих, разговоров, общих интересов, всего калейдоскопа жизни, влияющего на нашу мысль, — все это не может быть полезно для здоровья. Так мне кажется. И не одно желание Вас видеть здесь говорит во мне» (стр. 82).

[2] См. примеч. 1 и 7.

[3] Речь идет об отъезде за границу в начале 1867 г. («Кажется, 14 апреля», — указывает Достоевский в письме к А. П. Сусловой от 23 апреля (5 мая) 1867 г. — см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 303).

[4] Имеется в виду книгопродавец и владелец склада бумаги В. П. Печаткин, который накануне отъезда Достоевских за границу (14 (26) апреля 1867 г.) подал ко взысканию два векселя на общую сумму около тысячи руб. Векселя были выданы ему Достоевским, по-видимому, после крушения журнала «Эпоха». Обрастая с течением времени чудовищными процентами, эти векселя попадают в конце концов в руки брата В. П. Печаткина — Евгения. В письме Достоевскому от 19 октября 1872 г. он сообщал: «В моем распоряжении находятся Ваши векселя, выданные в 1865 г. на имя Вас‹илия› П‹етровича› Печаткина, один в 660 р. 80 к., а другой в 278 р. 90 к. Уведомляя Вас о сем, покорнейше прошу произвести платеж, или, как в противном случае ‹?› я должен буду предъявить их ко взысканию» (*ИРЛИ*, № 29809). С Печаткиным Достоевскому удалось договориться об отсрочке платежа до 1 (13) марта 1873 г. Сохранилась расписка Е. П. Печаткина от 17 (29) марта 1873 г., из которой следует, что Достоевский уплатил ему по упомянутым выше векселям, — очевидно, вместе с процентами, — 1334 руб. (см.: *ИРЛИ*, № 29810). А из письма Достоевского П. А. Исаеву от 7 (19) января 1876 г. видно, что в декабре 1875 г. Достоевский уплатил Е. П. Печаткину еще 1100 руб. — в счет «старого долга по журналу». О долгах как стимуляторе творческой активности Достоевского см.: Б. Бурсов. Личность Достоевского. Л., 1979, стр. 283—285, 286—287.

[5] См. примеч. 15 к письму 380.

[6] Речь идет о романе «Бесы». Предсказание Достоевского об отрицательном отношении к «Бесам» в демократической и либеральной среде («нигилисты и западники») оказалось в значительной степени пророческим (см. наст. изд., т. XII, стр. 257—272).

[7] Достоевский имеет в виду следующее суждение Майкова о «Вечном муже» в его письме от 25 февраля 1870 г.: «Я чувствую у Вас уже усилие воображения; тогда как жизнь, встречи и пр‹очие› моменты всегда доставляли Вам богатые краски, неимоверно свежие». Майков добавлял, что он говорит это и «в видах будущего романа» (стр. 82).

[8] Достоевский благодарит Майкова за самоотверженные, но безуспешные попытки установить контакты с издателем Стелловским (см. письмо 384, примеч. 12).

[9] См. письмо 384, примеч. 12.

[10] Достоевский называет Стелловского «мерзавцем», поскольку из сообщений Майкова складывалось впечатление, что, печатая незаконно «Преступление и наказание», Стелловский избегает встречи с доверителями писателя (см. письмо 384, примеч. 12).

[11] Достоевский сравнивает себя с вечно нуждающимся, сидевшим в долговой тюрьме мистером Микобером — персонажем из романа Диккенса «Давид Копперфильд».

[12] Эти надежды не сбылись, так как работа над «Бесами» из-за многочисленных переделок подвигалась очень медленно. Поэтому в письме к Каткову от 8 (20) октября 1870 г. (см. письмо 397) Достоевский просил выслать ему пятьсот руб. в счет будущего гонорара за этот роман.

[13] См. примеч. 17 к письму 385.

[14] См. письмо 385.

[15] См. письмо 384, примеч. 15. Стебницкий — псевдоним Н. С. Лескова.

[16] См. письмо 385 и примеч. 21 к нему.

[17] См. письмо 385.

[18] В. В. Кашпирев ответил согласием на просьбу Достоевского. 30 марта 1870 г. он писал Достоевскому: «К первой книжке будущего года буду ждать Вашего романа; будем надеяться, что Вы подарите нас, поклонников Вашего громадного таланта, чем-нибудь вполне Вас достойным. От всей души благодарю, что, задумав новый роман. Вы не обошли „Зарю“ и к первой к ней обратились ‹...› Вовремя ли получили мартовскую книжку? Я отправил ее Вам в один день со сдачей журнала на городскую почту. Так буду делать и впредь. Из Вашего письма к Н. Н. Страхову видно, что „Заря“ за прошлый год Вам нравится...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.63).

[19] Речь идет о романе «Бесы», оконченном лишь в ноябре 1872 г.

[20] Имеется в виду неосуществленный замысел «Житие великого грешника» (см. письмо 372, примеч. 11).

[21] Тихон Задонский (в миру Тимофей Савельевич Соколов) — проповедник и мыслитель, глубоко чтимый Достоевским; до ухода в Задонский монастырь (1769) был епископом воронежским и елецким. Некоторые черты личности и элементы духовного наследия Тихона Задонского (необычайная проницательность, глубокое смирение, любовь к людям, проповедь всепрощения) оказали воздействие на мысль Достоевского-художника при работе над образами архиерея Тихона («Бесы». гл. «У Тихона») и старца Зосимы («Братья Карамазовы») (см. наст. изд., т. IX, стр. 517; т. XI, стр. 5—30; т. XII, стр. 239—240, 246—247, 248. 251; т. XV, стр. 419).

[22] См. об этом в примеч. 5 к письму 386.

[23] В начале 1860-х гг. вышло в свет пятнадцатитомное собрание сочинений Тихона Задонского и несколько его жизнеописаний (например: Жизнь святителя Христова, Тихона I, епископа воронежского и елецкого... М., 1861; Житие святителя Тихона, епископа воронежского... СПб., 1862).

[24] За опубликованное в «Телескопе» первое «Философическое письмо» (1836), в котором Чаадаев выступил в качестве сурового критика само-

державия, церкви, отрицательно оценивая православие с точки зрения его социально-устроительной роли, он был объявлен Николаем I сумасшедшим. Об отношении Достоевского к личности Чаадаева, его философско-исторической концепции и отражении отдельных черт его личности в образе Версилова («Подросток») см.: *Долинин*, стр. 112—126; *ЛН*, т. 77, стр. 455—460; наст. изд., т. IX, стр. 506; т. XVII, стр. 288; т. XX, стр. 381.

[25] Личность и идеи крестьянина-старообрядца К. Е. Голубова, ученика инока Павла (прозванного Прусским) сыграли заметную роль в творческой истории «Бесов» (см. наст. изд., т. XII, стр. 178—183).

[26] Парфений (Аггеев Петр) — автор получившей большую популярность и любимой Достоевским книги «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника святыя горы Афонския инока Парфения» (1855). Об отношении Достоевского к этой книге см.: наст. изд., т. XV, стр. 528. См. также: *Материалы и исследования*, т. III, стр. 136—143.

[27] См. письмо 386.

[28] Герой второго тома «Мервых душ» Гоголя.

[29] Подразумевается Штольц.

[30] Имеются в виду герои романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Лопухов и Рахметов.

[31] См. примеч. 21. Черта личности Тихона, особенно привлекавшая Достоевского, — милосердие в сочетании с глубоким пониманием темных побуждений души человеческой. Таким он изображен в не пропущенной М. Н. Катковым главе «Бесов» (см. наст. изд., т. XI, стр. 5—12, 23—30).

[32] См. письмо 386.

[33] Подразумевается ходатайство Майкова перед редакцией «Зари» о высылке Достоевскому 1000 руб. в качестве аванса за «Житие великого грешника».

[34] К этому времени Достоевский уже был должен в «Русский вестник» крупную сумму — аванс за роман «Бесы». Через три месяца он предполагал закончить этот роман и получить за него окончательный расчет в «Русском вестнике» (см. также примеч. 19).

[35] Речь идет о разладе С. Д. Яновского с женой, известной актрисой А. И. Шуберт. Прочитав «Вечного мужа», Майков писал Достоевскому 25 февраля 1870 г.: «...узнал историю Яновского и его характер, так что для меня был двойной интерес» (стр. 82). Близкое участие Достоевского в семейной драме С. Д. Яновского и письма Достоевского к А. И. Шуберт (наст. изд., т. XXVIII_2, письма 172—174) не позволяют считать вполне убедительной категоричность возражений писателя по поводу Яновского как возможного прототипа Трусоцкого (см. наст. изд., т. IX, стр. 474—475).

[36] Ответ Достоевского на следующее суждение Майкова о нечаевцах и молодом поколении в письме от 25 февраля 1870 г.: «...тут уголовное дело, — неужели новая нравственность с этих подпольных заговорщиков снимает даже кровь и дозволяет все средства! Это ужасно! <...> А какие явления в обществе от новых доктрин! <...> в редком семействе отец и мать не несчастные люди в мире от сынков и особенно от дочек, ибо прямо идут в разврат, в холодный разврат по убеждениям! <...> У меня растут дети: верите ли, со страхом смотришь в свою и их будущность» (стр. 82—83). Отношение Достоевского к настроениям русской молодежи не было однозначным. Об эволюции этого отношения см. примеч. 14 к письму 386.

[37] Достоевский имеет в виду последние строки письма Майкова от 25 февраля 1870 г.: «Кланяйтесь милой Анне Григорьевне, об ней часто вспоминает моя жена как об одной из лучших встретившихся ей на пути женщин. а моя Анна Ивановна не очень способна смотреть на людей в розовом свете; вот почему ее отзывы об Анне Григорьевне для меня так вески, и я за Вас радуюсь, любезнейший друг» (стр. 83).

[38] См. примеч. 4 к письму 359. А. Н. Сниткина, приехавшая к Достоевским в Дрезден, оказывала им помощь по уходу за вторым ребенком, Любой (см. примеч. 21 к письму 360).

[39] Это письмо В. В. Кашпирева Достоевскому неизвестно.

[40] 30 марта 1870 г. В. В. Кашпирев писал Достоевскому: «По расчету Вам приходится дополучить за „Вечного мужа“ 47 рубл‹ей›. Извините, что промедлил с высылкой; причина тому было желание ответить Вам решительно на Ваше предложение и выслать разом сумму покрупнее. Посылаю Вам теперь ‹...› 500 рублей; затем, согласно Вашему предложению, буду высылать Вам вплоть до января ежемесячно по 100 рублей приблизительно в половине каждого месяца. Первую сотню вышлю в половине мая» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.63).

[41] В известных письмах Майкова Достоевскому и другим лицам отзывы о статьях Страхова не обнаружены.

388. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 120)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.24.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 38—39.

[1] Достоевский приехал в Гомбург из Дрездена, где Достоевские поселились с августа 1869 г.

[2] Ответное письмо Достоевской неизвестно.

[3] См. примеч. 28 к письму 363.

[4] Достоевский приехал в Гомбург с намерением выиграть на рулетке и таким образом избавиться от материальной нужды.

[5] Имеется в виду И. Г. Сниткин, приехавший в Дрезден в октябре 1869 г.

[6] Достоевский по-видимому, не хотел, чтобы родственники жены узнали о его поездке в Гомбург на рулетку.

389. В. М. и С. А. ИВАНОВЫМ (стр. 121)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18, лл. 1—3.
Впервые опубликовано: *PC*, 1885, № 7, стр. 158—160.

[1] Имение Даровое было куплено отцом писателя М. А. Достоевским в 1831 г. В начале 1850-х гг., после выплаты другим наследникам причитавшейся им доли, Даровое перешло в руки В. М. и А. П. Ивановых (см.: В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939, стр. 36, 61; а также наст. изд., т. XXVIII$_1$, примеч. к письму 1).

[2] Ответ С. А. Ивановой (или В. М. Ивановой) неизвестен.

[3] См. примеч. 4 к письму 359.

[4] Подразумевается роман «Преступление и наказание».

[5] Речь идет о векселях Достоевского, поданных ко взысканию В. П. Печаткиным в 1867 г. (см. письмо 387, примеч. 4).

[6] См. примеч. 4 к письму 376.

[7] См. примеч. 9 к письму 379.

[8] См. примеч. 28 к письму 384.

[9] Это письмо Ивановой неизвестно. Речь в нем шла, по-видимому, о романе «Идиот».

[10] Положительно отозвался о повести «Вечный муж», в частности Страхов (см. письмо 385, примеч. 2; а также: *Шестидесятые годы*, стр. 267).

[11] Рецензент «Голоса» писал: «Что может быть обыкновеннее истории человека, который женится; женившись, он становится совершенным рабом своей жены и добродушно, сам того не замечая, носит длинные рога; овдовев же, спешит вновь жениться; на новое рабство и новые рога; что́ может быть, повторяем, обыкновеннее этой истории? А между тем — такова уже особенность таланта г-на Достоевского — он рассказывает эту обыкновенную историю со всеми ее реальными и вседневными, по-видимому, ничтожнейшими подробностями таким образом, что воображение

читателя постоянно возбуждено, и какая-то таинственность, какая-то тайна кроется во всех этих кажущихся пошлостях жизни» (*Г*, 1870, 20 марта. № 79). Рецензия В. П. Буренина в «С.-Петербургских ведомостях» (1870, 31 января, № 31) имела в целом критический характер, однако и в ней отмечалось, что «местами» Достоевский обнаруживает «свое, конечно, немалое дарование в полной силе». См. также наст. изд., т. IX, стр. 482—483.

[12] Подразумеваются А. Ф. Базунов и Ф. Т. Стелловский, переговоры с которыми по поводу отдельного издания романа «Идиот» ни к чему не привели. См. также примеч. 20 к письму 374.

[13] См. письмо 369, примеч. 12.

[14] По возвращении в Россию 8 июля 1871 г. Достоевский ездил в Москву за получением части гонорара от «Русского вестника» за роман «Бесы» в конце июля или начале августа (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 205, 440).

[15] Это письмо Ивановой Достоевскому неизвестно. О причинах ошибки Достоевского по поводу завещания А. Ф. Куманиной см. письма 368, 369, 371, 379 и примеч. к ним.

[16] По-видимому, речь идет о письме Достоевского к С. А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г. (см. письмо 379), в котором писатель требовал: «...не пишите мне таких вещей, что „цель не оправдывает средства“» и т. д.

[17] Имеется в виду письмо А. М. Достоевского от 30 сентября 1869 г., беловик которого неизвестен (см. примеч. к письму 380; черновик этого письма, воспроизводящий лишь «деловую» часть текста белового письма, см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 338—343).

[18] См. об этом в примеч. 22 к письму 371 и примеч. 11 к письму 380.

390. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 124)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 30—31.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 291—294.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 16 апреля—6 мая 1870 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 266—267).

Страхов ответил 4 июня 1870 г. (там же, стр. 267—268).

[1] Страхов писал 16 апреля—6 мая 1870 г.: «...я чувствую, что ничего я не сделаю, что как ни бейся, а влияния, сколько-нибудь похожего на влияние, у меня никогда не будет. *Общей* публики нынче как будто вовсе нет — разбились на кружки, на партии, которые друг друга не читают и знать не хотят. И выходит, что как ни старайся, угодишь только тому, *кто и без тебя так же думал*» (стр. 266).

[2] Речь идет о П. К. Щебальском, который вел в «Русском вестнике» раздел «Библиографические заметки». В период с января по май 1870 г. в журнале появилось лишь одно его развернутое критическое выступление (*РВ*, 1870, № 4) — рецензия на второе издание «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки (М., 1870). «Легкомысленной» критику Щебальского Достоевский называет, по-видимому, потому, что автор рецензии на книгу Ф. Н. Глинки допускал одинаково ироничные суждения о славянофильской и западнической точках зрения на Россию и русский народ: «...людям первой четверти нынешнего века приходилось иметь дело с такою дилеммой: или возводить в идеал поклонение лаптям и прославление невежества, — или отрицать Россию и, в интересах будто бы гуманности и цивилизации, жертвовать ее правами и самыми существенными интересами. Два воззрения, при внешней противоположности сходящиеся в своей основе, и заключают в себе, как то, так и другое, более презрения, чем любви к отечеству» (стр. 692). «Мелкой» критика Щебальского определяется, вероятно, в силу того, что описательность в ней преобладала над исследованием.

[3] Отрицательно или иронически Достоевский отзывался об А. П. Милюкове начиная с 1867 г. (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 315). Подробнее об истории отношений Достоевского с Милюковым см.: наст. изд., т. XII, стр. 218; т. XVIII, стр. 354.

[4] Цитата из письма Страхова от 16 апреля—6 мая 1870 г.

[5] Речь идет о докторской диссертации Генриха Струве «Самостоятельное начало душевных явлений» (*РВ*, 1870, № 2), в которой развивалась мысль о материальности души. В № 5 «Зари» за 1870 г. была опубликована крайне отрицательная рецензия на нее Страхова, где последний упрекал Струве в робости и неоригинальности мысли, в рабском предпочтении вульгарных материалистов типа Карла Фогта и в забвении «Платонов и Гегелей». «Не рано ли, — писал Страхов, — отказываться от Платонов и Гегелей?» (отд. II, стр. 138).

[6] Достоевский, очевидно, имеет в виду следующее место из рецензии Страхова на диссертацию Струве: «Несмотря на усилия г-на Струве, для внимательного читателя совершенно ясно, например, что брошюра г-на Струве есть вовсе не *исследование*, а простая компиляция из посредственных философских книг, которых такое множество в Германии. Г-н Струве так уважает науку, что ему и в голову не приходило думать самому, отважиться хоть на какую-нибудь самостоятельную попытку» (там же, стр. 135). Относительно откликов на свою рецензию Страхов писал Достоевскому 4 июня 1870 г.: «Что до философии, я сам бы желал ответа, но не надеюсь — они отвечают своим московским, а я *не их прихода*. Или ругнут мимоходом, или промолчат» (стр. 267).

[7] «Ерыжный» (ярыжный) — беспутный.

[8] Речь идет об А. Д. Градовском, с которым впоследствии Достоевский резко полемизировал в связи со своей речью о Пушкине (1880 г.). Не называя фамилии Градовского, анонимный автор отдела «Из современной хроники» в «Заре» давал следующую оценку циклу его передовых статей в «Голосе» (1870, 12 (24), 18 (30) марта, 27 марта (8 апреля), 31 марта (13 апреля), №№ 71, 77, 86, 90) о народной партии, остзейском вопросе и в особенности об административной реформе: «Историческое и теоретическое знание предмета, солидное общее образование соединились в этом публицисте, при блестящем литературном таланте ‹...› Благодаря этим качествам ‹...› статьи „Голоса“ об административной реформе, перед которыми бледнеют даже передовые статьи „Московских ведомостей“ о том же предмете ‹...› могут стать наравне с лучшими leading article первоклассных иностранных газет» (*З*, 1870, № 5, отд. II, стр. 214). В отзыве «Зари» о Градовском не было слов, взятых Достоевским в кавычки. В связи с этим Страхов писал в ответном письме Достоевскому: «Вы преувеличили похвалу „Зари“ профессору *Градовскому*; там сказано, что статьи его до того хороши, что в одном случае оказались даже лучше „Моск‹овских› вед‹омостей›“. Такая похвала есть вместе признание, что „Моск‹овские› вед‹омости›“ всегда первенствуют» (стр. 267).

[9] «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея выходила в свет в Англии отдельными месячными выпусками в 1847—1848 г. (20 выпусков). Отдельно роман был издан в 1848 г.

[10] См. примеч. 8.

[11] Личное знакомство Страхова с Л. Н. Толстым состоялось в Ясной Поляне в середине августа 1871 г. (см.: *Толстой*, т. 61, стр. 234, 263; Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. М., 1958, стр. 382). 10 марта 1878 г., имея возможность познакомить Достоевского с Толстым в Соляном городке на лекции Вл. С. Соловьева, Страхов не сделал этого (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 320, 460). В ответных письмах Страхова Достоевскому о знакомстве с Толстым не упоминается. В дальнейшем Достоевскому так и не пришлось лично познакомиться с Толстым.

[12] Речь идет о романе «Бесы».

[13] См. примеч. 12 к письму 369.

[14] Речь идет о письме В. В. Кашпрева от 30 марта 1870 г. (см. примеч. 40 к письму 387). См. также примеч. 15.

[15] Вскоре Достоевский получил от В. В. Кашпрева в качестве аванса за свой будущий роман, предназначенный в «Зарю», 900 руб. В письме Кашпиреву около 15 (27) августа 1870 г. Достоевский упоминает о получении денег от него «в июне и в июле» (см. письмо 393).

[16] См. примеч. 14. 15.

[17] Т. е. из «Русского вестника», в котором печатались «Бесы».

[18] См. примеч. 15.

391. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 127)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 32—33.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 294—296.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 4 июня 1870 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 267—268).

Страхов ответил 12 сентября 1870 г. (там же, стр. 268—269).

[1] Выполняя просьбу Достоевского напомнить В. В. Кашпиреву о высылке ему денег в Дрезден. Страхов столкнулся с «отвратительным беспорядком», в котором находились финансовые дела в общем не бедной, по его мнению, редакции «Зари». В связи с этим он писал Достоевскому 4 июня 1870 г.: «Никогда еще мне не приходилось выдерживать такой упорной борьбы, которую по своей глупости и запальчивости я притом не умею вести толково и ровно» (стр. 267). Это признание Страхова и имеет в виду Достоевский.

[2] Кашпирев не отказывал категорически в выплате денег, но задерживал ее. Страхов писал Достоевскому 4 июня 1870 г.: «Через недельку, вероятно, получите. Вот уже три недели, как приостановлены все платежи. И люди богатые допускают такое беспокойство себе и другим, столько лжи, столько сплетней!» (стр. 267). См. также примеч. 15 к письму 390.

[3] См. примеч. 40 к письму 387.

[4] Из письма Достоевского Страхову от 28 мая (9 июня) 1870 г. (см. письмо 390) видно, что Достоевский рассчитывал получить из «Русского вестника» очередной гонорар или аванс только к концу 1870 г.

[5] О тираже и втором издании «Вестника Европы» Достоевский упоминает в связи с объявлением в мартовском номере этого журнала за 1870 г.: «В течение января и февраля первое издание „Вестника Европы“, в 6000 экз., разошлось все по подписке, а потому редакция, приступив ко второму изданию, покорно просит иногородних подписчиков, поступивших в конце февраля и поступающих в первые десять дней марта, обождать до 15 марта, когда выйдет второе издание». Несколько позднее, в статье «Взгляд на нынешнюю литературу», Страхов отмечал: «Недавно „Вестник Европы“ насчитал у себя *семь* тысяч подписчиков» (*З*, 1871, № 1, отд. II, стр. 7).

[6] Среди наиболее известных литераторов и ученых, печатавшихся в «Вестнике Европы» в первом полугодии 1870 г., были И. С. Тургенев, Я. П. Полонский, А. К. Толстой, А. И. Левитов, Н. В. Успенский, М. К. Цебрикова, В. В. Крестовский, В. В. Стасов, А. Н. Пыпин, Н. И. Костомаров и др. Отрицательное мнение Достоевского о «Вестнике Европы» Страхов воспринял с восторгом. 12 сентября он писал Достоевскому: «С какою радостью я прочитал и потом рассказывал всем и каждому Ваше мнение о „Вестнике Европы“. Тут им бредят, сделался необходимым модным журналом, а ведь в сущности Вы совершенно правы, и у нас только недоставало смелости громко заявить суждение, подобное Вашему» (стр. 268).

[7] В очерке Тургенева «Казнь Тропмана» (*ВЕ*, 1870, № 6) описана казнь Жана Батиста Тропмана, осужденного за убийство семейства Кинков. Тургенев по приглашению М. Дюкана присутствовал при обряде подго-

товки убийцы к казни и его гильотинировании, состоявшемся 7 (19) января 1870 г. в Париже (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 147—171. 490—495).

[8] Неточная цитация афоризма из комедии Теренция «Сам себя наказывающий» (д. 1, ст. 77): «Homo sum: humani nihil a me alienum puto» («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» — *лат.*).

[9] Имеется в виду следующее замечание Тургенева: «Но тут я отвернулся — и начал ждать — а земля тихо поплыла под ногами» (*Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 168). В интерпретации этих слов Тургенева Достоевский тенденциозен. Контекст «Казни Тропмана» свидетельствует, что, прежде чем «отвернуться», Тургенев зафиксировал все, совершавшееся вокруг него (см. там же). Его восприятие происходящего определялось мыслью о растлевающем воздействии зрелища смертной казни.

[10] Восприятие Достоевским «Казни Тропмана» связано с его полемическим отношением к Тургеневу. Пережив в молодости смертный приговор и приготовление к казни, он описал последние минуты и секунды жизни приговоренного к смерти в романе «Идиот» (см. наст. изд., т. VIII, стр 19—21). Критерий гуманности и нравственности, определивший позицию Достоевского, являлся главным и для Тургенева. Последний выступил в «Казни Тропмана» активным поборником отмены смертной казни в прямой связи с той борьбой, которая велась против нее в 60—70-х гг. в русской и западноевропейской публицистике и юридической науке (см. также: А. Б. Муратов. Тургенев и Максим Дюкан. (К творческой истории «Казни Тропмана»). — В кн.: Тургенев и его современники. Л., 1977, стр. 136—142). Очерк «Казнь Тропмана» был пародирован в «Бесах» (см.: А. С. Долинин. Тургенев в «Бесах». — *Сб. Достоевский, II*, стр. 119—136; наст. изд., т. XII, стр. 226, 291, 311 и др.).

[11] Эта мысль была повторена Достоевским в романе «Бесы» в характеристике Кармазинова, прототипом которого был Тургенев. Степан Трофимович говорит с иронией Варваре Павловне: «Кармазинов, этот исписавшийся глупец, ищет для меня темы! ‹...› Ваш Кармазинов — это старая, исписавшаяся, обозленная баба!» (см. наст. изд., т. X, стр. 265; т. XII, стр. 226).

[12] Имеется в виду статья Страхова «За Тургенева» (*З*, 1869, № 9; подпись: Н. Косица). Возражая критикам, порицавшим Тургенева за предвзятое отношение к передовым людям своего времени, Страхов утверждал в этой статье: «Передовой человек, носитель дум поколения, составляет постоянную тему его созданий, и несостоятельность передового человека — постоянный вывод, который в них таится ‹...› С напряженным вниманием Тургенев всматривается в эти типы; но по страшной силе своего анализа и изумительной тонкости понимания он не может на них успокоиться и развенчивает их одного за другим» (стр. 228). В этой же статье Страхов называл Тургенева *«выразителем одной из глубочайших сторон нашей жизни»* (стр. 230).

[13] Достоевский возражает на следующее ироническое замечание Страхова о самом себе в письме от 4 июня 1870 г.: «Помните ли Вы время, когда Плещеев был нашим *первым* поэтом? Так и я теперь первый критик». И далее: «...я способен бы был разбить всех их *верою* в свое дело; но вера без дел... нет, лучше замолчу» (стр. 268). См. также примеч. 1 к письму 390.

392. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 129)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *РС*, 1885, № 7, стр. 160—162.

[1] Достоевский отвечает на неизвестное нам письмо Ивановой.

[2] Иванова занималась переводами с английского; работы для перево-

дов она получала в редакции «Русского вестника» (см. примеч. 16 к письму 360 и примеч. 25 к письму 363).

[3] См. примеч. 12 к письму 369.

[4] См. письмо 359, примеч. 16.

[5] См. примеч. 29 к письму 384.

[6] Эти сроки не были выдержаны. Достоевский сильно запаздывал ввиду изменения замысла романа и значительных переделок уже написанного текста. Первая часть романа была закончена лишь к середине января 1871 г. (см. письмо 395 и примеч. к нему; а также *наст. изд.*, т. XII, стр. 184—185). В силу этого очередной части гонорара из «Русского вестника» Достоевский в августе не получил (см. письмо 394).

[7] До весны 1870 г. роман «Бесы» мыслился автором, в первую очередь, как памфлет па либералов-западников и современных Нечаевых, хотя первоначальная форма политического памфлета перестала удовлетворять Достоевского уже со второй половины февраля 1870 г. Перелом в творческой истории романа совершился летом этого года: политический памфлет соединился с романом-трагедией, а центральным персонажем «Бесов» стал Ставрогин (см. также наст. изд., т. XII, стр. 178—183).

[8] Эта мечта Достоевского не осуществилась.

[9] Франко-прусская война началась через пять дней — 19 июля 1870 г.

[10] Лицо, предоставлявшее Ивановой в «Русском вестнике» работу по переводам с английского, не установлено.

[11] См. примеч. 22 к письму 371 и примеч. 11 к письму 380.

[12] Имеется в виду, очевидно, письмо Достоевского В. И. Веселовскому от 14 (26) августа 1869 г. (см. письмо 368), а не А. М. Достоевскому (см. письмо 371, примеч. 22, а также письма 379, 380 и примеч. к ним).

[13] Достоевский основывается на неточных слухах, дошедших до него. Подробные сведения о плачевном состоянии наследства А. Ф. Куманиной были сообщены ему братом в письме от 30 сентября 1869 г. Подробное описание сохранившейся части состояния А. Ф. Куманиной А. М. Достоевский завершает следующими словами: «Счастливы будут наследники, ежели за продажею закладов и взыскания долгов получат $1/4$ часть, то есть с небольшим 24 тыс‹ячи›; тогда на 131 050 руб. завещанного капитала придется каждому по 18 коп. на рубль, то есть вместо каждых 10 тыс‹яч› р‹уб.› наследники получат 1800 руб.!..» (*Достоевский, А. М.*, стр. 341). К этому суждению, однако, добавлено подстрочное примечание А. М. Достоевского: «Тогда я смотрел на дело это глазами В. И. Веселовского, который по каким-либо своим расчетам силился уверить меня в крайней малоценности рязанского имения. Но впоследствии оно оказалось гораздо ценнее, и как вследствие этого, так и вследствие другого способа дележа, мы, Достоевские, получили бо́льшую сумму, чем я рассчитывал прежде» (там же, стр. 341—342).

[14] Ответила ли Иванова на это письмо Достоевского, неизвестно.

393. В. В. КАШПИРЕВУ (стр. 132)

Печатается по черновому автографу: *ИРЛИ*, № 29617. На чистой странице письма записи адресов, сделанные Достоевским (см.: *Материалы и исследования*, т. VII) и А. Г. Достоевской, и помета Достоевского: «Книги чтоб купить: Скребицкого. Крестьянское дело». Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 278—281.

Датируется по содержанию и дате письма Кашпирева (9 августа), на которое Достоевский отвечает. Длительность нахождения в пути писем между Петербургом и Дрезденом равнялась в то время 4—5 дням (см., например, петербургские штампы с датами «13 октября 1870 г.» и «11 января 1871 г.» на конвертах писем Достоевского А. Н. Майкову соответственно от 9 (21) октября 1870 г. и 7 (19) января 1871 г. — *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 107, 115). Ср. письмо 373.

[1] Это письмо Кашпирева Достоевскому неизвестно.

[2] Речь идет об отказе Достоевского от публикации в «Заре» «Жития великого грешника», замысел которого в ближайшее время не мог быть осуществлен (см. примеч. 11 к письму 372).

[3] Имеется в виду часть гонорара, присылаемая Кашпиревым за предполагавшуюся публикацию «Жития великого грешника» (см. письмо 387, примеч. 40).

[4] См. примеч. 28 и 29 к письму 384.

[5] О переломе в творческой истории романа «Бесы», случившемся летом 1870 г.. см. примеч. 7 к письму 392.

[6] Объем романа «Бесы» вместе с не пропущенной М. Н. Катковым главой «У Тихона» составил около 40 печатных листов. Работа над романом была закончена в ноябре 1872 г.

[7] См. примеч. 40 к письму 387.

[8] См. письмо 362 и примеч. 5 к нему.

[9] В несохранившейся части письма Достоевский, по-видимому, предлагал в «Зарю» вместо «Жития великого грешника» рассказ (или повесть). План рассказа для «Зари» был письменно зафиксирован в середине марта 1869 г., когда работа над «Вечным мужем» еще не начиналась (см. письмо 364, 369, 371, а также наст. изд., т. IX, стр. 493).

394. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 134)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, 1.6.18.
Впервые опубликовано: *РС*, 1885, № 7, стр. 162—166.

[1] Это письмо Ивановой неизвестно.

[2] Это письмо Ивановой также неизвестно.

[3] О «затруднениях» с «Русским вестником» в связи с публикацией в «Заре» (1870, №№ 1—2) повести «Вечный муж» Достоевский писал Ивановой 14 (26) декабря 1869 г. (см. письмо 379).

[4] Письмо Достоевского М. Н. Каткову (или в редакцию «Русского вестника») с таким обещанием неизвестно (см.: *Список*, № 259).

[5] Достоевский писал об этом Ивановой 14 (26) декабря 1869 г. (см. письмо 379).

[6] Это письмо Достоевского М. Н. Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 264).

[7] См. примеч. 28 и 29 к письму 384.

[8] Речь идет о письме Достоевского Ивановой от 2 (14) июля 1870 г. (см. письмо 392).

[9] См. примеч. 7 к письму 392.

[10] Этот срок не был выдержан. Публикация «Бесов» началась лишь с январского номера «Русского вестника» за 1871 г.

[11] Обо всем этом Достоевский сам написал М. Н. Каткову 19 сентября (1 октября) 1870 г. (см. письмо 395).

[12] Имеется в виду франко-прусская война, начавшаяся 19 июля 1870 г.

[13] Аналогичные мысли о войне высказаны Достоевским в «Дневнике писателя» 1876 г. (апрель, гл. II, § 2 «Парадоксалист» — см. наст. изд., т. XXII, стр. 122—126).

[14] Неточная цитата из Евангелия (Матф., гл. 11, ст. 12). В Евангелии: «...царство небесное силою берется».

[15] Предсказание Достоевского оказалось пророческим: в результате революционных событий 4 сентября 1870 г. наполеоновская империя пала. Родилась французская республика.

[16] Очевидно, цитата из неизвестного письма Ивановой Достоевскому от 3 августа 1870 г.

[17] Цитата из Евангелия (Матф., гл. 9, ст. 13).

[18] Ход военных действий до 15 августа 1870 г. сделал возможным такое предположение Достоевского. См., например, ежедневные обзоры

военных корреспонденций из французских и германских газет в «Голосе» (1870, 21 июля—14 августа, №№ 200—223), а также: Л. М. Шнеерсон. Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976, стр. 187. Первые значительные успехи германской армии в середине августа 1870 г., благодаря тактической ошибке маршала Мак-Магона (двинувшегося на соединение с армией Базена), возрастая с каждым днем, привели французскую армию к Седанской катастрофе 1 сентября 1870 г. (см.: Н. П. Михневич. Война между Германией и Францией 1870—71. Ч. 1. От начала войны до Седана включительно. Критико-историческое исследование. СПб., 1897; Г. Мольтке. История германо-французской войны 1870—1871 гг. М., 1937, стр. 35—91).

19 Имеются в виду идеи наполеонизма и бонапартизма.

20 Речь идет о переводах Ивановой с английского, печатавшихся в «Русском вестнике» (см. примеч. 16 к письму 360 и примеч. 25 к письму 363).

21 Имеется в виду письмо А. М. Достоевского от 30 сентября 1869 г. (см. примеч. к письму 380 и примеч. 4 к письму 368).

22 Подразумевается В. И. Веселовский, ставший в 1868 г., вместе с А. М. Достоевским, опекуном А. Ф. Куманиной после смерти первого опекуна — А. П. Иванова (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 340; а также письмо 368).

23 См. письмо 392 и примеч. 13 к нему.

24 Речь идет об А. П. Иванове, первом опекуне А. Ф. Куманиной.

25 См. примеч. 28 к письму 384.

26 Имеется в виду семейство покойного брата М. М. Достоевского и пасынок писателя П. А. Исаев (см. также письмо 363).

27 Деньги эти Достоевский намеревался занять у И. Г. Сниткина. Эта надежда Достоевского не осуществилась (см. письмо 422 и примеч. 6 к нему).

395. М. Н. КАТКОВУ (стр. 139)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160 (Собр. Любимовых), т. 1, л. 52.

Впервые опубликовано: «*Былое*», 1919, кн. 14, стр. 45.

1 Речь идет о работе над романом «Бесы» (см. письмо 392, примеч. 6, а также наст. изд., т. XII, стр. 184—186).

2 Первая половина первой части «Бесов» была выслана в редакцию «Русского вестника» 7 (19) октября 1870 г. См. также письмо 396.

3 Работа над второй половиной первой части романа была закончена лишь к середине января 1871 г. (см. письмо 404).

4 Печатание «Бесов» действительно началось с января 1871 г.

396. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» (стр. 140)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160 (Собр. Любимовых), т. 1, л. 52.

Впервые опубликовано: «*Былое*», 1919, кн. 14, стр. 47—48.

Редакция журнала «Русский вестник» ответила 20 октября 1870 г. (см. примеч. 8 к письму 397).

1 См. письмо 392 и примеч. 6 к нему.

2 См. примеч. 3 к письму 395 и письмо 404.

3 См. примеч. 4 к письму 395.

[4] Подразумевается первый эпиграф к «Бесам» из стихотворения Пушкина «Бесы» (1830):

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
. . . .
Сколько их, куда их гонят,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

[5] Это слово было сохранено. Оно введено Достоевским в заявление западника и либерала Степана Трофимовича Верховенского, сделанное им вскоре после обнародования манифеста об освобождении крестьян: «Мы, как торопливые люди, слишком поспешили с нашими мужичками ‹...› мы их ввели в моду, и целый отдел литературы, несколько лет сряду, носился с ними как с новооткрытою драгоценностью. Мы надевали лавровые венки на вшивые головы. Русская деревня, за всю тысячу лет, дала нам лишь одного комаринского» (наст. изд., т. X, стр. 31; см. также т. XII, стр. 287).

[6] См. письмо 395.

[7] Речь идет о возможных перебоях в работе гражданских учреждений, и в частности почты, в условиях франко-прусской войны.

[8] См. письмо 394.

[9] См. письмо 397.

397. М. Н. КАТКОВУ (стр. 141)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160 (Собр. Любимовых), т. 1. л. 52.

Впервые опубликовано: «*Былое*», 1919, кн. 14, стр. 48—49.

[1] Достоевский смог выполнить это обещание лишь к середине января 1871 г. (см. письмо 404).

[2] В январском номере «Русского вестника» за 1871 г. были опубликованы первые две главы первой части романа; в февральском — третья и четвертая главы; в апрельском — пятая (заключительная) глава первой части романа.

[3] Речь идет об убийстве 21 ноября 1869 г. слушателя Петровской земледельческой академии И. И. Иванова пятью членами тайного общества «Народная расправа» во главе с С. Г. Нечаевым. Первое сообщение о совершенном убийстве появилось 27 ноября (*МВед*, 1869, № 258). В конце 1869—начале 1870 г., по мере прояснения обстоятельств дела, «Московские ведомости» регулярно знакомили читателей с деталями убийства и с деятельностью организации Нечаева (см. наст. изд., т. XII, стр. 192—202).

[4] Фигура Петра Верховенского (до начала процесса над группой молодежи, в той или иной степени связанной с организацией Нечаева, т. е. до 1 июля 1870 г.) сложилась в творческом воображении Достоевского как фигура «мошенника» и политического честолюбца. Процесс способствовал углублению образа Верховенского, который из беспрерывно лгущего, комического лица вырастает в фигуру зловещую и даже демоническую (см. наст. изд., т. XII, стр. 202—204).

[5] О работе Достоевского над образом Ставрогина и литературной генеалогии последнего см.: наст. изд., т. XII, стр. 227—231.

[6] См. примеч. 21 к письму 387.

[7] Имеется в виду глава «У Тихона», не пропущенная М. Н. Катковым (см. наст. изд., т. XI, стр. 5—30; т. XII, стр. 237—246, 320—322).

[8] 20 октября 1870 г. из «Русского вестника» Достоевскому сообщили: «Редакция „Русского вестника“ при сем препровождает к Вам перевод на Ваше имя на фирму Michael Kaskel в Дрезден суммой в 409 тал‹еров› 5 зильбергрошей, а на наши деньги суммой в 475 р‹уб.› 80 коп., каковая сумма будет записана в редакции „Русского вестника“ в дебет Вашего счета» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20).

398. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 296—297.

[1] Речь идет, по-видимому, о неизвестном письме Ивановой от 3 августа 1870 г., упоминаемом в письме Достоевского от 17 (29) августа 1870 г. (см. письмо 394).

[2] См. письмо 394.

[3] Речь идет о первой половине первой части «Бесов», отправленной в редакцию «Русского вестника» 7 (19) октября 1870 г. (см. письмо 396).

[4] Мысль о различии в писателе-романисте «поэта» и «художника» была устойчивой у Достоевского. В его представлении, задача поэта — создание идеи, замысла произведения, задача же художника — воплощение идеи в картинах и образах, языковая и стилистическая отделка произведения. Признавая свои «погрешности» в этой области, Достоевский ссылался обычно на недостаток времени и других условий для спокойной работы (вследствие материальной необеспеченности).

[5] Подразумевается Даровое (см. примеч. 1 к письму 389).

[6] К моменту возвращения Достоевского на родину (8 июля 1871 г.) было напечатано меньше половины романа. К этому времени в №№ 1, 2, 4 «Русского вестника» за 1871 г. была опубликована только первая его часть.

[7] И. Г. Сниткин в это время и позже постоянно был в поле зрения Достоевского. Достоевский намеревался, после женитьбы Сниткина, занять у него на большой срок крупную сумму (см. письмо 394. примеч. 27).

[8] А. Н. Майков писал об этом в письме Достоевскому от 23 сентября 1870 г. (см. примеч. 13, 14 к письму 399). Пасынок Достоевского П. А. Исаев женился на девушке, которую звали Надеждой Михайловной, в апреле 1871 г. (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 204).

399. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 144)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640. лл. 105—106.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский*, I, стр. 436—440.
Ответ на письмо А. Н. Майкова от 23 сентября 1870 г. (*РСовр*, 1924, кн. 1, стр. 208—211).

[1] Имеется в виду завершение работы над первой половиной первой части «Бесов».

[2] Николай Чудотворец (греч. Νικόλαος — побеждающий народ) — христианский святой, почитавшийся на Руси. «Ревнитель» о вере, «печальник» о людях, творящий добро, помощник и защитник в повседневных делах — таким предстает Николай Чудотворец из народных преданий и легенд. Майков вспоминает о нем в письме Достоевскому от 23 сентября 1870 г. в связи с размышлениями об исторической миссии России. Эти размышления обретают у Майкова особую остроту в связи с общественно-политическими событиями лета и осени 1870 г. (падение наполеоновской империи в результате революционных событий 4 сентября, рождение французской республики, провозглашение догмата непогрешимости папы

римского, грядущее образование германской империи и т. п.): «Боже мой! Империи падают, республики провозглашаются, провозглашается непогрешимость одного смертного и возникает империя, создаваемая протестантским богом <...> где же наш Николай Чудотворец — что же он-то думает, неужели он спит в то время, когда работают и политический и протестантский боги — ужели он за нас не потрудится, по старому обычаю своему <...> Насколько хватит взор — горизонты блестящие, обширные, а опустишься в кресла <...> убеждаешься, что чудотворец, по-видимому, еще не тронулся на нас поработать <...> Верю все-таки, несмотря на всю тупость и глупость видимую, что Миколка свое дело знает <...> с улыбочкой смотрит на подвиги протестантского бога, являющегося во всеоружии своих игольчатых ружей, нарезанных пушек, реквизиций, контрибуций и пр., смотрит и думает: „Наше дело впереди“» (стр. 208—209).

[3] В передовых статьях «Голоса» за декабрь 1869—февраль 1870 г. приведенной Достоевским цитаты не обнаружено. Возможно, имеется в виду следующее высказывание Н. Адмирари <Л. К. Панютина> в фельетоне «Голоса» (1869, 30 ноября, № 331): «...наша круглая пуля осталась такою же дурой, какою была во времена Суворова, тогда как цивилизованная пуля союзников много поумнела, пройдя по нарезкам штуцера; штык же наш хотя остался молодцом по-прежнему, но ему мало предстояло работы при новой системе войны; поэтому *парижский мир, несмотря на тягостные условия, которые были для нас делом совершенно непривычным, принят был всеми как истинное благодеяние...*».

[4] Столь резкий отзыв о Белинском в период работы над «Бесами», где памфлет на либералов-западников 40-х годов являлся одним из идеологических стержней романа, во многом мотивирован отношением Достоевского к Белинскому в 60-е годы как родоначальнику «либералишек и прогрессистов» (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 317). О причинах полемически-пристрастных отзывов Достоевского о Белинском в конце 60-х—самом начале 70-х гг. см.: наст. изд., т. XXI, стр. 375—376. Сложность своего отношения к Белинскому Достоевский раскрыл в главе «Старые люди» «Дневника писателя» 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 8—12 и 375—385). См. также «Дневник писателя» за 1876 г. (июнь, гл. II, § 1, 2 — наст. изд., т. XXIII, стр. 38—44) и *Кирпотин, Достоевский и Белинский.*

[5] См. примеч. 4. Об А. А. Краевском и отношении к нему Достоевского см.: В. В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. — *Достоевский и его время*, стр. 17—32, а также наст. изд., т. XVIII, стр. 347—348.

[6] Подобная интерпретация евангельского текста (Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 32—37), взятого в качестве эпиграфа к роману «Бесы», легла в основу замысла этого романа (см. наст. изд., т. XII, стр. 251—252).

[7] См. письмо 398, примеч. 4.

[8] Имеется в виду «статья девятая» из цикла статей Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (1843—1846). Анализ образа Татьяны служит здесь критику поводом для пропаганды идей борьбы с семейным деспотизмом и защиты прав женщины. Это место из статьи Белинского Достоевский вспоминает в «Записной тетради» 1875—1876 гг. и в романе «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 501; т. XV, стр. 584; т. XXIV, стр. 180, 453). В речи о Пушкине Достоевский дал иное, нежели Белинский, истолкование отказа Татьяны, увидев в нем проявление «чистой русской души», сознающей, что невозможно основать свое счастье на несчастии другого человека (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 141—143, 498—500).

[9] Опасения Достоевского относительно возможности «европейской войны за славян» оказались, в известной мере, не беспочвенными. Когда в 1877 г. Россия начала войну с Турцией, угнетавшей балканских славян, Англия и Франция оказали значительную финансовую и военную помощь Турции.

[10] Более развернуто свои тревожные мысли по этому поводу Достоевский изложил в «Дневнике писателя» 1873 г., в главе «Мечты и грезы» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 92—93).

[11] «Подушный побор» или подушная подать — вид личного налога, взимавшегося со времен Петра I поголовно со всего населения, за исключением дворянства, духовенства, почетных граждан и служащих государственных учреждений (чиновников). Таким образом, всею своею тяжестью эта подать давила на крестьянство. Подушная подать была отменена в 1877 г. в европейской части России, с 1899 г. — в Сибири. Реформа «в рекрутчине» была проведена в самом начале 1874 г. Военнообязанными объявлялись все подданные Российской империи, независимо от сословной принадлежности. Срок службы для солдат уменьшался до 9 лет. В 1876 г. этот срок был сокращен до 5 лет.

[12] Речь идет о работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (см. также письмо 363, примеч. 17 и письмо 364, примеч. 9, 10).

[13] О предстоящей женитьбе П. А. Исаева Майков писал 23 сентября 1870 г.: «Юмор жизни меня зовет: Ваш Паша женится. Приходил ко мне сияющий, хорошо одетый, с своими пробивающимися усиками и с обручальным кольцом на пальце. Женится. Уж ничего не поделаешь. Надо принять как совершившийся факт. Она „такая миленькая“, что нельзя не жениться. Он очень желал, чтобы я Вас расположил в пользу его брака. Вот я и располагаю. На его вопрос, как Вы на это взглянете, — я отвечал, что если нельзя — или поздно будет всё остановить, то, конечно, примете как совершившийся факт ‹...› Я думаю, что не ошибся в ответе» (стр. 210). О времени женитьбы П. А. Исаева см. письмо 398, примеч. 8.

[14] В последующих известных письмах Майкова упоминаний о женитьбе П. А. Исаева не имеется.

400. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 148)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 34—35.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 296—298.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 12 сентября 1870 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 268).

Страхов ответил 23 ноября 1870 г. (там же, стр. 268—269).

[1] См. письмо 369, примеч. 12.

[2] См. примеч. 28 к письму 384.

[3] Имеется в виду Ставрогин. О коренном переломе в творческой истории «Бесов» см. письмо 392, примеч. 7 и письмо 395.

[4] Подразумевается Петр Верховенский.

[5] См. примеч. 9 к письму 379.

[6] См. примеч. 9 к письму 393.

[7] Это замечание Достоевского вызвано следующим сообщением Страхова в письме от 12 сентября 1870 г.: «Наконец дошли до меня и кой-какие весьма восторженные отзывы о моих статьях, которые показали мне, что я имею резкий успех, хотя, конечно, не в большой массе. В журналах меня называют поврежденным, сумасшедшим, лунатиком, но нашлась, очевидно, публика, бывшая другого мнения. Боюсь предаваться самолюбию, но чувствую, что без этого возбуждения ничего не сделаешь. Авось будут бранить и этим поддержат во мне раздражение».

[8] См. письмо 391 и примеч. к нему.

[9] Это предсказание не сбылось. В 1872 г. «Заря» закрылась, а «Вестник Европы» издавался до 1918 г.

[10] Речь идет о статье Страхова «Полонский и Некрасов» (*З*. 1870, № 9), посвященной анализу «Сочинений» Я. П. Полонского (тт. I—III. СПб., 1869—1870), «Стихотворений» Н. А. Некрасова (СПб., 1869) и его поэмы «Мороз, Красный нос» (СПб., 1870).

[11] В № 9 «Зари» были помещены главы романа Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда», статья А. Ве «Прусская армия в 1869 году», «Политическое обозрение», в котором рассказывалось о Седанской катастрофе и

конце империи Наполеона III, продолжение путевых заметок П. И. Огородникова «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию» и т. д. Путевые заметки Огородникова послужили Достоевскому источником при изображении в «Бесах» эпизода из жизни Шатова и Кириллова в Америке (см. наст. изд., т. XII, стр. 232, 293—294, а также письмо 401, примеч. 22, 23).

[12] Имеется в виду роман В. Г. Авсеенко «На распутье». В № 9 «Зарп» за 1870 г. были опубликованы первые шесть глав романа.

[13] В статье «Полонский и Некрасов» (см. примеч. 10) концепцию «истинной» поэзии Страхов развивает, опираясь на поэзию Полонского как поэта, по его мнению, «искреннего» и «свободного в своем творчестве». Ему противопоставляется Некрасов (в журнале которого появилась резко критическая рецензия Н. Щедрина на первые два тома «Сочинений» Полонского — *ОЗ*, 1869, № 9) как поэт критического, отрицательного направления, современного лишь в момент текущей действительности. Страхов пишет о «пошлости» и «фальшивых нотах», без которых, по его мнению, не обходится «почти ни одна страница» стихов Некрасова, а направление его поэзии называет «резким» и «узким» (*З*, 1870, № 9, отд. II, стр. 132, 134). Этому направлению Страхов противопоставляет направление «*чистого западничества*» (к нему он относит поэзию Полонского), сущность которого трактует как «поклонение *всему прекрасному и высокому*, служение истине, добру и красоте, любовь к просвещению и свободе, ненависть ко всякому насилию и мраку» (там же, стр. 135). Однако в статье «Полонский и Некрасов» он не затрагивает проблем духовного родства «западников чистых», т. е. «либералов-идеалистов» 1840-х годов, и современных «нигилистов» и характера взаимоотношений двух поколений, — проблем, поднятых им в рецензии на книгу А. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский» (*З*, 1869, № 7). Этим обстоятельством, по-видимому, и объясняется упрек Достоевского Страхову в отсутствии у последнего детального анализа сущности «фальшивой» поэзии: для Достоевского западничество и нигилизм имели общие истоки (об отражении указанных статей Страхова в творческой истории романов «Бесы» и «Подросток» см.: наст. изд., т. XII, стр. 169—172; т. XVII, стр. 281—283). Единение Достоевского со Страховым в оценке поэзии Некрасова в период работы над романом «Бесы» — один из фактов в сложной эволюции отношения автора «Бесов» к поэту, обусловленной во многом острейшей полемичностью идейных концепций Достоевского (этого периода) и «Отечественных записок». Позднее Достоевский печатает в журнале Некрасова роман «Подросток» (см. об этом: наст. изд., т. XVII, стр. 258—259) и посвящает поэту главу в «Дневнике писателя» 1877 г. (декабрь, гл. II — см. наст. изд., т. XXVI, стр. 111—128), где называет его поэзию «страстной» и «страдальческой» (там же, стр. 111). Вспоминая о моменте, когда Достоевский узнал о кончине Некрасова, А. Г. Достоевская писала: «Всю ту ночь он читал вслух стихотворения усопшего поэта, искренно восхищаясь многими из них и признавая их настоящими перлами русской поэзии. Видя его крайнее возбуждение и опасаясь приступа эпилепсии, я до утра просидела у мужа в кабинете и из его рассказов узнала несколько неизвестных для меня эпизодов их юношеской жизни» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 316). Подробно об отношении Достоевского к Некрасову см.: В. А. Туниманов. Достоевский и Некрасов. — *Достоевский и его время*, стр. 33—66; М. Гин. Достоевский и Некрасов. — Север, 1971, № 11, стр. 103—123, а также наст. изд., т. XXV, стр. 337—338; т. XXVI, стр. 410—432.

[14] Речь идет о «Московских ведомостях» и «Голосе».

[15] См. примеч. 12 к письму 394.

401. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 150)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 36—37.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 298—302.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 23 ноября 1870 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 268—269).

[1] Речь идет, по-видимому, о статье Страхова. Он писал Достоевскому 23 ноября 1870 г.: «На ноябрь я не успел написать статьи, но на декабрь уже готова» (стр. 269).

[2] Подразумевается замысел романа «Житие великого грешника». Страхов писал 23 ноября 1870 г.: «...напишите, в какой форме можно Вас обещать? Нельзя ли заглавие? То-то было бы хорошо ‹...› Пожалуйста, Федор Михайлович, напишите подробно, как и в каком виде, к каким срокам „Заря" может обещать Вас» (стр. 269). См. также письмо 372 и примеч. 11 к нему.

[3] Имеется в виду роман «Бесы». О начале работы над ним см.: наст. изд., т. XII, стр. 161—164.

[4] О коренной перестройке в творческой истории «Бесов» см. письмо 392, примеч. 7 и письмо 395.

[5] См. письмо 395 и примеч. к нему.

[6] См. письмо В. В. Кашпиреву около 15 (27) августа (письмо 393).

[7] См. примеч. 2.

[8] См. примеч. 2.

[9] О неосуществленных замыслах Достоевского 1867—1870 гг., ряд мотивов из которых получил развитие в последующем творчестве писателя, см.: наст. изд., т. IX, стр. 485—499.

[10] См. примеч. 2.

[11] См. примеч. 2 к письму 386.

[12] Речь идет о предположительной дате окончания «Бесов». Роман был закончен в ноябре 1872 г.

[13] Время предполагавшегося возвращения Достоевских в Россию. См. также примеч. 12 к письму 369.

[14] Имя Достоевского появилось в объявлении об издании «Зари» в № 33 «Голоса» (1871, 2 февраля). См. примеч. 20 к письму 411.

[15] Страхов писал 23 ноября 1870 г.: «Можно бы обещать Писемского и Клюшникова, но, право, это едва ли привлечет и чуть ли не испугает. Осрамились они в 1869 году и повредили-таки „Заре"» (стр. 269). В 1869 г. «Заря» опубликовала роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (№№ 1—9) и роман В. П. Клюшникова «Цыгане» (№№ 2—4, 10, 12). Несмотря на резкий отзыв Страхова, в №№ 2, 4 за 1871 г. в «Заре» был опубликован роман Клюшникова «Не-Марево». См. также примеч. 3 к письму 362.

[16] Этот отзыв о Писемском дан несмотря на то, что «бытовой реализм» автора «Тысячи душ» был чужд Достоевскому и личность Писемского не вызывала у него симпатий (см. наст. изд., т. XXVIII_1, письмо 141; т. XXVIII_2, письмо 209). К 1863 г. относится замысел статьи-рецензии Достоевского на «Взбаламученное море» Писемского и «Что делать?» Чернышевского (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 209). Критический отзыв о Писемском содержится в записной книжке Достоевского 1864—1865 гг. (см. наст. изд., т. XX, стр. 203). Подробнее об отношении Достоевского к Писемскому см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 523 и наст. изд., т. XX, стр. 391. См. также письмо 411 и примеч. 3 к нему.

[17] Редакция «Зари» последовала этому совету Достоевского (см. примеч. 20 к письму 411).

[18] Имеется в виду франко-прусская война, в результате которой чрезвычайно усилилась «протестантская» Германия и утратила свое былое могущество «католическая» Франция. Достоевский считал, что настает время для более четкого определения важной роли православной России в жизни европейских государств. См. также письмо 399 и примеч. 2 к нему и наст. изд., т. XII, стр. 216.

[19] Восточному и славянскому вопросам, главным содержанием которых была борьба балканских и западных славян за свое освобождение, посвящены многие главы «Дневника писателя» 1876—1877 гг. (см., например: 1876, июнь, гл. II, §§ 1—5; сентябрь, гл. I, §§ 1—4; октябрь, гл. II, §§ 1—4; 1877, февраль, гл. I, §§ 2, 3; март, гл. I, §§ 1—3; апрель, гл. I, §§ 1—4;

июль—август, гл. III, §§ 1—4; ноябрь, гл. II, §§ 1—3 и гл. III, §§ 1—3). См. также: И. Л. Волгин. Нравственные основы публицистики Достоевского (Восточный вопрос в «Дневнике писателя»). — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1971, т. XXX, вып. 4, стр. 312—321 и наст. изд., т. XXII, стр. 287—288; т. XXV, стр. 333—336.

[20] Ответ на слова Страхова: «С нетерпением буду ждать Ваших отзывов о последних книжках («Зари». — *Ред.*)» (стр. 269).

[21] Речь идет о статье П. И. Огородникова «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию» (*З*, 1870, №№ 4—6, 9, 11, 12) и статье Н. Константинова (псевдоним К. Н. Леонтьева) «Грамотность и народность» (*З*, 1870, №№ 11, 12). Об отражении в истории создания «Бесов» статьи Огородникова см. примеч. 22, 23. О причинах отрицательного отношения Достоевского к статье Константинова см. письмо 411 и примеч. 2, 11 к нему.

[22] Слов «плюнул в глаза» в статье Огородникова (см. примеч. 21) нет. По мнению А. С. Долинина, Достоевский имел в виду отрывок, в котором рассказывается о бесцеремонном вторжении «янки» в вагон для эмигрантов: «Подостлав под себя мое пальто и облокотившись на подушку, он, не обращая внимания на мой вопросительно-удивленный взгляд, невозмутимо перелистывал знакомый уже вам самоучитель английского языка. Я тихо дотронулся до его плеча, заявляя тем, что я хозяин пальто, подушечки, самоучителя и места — сам налицо». И далее: «...приметив выглядывавшую из моего сака головную щеточку, вынул ее, повертел в руках, снял шляпу и, небрежно причесав свои волосы, положил ее не обратно, а на подушечку ‹...› Искренность этой американской бесцеремонности *мне понравилась*» (*З*, 1870, № 11, стр. 14. Курсив наш. — *Ред.*). Этот отрывок использован в рассказе Шатова хроникеру (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 492, а также: наст. изд., т. X, стр. 111; т. XII, стр. 294).

[23] Рассказ русского студента-эмигранта Я. (или Я-нова), приведенный в статье Огородникова (*З*, 1870, № 11, стр. 21), дословно процитирован в «Бесах» — в рассказе Шатова о жизни в обуржуазившейся Америке (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 492; наст. изд., т. X, стр. 111; т. XII, стр. 293).

[24] Помимо статей П. И. Огородникова и Н. Константинова (К. Н. Леонтьева) в № 11 «Зари» за 1870 г. были опубликованы статья Н. Я. А‹ристо›ва «По поводу диспута г-на Нильского» (посвященная расколу), работа А. И. Руновского «Русские люди на Кавказе», очерк П. Н. Петрова «Цесаревна Анна Петровна». Первая из названных статей должна была привлечь особое внимание Достоевского, поскольку интерес к раскольникам проявился у него уже в 1840-е годы (см.: *Биография*, отд. I, стр. 87). Позднее этот интерес нашел отражение в «Записках из Мертвого дома», статье «Два лагеря теоретиков», романе «Преступление и наказание», «Дневнике писателя» 1873 г. (см. наст. изд., т. IV, стр. 292; т. VI, стр. 347—348; т. VII, стр. 393—395; т. XX, стр. 260—261, 267—268; т. XXI, стр. 412). См. также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 207.

[25] Имеется в виду статья Страхова «Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию)» (*З*, 1870, № 10), направленная против характеристики Карамзина как реакционера в работе А. Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I» (*ВЕ*, 1870, № 9). О своем восприятии Карамзина Страхов писал: «Можно быть полезнее Карамзина, но усерднее быть невозможно; можно превзойти его размером сил, но нельзя превзойти красотою подвига; можно быть более великим, но нельзя быть более прекрасным человеком и гражданином ‹...› вы поймете мое душевное настроение, если я вам открою, что я воспитан на Карамзине, что мой ум и вкус развивался на его сочинениях. Ему я обязан пробуждением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями» (отд. II, стр. 207). Статья Страхова «Вздох на гробе Карамзина» отозвалась в творческой истории «Бесов». В черновых материалах к роману сопоставлена статья Страхова и работа А. Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I» (см. наст. изд., т. XII, стр. 289 и 363). Н. М. Карамзин был любимым писателем родителей Достоевского. В главе

«Одна из современных фальшей» «Дневника писателя» 1873 г. Достоевский вспоминал: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» (наст. изд., т. XXI, стр. 134). В письме Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. Достоевский рекомендовал дочери адресата чтение «исторических сочинений», имеющих «огромное воспитательное значение», — в том числе и «Истории» Карамзина. Подробнее об отношении Достоевского к Карамзину см.: А. В. Архипова. Достоевский и Карамзин. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 101—112; В. А. Туниманов. Отголоски IX-го тома «Истории государства Российского» в творчестве Достоевского. — «Slavia», 1980, № 4, стр. 350—360 и наст. изд., т. IX, стр. 385, 520.

[26] Анализируя записку Карамзина «О древней и новой России», Пыпин в указанной работе (см. примеч. 25) с неприязнью писал о «льстивых» статьях Карамзина, защите им абсолютизма и крепостного права, а слог Карамзина называл «медовым стилем». Защищая Карамзина, Страхов раскрывал читателю высокие нравственные начала его личности и в резкой полемике с Пыпиным выступил против либеральной и демократической критики в связи с односторонним истолкованием ею творчества Карамзина: «Карамзин — вреден! Карамзин — зло в нашем развитии, язва в нашей литературе, тормоз в нашем общественном движении! Остановитесь, милостивый государь, на этой мысли, вдумайтесь в нее, вглядитесь, измерьте всю чудовищность ее смысла, весь ужас, который она в себе заключает ‹...› Если Карамзин действовал против интересов России, то кто имеет право сказать, что работает для ее пользы? Не господин ли Пыпин? Вижу, очень хорошо вижу, что он так о себе думает ‹...› Что такое г-н Пыпин? Кому и в чем он может служить примером? ‹...› За какой бы предмет ни взялся г-н Пыпин, какую бы книжку, самую редкую и многозначительную, даже наистрожайше запрещенную, он ни стал рассматривать (желая сделать из нее журнальную статью), всегда повторяется одна и та же история. Всегда сущность дела, истинный интерес и главный смысл книжки ускользает из рук, проходит сквозь пальцы г-на Пыпина и оставляет ему одну пустую шелуху, сор и грязь исторических случайностей, пыль и паутину веков. С презрением отряхает г-н Пыпин эту дрянь со своих либеральных пальцев и хватается за новый предмет ‹...› Вот уже многие годы продолжается эта работа: весь в пыли и грязи сидит г-н Пыпин и все еще отчаивается, все еще думает, что дело делает» (*З*, 1870, № 10, отд. II, стр. 211, 230—231). 12 апреля 1871 г. Страхов писал Достоевскому: «Кстати, спасибо Вам за отзыв о моем „Вздохе", я эту статейку очень ценю сам. Пожалуй, я лучше ничего и не писал» (*Шестидесятые годы*, стр. 271).

[27] Страхов писал 23 ноября 1870 г.: «Что скажете о моем „Вздохе"? Здесь одним очень понравился, другие ругаются, и даже один сотрудник О‹рест› Миллер, отказался участвовать (в «Заре». — *Ред.*)» (стр. 269).

[28] Ответ на следующее суждение Страхова о повести Тургенева «Степной король Лир» в письме от 23 ноября 1870 г.: «„Король Лир" ‹...› произвел довольно сильное впечатление, хотя, несмотря на всю эффектность — многих совершенно оттолкнула брезгливость тона и вялость рассказа. Как боязлив стал Тургенев! У него, очевидно, бродят разные мысли насчет русской жизни, — но он не решается их прямо и ясно высказывать, и все рассказывает странные истории и курьезные случаи, будто бы не имеющие дальнейшего значения» (стр. 269).

[29] Страхов писал Достоевскому 23 ноября 1870 г.: «Теперь мне остается еще один труд — изготовить одну или две статьи для первой книжки на 1871 год, и тогда я, кажется, могу отдохнуть и сказать: я сделал в 1870 году все, что мог ‹...› Если теперь выйдет плохо, если подписка будет невелика, ну — тогда уж, по крайней мере, не я виноват! Очень решительная и, признаюсь, очень интересная для меня минута!» (стр. 269).

[30] Речь идет о коллективном письме русских, проживавших в Дрездене, к министру иностранных дел государственному канцлеру России

А. М. Горчакову (см.: *Коллективное*, № 8) от 30 ноября (12 декабря) 1870 г. в связи с циркуляром 19 (31) октября 1870 г., извещавшим правительства держав, подписавших Парижский мирный договор 1856 г., что Россия не считает себя связанной постановлениями, ограничивавшими ее суверенные права на Черном море (см. также: наст. изд., т. XXVII, стр. 318; К. В. Пигарев. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. — *ЛН*, т. 19—20, стр. 211—212).

402. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 154)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 107—110.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 235—240.

Майков ответил 20—21 декабря 1870 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 83).

[1] См. примеч. 12 к письму 369.

[2] О творческой истории романа «Бесы» (состоящего из 3-х частей и «Заключения») см.: наст. изд., т. XII, стр. 161—287, а также: письмо 392, примеч. 7 и письмо 395.

[3] Этот отзыв редакции «Русского вестника» или М. Н. Каткова неизвестен. См. также примеч. 8 к письму 397.

[4] См. письмо 399 и примеч. к нему.

[5] См. примеч. 9 к письму 379.

[6] Это объявление гласило: «В магазине Ф. Стелловского в Большой Морской в доме Лауфферта № 27, в С.-Петербурге поступило в продажу полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, напечатанное в четырех томах и заключающее в себе: „Игрок“, „Преступление и наказание“, „Бедные люди“, „Униженные и оскорбленные“... и др.» (*Г*, 1870, 11 декабря, № 342). В письме Достоевскому от 3 января 1871 г. Майков писал: «Догадался, наконец, посмотреть у Исакова его издание „Пр‹еступления› и наказ‹ания›“, и оказалось, что оно издано в прежнем его формате, в два столбца, отдельно, без других Ваших сочинений, как особый том в 225 страниц ‹...› по восьми страниц в листе. Не знаю только, двойной это лист или обыкновенный» (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 83—84).

[7] Достоевский писал об этом Майкову 12(24) февраля 1870 г. (см. письмо 384). См. также примеч. 8 к письму 403.

[8] В ответном письме Майков пояснял: «Получил я Ваше письмо, любезнейший Федор Михайлович, и не отвечал сию же минуту, ибо немедленно-то Вы хотели иметь от меня только уведомление: *да* или *нет*? Я полагал, что *да* само собою разумеется». Доверенность была передана Достоевским в Канцелярию русского посольства в Дрездене 30 декабря 1870 г. (см. письмо 403 и *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 18). См. также примеч. 1 к письму 406.

[9] См. примеч. 16 к письму 373.

[10] См. примеч. 6.

[11] За роман «Преступление и наказание» Стелловский рассчитался с Достоевским только в 1875 г.

[12] Беловой текст этого письма Достоевского Стелловскому неизвестен (см.: *Список*, № 265).

[13] В письме от 20—21 декабря 1870 г. Майков сообщал: «...на следующее утро пошел к Стелловскому и не застал его дома. По опыту знаю, что будет еще несколько с моей стороны покушений, прежде чем его лицезрю. С своей стороны сделаю все, что могу, но, признаюсь, ужасно боюсь этой бестии ‹...› Сейчас опять ходил к Стелловскому и опять не застал, „уехавши с полчаса“ — всякий раз этакий ответ. — Но уж не беспокойтесь, поймаю его».

[14] О предполагавшейся женитьбе П. А. Исаева см. примеч. 8 к письму 398.

403. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 160)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 111—112.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 240—243.

Ответ на письмо А. Н. Майкова от 20—21 декабря 1870 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 83).

Майков ответил 19 января 1871 г. (там же, стр. 84—85).

Датируется 30 декабря 1870 г. (11 января 1871 г.) по содержанию: данное письмо является ответом на письмо А. Н. Майкова от 20—21 декабря (ст. ст.) 1870 г.

[1] Речь идет о доверенности на получение со Стелловского уплаты за издание «Преступления и наказания» (см.: *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 18, и письмо 402).

[2] См. примеч. 9 к письму 402.

[3] См. примеч. 8.

[4] См. письмо 402 и примеч. 12 к нему.

[5] Эта записка Майкова Стелловскому неизвестна.

[6] См. примеч. 11 к письму 402.

[7] См. письмо 402.

[8] Майков писал 19 января 1871 г.: «...выражу мое мнение о 8-м пункте контракта: меня очень смутило, что там не определено время, когда Стелловский> должен заплатить, издавши будущие сочинения, именно нет фразы: немедленно по отпечатании или по поступлении в продажу, почему он может Вам сделать проволочку, сколько ему угодно. Поэтому надобно повести дело так, чтобы он на письме назначил срок, и вот тогда, если не заплатит, то и 13-й пункт о неустойке будет действителен. Имея это в виду, я и решился быть осторожным. Стелловский, придя ко мне, предложил следующее: денег у него нет, он сегодня же едет в Москву и в конце января привезет денег — сколько не знает, ибо едет сбирать с книгопродавцев. Возвратясь же, отдаст или $1/3$, или $1/2$ суммы, на остальную же часть — короткосрочный вексель. Я согласился, но с тем, что Вам отпишу; сам же убежден, что и Вам надо согласиться, ибо в векселе будет хоть какой-нибудь срок, через что исполнится промах 8-го пункта. На вопрос мой: как велика сумма, которую Вам придется получить, — Стелловский отвечал: от 800 до 900 р., рассчитывая, что в прежних томах 100 листов, на которые разделить 3000 р., и выходит по 30 р. лист; в изданном же теперь томе 28 с дробью. По моему же счету выходит меньше, а именно: в первых трех томах $112^3/_4$ листа, считая только занятые печатью страницы, откинув белые страницы, откинув дробь, делю $3000/\frac{112}{26 \text{ р. } 88 \text{ к.}}$ (точнее — 26 руб. 78 коп. — *Ред.*). В изданном им „Преступлении и наказании“ $27^5/_8$ листа; откидывая дробь, получаю: 27×26=702 р.; помножив засим 27 листов на 88 к., получим еще 23 р. 76 к. Следовательно, вся сумма будет: 725 р. 76 коп. Так по моему счету, но я буду держаться счета Стелловского, если он не будет меньше моего» (стр. 84).

[9] Ответ на замечание Майкова в письме от 20—21 декабря 1870 г.: «...Вам лучше Ваше решение весной быть с нами».

[10] Имеется в виду следующее суждение Страхова о русском народе и русской общественной жизни в письме Достоевскому от 23 ноября 1870 г.: «Чем больше живу, тем яснее убеждаюсь, что все у нас страшно молодо-зелено; все так свежо, так не установилось, так полно порываний и колебаний, — что это истинно юный, даже отроческий и почти детский народ. Меня это очень утешает — нигде я не вижу никакого признака дряхлости, усталости, истощения. Много безобразий, но мы непременно от них отделаемся» (*Шестидесятые годы*, стр. 269).

[11] Имеется в виду получившая широкое признание в немецкой либерально-буржуазной публицистике мысль известного географа О. Пешеля,

утверждавшего еще в 1866 г., что победа Пруссии (над Австрией) была обеспечена преимуществом прусской системы народного образования (см.: O. Peschel. Die Lehren der jüngsten Kriegsgeschichte. — «Das Ausland», 1866, 17. Juli, N 29, S. 695). К этому утверждению О. Пешеля Достоевский возвращается и в «Записной тетради» 1880—1881 гг. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 66, 346).

[12] Майков писал Достоевскому 20—21 декабря 1870 г.: «Как-то вокруг Вас отражается война? Особливо после того, как она вступила в „новый фазис“, то есть когда оказалось, что есть какая-то сила, которую бьют и которая все-таки растет, то есть сила народная? Если б Вам было время, ответ на этот вопрос мог бы быть предметом статьи».

[13] «Стража на Рейне» — немецкая патриотическая песня.

404. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 163)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 314—317.

[1] Последнее из известных писем Достоевского к С. А. Ивановой датировано 9 (21) октября 1870 г. (см. письмо 398).

[2] О напряженной работе над первой частью романа «Бесы» см. письма 392, 395, 397, 401, 402.

[3] Письмо Достоевского М. Н. Каткову (или в редакцию «Русского вестника»), сопровождавшее посылку текста «Бесов» для февральского номера журнала, неизвестно (см.: *Список*, № 268).

[4] См. примеч. 12 к письму 369.

[5] См. примеч. 28 к письму 384.

[6] Это желание М. А. Ивановой возникло, по-видимому, в связи с тем, что роман «Идиот» (при публикации его в «Русском вестнике» — 1868, №№ 1, 2, 4—12) был посвящен С. А. Ивановой, ее сестре.

[7] См примеч. 2 к письму 395.

[8] Имеется в виду глава «У Тихона» (изъятая Катковым при публикации «Бесов» в «Русском вестнике»), где Ставрогин признается в изнасиловании девочки Матреши — самом тяжком и постыдном своем преступлении (см. наст. изд., т. XII, стр. 237—246).

[9] Фатерланд (нем. Vaterland) — отечество. Имеется в виду разгул немецкого национализма, обусловленный успехами Германии во франко-прусской войне 1870 г.

[10] См. примеч. 3. В ответ на это письмо редакция «Русского вестника» 11 января сообщала: «По Вашей просьбе при сем Вам полагается 250 р‹уб.› сер‹ебром› в счет гонорара за Ваш роман» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20).

[11] См примеч. 11 к письму 402.

[12] См.: *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 18, а также письмо 402.

[13] См. примеч. 11.

[14] О какой фотографии дочери Достоевских Любы идет речь, неизвестно.

[15] В 1876 г. С. А. Иванова вышла замуж за Д. Н. Хмырова. См. также примеч. 29 к письму 363.

[16] Это письмо П. А. Исаева неизвестно.

405. П. А. ИСАЕВУ (стр. 166)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 130—131.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 20—23.

[1] См. письмо 399 и примеч. 13 к нему.

[2] См. письмо 399.

[3] См. письмо 398 и примеч. 7 к нему.

[4] О предполагавшейся женитьбе Исаев писал А. Г. Достоевской 15 декабря 1870 г.: «Скажу <...> одну новость относительно себя. Я собираюсь жениться. Хотелось бы очень, Анна Григорьевна, чтобы Вы полюбили мою будущую жену; девушка она очень хорошая и добрая <...> Надежде Михайловне (так зовут мою невесту) я много говорил о всех вас» (*ИРЛИ*, № 32640).

[5] В феврале 1870 г. Достоевский усомнился в добросовестном ведении Исаевым доверенного ему дела по продаже Ф. Т. Стелловскому права на отдельное издание романа «Идиот». Как вскоре выяснилось, сомнения эти оказались напрасными (см. письмо 384 и примеч. 2, 10, 12 к нему).

[6] Это письмо Исаева Достоевскому неизвестно.

[7] Речь идет об А. И. Исаеве, первом муже М. Д. Достоевской, губернском секретаре в Семипалатинске, затем в Кузнецке.

[8] Имеется в виду, по-видимому, ожидаемый гонорар за публикацию «Бесов» в «Русском вестнике».

[9] Речь идет о письмах Достоевского А. У. Порецкому и П. И. Ламанскому с просьбой оказать П. А. Исаеву протекцию по службе. См. письмо 407 (Порецкому). Письмо Достоевского Ламанскому неизвестно (см.: *Список*, № 269).

[10] Имеется в виду журнал «Эпоха», официальным редактором которого был А. У. Порецкий. Вина Достоевского перед Порецким — неуплата последнему гонорара за работу по составлению раздела «Внутреннее обозрение» (см. об этом: *Д, Письма*, т. II, стр. 495).

[11] См. примеч. 28 к письму 384 и примеч. 2 и 3 к письму 395.

[12] Имеются в виду «Русский вестник» и «Заря».

[13] См. письмо 369, примеч. 12. О встречах Достоевского с Исаевым по приезде в Петербург см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 204.

406. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 169)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 113—114.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 442—444.

Ответ на письмо Майкова от 3 января 1871 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 83—84. Опубликовано с ошибочной датой А. Г. Достоевской: «декабрь 1870 г.». Датируется по содержанию и указанию дня недели — «воскресение»).

[1] В письме, на которое отвечает Достоевский, Майков сообщал: «...по принесенной мне из почтамта повестке подозреваю, не пришла ли от Паши доверенность» (стр. 84). Имеется в виду доверенность Майкову на получение гонорара за издание «Преступления и наказания» в 1870 г. (см.: *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 18, а также письма 402, 403). Однако Майков в своем предположении ошибся: доверенность была выслана в Петербург из Канцелярии русского посольства в Дрездене лишь 3-го января 1871 г. и 18-го января Майковым получена не была (см. письмо 408).

[2] В письме от 3 января 1871 г. Майков сообщал: «...у Стелловского я был семь раз во всякие часы — и не застал — он ведь живет подле меня, так что уж вроде partie de plaisir <увеселительной прогулки (*франц.*).> предпринимал захождение к нему при каждом выходе» (стр. 83).

[3] См. примеч. 19 к письму 427.

[4] См. письмо 402 и примеч. 12 к нему.

[5] См. примеч. 3 к письму 408.

[6] Рассказ Тургенева «Стук... стук... стук!..» был опубликован в № 1 «Вестника Европы» за 1871 г. В известных письмах Майкова Достоевскому суждений об этом рассказе не имеется.

[7] Продолжение романа «Бесы» в февральском номере «Русского вестника» за 1871 г. появилось.

[8] О ком идет речь, установить не удалось.

[9] Т. е. «Библиотека для чтения» под редакцией О. И. Сенковского (с 1834 по 1856 г.).

[10] Считалось, что дом А. А. Краевского на Литейном проспекте (ныне № 36) куплен на доходы от издания журнала «Отечественные записки», издателем-редактором которого Краевский был с 1839 по 1867 г., с 1868 г. — издателем. В 1860—1870-е гг. в доме Краевского находились редакции некрасовских «Современника» и «Отечественных записок» и редакция газеты «Голос». См. также наст. изд., т. XX, стр. 80, 306.

[11] Своим успехом «Отечественные записки» Краевского были обязаны участию в журнале Белинского.

407. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 171)

Печатается по тексту, написанному А. Г. Достоевской; подписано — «Федор Достоевский»: *ИРЛИ*, ф. 407, № 1.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 319—320.

Порецкий ответил 6 июня 1871 г. (*Д, Письма*, т. II, стр. 496).

[1] Это письмо Достоевского П. И. Ламанскому неизвестно (см.: *Список*, № 269).

[2] Имеется в виду долг Достоевского Порецкому за составление раздела «Внутреннее обозрение» в журнале «Эпоха» (см. примеч. 10 к письму 405). В ответном письме Порецкий писал: «Есть ‹...› в письме Вашем одно место, по поводу которого я чувствую потребность высказаться. Вы предполагаете, что все, в том числе и я, Вас забыли, потому что „Вы мало заслужили, чтоб Вас помнили“. Если Вы сказали это не в минуту особенно дурного расположения духа, то едва ли не разошлись немножко с своим внутренним убеждением. Не такое же Вы, Федор Михайлович, обыденное явление, чтобы даже простая, недолгая встреча с Вами легко забывалась; в моей же, напр‹имер›, жизни Вы — не предмет мимолетной встречи. Вы на моих глазах выходили на литературную сцену (1846); мои горькие сожаления провожали Ваше временное исчезновение с нее (1849); по возвращении Вы встретились со мной как с старым знакомым, и затем с 1861 по 1865 год я почти непрерывно вращался в кружке, Вами воодушевляемом. Все это известно Вам, а сколько еще Вам неизвестных душевных движений при каждом появлении Вашего нового произведения!.. Если бы такие долгие и глубокие эпизоды выбрасывались из памяти, то что же осталось бы в моем бедном прошлом?..».

[3] См. об этом письмо 405 и примеч. 9 к нему.

[4] Это письмо П. А. Исаева Достоевскому неизвестно.

[5] В ответном письме Порецкого сообщалось: «...об исполнении мною главного предмета Вашего письма, без сомнения, Пав‹ел› Ал‹ександрович› Исаев давно известил Вас: он числится на службе у меня в отделении до сего дня и не очень давно взял свидетельство о беспрепятственности на вступление в брак, а вступил ли действительно — еще не знаю».

408. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 172)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 116—117.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 243—244.

[1] Письмо Майкова Достоевскому от 12 января 1871 г. неизвестно.

[2] Имеется в виду извещение о доверенности Майкову на получение гонорара с Ф. Т. Стелловского за печатание «Преступления и наказания» в 1870 г. (подробнее об этом см. письма 402, 403, 406 и примеч. 1 к нему).

[3] Речь идет о посреднике между Майковым и Стелловским, нанятым

Майковым по просьбе Достоевского (см. письма 403 и 406). См. также примеч. 10 к письму 409.

[4] О положительных отзывах Майкова в письмах Достоевскому о первой части романа «Бесы» см. примеч. 6, 7 к письму 413.

[5] См. примеч. 3 к письму 402.

[6] Речь идет о романе Н. С. Лескова «На ножах», печатавшемся в «Русском вестнике» в 1870 (№№ 10—12) и 1871 (№№ 1—8, 10) гг.

[7] О трактовке нигилизма в романе Лескова «На ножах» см.: А. И. Батюто. Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления. — В кн.: Тургенев и его современники. Л., 1977, стр. 62—63.

[8] Эта оценка Достоевским образа Ванскок выпадает из общего контекста его суждений о реализме Лескова (см. примеч. 10).

[9] Очевидно, имеется в виду Савелий Туберозов из романа «Соборяне» (1872). Первоначальные варианты начала этого романа публиковались под заглавиями «Чающие движения воды» (*ОЗ*, 1867, №№ 3, 4) и «Божедомы» («Литературная библиотека», 1868, №№ 1, 2).

[10] Критический анализ Лескова (Стебницкого) — художника был дан самим Достоевским в главах «Смятенный вид» и «Ряженый» «Дневника писателя» 1873 г. Полемика с Лесковым строится в этих главах на противопоставлении «высшего реализма» (изображающего «неисследимые глубины духа и характера человеческого») и конкретно-бытового, стремление которого к внешней «характерности» и «эссенциозности» препятствует психологической глубине изображения (см. наст. изд., т. XXI, стр. 54—60. 77—91 и 411—414, 430—435). О сложных творческих взаимоотношениях Достоевского и Лескова см. там же.

[11] Речь идет о дочери Достоевских — Любе, крестнице Майкова (см. письмо 372 и примеч. 3 к нему).

409. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 173)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 118—121.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 244—248.

Ответ на письмо А. Н. Майкова от 19 января 1871 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 84—85).

[1] Речь идет о 8-м пункте контракта с Ф. Т. Стелловским, заключенного летом 1865 г. (см. примеч. 9 к письму 402). См. также примеч. 8 к письму 403.

[2] Согласно условиям контракта со Стелловским, Достоевский получал три тысячи рублей за право издания Стелловским собрания его сочинений. Однако в счет этой же суммы Достоевский должен был представить Стелловскому к 1 ноября 1866 г. новый роман. В случае несоблюдения этого кабального условия Достоевский платил огромную неустойку (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 58, 66). В свою очередь Стелловский обязан был уплатить Достоевскому особо за включение в издаваемое им собрание сочинений писателя каждого нового его произведения (за исключением «Игрока»), написанного и напечатанного после заключения контракта. О расчете полистной платы за «Преступление и наказание» (в соответствии с условиями контракта со Стелловским) см. письмо 403,

[3] См. примеч. 8 к письму 403.

[4] См. примеч. 6 к письму 402.

[5] См. примеч. 2.

[6] См. примеч. 8 к письму 403 и ниже, примеч. 9.

[7] Из письма 403 очевидно, что 13-м пунктом контракта предусматривалось взыскание со Стелловского крупной неустойки в пользу писателя — в случае невыполнения издателем 8-го пункта контракта. Текст 8-го пункта см. в начале комментируемого письма.

[8] См. примеч. 8 к письму 403.

[9] Вексель (нем. Wechsel) — денежное обязательство; документ, предоставляющий право одному лицу (векселедержателю) требовать от другого лица (выдавшего вексель) уплаты в определенный срок обозначенной в векселе суммы. Выдача краткосрочного векселя была равнозначна обязательству быстрого погашения займа или долга.

[10] Речь идет о чиновнике Цветухине, нанятом Майковым в качестве посредника между ним и Стелловским (см. примеч. 3 к письму 408). Майков писал Достоевскому 19 января 1871 г.: «К Стелловскому ходил Цветухин (тот чиновник, о котором я говорил); в первый раз застал, Стелловский обещал быть у меня, и я его ждал с неделю, в продолжение которой, впрочем, Цветухин был у меня раза три, но не заставал» (стр. 84).

[11] См. примеч. 8 к письму 403.

[12] См. там же.

[13] См. там же.

[14] П. А. Исаев писал об этом 30 сентября 1869 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 414—415).

[15] «Учесть» вексель — значит, обменять его на наличные деньги.

[16] О расчете полистной оплаты за издание Стелловским романа «Преступление и наказание» см. письмо 403 и примеч. 8 к нему.

[17] Достоевский имеет в виду следующее сообщение Майкова в письме от 19 января 1871 г.: «Адвокатура создала у нас особый тип, еще небывалый и стоящий изучения, похожий на докторов-шарлатанов. Все они имеют вид образованных людей, с особого рода либерализмом, но без особого эстетического образования, без высших политических и нравственных взглядов. Сухость и ирония. Да уж довольно сказать, что в университетах, на юридич‹еских› факультетах, нет кафедры словесности или эстетики, — и вот по нескольку сот юношей вылетают юридическими орлами, без всякого помысла, что есть литература, искусство. То же на естеств‹енном› факультете, — и вот Вам одна из причин, действующих каждый год в увеличивающейся прогрессии, для распространения величайшего духовного упадка и невежества» (стр. 84).

[18] Речь идет о событиях, связанных с франко-прусской войной и ростом немецкого милитаризма. Майков писал Достоевскому 19 января 1871 г.: «...действительно ли немцы все, и южные католики и восточные пруссы и всякий партикуляризм, соответствующий развитию личности, способен претворяться в прусскую бюрократию, централизацию и постоянное военное положение? Посмотрим. Но пока шар катится еще в одну сторону, следует ждать поглощения австрийских немецких земель; а засим что? Где другой встречный шар, с коим д‹олжно› б‹ыть› столкновение? В славянстве, и выкатится он из России? — Ух, темно и грозно грядущее!..» (стр. 85).

[19] Это предсказание Достоевского осуществилось лишь частично. 8 февраля 1871 г. во Франции были проведены выборы в Национальное собрание, ставшее, в силу оккупации почти трети французской территории, средоточием монархических сил. 17 февраля Собрание заменило временное правительство новым правительством во главе с Адольфом Тьером, который получил пост главы исполнительной власти Французской республики. 26 февраля в Версале состоялось подписание прелиминарного (предварительного) мирного договора на крайне тяжелых и унизительных для Франции условиях: она уступала Германии Эльзас и Лотарингию, обязывалась выплатить в течение трех лет контрибуцию в размере 5 миллиардов франков (первый взнос 1 миллиард франков требовалось внести в 1871 г.). Национальное собрание Франции утвердило этот мир 1 марта 1871 г. См.: В. И. Антюхина-Московченко. История Франции. 1870—1918. М., 1963, стр. 84—87, а также примеч. 7 к письму 412.

[20] Неточная цитата из Евангелия. В Евангелии: «Ибо все взявшие меч мечом погибнут» (Матф., гл. 26, стр. 52).

410. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 176)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.24.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 40.
Датируется 1871 г. А. Г. Достоевской, отмечавшей в приписке к своей копии письма: «Писано в 1871 г. в Дрездене» (там же).

[1] Речь идет о работе над романом «Бесы».

[2] В своем примечании к письму А. Г. Достоевская поясняла: «Господин N. N. — это будущий наш ребенок, родившийся 16 июля 1871 г., первый наш сын — Феодор» (*Д, Письма к жене*, стр. 316).

[3] В приписке к копии письма А. Г. Достоевская сообщала: «Федор Михайлович иногда оставлял записки ночью на столе, не желая будить домашних и имея необходимость что-либо им сообщить» (*Д, Письма к жене*, стр. 40).

411. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 177)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 38—39.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 302—305.
Страхов ответил 22 февраля 1871 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 269—270).

[1] В 1870 г. в журнале «Заря» (№№ 11, 12) была опубликована одна статья Н. Константинова (псевдоним К. Н. Леонтьева) — «Грамотность и народность».

[2] Достоевский имеет в виду следующее суждение из статьи Н. Константинова, задевшее его как одного из главных идеологов почвенничества и редактора журналов «Время» и «Эпоха»: «Слабый неуспех „Дня“, „Русской беседы“, „Времени“, „Эпохи“ и „Якоря“ сравнительно с другими более космополитическими изданиями доказал, между прочим, что даже и *теоретически* наше общество еще не доросло до руссизма, не говоря уже о практических его приемах. Надо, чтобы за народ умели взяться; надо, чтобы нам не испортили эту роскошную почву, прикасаясь к которой мы сами всякий раз чувствуем в себе новые силы» (*З*, 1870, № 12, стр. 292). В ответном письме Страхов писал по этому поводу: «О малом успехе „Времени“. Я это место выправлял; не понимаю, как я пропустил, не сделал оговорки. Вероятно, меня помирило то, что тут говорится разом о многих журналах» (стр. 270). Впоследствии К. Н. Леонтьев, отражая взгляды консервативно настроенных церковных кругов, выступил с резкой критикой романа «Братья Карамазовы» и пушкинской речи Достоевского за его отступления от ортодоксальной церковной догмы (см. об этом подробнее: наст. изд., т. XV, стр. 496—498; т. XXVI, стр. 483—485; т. XXVII, стр. 334). См. также П. Гайденко. Наперекор историческому процессу (Константин Леонтьев — литературный критик). — *ВЛ*, 1974, № 5, стр. 159—205; С. Г. Бочаров. «Эстетическое охранение» в литературной критике (Константин Леонтьев о русской литературе). — В кн.: Контекст. 1977. М., 1978, стр. 142—193.

[3] Имеется в виду отзыв о Достоевском главного героя романа Писемского «Люди сороковых годов» (ч. III, гл. XIV): «Талантлив, но скучен». Роман Писемского был опубликован в №№ 1—9 «Зари» за 1869 г.

[4] См. примеч. 6 к письму 372.

[5] Это заявление было сделано в объявлении редакции «Зари», напечатанном в газете «Голос» (см. примеч. 21 к письму 384).

[6] Ф. М. Достоевский, находясь под надзором полиции, не мог быть официальным редактором «Времени». В качестве редактора выступал его брат, издатель журнала М. М. Достоевский. Однако ведущее место в фактическом руководстве журнала принадлежало Ф. М. Достоевскому (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 204—209).

[7] Первым издателем «Современника» (с 1836 г.) был Пушкин, «Библиотеки для чтения» (с 1834 г.) — О. И. Сенковский. Тираж «Современника» в 1836 г. составил 2400 экз. (см.: Н. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 446). В конце 1830—начале 1840-х годов тираж «Библиотеки для чтения» был 7000 экз. (см.: Русская периодическая печать. 1702—1894. М., 1959, стр. 230—232).

[8] «Извращенным» фактом Достоевский называет утверждение Н. Константинова о «неуспехе» журнала «Время» (см. примеч. 2).

[9] Имеются в виду, помимо самого Страхова, А. Н. Майков, Н. Я. Данилевский, Я. П. Полонский, В. В. Крестовский, Д. В. Аверкиев.

[10] В разорении брата Михаила Михайловича обвиняли Достоевского безосновательно жена и дети покойного. М. М. Достоевский владел табачной фабрикой, которая к моменту издания журнала «Время» стала убыточным предприятием и поглощала много средств, получаемых от этого издания. Отвечая Достоевскому, Страхов писал: «Относительно Вас я не слыхал, однако же, того упрека, о котором Вы упоминаете, что Вы разорили, отвлекли от фабрики к журналу. Все, что я слышал, состояло в том, что для объяснения долгов Мих‹аила› Михайловича упоминали о времени Вашей ссылки, когда он, вероятно, немало помогал Вам и т. д. Словом, ничего дурного ни для Вас, ни для него» (стр. 270). См. также наст. изд., т. XXVIII$_1$, примеч. 32 к письму 89, примеч. 10 к письму 113; т. XXVIII$_2$, примеч. 28 к письму 357.

[11] Подразумевается следующее суждение из статьи К. Н. Леонтьева «Грамотность и народность»: «Но „Время“ хотя имело большой успех, только постепенно уясняло свою задачу и скоро погубило себя одной умно написанной, но бестактно напечатанной статьей» (*З*, 1870, № 11, отд. II, стр. 198). Леонтьев имел в виду статью Страхова «Роковой вопрос» (*Вр*, 1863, № 4), явившуюся причиной запрещения журнала «Время» (подробнее об этом см.: *Биография*, отд. I, стр. 247—256 и наст. изд., т. XX, стр. 97—101, 252—255, 316—318). См. также примеч. 13.

[12] См. наст. изд., т. XX, стр. 316—317.

[13] Подразумеваются М. Н. Катков и его сотрудник К. А. Петерсон, поместивший в № 109 «Московских ведомостей» за 1863 г. граничившую с полицейским доносом заметку «По поводу статьи „Роковой вопрос“ в журнале „Время“» (см. об этом: наст. изд., т. XX, стр. 316—317).

[14] См. примеч. 1.

[15] К. Н. Леонтьев писал в статье «Грамотность и народность»: «Никто не станет отрицать, что талант генерала, способ вооружения, усталость или свежесть и сытость грамотных или безграмотных солдат, позиция, наконец, самые ничтожные, случайные причины решают судьбу битв. Известно, что ‹...› под Ватерлоо растолстевший Наполеон оказался более нерешительным и медленным, чем сухой Блюхер» (*З*, 1870, № 12, отд. II, стр. 295). Замечание Достоевского обусловлено тем, что основную тяжесть изнурительного сражения с армией Наполеона под Ватерлоо (18 июня 1815 г.) вынесла на своих плечах английская армия под командованием Веллингтона. Союзническая немецкая армия под командованием Блюхера лишь способствовала разгрому армии Наполеона.

[16] Имеется в виду статья Страхова «Взгляд на нынешнюю литературу» (*З*, 1871, № 1, отд. II, стр. 1—32).

[17] В ответном письме Страхов сообщал: «Когда я объявил ‹...› что Вы не получили „Зари“, то мне сказали, что книжка давно отослана. Вероятно, соврали, потому что такого бешенства лжи, какое господствует в нашей редакции, я еще не видывал. Но, вероятно, Вам тотчас же отправят книжку» (стр. 269—270).

[18] Речь идет, по-видимому, об обещанной в «Зарю» повести (а не «статье») — см. письмо 414 и примеч. 9 к нему. Свидетельства о намерении Достоевского опубликовать в «Заре» статью неизвестны.

[19] См. примеч. 6 к письму 372.

[20] В 1871 г. Достоевский не печатался в «Заре». Объявление же, кото-

рос он имеет в виду, гласило: «„Заря“ в 1871 году будет выходить ежемесячно книжками до 30 печатных листов и более.

В ближайших книжках будут напечатаны в „Заре“: „Социалисты“, поэма Б. Н. Алмазова. — Две повести А. Ф. Писемского. — Повесть Ф. М. Достоевского. — Рассказы В. В. Крестовского. — „Неслужащий дворянин“, роман В. Д. Лермонтова. — Повесть А. Кобяковой: „Четверги у Греча“. — Ученые статьи В. И. Ламанского, Н. Я. Данилевского, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.» (*Г*, 1871, 2 (14) февраля, № 33).

[21] Денежные расчеты Тургенева с Катковым за публикацию «Отцов и детей» отражены в письмах Тургенева Каткову от 15 (27) февраля и 23 марта (4 апреля) 1862 г. Из них очевидно, что осложнений при расчетах не было. За каждый лист публикации Тургенев получил по 400 руб. (см.: *Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 342, 365).

412. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 181)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 122—123.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 248—249.

Майков ответил 13 марта 1871 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 85—87).

[1] Речь идет о получении денег с Ф. Т. Стелловского за издание романа «Преступление и наказание» в 1870 г. и нежелании брать вперед гонорар за публикацию последующих глав романа «Бесы» (см. примеч. 1 к письму 413 и письма 402, 403, 406, 408, 409 и примеч. к ним).

[2] Письма Достоевского в редакцию «Русского вестника» (или М. Н. Каткову) за 1871 г. неизвестны (см.: *Список*, №№ 268, 271, 273, 276).

[3] См. письмо 409.

[4] Очевидно, имеются в виду журналы «Русский вестник» и «Заря».

[5] Речь идет о журналах демократического («Отечественные записки», «Дело») и либерального («Вестник Европы») направления. Об «исторически-мировом значении ассоциаций» в жизни «европейского пролетариата» писал Н. В. Шелгунов в статье «Противоположные стороны земства» (*Д*, 1871, № 1). Имя Ф. Лассаля неоднократно упоминалось в объявлениях газеты «Голос» о выходе в свет первого тома его сочинений и сообщениях о цензурных преследованиях второго тома (см., например: *Г*, 1871, 28 января, № 28). В библиотеке Достоевского имелся первый том «Сочинений» Лассаля. См.: *Библиотека*, стр. 147.

[6] Достоевский иронизирует по поводу деятельности русского суда, реформированного по либеральному образцу в 1864 г. Он имеет в виду освещавшийся в «Голосе» (1871, 3—25 февраля, №№ 34—56) судебный процесс над В. П. Дмитриевой и ее любовником Коструб-Карицким, обвинявшимися в крупной краже и умерщвлении ребенка. Несмотря на очевидность преступления, подсудимые, благодаря профессиональной ловкости защищавших их адвокатов, были оправданы. Несостоятельность русского пореформенного буржуазного суда была позднее показана Достоевским в «Дневнике писателя» 1876 и 1877 гг. и романе «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 5—20 и 355—362; т. XXV, стр. 119—121, 176—193 и 408—410, 431. См. также: Т. С. Карлова. Достоевский и русский суд. Казань, 1975; В. А. Твардовская. Идеология пореформенного самодержавия. (М. Н. Катков и его издания). М., 1978, стр. 141—148).

[7] О подписании прелиминарного (предварительного) мирного договора между Францией и Германией 26 февраля и утверждении этого договора Национальным собранием Франции 1 марта 1871 г. см. примеч. 10 к письму 409. Окончательный мирный договор был подписан 10 мая 1871 г.; помощь Пруссии в подавлении Парижской коммуны французской буржуазии пришлось оплатить новыми уступками: сокращались сроки выплаты контрибуции; Франция должна была предоставить Германии режим

наибольшего благоприятствования в торговле и судоходстве и т. д. (см.: В. И. Антюхина-Московченко. История Франции. 1870—1918. М., 1963, стр. 128—129).

[8] Заключение правительством Тьера прелиминарного мира с Германией и предстоящее вступление в Париж немецких войск усилило волнение среди национальной гвардии, куда входили почти все парижские рабочие и ремесленники. После ратификации прелиминарного мира и провала попытки разоружить национальную гвардию с помощью прусских войск правительство Тьера начало собирать силы против Парижа. В ответ на действия правительства, фактически начавшего гражданскую войну, 18 марта 1871 г. в Париже началось восстание. Победа этого восстания положила начало Парижской коммуне (см.: Парижская коммуна. М., 1961, т. 1).

[9] См. примеч. 19 к письму 409.

[10] Имеется в виду статья Н. Я. Данилевского «Россия и франко-германская война» (*З*, 1871, № 1), в которой высказывалась мысль о том, что после военных потрясений 1870—1871 гг. Франция предаст забвению былые военно-политические столкновения с Россией и будет искать в ней союзника в борьбе с экспансией чрезвычайно усилившейся объединенной Германии.

[11] Имеется в виду письмо Н. И. Соловьева от 17 февраля 1871 г. Соловьев писал: «В Москве в нынешнем году основался и начал уже выходить новый журнал „Беседа". Материальные средства издания принадлежат А. И. Кошелеву. Редактором назначен Юрьев (известен математическими сочинениями, человек с разносторонним образованием). Помощником ему служит Майков (бывший профессор-словесник). Много молодых ученых и профессоров здешнего университета тоже примкнули.

Ощущается только недостаток в беллетристике, так как Писемский, которого они купили, кажется, не вывезет. Редакция поручила мне, как Вашему бывшему сотруднику и их теперешнему, обратиться к Вам с покорнейшею просьбою поддержать возникающий журнал своим содействием. Быть может, у Вас еще осталось что от тех художественных работ, которыми Вы дарили русскую публику, а может, и еще думаете что начать по окончании Вашего превосходного романа „Бесы". Все будет принято с величайшим удовольствием и благодарностию. Что касается до направления „Беседы", то она, сколько могу теперь судить, есть как бы возобновление или продолжение того, что проводилось у Вас когда-то во „Времени" и „Эпохе". Впрочем, сами увидите, так как в редакции уже сделано распоряжение о высылке Вам экземпляра журнала» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.125; в сокращении и с незначительной неточностью опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 501). См. также письмо 434 и примеч. к нему.

[12] В письме к Майкову от 2 (14) марта 1871 г. (см. письмо 413) Достоевский упоминает следующее суждение его о «Беседе», высказанное, по-видимому, в неизвестном письме Майкова Достоевскому: «Эстетического отдела нет вовсе, это правда Ваша».

413. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 182)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 124—125.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 249—253.

Майков ответил 13 марта 1871 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 85—87).

[1] Речь идет о взыскании со Стелловского гонорара за издание «Преступления и наказания» (см. письма 402, 403, 406, 409 и примеч. к ним). Майков сообщал Достоевскому в ответном письме: «...войду в сношение с Арсеньевым. Он по литературным делам уже имеет несколько процессов; к Спасовичу же пока что не лежит сердце; по получении от Вас ответа окончательно с ним соглашусь ‹?›» (стр. 85). Вместе с тем Майков

по существу не одобрял намерения Достоевского начать судебный процесс против Стелловского. Об этом свидетельствуют следующие строки из его письма: «Очень чувствую, что, может быть, я не вполне оправдываю Вашу доверенность, любезнейший Федор Михайлович, но извините меня моею неопытностью и страхом Вам нагадить. Дело же ясно — что у Стел‹овского› нет денег, он бы тотчас заплатил, в этом, кажется, не может быть сомнения» (там же).

[2] См. письмо 403, примеч. 8.

[3] Противоречивость Достоевского в отношении 13-го пункта контракта обусловила следующее замечание Майкова в ответном письме, настаивавшего на бо́льшей определенности: «Но вот еще вопрос: адвокату взыскивать ли *неустойку*? или только *долг*? Об этом выразитесь мне точно, да и вообще напишите о деле письмо такое, чтобы я мог показать, да и передать как выражение Вашей воли адвокату» (стр. 85).

[4] Хотя Майков действовал в полном соответствии с этими инструкциями Достоевского, желаемого результата он не добился. 13 марта 1871 г. он сообщал Достоевскому: «Прошли три дня, является делец Стелловского с ответом, что денег нет, напрасно я не хочу взять вексель ‹...› что во всяком случае прежде месяца не будет у Стелловского денег; что если заводить дело, то еще больше времени пройдет и пр. ‹...› Так как теперь все-таки уже затягивается дело и на скорое получение денег нет (у меня) надежды, то я и решился еще Вас уведомить обо всем этом, а может быть, и Стелл‹овский› напишет, и Вы что-нибудь велите делать пока...» (стр. 85). Записка Майкова Стелловскому неизвестна.

[5] Речь идет о чиновнике Цветухине, нанятом Майковым в качестве «ходока» к Стелловскому (см. примеч. 10 к письму 409). С апреля 1871 г. посредником между Майковым и Стелловским стал В. И. Губин (см. письма 424, 427 и примеч. к ним).

[6] О начале романа «Бесы» Майков, в переписке с Достоевским, отзывался дважды. Хотя письмо его с первым, наиболее значительным, отзывом неизвестно, существо отзыва очевидно из данного письма Достоевского (см. также примеч. 7).

[7] В ответном письме Майков сообщал о впечатлении, произведенном на него новыми главами «Бесов»: «Прочел и вторую часть. Может быть, потому, что я предупрежден, а мне действительно видно, что на лицах, уже выведенных, *отражается* только как рефлект чего-то такого, что уж происходит, началось и явится позже. Тем не менее вторая часть (то есть в книжке «Р‹усского› в‹естника›») сама по себе очень интересна; обрисовалось лицо Шатова̀ очень хорошо, господина с короткими фразами, не говоря уже о старых знакомых; заинтересовала Лизавета Ник‹олаевна›, но главную прелесть этого отрывка составляет сестра Липутина (Лебядкина. — *Ред.*), сумасшедшая — оригинальное и любопытное явление. Сам Липутин (Лебядкин. — *Ред.*) пока не ясен — пьяница, забулдыга и *сплетник*. Не знаю, сплетничество и, так сказать, шпионство в городе вяжется ли с его постоянно пьяным состоянием; но все это должно разъясниться. Вообще надо поздравить Вас с этим романом судя по началу; дает ожидать многое» (стр. 85—86).

[8] В окончательном тексте «Бесов» — три части. «Бенефис» — выступление Степана Трофимовича на «литературном утре» (ч. 3, гл. 1—2 — «Праздник», «После праздника»), оказавшее влияние на его последующую судьбу (уход из дома, встреча с книгоношей, нравственное прозрение и обновление незадолго до смерти). Главный признак духовного перерождения Степана Трофимовича — осознание им разрыва интеллигенции (не только «детей», но и «отцов») с народной правдой.

[9] Речь идет, в частности, об отзывах И. И. Соловьева в письме Достоевскому от 17 февраля 1871 г. (см. примеч. 11 к письму 412) и Н. Н. Страхова в письме Достоевскому от 22 февраля 1871 г. Последний писал: «Роман Ваш читается с жадностию; успех уже есть, хотя не из самых больших. Следующие части, вероятно, подымут и до самого большего. Степан Трофимыч — прелесть. Я нахожу, что тон рассказа не везде

выдерживается; но первые страницы, где взят этот тон, — очарование» (*Шестидесятые годы*, стр. 270—271). Возможно, имеется в виду и отзыв С. А. Юрьева в неизвестном письме Достоевскому (см. примеч. 11 к письму 412).

[10] В связи с этой восторженной оценкой Достоевским отзыва из неизвестного письма к нему Майкова последний писал ему 13 марта 1871 г.: «Возвращаю Вам по принадлежности название *гениальное* замечание о Троф‹име› Степановиче (Степане Трофимовиче. — *Ред.*): гениально его создание, а я только, как мальчик в сказке Андерсена (помните: двое мошенников взялись сшить королю платье, которого только дурак не увидит, и ничего не сшили, и король вышел голый и ходил так три дня; и только мальчик воскликнул: да король-то голый!), — назвал его своим именем» (стр. 85).

[11] См. письмо 369, примеч. 12.

[12] Имеется в виду отзыв о Страхове в неизвестном письме Майкова Достоевскому.

[13] Сходные по направлению «Заря» и «Беседа» не успели «повредить» друг другу, так как просуществовали недолго — до 1872 г.

414. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 185)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 40—41.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 305—308.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 22 февраля 1871 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 269—271).

Страхов ответил 12 апреля 1871 г. (там же, стр. 271—272).

[1] В письме от 22 февраля 1871 г. Страхов сообщал Достоевскому о внутриредакционных разногласиях в «Заре» и об отношении к журналу читателей: «...представьте, что в „Заре“ у меня отняли занятия по редакции, отняли жалование, и мало того — находят, что я слишком много беру (75 руб. за лист) и слишком много пишу. Поэтому намерены помещать меня через книжку, а может быть, и совсем прогонят. В настоящую минуту мне почти формально объявлено, что в марте и в апреле мне нет места». И далее: «...публика очевидно не сочувствует „Заре“; журнал сразу попал в дурную славу, сразу стал непопулярным, претящим общему вкусу ‹...› в „Заре“ все соединилось для неудачи, а в том числе, пожалуй, и я. Знаете ли, что за мной прочно утвердилась слава писателя туманного, непонятного, неудобочитаемого? Даже люди, расположенные ко мне, спрашивали иногда меня: зачем, для кого я пишу свои статьи?» (стр. 270).

[2] См. письмо 401 и примеч. 25, 26 к нему.

[3] См. письмо 401 и примеч. 27 к нему.

[4] См. примеч. 1.

[5] 22 февраля 1870 г. Страхов писал Достоевскому: «Все чаще и чаще мне приходит на мысль — писать воспоминания, хотя бы для того, чтобы спасти честь (или способствовать спасению) таких людей, как Вы, Ап. Григорьев, Эдельсон и проч. Люди благороднейшие, рыцарски-честные иногда подвергаются в нашей поганой литературе упрекам в каком-то искании выгод, в неискренности, в подлости. Составились предрассудки, укоренилась ложь, а мы бессильны и ничего не делаем» (стр. 270). Очевидно, эти воспоминания по своему замыслу были похожи на воспоминания о Достоевском и его окружении в 60—70-е гг., опубликованные Страховым в 1883 г. (см.: *Биография*, отд. I, стр. 179—332).

[6] См. примеч. 5.

[7] В статье «Вздох на гробе Карамзина» (*З*, 1870, № 10) Страхов вспоминал: «О моя семинария! Когда-нибудь я напишу о тебе „особую поэму“, разумеется, в прозе, но — никогда я не помяну тебя лихом. Ты запечатлелась в моем воображении картиною светлою, идиллическою. Про-

стите <...> если я невольно отдаюсь этим сладким воспоминаниям. Семинария наша помещалась в огромном, но заглохшем и обвалившемся монастыре, в котором не насчитывалось уже и десятка монахов. Монастырь был старинный, XV века; в защиту от татар и других диких племен он окружен был крепостною стеною, на которую можно было всходить; в верхней части ее были амбразуры для пушек и пищалей, по углам башни, под башнями подземные ходы... Мы жили, так сказать, постоянно и со всех сторон окруженные историею. В эту обширную и пустынную развалину каждое утро сходилось из города множество мальчиков и юношей <...> живо помню вас, мои бедные товарищи!..» (отд. II, стр. 208—209). См. также письмо 401 и примеч. 25, 26 к нему.

[8] См. письмо 412 и примеч. 12 к нему. Достоевский не смог сотрудничать в «Беседе» по недостатку времени.

[9] Это намерение Достоевского не осуществилось.

[10] Об эволюции отношения Достоевского к Страхову см. примеч. 10 к письму 363.

[11] См. примеч. 9 к письму 413.

[12] Роман «Бесы» был закончен в ноябре 1872 г.

[13] Речь идет о письме Страхову от 10 (22) февраля 1871 г. (письмо 411), в котором Достоевский возмущался напечатанной в «Заре» статьей Н. Константинова (К. Н. Леонтьева) «Грамотность и народность» (*З*, 1870, №№ 11, 12), содержавшей ошибочные сведения о тираже журнала «Время» и «бестактном» напечатании статьи «Роковой вопрос» (см. примеч. 8, 13 к письму 411). В письме от 22 февраля 1871 г. Страхов сообщал Достоевскому: «...3) О «Роковом вопросе». Вы правы в Вашем толковании, но оно <не совсем> слишком точно, и я не догадался об этом смысле слов Константинова. Божусь Вам, упреки в бестактности я принял на себя, так как статью свою я все-таки считаю не глупою, но бестактно написанною и не вовремя напечатанною» (стр. 270). См. также примеч. к письму 411.

[14] В письме от 12 апреля 1871 г. Страхов сообщал: «Нынешнее лето я думаю провести в Киеве. Так случилось, что там будут у меня и знакомые и даже родные. Но до июня, конечно, останусь в Петербурге <...> Надеюсь с Вами увидеться еще весною» (стр. 271).

[15] См. письмо 369, примеч. 12.

[16] Сын Достоевских Федор родился 16 июля 1871 г.

415. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 188)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, л. 126.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 253.

Ответ на письмо А. Н. Майкова от 13 марта 1871 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 85—87).

[1] В письме Майкову от 2 (14) марта 1871 г. (см. письмо 413) Достоевский просил Майкова передоверить «дело» со Стелловским известному адвокату и начать иск судом.

[2] Дисконт (англ. discount) — учет векселей банками или частными лицами с вычетом процентов за истекшее до срока время. По словам Майкова в письме Достоевскому от 13 марта 1871 г., Стелловский еще «прежде», т. е. в начале переговоров по поводу расчетов за «Преступление и наказание», соглашался «выдать <...> три векселя на три срока, предлагая их дисконтировать». Не зная, что такое «дисконт», Майков почувствовал опасность «потерь» и попросил П. А. Исаева собрать сведения о том, «принимают ли вексель Стелловского и с какой потерей» (стр. 85).

[3] В письме Достоевскому от 13 марта 1871 г. Майков положительно отзывался о «Бесах» и высказал ряд замечаний о романах Писемского («В водовороте») и А. Ф. Вельтмана («Последний в роде и безродный», — этот роман был прислан в «Зарю», но остался неопубликованным). В этом же письме Майков останавливался на проблемах, связанных с рус-

ской историей и событиями на Западе (франко-прусская война, Парижская коммуна). См. также примеч. 7 и 10 к письму 413.

[4] Продолжение романа «Бесы» появилось в апрельском номере «Русского вестника».

[5] Имеется в виду дочь Достоевских Люба.

[6] Возможно, речь идет об «особом листике», который в письме от 13 марта 1871 г. просил прислать Майков: «... напишите о деле письмо <...> Мне же при этом письме можете приложить особый листик» (стр. 85). Этим «особым листиком» является, по-видимому, второе, более официальное письмо Достоевского Майкову от 19 (31) марта 1871 г. (см. письмо 416).

416. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 189)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 127—128.

Впервые опубликовано: Биография, отд. II, стр. 254—255.

Ответ на письмо Майкова от 13 марта 1871 г. (*А. Н. Майков, Письма к Достоевскому*, стр. 85—87).

[1] См. письмо 413.

[2] См. письмо 409 и примеч. 2 к нему.

[3] См. письмо 413 и примеч. 1 к нему.

[4] См. письмо 402 и примеч. 6 к нему.

[5] О покупке Стелловским за двадцать пять руб. сочинений М. И. Глинки у его сестры Л. И. Шестаковой см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 58, 415.

[6] См. письмо 413 и примеч. 1 к нему.

[7] Речь идет о романе «Игрок». Слова «написал для них» означают, что Достоевский написал роман «Игрок» безвозмездно, как бы в дар Стелловскому и подосланным им кредиторам.

417. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 191)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 339—342.

[1] Имеется в виду письмо к Ивановой от 6 (18) января 1871 г. (см. письмо 404).

[2] См. письмо 369, примеч. 12.

[3] Ответное письмо Ивановой неизвестно. Несколько позднее, 21 июля 1871 г., она писала Достоевскому: «Я совсем было собралась в Даровое, пользуясь перерывами в работе, но не желая упускать случая повидаться с Вами, отлагаю поездку <...> Адрес мой: Москва, Петровское-Разумовское, дом дьячка» (*ИРЛИ*, № 29727).

[4] Высылая Достоевскому часть гонорара за роман «Бесы», редакция «Русского вестника» сообщала ему 10 марта 1871 г.: «Относительно же другой тысячи рублей, о которой Вы упоминаете в Вашем письме, редакция считает своим долгом предуведомить Вас, что по теперешним соображениям она, к своему сожалению, едва ли будет иметь возможность выслать их Вам в мае, а рассчитывает скорее доставить их Вам в июне» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20). А. Г. Достоевская вспоминала: «В последних числах июня 1871 года были получены из редакции „Русского вестника“ следуемые за роман деньги, и мы, не теряя ни одного дня, принялись за окончание наших дрезденских дел...» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 198).

[5] См. примеч. 16 к письму 414.

[6] Речь идет о купеческой дочери Ольге Кирилловне, ставшей вскоре женой И. Г. Сниткина.

[7] Этот дом вместе с другим домом, предназначенным в наследство А. Г. Достоевской, достался мошеннику-управляющему (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 215—216). Кроме этих двух домов мать Анны Григорьевны потеряла еще один дом, «два больших флигеля и громадный участок земли» (там же, стр. 216). Процесс, — очевидно, по поводу неуплаты матерью Анны Григорьевны «казенных налогов» и по поводу перехода ее недвижимого имущества в собственность мошенника-управляющего, — не состоялся (см. там же, стр. 215—216).

[8] Речь идет о Е. П. Ивановой. Она ссудила И. Г. Сниткину необходимую сумму (см. письмо 429 и примеч. 3 к нему).

[9] См. примеч. 7.

[10] Под поручительство Достоевского его брат Михаил Михайлович в 1864 г. взял в долг крупную сумму у А. П. Иванова. В письме к С. А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г. (см. письмо 379) Достоевский обещал вернуть эту сумму осиротевшему семейству А. П. Иванова. См. также наст. изд., т. XXVIII_2, письма 231, 233.

418. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 194)

Печатается по подлиннику: ***ИРЛИ***, ф. 168, № 16640, лл. 129—130.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 255—256.

Ответ на телеграмму А. Н. Майкова от 1 апреля 1871 г. (***ГБЛ***, ф. 93, II.6.44).

Майков ответил 4 апреля 1871 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 353—354).

[1] В телеграмме сообщалось: «Demandez vite au Fond littéraire 100 roubles pour retourner en Stellowsky procès» ‹«Срочно просите у Литературного фонда 100 рублей, чтобы вернуть их после процесса со Стелловским» (*франц.*)›. Дрезденский телеграф «переврал» эту телеграмму (см. примеч. 2).

[2] В ответном письме Майков рассказывал: «Эдакое несчастие, что все-то не так выходит, как я предположу. Озаботился я Вами на основании Ваших писем, в коих Вы писали, что весной вернетесь сюда, и полагал, что рассчитываете на деньги, которые получите со Стелловского, то есть на эти деньги выедете, проедите и приедете. Но, видя, что со Стелловского я скоро не получу, я отправился к Арсеньеву, как члену Фонда и адвокату, предъявил ему доверенность и копию с контракта с предложением, так как получение бесспорное, выдать Вам из Фонда под этот иск рублей 500. Через три или четыре дня был опять у него, как он назначил ‹...› и получил ответ, что под иск и вообще под залог Фонд давать не вправе, а может дать взаймы с поручительством и обязательством, что *к 31 декабря* заем должен был уплачен, я и придумал, чтобы Вы взяли взаем 400 рублей, я бы поручился, подал бы на Стелловского, а из вытребованных от него денег заплатил бы Фонду и переслал бы Вам остальные, или бы все это Вы сделали сами, так как полагал, на основании Ваших писем, что Вы будете здесь. Чтобы не терять времени, я послал Вам телеграмму, чтобы Вы просили у Фонда 400 р‹уб.› (а не 100. как Вы пишете и как, вероятно, переврал телеграф). Поймите, что я, главное, задался мыслью, что весной Вы хотите приехать сюда и что препятствие только мое неполучение со Стелловского! Вот из чего вся история» (стр. 353—354).

[3] См. примеч. 16 к письму 414.

[4] См. примеч. 4 к письму 417.

[5] О процессе, затеваемом Стелловским, в ответном письме Майкова не упоминается.

[6] Литературный фонд соглашался выдать Достоевскому даже не 100, а 400 руб. (см. примеч. 2).

[7] В 1865 г. П. Л. Лавров, будучи членом ревизионной комиссии Литературного фонда, подал особое мнение относительно неправильности действий комитета Литературного фонда: Достоевскому, который сам был

членом комитета, в короткое время были выданы две ссуды по 1500 руб. Деньги были необходимы Достоевскому для расплаты с долгами после закрытия журнала «Эпоха» (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 255 и примеч. к нему).

[8] В это время ряд членов комитета Литературного фонда были сотрудниками журналов «Отечественные записки», «Дело» и «Вестник Европы» — изданий, которые Достоевский считал рассадниками нигилизма и либерализма (см. также: XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, стр. 198—199).

419. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 195)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 133—134.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 256—257.

[1] См. письмо 418 и примеч. 1, 2 к нему.

[2] Достоевскому показалось, что телеграмму прислал ему не Майков, а кто-нибудь из его недоброжелателей, вознамерившись зло подшутить над ним.

[3] Имеется в виду письмо Достоевского Майкову от 1 (13) апреля 1871 г. (см. письмо 418).

[4] Майков ответил немедленно по получении письма Достоевского — 4 апреля (см. примеч. 2 к письму 418).

[5] В известных письмах Майкова Достоевскому за 1871 г. «летний», т. е. дачный, адрес поэта не упоминается.

420. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 196)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 345.

[1] Имеется в виду письмо Ивановой от 6 (18) января 1871 г. (см. письмо 404). Достоевский неточен: 29 марта (10 апреля) 1870 г. им было отправлено еще одно письмо к Ивановой (см. письмо 417).

[2] В редакции «Русского вестника» Иванову хорошо знали, так как она делала для этого журнала переводы с английского (см. письмо 360 и примеч. 16 к нему и письмо 363 и примеч. 25 к нему).

[3] Летом 1871 г. Достоевский вполне мог увидеться с С. А. Ивановой, поскольку ездил в Москву для делового свидания с Катковым (по поводу романа «Бесы» и за частью гонорара за этот роман).

[4] См. примеч. 4 к письму 417.

[5] См. письмо 404 и примеч. 6 к нему.

[6] См. примеч. 28 к письму 384.

421. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 196)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.24.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 40—44.
Датируется апрелем 1871 г. по содержанию (ср. письмо 422, написанное на следующий день).

[1] А. Г. Достоевская вспоминала о поездке мужа в Висбаден в апреле 1871 г.: «Федор Михайлович так часто говорил о несомненной „гибели“ своего таланта, так мучился мыслью, чем он прокормит свою все увеличивающуюся и столь дорогую для него семью, что я иногда приходила в отчаяние, слушая его. Чтобы успокоить его тревожное настроение и отогнать мрачные мысли, мешавшие ему сосредоточиться на своей работе,

я прибегла к тому средству, которое всегда рассеивало и развлекало его. Воспользовавшись тем, что у нас имелась некоторая сумма денег (талеров триста), я завела как-то речь о рулетке, о том, отчего бы ему еще раз не попытать счастья ‹...› Конечно, я ни минуты не рассчитывала на выигрыш, и мне очень жаль было ста талеров, которыми приходилось пожертвовать, но я знала из опыта прежних его поездок на рулетку, что. испытав новые бурные впечатления, удовлетворив свою потребность к риску, к игре, Федор Михайлович вернется успокоенным ‹...› Моя идея о рулетке была слишком по душе мужу, и он не стал от нее отказываться. Взяв с собою сто двадцать талеров и условившись, что, в случае проигрыша, я пришлю ему на выезд, он уехал в Висбаден, где и пробыл неделю. Как я и предполагала, игра на рулетке имела плачевный результат и вместе с поездкою Федор Михайлович издержал сто восемьдесят талеров — сумму, для нас тогда очень значительную» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 196—197).

[2] Это письмо А. Г. Достоевской, одновременно с которым она выслала мужу 30 талеров на обратный путь, неизвестно.

[3] В своем примечании к письму А. Г. Достоевская поясняла: «„Schreiben Sie mir“ — в телеграмме были условные слова между мною и Ф‹едором› М‹ихайловичем›, которые обозначали, что Ф‹едор› М‹ихайлович› проиграл и что я должна перевести ему деньги. Сумма была заранее обусловлена. Ф‹едор› М‹ихайлович› чрезвычайно уважал и любил мою мать. Предвидя ее неодобрение по поводу игры на рулетке при тех обстоятельствах, в которых мы находились, Ф‹едор› М‹ихайлович› сказал ей, что поедет во Франкфурт по одному литературному делу. Возможно, что моя мать догадалась о цели его поездки, но сделала вид, что верит его словам» (*Д, Письма к жене*, стр. 316).

[4] Это письмо Достоевского жене неизвестно (см.: *Список*, № 272).

[5] В своем примечании к письму А. Г. Достоевская отмечала: «Ф‹едор› Михайлович придавал значение снам. Очень тревожился он, когда видел во сне брата Мишу и в особенности своего отца. Сновидение предвещало горе или беду, и я была несколько раз свидетельницею тому, что вскоре (дня 2—3 спустя) после подобного сновидения наступала чья-либо болезнь или смерть в нашей семье, доселе здоровой, тяжелый припадок с Ф‹едором› М‹ихайловичем› или какая-нибудь материальная беда. К счастью, на этот раз ничего с нами не случилось» (*Д, Письма к жене*, стр. 316; ср. также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 75).

[6] Игрок, поставивший на «ноль» («zéro»), получал в случае выигрыша сумму, равную 36 ставкам (см. наст. изд., т. V, стр. 263).

[7] Достоевские жили за границей с апреля 1867 г. А. Г. Достоевская вспоминала: «Заграница мне представлялась тюрьмой, в которую я попала и из которой никогда не смогу вырваться ‹...› Я говорила себе, что готова на все невзгоды, на бедность, на нищету даже, но лишь бы жить на столь для меня дорогой родине, которою я всегда гордилась. Вспоминая мое тогдашнее настроение, скажу, что оно подчас было невыносимо тяжелое и что злейшему моему врагу не могла бы его пожелать» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 194).

[8] В своих воспоминаниях А. Г. Достоевская отмечала: «Конечно, я не могла сразу поверить такому громадному счастью, как охлаждение Федора Михайловича к игре на рулетке. Ведь он много раз обещал мне не играть и не в силах был исполнить своего слова. Однако счастье это осуществилось, и это был действительно *последний* раз, когда он играл на рулетке ‹...› Казалось, эта „фантазия“ Федора Михайловича выиграть на рулетке была каким-то наваждением или болезнию, от которой он внезапно и навсегда исцелился» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 197).

[9] Возможно, Достоевский предполагал, что в Висбадене находится его знакомый И. Л. Янышев, бывший священником местной православной церкви (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письма 269 и 276 и примеч. к ним). Однако протоиерей И. Л. Янышев с 1869 г. занимал пост ректора Петербургской духовной академии и получил увольнение в годичный отпуск

только в ноябре 1871 г. (см.: И. Чистович. С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858—1888 гг.). СПб., 1889, стр. 120, 122).

[10] Имеется в виду взыскание со Стелловского гонорара за издание «Преступления и наказания» (см. письма 402, 403, 406, 409, 413, 415 и примеч. к ним).

422. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 200)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ЦГАЛИ*, ф. 202. I.152, 153, 154. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 44—46.

[1] См. письмо 421.

[2] См. письмо 421 и примеч. 9 к нему.

[3] Имеются в виду деньги, которые Достоевский должен был получить за печатавшийся в «Русском вестнике» роман «Бесы» (ср. письма 417, 418, 420), а также гонорар, который он рассчитывал получить со Стелловского за издание «Преступления и наказания» (см. письмо 421 и примеч. 10 к нему).

[4] По свидетельству А. Г. Достоевской, деньги из редакции «Русского вестника» были получены «в последних числах июня» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 198).

[5] См. письмо 424.

[6] В своем примечании к письму А. Г. Достоевская поясняла: «Иван Григорьевич — мой брат, у которого Ф‹едор› М‹ихайлович› предполагал взять взаймы 4000 руб. Эти деньги достались Ив‹ану› Гр‹игорьевичу› после отца, и он давно предлагал их Ф‹едору› М‹ихайловичу›, но до совершеннолетия сам не мог их получать. Но в этом же году, осенью, Иван Григорьевич увез из Дрездена свою будущую жену Ольгу Кирилловну в Вену и тайком обвенчался с нею у греческого митрополита. Увоз и тайное венчание стоили громадных денег, так что он мог ссудить нас лишь небольшою суммою. Чтобы рассеять опасенья матери своей будущей жены, И‹ван› Г‹ригорьевич› решился уехать на 2—3 мес‹яца› в Россию и хотел поселиться в Царск‹ом› Селе у товарища» (*Д, Письма к жене*, стр. 317). Ср. также письмо 417.

[7] Это письмо Достоевского Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 273).

[8] См. примеч. 16 к письму 414.

[9] Вторым (т. е. первым отдельным) изданием «Бесы» вышли в 1873 г. тиражом в 3500 экземпляров (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*. стр. 244—251).

423. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 202)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.24 (обозначение года сделано А. Г. Достоевской).

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 46—48.

Датируется 1871 г. по содержанию и связи с письмами 421, 422.

[1] См. примеч. 4.

[2] Имеется в виду состояние Достоевского, проигравшего на рулетке все свои деньги (см. письмо 421).

[3] Т. е. в игорную залу.

[4] Это письмо А. Г. Достоевской неизвестно.

[5] Достоевский благодарит жену за безотлагательную высылку денег.

[6] См. примеч. 1 к письму 421.

[7] Достоевский вернулся в Дрезден во вторник 20 апреля (2 мая) 1871 г. «бодрый, успокоившийся и тотчас принялся за продолжение романа „Бесы“» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 197).

424. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 204)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, лл. 135—136.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 257—259.
Ответ на письмо Майкова от 4 апреля 1871 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 353—354).

[1] См. письмо 418 и примеч. 1 и 2 к нему.
[2] См. примеч. 1.
[3] В письме Достоевскому от 4 апреля 1871 г. Майков сообщал о своих переговорах с адвокатом К. К. Арсеньевым как членом Литературного фонда (подробнее см. об этом в примеч. 2 к письму 418).
[4] См. примеч. 4 к письму 417.
[5] Это письмо Достоевского Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 273).
[6] О передаче посреднических полномочий между Достоевским и Стелловским В. И. Губину Майков писал Достоевскому 4 апреля 1871 г.: «...это дело почти согласился устроить так, чтобы передать его Губину. знакомому адвокату, который работает у большого в этом мире адвоката, Потехина, и который за 10% предлагает свои услуги и не требует денег на издержки» (стр. 354). См. также примеч. 7; письмо 427 и примеч. к нему.
[7] В письме Достоевскому от 4 апреля 1871 г. Майков сообщал о твердом намерении своем и Губина добиваться от Стелловского выплаты неустойки: «Его, — писал Майков о Губине, — пуще всего разбирает взыскивать со Стелловского неустойку, и спасибо ему, что он укрепил меня в том, чтобы не брать со Стелловского векселя; он толковал мне, что через это вышла бы какая-то потеря ‹...› Завтра же передоверю Губину (если он вернулся из Москвы, куда уехал на Святую), и он начнет с того, что, во-1-х, потребует со Стелловского уплаты, и если оной не последует, будет взыскивать неустойку» (стр. 354). Соглашение с Губиным состоялось, и Достоевский вскоре вступил с ним в переписку (см. письмо 427).
[8] Однако по прошествии почти двух лет со дня смерти брата писателя Демис (или Дамис)) все-таки потребовал уплаты — как полагал Достоевский, по наущению или под нажимом Стелловского (см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 276).
[9] О приобретении Стелловским у вдовы композитора А. Н. Серова права собственности на его музыкальные сочинения Достоевский узнал из газеты «Голос». 19 (31) марта 1871 г. в № 78 «Голоса» было опубликовано следующее «Предостережение» Стелловского: «Музыкальные сочинения недавно умершего русского композитора А. Н. Серова: 1) „Вражья сила"... 2) „Юдифь"..., 3) „Рогнеда"..., 4) „От села до села"..., 5) „Гопак"..., 6) „Гречаники"..., купленные мною по натуральным актам и составляющие ‹...› исключительную мою собственность, как в России, так и за границей, я, на основании 290-й статьи Цензурного устава ‹...› публично заявляю о моих правах собственности ‹...› и предупреждаю, что всякая переделка, аранжировка и печатание либретто опер и музыки А. Н. Серова, а также перепечатка этих сочинений ‹...› будут мною преследоваться на основании ‹...› статей Цензурного устава. Ф. Стелловский».
[10] Ср. письмо 419 и примеч. 5 к нему.
[11] См. примеч. 28 к письму 384.
[12] Следующее известное письмо Майкова Достоевскому датировано 30 августа 1871 г.

425. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 206)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 42—43.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 308—311.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 12 апреля 1871 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 271—272).

Страхов ответил 4 мая 1871 г. (там же, стр. 272—273).

[1] 12 апреля 1871 г. Страхов писал Достоевскому: «Я добыл переводы и буду ими жить. Писать — отпала охота. Из-за чего? Для дела, для литературы — не спешить, может быть, лучше, а для „Зари“ я ничего не могу сделать; мои старания ни к чему не ведут. Я знаю, что меня читают — литераторы; но публика не читает, и мои статьи ее отталкивают. Из-за чего же я буду натуживаться? Особенно когда и редакция показывает, что может обойтись без меня?» (стр. 271).

[2] В письме от 12 апреля Страхов писал Достоевскому: «Пришлю скоро Вам свои брошюры (из статей, которые Вам, впрочем, известны)» (стр. 272). В 1871 г. вышла «брошюра» Страхова «Критический разбор „Войны и мира“. Оттиски статей из „Зари“ 1869 и 1870 гг.» (СПб.). Достоевский оказался прав: творческая деятельность Страхова в последующие годы (и десятилетия) была очень активной. В 1873 г. он неоднократно выступал на страницах редактировавшегося Достоевским «Гражданина» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 282—284). Годом ранее в свет вышла его книга «Мир как целое. Черты из науки и природы» (СПб., 1872). Позднее — сборники статей и книги «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» (1882—1896); «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом» (СПб., 1885); «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888); «Из истории литературного нигилизма» (СПб., 1890); «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892); «Философские очерки» (СПб., 1895) и др.

[3] Этому совету Достоевского Страхов не последовал. О журнале «Беседа» см. примеч. 11 и 12 к письму 412.

[4] О восприятии Достоевским критического наследия Н. А. Добролюбова, в лице которого он видел достойного и могущественного оппонента, с чьими воззрениями во многом соглашался, но решительно не разделял его взгляда на искусство, см. статью Достоевского «Г-н —бов и вопрос об искусстве» и комментарий к ней (наст. изд., т. XVIII, стр. 70—103 и 269—292). См., кроме того: Г. А. Берлинер. Литературные противники Н. А. Добролюбова. — *ЛН*, т. 25—26, стр. 55—61; У. А. Гуральник. Ф. М. Достоевский в литературно-эстетической борьбе 60-х годов. — *Творчество Достоевского*, стр. 315—318; *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*, стр. 210—254; *Фридлендер, Эстетика Достоевского*, стр. 127—138. Об отношении Достоевского к Д. И. Писарову, талант которого он признавал, но критически относился к его «нигилизму» в области эстетики, см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 472; Ф. Ф. Кузнецов. Нигилисты? Д. И. Писарев и журнал «Русское слово». Изд. 2-е., перераб. и доп. М., 1983; наст. изд., т. XX, стр. 354, а также письмо 386.

[5] Речь идет о статье Страхова «Бедность нашей литературы», вышедшей в 1868 г. отдельной брошюрой. Касаясь в этой статье некоторых положений «Обзора истории славянских литератур» (СПб., 1865), принадлежавшего перу А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, Страхов писал: «...почти всех наших главных писателей „Обзор“ завиняет — в чем бы вы думали? — в некотором славянофильстве. Так, о Фонвизине сказано, что он „из чисто славянофильских тенденций бранит Западную Европу“. Весьма резкий приговор над Карамзиным завершается словами: „В нем были уже задатки настоящего славянофильства“. О Пушкине, не оправдавшем надежд, поданных им в молодости, говорится: „В позднейшую эпоху деятельности у Пушкина начинают высказываться вещи, которые потом назывались славянофильством“. С Гоголем случилось то же самое; он тоже подчинился „влиянию известных тенденций“ и „вздумал *поставлять* читателю мнимые русские идеалы“.

Преинтересные замечания! Автор, к сожалению, бросил их вскользь и не заметил, что они сливаются в нечто целое. Открыв столь важное явление, можно было бы проследить его дальше; не отзывается ли сла-

вянофильство и у других наших писателей? Нам кажется, следы его есть и у Лермонтова, и у Грибоедова, и у многих других. Таким образом, славянофильство составляет, может быть, общий характер нашей литературы — вывод необыкновенно важный <...> Если наша бедная литература имеет какое-нибудь значение, то славянофилы, конечно, были бы вправе гордиться подобным открытием; для них было бы лестно убедиться, что каждый замечательный русский писатель был более или менее славянофилом, что если иные из них вначале шли по другому направлению, то под конец все-таки приходили к тому же славянофильству» (Н. Страхов. Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк. СПб., 1868, стр. 71—72).

[6] Т. е. Пимена в трагедии «Борис Годунов». Противопоставление уже молодого Пушкина («свистуна») славянофилам Киреевскому и Хомякову, который «раньше всех славянофилов» постиг истинную суть русской народности, в то время как они не поняли и не оценили его творчества, — одно из свидетельств критического отношения Достоевского (наиболее открыто проявившегося в начале 1860-х гг.) к пристрастно-нетерпимой антиисторической эстетике славянофилов (см. также наст. изд., т. XIX, стр. 256; т. XXVI, стр. 465).

[7] Об отношении Достоевского к Герцену см. примеч. 8 к письму 386.

[8] Возможно, намек на П. А. Чаадаева (см. примеч. 24 к письму 387).

[9] Об отношении Достоевского к Белинскому в период создания романа «Бесы» и об эволюции его отношения к критику в общем контексте собственной идейно-творческой эволюции см. примеч. 4 к письму 399. Данный отзыв Достоевского о Белинском вызвал следующую реплику Страхова в ответном письме: «За что Вы так браните Белинского, многоуважаемый Федор Михайлович? Он был весьма небольших размеров человек, но талантливый, искренний, прямой» (стр. 272). Этой достаточно уничижительной характеристике Белинского, данной Страховым, предшествовали его суждения о Белинском как об истинном таланте, имевшем огромное значение в истории развития русской литературы. Так, например, он утверждал в работе «Бедность нашей литературы»: «Белинский <...> знаменит тем, что лишил нашу литературу многих мнимых богатств и, в силу своего удивительного эстетического понимания, строго определил ее действительные богатства...». И далее: «Белинский потому и верен во многих своих суждениях, потому и приобрел свою славу, имел сильное влияние и многое сделал, что он <...> сливался душой с этою бедною литературою, жил ее скудною жизнью, принимал ее дела в сурьез самый сурьезнейший. Но только так и можно вполне верно понимать литературные стремления» (Н. Страхов. Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк. СПб., 1868, стр. 12, 13). См. также: У. Гуральник. Н. Н. Страхов — литературный критик. — *ВЛ*, 1972, № 7, стр. 137—164.

[10] Специальной статьи на тему о непременном обращении всякого истинного таланта к национальному чувству Страхов не написал и в журнале «Беседа» не сотрудничал.

[11] См. примеч. 14 к письму 414.

[12] См. примеч. 12 к письму 369.

[13] До отъезда в Киев (отъезд предполагался «в первых числах июня») Страхов написал Достоевскому два письма — 4 мая и 8 июня 1871 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 272—274).

[14] В письме от 12 апреля 1871 г. Страхов писал о «Бесах»: «Во второй части чудесные вещи, стоящие наряду с лучшим, что Вы писали. Нигилист Кириллов — удивительно глубок и ярок. Рассказ сумасшедшей, сцена в церкви и даже маленькая сценка с Кармазиновым — все это самые верхи художества <...> Очевидно — по содержанию, по обилию и разнообразию идей Вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен» (стр. 271).

[15] Достоевский говорит это по поводу следующих страховских характеристик его писательской манеры в «Бесах»: «...впечатление в публике

до сих пор очень смутное; она не видит цели рассказа и теряется во множестве лиц и эпизодов, которых связь ей не ясна». И далее: «... Вы пишете большею частью для избранной публики, и Вы загромождаете Ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они бы действовали сильнее. Например, „Игрок“, „Вечный муж“ произвели самое ясное впечатление, а все, что Вы вложили в „Идиота“, пропало даром. Этот недостаток, разумеется, находится в связи с Вашими достоинствами. Ловкий француз или немец, имей он десятую долю Вашего содержания, прославился бы на оба полушария и вошел бы первостепенным светилом в историю всемирной литературы. И весь секрет, мне кажется, состоит в том, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен. Простите, Федор Михайлович, но мне все кажется, что Вы до сих пор не управляете Вашим талантом, не приспособляете его к наибольшему действию на публику. Чувствую, что касаюсь великой тайны, что предлагаю Вам нелепейший совет — перестать быть самим собою, перестать быть Достоевским. Но я думаю, что в этой форме Вы все-таки поймете мою мысль» (стр. 271).

[16] О восприятии Достоевским творчества Гюго см.: Л. П. Гроссман. Путь Достоевского. — *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 83—108; М. П. Алексеев. Гюго и его русские знакомства. Встречи. Письма. Воспоминания. — *ЛН*, т. 31—32, стр. 879; В. А. Десницкий. А. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. — В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.—Л., 1937, т. 3, стр. 59—60; А. Л. Бем. Гюго и Достоевский. — «Slavia», 1937, т. XV, № 1, стр. 80—86; М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972, стр. 266—272; Е. И. Кийко. Достоевский и Гюго. (Из истории создания «Братьев Карамазовых») — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 166—172; Г. М. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. Л., 1985, стр. 176—197, а также: наст. изд., т. VII, стр. 330, 344, 355, 369—370, 383, 404—405; т. IX, стр. 429—430, 432, 433, 449; т. XXIV, стр. 387—388.

426. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 209)

Печатается по тексту первой публикации, где воспроизведен неполный текст письма: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 145.

Подлинник неизвестен.

Датируется концом апреля—началом мая 1871 г. по содержанию. 12 (24) апреля 1871 г., отправляя письмо С. А. Ивановой (см. письмо 420), Достоевский еще не знал о смерти А. Ф. Куманиной, умершей 29 марта (10 апреля) 1871 г. С 16 (28) апреля 1871 г. по 19 апреля (1 мая) 1871 г. Достоевский находился в Висбадене, откуда сообщал А. Г. Достоевской (см. письмо 421) о намерении написать М. Н. Каткову и А. Н. Майкову «нужные письма». Такое «нужное» письмо А. Н. Майкову (с объяснением недоразумений, связанных с телеграммой Майкова, «перевранной» дрезденским телеграфом) Достоевский написал 21 апреля (3 мая) 1871 г. (см. письмо 424), на следующий день после возвращения из Висбадена. Когда было написано письмо Каткову, неизвестно. Но о том, что в «Русский вестник» отправлено письмо, Достоевский сообщает не только Ивановой в комментируемом письме, но и В. И. Губину в письме от 8 (20) мая 1871 г. (см. письмо 427).

[1] О каком предположении идет речь, неясно.

[2] Это письмо Достоевского в редакцию «Русского вестника» неизвестно (см.: *Список*, № 276).

[3] См. примеч. 12 к письму 369.

[4] А. Ф. Куманина умерла 29 марта (10 апреля) 1871 г. Возможно, Достоевский узнал об этом из неизвестного письма Ивановой, ответом на которое является комментируемое письмо.

[5] А. М. Достоевский вспоминал: «Тетушка при виде нас <...> всегда, бывало, горько расплачется. Прощаясь с нами, она, бывало, всех нас, отдельно каждого, перекрестит, — чего прежде, при жизни маменьки, не случалось; этим она хотела, видимо, заявить, что в отношении к нам принимает на себя все обязанности матери» (*Достоевский, А. М.*, стр. 80). В главе «Первые шаги» воспоминаний об отце Л. Ф. Достоевской сообщаются следующие сведения об А. Ф. Куманиной, почерпнутые ею у родителей: «Она (А. Ф. Куманина. — *Ред.*) протежировала своим племянникам и племянницам, выделяя особенно моего отца, который всегда оставался ее любимцем. Она одна из всей семьи знала ему цену и всегда была готова ему помочь. Отец любил свою старую тетку Куманину, хотя несколько и подсмеивался над ней, как это бывает обычно с молодыми племянниками. Он изобразил ее в «Игроке» в образе старой московской бабушки, которая приезжает в Германию, играет в рулетку, теряет половину своего состояния и так же быстро, как появилась, возвращается в Москву» (*ЛН*, т. 86, стр. 298—299).

427. В. И. ГУБИНУ (стр. 209)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.8.

Впервые опубликовано в выдержках: *Биография*, отд. I, стр. 291—292; полностью: *Д, Письма*, т. II, стр. 358—363.

[1] Письмо Губина, содержавшее это уведомление, неизвестно. Речь идет об усилиях Достоевского и его доверенных лиц (А. Н. Майкова, В. И. Губина) взыскать с Ф. Т. Стелловского деньги за незаконное напечатание романа «Преступление и наказание». Свои полномочия по взысканию этих денег Майков несколько ранее передал Губину (см. письмо 424 и примеч. 6 и 7 к нему, а также примеч. 19).

[2] См. примеч. 3 к письму 426.

[3] См. примеч. 4 к письму 422.

[4] См. примеч. 4 к письму 417.

[5] Это письмо Достоевского Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 273).

[6] Официальным редактором «Эпохи» после смерти М. М. Достоевского был А. У. Порецкий. Достоевский не мог выставить своего имени в качестве редактора, поскольку находился под надзором полиции (см. также: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 6—8, 17 и наст. изд., т. XX, стр. 255—257).

[7] Первый номер журнала ««Эпоха» вышел в свет 21 марта 1864 г. Уже с самого начала «Эпоха» не имела того успеха, который имело «Время». Этому способствовали и позднее объявление подписки, и особенно трудные цензурные условия (в связи с запрещением «Времени» из-за статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос»), и не всегда удачный подбор материала. Количество подписчиков падало. Расходы и долги настолько превысили доход, что издание «Эпохи» оказалось невозможным после выхода февральского номера журнала в 1865 г. Издание завершилось крахом, и Достоевский остался должен своим кредиторам около 15 000 руб., которые он выплачивал почти до конца жизни. См. также наст. изд., т. XX, стр. 255—257.

[8] В силу кабальных условий контракта со Стелловским роман «Игрок», по свидетельству А. Г. Достоевской, был написан «с 4 по 29 октября (1866 г. — *Ред.*), то есть в течение двадцати шести дней» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 67).

[9] Это лицо стало прототипом надворного советника Чебарова в романе «Преступление и наказание» (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 509 и наст. изд., т. VI, стр. 97, 98).

[10] Речь идет об И. П. Бочарове, авторе сборника «Стихотворения» (СПб., 1841), ряда книг для народного и детского чтения, сотрудничавшем в журналах «Библиотека для чтения», «Сын отечества», «Якорь», «Гудок» и др. В 1842—1843 гг. опубликовал ряд переводов для первого на русском

языке собрания сочинений Гете (Сочинения Гете. СПб., 1842—1843, вып. 1—3; судя по выходным данным этого издания, Бочаров был в то время и владельцем типографии).

11 См. письмо 402 и примеч. 9 к нему.

12 Достоевский возвратился в Россию около 15 (27) октября 1865 г. Работа над «Преступлением и наказанием» началась незадолго перед отъездом на родину (см. наст. изд., т. VII, стр. 308—309). С письмом к редактору «Русского вестника» М. Н. Каткову Достоевский обратился после безрезультатных попыток получить аванс за публикацию будущего романа (на первых стадиях работы над замыслом — повести) «Преступление и наказание». Беловой текст письма Каткову, написанного между 10 (22) и 15 (27) сентября 1865 г., неизвестен (см.: наст. изд., т. XXVIII_2, *Список*, № 196; черновой текст письма см.: там же, № 266). В октябре 1865 г. Достоевский получил аванс из редакции «Русского вестника» за будущую публикацию «Преступления и наказания» (см. также наст. изд., т. VII, стр. 308—312).

13 См. примеч. 8.

14 Дом И. М. Олонкина на углу Малой Мещанской улицы и Столярного переулка (ныне Казначейская ул., д. 7). В этом доме Достоевский снимал квартиру в 1864—1867 гг. (см.: Е. П. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Л., 1972, стр. 270).

15 Эта расписка неизвестна.

16 Название города Рулетенбург было придумано Достоевским по некоторой аналогии с названием города Rougetnoirebourg (буквально: «город красного и черного») в очерке Теккерея «Кикильбюри на Рейне» (1850). Но А. Бутаков, переводчик этого очерка на русский язык, поменял название Rougetnoirebourg на название Рулетенбург, что явилось для Достоевского уже непосредственной «подсказкой» (см. наст. изд., т. V, стр. 401).

17 Речь идет об издании: Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. Изд. Ф. Стелловского. СПб., 1866, т. III.

18 Название Рулетенбург встречается в тексте романа «Игрок» многократно (см. наст. изд., т. V, стр. 208, 210, 215, 247, 248, 307, 311, 313, 318).

19 Иск Стелловскому был предъявлен осенью 1871 г. В. И. Губин писал Достоевскому 3 октября 1871 г.: «Долгом считаю Вас уведомить, что 30 сентября предъявлен иск к Стелловскому в качестве Вашего поверенного в сумме 3840 р‹уб.› подачею дежурному члену ‹...› искового прошения и взносом 20 р‹уб›. 50 к‹оп›. сер‹ебром› судебных пошлин в кассу окружного суда за № 2343. Исковое прошение, показанное Вам, немного изменено, сокращено и упрощено, чтобы дать ответчику Стелловскому волю распространиться об обстоятельствах получения им романа „Игрок" и тем самым взвалить на него тяжесть ‹?› доказательств недоставления Вами в срок этого романа.

Вместе с этим извещаю Вас, что вследствие поручения А. Н. Майкова сделал я в здешнем почтамте письменное заявление о востребовании Вашего страхового письма из Дрездена сюда обратно. Обещали возвращение его через полмесяца, что не будет поздно.

Если имеются в виду какие-либо другие доказательства и соображения по Вашему делу, прошу сообщить их мне» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.133). Отвечая на неизвестное письмо Достоевского от 29 октября 1871 г., Губин писал: «Спешу ответить на письмо Ваше от 29 окт‹ября›. Другого я не получал с квартиры, откуда мне доставлены письма. Извините, что я, вследствие болезни, был причиною Вашего беспокойства. Напрасно, впрочем, Вы опасались за положение Вашего дела в суде. Без повестки оно не может быть доложено. А получить ее могли я или Вы; ведь по повестке представлены мною деньги. Всего внесено при подаче прошения 20 р‹уб›. 50 к‹оп›. Баранов не уведомлял меня ни о каком положении дела. Вероятно, Стелловский еще не представил ответа. От защиты Вашего дела я не мог отказаться; поручить ее Баранову тоже нельзя, не имея

права передоверия. Потому я всегда надеялся и надеюсь защищать Ваше дело лично <...> Повестку почтовую Вы попробуйте засвидетельствовать в полиции, потому что означен Ваш адрес на ней, и потом перешлите ее мне по адресу: на углу Большой Морской и Гороховой, дом Штрауха, кв. № 25.

Я тоже, вероятно, должен буду засвидетельствовать ее в своем участке и послать за получением» (*ИРЛИ*, № 29685).

11 ноября 1871 г. Губин продолжал отчет о ходе «дела» со Стелловским: «Сегодня подано заявление обер-полицеймейстеру на определенной законом гербовой бумаге <...> За несколько минут до этого чиновник особых поручений при нем сказал, что Стелловский здесь. Как вчера был я у А. Н. Майкова и Максимова, так и сегодня просил Майкова заняться этим делом, причем он сказал, что обратится к некоему Горбацевичу, за отсутствием Христиановича и Турчанинова, занятых в каких-то комиссиях. В заявлении своем сказал я, что доверитель мой, то есть Вы, принимаете расходы на телеграммы на свой счет, так как в противном случае опасались бы посылать телеграммы на свой счет, не зная об уплате Вами этих расходов. Прописано и о том, что сделано заявление в участке 5 ноября о разыскании Стелловского. В окружном же суде я все еще не выслушал определения окружного суда, чтобы продлить срок па вручение повестки Стелловскому; иначе семь дней пройдут очень скоро и тогда нужно будет делать публикацию, чтобы не потерять судебных пошлин. Если полиция в скором времени не разыщет Стелловского, необходимо внести в окружной суд 6 р‹уб›. за публикацию» (*ИРЛИ*, № 29685). Процесс со Стелловским в 1871 г. окончен не был. Он затянулся до 1875 г. Губин со своей задачей не справился (см.: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 203). См. также письмо 534 и примеч. 14 и 15 к нему.

428. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 214)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 44—45.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 311—314.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 4 мая 1871 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 272—273).

Страхов ответил 8 июня 1871 г. (там же, стр. 273—274).

Датируется 1871 г. по связи с письмом 425 (продолжение разговора о Белинском), письмами Страхова от 4 мая и 8 июня 1871 г. и по содержанию (тема Парижской коммуны и ее поражение).

[1] См. письмо 425 и примеч. 9 к нему.

[2] В письме к Достоевскому от 4 мая 1871 г. Страхов спрашивал: «Что Вы скажете о французских событиях? У нас по обычаю явилось много ярых приверженцев Коммуны. Сколько я ни спрашивал, ничего не понимаю <...> Не начинается ли новая эра? Не заря ли будущего дня? Излечится ли когда-нибудь Европа от этих суеверных ожиданий <...> Будем ли мы счастливее?» (стр. 273). Отвечая на эти вопросы, Достоевский развивает свою концепцию «логики» западноевропейского исторического прогресса, по которой идеи «теоретического», утопического социализма в дальнейшем развитии ведут к «политическому социализму», основывающемуся на «науке». В позитивизме же Достоевский видел модификацию идей Руссо. Само слово «позитивизм» писатель воспринимал обобщенно, подверстывая под него различные философские направления. Подробно о «теории счастия на земле» О. Конта (основоположника позитивизма) и об интерпретации идей Конта в творчестве Достоевского см.: П. С. Шкуринов. Позитивизм в России XIX века. М., 1980, стр. 227—241; В. Н. Белопольский. Достоевский и позитивизм. Ростов-на-Дону, 1985, а также наст. изд., т. IX, стр. 514—515; т. XV, стр. 250, 614; т. XVII, стр. 305—306; т. XXII, стр. 358—359. Говоря о 1848—1849 и 1871 гг., Достоевский проводит аналогию между итогами двух революционных ситуа-

ций во Франции, закончившихся трагически: 1848 г. — февральская революция, провозглашение республики, июньское восстание, подавленное с беспощадной жестокостью, государственный переворот 2 декабря 1851 г., установление диктатуры Наполеона III; 1871 г. — Парижская коммуна и ее подавление. О сложившейся у Достоевского концепции западноевропейского исторического развития подробнее см.: *Фридлендер*, стр. 23—25; Е. И. Кийко. Достоевский и Гюго (Из истории создания «Братьев Карамазовых»). — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 166—172 и наст. изд., т. XVII, стр. 334—336.

[3] Источники сведений Достоевского о событиях в Париже были достаточно тенденциозны («Московские ведомости», «Русский вестник»). Так, например, в «Московских ведомостях», регулярно читавшихся Достоевским за границей, возникновение пожаров приписывалось злой воле коммунаров, убедившихся в неизбежности своего поражения (см.: *МВ*, 1871, 9, 21, 27 апреля, №№ 99, 110, 117). Столь же тенденциозной и исторически несправедливой была интерпретация событий в Париже и в работах о Парижской коммуне, с которыми Достоевский познакомился, по-видимому, позднее, по рецензии Страхова в «Заре» (1871, № 10—11, отд. II, стр. 1—37): Сарсе. Осада Парижа. 1870—1871. Впечатления и воспоминания. (Перевод с пятого французского издания). СПб., 1871; Молинари. Красные клубы во время осады Парижа. Перевод с французского. СПб., 1871; Черная книга Парижской коммуны. Разоблачение «Интернационала». Перевод с французского. СПб., 1871; La Révolution plébéienne. Lettres à Tunius. Bruxelles, Juin, 1871. В страховских извлечениях из этих работ неоднократно говорится о «потоках крови, горах трупов, городах в пламени», о пожарах в Париже, «сожжении Тюильри», «разрушении памятников искусства», «грабеже церквей». Сходная тревожно-скептическая трактовка Коммуны и идей западноевропейского социализма вообще нашла отражение в «Бесах», а позднее — в черновых материалах к роману «Подросток» (см. наст. изд., т. X, стр. 77; т. XII, стр. 291; т. XVI, стр. 5; т. XVII, стр. 266; т. XXVII, стр. 201, 320—321).

[4] Имеется в виду борьба ряда европейских стран с католической церковью с целью ограничить ее влияние и поставить в зависимость от государства после принятия 18 июля 1870 г. на Ватиканском соборе догмата о непогрешимости папы и падение наполеоновской Франции во франко-прусской войне, капитулировавшей в конце января 1871 г. См. также наст. изд., т. XII, стр. 344, 347—348, 350—351; т. XXII, стр. 87—90, 359—363; т. XXV, стр. 5—9, 358—359.

[5] Феликс Пиа был в 1871 г. членом якобинско-бланкистского «большинства» Совета Парижской коммуны, сторонником террора. В дни Парижской коммуны издавал газету «Vengeur» («Мститель»). Позднее «Новое время» называло Феликса Пиа журналистом, «ежедневно проповедующим совершенно открыто цареубийство» (см.: *НВр*, 1880, 22 ноября, № 1661). См. также примеч. 2.

[6] О причинах пристрастно-полемических отзывов Достоевского о Белинском конца 1860-х—самого начала 1870-х гг. и эволюции отношения Достоевского к Белинскому см. примеч. 9 к письму 425.

[7] Ср. в главе «Старые люди» «Дневника писателя» 1873 г.: «Учение Христово он (Белинский. — *Ред.*), как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами ‹...› В этот вечер мы были не одни ‹...› Да поверьте же, наивный вы человек, — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества.

Ну не-е-т! — подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он расхаживал взад и вперед по комнате.) — Ну нет; если бы теперь появился Христос, он бы примкнул к движению и стал во главе его...

— Ну да, ну да, — вдруг и с удивительною поспешностью согласился

Белинский. — Он бы именно примкнул к социалистам и пошел за ними» (наст. изд., т. XXI, стр. 10—11). Характеризуя отношение Белинского к Христу, Достоевский допускает неточность: отвергая божественность Христа и считая его исторической личностью, Белинский в зальцбруннском письме к Гоголю подчеркнул, что Христос «первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» (*Белинский*, т. X, стр. 214). См. также наст. изд., т. XI, стр. 73; т. XIV, стр. 500—501.

[8] См. примеч. к письму 425.

[9] Имеется в виду, по-видимому, мысль Ап. Григорьева о неизбежном переходе Белинского от западничества к славянофильству, если бы этому не помешала смерть критика. С особой категоричностью эта мысль высказана Ап. Григорьевым в статье «Парадоксы органической критики» (*Э*, 1864, № 5, стр. 255—273; № 6, стр. 264—277), где он писал: «Для меня лично <...> нет ни малейшего сомнения в том, что, проживи еще несколько лет великий критик, он всё бы это понял и всё бы это лучше всех нас выяснил <...> Увлечение Белинского (западничеством. — *Ред.*), нет сомнения, сменилось бы иным и столь же пламенным увлечением» (см.: Сочинения Ап. Григорьева. Т. 1. Критические статьи. СПб., 1876, стр. 621, 628). Об эволюции отношения Достоевского к этой проблеме — от предвосхищения указанной мысли Ап. Григорьева в редакционном объявлении об издании журнала «Время» на 1862 г., в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) до отрицания ее в письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. и главе «Старые люди» «Дневника писателя» 1873 г., а позднее — новому возвращению к ней в «Дневнике писателя» за 1876 г. (июнь, гл. II, § 1 «Мой парадокс») — см. наст. изд., т. V, стр. 50; т. XIX, стр. 149; т. XXI, стр. 11, 384; т. XXIII, стр. 42, 371. См. также: *Кирпотин, Достоевский и Белинский*, стр. 84—86, 99—100, 107—112, 153—154, 203—204.

[10] Достоевский в полемическом увлечении забывает здесь о том, что собственные его взгляды на Гоголя-художника и на общий смысл гоголевского творчества сформировались под сильнейшим и непосредственным влиянием суждений о Гоголе Белинского: высокую оценку Гоголя как обличителя и сатирика, который «смеялся всю жизнь над собой и над нами» и которому стоило указать пальцем на «приобретателей, кулаков, обирателей и всяких заседателей» и «уже на лбу их зажигалось клеймо на веки веков», Достоевский вслед за Белинским дал во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (наст. изд., т. XVIII, стр. 59). Вместе с тем Достоевский отмечает, по-видимому, и свое расхождение с критиком в период их тесного общения: Белинский в 40-х годах выдвигал в гоголевском творчестве на первое место его критический пафос. Достоевский же, восхищаясь художественным артистизмом Гоголя, склонялся к мысли, что искусство сильно, прежде всего, «своими яркими художественными типами и характерами» (наст. изд., т. XXII, стр. 106). Нельзя не отметить, однако, что и эта мысль Достоевского близка Белинскому, который еще в 30-х гг. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» и разборе комедии «Ревизор» особо оценил искусство Гоголя как создателя художественных типов.

[11] «Фальшивой» нотой Достоевский называет здесь влияние на Пушкина конца 10-х—начала 20-х годов «байроновских» идеалов. Писатель опирается при этом, в известной мере, на автохарактеристику самого поэта в главе «Странствие» «Евгения Онегина» и на статью Гоголя «Несколько слов о Пушкине», а также на статьи о Пушкине Ив. Киреевского и Ап. Григорьева, которые, как и Гоголь, сочувственно писали о повороте Пушкина к действительности, истолковывая ее каждый в соответствии со своей эстетической программой (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 137—139).

[12] В одиннадцатой статье о Пушкине Белинский писал, что «Повести Белкина» — «вроде повестей Карамзина с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени» (*Белинский*, т. VII, стр. 577). С этой

позицией Белинского в оценке «Повестей Белкина» Достоевский полемизировал еще в «Бедных людях».

[13] В статье «Несколько слов о „Современнике“» Белинский писал: «„Коляска“ есть не что иное, как шутка, хотя и мастерская в высочайшей степени. В ней выразилось всё умение г-на Гоголя схватывать эти резкие черты общества и уловлять эти оттенки, которые всякий видит каждую минуту около себя и которые доступны только для одного г-на Гоголя. Но пьеса все-таки не больше, как шутка, и, по нашему мнению, не может заменить собою отсутствия повести, которая почитается у нас необходимым украшением всякой книжки журнала, особливо первой» (*Белинский*, т. II, стр. 179—180).

[14] См. примеч. 4 к письму 399.

[15] Имеются в виду, в частности, следующие известные слова Белинского в Зальцбруннском письме к Гоголю: «Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви» (*Белинский*, т. X, стр. 217).

[16] Речь идет, вероятно, о следующем замечании Белинского в статье о «Петербургском сборнике»: «„Три портрета“, рассказ г-на Тургенева, при ловком и живом изложении имеет всю заманчивость не повести, а скорее воспоминаний о *добром* старом времени. К нему шел бы эпиграф: *Дела минувших дней!..*» (*Белинский*, т. IX, стр. 566). Замечание Достоевского по этому поводу сходно со следующим суждением Страхова в статье «Последние произведения Тургенева»: «...Тургенев вырос безмерно по сравнению с тем, чего ожидал от него Белинский» (*З*, 1871, № 2, отд. II, стр. 2).

[17] В статье «Знаменитые европейские писатели перед судом нашей критики» Ап. Григорьев писал: «Белинский был прежде всего доступен, — даже иногда неумеренно доступен всякому проявлению истины» (*Вр*, 1861, № 3, стр. 81).

[18] Речь идет о статье Страхова «Последние произведения Тургенева», напечатанной в № 2 «Зари» за 1871 г. Возможно, Достоевский намекал на эту статью Страхова в письме последнему от 18 (30) марта 1871 г. (см. письмо 414): «...разрезывал прежде всего Ваши статьи и упивался ими. Разумеется, иногда не во всем соглашался (например <...> в излишней мягкости Вашей и, кроме того, в преувеличении некоторых явлений литературы и жизни)...» (курсив наш. — *Ред.*).

[19] В статье Страхова (см. примеч. 18) утверждалось, что правильное воззрение на русскую действительность ослабело у Тургенева после создания «Отцов и детей» и «Дыма», встреченных недоброжелательно значительной частью русской публики; что вследствие этого возрос скепсис Тургенева. И далее: «Едва ли бы он (Тургенев. — *Ред.*) подвергся таким жестоким долгим нападениям, — писал Страхов, — если бы он сам не старался всячески дразнить общественное мнение, дерзко касаться его любимых идей и вкусов, дотрагиваться до самых больных и чувствительных мест <...> Кому же это могло быть приятно? В самую горячую минуту, когда люди лихорадочно увлечены известными стремлениями, вдруг раздается скептический, недовольный, охлаждающий голос» (*З*, 1871, № 2, отд. II, стр. 3—4). Досаду Достоевского вызвала известная противоречивость в оценке Страховым творчества Тургенева. С одной стороны, он отмечал, например, что «упадок деятельности Тургенева» наступил «со времени „Отцов и детей“» (там же, стр. 5). И дальше утверждал, что «Дым» есть «вещь прекрасная, первостепенная, могущая стать наряду со всем лучшим, что написал Тургенев. При этом мы разумеем, — подчер-

кивал Страхов, — именно сущность „Дыма“, то есть историю Ирины и Литвинова» (там же, стр. 11). Об «упадке деятельности» Тургенева отнюдь не свидетельствовала и почти восторженная оценка Страховым произведений писателя, созданных в период между «Дымом» и «Новью». Об этих произведениях («Несчастная», «Странная история», «Бригадир», «Степной король Лир», «Стук... стук... стук!..» и др.) Страхов писал: «Вообще во всем, что создает Тургенев, — он до высочайшей степени верен русской жизни» (там же, стр. 28). Или: «Какие мастерские фигуры — Колтовский, Фустов, Рач, Виктор!» (там же, стр. 29). И далее: «Мастерство его рассказов безукоризненно» (там же, стр. 30). Подобные суждения противоречили представлениям Достоевского об ослаблении «великой художественной способности» Тургенева.

[20] Возможно, имеется в виду критический фельетон «Голоса» на повесть Тургенева «Несчастная» (1869): «Теперь Тургенев отшатнулся от России и Россия отшатнулась от Тургенева». Во всей повести, и особенно в переживаниях ее главной героини, автор фельетона усмотрел «полное отсутствие каких бы то ни было местных, национально-русских черт» (*Г*, 1869, 19 февраля (3 марта), № 50).

[21] См. примеч. 19.

[22] В ответном письме Страхов писал, возражая Достоевскому: «Так помещичья литература? Какое жестокое и важное слово, Федор Михайлович! „Война и мир“ оканчивается обращением к народу, к Каратаеву; это должно совершенно согласоваться с Вашей мыслью. Я только дивлюсь и недоумеваю — неужели у нас так глубоко разделение сословий (внутреннее), что возможны разные литературы или периоды? Родоначальник, однако, мужик — Ломоносов». И далее: «А что же Вы забыли Кольцова, Некрасова ‹...› А Ваш „Мертвый дом“? Это ли не народная литература? Значит, она во всяком случае сказалась уже, хотя ей, может быть, и предстоит большое развитие» (стр. 273—274).

[23] Об отношении Достоевского к демократической беллетристике 60-х гг., разрабатывавшей тему народа, см. его статью «Рассказы Н. В. Успенского» (наст. изд., т. XIX, стр. 178—186). Обращаясь в настоящем письме к оценке произведений Решетникова, Достоевский включается в дискуссию, вызванную выходом в 1868 г. романа Решетникова «Где лучше?». В неподписанной статье «Напрасные опасения» (*ОЗ*, 1868, № 10, отд. II, стр. 168—194) и анонимной же рецензии на роман «Где лучше?» (*ОЗ*, 1869, № 4, отд. II, стр. 270—273) М. Е. Салтыков-Щедрин высоко оценил значение повестей и романов Решетникова, который, «несмотря на неумение распорядиться своим материалом», смог, тем не менее, благодаря глубокому стремлению к правде, обнажить «трагическую истину русской жизни», открыть в элементарной «борьбе за существование» «драму жизни русского мужика» (Салтыков-Щедрин, т. IX, стр. 32—34, 321—324). При этом Щедрин заявил, что «в людях ‹...› избалованных яркими картинами беллетристики сороковых годов», произведения Решетникова «не должны встретить большого сочувствия» (там же, стр. 34). Настоящая оценка Решетникова Достоевским — прямой отклик на приведенные суждения Салтыкова-Щедрина.

[24] Страхов собирался уехать в Киев (см. примеч. 15 к письму 414).

[25] См. примеч. 11 к письму 362.

[26] См. примеч. 28 к письму 384.

[27] См. примеч. 24.

[28] Во многих письмах Страхов сообщал Достоевскому о своем разладе с редакцией «Зари» и выражал сомнение в необходимости собственной критической деятельности (см., например, примеч. 1 к письму 414).

[29] В известных письмах Страхова к Достоевскому о смерти не говорится. Возможно, с раздумьями о смерти Достоевский связывает сообщение Страхова в письме от 22 февраля 1871 г. о намерении приняться за воспоминания (см.: *Шестидесятые годы*, стр. 270).

[30] Журнал «Заря» закончил существование на февральском номере 1872 г.

[31] В письме Страхова Достоевскому от 4 мая 1871 г. дано подробное описание мимолетной встречи с Тургеневым на Невском проспекте 16 февраля этого же года. Страхов, в частности, подчеркивал «малодушие» и «мелочную» обидчивость Тургенева па него за то, что в одной из статей он назвал Тургенева «злоязычной бабой» (стр. 273). Страховский выпад против Тургенева получил отголосок в «Бесах» (см. примеч. 11 к письму 391).

[32] Возможно, Достоевский припоминает один из эпизодов своего общения с Тургеневым в середине сороковых годов, когда Тургенев, совместно с Некрасовым, написал на него пародию «Рыцарь горестной фигуры...» (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. I, стр. 360, 607—609).

429. А. Н. СНИТКИНОЙ (стр. 217)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.47.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 294—295.

[1] По приезде в Петербург Достоевский снял квартиру по Екатерингофскому проспекту, 3 — близ Юсупова сада (ныне пр. Римского-Корсакова, 3). См. письмо 430.

[2] Это письмо И. Г. Сниткина к А. Г. Достоевской неизвестно.

[3] И. Г. Сниткин получил деньги в Москве у Е. П. Ивановой, по протекции и просьбе Достоевского. Деньги эти необходимы были И. Г. Сниткину для тайного «увоза» невесты, находившейся в это время в Дрездене (см. письмо 417 и примеч. 6 и 8 к нему).

[4] А. Н. Сниткина находилась в это время в Дрездене (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 215).

[5] М. Г. Сватковская находилась в это время в Италии. По словам А. Г. Достоевской, она обещала, по возвращении из Италии, дать матери и сестре отчет по управлению «всеми ‹...› домами». А. Г. Достоевская надеялась уплатить часть долгов мужа, продав назначенный ей в приданое один из этих домов. Надежды эти не осуществились. М. Г. Сватковская вскоре умерла в Риме, а дома достались мошеннику, управлявшему ими в ее отсутствие (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 215—216). Муж М. Г. Сватковской — цензор Петербургского цензурного комитета П. Г. Сватковский.

430. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 218)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 366—367.
С. А. Иванова ответила 21 июля 1871 г. (*ИРЛИ*, № 29727).

[1] См. примеч. 12 к письму 369. В воспоминаниях А. Г. Достоевской точно обозначен срок переезда из Дрездена в Петербург: «...5 июля вечером нам удалось выехать из Дрездена на Берлин, где мы пересели на поезд, отправлявшийся в Россию. Много хлопот было нам дорогой с нашею резвою Любочкой, которой был год десять месяцев. Мы ехали без няни, и, ввиду моего болезненного состояния, с нею все время пути (*шестьдесят восемь часов*) нянчился мой муж ‹...› и этим очень облегчил для меня продолжительный переезд» (курсив наш. — *Ред.*) (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 198). См. также: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 198.

[2] Поездка Достоевского к Каткову в Москву (для переговоров о денежных расчетах за роман «Бесы») состоялась. После этой поездки Достоевский получил письмо из редакции «Русского вестника», датированное 2 августа 1871 г. В письме сообщалось: «Редакция „Русск‹ого› вест-

‹ника›“ честь имеет препроводить Вам при сем перевод на книжный магазин Исакова в 300 р‹уб›. с‹еребром›» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20).

[3] Ср. письмо 429.

[4] В ответном письме Иванова сообщала: «Завтра наведу справки о Каткове». В постскриптуме к этому письму С. А. Ивановой, написанном карандашом и подписанном Е. П. Ивановой, указывалось: «Адрес г-на Каткова. За Калужскою заставою, дача Фонвизина (бывшая Мамонова), до конца августа проживет в Москве, как сообщили в редакции».

431. Е. П. И С. А. ИВАНОВЫМ (стр. 219)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 367—368.

[1] Комаровский — московский знакомый С. А. Ивановой, которого Достоевский считал, по-видимому, претендентом на ее руку. Платки, о которых здесь идет речь, — очевидно, гостинцы или подарки Достоевским от семейства Ивановых, пересланные по первой оказии с Комаровским.

[2] Эта фраза свидетельствует о том, что во время поездки в Москву для делового свидания с Катковым (см. примеч. 3 к письму 430) Достоевский встречался с С. А. Ивановой (см. письмо 417 и примеч. 3 к нему). Петровское (т. е. Петровское-Разумовское) — московский адрес С. А. Ивановой (см. там же).

[3] Очевидно, письмо А. Г. Достоевской мужу от 31 июля 1871 г., уже не заставшее Достоевского в Москве и пересланное обратно в Петербург (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 45).

[4] Из Москвы Достоевский возвратился 1, 2 или 3 августа 1871 г.

[5] Об имении Даровое см. примеч. 1 к письму 389. С. А. Иванова на этот раз в Даровое не поехала или отложила поездку туда (см. письмо 417 и примеч. 3 к нему).

[6] См. письмо 417 и примеч. 6 и 8 к нему, примеч. 3 к письму 429.

[7] В конце комментируемого письма неизвестной рукой отмечено: «Марья Сергеевна — подруга Софьи Александровны по пансиону». Речь идет о М. С. Иванчиной-Писаревой.

432. П. А. ИСАЕВУ (стр. 220)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 134.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 449.
Датируется на основании пометы «1871», сделанной на подлиннике П. А. Исаевым.

[1] Речь идет, по-видимому, о П. П. Семенове-Тян-Шанском (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 514). Достоевский хлопотал через него, вероятно, об улучшении или изменении служебного положения пасынка, часто менявшего место службы (в банке, в комиссии по переписи населения, в статистическом бюро и т. п.).

433. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 220)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, л. 137.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 448—449.
Майков ответил 30 августа 1871 г. (*А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 87).
Датируется концом августа (не позднее 30) 1871 г. на основании содержания и ответного письма Майкова от 30 августа 1871 г.

[1] Сын Достоевского Федор родился 16 июля 1871 г. На предложение Достоевского Майков отвечал в письме к нему от 30 августа 1871 г.: «Благодарю Вас за избрание меня в крестные отцы Вашему сыну и постараюсь исполнить все, как Вы пишете, то есть в среду явлюсь к Вам часов около четырех».

[2] Имеется в виду, по-видимому, беспокойство о здоровье новорожденного.

434. С. А. ЮРЬЕВУ (стр. 220)

Печатается по тексту первой публикации: Сборник «В память С. А. Юрьева». М., 1891, стр. 277—278.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо С. А. Юрьева от 14 октября 1871 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.10.14).

[1] В письме Достоевскому от 14 октября 1871 г. Юрьев писал: «Позвольте мне повторить мою покорнейшую просьбу: доставить мне возможность украсить мой журнал Вашим произведением, если есть у Вас что-нибудь готовое или имеете в виду что-нибудь написать. Я писал к Вам об этом один раз в Дрезден...». Письмо Юрьева Достоевскому, адресованное в Дрезден, неизвестно.

[2] См. примеч. 3.

[3] Речь идет о романе «Бесы». Приглашение сотрудничать в «Беседе» Достоевский получил еще ранее, в феврале 1871 г., через Н. И. Соловьева (сотрудника «Беседы», а в прошлом — «Эпохи») и тогда согласился на него (см. письмо 412 и примеч. 11 к нему). См. также: *Список*, № 270.

[4] Направление издававшегося Юрьевым с 1871 г. журнала «Беседа» было близким к славянофильско-почвенническому; поэтому Достоевский сочувственно относился к его программе.

[5] Имеется в виду, по-видимому, программная статья Юрьева «В чем наша задача» («Беседа», 1871, № 1, стр. 81—128), выдержанная в либерально-славянофильском духе.

[6] В письме Достоевскому от 14 октября 1871 г. Юрьев писал: «Я не получил от Вас ответа на мое письмо (см. выше, примеч. 2. — *Ред.*), может быть, потому, что тогда еще недостаточно для Вас выяснились и дух и направление моего журнала, но теперь, я полагаю, и то и другое обозначились довольно ясно, а потому и прошу Вас покорнейше почтить меня Вашим ответом на мою просьбу ‹...› Льщу себя надеждою получить от Вас благоприятный для меня ответ».

[7] В конце декабря 1871 г. Достоевский отправился в Москву для встречи с Катковым по денежным расчетам за роман «Бесы». В письме к жене от 2 января 1872 г. (см. письмо 436) Достоевский сообщал: «В „Беседе“, кажется, не буду».

435. П. А. ИСАЕВУ (стр. 221)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 137.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 449.

[1] Речь идет о Л. Н. Майкове, брате поэта; как и многие другие лица, он помогал пасынку Достоевского устроиться на службу (ср. письмо 432 и примеч. 1 к нему).

436. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 222)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 49—50.

[1] Упомянутое письмо А. Г. Достоевской с росчерками на нем или отдельном листке двухлетней дочери неизвестно. Датируется оно 30 декабря 1871 г. — см. изложение его содержания в записной тетради А. Г. Достоевской: *ИРЛИ*, № 30780.

[2] Речь идет о денежных расчетах за публикуемый в «Русском вестнике» роман «Бесы». Расчеты осложнились в связи с тем, что редакция отклонила главу «У Тихона», уже набранную для декабрьской книги журнала в качестве главы девятой второй части, и задержала выход в свет третьей части (см. наст. изд., т. XII, стр. 237—247).

[3] Б. Б. Поляков мог потревожить А. Г. Достоевскую как поверенный по куманинскому наследству. Что же касается Е.-Г. Гинтерлах, которой еще в 1865 г. Ф. М. Достоевским совместно с Э. Ф. Достоевской был выдан вексель в 500 руб. сроком на 12 месяцев, то коммерческий суд 17 декабря 1871 г. постановил взыскать с должников эти деньги с процентами в ее пользу (см.: *ГБЛ*, ф. 93, I.4.8 и ф. 93, I.4.9). А. Г. Достоевская в своих мемуарах подробно рассказывает об обстоятельствах получения женой оптового торговца Гинтерлаха (который ошибочно назван ею Гинтерштейном) векселя в счет, по словам кредиторши, выданных ею без документа денег покойному М. М. Достоевскому, а также описывает дальнейшие преследования Ф. М. Достоевского по возвращении его из-за границы со стороны Гинтерлаха, не соглашавшегося получать деньги в рассрочку (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 207—210).

[4] Достоевский должен был зайти в редакцию «Беседы» в связи с предложением С. А. Юрьева сотрудничать в его журнале, поблагодарив за которое, Достоевский в письме к нему из Петербурга от 27 октября 1871 г. сообщал о своей занятости в «Русском вестнике» и обещал «к рождеству» «лично засвидетельствовать» свое уважение (см. письмо 434 и примеч. 3 к нему).

437. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 223)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 50—51.

[1] См. письмо 436, примеч. 2.

[2] П. М. Леонтьев преподавал в основанном М. Н. Катковым в 1868 г. Московском императорском лицее древние языки и историю.

[3] В это время в Малом театре шла драма Д. В. Аверкиева «Каширская старина» с участием Г. Н. Федотовой.

[4] Племянница Достоевского С. А. Иванова должна была получить из «Русского вестника» деньги за переводческую работу (см. также примеч. 16 к письму 360 и примеч. 25 к письму 363).

[5] По-видимому, речь идет о каком-то предварительном замысле, ведущем к роману «Подросток» и связанном с проблематикой взаимоотношений поколений «отцов» и «детей» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 256, 431—432).

[6] Имеются в виду Н. Г. Спиткин и его жена.

438. В. Д. ОБОЛЕНСКОЙ (стр. 225)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.37.
Впервые опубликовано: «Художник и зритель», 1924, № 6—7, стр. 124—125.
Ответ на письмо В. Д. Оболенской к Достоевскому из Тулы от 6 декабря 1871 г. (см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.7.30).

[1] В словах: «я был целый месяц в Москве» — явное преувеличение. Судя по письмам Достоевского к жене, он выехал в Москву в конце декабря и числа 8—12 января вернулся в Петербург (см. письма 436, 437).

[2] Оценивая роман Достоевского «Преступление и наказание» как «лучшее произведение русской словесности» и признаваясь в том, что мысль о его переделке «в драму для представления на императорских театрах» стала для нее «лелеемой мечтой», В. Д. Оболенская обращалась к писателю с просьбой «о дозволении» такой переработки. До Оболенской аналогичную попытку дважды предпринял московский книготорговец и литератор А. С. Ушаков, но обе его инсценировки, созданные на основе «Преступления и наказания», были отклонены цензурой (см. наст. изд., т. VII, стр. 356—357).

[3] Осуществила ли Оболенская свое намерение, неизвестно. Скорее всего, ей не удалось «осилить» переделки, возможность чего она сама в своем письме допускала. На русской сцене «Преступление и наказание» было впервые разрешено к исполнению в инсценировке Я. А. Дельера (псевдоним Я. А. Плющевского-Плющика) в 1899 г. и тогда же поставлено петербургским литературно-артистическим кружком (Малый театр). О других русских и зарубежных постановках см. наст. изд., т. VII, стр. 357—358.

439. А. А. РОМАНОВУ (наследнику) (стр. 226)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 790, лл. 1—1 об.

Публикуется впервые.

[1] Первое письмо Достоевского к наследнику А. А. Романову неизвестно. По всей вероятности, мысль направить будущему Александру III письмо была подсказана Достоевскому князем В. П. Мещерским, часто бывавшим в это время при дворе; с последним Достоевский познакомился осенью 1871 г., а в начале 1872 г. стал посещать его «среды» (см.: В. П. Мещерский. Мои воспоминания. СПб., 1898, ч. 2, стр. 164).

[2] Каково было содержание первого письма и за что Достоевский благодарит, сказать трудно. Скорее всего, по возвращении Достоевского из-за границы бывшие кредиторы начали преследовать писателя, он в это время находился в затруднительном положении, порой под угрозой суда (см. письмо 436, примеч. 3), и по ходатайству Мещерского ему была оказана наследником материальная поддержка. Сообщение о том, что Достоевский неожиданно получил деньги, сумму «не малую», содержится в письме его к С. А. Ивановой от 4 февраля 1872 г., причем рассказать о том, «как» он «ее получил», Достоевский обещает «когда-нибудь после» (стр. 226). Речь здесь, безусловно, идет не о гонораре за «Бесов», так как о январских расчетах с «Русским вестником» С. А. Иванова узнала еще во время пребывания Достоевского в Москве.

440. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 226)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма,* т. III, стр. 20—22.

[1] Вероятно, имеется в виду сделка, которую удалось совершить со старыми кредиторами Гинтерлахами, заставив их согласиться (благодаря вмешательству А. Г. Достоевской) на выплату им долга в рассрочку (см. письмо 436, примеч. 3).

[2] См. письмо 439, примеч. 2.

[3] В связи с требованиями редакции «Русского вестника» Достоевский начал переработку главы «У Тихона», которая первоначально мыслилась как девятая глава второй части «Бесов», затем как первая глава третьей

части. При этом Достоевский внес ряд смягчающих штрихов в воспроизведение «исповеди» Ставрогина о его преступлении и в то же время усилил в речи Тихона мотивы осуждения грешника, нравственной ответственности личности за свое деяние. Подробнее о разных редакциях и характере правки этой в конечном итоге так и не вошедшей в роман главы см.: наст. изд., т. XII, стр. 237—246.

[4] «Брат Софии Александровны, студент Инст‹итута› путей сооб‹щения›» — примеч. А. Г. Достоевской к тексту письма.

[5] Несколько ранее, в не дошедшем до нас, по всей вероятности, январском письме (см.: *Список*, № 281) Достоевский просил свою сестру Веру Михайловну Иванову, ездившую в Даровое, нанять поблизости, в селе Моногарове Каширского уезда, дачу для него и его семьи, но в конце концов Достоевский отказался от этой мысли и через мужа своей племянницы М. И. Владиславлева снял дачу в Старой Руссе (см. письмо 445, примеч. 2 и 446, примеч. 10).

[6] Этот план окончания третьей части романа «Бесы» к лету выполнен не был. Работа над ней затянулась, и публикация ее по этой и другим причинам отодвинулась на конец 1872 г. (см. письма 444, примеч. 2, 3 и 457, примеч. 3). По напечатании романа в журнале он не был запродан какому-нибудь книгопродавцу, а вышел в издании самого Достоевского в январе 1873 г. (см. письмо 491, примеч. 7).

[7] Речь идет о деле с получением наследства после смерти в 1871 г. богатой тетки А. Ф. Куманиной (см. подробнее: письмо 475, примеч. 3 и *Коллективное*, № 9 и примеч. к нему).

[8] См. письмо 446 и примеч. 12 к нему.

[9] Под «подражательницами» Ю. А. Ивановой Достоевский, скорее всего, имеет в виду другую свою племянницу — Нину Иванову; Наташа и Ольга были в эту пору маленькими девочками.

441. С. Д. ЯНОВСКОМУ (стр. 228)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.49.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 314—316.

Ответ на письмо С. Д. Яновского от конца января 1872 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 377—378).

Яновский ответил 14 февраля 1872 г. (см.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29915).

[1] С А. У. Порецким, знакомым ему по 40-м годам «товарищем» Достоевского (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 166—167), С. Д. Яновский в эту пору часто переписывался, сообщая о своих поездках, заграничных впечатлениях (см.: Л., Музей Достоевского, ф. 2, оп. 37, ГИК 601).

[2] С. Д. Яновский, обратившись в письме от конца января 1872 г. к Достоевскому с просьбой о возвращении ему старого долга ввиду его затруднительного материального положения, писал о себе: «Я в настоящее время живу в Киеве, в Трехсвятительской улице, в д‹оме› Тарновского; а в мае или июне должен буду непременно ехать сначала в Рагац, а потом на самый юг Италии, так как без этого лечения и при других гигиенических обстановках астматический кашель и хронический катар желудка задушат меня!

От души желаю Вам, Анне Григорьевне и всему Вашему дому всего лучшего в мире и, пожав Вам искренно руки, остаюсь на всю жизнь преданным и неизменно любящим Вас» (стр. 378).

[3] Отвечая Достоевскому, С. Д. Яновский писал 14 февраля 1872 г.: «Да, дорогой мой и всем существом моим любимый Федор Михайлович, если бы Вы знали, какую радость доставило мне письмо Ваше, и если бы Вы хоть в тысячную долю могли представить себе то счастье, которое я чувствовал, читая и перечитывая не то что каждую страничку, а каждый период Вашего письма, тогда бы Вы действительно поверили тому,

как дороги для меня слова Ваши, которыми выражена та мысль, что мы связаны друг с другом, поистине, чем-то незабвенным и что нам тяжело и грустно будет, расставаясь с этим миром, не свидеться! Вы, сказав, что в жизни Вашей многие воспоминания связаны с моим именем, подарили меня таким задушевным и нравственно для меня драгоценным подарком, что я, кроме моей искренней Вам за это благодарности, скажу и с своей стороны то, что в среде всего для меня лучшего, самого чистого и благородного во всю мою жизнь, Ваш образ для меня стоял и стоит доселе на первом плане! И теперь точно так же, как и прежде, проходя мысленно мое прошедшее, я всегда начинал его с 44 года, то есть с того времени, когда я познакомился с Вами, и затем как бы я ни шел, что бы я ни делал, мне всегда казалось и кажется, что Вы есть подле меня». В письме этом указана (возможно, ошибочно) иная дата начала знакомства Достоевского с Яновским, чем в поздних более подробно повествующих об этом «Воспоминаниях» последнего (там оно отнесено к 1846 г., см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 154—157, 405).

[4] Достоевский виделся последний раз с Яновским во время поездки своей с Анной Григорьевной после женитьбы в Москву, в конце марта—начале апреля 1867 г. Яновский вспоминает об этой встрече в гостинице Дюссо в письме к А. Г. Достоевской от 22 февраля (5 марта) 1884 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 389).

[5] В письме от 14 февраля 1872 г. Яновский сопоставлял это характерное для Достоевского признание о своем самоощущении за границей со своим, обращаясь к образам его последних романов. «Вы говорите, — писал он, — что, живя за границей, Вы чуть не в ужас приходили от того, что Вы отстаете от России; я и этого чувства не испытал; сердцем во все время я жил одною с нею жизнью и при каждом удобном случае (а такие были и даже серьезные) я не изменил ей в моих сыновьих чувствах, но ее самое постоянно себе воображал гораздо лучше, чем она есть, хотя болячек ее и слабостей никогда не забывал. Здесь же она мне жальчее, а ее идиоты и бесы просто разрывают меня на части».

[6] Речь идет о «Бесах».

[7] См. письмо 440, примеч. 5.

[8] Поездка на Восток и замысел написания книги о нем осуществлены не были.

[9] П. М. Цейдлер, как сообщал Яновский в письме от конца января, был также его должником (см. стр. 378).

[10] При письме Яновского сохранилась почтовая квитанция от 5 февраля 1872 г. о высылке из Петербурга ста рублей (см. стр. 377 и *ИРЛИ*, ф. 100, № 29915).

[11] Как и предположил Яновский в ответном письме, работа «прикрепила» Достоевского, и он не выбрался в Киев. В дальнейшем намечается некоторое охлаждение в отношениях Достоевского и Яновского, и переписка между ними прерывается до 1876—1877 гг. В том же письме от 14 февраля 1872 г. Яновский обратился к Достоевскому с просьбой содействовать публикации в «Гражданине» или какой-нибудь другой газете написанного им от третьего лица ответа на выпад «Голоса» против двух его анонимных статей в «Русском мире» (1872, №№ 23, 37) о необходимости освобождения от гнета военного начальства состоящих при войсках врачей и самостоятельности их в ведении вопросами гигиены; статьи, по его словам, были сокращены и неправильно поняты. В связи с этим Яновский писал А. У. Порецкому 25 августа 1872 г.: «Доказательством же того, что меня не поняли или не хотели понять, служит то, что говорил против меня „Голос“ <...> и то равнодушие, которое обнаружил к моему обращению Ф. М. Дост<оевский>, но в равнодушии последнего меня более всего поразило не то, что он остался равнодушен к моей просьбе о статье (статью он имел право бросить в огонь, и меня это, ей-богу, не затронуло бы ни на один волос), а то, что когда я ответил ему в декабре или генваре месяце на его милое, дружеское и теплое письмо таким же письмом со своей стороны, то он, несмотря на выра-

женное с его стороны желание вести переписку и даже повидаться летом в Киеве, — вдруг замолчал и молчит до сей поры. Ну, бог с ним. Грустно, но ничего с этим не поделаешь; я же к этому уже попричучен!» (Л., Музей Достоевского, ф. 2, оп. 37, ГИК 601).

442. Я. П. ПОЛОНСКОМУ (стр. 230)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 297, № 25267.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 24.

Датируется 16 февраля 1872 г. по содержанию и адресу, проставленному в конце: на Серпуховской Достоевский проживал со второй половины или конца 1871 г. по сентябрь 1872 г. (см.: Е. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Л., 1972, стр. 272).

[1] Достоевский приглашает на именины. День святого Федора Тирона приходился на 17 февраля.

443. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 230)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 1159, 2.4.

Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 344—345.

[1] См. письмо 442, примеч. 1.

444. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 231)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, 3.11.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 295—297.

Датируется последними числами марта—началом апреля 1872 г., так как, судя по первой фразе письма, Достоевский отвечает Любимову после получения мартовской книжки «Русского вестника», о выходе которой было объявлено в «Московских ведомостях» от 28 марта (№ 77).

Н. А. Любимов ответил на письмо 5 апреля 1872 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 420).

[1] Цитируемое письмо Н. А. Любимова неизвестно.

[2] Говоря о «2½ листах», Достоевский имел в виду главу «У Тихона» и собирался ею открыть публикацию третьей части, дополнив ее до «4 листов» второй главой «Арест С‹тепана› ‹Трофимови›ча» (позднее девятая глава второй части «Степана Трофимовича описали») — см. наст. изд., т. XII, стр. 248—249 и примеч. 3 к письму 440.

[3] Отвечая 5 апреля 1872 г., Н. А. Любимов писал: «Начать печатать теперь, чтобы по-прежнему ожидать от недели к неделе высылки малыми долями, нам бы не хотелось. Просим принять во внимание интересы журнала и посудить самим, как удобнее поступить, чтоб, не вредя роману, удовлетворить ожиданье публики, не затягивая дела. Если отложить до августа, да и в августе будем иметь лишь *долю* романа, хотя и значительную, то и дело осенью будет в том состоянии, в каком желательно, чтоб оно было теперь или, по крайней мере, в ближайшем будущем. Если бы Вы нашли возможным в срок, остающийся до майской или много июньской книжки, значительно продвинуть роман, то, может быть, было бы хорошо не стесняться летними месяцами. Во всяком случае будьте сами судьею дела, но в сужденьи Вашем будьте снисходительны к интересам журнала».

Достоевский согласился на предложение печатать третью часть «Бесов» летом и в соответствии с ее первоначальным планом предоставил в распоряжение редакции до второй половины июля пять ее глав. Однако публикация вновь не состоялась (см. письмо 457, примеч. 2, 3).

[4] Речь идет о переработанной, «смягченной» редакции главы «У Тихона» (см. письмо 440, примеч. 3). Н. А. Любимов без М. Н. Каткова не мог решить вопроса о ее судьбе. Как видно из последующих писем, Достоевский долго боролся за включение этой главы в роман, предприняв отчасти с этой целью осенью поездку в Москву, но в конце концов уже по возвращении в Петербург должен был в ноябре 1872 г. согласиться с отказом Каткова (см. письма 457, примеч. 3; 459, примеч. 1 и 460, примеч. 2). См. также наст. изд., т. XII, стр. 246.

445. М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ (стр. 232)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.4а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 141.

[1] Подробнее об Н. И. Голеновском, его смерти и многолетних дружеских отношениях с ним Ф. М. и А. Г. Достоевских см. в письме 446, а также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 115.

[2] Достоевские переехали в Старую Руссу в середине мая. А. Г. Достоевская в связи с этим рассказывает в своих воспоминаниях: «...мы выехали 15 мая 1872 года в Старую Руссу. Выбор этого курорта, как нашего летнего местопребывания, был сделан по совету профессора М. И. Владиславлева, мужа родной племянницы Федора Михайловича, Марии Михайловны. И муж и жена уверяли, что в Руссе жизнь тихая и дешевая и что их дети за прошлое лето, благодаря соленым ваннам, очень поправились. Федор Михайлович, чрезвычайно заботившийся о здоровье детей, захотел повезти их в Руссу и дать им возможность воспользоваться купаньями ‹...› Хоть зима 1871/72 года и прошла для нас благополучно и интересно, но мы уже с великого поста начали мечтать о том, как бы уехать раннею весною и куда-нибудь подальше, в глушь, где можно было бы работать, да и пожить вместе, не на народе, как в Петербурге, а как привыкли с мужем жить за границей, довольствуясь обществом друг друга. И вот наша мечта осуществилась» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 221).

446. В. М. ИВАНОВОЙ (стр. 233)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 25—27.
Ответ на письмо В. М. Ивановой от 31 марта 1872 г. (см.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29725).

[1] В это время Достоевский был занят работой над третьей частью «Бесов» (по старому распределению глав), пытаясь срочно подготовить ее к майскому или июньскому выпуску «Русского вестника» (см. письмо 444, примеч. 2, 3).

[2] Н. И. Голеновский умер 13 апреля 1872 г. (см. письмо 445 и примеч. 1 к нему).

[3] Старшая сестра Достоевского Варвара Михайловна овдовела в 1850 г., муж Веры Михайловны А. П. Иванов умер 17 января 1868 г. 54 лет (Достоевский откликнулся из Женевы на его смерть в письме В. М., С. А. и М. А. Ивановым от 1 (13) февраля 1868 г. — см. наст. изд., т. XXVIII_2, письмо 333 и примеч. 2 к нему), Н. И. Голеновский скончался, судя по словам этого письма, приблизительно в таком же возрасте или немного постарше (точная дата рождения его неизвестна).

[4] Речь идет о братьях А. Н. и Н. Н. Голеновских и сестрах М. Н. и Е. Н. Голеновских.

[5] Имеется в виду Ф. Д. или М. Д. Ставровский.

[6] В письме от 31 марта В. М. Иванова выражала беспокойство о сыне, находившемся в Петербурге: «Я так давно не получала писем от Саши, что боюсь, не случилось ли что с ним. Одна надежда, что ты его не оставишь, любезный брат, в случае болезни или чего-нибудь очень неприятного». См. также письмо 440 и примеч. 4 к нему.

[7] Предшествующее письмо Достоевского к В. М. Ивановой, написанное, по-видимому, еще в январе, неизвестно (см. письмо 440, примеч. 5).

[8] См. письмо 445, примеч. 2.

[9] В письме В. М. Иванова сообщала Достоевскому, что все имение Моногарово приобрел с аукциона их сосед Костюрин (владевший до этого только его половиной) и поселился в большом доме П. П. Хотяинцева (давнего соседа Достоевских, у которого в 30-е годы была земельная тяжба с М. Ф. и М. А. Достоевскими); Достоевскому же он собирался сдать на лето свой прежний «маленький домик, крытый соломой», с садом и лугом вокруг. «Подумайте, — писала В. М. Иванова, — и потом не претендуйте на меня, если вам что не понравится. А мы все очень желаем пожить вместе с вами лето. Как было бы приятно».

[10] Лето Достоевский провел в Старой Руссе, побывать в августе в Москве ни ему, ни Анне Григорьевне не удалось, в связи с чем не осуществилось и его намерение погостить у Ивановых в Даровом.

[11] Ответ на сообщение в письме сестры: «Соня очень-очень извиняется, что до сих пор не могла тебе ответить. [Ее завалили работой из редакции „Р‹усского› вестника". К Святой ей перевести ‹*2 нрзб.*›, и она, не отрываясь, работает ‹*6 нрзб.*›. Она переводит ‹*3 нрзб.*› и очень вам обоим кланяется.] Зачеркиваю все, что написала о ней, по ее личной просьбе».

[12] Речь идет о пианисте Н. Г. Рубинштейне, основателе и директоре Московской консерватории, в которой обучалась М. А. Иванова. В 60—70-х годах он развернул широкую концертную деятельность в Москве и Петербурге, организуя так называемые народные концерты, пользовавшиеся широкой популярностью (см.: Н. Д. К а ш к и н. Первое двадцатипятилетие Московской консерватории. М., 1891; Н. Д. К а ш к и н. Воспоминания о Н. Г. Рубинштейне. — «Русское обозрение», 1897, т. 47, № 9, стр. 151—169; 1898, т. 49, № 1, стр. 328—338; А. А. С о л о в ц о в. Николай Рубинштейн. М.—Л., 1946).

447. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 235)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 608, И. В. Помяловского, оп. I, № 4851.

Впервые опубликовано: Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества. Пг., 1921, 30 октября (12 ноября), стр. 21—22.

[1] Портрет Достоевского был заказан В. Г. Перову П. М. Третьяковым. Сохранилось письмо П. М. Третьякова к Достоевскому от 31 марта 1872 г., в котором он писал: «Я собираю в свою коллекцию русской живописи портреты наших писателей ‹...› Позвольте и Ваш портрет иметь (масляными красками)» (*ЛН*, т. 86, стр. 120). 15 апреля 1872 г. Третьяков сообщил Достоевскому, что избранный им для написания портрета Достоевского художник В. Г. Перов выедет в Петербург в конце месяца и, вероятно, успеет окончить портрет к 10 мая, до отъезда Достоевского в Старую Руссу. Перов выехал, по-видимому, в 20-х числах апреля и вскоре по приезде писал Третьякову: «Нынешний день от 3 до 5-ти назначен сеанс с Федора Михайловича Достоевского, личность которого имеет свой интерес, и думаю, что для живописи будет также интересно...». И далее: «Достоевский мне дает только два часа в день, от 3 до 5 и два сеанса утром, о ходе дела напишу...» (там же). О работе Перова над портретом Достоевского, их частых встречах в этот период и симпатии Достоевского к художнику вспоминает А. Г. Достоевская: «Прежде чем начать работу, Перов навещал нас каждый день в течение недели; заставал Федора Михайловича в самых различных настроениях, беседовал,

вызывал на споры и сумел подметить самое характерное выражение в лице мужа, именно то, которое Федор Михайлович имел, когда был погружен в свои художественные мысли. Можно бы сказать, что Перов уловил на портрете „минуту творчества Достоевского". Такое выражение я много раз примечала в лице Федора Михайловича, когда, бывало, войдешь к нему, заметишь, что он как бы „в себя смотрит", и уйдешь, ничего не сказав ‹...› Перов был умный и милый человек, и муж любил с ним беседовать. Я всегда присутствовала на сеансах и сохранила о Перове самое доброе воспоминание» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 219—220).

Портрет Достоевского, исполненный В. Г. Перовым и находящийся в настоящее время в Третьяковской галерее, имел большой успех на Передвижных выставках, открывшихся 26 декабря 1872 г. в Петербурге и 2 апреля 1874 г. в Москве, а также в 1878 г. на Всемирной художественной выставке в Париже (см. отзывы критики: *ЛН*, т. 86, стр. 122—123). Наиболее развернутую оценку портрета как шедевра «русской школы вообще» дал И. Н. Крамской (см. там же, стр. 124).

[2] Инициатива создания Перовым портрета А. Н. Майкова принадлежала Достоевскому. В упомянутом выше письме к П. М. Третьякову от конца апреля 1872 г. Перов, обещая следующий раз написать о самом Достоевском «больше», добавлял: «...а теперь исполняю его желание, которое он мне высказал, а именно почему Вы до сего времени не имеете портрета Аполлона Майкова, который, по его мнению, Вам иметь необходимо, и он находит, что хорошо было бы, если б я их написал в одно время.

Что Вы на это скажете? Если да, то напишите письмо к Майкову на мое имя, и я с ним пойду к нему и напишу его портрет, если нет, то все-таки меня уведомите» (*ЛН*, т. 86, стр. 120). Портрет А. Н. Майкова, написанный Перовым, также хранится в Третьяковской галерее.

448. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 236)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 52—54.

[1] 15—18 мая 1872 г. Ф. М. и А. Г. Достоевские выехали вместе с детьми на лето в Старую Руссу. Однако вскоре они вынуждены были, оставив десятимесячного Федю на попечение няни, вернуться в Петербург, так как их двухлетней дочери Любе потребовалась срочная операция: в результате скрытого перелома у нее неправильно срослась рука. После операции, сделанной в Максимилиановской лечебнице главным врачом И. М. Барчем, которому ассистировал доктор Н. Л. Глама, Анна Григорьевна осталась с Любой в Петербурге, а Достоевский, как видно из этого письма, 27 мая вернулся в Старую Руссу (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 220—231 и *РЛ*, 1963. № 4, стр. 198).

[2] Достоевские поселились в 1872 г. в Старой Руссе в доме священника Георгиевской церкви Иоанна Румянцева. А. Г. Достоевская так описывает первую встречу с ним: «Наконец, в три часа дня, пароход подошел к пристани. Мы забрали свои вещи, сели на линейки и отправились разыскивать нанятую для нас ‹...› дачу священника Румянцева. Впрочем, разыскивать долго не пришлось: только что мы завернули с набережной реки Перерытицы в Пятницкую улицу, как извозчик мне сказал: „А вон и батюшка стоит у ворот, видно, вас дожидается". Действительно, зная, что мы приедем около 15 мая, священник и его семья поджидали нас и теперь сидели и стояли у ворот. Все они нас радостно приветствовали, и мы сразу почувствовали, что попали к хорошим людям. Батюшка, поздоровавшись с ехавшим на первом извозчике моим мужем, подошел ко второму, на котором я сидела с Федей на руках, и вот мой мальчуган, довольно дикий и ни к кому не шедший на руки, очень

дружелюбно потянулся к батюшке, сорвал с него широкополую шляпу и бросил ее на землю. Все мы рассмеялись, и с этой минуты началась дружба Федора Михайловича и моя с отцом Иоанном Румянцевым и его почтенной женой, Екатериной Петровной, длившаяся десятки лет и закончившаяся только с смертью этих достойных людей» (*Достоевская. А. Г., Воспоминания*, стр. 222—223).

[3] У Ольги Кирилловны, жены брата Анны Григорьевны, ожидались в это время первые роды, и мать Анны Григорьевны, Анна Николаевна Сниткина, за ней ухаживала.

[4] 30 мая отмечалось 200-летие со дня рождения Петра I (описание юбилея см.: *Г*, 1872, 6 июня, № 37).

[5] Письма Достоевского к И. И. Румянцеву неизвестны.

449. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 238)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 54—56.

А. Г. Достоевская ответила на это письмо 1 июня 1872 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 54).

[1] Речь идет о протопопе Иване Смелкове, дальнем родственнике Достоевского через М. И. Владиславлева. По предположению Л. М. Рейнуса, он изображен писателем в «Бесах» в сцене пожара (глава «Окончание праздника»), в толпе, окружавшей губернатора Лембке (*Рейнус*. стр. 20).

[2] Достоевский уехал в Старую Руссу, отправив в редакцию «Русского вестника» две начальные главы третьей части «Бесов» и договорившись начать печатание ее с мая; теперь он спешил подготовить продолжение (см. наст. изд., т. XII, стр. 247).

[3] По всей вероятности, уезжая из Старой Руссы в Петербург для лечения Любы, Достоевский оставил И. И. Румянцеву на расходы 25 руб.

[4] В летнем театре, основанном в Старой Руссе в саду при минеральных водах в конце 1840-х годов, по свидетельству местного краеведа, в пору пребывания там Достоевского большей частью выступали «кочующие труппы артистов» с «драматическо-трагическим репертуаром» или «мелодрамами» (см.: М. И. Полянский. Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885, отд. II, стр. 45—46; а также: *Рейнус*, стр. 16—17). На открытии сезона 28 мая 1872 г. в Старорусском театре, возможно, была поставлена новая, недавно вышедшая пьеса Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (*ОЗ*, 1872, № 1), на которую и собирался «пойти для знакомства» Достоевский.

450. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 240)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 56—57.

[1] Письмо Достоевской с извещением о смерти в Риме от тифа ее сестры М. Г. Сватковской неизвестно.

[2] Говоря о Саксонии, Достоевский имел в виду жизнь А. Н. Сниткиной за границей в 1868—1871 гг. «то с детьми» своей старшей дочери, то у Достоевских — большей частью в Дрездене (см.: *Достоевская. А. Г., Воспоминания*, стр. 190).

[3] Содержание этого «первого», после отъезда из Петербурга Достоевского, не дошедшего до нас письма к нему А. Г. Достоевской от 27 мая 1872 г. излагается в ее записной книжке (см.: *ИРЛИ*, № 30780).

451. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 242)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 57—59.
Ответ на письма А. Г. Достоевской от 30 мая и 1 июня 1872 г. (последнее ее письмо см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 54).

[1] Письмо это неизвестно. Изложение его содержания сохранилось в записной книжке А. Г. Достоевской (см.: *ИРЛИ*, № 30780).
[2] При отъезде Достоевских в Старую Руссу А. Н. Сниткина руководила перевозкой мебели на склады; извозчик уронил ей на ногу сундук с вещами, который раздробил ей большой палец, что вызвало воспаление и даже грозило ампутацией (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 227).
[3] См. письмо 448, примеч. 3.
[4] В письме от 1 июня 1872 г. А. Г. Достоевская сообщала: «Вообще о нас с Любой не беспокойся, мы будем здоровы и воротимся к тебе с целыми руками и ногами. Люба не дает хорошенько мне выспаться, рано встает. Ужасно хочу увидеть тебя и Фечту. Люба называет его не Федичка, а *Фечта*, и много о нем говорит».
[5] После операции, произведенной в Максимилиановской лечебнице, девочка должна была вместе с матерью оставаться там три недели. Анна Григорьевна хотела переехать к кому-нибудь из родных (см. письма к ней 448, 452 и 453).

452. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 244)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 59—62.

[1] Письмо это неизвестно. Сохранилось изложение содержания письма А. Г. Достоевской от воскресенья 4 июня 1872 г. (см.: *ИРЛИ*, № 30780).
[2] См. письмо 449, примеч. 1.
[3] См. письмо 449, примеч. 2.

453. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 246)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 62—63.
А. Г. Достоевская ответила 10 июня 1872 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 61—62).

[1] Это письмо неизвестно. Изложение его содержания, а также предшествующего письма Анны Григорьевны к Достоевскому от 5 июня 1872 г. сохранилось в записной книжке А. Г. Достоевской (см.: *ИРЛИ*, № 30780).
[2] А. Г. Достоевская переехала к своему двоюродному брату М. Н. Сниткину.
[3] См. письмо 449, примеч. 2.
[4] Протопоп — И. Смелков.
[5] См. письмо 451, примеч. 2.

454. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 248)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 63—65.

[1] Это письмо неизвестно. Сохранилось изложение его содержания в записной книжке А. Г. Достоевской (см.: *ИРЛИ*, № 30780).

[2] Имеется в виду М. Н. Сниткин — специалист по детским болезням.

[3] Работа над третьей частью «Бесов» (см. письмо 449, примеч. 2).

[4] И. Смелков.

[5] По возвращении из Старой Руссы Достоевские поселились во 2-й роте Измайловского полка, в доме генерала Мевес (см.: *Достоевская. А. Г., Воспоминания*, стр. 237).

455. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 249)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.25.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 65—66.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 10 июня 1872 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 61—62).

[1] Кроме письма от 10 июня сохранилось также изложение содержания письма Анны Григорьевны к Достоевскому от 9 июня 1872 г. (см.: *ИРЛИ*, № 30780).

[2] А. Г. Достоевская писала 10 июня 1872 г.: «Я здорова. Пашу видела, умолял меня позволить ему прийти ко мне, я просила прийти во вторник вечером. Погода здесь хороша ‹...› Целую милого Фечту миллионы раз. Ты не поверишь, как мне без него тучно. Милый, милый мой Фечта! (не ты, конечно, а другое дорогое, маленькое существо). Я и тебя, милый Федя, очень, очень люблю и скучаю по тебе, вероятно, более, чем ты по мне. Я живу у двоюр‹одного› брата (М. Н. Сниткина. — *Ред.*), семейство которого на даче, так что мы никого там особенно не стесняем ‹...› Лиля целует много раз своего папу» (стр. 61—62).

[3] Достоевский постоянно поддерживал своего младшего брата Николая Михайловича, оказавшегося по болезни в начале 60-х годов без службы и страдавшего предрасположением к запою. А. Г. Достоевская вспоминает: «Как ни малы были наши средства, Федор Михайлович считал себя не вправе отказывать в помощи брату Николаю Михайловичу, пасынку, а в экстренных случаях и другим родным. Кроме определенной суммы (пятьдесят рублей в месяц), „брат Коля“ получал при каждом посещении по пяти рублей. Он был милый и жалкий человек, я любила его за доброту и деликатность и все же сердилась, когда он учащал свои визиты под разными предлогами: поздравить детей с рождением или именинами, беспокойством о нашем здоровье и т. п.» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 217).

456. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 250)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.25.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 66.

[1] Письмо это неизвестно.

[2] Достоевский должен был представить в «Русский вестник» еще весною, самое позднее летом значительную долю третьей части «Бесов». О реальном ходе работы над романом и обстоятельствах его публикации см. письма 444, примеч. 2, 3 и 457, примеч. 2, 3.

457. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 251)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 52.

Впервые опубликовано: «Былое», 1919, № 14, стр. 50—51.

[1] Это письмо Достоевского к Любимову неизвестно (см. *Список*, № 282).

[2] Вместе с отправляемой главой в распоряжении редакции должны были находиться к этому времени пять глав третьей части, предполагаемый порядок которых был следующим: I. У Тихона. II. Степана Трофимовича описали. III. Флибустьеры. Роковое утро. IV. Праздник. Отдел первый. V. Окончание праздника. О работе над этими главами и их планировке см.: наст. изд., т. XII, стр. 248—250.

[3] Печатание третьей части романа откладывалось как из-за желания редакции иметь ее в более или менее законченном виде, так и в связи с главой «У Тихона», которую Катков не хотел печатать. После возвращения из Старой Руссы Достоевский вынужден был выехать в начале октября 1872 г. для переговоров в Москву (см. письмо 460). В конце концов третья часть была опубликована (без главы «У Тихона», — см. также письмо 440, примеч. 3) в ноябрьском и декабрьском номерах «Русского вестника» за 1872 г.; подробнее о подготовке ее журнальной редакции см.: наст. изд., т. XII, стр. 250—252.

458. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 252)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 1139, 2.4.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 43.

[1] В это время Достоевский ожидал завершения судебного процесса с Ф. Т. Стелловским, отказавшимся уплатить гонорар за новое издание «Преступления и наказания» (Полн. собр. соч. СПб., 1870, т. IV), который причитался писателю по заключенному ранее договору (см. письмо Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) декабря 1870 г. (№ 402) и дальнейшую переписку их по этому делу).

[2] Дело было передоверено адвокату В. И. Губину еще в мае 1871 г. (см. письмо ему 427). 19 сентября 1872 г. он сообщал Достоевскому: «Дело Ваше с Стелловским назначено на 21 сентября к докладу по очереди 7-м и будет слушаться, вероятно, около 12 часов» (*ИРЛИ*, № 29685). Однако решение было снова отложено (см. письмо 534, примеч. 14, 15).

459. Е. П. ИВАНОВОЙ (стр. 252)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 44—45.

[1] Кроме отосланных ранее пяти глав (см. письмо 457, примеч. 2) и отправленной также летом шестой главы «Законченный роман», в сентябре была готова, по всей вероятности, и глава седьмая, названная на этой стадии «Последние шаги Петра Степановича» (см. наст. изд., т. XII, стр. 250). Достоевскому действительно пришлось поехать в Москву в начале октября 1872 г., так как он надеялся настоять на публикации главы «У Тихона» (см. письмо 457, примеч. 3).

[2] С. А. Иванова в это время сотрудничала в «Русском вестнике» как переводчица (см. письмо 360, примеч. 16 и письмо 363, примеч. 25).

[3] Бывая в Москве и останавливаясь там у Ивановых, Достоевский не только беседовал о своих литературных делах с наиболее близкой ему племянницей С. А. Ивановой, которой посвящен роман «Идиот», но и просил, по свидетельству А. Г. Достоевской, «отличную музыкантшу» М. А. Иванову «играть его любимые пьесы, особенно «Hochzeitmarsch» Mendelsohn-Bartholdi ‹«Свадебный марш» Мендельсона-Бартольди (*нем.*)›, который она художественно исполняла» (*Д, Письма к жене*, стр. 313).

460. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 254)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 67—68.
Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 7 октября 1872 г. (см.: *Д, Переписка с женой*. стр. 63—64).

[1] В письме от 7 октября, отправленном «на железной дороге», А. Г. Достоевская, сообщив, что «ребятишки <...> совершенно здоровы», воспроизводила ряд эпизодов, связанных с их поисками отца.

[2] На этой стадии Достоевский еще полагал, что глава «У Тихона» будет напечатана, и заканчивал роман по первоначальному плану с ее учетом. Судьба этой главы, по-видимому, была отрицательно решена только перед самым выходом ноябрьской книжки «Русского вестника», в момент возвращения Каткова в Москву (см. наст. изд., т. XII, стр. 251).

[3] Цензурные опасения Н. А. Любимова вызывала, вероятно, глава «Флибустьеры. Роковое утро», в которой рассказывалось о забастовке рабочих и которая по первоначальному плану входила в третью часть (см. наст. изд., т. XII, стр. 249, 251, 252).

[4] Достоевский должен был повидаться с В. И. Веселовским в связи с делом по наследству, оставшемуся после А. Ф. Куманиной (см. письмо 440, примеч. 7).

[5] Достоевский сблизился с В. Г. Перовым в период, когда тот работал над его портретом (см. письмо 447, примеч. 1). В записных тетрадях он дважды зафиксировал адрес художника: «В Москве, против почтамта. Училище живописи. Василий Григорьевич Перов» (см.: *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 23). Полгода спустя после встречи с Перовым в Москве Достоевский в марте 1873 г. посетил в Петербурге выставку картин русских художников, отобранных для отправки на Венскую всемирную выставку, и в отзыве о ней в «Дневнике писателя» особо выделил картину Перова «Охотники на привале» как высокий образец национальной живописи (см. наст. изд., т. XXI, стр. 71—72). С Третьяковым, обратившимся ранее к Достоевскому с письмом в связи с заказом Перову его портрета для галереи, писатель встретился лишь в 1880 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 124—125).

[6] См. письмо 436, примеч. 4.

461. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 255)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.25.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 68.

[1] С 7 по 11 октября в Московском окружном суде повторно слушалось дело братьев А. К. и П. К. Мясниковых, обвинявшихся в составлении подложного духовного завещания их родственника купца К. В. Беляева и использовании большей части его огромного состояния (см.: *Г*, 1872, 10—14 октября, №№ 162—167; а также: В. К. Иванов. Взгляд на дело Мясниковых с общественной точки зрения. СПб., 1872).

[2] 7 октября 1872 г. А. Г. Достоевская писала: «Вспомни о просьбе Николая Михайловича 140 рублей и съезди к Веселовскому, ему это не покажется странным, ты только отдашь визит, а Николаю Мих<айловичу> окажешь огромную услугу, так как на эти деньги он хочет лечь в больницу» (*Д, Переписка с женой*, стр. 64). Ф. М. Достоевский хотел обратиться к В. И. Веселовскому как к официальному опекуну умершей тетки А. Ф. Куманиной, рассчитывая через него получить 140 руб. в пользу брата Н. М. Достоевского, вероятно, в счет доли его наследства (а может быть, и опекунской доли, так как, введенный в заблуждение

А. Н. Майковым еще в 1869 г. — см. письмо 368, примеч. 2 и 4, мог продолжать считать Николая Михайловича вторым опекуном, в то время как им был Андрей Михайлович).

462. М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ (стр. 255)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.4а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 141—142.

[1] По свидетельству А. Г. Достоевской, по возвращении из-за границы, зимой 1871—1872 гг., Достоевский «возобновил знакомство со многими прежними друзьями, а у своего родственника, профессора М. И. Владиславлева, имел случай встретиться со многими лицами из ученого мира; с одним из них, В. В. Григорьевым (востоковедом), Федор Михайлович с особенным удовольствием беседовал» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 219 и 441—442). Рассказывая об этой же зиме, А. Г. Достоевская вспоминает обед у них дома в честь приезда из Крыма знакомого Достоевскому еще с юности по кружку Петрашевского Н. Я. Данилевского — автора очень ценимой им книги «Россия и Европа». Среди присутствовавших на обеде кроме А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова она также называет и профессора-слависта В. И. Ламанского, отмечая, что общая беседа «затянулась до глубокой ночи» (там же).

463. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ (стр. 257)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 1120, I.97.
Впервые опубликовано: *ИВ*, 1883, № 3, стр. 602.
Ответ на письмо Вс. С. Соловьева от 28 декабря 1872 г. (*Д, Письма*, т. III, стр. 299—300).
Написано на обороте визитной карточки Достоевского, которую он оставил у Вс. С. Соловьева.
Датируется 1 января 1873 г. на основании записи в дневнике Вс. С. Соловьева и письма его к матери от 1 января 1873 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 421—422).

[1] 1 января 1873 г. Вс. С. Соловьев записал в дневнике: «Несколько дней тому назад, когда я узнал, что он (Достоевский. — *Ред.*) делается редактором „Гражданина“ и что, стало быть, находится в Петербурге, я, как сумасшедший, кинулся подписаться на „Гражданин“ и узнать его адрес. Я сел и писал всю ночь человеку, которого не знаю» (стр. 422). В письме Соловьева от 28 декабря 1872 г., в частности, говорилось: «Мне так много хочется сказать Вам; но я сознаюсь, что это невозможно <...> Я повторяю, что Вы имеете на мою жизнь огромное влияние, что я никогда не ставил Вашего имени рядом с другими современными именами, что я вижу в творениях Ваших яркий пламень гения и преклоняюсь перед Вами, и глубоко люблю Вас. У меня еще все впереди, и, быть может, и мне удастся сказать свое слово; но мне нужна опора, и за этой опорой обращаюсь я к Вам, гениальный учитель. Если для Вас могут что-нибудь значить восторг мой и любовь моя, то позвольте мне прийти к Вам» (стр. 300). В «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» Соловьев писал: «Наступил новый, 1873-й год. Первого января, вернувшись к себе поздно вечером и подойдя к письменному столу, я увидел среди дожидавшихся меня писем визитную карточку, оборотная сторона которой вся была исписана. Взглянул — «Федор Михайлович Достовский» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 187).

[2] С декабря 1872 г. Достоевский исполнял должность редактора еженедельника «Гражданин». Первый подписанный им номер вышел 1 января 1873 г.

[3] 2 января 1873 г. Соловьев посетил Достоевского. Об этой встрече рассказывается в его дневнике (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 423—426), а также в «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 188—193).

464. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 257)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.45.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 48.
Датируется 2—7 января 1873 г., так как в письме речь идет, по всей вероятности, о статье «Юбилей А. А. Краевского и его газеты „Голос"», посвященной событиям 27 декабря 1872 г.—1 января 1873 г. и опубликованной анонимно 8 января 1873 г. в № 2 «Гражданина» (стр. 53). Именно в этой статье, в которой в сатирической форме описывался юбилейный обед сотрудников «Голоса», могли быть задеты другие издатели и редакторы журналов — М. Н. Катков, Н. А. Некрасов и Г. Е. Благосветлов, что было нежелательно Достоевскому, только что приступившему к изданию «Гражданина».
Высказанное В. В. Виноградовым предположение, что автором статьи «Юбилей А. А. Краевского...» был Достоевский (см.: *Достоевский и его время*, стр. 26—28), противоречит содержанию этого письма. О юбилее Краевского мог скорее написать Пуцыкович, помещавший в «Гражданине» заметки, сходные по жанру, под рубрикой «Последняя страничка».

465. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 258)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 186.
Датируется 6 или 13 января 1873 г. по следующим соображениям: 1) Субботы в январе 1873 г., когда начались служебные отношения Достоевского с М. А. Александровым, приходились на 6, 13, 20 и 27 числа. 2) М. А. Александров, опубликовавший письмо в составе своих воспоминаний о Достоевском (*РС*, 1892, № 4, стр. 177—207 и № 5, стр. 293—336), назвал его первым, относящимся к начальному периоду их знакомства. В архиве Александрова все письма к нему Достоевского пронумерованы, вероятно самим адресатом. Данное письмо имеет № 1. Поэтому оно вряд ли могло быть написано 20 или 27 января.

[1] Типография А. П. Траншеля, в которой печатался «Гражданин», находилась на Невском проспекте в доме № 45 (сейчас — Невский пр., д. № 47).
[2] Речь идет о В. Ф. Пуцыковиче.

466. Л. А. ЛЕОНОВУ (стр. 258)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.28.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 303.
Датируется 15 января 1873 г. на основании почтового штемпеля. Написано на почтовой открытке, на обороте адрес рукой неустановленного лица (вероятно, Л. А. Леонова, приславшего открытку для ответа вместе со статьей): «В Москву. Его в‹ысоко›благородию Леониду Андреевичу Леонову. Трубная площадь, дом Очкина. Меблированные комнаты, № 15».

467. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 258)

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации: *Александров*, стр. 186.

Датируется 26—28 января 1873 г. на основании следующих данных: 1) М. А. Александров назвал эту записку «второй» из всех, отправленных ему Достоевским (см. примеч. к письму 465). 2) «Дневник писателя» печатался во всех январских номерах «Гражданина», кроме № 5, вышедшего 29 января. Распоряжение об изъятии из номера уже набранной статьи «Дневника писателя» Достоевский мог сделать в течение трех дней, предшествовавших выходу «Гражданина» в свет. Как пишет в своих воспоминаниях Александров, работа по составлению очередного номера «Гражданина», выходившего по понедельникам, начиналась в четверг, набирался же он начиная с пятницы (*Александров*, стр. 193). Вероятно, из № 5 «Гражданина» был «вынут» рассказ «Бобок», работа над которым не была еще завершена (см. наст. изд., т. XXI, стр. 402). «Бобок» был опубликован 5 февраля 1873 г. в № 6 «Гражданина».

468. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 258)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 48—49.

Датируется по содержанию 1873 г.

[1] Достоевский стал редактором еженедельника «Гражданин» с января 1873 г. Об условиях работы писателя в «Гражданине» см.: наст. изд., т. XXI, стр. 359—370.

[2] См. примеч. к письму 463.

[3] О некоторых разногласиях и спорах с Достоевским М. А. Иванова упомянула в своих воспоминаниях о писателе: «С юношами, бывавшими в семье Ивановых, Достоевский часто вступал в споры по поводу модного „нигилизма“ и по вопросу о том, что выше: „сапоги или Пушкин“. Он красноречиво отстаивал значение поэзии Пушкина» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 369).

[4] Достоевский был в Москве с 20 по 23 мая 1873 г. (см. письмо 475), т. е. значительно позднее «святой» (пасхальной) недели, которая в 1873 г. приходилась на 8—15 апреля.

469. А. А. РОМАНОВУ (наследнику) (стр. 260)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 677, I.790.

Впервые опубликовано по копии А. Г. Достоевской, имеющей разночтения с оригиналом (*ГБЛ*, ф. 93, I.6.1): «Недра». М., 1923, кн. 2, стр. 275—276; то же перепечатано: *Д, Письма*, т. III, стр. 49—50.

Копия письма, сделанная А. Г. Достоевской, не датирована и имеет разночтения с оригиналом:

Вместо: милостивейший государь — всемилостивейший государь

Вместо: Дозвольте — позвольте

Вместо: Нечаевское преступление — Нечаевское движение

Слов: а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц — *нет*.

Вместо: последствие вековой оторванности — следствие великой оторванности

Вместо: к убеждению о совершенной преступности — к убеждению, что совершенно преступно

Вместо: без подобного *высокомерия* — без всякого высокомерия

Вместо: одного из высочайших и тягчайших жребиев в мире — одного из высочайших престолов в мире

Имеются и некоторые другие более мелкие разночтения.

А. Г. Достоевская сопроводила копию письма следующим примечанием: «Письмо это было адресовано е‹го› и‹мператорскому› высочеству наследнику цесаревичу Александру Александровичу по следующему поводу: его высочество, всегда интересовавшийся произведениями Федора Михайловича, в разговоре с К. П. Победоносцевым выразил желание знать, как автор „Бесов“ смотрит на свое произведение. В начале 1873 года вышло отдельное издание этого романа, и тогда, через К. П. Победоносцева, Федор Михайлович поднес книгу его высочеству, сопроводив подношение вышенаписанным письмом».

Другой автокомментарий к «Бесам» Достоевский дал в статье «Одна из современных фальшей», вошедшей в состав «Дневника писателя» 1873 г. и опубликованной в «Гражданине» 10 декабря 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 125—136 и примеч. стр. 451—458; т. XII, стр. 270—271).

470. М. П. ПОГОДИНУ (стр. 261)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 373, I.149.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. VI, стр. 443.

М. П. Погодин ответил на это письмо 23 февраля 1873 г. (там же, стр. 444—445).

[1] Речь идет о статье М. П. Погодина «К характеристике Белинского. (Справка с объяснением)».

[2] Статья М. П. Погодина была опубликована в № 9 «Гражданина» (1873, 26 февраля, стр. 272—275).

[3] 23 февраля 1873 г. М. П. Погодин писал Достоевскому: «Подписываться имени (так. — *Ред.*) под такими побочными поделками ‹...› мне не хотелось бы, но если Вы того желаете, то можете сделать такое примечание: мы получили эту статью от того-то за подписью Старого читателя журналов, но мы решились поставить имя, надеясь, что не посетуете, ибо... или как-нибудь в этом роде. Если сочтете это неудобным, то, пожалуй, поставьте имя просто» (стр. 444). Статья вышла с подписью: «Старый читатель журналов М. Погодин» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 275), что очень обидело автора. 1 марта 1873 г. он писал Достоевскому: «Что за штуку выкинул „Гражданин“, сделав две подписи под моей статейкой. Непременно в следующем нумере объяснитесь: под статьей-де было подписано Старый читатель журналов, но после, по нашему желанию, автор согласился выставить свое имя на корректуре и т. п. Помилуйте, Старый читатель журналов М. Погодин — ведь это вопиющая нелепость» (*Звенья*, т. VI, стр. 452). Никакого объяснения, однако, в «Гражданине» не последовало.

[4] Имеется в виду глава «Старые люди», которая вместе с «Вступлением» открывала «Дневник писателя» 1873 г. (*Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 15—17). О соотношении этой главы с заметкой Погодина см.: наст. изд., т. XXI, стр. 380—381 и *Кирпотин, Достоевский и Белинский*, стр. 183—185. Глава «Старые люди» была подвергнута критике Н. К. Михайловским, который в февральском номере «Отечественных записок» вступил в полемику с ее автором по поводу исторической и общественной роли представителей образованного «русского барства» (см.: *ОЗ*, 1873, № 2, стр. 338—342; см. также наст. изд., т. XXI, стр. 377).

[5] Погодин, вероятно, несколько раз писал Достоевскому. Сохранилось его письмо от 25 января 1873 г., в котором сказано: «В последней записке я жал Вам руку (а ответа не получил), а теперь крепко обнимаю» (*Звенья*, т. VI, стр. 442). Достоевский не ответил и на это письмо, однако учел содержавшиеся в нем замечания относительно «Гражданина». М. П. Погодин писал: «Оглавление по газетам, да и в самых нумерах, составляются нелепо: что за именительные падежи! Надо родительные, как везде делается, и с буквою отчества. Ф. М. Дос—ого и т. д.». Начиная

с № 4 «Гражданина» (от 29 января) фамилии авторов статей в оглавлении стали печататься в родительном падеже.

[6] Это обещание Достоевский не выполнил. В начале января 1873 г. Мещерский также писал Погодину по поводу его статей: «Сделайте великую милость — потерпите без гнева и злобы на нас, грешных, еще недельки две — относительно находящихся в редакции „Гражданина" статей Ваших, ибо прошло три недели, пока вступил новый редактор, человек пожилой и больной, к которому — потому что он Достоевский, — я не могу относиться иначе как с величайшею деликатностью. Ваши статьи задержались в беспорядке прежней редакции, и г-н Достоевский взял их и прочтет...» (*ЛН*, т. 86, стр. 426). В письме к Достоевскому от 25 января 1873 г. Погодин перечислил материалы, отправленные им в редакцию «Гражданина»: «Посланы прежде статьи: „Белев", „Киев", „Феодосия". (В «Белеве» рассказано о разговоре с Е. П. Елагиной о Дале.) ‹...› В 5 № послан лоскуток, в 6 № посылаю теперь о Кохан‹овской›». В этом же письме Погодин сообщил, что готовит материалы для № 7, а в № 8 собирается опубликовать «Московские заметки о славянофилах» (*Звенья*, т. VI, стр. 442). Из всех упомянутых статей в «Гражданине» были напечатаны: заметка «В вагоне» (№ 5) и статья «К вопросу о славянофилах» (№№ 11 и 13).

471. М. П. ПОГОДИНУ (стр. 261)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 373, I.149.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. VI, стр. 446—449.
Ответ на письмо Погодина от 23 февраля 1873 г. (там же, стр. 444—445).
Погодин ответил на это письмо 1 марта 1873 г. (там же, стр. 451—452).

[1] Имея в виду письмо к нему Достоевского от 21 февраля 1873 г. (№ 470)), Погодин писал: «Насилу откликнулись по необходимости» (стр. 444).

[2] См. письмо 470.

[3] Погодин писал Достоевскому 23 февраля 1873 г.: «Редакторам непременно нужен секретарь, который извещал бы сотрудников о получении их статьи и т. п.» (стр. 444).

[4] Речь идет о произведении И. Генслера «Гаваньские сцены. (Жанр)» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 277—282; 5 марта, № 10, стр. 320—322). См. наст. изд., т. XXI, стр. 516.

[5] Мысли о сопоставлении социализма и христианства занимали Достоевского на протяжении многих лет. Они присутствовали в его сознании уже в 1840-е годы, во времена общения с Белинским, что отражено в статье 1873 г. «Старые люди» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 8—12). К 1864 г. относится работа над статьей «Социализм и христианство», которая не была доведена до конца (см. наст. изд., т. XX, стр. 191—194 и 384—385). В записной тетради 1872—1875 гг. есть запись (по времени близкая письму к Погодину), в которой о социализме и христианстве говорится не в плане противопоставления («антитезы»), а в плане сопоставления этих понятий: «Социализм — это то же христианство, но оно полагает, что может достигнуть разумом» (наст. изд., т. XXI, стр. 254). И наконец, в «Дневнике писателя» 1881 г., подводя итоги многолетним размышлениям, Достоевский так формулирует свое утопическое понимание «русского социализма», апеллируя к крестьянским, народным идеалам: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!» (наст. изд., т. XXVII, стр. 19).

[6] Наброски задуманных в 1873 г. художественных произведений до нас не дошли. Ср. наст. изд., т. XII, стр. 58 (наброски и планы 1870—1872 гг.) и т. XVII, стр. 5—14 (наброски и планы 1874—1875 гг.).

[7] Погодин спрашивал в письме от 23 февраля: «Что Ваше здоровье вообще и на эту пору?» (стр. 444).

[8] Погодин просил в письме Достоевского «прислать карточку» (стр. 444).

[9] Роман «Бесы» вышел отдельным изданием 24 января 1873 г. Был ли послан Погодину, неизвестно.

[10] Ответ на вопрос Погодина: «В кот‹ором› году Вы встретились с Бел‹инским›?» (стр. 445).

[11] Не совсем ясно, о чем идет речь. Погодин поминал Майкова дважды. В письме Достоевскому от 25 января 1873 г. Погодин спрашивал: «Прошу спросить Майкова, не его ли брат начальник у нас таможни?» (*Звенья*, т. VI, стр. 442), а 23 февраля писал: «...толкните хорошенько Майкова и напишите мне длинное письмо» (стр. 444).

[12] Вероятно, речь идет о газете И. С. Аксакова «День», выходившей в 1861—1865 гг. и бывшей в то время самым влиятельным и распространенным органом славянофильского направления.

[13] В письме от 25 января 1873 г. Погодин сообщал: «Посылаю к сведению корректуру моей „Простой речи", которую начали печатать. Прочтите с единомыслящими Майковыми, Страховыми и с кем знаете и сообщите Ваше и общее мнение» (*Звенья*, т. VI, стр. 442), а в письме от 23 февраля напоминал: «Потолкайте еще Майкова» (стр. 445). Имеется в виду брошюра Погодина «Простая речь о мудреных вещах» (М., 1873).

[14] Славянский благотворительный комитет был основан в 1858 г. кружком московских славянофилов и возглавлялся М. П. Погодиным. Целью комитета была материальная и просветительная помощь южным славянам. В 1868 г. было образовано петербургское отделение Славянского комитета. 21 января 1873 г. в него вступил Достоевский (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 207). Текст своей речи в Славянском комитете для опубликования в «Гражданине» Погодин послал в январе 1873 г. 23 февраля он писал: «Я до сих пор не знаю, получена ли была маленькая „Речь" в Слав‹янском› ком‹итете› в январе, которую нужно было печатать тогда же в ответ константинопольским клеветам. Теперь время прошло» (стр. 444).

[15] Статья Т. И. Филиппова «Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарском экзархате» была напечатана в «Гражданине» в 1872 г. (№№ 23—28). В 1870 г. болгарская церковь провозгласила свою независимость от греческой церкви, что вызвало протест греческого патриарха, и на соборе 1872 г. он объявил болгар схизматиками, т. е. раскольниками.

[16] В речи Погодина в Славянском благотворительном комитете в 1872 г. выражалось сочувствие болгарам, провозгласившим самостоятельность своей церкви: «Как славяне мы должны радоваться, что эти первые христиане из славян получат наконец полное богослужение на родном языке, то есть языке наших первоучителей св‹ятых› Кирилла и Мефодия, и вместе приобретут или, лучше, возвратят себе могущественное средство для дальнейшего своего развития и образования.

Как сыны православной церкви выразим глубокую нашу скорбь, что святое дело подало повод к раздору. Удивляемся, что греческое духовенство решилось действовать враждебным образом и не нашло средств удовлетворить законное желание» (М. П. Погодин. Собрание статей, писем и речей по поводу Славянского вопроса. М., 1878, стр. 133). В статье Т. И. Филиппова «Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарском экзархате» раскол в православной церкви оценивался как результат турецкой политики, спровоцировавшей распри греков и болгар.

[17] Статья «Панславизм и греки» Н. Константинова действительно принадлежала К. Н. Леонтьеву (см.: *РВ*, 1873. № 2, стр. 904—934).

[18] Леонтьев рассматривал в своей статье Восточный вопрос шире, чем распри греков с болгарами или болгар с турками. Он противопоставлял весь «Восток», включая Россию, Грецию, славян и мусульманские страны, вплоть до Индии и Китая — как оплот традиции и религии,

странам Западной Европы, охваченным революционным брожением: «Если племена и государства Востока имеют смысл и залоги жизни самобытной, за которую они каждый в свое время проливали столько своей крови, то Восток встанет весь *заодно*, встанет весь оплотом против безбожия, анархии и всеобщего огрубления» (*РВ*, 1873, № 2, стр. 934).

[19] Публикуя статью «Панславизм и греки», редакция «Русского вестника» сделала примечание, в котором отметила, что не берется «защищать все, что <...> сказано» в ней: «В некоторых мнениях мы можем оказаться несогласными с автором» (*РВ*, 1873, № 2, стр. 904). Далее следует редакционное примечание, посвященное различному истолкованию некоторых аспектов «польского вопроса» редакцией журнала и автором статьи (там же. стр. 907).

[20] Речь идет о статьях Погодина, присланных им ранее в «Гражданин», см. примеч. 6 к письму 470. В письме от 23 февраля 1873 г. Погодин напоминал: «„Феодосию" следует напечатать перед весною, так как теперь много толкуют о Крыме» (стр. 444). Статьи эти в «Гражданине» напечатаны не были.

[21] 23 февраля 1873 г. Погодин писал Достоевскому: «Устыдитесь, молодые люди, своей неповоротливости, толкните хорошенько Майкова и напишите мне длинное письмо и вместе решение о моих прежних статьях» (стр. 444).

[22] Возможно, речь идет об изданной в 1873 г. трагедии Погодина «Петр I», написанной в 1831 г., но не напечатанной ранее из-за цензурного запрета. Об этом см.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, т. III, стр. 310 и 360, а также: М. П. Погодин. Петр I. Трагедия в пяти действиях. В стихах. М., 1873, стр. 161 (Послесловие).

[23] Полемика Погодина с Н. И. Костомаровым началась в 1860 г., когда между двумя историками состоялся публичный диспут 19 марта в Петербургском университете о происхождении русских князей (см.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1903, т. XVII, стр. 272—295). Возможно, Достоевский имеет в виду полемические статьи Погодина против Костомарова, присланные в «Гражданин» (см. примеч. 1 к письму 510).

[24] «Вызов г-ну Иловайскому» Погодина (*РВ*, 1873, № 2. стр. 935—937) был продолжением полемики историков по вопросу о происхождении русского государства. Погодин придерживался так называемой норманской теории, согласно которой основатели государства — варяжское племя Русь — норманского (скандинавского) происхождения. Д. И. Иловайский, как и Н. И. Костомаров, были антинорманистами и считали руссов славянами (Иловайский) или литовцами (Костомаров). В «Вызове Иловайскому» Погодин писал: «Положим, что Вы правы — теория норманского происхождения русских князей несостоятельна — чем же заменить неправильный, кривой взгляд? Противники „норманистов" не могут написать и десяти строк в пользу своих гипотез, не вызвав двадцати возражений».

Согласно современным научным представлениям, славянская и скандинавская культуры находились в постоянном контакте и процесс влияния был длительным и взаимным. См.: Г. С. Лебедев. Эпоха викингов в северной Европе. (Историко-археологические очерки). Л., 1985.

[25] На эти слова Погодин обиделся. 1 марта 1873 г. он писал Достоевскому: «„На Вашей стороне (о норм<аннах>)... *все-таки*..." ай, ай, ай! Как *таки*? Я смело могу повторить слова Карамз<ина>, сказанные мне, поднесшему ему рассуждение о происхождении варягов Руси. в 1825 году: „Если есть какая-то историческая истина, так это, что Рюрик с братьями были норманны. Это так же верно, как Сципион был римлянин"» (стр. 451).

472. М. П. ФЕДОРОВУ (стр. 264)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.45.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 51.
Ответ на письмо М. П. Федорова от 8 мая 1873 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29879).

[1] В письме М. П. Федорова говорится, что он «уже раз писал» Достоевскому с просьбой разрешить постановку на сцене его инсценировки «Дядюшкиного сна», но не получил ответа. Позднее по его просьбе к Достоевскому заходил брат М. П. Федорова, но не застал его. Первая инсценировка «Дядюшкиного сна» была сделана в 1870 г. А. В. Кирилловым, но была запрещена цензурой (см. наст. изд., т. II, стр. 514).

[2] «Я в настоящее время не могу прислать Вам самую пьесу, — говорится в письме Федорова, — так как по случаю экзаменов (я студент) не имею времени переписать ее».

[3] См. письмо 501.

[4] Письмо Федорова адресовано: «В редакцию газеты „Гражданин“».

473. П. А. ИСАЕВУ (стр. 265)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, 2.81, лл. 140—141.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 450.
Датируется 1873 г. на основании пометы на письме, сделанной П. А. Исаевым.

[1] По всей вероятности, речь идет о какой-то службе, которую А. Н. Майков подыскал для Исаева. По свидетельству А. Г. Достоевской, Майков много делал для пасынка Достоевского, старался «в хорошую сторону направить его мысли и поступки, но, к сожалению, безуспешно» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 118).

[2] Достоевский уехал в Москву, чтобы хлопотать по делу о наследстве А. Ф. Куманиной, 19 мая (см. письмо 474 и примеч. к письму 475).

474. П. А. ИСАЕВУ (стр. 266)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, 2.81, л. 143.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 23.
Датируется 1873 г. на основании пометы на письме, сделанной П. А. Исаевым.

[1] Речь идет о поездке в Москву (см. примеч. 2 к письму 473).

[2] По-видимому, между Достоевским и его пасынком произошла ссора из-за того, что Исаев медлил откликнуться на деловое предложение А. Н. Майкова (см. письмо 473).

475. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 266)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.26.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 69—71.

[1] Е. П. Иванова содержала меблированные комнаты в Москве, где обычно останавливался Достоевский.

[2] Речь идет о С. А. Ивановой и ее младших братьях и сестрах.

[3] После смерти А. Ф. Куманиной 29 марта 1871 г. ее единокровные родственники Шеры, Ставровские и Казанские, включенные в завещание, начали дело в суде об утверждении их в правах наследства, не сказав

об этом Достоевским. По слухам, их дело в московском суде назначено было на 21 мая 1873 г., чем и вызван был приезд Достоевского в Москву. О завещании Куманиной и разногласиях между родственниками по этому поводу см. письма 1869 г. А. Н. Майкову, В. И. Веселовскому, С. А. Ивановой (№№ 368, 369, 371) и примеч. к ним. См. также: *ЛН*, т. 86, стр. 430—433; *Ильин*, стр. 547—559.

[4] В. М. Карепина в письме А. М. Достоевскому от 28 мая 1873 г. описывает эту свою встречу с Достоевским: «20 мая вслед за своим адвокатом приехал и Федор Михайлович; от Веселовского они узнали, что Шер подали уже от себя заявление в Тульский окружной суд еще в марте месяце <...> Там просят они разделить наследство на три части: Шер, Ставровским и Достоевскому Андрею Михайловичу; о Николае же Михайловиче они ничего не упомянули <...> Чем-то все это кончится?» (*ЛН*, т. 86, стр. 430—432). В данном случае речь идет о дележе части наследства А. Ф. Куманиной (дом в Туле).

[5] Телеграмма не сохранилась.

[6] Во втором варианте завещания А. Ф. Куманиной, составленном в 1865 г., содержался, по сравнению с первым вариантом 1864 г., пункт, по которому племянники ее, М. М. и Ф. М. Достоевские, получившие от нее по 10 000 руб., «дальнейшего участия в наследстве по сему завещанию иметь не должны» (*Достоевский, А. М.*, стр. 330). Ф. М. Достоевский и семья покойного Михаила Михайловича, оспаривая завещание как незаконно составленное, претендовали на участие в наследстве. 28 мая 1873 г. В. М. Карепина писала А. М. Достоевскому: «Брат Федор негодовал, что расписка его (в получении 10 000 от Куманиной. — *Ред.*) сохранена, и говорит, что ей скоро пройдет десятилетняя давность. Вообще он очень опечалился, узнав, что расписка цела» (*ЛН*, т. 86, стр. 432).

[7] Речь идет о другой части наследства А. Ф. Куманиной: имении в Рязанской губернии.

[8] Надежды, возлагавшиеся на адвоката Жеромского, в дальнейшем не оправдались (см. письмо 492; ср. также наст. изд., т. XVI, стр. 7).

[9] См. письмо 360, примеч. 16 и письмо 363, примеч. 25.

[10] В. А. Иванов.

[11] См. примеч. 1 к письму 389.

476. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 268)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 71.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Имеется в виду И. И. Румянцев.

[3] Дача, которую Достоевские в 1872 г. снимали у И. И. Румянцева, была занята. Лето 1873 г. они провели в доме А. К. Гриббе, где жили и в последующие годы. После смерти Гриббе в 1876 г. Достоевский купил его дом (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 254, 310—311; *Рейнус*, стр. 22—25).

[4] Речь идет о привлечении Достоевского к суду за то, что в № 5 «Гражданина» от 29 января 1873 г. была напечатана статья В. П. Мещерского «Киргизские депутаты в С.-Петербурге», в которой сообщалось об аудиенции, данной Александром II киргизской депутации, и о комическом эпизоде, случившемся во время этой аудиенции. Публиковать такое сообщение можно было только с разрешения министра двора, а «Гражданин» таким разрешением не располагал (см.: *Творчество Достоевского. 1921*, стр. 69—71 и наст. изд., т. XXI, стр. 363—364). 26 мая 1873 г. Достоевский получил повестку в суд, копию обвинительного заключения и список с именами судей и прокурора. В записной тетради А. Г. Достоевской сохранился список врученных Достоевскому бумаг, в том числе и «Копия обвинительного акта, коим предается суду СПб. Окружного суда.

без участия присяжных заседателей, редактор газеты „Гражданин“ отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский, находящийся на свободе, обвиняемый в том, что 1873 г. января 29-го, в № 5 газеты „Гражданин“ поместил статью под заглавием „Киргизские депутаты в С.-Петербурге“, в которой напечатаны слова, обращенные государем императором к депутатам, и начало речи одного из них без разрешения министра имп‹ераторского› двора, что составляет преступление, предусмотренное 1024 ст‹атьей› Ул‹ожения› о нак‹азаниях›. Высочайшее повеление 28 апреля 1870 г.» (*ИРЛИ*, № 30780, л. 188).

Суд над Достоевским — редактором «Гражданина» состоялся 11 июня 1873 г. (см.: *Г*, 1873, 13 июня, № 162). Исполнение приговора (кроме штрафа в 25 руб., двое суток ареста) откладывалось благодаря содействию тогдашнего прокурора Петербургского окружного суда А. Ф. Кони, который старался, чтобы арест Достоевского «произошел в наиболее удобное для него время» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 253). Ср. письмо 521 и примеч. к нему. Достоевский отбыл заключение на гауптвахте на Сенной площади 21 и 22 марта 1874 г.

[5] Метранпаж типографии А. И. Траншеля М. А. Александров указывал в своих воспоминаниях, что отношения его с Достоевским складывались трудно и лишь со временем стали со стороны Достоевского дружескими и уважительными (см.: *Александров*, стр. 182—183).

[6] Речь идет о деле по поводу наследства А. Ф. Куманиной (см. письмо 475, примеч. 6). Ф. М. Достоевский вместе с детьми М. М. Достоевского обратились к Б. Б. Полякову, чтобы он защищал их интересы в этом деле (см.: *Коллективное*, № 9).

477. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 269)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 72.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 12 июня 1873 г., которое не сохранилось. Краткое изложение его содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

[1] Речь идет о статье «По поводу новой драмы» («Дневник писателя» 1873 г.), опубликованной в «Гражданине» 18 июня 1873 г. (№ 25). См. наст. изд., т. XXI, стр. 96—104 и 442—444.

[2] Хозяин дома на углу Лиговской улицы и Гусева переулка (ныне Лиговский проспект, д. 25) Сливчанский (подробнее о нем см. в письме 494, а также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 253).

[3] А. Г. Достоевская так излагает содержание своего письма от 12 июня: «Описываю дачу Гриббе, приезд Шенка. Говорю о детях ‹...› За дачу платили 80 руб.».

[4] Речь идет об И. И. Румянцеве.

478. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 269)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 72—74.

[1] Достоевский возвратился из Старой Руссы, куда на несколько дней ездил навестить семью.

[2] Основная работа по выпуску номеров «Гражданина» приходилась на пятницу, субботу и воскресенье (см. примеч. к письму 467).

[3] Речь идет об А. Н., И. Г. и О. К. Сниткиных.

[4] Речь идет о письме от 15 июня 1873 г., сохранившемся в пересказе в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

[5] Письмо неизвестно.

[6] В московской газете «Современные известия» (1873, 12 июня, № 159) действительно появилось объявление о том, что в Окружном суде «на 12 июня назначено дело об утверждении в правах наследства гг. Шер и Казанской». См. также примеч. к письму 475.

[7] В. И. Веселовский, адвокат и член Московского окружного суда, в споре из-за наследства Куманиной выступал на стороне Шеров (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 430—433, а также примеч. 3 к письму 475).

[8] Имеется в виду В. П. Мещерский.

[9] Секретарем редакции «Гражданина» был В. Ф. Пуцыкович.

[10] См. примеч. 4 к письму 476.

479. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 271)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 301.

Датируется по содержанию 1873 г.: речь в письме идет о «Гражданине», редактором которого Достоевский был с января 1873 по апрель 1874 г.

[1] Имеется в виду объявление о подписке на готовящееся В. П. Мещерским издание: «Земская книга. (Опыт систематического обозрения земской деятельности по губерниям)». Объявление, занимавшее целую страницу, печаталось в конце выпусков «Гражданина», начиная с № 26.

[2] 25 июня, понедельник — день выхода очередного 26-го номера «Гражданина».

480. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 271)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 407, № 1.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 57.

[1] «Областное обозрение» — постоянный раздел в «Гражданине», содержащий сведения об экономической и культурной жизни в провинции, о различных происшествиях (преступления, судебные процессы и т. п.), мероприятиях земства и т. д. Сведения эти обычно брались из провинциальных газет. «Областное обозрение» в № 27 «Гражданина» от 2 июля (стр. 748—750), как всегда, напечатано без подписи.

481. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 272)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 74—75.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 23 июня 1873 г., которое не сохранилось. Краткое изложение его содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

[1] А. Г. Достоевская сообщала: «Лиля сама написала письмо (каракули) и очень довольна, что пишет папе».

[2] См. примеч. 4 к письму 476.

[3] См. письмо 478.

[4] О старорусском театре см.: *Рейнус*, стр. 16—17, а также примеч. 4 к письму 449.

[5] Речь, вероятно, идет об остатке старого долга (900 руб.) — полученного в 1870 г. аванса от В. В. Кашпирева, издававшего тогда журнал «Заря», куда Достоевский намеревался дать роман, так им и не написанный (см. письмо 393). Часть долга (500 руб.) была, видимо, возвращена раньше. 3 апреля 1873 г. С. С. Кашпирева обращалась к Достоевскому

с просьбой: «Не найдете ли Вы возможным уплатить нам хоть части из остающихся за Вами» (*ИРЛИ*, № 29739). Весной 1874 г. Достоевский отдал долг (или часть его) Кашпиревым, о чем упоминал в записной тетради (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 362). 26 июня С. С. Кашпирева снова просила Достоевского навестить ее больного мужа: «Ваше же присутствие для него целебно, как бальзам» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.62).

[6] Речь идет о Всеволоде Сергеевиче Соловьеве.

[7] Поездка связана с делом о наследстве А. Ф. Куманиной (см. примеч. 3 к письму 475).

482. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 273)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 407, № 1.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 58.

[1] По воспоминаниям М. А. Александрова, летом 1873 г., когда В. П. Мещерский уехал и редактором «Гражданина» остался один Достоевский, работа по выпуску очередных номеров была налажена лучше, и «еженедельный номер „Гражданина" ‹...› делали в три дня». Работа наборщиков заканчивалась в первую половину дня в воскресенье, а не в ночь на понедельник, как то было при Мещерском. Достоевский же заканчивал работу еще раньше и мог «уезжать к своему семейству, которое летом жило в Старой Руссе. ‹...› Приезжал он оттуда, для составления номера, в четверг» (*Александров*, стр. 193). 30 июня 1873 г. была суббота.

[2] Имеются в виду напечатанные в № 27 «Гражданина» от 2 июля 1873 г. материалы: «Заметка о высших женских курсах в Москве. Письмо к редактору» за подписью: Л. и «Две заметки редактора» Достоевского, в первой из которых содержался ответ автору «Заметки о высших женских курсах» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 153—159, 466—469).

[3] «Из текущей жизни» — раздел «Гражданина», сходный по материалу с «Областным обозрением» (см. примеч. 1 к письму 480) и содержащий публицистические рассуждения по некоторым злободневным вопросам. В № 27 (2 июля) было опубликовано «Областное обозрение», автором которого, возможно, тоже был А. У. Порецкий (см. письмо 480). Раздел же «Из текущей жизни» появился в № 28 (9 июля).

[4] Речь идет о В. Ф. Пуцыковиче.

483. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 273)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 75—76.

[1] Достоевский выехал в Старую Руссу к семье 30 июня (см. письмо 482 и примеч. 1 к нему).

[2] Письма не сохранились.

[3] См. письмо 476, примеч. 4. 1 июля 1873 г. В. П. Мещерский послал письмо Достоевскому, которое начиналось так: «Получил Ваше письмо, милейший Федор Михайлович, только из него узнал о постигшей Вас из-за меня участи: простите великодушно два дня ареста!» (*Д, Письма*, т. III, стр. 306—307).

[4] По приговору суда Достоевский должен был уплатить 25 руб. штрафа. Мещерский писал 1 июля 1873 г.: «Что же касается 25 рублей, то будьте добры их взять у Гладкого из денег розничной продажи» (*Д. Письма*, т. III, стр. 307).

[5] Дмитревский — управляющий имением Мещерского — выдавал Достоевскому деньги на издание «Гражданина». Сюда входили жалованье редактора и сотрудников редакции, гонорары за публикуемые материалы

и другие расходы. См. записную тетрадь Достоевского 1872—1875 гг. (*ЛН*. т. 83, стр. 305—309 и 338—340).

[6] Имеется в виду, вероятно, хозяин петербургской квартиры Достоевских — Сливчанский.

[7] По предположению А. С. Долинина, деньги посылались на имя Румянцева для того, чтобы о них не узнали хозяева дачи Достоевских, А. К. и А. Г. Гриббе, которым Достоевские были должны (см.: *Д, Письма*, т. III, стр. 307).

[8] До 12 марта 1914 г., согласно Уставу о паспортной системе в России, жена вносилась в паспорт мужа. Отдельный «твердый паспорт» замужняя женщина могла получить только с согласия мужа.

[9] Письмо Вс. С. Соловьева неизвестно.

[10] Речь идет о письме няньки Достоевских Прохоровны, дочь которой — Настасья — служила в Петербурге (ср. письмо 488).

484. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 275)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 77—79.

А. Г. Достоевская ответила 13 июля 1873 г. Краткий пересказ письма содержится в ее записной тетради (*ИРЛИ*, № 30780).

[1] Письмо неизвестно.

[2] См. письмо 483.

[3] И. Г. Сниткин ждал приезда Образцова, который должен был ему деньги в счет приданого Ольги Кирилловны (см. письма 417 и 489, примеч. 2).

[4] См. письмо 476, примеч. 4.

[5] Речь идет о «Маленьких картинках» («Дневник писателя» 1873 г.), напечатанных в № 29 «Гражданина» от 16 июля 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 105—112).

[6] Имеется в виду сын И. Г. и О. К. Сниткиных.

[7] Вероятно, П. А. Исаев не платил своих долгов.

[8] В ответном письме А. Г. Достоевская сообщала, что «дети ждут с нетерпением, когда пойдем папу встречать. Федя при каждом звонке говорит: „Папа, папа!“».

[9] Деньги для А. Г. Достоевской высылались на имя И. И. Румянцева (см. письмо 483, примеч. 7).

[10] В позднейшем пересказе своего письма от 13 июля 1873 г. А. Г. Достоевская писала о деньгах, присланных семье: «Жалею, что прислал 100 руб., прошу позволения папе вернуть половину».

485. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 277)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 79—81.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 10 июля 1873 г., которое не сохранилось. Пересказ его содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

А. Г. Достоевская ответила 15 июля 1873 г. (краткий пересказ письма там же).

[1] См. письмо 484, примеч. 5.

[2] См. письмо 484, примеч. 3.

[3] Трешкот (или трешкоут) — небольшое деревянное плоскодонное речное судно без палубы, ходившее по озеру Ильмень и рекам от Старой Руссы до Новгорода.

[4] См. примеч. 1 к письму 433.

[5] См. письмо 476, примеч. 4.

486. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 279)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 81—82.

А. Г. Достоевская ответила 24 июля 1873 г. Пересказ письма содержится в ее записной тетради (*ИРЛИ*. № 30780).

[1] Достоевский был в Старой Руссе 16—18 июля. В письме от 15 июля 1873 г. (воскресенье) А. Г. Достоевская сообщала: «Мы в большом горе, что папа не приехал» (*ИРЛИ*, № 30780). Вероятно, 15-го Достоевский только выехал из Петербурга.

[2] А. Г. Достоевская сообщала 15 июля, что к приезду Достоевского ему приготовили сюрприз: «дети снялись и хотели сами подарить папе карточки». Но так как 15-го он не приехал, то карточки и 30 руб. были посланы ему в Петербург «с крестной нашей Натальи» (*ИРЛИ*, № 30780). Посылка разминулась с Достоевским, приехавшим в Старую Руссу, видимо, 16 июля.

[3] Телеграмма и письма В. П. Мещерского неизвестны.

[4] Речь идет о статье В. П. Мещерского «По поводу помолвки ее императорского высочества великой княгини Марии Александровны с его королевским высочеством принцем Альфредом Великобританским», опубликованная в № 30 «Гражданина» (23 июля 1873 г.). Ср. письмо 487.

[5] В письме от 15 июля 1873 г. А. Г. Достоевская просила мужа «сходить к Льву Карловичу Клейну получить расчет за проданные экз‹емпляры› „Бесов“» (*ИРЛИ*, № 30780).

[6] И. Г. Сниткин был должен Достоевским 75 руб. См. письмо 484.

[7] См. письмо 484, примеч. 3.

[8] Английская болезнь — рахит.

487. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 281)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 407, № 1.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 64.

Датируется 20 июля 1873 г. на том основании, что в письме идет речь о материалах № 30 «Гражданина», вышедшего 23 июля 1873 г., так как именно в нем отсутствовало «Областное обозрение», вместо которого была напечатана «нечаянная статья» В. П. Мещерского «По поводу помолвки ее императорского высочества великой княгини Марии Александровны с его королевским высочеством принцем Альфредом Великобританским». О том, что эта статья должна быть срочно опубликована в «Гражданине», Достоевский узнал 20 июля из писем и телеграммы Мещерского (см. письмо 486, примеч. 4). В тот же день он написал А. У. Порецкому.

[1] В составлении «Областного обозрения» в «Гражданине» участвовал А. У. Порецкий (ср. письмо 480).

[2] «Последня страничка» — раздел «Гражданина», содержащий ряд заметок о нравах, журнальных публикациях и т. п., обычно юмористического или сатирического характера.

488. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 281)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 82—84.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 20 июля 1873 г., которое не сохранилось. Краткое изложение его содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

А. Г. Достоевская ответила 26 июля 1873 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 82—85).

[1] В записной тетради А. Г. Достоевской так пересказывалось содержание письма от 20 июля: «Сообщаю о солнечном ударе, бывшем со мною, прошла неделя с тех пор, а я все не вижу и пишу с закрытыми глазами. В остальном здорова».

[2] См. письмо 486. Письмо Мещерского и ответ ему Достоевского неизвестны.

[3] Л. К. Клейн продавал сочинения Достоевского. В данном случае речь идет о «Бесах», вышедших отдельным изданием в начале 1873 г. (см. объявления о продаже романа: *Гр*, 1873, 29 января, 5 февраля, 11 февраля, 26 февраля, №№ 5, 6, 7, 9). Ср. письмо 486, примеч. 5.

[4] 26 июля 1873 г. А. Г. Достоевская писала мужу: «Успокойся, дорогой мой Федя! Дети совершенно здоровы, и Федя в ночь с субботы на воскресенье не падал с 4-го этажа, а спал преблагополучно в постельке» (стр. 82).

[5] К ближайшему № 31 «Гражданина» (от 30 июля 1873 г.) Достоевский статью не написал. Следующая его статья из «Дневника писателя» 1873 г. — «Учителю» — появилась в № 32 от 6 августа 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 113—117).

[6] См. письмо 483, примеч. 10.

489. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 283)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 84—86.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 24 июля 1873 г., которое не сохранилось. Краткое изложение его содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

А. Г. Достоевская ответила 30 июля 1873 г. (краткий пересказ письма там же).

[1] Имеется в виду мать О. К. Сниткиной, жена Образцова.

[2] Сиротский суд — учреждение, заведовавшее в то время опекунскими делами и попечением о сиротах и вдовах. Так как О. К. Сниткина ко времени замужества была несовершеннолетней (см. письмо 417), то ее имуществом (наследством, полученным от отца) после вторичного замужества матери должен был заниматься сиротский суд.

[3] В. П. Печаткин давал в долг деньги Достоевскому (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 347).

[4] К. П. Победоносцев возвратился в Петербург из Англии 25 июля 1873 г. (см.: *ЛН*, т. 15, стр. 124).

[5] Намек на некоторые политические разногласия, которые могли быть у Достоевского с либерально настроенным М. И. Владиславлевым. Об этих разногласиях см.: *Достоевская, Л. Ф.*, стр. 42.

[6] Речь идет о наследнике престола, будущем императоре Александре III.

[7] Ф. И. Тютчев умер 15 июля 1873 г. Статья В. П. Мещерского «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» появилась в «Гражданине» 30 июля 1873 г. (№ 31). Вероятно, Достоевский сам намеревался писать статью о Тютчеве, что явствует из короткого некролога, помещенного в № 30 «Гражданина» от 23 июля 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 281 и примеч. на стр. 533).

[8] Имеется в виду работа над первой из статей, опубликованных Достоевским в «Гражданине» под общим названием «Иностранные события» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 180—248, 477—503).

[9] Речь идет о журнале «Дело», где в №№ 3 и 4 за 1873 г. была напечатана статья П. Н. Ткачева «Больные люди» о романе Достоевского

«Бесы» (см. наст. изд., т. XII, стр. 262—263). Видимо, А. Г. Достоевская сообщала мужу также, что читает этот журнал. В письме от 26 июля она писала: «Продолжаю читать „Дело“ и пришла к убеждению, что все женщины должны сделаться медиками» (*Д, Переписка с женой*, стр. 82).

490. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 285)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 86—88.
Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 26 июля 1873 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 82—83).

[1] См. письмо 489, примеч. 7. О характере правки Достоевским статьи Мещерского «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» см.: Н. Ф. Бельчиков. Достоевский о Тютчеве. — «Былое», 1925, № 5, стр. 155—162; А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—176.
[2] См. письмо 489, примеч. 8.
[3] Речь идет о приданом О. К. Сниткиной (см. письма 417, 481, 484, 485, 486, 489).
[4] См. письмо 488.
[5] Вероятно, за рецензии Н. Н. Страхова на книги «История наук в Германии», т. XIII и «История немецкой философии» Эд. Целлера, опубликованные 6 и 13 августа 1873 г. в №№ 32 и 33 «Гражданина».
[6] Кредиторы Достоевского во время издания «Гражданина».
[7] О покупке И. Г. Сниткиным имения см. письмо 493 и примеч. 3 к нему.

491. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 287)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 88—90.

[1] 5 или 6 августа Достоевский уехал в Старую Руссу. Вернулся, как обычно, в четверг, 9 августа (см. письмо 482, примеч. 1).
[2] Правильнее: Взвад — большое село на берегу озера Ильмень, у устья реки Ловать.
[3] Трешкот — см. письмо 485, примеч. 3.
[4] От Старой Руссы до Петербурга нужно было ехать на извозчике до озера Ильмень, далее до Новгорода — пароходом, затем по узкоколейке до станции Чудово Николаевской железной дороги, где была пересадка на поезд до Петербурга (см.: *Рейнус*, стр. 10).
[5] Речь идет о перемене квартиры, в которой располагалась редакция «Гражданина». Первоначально она находилась по адресу: Невский проспект, д. 77, кв. 8, а в конце августа 1873 г. переехала на Малую Итальянскую (ныне ул. Жуковского), д. 21, кв. 6. Новый адрес редакции был объявлен в № 35 «Гражданина», который вышел 27 августа.
[6] Александра — прислуга Достоевского.
[7] Речь идет об отдельном издании романа «Бесы» — первой книге, которую издал в 1873 г. сам Достоевский. «Этим изданием, — вспоминала А. Г. Достоевская, — было положено основание нашей общей с Федором Михайловичем, а после его кончины — моей издательской деятельности, продолжавшейся тридцать восемь лет» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 245; подробнее об осуществлении этого издания и его успехе см. там же, стр. 245—251).

492. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 289)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 90—92.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 10 августа 1873 г., которое не сохранилось. Краткое изложение его содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

[1] См. письмо 491, примеч. 1.

[2] Пересказывая письмо от 10 августа 1873 г., А. Г. Достоевская сообщала, что «когда [пароход] папа отъехал довольно далеко, Федя принялся горько плакать, Люба тоже рыдала и говорила ему: „Не плачь, Феденька, папа скоро приедет"; под конец оба ужасно расплакались. Федя весь день говорил: „Где пала атедей", то есть где пара лошадей, на которых [ты] папа уехал».

[3] Экземпляры романа «Бесы», изданного автором, отдавались Достоевским на комиссию петербургским книгопродавцам (см. письмо 491, примеч. 7).

[4] Дело Шеров об утверждении их в правах наследства рассматривалось 5-м отделением Московского окружного суда 21 июня 1873 г. и не было решено в их пользу (см.: *Ильин*, стр. 554, а также письмо 475, примеч. 3). Этим и вызвано, видимо, желание Шеров договориться с Достоевскими.

493. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 291)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 92—93.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Анна Григорьевна с детьми собиралась покинуть Старую Руссу 24 или, в случае необходимости, 16—17 августа 1873 г. (см. письмо 494).

[3] И. Г. Сниткин купил имение, видимо, в 1874 г. (см. упоминание об этом в письме 540). Имение находилось в Суджанском уезде Курской губернии, в деревне Малый Прикол, в 10 верстах от города Мирополье (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 346). В 1877 г. Достоевские провели лето в имении Сниткиных, о чем Достоевский упомянул в майско-июньском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 125).

494. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 292)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 93—96.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 16 августа 1873 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 89—90).

А. Г. Достоевская ответила 21 августа 1873 г. Выдержки из этого письма содержатся в ее записной тетради (*ИРЛИ*, № 30780).

[1] См. письмо 493.

[2] А. Г. Достоевская писала: «Я так была болезненно настроена, что, увидав телеграмму, просто сошла с ума; я страшно закричала, заплакала, вырвала телеграмму и стала рвать пакет, но руки дрожали, и я боялась прочесть что-нибудь ужасное, но только плакала и громко кричала» (стр. 89).

[3] См. письмо 477, примеч. 2.

[4] Письмо неизвестно.

[5] Письмо не сохранилось.

495. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 296)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.26.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 96—98.

[1] См. письмо 494.

[2] Зиму 1873—1874 гг. Достоевские оставались на прежней квартире у Сливчанского (см.: Е. П. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Л.. 1972. стр. 211—214).

[3] Волнения А. Н. Сниткиной связаны, видимо, с действиями некоего лица (Мостовского?), намеревавшегося опротестовать ее вексель (см. письмо 494).

[4] Редакция «Гражданина» помещалась на Малой Итальянской (ныне улица Жуковского), которую пересекает Надеждинская (ныне ул. Маяковского). См. письмо 491, примеч. 5.

496. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 299)

Печатается впервые по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 247.

[1] «Областное обозрение» — постоянная рубрика «Гражданина» — часто составлялось Порецким. Характеристику этой рубрики см. в примеч. к письму 480.

[2] Метранпаж типографии, в которой набирался «Гражданин», М. А. Александров писал, что очередной номер еженедельника, выходившего по понедельникам, набирался, в основном, в субботу и частично в воскресенье, так что рабочие типографии лишались воскресного отдыха (см.: *Александров*. стр. 193; ср. примеч. к письму 467). В данном случае, видимо из-за ремонта типографских станков, сроки набора должны были быть сокращены.

[3] В предыдущем номере «Гражданина» было опубликовано обозрение «Из текущей жизни», составленное, как видно из этого письма, Порецким (*Гр*, 1873, 20 августа, № 34. стр. 934—936).

[4] В обзоре «Из текущей жизни» затрагивался вопрос о нашумевшем столкновении между управляющим Орловско-Витебской железной дорогой В. Ф. Голубевым и А. С. Сувориным, который в очередном фельетоне в «С.-Петербургских ведомостях» от 22 июля 1873 г. описал скандальное поведение Голубева на железной дороге (см. наст. изд., т. XXI, стр. 474). Голубев же обвинил Суворина в клевете, после чего многие газеты напечатали протест Голубева. Порецкий иронически писал о «крике оскорбленной невинности», который «вот уже больше двух недель немолчно раздается», и замечал, что г-н Голубев «только во сне видел себя невинным, а что наяву и в действительности все было точно так, как первоначально изложено; ибо таковое изложение весьма соответствовало общим ожиданиям, основанным на общеизвестных железнодорожных порядках, и подавало надежду потешиться оглашением безобразия, как зрелищем публичной казни. Но — увы!» (*Гр*, 1873, 20 августа, № 34, стр. 935).

[5] Порецкий, по-видимому, доставил «Областное обозрение» вовремя. Оно было напечатано в № 35 «Гражданина» от 27 августа 1873 г. (стр. 942—945).

497. Д. Д. КИШЕНСКОМУ (стр. 300)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*. ф. 93. I.6.23.
Впервые опубликовано: *Д. Письма*. т. III. стр. 82—84.
Ответ на письмо Д. Д. Кишенского от 4 сентября 1873 г. (*ИРЛИ*. ф. 100, № 29741; отрывки опубликованы: *Д. Письма*, т. III, стр. 312; *Материалы и исследования*, т. II, стр. 204, 206).

Возможно, письмо не было отправлено адресату, так как не имеет подписи. Кроме того, это единственное письмо Кишенскому, которое сохранилось, оставаясь, видимо, в архиве Достоевского. Остальные письма Кишенскому до нас не дошли (см.: *Список*, № 299).

[1] Письмо Кишенского от 4 сентября 1873 г. содержит грубые упреки в том, что, печатая в «Гражданине» пролог его драмы «Падение» (см.: *Гр*, 1873, 20 августа, № 34), Достоевский внес туда искажающие произведение поправки, а также в том, что драма не напечатана целиком и что автору не выслали гонорар за пролог: «Меня обирали, грабили, обманывали, но никто не сделал мне такого зла, как Вы, напечатанием испорченного Вами пролога, без моего позволения, и отказом, против данного Вами слова, печатать всю драму» (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 204).

«Падение» Кишенский послал Достоевскому 12 июля 1873 г. после того, как в «Гражданине» была напечатана его другая драма — «Пить до дна — не видать добра» (см.: *Гр*, 1873, 4, 11, 18 июня, №№ 23, 24, 25), заслужившая высокую оценку Достоевского в статье «По поводу новой драмы» (*Гр*, 1873, 18 июня, № 25; см. наст. изд., т. XXI, стр. 96—105 и 442—444). «Падение» — злобный пасквиль на современную молодежь — вызвало, наоборот, критику Достоевского в письмах Кишенскому, которые до нас не дошли (см.: А. В. Архипова. Достоевский и Кишенский. — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 199—207).

[2] В течение лета 1873 г. Кишенский написал Достоевскому несколько писем. До нас дошло шесть: от 23 июня, 12, 27, 29 и 31 июля и 4 сентября. Все они, кроме последнего, содержали предложения своих произведений в «Гражданин», а также рассуждения о современном состоянии нравов, резкие выпады против «нигилизма» и т. д. (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 199—207).

[3] Имеется в виду эпизод из IV главы книги седьмой романа А.-Р. Лесажа «Похождения Жиль Блаза из Сантильяны» (1717—1735). Архиепископ Гренадский требовал беспристрастного суждения о своих проповедях у служившего у него Жиль Блаза. Когда же Жиль Блаз позволил себе высказать критические замечания по поводу одной проповеди, разгневанный архиепископ прогнал его от себя. Эпизод этот Достоевский упоминал неоднократно: в письме А. Е. Врангелю от 14 июля 1856 г. (см. наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 236 и 474), а также в «Кроткой» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 31 и 392).

[4] Письмо Кишенского от 31 июля 1873 г. сопровождало посылку в «Гражданин» статьи «Отчего в России нет граждан», которая, по мысли автора, являлась первым разделом публицистического цикла «Промахи реалистов». В постскриптуме письма высказано следующее пожелание: «Прошу Вас, прикажите сохранить рукопись „Падения“ после печати, мне это нужно, чтоб видеть все поправки, которые Вы сделаете, у меня нет ни другого экземпляра, ни черняка, а на свою память я плохо полагаюсь» (*ИРЛИ*, № 29741). Из этой приписки следует, что против редакторских поправок Кишенский не возражал.

[5] Письмо Кишенского от 27 июля см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.5.73.

[6] Гордеев — положительный герой драмы «Падение», противопоставленный «нигилистам».

[7] Речь идет о сцене из пролога «Падения», в которой Вера, невеста Гордеева, в присутствии своего жениха садится на колени к одному из нигилистов, чтобы показать свою «эмансипированность». Какие исправления внес Достоевский, установить невозможно, так как рукопись неизвестна.

[8] Вероятно, имеется в виду Н. Н. Страхов, которого не было в Петербурге до конца июля.

[9] Из писем Кишенского видно, что Достоевский весьма критически отзывался о его пьесе (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 201—204).

[10] О публикации или постановке на сцене драмы «Падение» сведений нет.

498. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 302)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 84—85.

499. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 302)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 123, I.340.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 187.
Датируется 1873 г., так как письмо относится ко времени работы Достоевского редактором «Гражданина» (январь 1873—апрель 1874).

[1] Речь идет о первой статье из цикла «Иностранные события», написанной Достоевским для № 38 «Гражданина» (вышел 17 сентября 1873 г.). О работе над ней см. письмо 489 и примеч. 8 к нему.

[2] Имеется в виду статья В. Пелешевского «Наглядный просмотр отчетов некоторых наших железных дорог за 1872 год», опубликованная в следующем, 39-м номере «Гражданина» 24 сентября 1873 г. (стр. 1052—1054).

[3] В. Ф. Пуцыковичу, вероятно, принадлежало «Петербургское обозрение». Эта статья, как и «Еженедельная хроника», была напечатана в № 38.

500. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 303)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. 75, ОФ 4810/1.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 132.
Датируется 16 сентября 1873 г., так как в письме речь идет о последнем этапе работы над статьей Достоевского «Иностраннные события» для № 38 «Гражданина» (вышел 17 сентября 1873 г.). Эта статья была набрана и отослана Достоевскому, который сократил ее в корректуре (см. письмо 499). Действительно, в № 38 «Гражданина» «Иностранные события» занимают приблизительно 400 строк.

[1] Записка, адресованная В. П. Мещерскому, неизвестна.

501. М. П. ФЕДОРОВУ (стр. 303)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.45.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 85—86, с неверной датой.
Ответ на письма М. П. Федорова: 1) без даты, лето 1873 г.; 2) от 27 августа 1873 г. (*ИРЛИ*, № 29879).

[1] Письмо без даты, вероятно, от июля 1873 г., так как 27 августа 1873 г. М. П. Федоров снова писал Достоевскому, напоминая, что предыдущее письмо послано «уже более месяца». В июле же, видимо, Федоров послал Достоевскому и текст своей инсценировки «Дядюшкиного сна» (см. письмо 472 и примеч. к нему).

[2] Речь идет о работе по редактированию «Гражданина».

[3] Повесть «Дядюшкин сон» впервые была напечатана в 1859 г. Однако в 1860 и 1866 гг. повесть переиздавалась и Достоевский вносил в текст изменения (см. наст. изд., т. II, стр. 460—466; раздел «Варианты»).

[4] См. письмо 472. Федоров, видимо, внял совету Достоевского: в существующих библиографических указателях инсценировка «Дядюшкиного сна», сделанная М. П. Федоровым, не зарегистрирована (см.: С. В. Белов. Ф. М. Достоевский и театр. 1846—1977. Библиографический указатель. Л., 1980). Об инсценировках повести «Дядюшкин сон» см. примеч. 1 к письму 472 и наст. изд., т. II, стр. 514.

502. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 304)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. 81, ОФ 6452 (КП 50916).
Впервые опубликовано: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 3.

[1] Речь идет о материалах для № 40 «Гражданина», вышедшего 1 октября 1873 г. «Последняя страничка» — раздел «Гражданина» (см. письмо 487, примеч. 2, а также: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 4). Заметки, подготовленные Н. Н. Страховым, касались извещения в «Петербургской газете» о готовящемся в Москве издании полного собрания сочинений Ф. М. Решетникова. Автор извещения при этом утверждал, что достоинства этого писателя не признают только «современные Менцели или Булгарины „Русского вестника“ (например, сам г-н Катков или его критик г-н А.). Но *на таких господ стоит только плюнуть и отойти прочь* («Петерб‹ургская› газ‹ета›», 1873, № 78)» (*Гр*, 1873, 1 октября, № 40, стр. 1085. Курсив в цитате принадлежит Страхову). Кроме того, Страхов ответил на выпад «Петербургской газеты» в адрес Погодина. Во второй заметке он писал: «В той же газете по поводу выхода книги М. П. Погодина „Простая речь о мудреных вещах“ было сказано: „В этом сочинении г-н Погодин *обрушился своим дряхлым телом* на молодежь и женщин“. Это уже не язык, не слог и не манера: это просто зарапортовался» (там же). См. также примечания Г. Ф. Коган (*Материалы и исследования*, т. IV, стр. 4—5).

503. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 304)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: «Звезда», 1930, № 6, стр. 260.
Датируется 28—30 сентября 1873 г. по содержанию. В письме идет речь о статье Достоевского из цикла «Иностранные события», опубликованной в № 40 «Гражданина» (1873, 1 октября), так как только в этом единственном случае иностранные телеграммы были напечатаны непосредственно после текста Достоевского, подписанного: Д. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 191—194 и примеч. стр. 491). Очередной номер «Гражданина» набирался в типографии обычно в течение последних двух-трех дней перед выпуском (см.: *Александров*, стр. 192—193), следовательно, записка могла быть написана 28—30 сентября.

504. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 305)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 301.
Датируется 28—30 сентября, так как в письме речь идет о наборе статьи для № 40 «Гражданина», вышедшего 1 октября. См. примеч. к письму 503.

[1] Речь идет о статье Т. И. Филиппова «Насилие, оказанное афинскому синоду министерством церковных дел», опубликованной без подписи в № 40 «Гражданина» (стр. 1066—1069). Филиппов обычно печатал статьи на подобные темы (см. письмо 471, примеч. 15).

[2] Статья «Из Москвы» за подписью Москвич (обычная рубрика «Гражданина») была напечатана в этом же (40-м) номере (стр. 1069—1072), который вышел в большем, чем обычно, объеме: 28 страниц вместо 20—24.

505. В. П. МЕЩЕРСКОМУ (стр. 305)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.34.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 86—87.

[1] Речь идет о «Картинках из офицерской жизни», первая часть которых под названием «Денег достал!» опубликована 8 октября в № 41 «Гражданина» (стр. 1107—1109) с подписью: X. Продолжение опубликовано не было. Рассказ посвящен описанию одного дня из жизни офицеров, добывающих деньги у ростовщиков под огромные проценты для того, чтобы истратить их в тот же день в ресторанах, модных магазинах или проиграть в рулетку. В рассказе несколько раз упоминается содержательница игорного дома Сакристья: «Едем к Clémence или к Сакристье в рулетку поиграть для поправления, так сказать, средств!» (*Гр*, 1873, 8 октября, № 41, стр. 1108).

[2] Рассказ С. Крапивиной (С. М. Лобода) «Ты и вы» был напечатан перед «картинкой» «Денег достал!» (*Гр*, 1873, 8 октября, № 41, стр. 1105—1107). Однако воспроизведенная в нем сценка между барином, болтающим о любви к народу, и разоблачающим его показной либерализм хитрым мужиком не заключает в себе «трагического содержания». Вероятно, Достоевский первоначально предполагал печатать какой-то другой рассказ С. М. Лобода.

506. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 305)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 115, № 27.
Впервые опубликовано: *Александров*, стр. 186—187.
Датируется 4—6 октября 1873 г. по содержанию. В письме идет речь о корректуре № 41 «Гражданина» (см. примеч. ниже), вышедшего 8 октября 1873 г. На 4, 5 и 6 октября (четверг, пятница и суббота) приходилась основная работа по печатанию «Гражданина» (см. примеч. к письму 467). На письме имеется карандашная помета рукой Александрова: «Лето 1873 г.». Однако, публикуя это письмо впервые, М. А. Александров напечатал его рядом с сентябрьскими письмами 1873 г. Пометы Достоевского на том же письме сделаны были раньше, в сентябре (ср. примеч. ниже). Достоевский зачеркнул пометы и использовал листок для записки Александрову.

[1] Имеется в виду статья «Иностранные события», которая в № 41 «Гражданина» действительно занимает более 650 строк. В других номерах статьи этой рубрики меньше по объему (см. наст. изд., т. XXI, стр. 195—205; ср. стр. 205—248).

[2] Это письмо к В. П. Мещерскому неизвестно (см.: *Список*, № 304). Его статья из постоянного раздела «Гражданина» «Петербургское обозрение» напечатана в № 41, в отличие от других номеров, непосредственно за «Иностранными событиями», поэтому Достоевский и настаивал на ее сокращении.

[3] О «Последней страничке» см. примеч. 2 к письму 487.

[4] Письмо Федорову было написано 19 сентября (см. письмо 501).

[5] Возможно, имеется в виду необходимость повесить вывеску на доме, где помещалась редакция «Гражданина», сменившая адрес в конце августа 1873 г. (см. письмо 491, примеч. 5).

[6] Статья В. Пелешевского «Наглядный просмотр отчетов некоторых наших железных дорог за 1872 год» опубликована в № 39 «Гражданина» от 27 сентября 1873 г. (стр. 1052—1054). Ср. письмо 500.

[7] П. Шторх сотрудничал в «Гражданине». Его статьи «О государственном долге» печатались в №№ 29—38 «Гражданина» за 1873 г.

[8] В № 38 «Гражданина» от 17 сентября 1873 г. был опубликован очерк Вас. И. Немировича-Данченко «Вайгач-остров» (стр. 1029—1032).

507. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 306)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.40.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 87.

Ответ на письмо К. П. Победоносцева от 23 октября 1873 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 127).

[1] Речь идет о статье «Съезд юристов в Москве», направленной против намерения юридического факультета Московского университета созвать в 1874 г. в Москве съезд русских юристов (см.: *Гр*, 1873, 29 октября, № 44, стр. 1173—1175; подпись: ***).

[2] Имеется в виду В. В. Тимофеева (Починковская).

[3] Победоносцев очень заботился о том, чтобы имя его, как автора посылаемой статьи, не было известно. В письме, сопровождавшем статью, говорилось: «Но еще раз, и в особенности по поводу этой вещи, прошу наблюсти величайшее молчание относительно автора. Это очень для меня существенно» (*ЛН*, т. 15, стр. 128; см. также: *Д, Письма*, т. III, стр. 313—314).

508. В. П. МЕЩЕРСКОМУ (стр. 306)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.34.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 87—88.

Датируется 1—3 ноября 1873 г., так как в письме речь идет о статье Мещерского «Ответ на запрос С.-Петербургских ведомостей» для № 45 «Гражданина», вышедшего 5 ноября 1873 г. (см. примеч. ниже). Достоевский отослал статью Мещерского на дополнительный просмотр автору, а не в типографию, следовательно, письмо не могло быть написано позднее 3 ноября, так как 4 ноября статья уже должна была набираться (ср. письмо 509).

[1] Речь идет о полемике «Гражданина» с газетой «С.-Петербургские ведомости» по поводу объявления об условиях подписки на «Гражданин» на 1874 г. В объявлении было сказано, что «все волостные правления» наряду с «духовно и церковно служащими» и «живущими в С.-Петербурге» «пользуются правом подписываться на год с рассрочкою годового платежа» (см., например: *Гр*, 1873, 29 октября, № 44, стр. 1163). В связи с этим в «С.-Петербургских ведомостях» (1873, 31 октября, № 300) в разделе «Хроника» появилась заметка, иронически комментирующая объявление «Гражданина»: «На каком основании „Гражданин“ рассчитывает на подписку волостных правлений? Волостные правления располагают суммами, назначенными или на обязательные расходы, или на расходы, ассигнованные приговорами крестьянских сходок». И далее отмечалось, что «наивно было бы думать», будто «крестьяне постановят приговор о выписке „Гражданина“» и «станут еженедельно собираться на сходы для слушания „Гражданина“. Выписка же журнала для одного писаря на крестьянский счет есть злоупотребление ‹...› На что же рассчитывает редакция: на приговоры или на *злоупотребления?*». На эту реплику Мещерский отвечал (*Гр*, 1873, 5 ноября, № 45, раздел «Петербургское обозрение»), что волостные правления имеют право тратить деньги на выписку газет и что замечание «С.-Петербургских ведомостей» может быть истолковано читателями как намерение «либеральной газеты» «*внушить кому следует мысль о запрещении волостным правлениям* выписывать газеты и журналы». См. также письмо 509, примеч. 1.

[2] В заметке Мещерского есть такое место: «Мы очень будем рады, если „С.-Петерб‹ургские› ведомости“ будут выписываться даже и через „крестьянские приговоры“ как нужная вещь, как „газета“, из которой можно что-нибудь узнать для волости полезного. Если же не выписы-

ваются, то — чем же мы виноваты?» (*Гр*. 1873, 5 ноября, № 45, стр. 1201). Достоевский предлагал Мещерскому на этом месте закончить статью. Однако, как видно из опубликованного текста, Мещерский сохранил конец статьи, где, между прочим, сказано: «Но не хотели ли „С.-Петербургские ведомости" намекнуть на какое-нибудь „покровительство" или „внушение", по которому мы находим подписчиков даже и в волостных правлениях? Уверяем (серьезно, не смеясь), что „покровителей" мы не имеем. <...> Просто наступило время подписки, и „С.-Петербургским ведомостям" очень не хочется, чтобы крестьянские деньги пошли на „Гражданин". Слишком старая штука» (там же). См. также письмо 509, примеч. 1.

509. В. П. МЕЩЕРСКОМУ (стр. 307)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.44.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 88.

Датируется 3—4 ноября 1873 г. по содержанию, так как в письме речь идет о статье В. П. Мещерского для № 45 «Гражданина» (от 5 ноября 1873 г.), который уже набирался в типографии, письмо связано по содержанию с предыдущим (№ 508).

Ответ на письмо В. П. Мещерского без даты (*ИРЛИ*, № 29777; опубликовано с неточностями: *Д, Письма*, т. III, стр. 315).

[1] Имеется в виду «Ответ на запрос С.-Петербургских ведомостей», написанный Мещерским и опубликованный без подписи в разделе «Петербургское обозрение» (*Гр*, 1873, 5 ноября, № 45, стр. 1200—1201). С пожеланиями Достоевского, высказанными в письме от 1—3 ноября и затем, возможно, в устной форме, Мещерский не вполне согласился. Он писал Достоевскому: «Не понимаю прежней Вашей деликатности к подлой выходке „С.-Петерб<ургских> вед<омостей>". Всякий читатель понимает, что заявление в газете имеет целью обратить внимание на факт столько же общества, сколько правительства: понятно и то, что если выписка „Гражд<анина>" есть результат злоупотребления, то оглашение запроса внушает мысль о прекращении злоупотребления; а прекращать злоупотребление может одно правительство: ergo — статья имела подразумеваемую цель: и видеть в таком толковании *ложь* или *клевету*, признаюсь, немного наивно, или чересчур добродетельно! „Пет<ербургские> вед<омости>" дали нам слишком против себя веское оружие в руки именно этим — и им не пользоваться из деликатности к этой подлой газете значило бы вредить своим собственным интересам». См. также письмо 508, примеч. 1.

[2] В «Петербургском обозрении» Мещерского, среди других материалов, говорилось «о каких-то новых швейцарских прокламациях, найденных между учащейся молодежью в некоторых открытых заведениях Петербурга и Москвы» (*Гр*, 1873, 5 ноября, № 45, стр. 1198). Мещерский делал вывод, что причиной распространения среди учащейся молодежи «увлечений», пагубно сказывающихся на их участи, является разобщенный и замкнутый образ жизни студентов. Чтобы исключить возможность дурных влияний на молодежь, Мещерский предлагал устройство специальных больших домов «*с дешевыми квартирами для студентов всех заведений в столицах* на началах общежития, с общими для желающих спальнями, с столовыми, библиотеками и т. п.» (там же, стр. 1199). Здесь же, видимо, и содержались строки о надзоре правительства над студентами, вызвавшие отпор Достоевского. В письме к Достоевскому Мещерский сообщил, что фразу «о *надзоре*» он изменил, вслед за этим тут же оговариваясь: «Но мысли *главной* никоим образом вычеркнуть не могу <...> Полагаю, что Вы не того мнения, что студенты должны быть *вне* надзора; главное, чтобы надзор был открытым!». Однако Достоевский, согласившись с Мещерским по вопросу о «С.-Петербургских ведомостях», настоял на своем в вопросе о надзоре над студентами. Никаких следов этой мысли в опубликованном тексте не осталось.

510. М. П. ПОГОДИНУ (стр. 307)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 373, I.149.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. VI, стр. 453—454.
Ответ на письмо М. П. Погодина от 30 октября 1873 г. (там же, стр. 452).

[1] Статья Погодина «За Сусанина» напечатана в №№ 46—47 «Гражданина» от 12 и 19 ноября 1873 г. Посылая ее Достоевскому, автор писал 30 октября, что «обещанная статья за Сусанина» — «окончание тех статей, что были напечатаны в „Гражданине" за Скопина, Пожарского и Минина» (см.: *Гр*, 1872. 25 июня и 10 июля, №№ 27, 29; 1873, 22 января, № 4). В статье «За Сусанина» Погодин полемизировал с Н. И. Костомаровым, который считал подвиг Сусанина вымыслом (см.: Н. И. Костомаров. Личности смутного времени. Михаил Скопин-Шуйский, Пожарский, Минин, Сусанин. — *ВЕ*, 1871, № 6, стр. 497—527).

[2] Погодин писал: «Прошу *непременно* прислать мне корректуру чистую, которую я возвращу на другой день».

[3] В статье Костомарова «Личности смутного времени» упомянуты показания историка Щекатова, с которыми полемизирует Погодин.

[4] «Сто раз просил я, — писал Погодин, — достать мне нумера, где помещены были мои статьи, и не могу допроситься: мне нужны 1872 г. №№ 3, 27 и 29; 1873 г. №№ 4, 5, 9. 11 и 13».

[5] Вероятно, имеются в виду письма от 23 февраля и 1 марта 1873 г. (см. письма 470, примеч. 5; 471, примеч. 21, а также: *Звенья*, т. VI, стр. 444—445 и 451—452). 23 февраля Погодин писал: «Дождусь ли я оттисков или хоть нумеров „Гражданина", где помещены мои статьи за Пожарского, за Минина, Разговор о Белинском и пр.» (там же, стр. 445).

[6] Статью о комедии Кохановской «Слва богу, что муж лапоть сплел» (*З*, 1871, № 1) Погодин послал в «Гражданин» 25 января 1873 г. для № 6 (*Звенья*, т. VI, стр. 442). 23 февраля он напоминал о статье Достоевскому: «О Кохановск‹ой› мне было досадно, что ее прекрасная вещь прошла незамеченною, и я написал, оторвавшись от своих обычных занятий...» (там же, стр. 444). Тем не менее в «Гражданине» статья не была напечатана, и 30 октября Погодин снова писал: «Из моих статей не получил я обратно статейки о комедии Кохановской „Слава богу, что муж лапти сплел". Поищите».

[7] Вероятно, речь идет о статье Страхова в разделе «Критика и библиография» по поводу сочинения Погодина «Простая речь о мудреных вещах» (*Гр*, 1873, 22 октября, № 43; см. также письмо 471, примеч. 13). Об этой статье Погодин писал 30 октября Достоевскому: «Статья г-на Страхова послужила мне опытом и вместе доказательством совершенного равнодушия, на 74 почти году, к чужим отзывам без малейшего неприятного чувства. Поблагодарите его за искренность, которую ценю выше всего. Удосужусь — напишу объяснение его недоразумений, разумеется, не для печати...».

511. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 308)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160. т. 1, л. 52 об.
Впервые опубликовано: «Былое», 1919, № 14, стр. 51.

[1] Встреча с М. Н. Катковым произошла в Петербурге.

[2] Повесть В. И. Прибытковой, по утверждению Б. Л. Модзалевского. «не была напечатана ни в „Русском вестнике", ни в другом каком-либо журнале, если только не появилась анонимно или под псевдонимом» (см.: «Былое». 1919. № 14, стр. 51).

[3] Сохранилось письмо В. И. Прибытковой от 26 октября 1873 г. — ответ на не дошедшее до нас письмо к ней Достоевского (см.: *Список*.

№ 305). Прибыткова писала: «Мне остается одно утешение: вполне искренно и горячо поблагодарив Вас за все Ваши хлопоты о моей статье, просить (если всякая надежда на помещение ее „Гражданином" навсегда потеряна) переслать ее, как Вы предлагаете, г-ну Любимову ‹...› подкрепив посылку ее Вашей веской рекомендацией ‹...› Там статей без авторитетного покровителя не только не принимают, но даже не читают» (*ИРЛИ*, № 29826). Данное письмо Любимову — исполнение этой просьбы.

512. В. В. ТИМОФЕЕВОЙ (стр. 309)

Печатается по тексту первой публикации: *ИВ*, 1904, № 2, стр. 504. Автограф неизвестен.

Датируется 15—16 декабря 1873 г. на основании воспоминаний В. В. Тимофеевой, которая говорила, что письмо Достоевского к ней было написано «в конце года» «наверху корректурного оттиска» (В. В. Т‹и м о ф е е›в а (О. П о ч и н к о в с к а я). Год работы с знаменитым писателем. — *ИВ*, 1904, № 2, стр. 504). Поскольку речь в письме идет о статье, опубликованной в № 51 «Гражданина» от 17 декабря 1873 г. (см. ниже примеч. 2), а корректура номера держалась 15—16 декабря, то к этим же дням относится и записка Достоевского корректору.

[1] Описка Достоевского. Надо: Варвара Васильевна.

[2] Речь идет, вероятно, о статье К. П. Победоносцева «Церковные дела в Германии», напечатанной в № 51 «Гражданина» (1873, 17 декабря) за подписью Z. Z. В своих воспоминаниях В. В. Тимофеева называет автора, подписывавшегося «таинственными инициалами Z. Z.», «высокопоставленным законоведом-администратором» (*ИВ*, 1904, № 2, стр. 503). Об авторстве Победоносцева см.: наст. изд., т. XXI, стр. 368.

513. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 309)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 90.

[1] Достоевский лечился сжатым воздухом от эмфиземы легких в лечебнице доктора Симонова (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 257). См. также письмо 518.

[2] Имеется в виду рождество (25 декабря ст. стиля).

514. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 310)

Печатается впервые по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 248.

Текст письма сохранился в обрывках и восстановлен по смыслу. Адресат установлен на основании содержания: раздел «Областное обозрение» в «Гражданине» обычно вел А. У. Порецкий. Кроме того, письмо поступило в *ИРЛИ* в числе других писем Достоевского Порецкому (см.: *Описание*, стр. 245).

Датируется 1873 г. по содержанию. По указанному в письме адресу Достоевский проживал с середины зимы 1873 до мая 1874 г. (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 261). Однако, судя по содержанию письма, оно относится к начальному периоду совместной работы с Порецким в «Гражданине».

[1] Об «Областном обозрении» см. письмо 480, примеч. 1.

[2] Номер квартиры Достоевского в доме Сливчанского, на углу Гусева переулка и Лиговской улицы, установлен на основании адреса в письме Достоевского Гончарову от 7 марта 1874 г. (№ 524) и в письмах к Достоевскому В. И. Губина от 8 и 13 мая 1874 г. (*ИРЛИ*, № 29685).

515. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 311)

Печатается по тексту первой публикации: *Александров*, стр. 187. Автограф неизвестен.

Датируется 3 января 1874 г., так как в письме речь идет о материалах № 1 «Гражданина» за 1874 г., вышедшего 7 января, в понедельник. Письмо написано в четверг (в тексте: «Завтра (в пятницу)»), т. е. 3 января 1874 г.

[1] Статья «Сельские школы» в «Гражданине» опубликована не была.

[2] Речь идет о романе В. П. Мещерского «Один из наших Бисмарков», печатавшемся в «Гражданине» в 1872—1874 гг.

[3] Корреспонденция «Из Корфу», подписанная: И. Л—съ и опубликованная в № 1 «Гражданина» за 1874 г. (стр. 25—27), представляет собой путевые записки дамы, в которых в иронической форме рассказывалось о дорожных происшествиях и описывался праздник святого Спиридона, особо почитаемого на острове Корфу.

[4] Рассказ С. Крапивиной (Лобода) «Сердечный метод» был опубликован позднее — в № 7 «Гражданина» за 1874 г.

516. О. Ф. МИЛЛЕРУ (стр. 311)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 323, 1.19.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 90—91.

О. Ф. Миллер ответил 4 января 1874 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.85; частично опубликовано: наст. изд., т. XXI, стр. 365).

[1] В 1873—1874 гг. голод охватил ряд губерний России, особенно пострадала Самарская. В октябре 1873 г. «Гражданин» получил предостережение цензуры за передовую статью «О голоде» (1873, 15 октября, № 42), в связи с чем 18 октября 1873 г. была запрещена розничная продажа журнала (см.: *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 21). 14 ноября 1873 г. Достоевского вновь вызывали к начальнику Главного управления по делам печати, где, вероятно, было дано указание, как следует писать о голоде (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 219). Так как запрещение розничной продажи «Гражданина» было отменено лишь 5 декабря 1873 г. (см.: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 73), то в начале января 1874 г. Достоевский не решался еще печатать статьи на эту тему.

[2] Алярмирующее — тревожащее (от франц. alarmer — встревожить).

[3] О. Ф. Миллер ответил Достоевскому в тот же день, послав письмо в редакцию «Гражданина» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.85):

Милостивый государь
Федор Михайлович.

Да, я был очень глуп, что положился на Ваше согласие напечатать мою статью и рассказывал уже кое-где, что «Гражданин» пристыдит этим наших «либералов»! О приглашении редакторов «туда» я знал, но оно было *ранее* данного Вами обещания. Я только даром потерял время — а статья именно такова, что откладывать ее напечатание все равно, что совсем не печатать: не после же голода, в самом деле, взывать о пожертвованиях! Так пусть же там мрут как мухи — а мы здесь — все до единого, всяких оттенков — будем робеть перед каждым цензурным внушением. О доблестная отечественная печать.

Ваш покорный слуга

Ор‹ест› Миллер.

4 января.

Я еще раз перечел мое письмо — написано оно сгоряча, но я не изменю его. Перечел и Ваше: Вы пишете: не перегляжу ли я статью?

Но в рукописи она уже до того измарана, что и переглядеть трудно — что́ бы Вам было дать мне ее проглядеть в корректуре? Но Вы, очевидно, предполагаете такого рода исключения, после которых, действительно, ничего не останется. Всего лучше будет совершенно перестать писать.

517. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 312)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 304.

[1] 21 января 1874 г. исполнилось полгода со дня смерти бывшего обер-прокурора Синода графа Александра Петровича Толстого. По этому случаю в «Гражданине» (1874, 29 января, № 4) были опубликованы следующие статьи Т. И. Филиппова: 1) «О графе Александре Петровиче Толстом» (стр. 107) — сообщение о церковных службах в его память, названное Достоевским «панихидою»; 2) «Слово в память графа Александра Петровича Толстого, произнесенное архимандритом Неофитом Пагидою в петербургской греческой церкви 20 января 1874 г.» (стр. 107—108), названное Достоевским «проповедью»; 3) «Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом» (стр. 108—113), напечатанное с подписью: Т. Филиппов и с пометою: «Окончание будет». Однако продолжение воспоминаний Филиппова в «Гражданине» не появилось.

[2] Статья опубликована не была.

[3] 24 января 1874 г. А. Н. Майков послал Достоевскому два стихотворения, сопроводив их следующим письмом: «Посылаю Вам в „Гражданин" два стихотворения — прохладного Гете и горячего Гафиза. Их можно соединить под общей рубрикой — не знаю, годится ли та, которую я выбрал. Можно бы и так ее окрестить: *одна струна на севере и юге*, да очень вычурно. Если не понравится Вам и просто: *на севере и юге*, то все-таки напечатайте оба стихотворения разом и рядом, то есть одно за другим. Весь Ваш А. Майков» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 363).

Эти стихотворения опубликованы в № 4 «Гражданина» (стр. 119) под заглавием: «На севере и юге. 1. Из Гете. 2. Из Гафиза».

[4] Имеется в виду В. П. Мещерский.

518. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 312)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 1159, 2.4.

Впервые опубликовано с неправильной датировкой: *Д, Письма*, т. III, стр. 49.

Датируется 9 февраля 1874 г. по следующим соображениям: в феврале 1874 г. Достоевский лечился сжатым воздухом от эмфиземы легких в лечебнице доктора Симонова (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 257). 8 и 14 февраля Достоевский платил по счетам Симонова (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 323—324). Лечение продолжалось, как сказано в письме, «недели две или три». Зимой 1873—1874 гг. Страхов обычно обедал у Достоевских по воскресеньям (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 254). Праздники, по поводу которых А. Г. Достоевская не может принять Страхова, — по-видимому, масленица, приходившаяся в 1874 г. на 4—10 февраля. Письмо написано в субботу (в тексте: «завтра в воскресенье»), т. е. 9 февраля. Достоевский лечился сжатым воздухом и позднее, в феврале 1875 г. (см. письма к А. Г. Достоевской от 6 и 7 февраля 1875 г.) и в сентябре 1876 г., но в феврале 1875 г. А. Г. Достоевская находилась в Старой Руссе, а на 1876 г. приходился период расхождения Достоевского со Страховым, начавшийся в 1875 г. (см.: *Розенблюм*, стр. 20—21).

519. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 313)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 91—92.

[1] Речь идет о дележе имущества А. Ф. Куманиной (см. письмо 475, примеч. 3). 23 октября 1873 г. Тульский окружной суд рассмотрел заявление Ф. М. Достоевского и наследников М. М. Достоевского о том, что О. Ф. Шер и ее племянники Ф. Д. и М. Д. Ставровские не имеют права наследования в имуществе А. Ф. Куманиной. Суд постановил утвердить в правах наследства О. Шер в одной третьей части, Ставровских каждого в одной шестой, Федора, Андрея и Николая Достоевских каждого в одной двенадцатой части, а Федора и Михаила Достоевских (сыновей М. М. Достоевского) каждого в одной двадцать четвертой части. Дом в Туле — часть наследства Куманиной. См. копию судебного постановления (*ИРЛИ*, № 30608, лл. 19—20), а также: *ЛН*, т. 86, стр. 432. См. также: *Коллективное*, № 9, примеч. 4.

[2] Н. М. Достоевский в Петербурге жил в доме сестры Александры Михайловны Голеновской, которая сердилась на брата Федора и наследников брата Михаила за предпринятую ими попытку оспорить завещание А. Ф. Куманиной, так как ее дочь Мария Николаевна была замужем за М. Д. Ставровским и, следовательно, была заинтересована в получении доли наследства Ставровскими (см.: *Ильин*, стр. 547—559).

520. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ (стр. 314)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.18.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 304.

[1] Речь идет о № 8 «Гражданина» за 1874 г., вышедшем 25 февраля, в котором опубликована первая глава статьи А. Верещагина «Из путевых заметок по Черноморскому округу» (стр. 237—239). Вторая глава той же статьи появилась в следующем номере «Гражданина» (стр. 261—263).

[2] Речь идет о В. П. Мещерском.

[3] Стихи в № 8 «Гражданина» напечатаны не были.

521. А. Ф. КОНИ (стр. 314)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 569, I.1778.
Впервые опубликовано: «Вестник литературы», 1921, № 2, стр. 7 (в составе воспоминаний А. Ф. Кони «Встречи с Достоевским»).

Датируется февралем 1874 г. по содержанию, так как сжатым воздухом Достоевский лечился в феврале 1874 г. (см. письмо 513 и примеч. к письму 518).

[1] См. письмо 476, примеч. 4. Кони в своих воспоминаниях «Встречи с Ф. М. Достоевским» сообщает, что приговор Окружного суда поступил к нему как к прокурору Окружного суда, который должен был распорядиться об аресте Достоевского, и что он решил отсрочить исполнение приговора: «Узнав от одной своей знакомой, что состояние здоровья Достоевского, предпринятое им лечение и разные обстоятельства личного характера делают для него крайне неудобным немедленное лишение свободы, я просил ее сообщить Федору Михайловичу, что приговор будет обращен к исполнению лишь тогда, когда он сам найдет это для себя удобным» (стр. 7; см. также: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 69—70). «Знакомая» Кони и Достоевского — В. Н. Куликова (1846—1894) — дочь актера и драматурга Н. И. Куликова (1815—1891), с семьей которого

Достоевский познакомился в 1860 г. (см. наст. изд., т. XXVIII₂, письмо 172; а также: А. Ф. Кони. Собр. соч. в 8 томах. М., 1968, т. VI, стр. 432, 468).

[2] Достоевский отбыл арест 21 и 22 марта 1874 г. (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 257—258).

522. В. П. МЕЩЕРСКОМУ (стр. 314)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212. I.44.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 92—93.

[1] В 1874 г. В. П. Мещерский стал печатать в «Гражданине» публицистические заметки под рубрикой «Письма хорошенькой женщины», подписанные: Вера N. В № 7 «Гражданина» было напечатано второе письмо, озаглавленное «О молодом поколении». В нем утверждалось, что материализм и безверие прививают современной молодежи школы, университеты и другие учебные заведения. На это письмо прислал свое возражение, под псевдонимом Олиц, Я. П. Полонский: «Хорошенькой женщине. На 2-е письмо, помещенное в 7 № „Гражданина“». Ответ Олица был напечатан в № 9 «Гражданина» от 4 марта 1874 г. (стр. 260). Полонский-Олиц обвинял «хорошенькую женщину» в незнании жизни и современных школ, в том, что все выводы ее ни на чем не основаны и что школа выполняет основное требование текущей жизни — дает человеку знания и умения для практической деятельности. Он усматривал в позиции «хорошенькой женщины» обскурантизм и сравнил ее с Магницким — гонителем просвещения и университетов в 1820-е гг.

[2] А. И. Пальм, находясь в должности управляющего полтавским отделением государственного банка, был в 1873 г. предан суду за присвоение казенных денег и за подлог (см.: В. Д. Спасович. Сочинения. СПб., 1894, т. V, стр. 248—269).

[3] Я. П. Полонский утверждал, что «хорошенькая женщина» не видела и не наблюдала явлений, о которых говорит, статья ее бездоказательна, содержит одни общие фразы: «Вот если бы вы осмеяли *А* или *Б* или *С*; если бы пришли в негодование от знакомого вам офицерика или от глупого гимназиста, пишущего диатрибы против правительства, — возражать вам было бы невозможно; осмей вы то или другое дикое проявление нашей разнокалиберной, неустановившейся жизни — мне бы только одно и осталось — заочно поцаловать ваши ручки» (*Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 260).

[4] О. С. Иванова состояла в преступном обществе, выпускавшем фальшивые акции Тамбовско-Козловской железной дороги. Дело об этом преступлении слушалось в Петербургском окружном суде в феврале 1874 г. (см.: *Г*, 1874, 15—23 февраля, №№ 46—54). Многие материалы процесса и черты личности его участников (за исключением Ольги Ивановой) нашли отражение в романе «Подросток» (см.: *Долинин*, стр. 142—149; наст. изд., т. XVII, стр. 314—315).

[5] Колосов — врач-гинеколог, главный организатор выпуска фальшивых акций Тамбовско-Козловской железной дороги. В романе «Подросток» послужил прототипом Стебелькова (см. наст. изд., т. XVII, стр. 314—315, 373).

[6] Заметке Я. П. Полонского (Олица) было предпослано «Письмо к редактору», подписанное «хорошенькой женщиной» (принадлежащее Мещерскому). Она просила опубликовать возражение своего оппонента и обещала ответить ему в следующем номере (*Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 260).

[7] Ответ Мещерского Полонскому («Ответ хорошенькой женщины старичку Олицу») был опубликован в № 10 «Гражданина» от 11 марта 1874 г. (стр. 298—301); в № 11 от 18 марта 1874 г. появилось еще одно возражение Полонского: «Хорошенькой женщине. Ответ Олица — последний».

[8] Достоевский снабдил второе письмо «хорошенькой женщины» «О молодом поколении» примечанием от редакции, в котором отметил,

что письма «сотрудницы» страдают «односторонностью», но публикация их необходима: «...мы печатаем эти письма буквально, потому что они все-таки — знаменье времени. Будь в этих обвинениях лишь одна десятая доля правды, то и тогда ужасно. А десятая доля правды, кажется, есть» (*Гр*, 1874, 18 февраля, № 7, стр. 208; а также: наст. изд., т. XXI, стр. 290). Полонский в своем ответе «хорошенькой женщине» коснулся этого редакторского примечания, процитировал его и заметил: «Неучей, невежд и шалопаев у нас в отношении к образованному обществу — не одна десятая, а разве семь десятых; и когда мы доживем до того времени, когда их будет одна десятая, то это будет не ужас, а восторг и ликование» (*Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 261). Публикацию ответа Полонского Достоевский снабдил следующей «оговоркой»: «Редакция (так как любезный с дамами старичок затрогивает и редакцию), — редакция объявляет, собственно от себя, что, говоря про „десятую долю правды“, она вовсе не имела в виду считать „дураков и пошляков“, а разумела совсем другое, но что именно — того вовсе не находит нужным, по некоторым причинам, разъяснять оппоненту „хорошенькой женщины“. Печатает же его письмо лишь по желанию самой затронутой стороны. С этой стороны и будет ему ответ. *Ред.*» (*Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 261; а также: наст. изд., т. XXI, стр. 291).

[9] В следующем своем письме Полонский никак не затрагивал редакцию, однако редакция сопроводила публикацию его письма несколькими ироническими примечаниями (см.: *Гр*, 1874, 18 марта, № 11, стр. 335—336; а также: наст. изд., т. XXI, стр. 292).

523. Г. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ (стр. 316)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.5.83.

Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 346 (как письмо Д. Е. Кожанчикову). Адресат установлен С. В. Беловым (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 115).

Датируется 7 марта 1874 г., так как написано на обороте листа, содержащего письмо Д. Е. Кожанчикова Достоевскому от 7 марта 1874 г. (см. ниже).

[1] Письмо обращено к владельцу типографии в Петербурге, где печатался «Идиот» — собственное издание Достоевского (см. наст. изд., т. IX, стр. 384—385), в связи с предложением книгопродавца Д. Е. Кожанчикова продать 100 экземпляров романа. Кожанчиков написал об этом Достоевскому 6 марта 1874 г.: «Я уже имел с Вами дело и, кажется, вполне оправдал наши условия. В настоящее время я бы желал купить у Вас романа „Идиот“ 100 ‹экземпляров›, с уступкою 30% и под мой вексель на 7 месяцев, а потому хотел бы знать Ваше решение по этому делу. В случае Вашего согласия я сейчас же доставлю Ваш вексель на 7 месяцев суммою в 245 руб.» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.83). 7 марта Д. Е. Кожанчиков подтвердил свое предложение следующей запиской:

Милостивый государь
Федор Михайлович!

Мы уже много перебрали Вашего романа «Идиот», и даже теперь еще есть в запасе. Для книжной торговли остается только три недели, а потому, при всем моем желании, более 100 ‹экземпляров› взять не в силах.

Если угодно Вам отпустить мне 100 ‹экземпляров›, то я на этот случай прилагаю мой вексель с покорнейшею просьбою приказать выдать подателю письма 100 ‹экземпляров›, а в противном случае вексель возвратить мне обратно.

С истинным почтением и уважением имею честь быть готовый навсегда к услугам Вашим

Д. Кожанчиков.

7 марта
1874 года.

Достоевский, видимо, тут же на обороте этого письма написал Пантелееву и послал в типографию за книгами, переслав туда вексель Кожанчикова.

524. И. А. ГОНЧАРОВУ (стр. 316)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 357, оп. 2, № 118.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 473—474.
И. А. Гончаров ответил 8 марта 1874 г. (Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Пг., 1923, стр. 23).

[1] См. *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 23 и примеч. к нему.
[2] Гончаров ответил, что он принял соответствующие меры, чтобы Достоевский получил корректуру своей статьи: съездил к Некрасову, сообщил секретарю редакционного комитета Ефремову.

525. И. А. ГОНЧАРОВУ (стр. 317)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 357, оп. 2, № 118.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 474.

[1] См. *Офиц. письма и делов. бумаги*, № 23 и примеч. к нему.
[2] Объявления о печатании и скором выходе сборника «Складчина» помещены в «Голосе» от 20 февраля 1874 г. (№ 51) и 15 марта (№ 74). Объявления о выходе из печати и продаже помещены 28 марта 1874 г. в «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях» и 30 марта в «Русском мире». Во всех перечисленных объявлениях имя Достоевского названо среди имен других участников сборника.

526. С. М. ЛОБОДА (стр. 317)

Печатается по подлиннику: *ГМФ*, № 10074.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 132.
Ответ на письмо С. М. Лобода от 9 апреля 1874 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 131—132). Написано на почтовой открытке, присланной С. М. Лобода для ответа вместе с письмом.

[1] Лобода спрашивала Достоевского: «...напечатано ли в „Складчине“ то, что я в нее отослала? Если не напечатано, то попрошу возвратить мне рукопись: чернового у меня нет, а я ею очень дорожу и потому еще, что очень понравилась М. П. Погодину».

527. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 317)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 99.
А. Г. Достоевская ответила 26 апреля 1874 г. Краткий пересказ письма содержится в ее записной тетради (*ИРЛИ*, № 30780).

[1] Поездка Достоевского в Москву была предпринята для переговоров с М. Н. Катковым относительно печатания будущего романа («Подросток») в «Русском вестнике». В случае отказа Каткова Достоевский решил передать роман в «Отечественные записки» Некрасова, от которого уже получил предложение (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 259—261).

528. Л. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 318)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 168.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 96 (с неточной датой: 26 апреля).

А. Г. Достоевская, позднее переписав письмо в своей записной тетради, снабдила его следующим примечанием: «Письмо Ф. М. Достоевского к Лиле, когда ей было ‹*пропуск*›. Подарено Лиле мною 24 декабря 1894 года в красной кожаной книжке» (*ИРЛИ*, № 30777, л. 9 об.).

529. Ф. Ф. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 318)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ИРЛИ*, № 30777, л. 9 об.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Д, Письма*, т. III, стр. 95. Опубликовано по копии А. Г. Достоевской: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 225.

Копии письма в записной тетради А. Г. Достоевской предпослано следующее ее пояснение: «Письмо Ф. М. Достоевского к Феде, когда тому было 2 года 9 месяцев. Писано крупными буквами. Подарено Феде мною 24 декабря 1894 года в красной кожаной книжке».

530. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 318)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 99—100.

[1] См. примеч. 1 к письму 527.

[2] В «Русском вестнике» в 1874 г. печатались очерки Андрея Печерского (П. И. Мельникова) «В лесах» (№№ 4, 5, 8, 12). Публикация их началась в 1871 и закончилась в 1875 г.

531. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 319)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 30413.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 96.

Приписано на письме А. Г. Достоевской к Н. М. Достоевскому от 5 мая 1874 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 438—439).

Датируется 5 мая 1874 г. на основании даты письма А. Г. Достоевской, так как, судя по содержанию, письма А. Г. и Ф. М. Достоевских написаны в один день.

Н. М. Достоевский ответил на это письмо 6 мая 1874 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 439).

[1] Разногласия Достоевского с братом Николаем были вызваны дележом наследства А. Ф. Куманиной (см. примеч. 3 к письму 475). В 1864 г. братья Федор и Михаил Достоевские получили от Куманиной каждый по 10 000 руб., о чем выдали ей векселя, и на этом основании были, по завещанию Куманиной, лишены права участвовать в дележе денеж-

ных сумм, оставшихся после нее (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 330). Желая опротестовать завещание, Ф. М. Достоевский и наследники М. М. Достоевского должны были или выплатить старый долг по 10 000 руб., или получить от других наследников подтверждение, что те на эти деньги не претендуют. По второму пути и пошла семья Ф. М. Достоевского. А. Г. Достоевская просила Н. М. Достоевского дать письменное подтверждение, что он не претендует на деньги, ранее полученные братьями. Об этом говорится в ее записке без даты, но, судя по содержанию, написанной в апреле 1874 г.: «Я все поджидала, когда Вы захотите прийти к нам, чтобы дать мне обещанную Вами бумагу ‹...› На случай, если Вы не отдумали дать бумагу, пишу Вам проэкт ее: „1874 года, апреля дня я, нижеподписавшийся, дал сию расписку отставному подпоручику Ф. М. Достоевскому в том, что по выданным им двум векселям от 1864 г. дворянке Алекс‹андре› Фед‹оровне› Куманиной суммою в десять тыс‹яч› рублей, я, как наследник, никакой претензии по этим векселям к нему, Достоевскому, иметь не буду, а равно и не стану возбуждать никакого дела. Николай Достоевский".

Эту бумагу надо засвидетельствовать у нотариуса.

Успокойте меня, Николай Михайлович, напишите эту бумагу и докажите, что Вы от Вашего слова не отказываетесь» (*ЛН*, т. 86, стр. 437).

5 мая А. Г. Достоевская вновь обратилась к Н. М. Достоевскому с просьбой прийти к ним на следующий день, чтобы юридически оформить свой отказ от денег по векселю Ф. М. Достоевского, выданному Куманиной: «Теперь у нас дело идет о перемирии, и нам согласны возвратить векселя; остановка за Вами: нужно, чтобы Вы подписались, что отказываетесь получить ту часть, которая Вам придется из векселя, то есть около 800 руб. Если Вы не подпишетесь, то перемирие не состоится и с ‹нас› станут взыскивать 10 тыс‹яч›. Если Вы любите Вашего брата и не хотите причинить ему много горя, приезжайте завтра с Мих‹аилом› Мих‹айловичем› к нам. У нас будет Корш, и мы подпишем перемирие ‹...› Приезжайте *непременно*. Вы понимаете, что дело иначе не может идти» (*ЛН*, т. 86, стр. 438—439).

[2] На следующий день, 6 мая, Н. М. Достоевский ответил брату: «Я сам не могу сегодня быть, но завтра, как бы ни был болен, буду непременно. Этим письмом я утверждаю в том, что никогда не буду ‹иметь› претензий о взыскании по векселям как твоим, так и брата покойного, Михаила Михайловича, претензий не имею — и все, что может по этим векселям, выданным дворянке Александре Федоровне Куманиной, произойти, — я отказываюсь» (*ЛН*, т. 86, стр. 439). Вероятно, потом Н. М. Достоевский выполнил просьбу Ф. М. и А. Г. Достоевских и дал им юридически оформленную расписку. Дальнейшие отношения их, как это видно из сохранившейся переписки с А. Г. Достоевской (см.: ***ИРЛИ***, № 29701), оставались хорошими.

532. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 319)

Печатается по тексту первой публикации: *Д, Письма*, т. IV, где напечатано дважды (стр. 14 и 316) с неверными датировками.

Подлинник неизвестен.

Датируется предположительно 12 мая 1874 г., так как, вероятно, является ответом на письмо Н. М. Достоевского от 6 мая 1874 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 439). Письмо написано в воскресенье (в тексте: «завтра, то есть в понедельник»), а ближайшее воскресенье после 6 мая было 12 мая.

[1] См. письмо 531 и примеч. к нему.

533. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 320)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 93, I.6.44.
Впервые опубликовано: *Д, Письма,* т. III, стр. 96—97.
Датируется 5 июня 1874 г., так как Достоевский узнал о приезде Тургенева в Петербург в этот день (см. письмо к А. Г. Достоевской от 6 июня — № 534, где говорится, что о пребывании Тургенева в Петербурге он узнал накануне), а на следующий день, т. е. 6 июня, собирался уезжать в Бад-Эмс («завтра сам выезжаю из Петербурга»). Однако на следующий день было принято иное решение. В письме жене Достоевский сообщал: «Я решил, что останусь в Петербурге еще на день, то есть на четверг» (см. письмо 534 и примеч. 16 к нему). Тогда же Достоевский решил не отдавать Тургеневу долг до осени (см. примеч. 13 к письму 534). Из этого следует, что данное письмо Тургеневу отправлено не было.

[1] Имеется в виду В. П. Мещерский.
[2] См. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 261 и примеч. к нему.
[3] Долг Тургеневу был возвращен в 1875 г. А. Г. Достоевская рассказывала впоследствии, что Тургенев, получив от Достоевского через П. В. Анненкова 50 талеров (см. письмо Достоевского жене от 6 июля 1875 г.) и считая сумму долга в 100 талеров, потребовал через своего знакомого А. Ф. Отто (Онегина) недостающих денег. Недоразумение было выяснено благодаря сохранившемуся письму Тургенева (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 301—303 и примеч. на стр. 458).

534. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 320)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 212, 1.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене,* стр. 100—104 (с исправлениями, сделанными А. Г. Достоевской).
А. Г. Достоевская ответила 12 июня 1874 г. Краткий пересказ письма содержится в ее записной тетради (*ИРЛИ,* № 30780).

[1] 4 июня 1874 г. Достоевский покинул Старую Руссу, чтобы ехать лечиться в Эмс от эмфиземы легких. В Петербурге остановился проездом.
[2] Имеется в виду В. П. Мещерский.
[3] В редакции «Гражданина» продавался роман «Идиот», изданный Достоевским в 1874 г. вслед за романом «Бесы» (см. наст. изд., т. IX, стр. 384—385).
[4] М. М. Достоевский (младший) служил в банке, а с 1875 г. — в Обществе взаимного кредита (см.: *Д, Переписка с женой,* стр. 416).
[5] Отношения с В. В. Шевяковым, ставшим в 1875 г. мужем А. М. Достоевской (по первому браку Голеновской) (см.: *ЛН,* т. 86, стр. 443), были, возможно, уже испорчены из-за споров о наследстве А. Ф. Куманиной (ср. примеч. 2 к письму 519).
[6] Рязанское имение, часть наследства А. Ф. Куманиной, 6000 десятин, находилось в 100 верстах от Рязани. 6 июня 1874 г. в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 153) появилось объявление о его продаже.
[7] Объявление в «Голосе» (6 июня 1874 г.) гласило: «Продается большое имение Рязанской губернии и уезда, 6425 десятин, в том числе с лишком 5000 десятин строевого и дровяного леса, на сплавной реке Пре, впадающей в Оку. В имении залежи торфа и гонка дегтя. Ножевой завод. По имению пройдет Касимовская ветвь Московско-Рязанской железной дороги».
[8] Собрания сочинений Достоевского М. П. Надеин не издавал.
[9] Речь идет о напечатанных в газете «Неделя» (1874, 19 мая, № 20 и 2 июня, № 22) 3-й и 4-й лекциях О. Ф. Миллера из цикла «Русская литература после Гоголя (за исключением драматической)», содержащих вы-

сокую оценку творчества Достоевского. А. С. Долинин отметил, что «после „Гражданина“, участие в котором значительно попортило репутацию Достоевского, они оказались особенно кстати» (*Д, Письма*, т. III, стр. 325).

[10] Имеются в виду пружины на зубном протезе.

[11] Речь идет о Славянском благотворительном комитете, членом которого был А. Н. Майков (см. примеч. 14 к письму 471).

[12] Тургенев пробыл в России около двух с половиной месяцев: с 7 мая по 20 июля 1874 г. В это время он уже работал над романом «Новь» (опубл. в 1877 г.).

[13] Речь идет о взятых в долг у Тургенева в 1865 г. в Бадене 50 талерах (см. письмо 533, а также наст. изд., т. XXVIII_2, письма 260, 261, 458 и примеч. к ним).

[14] Речь идет о старом процессе Достоевского с издателем Ф. Т. Стелловским, начавшемся в 1870 г. (см. письма 402, 403. 427 и примеч. к ним). 9 ноября 1873 г. на заседании Петербургской судебной палаты состоялось рассмотрение «апелляционного дела Федора Достоевского с Федором Стелловским о 3756 р. 32 коп.». Постановлено «взыскать с купца Федора Стелловского в пользу подпоручика Федора Достоевского неустойки 3000 р.» («Судебный вестник», 1873, 16 ноября, № 247). Однако получить причитающиеся деньги было нелегко. Дело осложнилось тем, что Стелловский был взят под опеку, и Достоевскому (в лице своих поверенных В. И. Губина и Б. Б. Полякова) приходилось иметь дело с Заенчковским и Соковниным, назначенными в апреле 1874 г. опекунами Стелловского. Об этом сообщалось в письме Губина Достоевскому от 8 мая 1874 г. (*ИРЛИ*, № 29685).

[15] 13 мая 1874 г. В. И. Губин писал Достоевскому: «Был у меня сегодня Соковнин и без долгих рассуждений согласился дать вексель в 2500 р. сроком на год с бланком своей жены, которая владеет недвижимым и движимым имуществом. Если он заплатит хотя часть денег в сентябре этого года, чего бы и он сам хотел, я обещал незначительную скидку с означенной суммы, в чем и уверил Вашим именем» (*ИРЛИ*, № 29685).

[16] Достоевский выехал из Петербурга, как он сообщил жене (см. письмо 535), «в пятницу утром», т. е. 7 июня 1874 г.

[17] Имеется в виду В. П. Мещерский.

[18] Достоевский ушел с поста редактора «Гражданина» 19 марта 1874 г. См.: *Офиц. письма и делов. бумаги.* № 27 и 28 и примеч. к ним.

[19] «Гражданин» выходил до 1878 г. под редакцией В. Ф. Пуцыковича, а потом, после десятилетнего перерыва, был возобновлен в 1888 г. В. П. Мещерским.

[20] А. Г. Достоевская в своем пересказе ответного письма от 12 июня 1874 г. сообщает: «Советую ехать в Соден, если решит Фрерих» (*ИРЛИ*, № 30780).

535. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 325)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 104—109.

Датируется 12 (24) июня 1874 г. по следующим соображениям: Достоевский прибыл в Эмс 11 (23) июня 1874 г., во вторник (см.: *Натова*, стр. 8), а писал письмо на следующий день, в среду. О том, что дата проставлена им ошибочно. Достоевский писал А. Г. Достоевской 16 (28) июня (см. письмо 536).

[1] Эйдкунен — железнодорожная станция в Пруссии, в одной версте от русско-прусской границы. Там находилась пограничная таможня. Эйдкунен упоминается в «Зимних заметках о летних впечатлениях» как «первое заграничное впечатление» (наст. изд., т. V, стр. 51).

[2] В справочнике доктора А. Гиршгорна «Эмс и целебные его источники. Действие их на здоровье и больной организм, применение в различных болезнях, правила употребления вод и т. д.» (СПб., 1874; книга имелась в библиотеке Достоевского, см.: *Гроссман, Библиотека*, стр. 158) сказано: «Если отправиться с заграничным скорым поездом, отходящим из Петербурга в час пополудни, то через 41 час (в 6 часов утра) приезжают в Берлин, откуда можно немедленно продолжать путь с утренним поездом и прибыть в Эмс вечером того же дня. Но для избежания частых остановок удобнее ехать из Берлина с вечерним, 9-часовым поездом (через Потсдам, Магдебург, Кассель, Марбург, Гиссен, Вецлар), и тогда прибывают в Эмс в 11 часов утра» (стр. 17—18). Достоевский же был вынужден задержаться в Берлине еще на два дня.

[3] Берлинский королевский музей состоял из двух зданий: Старого, построенного в 1824—1828 гг. по проекту Шинкеля, и Нового, построенного в 1843—1855 гг. по проекту Штюлера. Вестибюль Нового музея был расписан фресками В. Каульбаха: «Битва гуннов», «Разрушение Иерусалима», «Вавилонское столпотворение», «Игры гениев» и др. Интерес Достоевского к фрескам Каульбаха, возможно, был вызван статьей В. Лесевича «Фрески Каульбаха в Берлинском музее», напечатанной в сборнике «Складчина» (СПб., 1874, стр. 265—277). Рецензировавший статью Лесевича И. А. Гончаров оценил ее положительно (см. письмо Гончарова от 20 февраля 1874 г. в Комитет по изданию сборника «Складчина»: *РЛ*, 1971, № 3, стр. 92).

[4] Речь идет о пребывании Ф. М. и А. Г. Достоевских в Берлине в 1867 г. с 17 (29) апреля по 19 апреля (1 мая) (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 146—148).

[5] «Фиделио» — опера Л. Бетховена. Отзыв Достоевского об ее увертюре см. в письме к А. Г. Достоевской от 18 (30) июля 1876 г. См. также: *Гозенпуд*, стр. 116—117.

[6] Опера Джакомо Мейербера «Роберт дьявол» (1824). Упоминание о ней есть в «Белых ночах» (см. наст. изд., т. II, стр. 116).

[7] Вартбург — горный замок в Тюрингии, близ г. Эйзенаха, в живописной местности, прославленный как место легендарного состязания средневековых поэтов — миннезингеров, а также в связи с пребыванием в нем в 1521—1522 гг. Лютера, работавшего в Вартбурге над немецким переводом Библии. Построен в XI в., впоследствии многократно перестраивался (1838—1890). Достоевские могли посетить его в июне 1867 г. при переезде из Дрездена в Баден-Баден.

[8] В указанном выше (см. примеч. 2) справочнике об Эмсе сказано: «Лечебный сезон продолжается от 1 мая до 1 октября нового стиля. Желающим избегать светского шума и соблюдать экономию надо прибыть в Эмс не позже середины июня или же с половины августа, так как в середине лечебного сезона жизнь отличается иногда необыкновенною дороговизною и может встретиться недостаток в квартирах» (стр. 18). Достоевский же приехал как раз в разгар сезона.

[9] Речь идет о романе для «Отечественных записок» Некрасова, будущем «Подростке» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 256—272).

[10] Табльдот (от франц. table d'hôte) — общий обеденный стол с общим меню в пансионах, курортных столовых и ресторанах Западной Европы.

536. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 330)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 109—113.

Ответ на письма А. Г. Достоевской от 7 и от 12 июня 1874 г. Пересказ обоих писем содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

А. Г. Достоевская ответила 22 июня 1874 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 110—112).

[1] Достоевский ошибся и на этом раз: среда была не 13 (25) июня, а 12 (24) (см. письмо 535 и примеч. к нему).

[2] Задержка писем А. Г. Достоевской к мужу из Старой Руссы объясняется их перлюстрацией старорусским исправником полковником Готским, вызванной тем, что Достоевский продолжал оставаться под секретным надзором полиции. Надзор был снят осенью 1875 г. (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 263, 277—278; А. З. Жаворонков, С. В. Белов. Дело об отставном подпоручике Федоре Достоевском. — *РЛ*, 1963, № 4, стр. 197—202; Г. Ф. Коган. Разыскания о Достоевском. § 3. Достоевский в документах III отделения. — *ЛН*, т. 86, стр. 596—605).

[3] Речь идет о работе над планом «Подростка» (ср. наст. изд., т. XVII, стр. 256—274).

[4] Официально редактором «Иллюстрации» (вернее, «Иллюстрированной газеты») был В. Р. Зотов. К. К. Случевский печатал в ней свои стихи.

[5] Достоевский, вероятно, познакомился со Случевским в салоне Е. А. Штакеншнейдер, где стал бывать с 1873 г. (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 256, 354; *Д, Письма к жене*, стр. 348).

[6] Отражением этого знакомства, вероятно, является запись среди подготовительных материалов к роману «Подросток»: «Эльпидифорова (Александрова). *Космополитка.* История, как она сломала челюсть» (наст. изд., т. XVI, стр. 37).

О русских, которые постоянно ездят за границу «неизвестно зачем» и проводят там большую часть жизни, воспитывая детей вдали от родины, Достоевский писал еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см. наст. изд., т. V, стр. 51—52, 62—63), в «Игроке» (там же, стр. 208—318), а затем, уже на основании эмских впечатлений, в «Дневнике писателя» 1876 и 1877 гг. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 54—95; т. XXV, стр. 20—23, 136—144).

[7] Пурбуар (от франц. pourboire) — чаевые.

[8] От франц. prude — преувеличенно стыдливый.

[9] А. Г. Достоевская писала 22 июня 1874 г.: «Мне вовсе не нравится твоя подпись: „Твой вечный муж Дост." Какой ты „вечный муж"? Ты мой милый муж, муж навеки, а не вечный муж!» (стр. 112). Недовольство Анны Григорьевны было вызвано, видимо, ассоциациями с повестью Ф. М. Достоевского «Вечный муж» (1870).

[10] Александр II часто бывал в Эмсе, где лечился водами. Король Пруссии и император Германии Вильгельм I (1797—1888) был его дядей.

[11] Речь идет об И. И. Румянцеве и Гриббе.

[12] День рождения Феди Достоевского — 16 июля.

537. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 334)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 113—117.

Вторая половина письма — ответ на письмо А. Г. Достоевской от 18 июня 1874 г. Краткий пересказ его содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

А. Г. Достоевская ответила 28—29 июня 1874 г. (пересказ письма содержится в ее записной тетради: *ИРЛИ*, № 30780; окончание письма: *Д, Переписка с женой*, стр. 118—119).

[1] О причине задержек писем А. Г. Достоевской см. примеч. 2 к письму 536.

[2] Находясь в Эмсе летом 1874 г., Достоевский вел «Дневник лечения в Эмсе», который сохранился в тетради, содержащей подготовительные материалы к «Подростку» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 108—110).

[3] См. примеч. 3 к письму 536.

[4] Эта деталь психологического портрета использована Достоевским в подготовительных материалах к роману «Подросток» в качестве чьей-то

реплики: «Ищите человека с самым глубоким взглядом и смело подходите, — это он» (наст. изд., т. XVI, стр. 36).

⁵ В письме от 18 июня 1874 г. А. Г. Достоевская рассказывала «случай, бывший с Федей»: «Федя только и дело твердит, что пойдет или поедет к Спасителю (в 7 верстах часовня, куда я детей непременно свезу, так как Федя только о том и мечтает). Раз идет вечером мимо дома мужик, я и говорю: „Вот возьми мальчика с собою к Спасителю“. — „Пожалуй, возьму, пойдет ли со мной?“. Федя тотчас надел армяк, взял мужика за руку и пошел с ним; так он прошел очень далеко, почти до поля, об руку с мужиком и *ни разу не оглянувшись* на нас. Няня, разумеется, шла крадучись за ним. Дойдя до поля, мужик поцеловал Федю и сказал, что заедет завтра за ним на лошади; Федя насилу его отпустил».

⁶ Речь идет о работе над «Подростком» (ср. наст. изд., т. XVII, стр. 272—273).

⁷ Возможно, имеется в виду отзыв Н. Н. Страхова о романе «Бесы», высказанный в письме Достоевскому от 12 апреля 1871 г. (см. примеч. 14 к письму 425).

⁸ Речь идет о невозможности получить деньги под не написанный еще роман для «Отечественных записок», тем более что Достоевский уже получил от Некрасова аванс в 2000 руб. (см. письмо 549, а также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 259—261, 264).

⁹ «Ничего, ничего — молчание!» — цитата из «Записок сумасшедшего» Гоголя, — фраза, повторяющаяся там неоднократно (см.: *Гоголь*, т. III, стр. 199, 200).

¹⁰ Речь идет о старорусском протопопе Иване Смелкове (см. о нем: *Рейнус*, стр. 20).

538. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 338)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 118—120.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 22 июня 1874 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 110—112).

А. Г. Достоевская ответила 4 июля 1874 г. Пересказ письма содержится в ее записной тетради (*ИРЛИ*, № 30780).

¹ Во Флоренции Достоевский с женой прожил зиму 1868—1869 гг. (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 184—185).

539. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 341)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 120—123.

А. Г. Достоевская ответила 7 июля 1874 г. Пересказ письма содержится в ее записной тетради (*ИРЛИ*, № 30780).

¹ См. письмо 538.

² «Эта новая квартира была в небольшом четырехэтажном доме с большим балконом, расположенном на Ланштрассе, по другую сторону моста, ведущего от Вокзальной улицы на правую сторону реки Лана, всего в каких-нибудь двухстах метрах от Курзала. Дом этот, носящий в то время название „Ville d'Alger“, сохранился и по сей день» (*Натова*, стр. 14).

³ См. примеч. 1 к письму 513.

⁴ См. письмо 538, примеч. 1.

⁵ См. примеч. 5 к письму 537.

⁶ В письме А. Г. Достоевской от 22 июня 1874 г. сообщалось, что, когда у нее болела голова, сын Федя предложил: «Мама, перемени

со мной голову». — «Ведь у тебя тогда будет болеть». — «Ну у меня пусть болит, а зато у тебя не будет болеть» (*Д, Переписка с женой*, стр. 111). Возможно, что к этому рассказу А. Г. Достоевской восходит выражение «перемена голов», которое Достоевский употребил дважды в набросках замыслов неосуществленных произведений: «История Карла Ивановича» (наст. изд., т. XVII, стр. 12—13) и «Странные сказки» (наст. изд., т. XXI, стр. 263). См. также в записной тетради 1875—1876 гг.: «Анекдот о перестановке голов» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 130 и 432—433).

[7] О священнике Тачалове см. в письме 538.

[8] См. примеч. 14 к письму 471.

540. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 344)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 123—126.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 28—29 июня 1874 г. (пересказ письма содержится в ее записной тетради: *ИРЛИ*, № 30780; сохранившаяся часть письма: *Д, Переписка с женой*, стр. 118—119).

А. Г. Достоевская ответила 10 июля 1874 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 128—129).

[1] А. Г. Достоевская писала мужу 29 июня 1874 г.: «Милый мой, я очень обиделась, видя, что ты прислал мне не 8 страниц, а всего 5. Ты точно отнял от меня что» (стр. 119).

[2] Описка Достоевского. Надо: «3 утром и 2 вечером». Так он сам записал в «Дневнике лечения в Эмсе» 4 июля 1874 г. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 109).

[3] Речь идет о плане романа «Подросток».

[4] Достоевская писала мужу: «Сейчас сказала детям, что получила от тебя письмо, и спросила, что от них тебе написать. Люба сказала: „Траняйся (кланяйся) папе, передай патрон (поклон), скажи, чтобы скорее ехал и привез иглусек". Федя лежал в постели и молчал. Когда я заметила, что у него, верно, языка нет, то в доказательство он стал показывать язык, но продолжал молчать, наконец изрек: „У меня был длинный, длинный язык, да теперь мне отрезал его мужик..." Так я от него ничего больше и не добилась, что тебе написать» (*ИРЛИ*, № 30780).

[5] Имеется в виду процесс Достоевского со Стелловским (см. примеч. 14—15 к письму 534).

[6] Речь идет о жене И. Г. Сниткина — Ольге Кирилловне.

[7] День рождения Феди — 16 июля. Достоевский пробыл в Эмсе до 27 июля (8 августа) (см.: *Натова*, стр. 8).

541. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 347)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 126—130.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 4 июля 1874 г. Краткий пересказ письма содержится в ее записной тетради (*ИРЛИ*, № 30780).

А. Г. Достоевская ответила 13 июля 1874 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 129—130).

[1] Предыдущее письмо Ф. М. Достоевского от 5 (17) июня 1874 г. было отправлено в пятницу.

[2] См. письмо 540.

[3] Имеются в виду Александр II (жил в Эмсе с 10 (22) мая по 7 (19) июня 1874 г.) и германский император Вильгельм I (находился в Эмсе с 15 июня по 9 июля 1874 г.) (см.: *ПВ*, 1874, 12 мая, 7, 8, 25 июня, №№ 112, 134, 135, 149). См. также письмо 536.

[4] В письме от 4 июля 1874 г. А. Г. Достоевская сообщала: «Вчера Люба просилась поздно вечером к батюшке, я ее не пустила, она и говорит: „Сама не ходишь в гости, да и *добрых людей* не пускаешь!“» (*ИРЛИ*, № 30780).

[5] 4 июля 1874 г. А. Г. Достоевская писала: «Шенк нашел, что Федя жирен для своих лет и прописал ему пить воду соленую в часовне 2 раза в день» (*ИРЛИ*, № 30780).

[6] Речь идет об Адриане Андреевиче Штакеншнейдере.

[7] Комо — озеро в северной Италии на южном склоне Альп, курортная местность, славящаяся мягким климатом. В качестве образца прекрасной природы упомянуто в «Записках из подполья» (см. наст. изд., т. V, стр. 134).

542. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 351)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 130—134.

[1] Задержка писем А. Г. Достоевской была вызвана их перлюстрацией старорусским исправником (см. примеч. 2 к письму 536).

[2] См. примеч. 1 к письму 513.

[3] См. письмо 541.

[4] Речь идет о работе над «Подростком».

[5] См. наст. изд., т. XVII, стр. 256—274, 281—292.

[6] А. Г. Достоевская вспоминала, что Достоевский придавал снам большое значение и сказал ей еще в первые дни знакомства: «Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне покойного брата Мишу, а особенно когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 75).

543. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 355)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 134—136.
Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 7 июля 1874 г. Краткий пересказ письма содержится в записной тетради А. Г. Достоевской (*ИРЛИ*, № 30780).

[1] По первоначальному плану Достоевский собирался после Эмса съездить в Париж, на что рассчитывала А. Г. Достоевская (см. ее письма мужу от 7 и 13 июля 1874 г. — *Д, Переписка с женой*, стр. 129). Но на поездку в Париж не хватило денег, и Достоевский смог побывать только в Женеве, чтобы посетить могилу своей первой дочери Сони. «Он ‹...› побывал два раза на детском кладбище „Plain Palais“ — вспоминала А. Г. Достоевская, — и привез мне с могилки Сони несколько веток кипариса, успевшего за шесть лет разрастись над памятником девочки» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 265).

[2] В своем пересказе письма от 7 июля 1874 г. А. Г. Достоевская сообщала: «Объясняю, что Ваня прислал 75 руб. долгу и 173 руб. за проданные экз‹емпляры› „Идиота“ и „Бесов“, отд‹анные› мною на комиссию в киевс‹кие› магаз‹ины› Гинтера и Южно-русский. Я уплатила за дачу 75 руб., а на 50 руб., присланные папе, прошу его купить черного фаю лионского 14 или, если широкий, то 10 метр‹ов›. А если не удастся на эти 50 руб. (176 фр‹анков›) купить фаю, то прошу купить синюю мягкую ротонду или суконный костюм. Предлагаю, если нужны папе эти 50 руб., то ничего не покупать и взять себе». Позднее Достоевская вспоминала: «Присылкою денег я удивила мужа ‹...› Тем не менее мысль об исполнении моего желания не покидала его, и муж, проезжая чрез Берлин, обошел

много магазинов и привез мне чудесного шелкового драпу <...> К слову скажу, что муж мой понимал толк в вещах и все его покупки были безукоризненны» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 264, 262).

[3] 16 июля — день рождения Феди.

[4] См. примеч. 4 к письму 542.

544. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 357)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 136—137.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 10 июля 1874 г. (сохранившаяся часть его: *Д, Переписка с женой*, стр. 128—129).

[1] См. примеч. 1 к письму 542 и примеч. 2 к письму 536.

[2] Племянник Достоевского М. М. Достоевский должен был получить 400 руб. по векселю владелицы книжного магазина в Петербурге Е. Ф. Голубевой, к которой по контракту перешел книжный магазпн Ф. Т. Стелловского, взятого под опеку (см. примеч. 14 к письму 534). 9 мая 1874 г. В. И. Губин писал Достоевскому: «Достать контракт пли указание, у кого совершен тот документ, по которому Голубева владеет магазином Стелловского, не удалось, а он был бы нужен. Кроме того, лица, знающие взгляды суда <...> не советуют затягивать Ваше дело предъявлением нового иска к Голубевой, которую следовало потревожить раньше разве в качестве третьего лица» (*ИРЛИ*, № 29685). Возможно, однако, что Достоевский предъявил иск Голубевой и она выдала ему вексель на 400 руб.

[3] А. Г. Достоевская собиралась написать письмо мужу до востребования в Париж, на случай если он туда заедет, и, вероятно, в Берлин. 13 июля 1874 г. ппсьмо в Париж было отправлено (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 129).

[4] Речь идет о работе над «Подростком».

545. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 358)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 138—140.

Ответ на письмо А. Г. Достоевской от 13 июля 1874 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 129—130).

[1] Достоевский уехал из Эмса 27 июля (8 августа) 1874 г. (см.: *Патова*, стр. 8).

[2] См. примеч. 1 к письму 543.

[3] См. примеч. 2 к письму 543.

[4] Описывая действие эмских вод на различные виды болезней, доктор Гирштгорн писал: «...в случаях, если одышка обусловлена расширением легочных пузырьков (эмфизема), эмские воды доставляют только временное облегчение постоянно существующих прп этом катаральных явлений» (А. Ю. Гирштгорн. Эмс и целебные его источники. СПб., 1874, стр. 41). Достоевский, страдавший эмфиземой легких, не мог вылечиться от своей болезни, хотя еще трижды (в 1875, 1876 и 1879 гг.) ездил в Эмс (см.: *Патова*, стр. 8).

[5] См. письмо 538.

[6] См. примеч. 4 к письму 491.

[7] Речь идет о работе над «Подростком» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 272—274).

[8] Вероятно, имеется в виду церковный праздник Преображения, отмечавшийся 6 августа.

[9] Пудесуа глясе (франц. pout-de-soie glacé) — плотная шелковая материя с глянцем.

546. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 361)

Печатается по ксерокопии с подлинника, хранящегося: Deutsche Staatsbibliothek (Западный Берлин).

Впервые опубликовано: Московский сборник. М., 1887, стр. 6—7.

[1] Достоевский был в Петербурге проездом из Эмса в Старую Руссу двое суток — видимо, в конце июля (30—31) 1874 г. (см. письмо 547).

[2] Речь идет о политическом судебном процессе против А. В. Долгушина и членов его кружка, обвинявшихся «в составлении преступных воззваний, в напечатании и распространения их с целью возбуждения населения к бунту» (*Г*, 1874, 10 июля, № 189). Дело слушалось в Сенате с 9 по 15 июля 1874 г., и отчет о процессе тогда же печатался в газетах.

[3] Пуцыкович был редактором «Гражданина». См. письмо 534, примеч. 19.

[4] Имеется в виду В. П. Мещерский.

[5] Официальный отчет о процессе долгушинцев публиковался в ряде газет, в том числе в «Правительственном вестнике», «Московских ведомостях», «Голосе». Публикации везде идентичны.

[6] Речь идет о работе над романом «Подросток», в котором нашли отражение материалы процесса долгушинцев в тех главах, где описаны Дергачев и члены его кружка (см.: *Долинин*, стр. 87—92, а также наст. изд., т. XVII, стр. 299—303, 365—366).

[7] Ср. письмо 547.

547. П. А. ИСАЕВУ (стр. 362)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 147—148.

Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 23—24.

[1] Это письмо Исаева неизвестно.

[2] Письмо Тришиных, в котором, видимо, были сведения о П. А. Исаеве, их постоянном должнике, неизвестно.

[3] О жизни Достоевских в Старой Руссе см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 265—282; а также: *Рейнус*, стр. 25—31.

[4] В конце приписка А. Г. Достоевской — поздравление с рождением дочери.

548. Н. А. НЕКРАСОВУ (стр. 363)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, II, № 12.

Впервые опубликовано: Некрасовский сборник. Пг., 1918, стр. 96.

Ответ на письмо Н. А. Некрасова Достоевскому от 12 октября 1874 г. (*Некрасов*, т. XI, стр. 335—336).

[1] Некрасов писал: «С 1-го № 1875 года будут высылаться Вам „О‹течественные› з‹аписки›“, а если захотите иметь и этот год, то напишите только» (стр. 336).

[2] В письме Некрасова сказано: «Очень рад, что мы можем смело рассчитывать на Ваш роман с 1 № „О‹течественных› з‹аписок›“ 1875 включительно, как и рассчитывали» (стр. 335—336). В январском номере «Отечественных записок» за 1875 г. были напечатаны первые пять глав «Подростка».

[3] Первый номер «Отечественных записок» за 1875 г. открывался стихотворением Некрасова «Уныние».

549. П. А. ИСАЕВУ (стр. 364)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 150—151. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 24—26.

[1] Это письмо Исаева неизвестно.

[2] Врач-педиатр М. Н. Сниткин, видимо, мог помочь с устройством ребенка в воспитательный дом, куда жена П. А. Исаева, Надежда Михайловна, хотела отдать свою вторую дочь — Марию.

[3] Возможно, Исаев получил место через В. П. Перцова, возглавлявшего Комитет для сбора пожертвований в пользу православных церквей и школ Прибалтийского края (см.: *Г*, 1877, 15 февраля, № 46). Вероятно, на этом месте Исаев не задержался. Как видно из рукописной справки о его службе, 20 декабря 1874 г. он поступил в Московское отделение Волжско-Камского коммерческого банка, где служил ранее, до 15 мая 1873 г. (*ИРЛИ*, № 32643).

[4] Речь идет о фотографии дочери Исаева — Веры (ср. также письмо 550, примеч. 5).

[5] Исаев, видимо, прося денег у Достоевского, предлагал дать их ему под вексель, выданный на имя А. Н. Сниткиной.

550. П. А. ИСАЕВУ (стр. 366)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 153—154. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 26—27.

[1] Это письмо Исаева неизвестно.

[2] См. письмо 549.

[3] Кафимский узел — крайне запутанный узел; первоначально: плетения из жемчуга сложного узора, привозимые из Кафы (Феодосии).

[4] В воспитательный дом была отдана вторая дочь Исаева — Мария (см. письмо 549).

[5] Фотографию своей старшей дочери Веры Исаев прислал в предыдущем письме (см. письмо 549), а теперь, видимо, потребовал обратно.

551. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 367)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 140.

[1] С 17 по 23 декабря 1874 г. А. Г. Достоевская находилась в Петербурге в связи с выходом из печати в середине декабря собственного издания «Записок из Мертвого дома» и необходимостью организовать продажу книги (часть экземпляров продать самой, остальные устроить на комиссию). «Хотелось, кроме того, повидать родных и друзей и закупиться к рождественским праздникам игрушками и сластями для елки», — вспоминала она об этих днях (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 275).

[2] В фирме Варгуниных, владельцев фабрики тряпичной бумаги, Достоевские брали в долг бумагу для печатания собственных изданий: «Идиот», «Бесы», «Записки из Мертвого дома» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 247).

[3] Первые пять глав «Подростка» были посланы в «Отечественные записки» в середине декабря, но Достоевский не знал еще мнения о них Некрасова (см. наст. изд., т. XVII, стр. 314).

[4] Вероятно, имеются в виду студенческие волнения и связанные с ними аресты. Накануне, 16 декабря 1874 г., в «Голосе» был опубликован отчет о состоявшемся 13 декабря заседании С.-Петербургского сто-

личного мирового съезда «По делу о слушателях Технологического института, обвиняемых в нарушении общественной тишины» (№ 347).

[5] С владельцами типографии братьями Пантелеевыми предстояли денежные расчеты, так как «Записки из Мертвого дома» печатались в их типографии в кредит (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 246—247).

552. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 368)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 141.

[1] См. примеч. 1 и 5 к письму 551.
[2] Имеется в виду И. И. Румянцев.
[3] Вероятно, речь идет о набивании папиросных гильз табаком, что Достоевский делал всегда собственноручно (ср. дневниковую запись Достоевского 1874—1875 гг. — наст. изд., т. XXVII, стр. 108).
[4] 18 декабря 1874 г. Н. А. Некрасов написал Достоевскому: «Ваш роман набирается, корректура будет у Вас на днях, прочту в корректуре и тогда Вам напишу» (*Некрасов*, т. XI, стр. 346).

553. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 369)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 141—142.

[1] См. письма 551 и 552.
[2] Речь идет о продаже на комиссионных началах только что вышедших «Записок из Мертвого дома».
[3] О получении для продажи экземпляров «Бесов» московский книгопродавец М. М. Черенин известил А. Г. Достоевскую 18 мая 1874 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 440).
[4] А. Г. Достоевская отметила в одной из редакций своих воспоминаний, что в эту поездку в Петербург в конце 1874 г. она сумела сразу распродать 700 экземпляров «Записок из Мертвого дома», «так что ‹...› удалось выплатить типографии и за бумагу часть оказанного кредита. Привезла и небольшую сумму домой» (А. Г. Достоевская. Воспоминания. М.—Л., 1925, стр. 198).
[5] Речь идет о рождестве, которое праздновалось 25 декабря.

554. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 370)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.27.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 142—143.

[1] Это письмо Достоевской неизвестно.
[2] Имеется в виду И. И. Румянцев, священник Георгиевской церкви в Старой Руссе.
[3] См. примеч. 4 к письму 553.
[4] Речь идет о романе «Анна Каренина». 16 декабря 1874 г. в «Гражданине» (№ 50) появилось сообщение о новом романе Льва Толстого: «Роман этот, в размерах около 40 печатных листов, имеет две части и посвящен истории чувства любви одной замужней женщины в московском современном обществе. Автор хотел было издавать его отдельно, но на полдороге издания передумал и отдал роман в „Русский вестник“, получив, как мы слышали, за него до 500 руб. за лист. Печатание этого романа начнется с 1 января 1875 г.».

[5] О том, что разница в гонорарах Достоевского, с одной стороны, и Л. Толстого, Тургенева, Гончарова — с другой, всегда очень огорчала и угнетала ее мужа, рассказывала в своих воспоминаниях А. Г. Достоевская (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 213—214).

[6] Вероятно, речь идет о наследстве А. Ф. Куманиной (см. примеч. 3 к письму 475 и примеч. 1 к письму 531).

[7] Письма Некрасова от 18 декабря 1874 г. (см. примеч. 4 к письму 552) Достоевский еще не получил.

[8] См. примеч. 1 к письму 551.

[9] Зимой 1874—1875 гг. в Петербурге была эпидемия брюшного и возвратного тифа. В газетах печатались сводки о количестве больных.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

17. ДОВЕРЕННОСТЬ П. А. ИСАЕВУ (стр. 372)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.3.52. На подлиннике отметки: 1. № 763. Императорская Российская Миссия свидетельствует сим подлинность предстоящей подписи отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского.

Дрезден. Декабрь 11/23 дня 1869 года.
Старший секретарь Миссии: Блюмер.

2. Подпись удостоверена в Департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел января 2 дня 1870 года.

Публикуется впервые.

Датируется по связи с письмами 377 и 378.

[1] О доверенности см. в письме 377. Хлопоты Исаева по продаже «Идиота» оказались безрезультатными.

18. ДОВЕРЕННОСТЬ А. Н. МАЙКОВУ (стр. 373)

Печатается по тексту первой публикации: *Д, Письма*, т. II, стр. 309—310. Подлинник неизвестен.

На тексте доверенности отметки:

1. Доверенность эта принадлежит действительному статскому советнику Аполлону Николаевичу Майкову.
2. № 736. Императорская Российская Миссия свидетельствует подлинность вышезначащейся подписи отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского. Дрезден, декабря 30 (января 11) 1870 (71) г.
   Пошлин взыскано 1 тал‹ер›, 2 гр‹оша›. Старший секретарь Миссии Блюмер.
3. Подпись удостоверена в Департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел. Января 9 дня 1871 г. Вице-директор И. Демидов. Делопроизводитель Тамаринский.
4. По сей доверенности учинено передоверие на имя коллежского секретаря Василия Ивановича Губина, на ходатайство по делу о взыскании денег с С.-Петербургской второй гильдии купца Федора Тимофеевича Стелловского — в конторе С.-Петербургского нотариуса Ивана Васильевича Есипова, 29 апреля 1871 года, по реестру за № 1016-м. Нотариус Иван Есипов.

[1] Роман «Преступление и наказание» был опубликован в №№ 1, 2, 4, 6—8, 11 и 12 «Русского вестника» за 1866 г.

[2] Текст контракта Достоевского с Ф. Т. Стелловским неизвестен (см. наст. изд., т. XXVIII_2, *Список*, № 190а).

[3] Об истории «дела» со Стелловским см. письма 405, 406, 408, 409, 412, 415, 416, 418, 419, 424, 427 и примеч. к ним.

19. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 375)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 64.

Впервые опубликовано: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 65—66.

Прошение написано рукою Мещерского и подписано Г. К. Градовским и Достоевским. В верхней части листа проставлена дата «16 декабря 1872» другим лицом, по всей вероятности, зафиксировавшим день поступления прошения в Главное управление по делам печати. Датируется прошение 15 декабря 1872 г., так как оно было написано одновременно со следующей далее подпиской Достоевского.

[1] Как отмечает А. С. Долинин, основываясь на письме В. П. Мещерского Достоевскому от 15 ноября 1872 г. с приглашением пойти в Главное управление по делам печати для подачи «заявления» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.77), согласие на редакторскую должность в «Гражданине» Достоевский дал еще в первой половине ноября 1872 г. (см.: наст. изд., т. XXI, стр. 360—361; *Д, Письма*, т. III, стр. 300—301). Об отказе Г. К. Градовского сотрудничать с В. П. Мещерским, принятии редакторства на себя Достоевским, а также тексты официальных документов, утверждающих эту перемену (в частности, запрос Главного управления по делам печати от 16 декабря 1872 г. в III-е Отделение о том, «не встречается ли с его стороны каких-либо препятствий к удовлетворению вышеозначенного ходатайства», и ответ управляющего III-м Отделением А. Шульца, что «препятствий к утверждению редактором журнала „Гражданин“ отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского» со стороны III-го Отделения «не встречается», но что оно «не принимает на себя ответственности за будущую деятельность этого лица в звании редактора»), см. в публикации Ю. Г. Оксмана (см.: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 64—68; ср.: В. П. Мещерский. Мои воспоминания. СПб., 1898, ч. 2, стр. 176—182).

20. РЕДАКТОРСКАЯ ПОДПИСКА (стр. 376)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 65.

Впервые опубликовано: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 66.

Расписка Достоевского как будущего редактора «Гражданина» была приложена как самостоятельный документ к прошению в Главное управление по делам печати на утверждение его в этой должности.

21. М. Н. ЛОНГИНОВУ (стр. 376)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 87—88.

Впервые опубликовано: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 75.

[1] 22 октября 1873 г. в № 43 «Гражданина» было напечатано распоряжение министра внутренних дел о воспрещении розничной продажи журнала. Распоряжение это было сделано на основании отношения в Главное управление по делам печати С.-Петербургского цензурного комитета от 15 октября 1873 г. (см.: наст. изд., т. XXI, стр. 364—365; *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 73—74). Здесь отмечалось «предосудительное направление» «Гражданина», сказавшееся в передовице № 42 «О голоде» и в опубликованных в том же номере двух анекдотах «Из мира нашей современной педагогики». В статье «О голоде» критиковались действия правительства, которое не принимало эффективных мер по борьбе с голодом в Самарской губернии, и предлагалось создать самостоятельный центральный орган для этой цели, в виде «центрального земства», который занимался бы распределением продовольствия по стране (*Гр*, 1873, 15 ок-

тября. № 42. стр. 1112—1114). Проект такого независимого от правительства органа был признан «предосудительным». Что касается двух анекдотов, опубликованных в разделе «Последняя страничка» (там же, стр. 1138), то было отмечено, что в них «в весьма неблагоприятном свете выставлено одно высокопоставленное лицо». 18 октября 1873 г. начальник Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов сделал распоряжение III Отделению, петербургскому и московскому градоначальникам о запрещении розничной продажи «Гражданина».

[2] 13 ноября 1873 г. Совет Главного управления по делам печати рассмотрел просьбу редактора и признал разрешение розничной продажи «Гражданина» преждевременным. 5 декабря 1873 г. М. Н. Лонгинов обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить розничную продажу «Гражданина» «ввиду благонамеренного общего направления этого журнала» (*ЦГИА*, ф. 776. 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 89). 6 декабря 1873 г. это разрешение было получено. «Гражданин» вновь поступил в розничную продажу, начиная с № 50 (вышел 10 декабря 1873 г.); ср.: наст. изд., т. XXI, стр. 364—365.

22. НАБРОСОК ПРОШЕНИЯ О ВЗЫСКАНИИ ДЕНЕГ С ИЗДАТЕЛЯ Ф. Т. СТЕЛЛОВСКОГО (стр. 376)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*. ф. 212, I.111.

Впервые опубликовано: *Описание*. стр. 309.

Датируется предположительно 1873 г., так как в этом году состоялось судебное разбирательство по делу Достоевского со Стелловским, начавшееся в 1870 г. (см. об этом письма 402, 403). 9 ноября 1873 г. суд в Петербурге постановил взыскать со Стелловского в пользу Достоевского 3000 руб. (см.: «Судебный вестник», 1873, 16 ноября, № 247). Возможно, набросок прошения Достоевский сделал перед заседанием суда. См. также примеч. 14 к письму 534.

23. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА, ИЗБРАННОГО ОБЩЕСТВОМ ЛИТЕРАТОРОВ ДЛЯ ИЗДАНИЯ СБОРНИКА «СКЛАДЧИНА» (стр. 377)

Печатается по подлиннику: *ЛОИИ* АН СССР. колл. 238, IV, 5, № 272/315.

Впервые опубликовано: *РЛ*, 1965, № 3. стр. 206.

Ответ на официальное письмо А. А. Краевского от 8 января 1874 г. (ГБЛ, ф. 93. II.5.96).

В декабре 1873 г. русские писатели решили издать литературный сборник в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии (см. письмо В. П. Мещерского М. И. Погодину от 9 декабря 1873 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 435). Книга вышла в 1874 г. под названием: «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов». В «Складчине» приняли участие 50 литераторов. В редакционный комитет были избраны И. А. Гончаров, И. А. Ефремов, А. А. Краевский, В. П. Мещерский, Н. А. Некрасов и А. В. Никитенко (см. наст. изд., т. XXI, стр. 469—473). Достоевский написал для этого сборника очерк «Маленькие картинки. (В дороге)» (см. там же, стр. 159—176).

[1] Комитет, избранный для издания «Складчины», 8 января 1874 г. направил Достоевскому следующее письмо:

Милостивый государь, Федор Михайлович!

Комитет, избранный Обществом литераторов для издания сборника «Складчина» в пользу голодающих Самарской губернии, имеет честь покорнейше просить Вас ускорить доставлением статьи, которую Вы предполагаете

поместить в сборнике, или же определить в точности срок, к которому Комитет должен ожидать от Вас этой статьи.

Доставить же статью с надписью «для сборника „Складчина"» покорнейше просим в редакцию «Голоса» (Литейная, 38).

Председатель Комитета А. Краевский.

[2] «Маленькие картинки» были доставлены Достоевским в редакцию «Складчины» в начале февраля. См. наст. изд., т. XXI, стр. 470.

24. В. С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ (стр. 377)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 777, 2.74, л. 36—37.
Впервые опубликовано: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 77—78.
Написано рукой писца на бланке редакции журнала «Гражданин». Подпись — автограф Достоевского. Ответ на запрос С.-Петербургского цензурного комитета от 16 января 1874 г. (см. ниже).

[1] В № 2 «Гражданина» за 1874 г. (от 14 января) были опубликованы статья «Великая княгиня Мария Александровна» за подписью N и «Петербургское обозрение», целиком посвященное описанию бракосочетания великой княжны Марии Александровны с английским принцем Альфредом, состоявшегося 11 января 1874 г. Так как по существовавшему положению на публикацию любых сведений, касающихся «высочайших особ», требовалось специальное разрешение министра двора (ср. примеч. 4 к письму 476), появление этих материалов в «Гражданине» вызвало запрос С.-Петербургского цензурного комитета: «Канцелярия СПб. Цензурного комитета по приказанию г-на председателя имеет честь покорнейше просить редакцию журнала „Гражданин" сообщить Комитету сведение, имеется ли в редакции разрешение г-на министра императорского двора на напечатание помещенных в № 2 „Гражданина" статьи „Великая княгиня Мария Александровна", а также извещения о высочайших особах, изложенного в „Петербургском обозрении"» (см. *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 76). Настоящее объяснение Достоевского устранило опасность грозы, уже готовой над ним разразиться.

[2] В «Петербургском обозрении» относительно приданого великой княжны Марии Александровны было сказано: «Ходят нелепые толки о каких-то громадных размерах денежного приданого. Мы слышали с ручательством за верность этого слуха, что приданое это, на точном основании закона, составляют 1 млн. из казны и та сумма из уделов, которая приходилась на долю великой княжны, так что всего, как мы слышали, августейшая новобрачная будет получать 120 тысяч годового дохода с капиталов, остающихся в России, более половины которых принадлежат уделам. Всего, на английские деньги, новобрачные будут, как слышно, иметь до 65 тыс‹яч› фунт‹ов› стерл‹ингов› дохода» (*Гр*, 1874, 14 января, № 2, стр. 35).

25. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 378)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 102.
Впервые опубликовано: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 79.
Написано рукой Мещерского. Подпись — автограф Достоевского. Является распиской в получении копии с распоряжения министра внутренних дел об объявлении «Гражданину» предостережения.

11 марта 1874 г. в № 10 «Гражданина» была помещена статья «Два слова по поводу мнения кн‹язя› Бисмарка о русских немцах» (стр. 277—279; ср.: наст. изд., т. XXI, стр. 365—366). Статья касалась вопроса о русской политике в Остзейском крае, о привилегиях немецких баронов и повторяла известную остроту — предостережение Бисмарка об обрусевшем

немце, «который никуда не годен, лишаясь добродетелей немца и заражаясь всеми пороками русских» (стр. 278). Резкое выступление «Гражданина» против привилегий остзейских немцев вызвало недовольство правительственных кругов, и 12 марта 1874 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев сделал следующее распоряжение: «Принимая в соображение, что в статье „Два слова по поводу мнения князя Бисмарка", напечатанной в № 10 журнала „Гражданин", заключаются высказанные в самых резких выражениях совершенно превратные суждения, клонящиеся к возбуждению вражды против одной из частей населения империи, — министр внутренних дел на основании ст. 29 гл. II высочайше утвержденного 6-го апреля 1865 года мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати *определил*: объявить *первое* предостережение журналу „Гражданин" в лице издателя-редактора Федора Достоевского» (*ПВ*, 1874, 12 марта, № 61; см. также: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 78—79).

13 марта 1874 г. копия этого распоряжения была вручена Достоевскому старшим инспектором Отделения по делам печати Н. Никитиным. Полученная при этом расписка Достоевского была направлена в Главное управление по делам печати, о чем в делах Цензурного комитета имеется следующее донесение:

С.-Петербургского
градоначальника канцелярия.
Отделение по делам печати.
13 марта 1874 г.

№ 430.

В Главное управление по делам печати.

Имею честь уведомить Главное управление, что препровожденная при отношении от 12 сего марта за № 1352 копия распоряжения г-на министра внутренних дел об объявлении первого предостережения журналу «Гражданин» вручена редактору-издателю названного издания Достоевскому под прилагаемую у сего расписку.

Генерал-адъютант Трепов.
Старший инспектор Н. Никитин.

(*ЦГИА*, ф. 776, 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 101).

[1] Распоряжение министра внутренних дел от 12 марта 1874 г. было опубликовано в следующем номере «Гражданина» (1874, 18 марта, № 11, стр. 310).

26. ДОГОВОР С А. Н. СНИТКИНОЙ (стр. 378)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ИРЛИ*, № 30741, лл. 77 об.—78.
Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 223—224.

В записной тетради А. Г. Достоевской копия договора сопровождается копией свидетельства нотариальной конторы: «Тысяча восемьсот семьдесят четвертого года марта двадцать восьмого договор этот явлен у меня, Карла Александровича Старка, С.-Петерб‹ургского› нотариуса, в конторе моей, Казанской части, по Вознесенскому проспекту, № 26, отставным подпоручиком Федором Михайловичем Достоевским и вдовою чиновника Анною Николаевною Сниткиною, жительствующими, первый, Литейной части по Гусеву переулку, № 8, и, вторая, Московск‹ой› части, по Большому Царскосельскому проспекту, № 16, лично мне неизвестными, но представившими за неимением свидетелей в удостоверение своей самоличности: Достоевский — билет, выданный ему командующим Сибирским линейным № 7 батальоном 30 июня 1859 года за № 2030, и Сниткина — паспорт, выданный ей из конторы его имп‹ераторского› величества 8 июня 1866 г. за № 2613, имеющими законную правоспособность к совершению актов. Сбора в доход города взыскано девять руб. Ст‹атья› 137 Нот‹а-

риального› пол‹ожения› объявлена по реестру № 1618. Нотариус Карл Старк».

То, что договор Достоевского со Сниткиной был фиктивным, подтверждает следующий документ, также находящийся в копии в записной тетради А. Г. Достоевской: «С.-Петербург. Тысяча восемьсот семьдесят четвертого года апреля седьмого дня мы, нижеподписавшиеся: вдова чиновника Анна Николаевна Сниткина и жена отставного подпоручика Анна Григорьевна Достоевская договорились в следующем: 1) Из нас я. Сниткина, по акту, явленному у С.-Петерб‹ургского› нотариуса Старка 28 марта сего 1874 года за № 1668, приобрела от отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского авторское право на издание его, Достоевского, сочинений — романов: „Бедные люди“, „Записки из Мертвого дома“, „Белые ночи“, „Униженные и оскорбленные“, „Преступление и наказание“, „Идиот“, „Бесы“ и „Село Степанчиково“, — повестей: „Хозяйка“, „Слабое сердце“, „Записки из подполья“, „Рулетенбург“, „Неточка Незванова“, „Двойник“ и „Дядюшкин сон“ и рассказов: „Крокодил“. „Скверный анекдот“, „Зимние заметки о летних впечатлениях“, „Господин Прохарчин“, „Честный вор“, „Маленький герой“ и „Елка и свадьба“. 2) Настоящим договором я, Сниткина, уступила Анне Григорьевне Достоевской за одну тысячу пятьсот рублей в полную и неотъемлемую ее собственность авторское право на издание поименованных в первом пункте сего договора сочинений г-на Достоевского, со всеми предоставленными мне помянутым актом правами и обязанностями. 3) За уступкою права на означенные сочинения я, Сниткина, предоставляю г-же Достоевской право по ее усмотрению издавать оные сочинения, передавать или отчуждать в собственность других лиц с тем, однако, чтобы при издании не было допускаемо никаких изменений и дополнений без ведома автора г-на Достоевского и его одобрения. 4) Деньги, тысячу пятьсот рублей, я, Сниткина, от г-жи Достоевской при подписании сего договора сполна получила и засим ни я, ни мои наследники не должны иметь к ней, Достоевской, на означенные сочинения никаких прав и претензий и 5) Договор этот обязываемся исполнить в точности и беспрекословно. Жена отставного подпоручика Анна Григорьевна Достоевская. Вдова чиновника Анна Николаевна Сниткина» (*ИРЛИ*, № 30741, лл. 79—80). Этот договор, как следует из копии А. Г. Достоевской с нотариального свидетельства, также был явлен в конторе К. А. Старка 12 апреля 1874 г. и приобрел силу документа.

Вероятно, договор Достоевского с А. Н. Сниткиной был лишь маневром, необходимым для того, чтобы передать право на издание своих сочинений жене.

Подлинники обоих документов — договора Достоевского с А. Н. Сниткиной от 19 марта 1874 г. и договора А. Н. Сниткиной с А. Г. Достоевской от 7 апреля 1874 г. — были позднее, 28 января 1899 г., переданы А. Г. Достоевской на хранение в Государственный банк по квитанции № 850675. Об этом имеется запись в тетради А. Г. Достоевской (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.224, л. 11).

27. ПРОШЕНИЕ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 379)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 103.

Впервые опубликовано: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 81.

Написано рукой писца. Подпись — автограф Достоевского.

Решение об уходе с поста редактора «Гражданина» созрело у Достоевского уже к началу 1874 г. и было обусловлено многими причинами (см. наст. изд., т. XXI, стр. 365—369). Однако, не желая оставлять редактируемый им орган в период активной подписки на 1874 г., Достоевский собирался официально сложить с себя полномочия редактора не раньше марта (см. письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 22 февраля 1874 г. —

Толстовский музей, стр. 43). Цензурные предостережения от 16 января и 12 марта (см.: *Офиц. письма и делов. бумаги,* № 24 и № 25 и примеч. к ним) ускорили решение Достоевского уйти с поста редактора. Прошение о временной, на 6 месяцев, передаче обязанностей редактора В. Ф. Пуцыковичу было лишь тактическим приемом, облегчившим формальную передачу журнала другому лицу (см. примеч. к № 28).

28. ПРОШЕНИЕ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 380)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 776, 5.95, ч. 1, 1871 г., л. 112.
Впервые опубликовано: *Творчество Достоевского, 1921,* стр. 81.
Написано рукой В. Ф. Пуцыковича. Подпись — автограф Достоевского.

Прошение о передаче обязанностей редактора «Гражданина» Пуцыковичу было впервые подано 19 марта (см. № 27), и только через месяц состоялось решение об этом. 22 апреля 1874 г. в № 16 «Гражданина» было напечатано извещение «От редакции»: «С настоящего нумера Ф. М. Достоевский, по расстроенному здоровью, принужден, не оставляя по возможности своего постоянного участия в „Гражданине“, сложить с себя обязанности редактора журнала, которые и принимает на себя (временно) один из постоянных участников и сотрудников редакции В. Ф. Пуцыкович. Само собою разумеется, что направление журнала ни в чем не изменится» (стр. 445).

Прошение от 24 апреля о передаче временному редактору всех издательских прав было следующим этапом в освобождении Достоевского от редактирования «Гражданина». 8 октября 1874 г. В. Ф. Пуцыкович обратился в Главное управление по делам печати с просьбой утвердить его постоянным редактором журнала: «В апреле сего года я был утвержден в звании редактора журнала „Гражданин“ на шесть месяцев по случаю болезни прежнего редактора-издателя Федора Михайловича Достоевского. Приобретя вслед за тем от г-на Достоевского все издательские права на этот журнал и имея в виду скорое истечение шестимесячного срока, на который я утвержден, имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати утвердить меня в звании постоянного редактора журнала „Гражданин“» (*Творчество Достоевского, 1921,* стр. 82).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

395₁. М. Н. КАТКОВУ (стр. 381)

1-я редакция

Печатается по тексту первой публикации: *Коншина,* стр. 78.
Подлинник неизвестен.
См. примеч. 1—4 к окончательной редакции письма (письмо 395).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

8. А. М. ГОРЧАКОВУ (стр. 382)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ГБЛ,* ф. 93, III.1.1, л. 238—239.
Впервые опубликовано: А. Г. Достоевская. Воспоминания. Под ред. Л. П. Гроссмана. М.—Л., 1925, стр. 113.

Подлинник неизвестен.

Датируется на следующем основании: об этом коллективном письме Достоевский упоминает в письме Н. Н. Страхову 2 (14) декабря 1870 г. (см. письмо 401), которое приходилось в этом году на среду, причем отмечает, что письмо написано «на этой неделе»; написание коллективного письма Горчакову во вторник 1 (13) декабря 1871 г. обусловило бы хронологическую помету — «вчера». Таким образом, единственным днем «этой недели» остается понедельник 30 ноября (12 декабря) 1870 г.

[1] См. примеч. 30 к письму 401.

[2] Парижский трактат был подписан Францией, Англией, Австро-Венгрией, Пруссией, Турцией, Италией. Лондонская конференция, проходившая в начале 1871 г., вынуждена была согласиться с требованиями России.

[3] А. Г. Достоевская вспоминала: «В конце октября ‹ноября. — *Ред.*› 1870 года дрезденские русские собрались и по собственной инициативе положили послать тогдашнему канцлеру адрес по поводу депеши от 19 октября к представителям России. Все собравшиеся стали просить Федора Михайловича написать этот адрес, и хоть он в то время был очень занят срочной работой, но согласился и написал ‹. . .› Этот адрес был покрыт множеством подписей (до ста) и отослан канцлеру» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 193). Об отношении русского общества к горчаковской ноте см.: Л. М. Шнеерсон. Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976, стр. 210—218.

9. ДОГОВОР С Б. Б. ПОЛЯКОВЫМ (стр. 382)

Печатается по копии, принадлежавшей Б. Б. Полякову: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.121, лл. 3—3 об.

Публикуется впервые, частично — *ЛН*, т. 86, стр. 432.

[1] Начиная дело о дележе куманинского наследства в Московском окружном суде (см. письмо 475 и примеч. 3 к нему), Достоевский, выступая вместе с сыновьями М. М. Достоевского, привлек в качестве своего поверенного петербургского адвоката Б. Б. Полякова, известного писателю по его процессу с издателем Ф. Т. Стелловским. Накануне заключения договора с Поляковым (12 июня 1873 г.) Достоевский писал жене: «Сейчас, воротясь домой, застал у себя Полякова и Федю, кое-как сговорились» (стр. 268).

[2] В деле о куманинском наследстве находится проект доверенности от 15 мая 1873 г., выданной Ф. М. Достоевским и его племянниками Федором и Михаилом Полякову на ведение их дела в суде. Проект доверенности написан рукой Полякова; приводим его полностью:

Милостивый государь Борис Борисович, —

Случайно узнали мы, что после родной сестры покойной матери нашей, а нам родной тетки Александры Федоровны Куманиной, урожденной Нечаевой, умершей в 1871-м году, остались в разных губерниях недвижимые имения и капиталы, к которым мы по закону состоим единственными наследниками, так как после смерти тетки нашей не осталось нисходящего потомства; почему уполномачиваем Вас предъявить в надлежащем судебном месте наши законные права на наследство после умершей родной тетки нашей и представить для этого надлежащие документы, и по утверждении нас наследниками получить исполнительные листы на ввод во владение, и в случае могущего возникнуть спора чьей-либо стороны о наследстве уполномачиваем Вас подавать, куда будет следовать, от имени нашего всякого рода прошения, объяснения, отзывы, входить в словесные состязания, приносить частные апелляционные и кассационные жалобы, заявлять отводы, ходатайствовать об обеспечении исков, привлекать к ответственности третьих лиц, взыскивать судебные издержки, убытки, ходатайствовать об отмене решений, вступивших в за-

конную силу, предъявлять и поддерживать споры о подлоге и давать советы по таким спорам, и что Вы или тот, кому Вы от себя передоверите, учините законно, в том верим, спорить и прекословить не буду.

Сия доверенность принадлежит действительному статскому советнику Борису Борисовичу Полякову.

(*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.211, лл. 4—5).

[3] 16 мая 1873 г. Достоевский выдал Полякову расписку с обязательством уплатить ему за издержки по суду, прочие хлопоты и путевые расходы в Москву 100 руб. (см. наст. изд., т. XXX_2).

[4] Решением суда от 23 октября 1873 г. в правах на куманинское наследство были утверждены Достоевские, Шеры и Ставровские (см. примеч. 1 к письму 519). После этого решения Достоевский от своего лица, от лица братьев Андрея и Николая и племянников, сыновей покойного М. М. Достоевского, дал Полякову новую доверенность на введение их во владение присужденной им частью наследства, продажу тульского дома и имений в Тульской, Смоленской и Рязанской губерниях. Проект доверенности, написанный рукой Полякова, сохранился; датируем его периодом от 24 октября 1873 г. по 8 февраля 1874 г., когда дом в Туле был уже продан (см. письмо 519).

Проект.

Мил‹остивый› государь Борис Борисович.

Известно Вам, как поверенному нашему, что к недвижимому благоприобретенному имению, оставшемуся после смерти вдовы дворянки Александры Федоровны Куманиной, урожденной Нечаевой, Тульским окружным судом утверждены в правах наследства в порядке охранительного судопроизводства вдова коллежского секретаря Ольга Федоровна Шер в одной третьей части, поручик Федор и студент Максим Дмитриевичи Ставровские, каждый в одной шестой частях, я, отставной подпоручик Федор, братья мои статский советник Андрей, коллежский асессор Николай, каждый в одной двенадцатой части, и мы, дворяне Федор и Михаил, как законные дети умершего отца нашего Михаила Достоевского, каждый в одной двадцать четвертой части, почему уполномачиваем Вас получить из Тульского окружного суда исполнительный лист и ввести нас во владение присужденными частями в недвижимых имениях умершей дворянки Куманиной и, по соглашению с прочими наследниками, находящийся каменный дом в гор. Туле, 2 части, с принадлежащею к нему землею и имение Тульской губернии и того же уезда, доставшееся Куманиной по закладным от Лазарева Станищева и заключающемся в земле, лесе, постройках и прочем без исключения, продать за цену, какую Вы найдете для нас выгодною, совершить от имени нашего запродажную запись или прямо купчую крепость в установленном законом порядке и полученные от покупщика за следуемые нам части деньги доставить нам. Равномерно уполномачиваем Вас на продажу и прочих доставшихся нам частей в имениях Куманиной Смоленской губернии и Рязанской губернии того же уезда. При Рязанском имении, доставшемся Куманиной по закладной крепости от г-жи Яковлевой, находится более пяти тысяч десятин строевого и дровяного лесу, на который поручаем Вам приискать покупателей и продать на кондициях более для нас выгодных и полученные от покупателей деньги доставить нам; и что Вы или тот, кому Вы от себя передоверите, учините законно, в том, верим, спорить и прекословить не будем.

Сия доверенность принадлежит действит‹ельному› стат‹скому› советнику Борису Борисовичу Полякову.

(*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.121, лл. 6—7 об.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНТРАКТ П. А. ИСАЕВА С Ф. Т. СТЕЛЛОВСКИМ (стр. 384)

Печатается по автографу Исаева с правкой Достоевского: ***ИРЛИ***, ф. 100, № 29517. Там же хранятся копия Исаева (незаконченная) с печатаемого «Проекта», с правкой неизвестной рукой и с заголовком, вписанным Достоевским, а также «Проект контракта, составленный нотариусом».

Контракт был написан Исаевым по получении письма Достоевского от 10 (22) декабря 1869 г. (см. письмо 377), в котором, в частности, говорилось: «Введение я пропустил: это напиши сам как знаешь...» (стр. 82).

СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ И ДЕЛОВЫХ БУМАГ 1869—1874 ГОДОВ

1869

248. А. К. и О. ПЕТРОВЫМ

Около 6 (18) января 1869. Флоренция

Упоминается в письме О. Петровой Достоевскому из Женевы от 8 (20) января 1869 г. «Спешу ответить на ваше письмо, — отвечала корреспондентка Ф. М. и А. Г. Достоевским, — жаль только одного, что оно пришло три дня позже сегодняшнего дня. Вы знаете, в конце года есть счеты и траты. Я в субботу порядочно заплатила. Остались у нас в доме 500 фр‹анков›. С этим мы должны прожить до 20-го февраля ‹...› а вам ‹...› посылаю только *двести франков*, прилагаю вам расписку почты. Вы по ней на почте во Флоренции получите эти деньги золотом, за пересылку заплатила 2 фр‹анка›. Хотела бы более послать, но начало года ‹...› Буду вас просить, сберегите для меня „Вестник“, если у вас есть за 1868 год ‹...› Радуюсь за появление „Зари“, почти все сотрудники мои добрые знакомые ‹...› верно, когда будете в Женеве, поделитесь со мною этою новинкою.

Мой муж вам кланяется ‹...› С вами одни мои друзья хотят ужасно познакомиться ‹...› Это есть Голохвастовы московские...» (*ИРЛИ*, № 29934). «Голохвастовы» — это историк и литератор П. Д. Голохвастов с семьей.

249. М. Н. КАТКОВУ (ИЛИ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»)

20-е числа января н. ст. 1869. Флоренция

Упоминается в письме Достоевского С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г.: «„Русский вестник“ на мою просьбу о деньгах отвечал через *семь недель* ‹...› несмотря на то, что сам же их уведомлял 2 месяца назад о крайнем моем положении» (см. стр. 23).

250. М. Г. СВАТКОВСКОЙ

Начало апреля 1869. Флоренция

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г.: «Недель шесть назад послал я к Марье Григорьевне Сватковской ‹...› поручение...» (см. стр. 43).

251. РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО А. Ф. БАЗУНОВУ

Начало апреля 1869. Флоренция

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г.: «Недель шесть назад послал я к Марье Григорьевне Сватковской следующее поручение: заехать в лавку к А. Ф. Базунову (с рекомендательной запиской от меня») (см. стр. 43).

252. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

Начало мая 1869. Флоренция

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г.: «... уже месяц тому назад решено было переезжать в Дрезден ‹...› мы недели две, в ожидании денег, зажили лишних и поистратились; денег-то на переезд и не достало. Послал просьбу в „Русский вестник“, чтоб выручили» (см. стр. 42—43).

253. УВЕДОМЛЕНИЕ ДРЕЗДЕНСКОМУ ПОЧТАМТУ

Начало мая 1869. Флоренция

Упоминается в письмах Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г.: «... я уже списался с дрезденским почтамтом» (см. стр. 45) и от 14 (26) августа 1869 г.: «... уведомив из Флоренции двумя строчками дрезденский почтамт» (см. стр. 49).

254. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

29 августа (10 сентября) 1869. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 г.: «... пишу особо в редакцию с просьбой передать Вам это письмо...» (см. стр. 55).

255. В. В. КАШПИРЕВУ

17 (29) сентября 1869. Дрезден

Упоминается (и пересказывается) в письме Достоевского А. Н. Майкову от 17 (29) сентября 1869 г.: «... вместе с этим письмом к Вам, отправляю письмо к Кашпиреву...» (см. стр. 62).

256. В. В. КАШПИРЕВУ

27 сентября (9 октября) 1869. Дрезден

Упоминается (и пересказывается) в письме Достоевского А. Н. Майкову от 16 (28) октября 1869 г.: «Письмо мое было послано 27 сентяб‹ря›/9 октяб‹ря›» (см. стр. 67).

257. В. В. КАШПИРЕВУ

10 (22) октября 1869. Дрезден

Телеграмма

Телеграмма упоминается и немецкий текст ее приводится в письме Достоевского А. Н. Майкову от 16 (28) октября 1869 г.: «... послал телеграмму ‹...› 10/22 октября, в пятницу» (см. стр. 68).

258. В. В. КАШПИРЕВУ

Середина ноября 1869. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 23 ноября (5 декабря) 1869 г.: «Я писал к Кашпиреву больше 2-х недель назад...» (см. стр. 77).

259. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

Октябрь—ноябрь 1869. Дрезден

Упоминается в письмах Достоевского С. А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г.: «...я положительно обещал роман <...> к январю...» (см. стр. 93) и от 17 (29) августа 1870 г.: «...еще за год до этого дав им слово, что работа моя им принадлежит» (см. стр. 135).

260. В. В. КАШПИРЕВУ

6 (18) декабря 1869. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 7 (19) декабря 1869 г.: «...вчера писал Кашпиреву» (см. стр. 79).

261. В. М. ИВАНОВОЙ

Около 14 (26) декабря 1869. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского С. А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г.: «Крестить прошу Вашу мамашу и ей пишу об этом» (см. стр. 89). Вскоре согласие В. М. Ивановой было получено, и она была заочно записана крестной матерью Л. Ф. Достоевской (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 188).

1870

262. В. В. КАШПИРЕВУ

30 января (11 февраля) 1870. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 12 (24) февраля 1870 г.: «Две недели тому назад послал к Кашпиреву <...> просьбу...» (см. стр. 105).

263. В. В. КАШПИРЕВУ

Около 12 (24) февраля 1870. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 12 (24) февраля 1870 г.: «Я ему пишу еще...» (см. стр. 106).

264. М. Н. КАТКОВУ

Январь—февраль 1870. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского С. А. Ивановой от 17 (29) августа 1870 г.: «В начале нынешнего года я писал к Каткову, что начну присылать роман с середины года <...> могут в конце года и напечатать его» (см. стр. 136).

265. Ф. Т. СТЕЛЛОВСКОМУ

Между 15 (27) декабря и 30 декабря (11 января). Дрезден

Упоминается в письмах Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) декабря: «...высылаю Вам <...> мое письмо отсюда к Стелловскому (незапечатанное)» (см. стр. 156) и от 30 декабря (11 января): «Высылаю и письмо к Стелловскому, незапечатанное» (см. стр. 160). Черновой текст письма к Стелловскому см. в письме Достоевского А. Н. Майкову от 15 (27) декабря (см. письмо 402).

266. С. Д. ЯНОВСКОМУ

1870. Дрезден

Упоминается в письме Яновского А. Г. Достоевской от 22 февраля (5 марта) 1884 г. из Женевы. Яновский писал: «У меня есть письмо, в котором сам Фед<ор> Мих<айлович> еще в 1870-м году выразился так: „Эх, Ст<епан> Дм<итриевич>, какая *дрянная вещь переписка*, ничего-то в ней серьезного и хорошего не передашь человеку, в особенности другу; то ли дело личная беседа? Ну, по одному уже этому мы должны свидеться и потолковать и т. д.“» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 390).

267. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

Декабрь 1870—начало января 1871. Дрезден

Упоминается в письме секретаря редакции журнала Н. Дюбюка Достоевскому от 11 января 1871 г. из Москвы: «По Вашей просьбе при сем Вам полагается 250 р<уб.> сер<ебром> в счет гонорария за Ваш роман» (см. стр. 452). Упоминаемый «роман» — «Бесы».

1871

268. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

5 (17) января 1871. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского С. А. Ивановой от 6 (18) января 1871 г.: «...послал вчера только половину и дал честное слово, что через 10 *дней* пришлю окончание <...> Послал <...> просьбу о деньгах...» (см. стр. 163—165).

269. П. И. ЛАМАНСКОМУ

6 (18) января 1871. Дрезден

Упоминается в письмах Достоевского П. А. Исаеву от 6 (18) января 1871 г.: «Пишешь <...> о письмах к Ал<ександру> Устиновичу и Порфирию Ивановичу <...> высылаю их» (см. стр. 168) и А. У. Порецкому от 8 (20) января 1871 г.: «Я сейчас написал добрейшему Порфирию Ивановичу Ламанскому...» (см. стр. 171). Содержание этого письма см. в письме Достоевского А. У. Порецкому (см. стр. 171—172).

270. Н. И. СОЛОВЬЕВУ

Конец февраля ст. ст. 1871. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 25 февраля (9 марта) 1871 г.: «Получил приглашение сотрудничать (в журнале «Беседа». — *Ред.*) ‹...› отвечал...» (см. стр. 182), а также в ответном письме Н. И. Соловьева Достоевскому от 4 апреля 1871 г.: «Не могу передать Вам ‹...›, — писал Соловьев, — какое освежающее душу впечатление произвело на меня Ваше письмо ‹...› Вашему согласию на сотрудничество они в высшей степени рады» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.125). «Они» — А. И. Кошелев, С. А. Юрьев, А. Н. Майков.

271. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

Конец февраля—начало марта 1871. Дрезден

Упоминается в письме секретаря редакции журнала Н. Дюбюка Достоевскому от 10 марта 1871 г. из Москвы: «...Редакция „Русского вестника“ при сем препровождает 30 ‹...›* рубл‹ей› русскими кредитными билетами. Относительно же другой тысячи рублей, о которой Вы упоминаете в Вашем письме, Редакция считает своим долгом предуведомить Вас, что по теперешним соображениям она, к своему сожалению, едва ли будет иметь возможность...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20). В письме же А. Н. Майкову от 25 февраля (9 марта) Достоевский писал: «...рискну написать в „Р‹усский› вестник“» (см. стр. 181).

272. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

16 (28) апреля 1871. Висбаден

Упоминается в следующем письме Достоевского жене, написанном в этот же день: «...сходил домой и написал тебе ответ (подлое письмо и жестокое; я же в нем почти упрекаю тебя)» (см. стр. 197).

273. М. Н. КАТКОВУ

Около 21 апреля (3 мая) 1871. Дрезден

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 21 апреля (3 мая) 1871 г.: «Пишу Каткову особую и большую просьбу ускорить присылку и объясняю почему» (см. стр. 205).

274. СТРАХОВОЕ ПИСЬМО НА ИМЯ В. И. ГУБИНА

Около 8 (20) мая 1871. Дрезден

Упоминается в письмах Достоевского Губину от 8 (20) мая 1871 г.: «Теперь посылаю Вам письмо страховое...» (см. стр. 209) и Губина Достоевскому от 3 октября 1871 г. В последнем Губин писал: «Извещаю Вас, что вследствие поручения А. Н. Майкова сделал в здешнем почтамте письменное заявление о востребовании Вашего страхового письма из Дрездена сюда обратно» (см. стр. 474).

---

* Здесь и далее отточием в угловых скобках отмечены поврежденные места текста.

275. А. П. МИЛЮКОВУ

Середина августа 1871. Петербург

Упоминается в ответном письме Милюкова Достоевскому от 21 августа 1871 г. В нем Милюков писал: «Кошелев на предложенные Вами условия не согласился: ему желалось бы получить статью к началу журнала. Жалею, что не мог услужить Вам» (*ГБЛ*. ф. 93, II.6.93). Упоминаемый в письме «журнал» — «Беседа».

276. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

Начало сентября 1871. Петербург

Упоминается в письме Н. А. Любимова от 10 сентября 1871 г. Извещая Достоевского о том, что в «вышедшую сегодня книжку» журнала «Бесы» не включены, он писал: «Это даст Вам более времени, тем более что Вы предполагаете следующий кусок дать большой кусок,* и, следовательно, если бы то, что ныне находится в редакции, было напечатано, Вы, возможно, не успели бы к концу месяца» (*ГБЛ*, ф. 93, 11.6.33).

277. Н. А. ЛЮБИМОВУ

Середина сентября 1871. Петербург

Упоминается в ответном письме Любимова Достоевскому от 21 сентября 1871 г. из Москвы: «Очень бы хотелось выдать сентябрьскую книжку „Вестника" поскорее. Но из Вашего письма усматриваем, что ранее 30 сентября высылки конца 6 главы не последует. Конечно, для успеха романа важно давать поболее зараз, но и срочность выхода имеет большое значение...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33).

278. Н. А. ЛЮБИМОВУ

Конец сентября 1871. Петербург

Ответ на письмо Любимова от 21 сентября. Любимов спрашивал у Достоевского: «Не найдете ли Вы возможным поместить в этой ‹сентябрьской, — *Ред.*› книжке набранные уже главы, а 5-ую и 6-ую отложить до октября и дать побольше. Или, по крайней мере, ограничиться 5-ою главою, если это можно без большого ущерба интереса. Разрешите, пожалуйста, наши сомнения и известите поскорее, как Вы намерены сделать и считали ли бы необходимым поставить в первом номере и шестую главу. Не затруднит ли это заготовление и следующего к октябрю» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33). Достоевский ответил на это письмо, и далее печатание «Бесов» шло без перерыва по октябрьскую и ноябрьскую книжки (см. наст. изд., т. XII, стр. 159).

279. В. И. ГУБИНУ

29 октября 1871. Петербург

Упоминается в ответном письме Губина от 31 октября 1871 г. Он писал: «Спешу отвечать на письмо Ваше от 29 октября...» (см. стр. 474). См. также примеч. 19 к письму 427.

---

* *Так в подлиннике.*

280. А. А. РОМАНОВУ (наследнику)

Осень 1871—первая половина января 1872. Петербург

Упоминается в письме Достоевского А. А. Романову от 28 января 1872 г. (см. письмо 439, примеч. 1 и 2).

281. В. М. ИВАНОВОЙ

Январь 1872. Петербург

Упоминается в письме Достоевского С. А. Ивановой от 4 февраля 1872 г. Достоевский «повторяет» здесь свою просьбу нанять ему дачу под Москвой. В письме к В. М. Ивановой от 20 апреля 1872 г. Достоевский вновь вспоминает о своей просьбе: «Я всё ждал хоть какого-нибудь ответа на мое письмо, то есть не то, что дача нанята, а хоть о том, что ты постараешься об этом...» (см. стр. 234).

282. Н. А. ЛЮБИМОВУ

Начало марта 1872. Петербург

Ответом на это недошедшее письмо (в нем Достоевский излагает свои соображения по поводу публикации окончания романа «Бесы») является письмо Любимова Достоевскому от 14 марта 1872 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33; отрывок опубликован: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 210).

283. Н. А. ЛЮБИМОВУ

7 апреля 1872. Петербург

Упоминается в письме Любимова Достоевскому от 13 апреля 1872 г.: «На письмо Ваше от 7 апреля спешу ответить...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33; отрывок опубликован: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 210—211).

284. П. В. ТРЕТЬЯКОВУ

Первая половина апреля 1872. Петербург

Упоминается в письме Третьякова Достоевскому от 15 апреля 1872 г.: «Душевно благодарен Вам за Ваше доброе согласие. Вышло так, что когда получил я Ваше письмо, то избранный мною художник В. П. Перов не мог уже поехать в Петербург по разным обстоятельствам...» (*ЛН*, т. 86, стр. 120). Датируется на основании сопоставления этого письма с письмом Третьякова Достоевскому от 31 марта 1872 г., в котором содержится просьба о разрешении заказать художнику портрет Достоевского (см. там же).

285—286. И. И. РУМЯНЦЕВУ

20-е числа (до 27) мая 1872. Петербург

Два недошедших письма Достоевского упоминаются в его письме к А. Г. Достоевской от 27 мая 1872 г.: «Вообрази: священник еще не получил моего второго письма» (см. стр. 238). 15 мая 1872 г. Достоевские

выехали из Петербурга в Старую Руссу, где провели первое лето, сняв дачу у Румянцева. К этому времени относится знакомство писателя с Румянцевым. В 20-х числах мая Достоевские выехали в Петербург в связи с необходимостью сделать дочери операцию. Очевидно, Достоевский информировал Румянцева из Петербурга о состоянии дочери.

287. Н. А. ЛЮБИМОВУ

13—14 июля 1872. Старая Русса

Упоминается в письме Достоевского Любимову от 19 июля 1872 г.: «Сегодня я выслал в редакцию пятую (большую) главу 3-й части моего романа (21 полулисток). Это не то, что я Вам обещал выслать в последнем письме (дней пять тому назад)...» (см. стр. 251). Речь идет о романе «Бесы».

1873

288. В. И. ГУБИНУ

4—5 января 1873. Петербург

Упоминается в письме Губина Достоевскому от 5 января 1873 г., в котором сообщалось, в частности, о полученном от писателя письме: «Не успел я получить от Вас письмо и повестку...» (*ИРЛИ*, № 29685; частично опубликовано: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 203).

289. И. И. БОГДАНОВУ

Начало (до 4 февраля) 1873. Петербург

4 февраля 1873 г. Богданов писал Достоевскому: «Возвращая мне первую статью («Плотники, этюд»), Вы выразили готовность уделять место на столбцах „Гражданина" другим моим работам...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.105). Официальный характер письма Богданова позволяет предположить, что он не был знаком с Достоевским и что согласие напечатать «этюд» «Плотники» было дано ему Достоевским в письме.

290. В. В. ЧЕХОВИЧУ

Между 7 и 11 февраля 1873. Петербург

Упоминается в письме Чеховича Достоевскому от 11 февраля 1873 г. (*ИРЛИ*, № 29895). В письме Достоевского содержалась просьба о замене старого векселя новым и уменьшении суммы долга, подлежащей немедленной уплате. Датируется на основании сопоставления писем Чеховича Достоевскому от 7 и 11 февраля.

291. П. А. КОЗЛОВУ

Около 20 февраля 1873. Петербург

Упоминается в письме Козлова Достоевскому от 20 февраля 1873 г.: «Получил Вашу записку и спешу Вас уведомить, что я согласен на условия редакции, хотя было бы лучше помещать „Ночи" одну за другой, —

но что же делать, если накопившийся материал не позволяет этого» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.84; опубликовано в сокращении: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 211). Речь идет о публикации в «Гражданине» поэмы А. де Мюссе «Ночи» в переводе Козлова.

292. А. А. ШКЛЯРЕВСКОМУ

Начало марта 1873. Петербург

Упоминается в письме Шкляревского Достоевскому от 8 марта 1873 г.: «Он (В. П. Мещерский. — *Ред.*) пишет мне, что ответ мне не последовал потому, что рукопись моя была отдана Вам на прочтение; Вы же уведомляете, что „никогда не видали ее в глаза и понятия о ней до сих пор не имеете“» (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.146; опубликовано в сокращении: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 212).

293. В. С. ГЛИНКЕ

Март (до 27-го) 1873. Петербург

Упоминается в письме Глинки Достоевскому от 27 марта 1873 г.: «Вы справедливо заметили, что название, взятое из пословиц, непригодно, а потому, если при прочтении этой статьи под заглавием „На все время и все па время“ опа окажется „удобной“ для „Гражданина“, тогда озаглавьте статью мою „Сибиряк“» (*ИРЛИ*, № 29676). В письме Достоевскому от 20 апреля 1873 г. Глинка снова интересуется судьбой своей статьи: «У меня флюс, и сам прийти в редакцию не могу, а потому извините, что надоедаю Вам вопросами: что статья моя под названием: „На все время и все на время“, которая, если годна для печати, тогда переименовать: „Сибиряк“» (там же). Очевидно, статья посылалась в редакцию почтой, а предложение переменить заглавие было сделано Достоевским в письме.

294. Б. Б. ПОЛЯКОВУ

20—21 июня 1873. Петербург

Упоминается в письме Достоевского А. Г. Достоевской от 22 июня 1873 г.: «Я тотчас написал Полякову, но вчера же встретил его у Полицейского моста, письма моего еще он не получил...» (см. стр. 270).

295. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

Июнь (после 10-го) 1873. Петербург

Упоминается в письме Мещерского Достоевскому от 1 июля 1873 г.: «Получил Ваше письмо, милейший Федор Михайлович; только из него узнал о постигшей Вас из-за меня участи; простите великодушно два дня ареста!» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.77; опубликовано частично: *Д, Письма*, т. III, стр. 306—307). 11 июня 1873 г. над Достоевским состоялся суд за публикацию в «Гражданине» (1873, 29 января, № 5) статьи В. П. Мещерского «Киргизские депутаты в С.-Петербурге», напечатанной без разрешения министра двора. Суд приговорил Достоевского к штрафу в 25 руб. и к аресту на военной гауптвахте на два дня (см. примеч. 4 к письму 476).

296. И. Г. СНИТКИНУ

5 июля 1873. Петербург

Упоминается в письме Достоевского А. Г. Достоевской от 5 июля 1873 г.: «И, однако, может быть, надо будет поделиться (деньгами. — *Ред.*) с Ив‹аном› Гр‹игорьевиче›м, к которому я послал уже письмо, что приехал...» (см. стр. 274). Достоевский вернулся в Петербург из Старой Руссы 5 июля 1873 г.

297. И. И. РУМЯНЦЕВУ

6 июля 1873. Петербург

Упоминается в письмах Достоевского А. Г. Достоевской от 5 июля 1873 г.: «...завтра пошлю на имя Румянцева тебе 100 руб. ‹...› В конверте же ему будет коротенькая записочка, чтоб передать тебе деньги» (см. стр. 274) и от 10 июля 1873 г.: «Я послал тебе и деньги, которые ты теперь, когда дойдет это письмо, уже наверно получила» (см. стр. 275).

298. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

Между 20 и 23 июля 1873. Петербург

Упоминается в письмах Достоевского А. Г. Достоевской от 20 июля 1873 г.: «Сегодня же отвечу ему (В. П. Мещерскому. — *Ред.*) так резко, что оставит вперед охоту читать наставления...» (см. стр. 280) и от 23 июля 1873 г.: «Мещерскому на его грубое письмо я отлично ответил — без задору, ровно, строго, прямо» (см. стр. 282).

299. Д. Д. КИШЕНСКОМУ

Между 12 и 27 июля 1873. Петербург

Упоминается в письме Кишенского от 27 июля 1873 г.: «Ваше письмо меня глубоко разочаровало насчет моей драмы...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.73; опубликовано с сокращениями: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 213). Драма «Падение» была послана Кишенским Достоевскому 12 июля 1873 г. (см.: *ИРЛИ*, № 29741). Существовали и другие письма Достоевского Кишенскому за июнь—август 1873 г., содержавшие отзывы о пьесах Кишенского, — о них писатель вспоминает в письме Кишенскому от 5 сентября 1873 г. Подробнее о взаимоотношениях Достоевского и Кишенского см.: А. В. Архипова. Достоевский и Кишенский. — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 199—207.

300. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

Первая половина августа 1873. Петербург

Упоминается в письме Мещерского Достоевскому от 19 августа 1873 г.: «Получил Ваше письмо, милейший Федор Михайлович, с приложениями» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.77).

301. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

16 августа 1873. Петербург

Телеграмма

Упоминается в письме Достоевского А. Г. Достоевской от 19 августа 1873 г.: «Вскочил с кровати, приготовил телеграмму, оделся и снес ее в телеграф, благо в двух шагах, и сдал без 10 минут 6 часов, рассчитывая, что если б ты и сегодня, 16-го, ехать захотела, то всё еще тебя телеграмма может застать в Руссе и остановить поездку» (см. стр. 292—293). Об этой телеграмме упоминает также А. Г. Достоевская в письме к мужу от 16 августа 1873 г. (см.: *Достоевский, Переписка с женой*, стр. 89).

302. Е. А. БЕЛОВУ

20-е числа августа (до 23-го) 1873. Петербург

Упоминается в письме Белова Достоевскому от 24 августа 1873 г.: «Прошу извинения, многоуважаемый Федор Михайлович, что я вчера не ответил на Ваше письмо...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.77; опубликовано в сокращении: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 212—213). Из этого несохранившегося письма Белов приводит следующие фразы Достоевского: «Неужели Вы меняете людей, как сапоги?» и «Вы можете смеяться над идеей моей о прежних отношениях и совершенно их отрицать» (там же, стр. 213).

303. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

16 сентября 1873. Петербург

Недошедшая записка Мещерскому была написана Достоевским одновременно с запиской М. А. Александрову, датированной И. С. Зильберштейном 16 сентября 1873 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 133): «Люб‹езный› Александров ‹...› Прошу Вас *очень* доставить прилагаемую при сем записку князю. Очень *нужное*» (см. стр. 303).

304. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

4—6 октября 1873. Петербург

Упоминается в письме Достоевского М. А. Александрову от 4—6 октября 1873 г.: «Прилагаю письмо к князю ‹...› Письмо поручаю Вам и прошу Вас доставить ему *немедленно* и, если можно, лично» (см. стр. 305).

305. В. И. ПРИБЫТКОВОЙ

20-е числа (до 25-го) октября 1873. Петербург

Упоминается в письме Прибытковой от 26 октября 1873 г. из Москвы, являющемся ответом на отказ Достоевского поместить ее статью «Болезнь нашего времени» в «Гражданине»: «Милостивый государь Федор Михайлович! Не умею скрыть, как сильно огорчило меня сейчас полученное письмо Ваше. До сегодня я все еще не теряла надежды на успех...» (*ИРЛИ*, № 29826). На конверте штемпели: «Москва. 27 октября 1873»; «Петербург. 28 октября 1873».

306. В. М. КАЧЕНОВСКОМУ

Конец января 1874. Петербург

Упоминается в письме Каченовского Достоевскому от 31 января 1874 г.: «Получив сейчас письмо Ваше и повестку. я спешу принести Вам глубокую благодарность за Ваше внимание» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.56).

307. И. А. ГОНЧАРОВУ

Между 11 и 14 февраля 1874. Петербург

Датируется на основании писем Гончарова Достоевскому от 11 и 14 февраля 1874 г. В первом из них Гончаров полемизирует с Достоевским по поводу образа «священника-ухаря» в «Маленьких картинках» — очерке Достоевского, написанном им для сборника «Складчина» (см.: *Гончаров*, т. VIII, стр. 456—458). Во втором письме, явившемся ответом на недошедшее письмо Достоевского, Гончаров продолжает спор с ним о типе и типическом, касаясь того же образа (см. там же, стр. 459—461).

308. А. ШУТТЕНБАХУ

Март 1874. Петербург

Упоминается в письме Шуттенбаха Достоевскому от 23 марта 1874 г. (*ИРЛИ*, № 29905; опубликовано в сокращении: *Ланский, Утраченные письма*, стр. 220), содержащем благодарность за сочувствие и «бескорыстную» помощь Достоевского.

309. Н. А. НЕКРАСОВУ

Сентябрь—первая декада октября 1874. Петербург

Упоминается в письме Некрасова Достоевскому от 12 октября 1874 г.: «Я очень рад, что Вы откликнулись, глубокоуважаемый мною Федор Михайлович. После летнего кочевья недавно я оседло водворился в Петербурге и подумывал уже отправиться в дом Сливчанского, как пришло Ваше письмо» (*Некрасов*, т. XI, стр. 335). С начала июня 1874 г. Некрасов переехал на дачу в Чудовскую Луку Новгородской губернии. Вернулся в Петербург в начале сентября (см.: Н. С. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.—Л., 1935, стр. 443, 446).

310. П. СМИРНОВУ

Начало ноября (до 4) 1874. Петербург

Упоминается в письме Смирнова Достоевскому от 5 ноября 1874 г.: «А вчера Александр Федорович (Базунов. — *Ред.*) передал мне Ваше письмо» (*ИРЛИ*, № 29805; опубликовано: *Ланский, Утраченные письма* (стр. 214).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ [1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

С 23 января 1869 г. по 31 декабря 1874 г.

1869. Флоренция — 23 января (4 февраля)—20-е числа июля ст. ст. Отъезд в Прагу.
Венеция — 20-е числа июля ст. ст. (два дня).
Болонья—Триест — конец июля ст. ст.
Вена — конец июля ст. ст.—начало августа ст. ст. (два дня).
Прага — начало августа ст. ст. (три дня).
Дрезден — 5 (17) августа—декабрь.
1870. Дрезден — январь—16 (28) апреля.
Гомбург — 17 (29) апреля—20-е числа апреля ст. ст.
Дрезден — 20-е числа апреля ст. ст.—декабрь.
1871. Дрезден — январь—середина апреля ст. ст.
Висбаден — середина апреля ст. ст.—19 апреля (1 мая).
Дрезден — 20 апреля (2 мая)—6 (18) июля. Отъезд в Россию.
Петербург — 8 (20) июля—конец июля.
Москва — конец июля—начало августа.
Петербург — начало августа—конец декабря.
Москва — конец декабря.
1872. Москва — начало (до 7—11) января.
Петербург — около 8—12 января—15 мая.
Старая Русса — около 16—19 мая — около 21—22 мая.
Петербург — около 22—23 мая—26 мая.
Старая Русса — 27 мая—начало сентября.
Петербург — начало сентября—декабрь.
1873. Петербург — январь—19 мая.
Москва — 20 мая—конец мая.
Петербург — конец мая—середина июня.
Старая Русса — около 17—до 20 июня.
Петербург — 21—30 июня.
Старая Русса — 1—4 июля.
Петербург — 5—15 июля.
Старая Русса — 16—18 июля.
Петербург — 19 июля—4 августа.
Старая Русса — 5—9 августа.
Петербург — 10 августа—декабрь.
1874. Петербург — январь—24 апреля.
Москва — 25 апреля—конец апреля.
Петербург — конец апреля—1 мая.
Старая Русса — 2 мая—4 июня.
Петербург — 5—7 июня.
Берлин — 9—10 июня.
Эмс — 11 (23) июня—27 июля (8 августа).
Женева—Берлин — 27 июля (8 августа)—конец июля (10-е числа августа).
Петербург — 30—31 июля.
Старая Русса — 1 августа—декабрь.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Печатные источники

Александров — М. А. Александров. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг. — «Русская старина», 1892, № 4, стр. 177—207; № 5, стр. 293—356.
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. 1).
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Волоцкой — М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевских. 1506—1933. М., 1933.
Вр — «Время» (журнал).
Г — «Голос» (газета).
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР, М., 1954—1966.
Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М., 1937—1952.
Гозенпуд — А. Гозенпуд. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Исследование. «Советский композитор», Л., 1981.
Гончаров — И. А. Гончаров. Собрание сочинений, тт. I—VI. Гослитиздат, М., 1959—1960.
Гр — «Гражданин» (журнал).
Гроссман, Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. «Academia», М.—Л., 1935.

Д — «Дело» (журнал).

Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.

Д, Переписка с женой — Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. «Наука», М., 1979.

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.

Д, Письма к жене — Письма Ф. М. Достоевского к жене. Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. ГИЗ, М.—Л., 1926.

Дело петрашевцев — Дело петрашевцев, тт. I—III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1951.

Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. I—IX. Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.

Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. «Советский писатель», М.—Л., 1963.

Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевская, Л. Ф. — Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Пер. с нем. Л. Я. Круковской. Под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.

Достоевский в воспоминаниях. — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. «Художественная литература», М., 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. «Наука», Л., 1971.

З — «Заря» (журнал).

Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., тт. I—IX. «Academia»—Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

Ильин — Н. Ильин. Достоевский в споре за куманинское наследство. — В кн.: Звенья, т. IX. Госкультпросветиздат, М.—Л., 1951, стр. 547—559.

Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы — В. Я. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. «Художественная литература», М., 1966.

Кирпотин, Достоевский и Белинский — В. Я. Кирпотин. Достоевский и Белинский. «Художественная литература», М., 1976.

Коншина — Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подгот. к печати Е. Н. Коншиной. Коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. «Academia», М.—Л., 1935.

Короленко — В. Г. Короленко. Собрание сочинений, тт. I—X. Гослитиздат, М., 1953—1956.

Ланский. Утраченные письма — Л. Ланский. Утраченные письма Достоевского. — ВЛ, 1971, № 11, стр. 196—222.

Лесков — Н. С. Лесков. Собрание сочинений, тт. I—XI. Гослитиздат, М., 1956—1958.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—94. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1931—1983. Издание продолжается.

Майков — А. Н. Майков. Избранные произведения. «Советский писатель», Л., 1977.

А. Н. Майков, Письма к Ф. М. Достоевскому — Н. Ашимбаева. Письма А. Н. Майкова к Достоевскому (1868—1870). — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. «Наука», Л., 1984, стр. 60—98.

Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования, тт. I—VI. «Наука», Л., 1974—1984. Издание продолжается.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

МГ — «Минувшие годы» (журнал).

Милюков — А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.
Натова — Н. А. Натова. Ф. М. Достоевский в Бад Эмсе. Франкфурт-на-Майне, 1971.
НВр — «Новое время» (газета).
Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. «Наука», М., 1972.
Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. «Наука», М., 1975.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы АН СССР).
Островский — А. Н. Островский. Полное собрание сочинений в двенадцати томах, тт. I—XII. «Искусство», М., 1973—1980.
ПВ — «Правительственный вестник» (газета).
РА — «Русский архив» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РВед — «Русские ведомости» (газета).
Рейнус — Л. М. Рейнус. Достоевский в Старой Руссе. «Лениздат», Л., 1969.
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
Розенблюм — Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. — В кн.: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. «Наука», М., 1971, стр. 9—92 (Литературное наследство, т. 83).
РС — «Русская старина» (журнал).
РСл — «Русское слово» (журнал).
РСовр — «Русский современник» (журнал).
С — «Современник» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XX. «Художественная литература», М., 1965—1977.
Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник 1. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Пб., 1922.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Л.—М., 1924.
СВ — «Северный вестник» (журнал).
Список — Список несохранившихся и ненайденных писем.
Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке, тт. I—V. СПб., 1911—1913.
Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959 (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).
Творчество Достоевского, 1921 — Творчество Ф. М. Достоевского. 1821—1881—1921. Сборник статей и материалов. Под ред. Л. П. Гроссмана. Всеукргиз, Одесса, 1921.
Толстовский музей — Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Пб., 1914 (Толстовский музей, т. II).
Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. I—XC. ГИЗ—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1964.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.

Фридлендер, Эстетика Достоевского — Г. М. Фридлендер. Эстетика Достоевского. — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. «Художественная литература», М., 1972, стр. 97—164.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1939—1953.

Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

Э — «Эпоха» (журнал).

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1869

1870

1871

1872

1873

1874

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

Тексты подготовили и примечания составили:

А. В. АРХИПОВА, А. И. БАТЮТО, И. А. БИТЮГОВА,
Н. Ф. БУДАНОВА, Т. И. ОРНАТСКАЯ, И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редакторы XXIX тома, кн. 1

Г. Я. ГАЛАГАН, Е. И. КИЙКО, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXIX, кн. 1

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Е. А. Гинстлинг, Э. Н. Липпа* и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 28.01.86. Подписано к печати 30.04.86. Формат 60×90 1/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 36. Усл. кр.-от. 37.06. Уч.-изд. л. 42.35. Тираж 55 000. Тип. зак. № 111. Цена 4 р. [illegible]0 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука», Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.